Геллькальдъ.

ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ.

При участіи профессоровъ: Гааза, Бюхнера, Лефмана, Хорна, Гольма, Генне-амъ-Рина, Людвига Гейгера, Филиппсона и др.

АНТИЧНАЯ КУЛЬТУРА

Томъ 2.

Переводъ подъ редакціей д-ра философіи М. Филиппова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, № 12.
1899.

У Книгопродавца В. И. Губинскаго.

ДОБРЫМЪ ДѢТЯМЪ. Разсказы для младшаго возраста, съ раскрашенными рисунками. Соч. А. В. Круглова, въ папкѣ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к. Имя
А. В. Круглова, какъ дѣтскаго писателя, хорошо извѣстно всѣмъ семьямъ, гдѣ есть подрастающія
дѣти. Въ настоящей книгѣ собраны разсказы, въ числѣ которыхъ особенный интересъ представляютъ
воспоминанія автора о его раннемъ дѣтствѣ. Разсказъ „Панько Кившенко" рисуетъ бытъ чумаковъ
со всѣми его характерными особенностями. Очень живо написаны посвященные природѣ Крыма очерки:
„Благодатный уголокъ" и „Жемчужина Тавриды". Переводный рождественскій разсказъ, въ которомъ
рисуется жизнь золотоискателей, одинъ изъ лучшихъ въ этомъ сборникѣ. Вышеуказанная книга
иллюстрирована хромолитографированными рисунками, что также должно отнести къ числу ея досто-
инствъ. Издана она въ высшей степени изящно и чисто и къ наступающему празднику Пасхи можетъ
быть прекраснымъ подаркомъ для дѣтей. (Отз. журн. „Родина").

„МОИМЪ ДРУЗЬЯМЪ". Разсказы для дѣтей младшаго и старшаго возраста. Соч. Антонины Бѣлозоръ, съ рисунками, 2-ое изданіе 1894 г. Цѣна въ
папкѣ 1 р. 50 к. На дняхъ вышла книжка „Моимъ друзьямъ" г-жи Бѣлозоръ. Это сборникъ разсказовъ
для дѣтей младшаго и старшаго возраста, разсказовъ очень интересныхъ, содержательныхъ и очень
мило иллюстрированныхъ. Въ ряду дѣтскихъ хорошихъ изданій книжка г-жи Бѣлозоръ, безъ сомнѣнія,
должна занять видное мѣсто и мы рекомендуемъ ее вниманію родителей. Книжка издана изящно:
шрифтъ четкій, крупный, нѣкоторыя иллюстраціи просто прелестны (напримѣръ, дѣвочка съ кроликомъ,
дѣвочка съ полишинелемъ и др.).
(„Новое Время", № 6357).

СОБРАНІЕ СКАЗОКЪ. Съ картинами. 2-ое изданіе. Сочин. В. Гауфа. Перев. подъ ред. В. Зотова. Большой томъ красиво изданный. Ц. 1 р. 50 к.

ДѢТСТВО и ЮНОСТЬ ВЕЛИКИХЪ ЛЮДЕЙ. (Важнѣйшіе эпизоды и выдающіяся приключенія въ
ихъ жизни). Соч. Л. Колэ. 430 стр., съ 57 рисунк., переводъ съ 12-го французскаго изданія С. Майковой.
Спб. 1895 г. Цѣна 1 р. Семейныя условія, какъ вообще и вся домашняя обстановка, при какихъ росъ
и развивался тотъ и другой изъ знаменитыхъ людей, постоянно возбуждаютъ въ насъ болѣе или
менѣе сильное любопытство: насъ невольно интересуетъ характеръ, привычки, взгляды и понятія какъ
отца, такъ и матери будущаго великаго человѣка;—намъ пріятно знать, въ какой именно средѣ протекли
годы его дѣтства, отрочества и первой юности;—пріятно видѣть его то баловнемъ какой-либо доброй
старшей сестры, то любимцемъ брата, и сами мы, со своей стороны, невольно удѣляемъ частичку
нашего сочувствія и восхищенія родителямъ, окружавшимъ его своими нѣжными заботами, любовью и
ласками. Предлагая нашимъ юнымъ читателямъ нѣсколько разсказовъ изъ дѣтства и отрочества
нѣкоторыхъ знаменитыхъ людей, мы льстимъ себя надеждою, что они будутъ прочтены ими не безъ
удовольствія.

„ЗВѢЗДОЧКА". Разсказы для маленькихъ дѣтей, съ раскрашенными рисунками. Соч. Л. Шелгуновой, въ папкѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 руб. Хотя эти разсказы предна-
значены авторомъ для маленькихъ дѣтей, но они, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляютъ интересъ и для
дѣтей средняго возраста. Задушевный тонъ разсказовъ выдержанъ отъ начала до конца. Особенно
хороши разсказы изъ жизни животныхъ: „Кудлашка", „Муха", „Медвѣдь и Журавль". Всѣ они иллюстри-
руютъ мысль, что добро можетъ привязать къ человѣку каждое животное. Очень живо и интересно
написаны разсказы изъ морской жизни: „На холодномъ югѣ" и „Жизнь за жизнь". Маленькіе читатели
не безъ удовольствія прочтутъ въ первомъ изъ нихъ о приключеніяхъ небольшой колоніи, занесенной
океаномъ послѣ кораблекрушенія къ таинственнымъ льдамъ южнаго полюса (Отз. жур. „Родина").

„ВЪ ЧАСЫ ОТДЫХА". Разсказы для дѣтей въ прозѣ и стихахъ А. В. Круглова. Спб. 1892 г. Кругловъ, какъ дѣтскій писатель, достаточно
извѣстенъ, и его книги имѣютъ солидный успѣхъ въ кругу юныхъ читателей. Въ новой книгѣ этой
собраны очень интересныя, преимущественно бытовыя вещицы, не замысловатыя по сюжету, но хорошія
по выполненію. Книга издана чисто, съ раскрашенными картинками, въ красивой папкѣ. Цѣна 1 руб.

ДОНЪ-КИХОТЪ ЛАМАНЧСКІЙ. Новое иллюстрированное изданіе, 764 рис. Соч. Мигуэль Сервантеса Сааведры. Переводъ съ испанскаго
В. Карелина, исправленный и дополненный В. Зотовымъ, съ приложеніемъ критическаго этюда Каре-
лина „Донъ-Кихотизмъ" и „Демонизмъ", въ 2 громадныхъ томахъ, напечатанныхъ на прекрасной веле-
невой бумагѣ, 1135 страницъ, съ 764 иллюстраціями. С.-Петербургъ, 1895 г. Ц. 5 руб., съ перес. 6 руб.

ДОНЪ-КИХОТЪ ЛАМАНЧСКІЙ. Изданіе подъ редакціею М. Б. Чистякова, 3-е изданіе. Съ 100 рисунками. 1896 г. Ц. 1 р. **Содер-
жаніе:** Предисловіе, объясняющее значеніе сочиненія Сервантеса.—Семейство Донъ-Кихота.—Отправле-
ніе.—О посвященіи въ рыцари.—О случаѣ въ гостинницѣ.—Несчастіе.—Второй отъѣздъ.—Борьба съ
мельниками.—Замокъ.—Шлемъ.—Освобожденіе.—Горы.—Принцесса Микомика.—Донъ-Кихотъ въ клѣткѣ.—
Санхо-Пансо.—Новыя приключенія.—Дульцинея.—Рыцарь зеркалъ.—Приключенія пастуха.—Прекрасная
охотница.—Важныя событія.—О чарахъ Дульцинеи.—Губернаторство Санхо.—Донъ-Кихотъ дѣлается
пастухомъ.—Ночное приключеніе.—Возвращеніе.

РОБИНЗОНЪ КРУЗО МЛАДШІЙ. Соч. Камне (Для дѣтей). Переводъ Н. Х. Весселя, съ раскрашенными картинами, въ папкѣ (большой
томъ). Спб. Ц. 1 руб. 50 коп.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Красиво изданный томъ боль-
шого формата, съ великолѣпными рисунками. Вполнѣ можетъ составить прекрасный подарокъ для
всякаго возраста и образованія. Ц. въ красивой папкѣ 4 руб.—за 1 р. 25 к.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ШКОЛА. Сочиненіе М. Θ. Ростовской (Для дѣтей). Исторія открытія сельской школы М. Θ. Ростовской. Съ 100 рисунками и
заставками художника Р. Штейна и др., 4-ое изданіе. Спб. 1895 г. Цѣна 1 руб. 75 коп. (Большой томъ).

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА. Зима, Весна, Лѣто и Осень. Разсказы изъ деревенскаго быта. 2) Свѣтъ не безъ добрыхъ людей, повѣсть. Барыш-
ня и горничная. — Истинная дружба. — Вдова. — Елка. — Семейство слесаря. — Лаврентій ропщетъ.—
Крестины.—У Лаврентія открываются глаза. — Смерть. — Похороны. — На могилѣ. Съ раскрашенными
рисунками, 234 стр. въ папкѣ. Ц. 1 р.

ГЕЛЛЬВАЛЬДЪ.

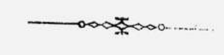
ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ.

При участіи профессоровъ: Гааза, Бюхнера, Лефманна, Хорна, Гольма, Генне-амъ-Рина, Людвига Гейгера, Филиппсона и др.

Античная культура

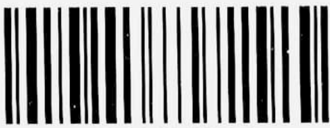
(2)

Переводъ подъ редакціей д-ра философіи **М. Филиппова.**



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. А. Пороховщикова, Бассейная, 3—5.
1898.

Дозволено цензурою Спб. 5 Января 1898 г.



Греки.

(*Составилъ профессоръ Адольфъ Гольмъ* [1]).

Культура, извѣстная намъ и цѣнимая нами подъ именемъ античной, имѣетъ основаніемъ греческую культуру. Эта послѣдняя еще и до сихъ поръ является однимъ изъ факторовъ, опредѣляющихъ наше развитіе. Какъ извѣстно, римляне усвоили ее съ ничтожными измѣненіями и такимъ образомъ создалась греко-римская культура, господствовавшая надъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ. Въ средніе вѣка, правда, многое было утрачено изъ этой культуры, однако, дважды пришлось испытать ея вліяніе, однажды въ эпоху Карла Великаго, а въ другой разъ, когда арабы спасли, находившуюся въ пренебреженіи у христіанъ, греческую философію и естествознаніе, передавъ ихъ европейцамъ. Но затѣмъ наступило настоящее возрожденіе античнаго просвѣщенія въ XV столѣтіи, которое на первый разъ опиралось еще преимущественно на Римъ; но въ концѣ прошлаго столѣтія, на мѣсто римлянъ явились греки, ставъ снова образцами, и такимъ образомъ теперь греческая культура образуетъ, на-ряду съ религіей, основы міровоззрѣнія всѣхъ тѣхъ, кто въ состояніи подняться выше будничной матеріальной работы и мысленно возвыситься до чисто духовнаго творчества. Но если включить въ составъ культуры религію, мораль, право,—публичное, какъ и частное,—языкъ, искусство, литературу, науку и техническую сноровку, то слѣдуетъ помнить, что искусство и литература еще и теперь испытываютъ въ высшей степени существенное вліяніе древнихъ грековъ. Съ другой стороны, наше знаніе и техническая сноровка также въ значительной степени получили отъ нихъ основу,

[1]) При транскрипціи древне-греческихъ собственныхъ именъ редакція предпочла рейхлиновское произношеніе, близкое къ новогреческому. Лишь такія имена, какъ Гомеръ (вмѣсто Омиръ) напкриисаны по установившейс т ранскрипціи. Въ случаѣ надобности обычная транспція добавлена.

на которой сооружают свое зданіе. Развитіе же новѣйшихъ языковъ въ синтаксическомъ отношеніи въ высшей степени зависитъ отъ грековъ, тогда какъ относительно формъ, по крайней мѣрѣ романскіе языки значительно зависятъ отъ грековъ, черезъ посредство римлянъ. Наше право и наша мораль выработались не безъ содѣйствія положеній, установленныхъ мудрецами Греціи; христіанская религія, по крайней мѣрѣ, была передана міру впервые на греческомъ языкѣ, т. е. была сообщена посредствомъ этого языка большинству людей, впервые пришедшихъ съ нею въ соприкосновеніе. Все это даетъ намъ право на подобное разсмотрѣніе греческой культуры, насколько дозволяетъ объемъ этого труда, при чемъ, однако, мы не желаемъ впадать въ сухія перечисленія. Этимъ мы выполняемъ не простой долгъ благодарности. Познаніе одного изъ важнѣйшихъ источниковъ нашей духовной жизни необходимо принадлежитъ къ этой самой жизни, если она должна выполнить свою идеальную цѣль.

Но наше изображеніе греческой культуры должно быть историческимъ. Оно должно преслѣдовать ходъ развитія греческаго народа,—намъ должно показать, какъ греки постепенно стали тѣмъ, чѣмъ они были въ цвѣтущій періодъ своей жизни. Только такимъ образомъ можно усмотрѣть, какимъ образомъ ихъ культура, хотя сама старѣющая и дряхлѣющая, все еще могла плодотворно дѣйствовать на другія націи. Если бы рѣчь шла только объ эпохѣ наивысшаго разцвѣта націи, то эту эпоху можно было бы указать очень скоро; намъ стоило бы только описать вѣкъ Перикла, и для краткаго обзора общей исторіи культуры подобное описаніе, какъ часть великаго цѣлаго, быть можетъ, было бы достаточно. Но такимъ образомъ мы едва-ли оказались бы справедливыми къ грекамъ. Изъ того, что еще теперь дѣйствуетъ на насъ, въ области греческой культуры, многое относится къ эпохѣ до Перикла, а многое—къ послѣдующему времени. Гомеръ и Сафо древнѣе, а Платонъ и Менандръ позднѣе Перикла. Такимъ образомъ нашей задачей является описаніе не одной, но многихъ значительныхъ эпохъ. Мы должны показать, каковъ характеръ этихъ эпохъ и какъ онѣ развивались одна послѣ другой и одна изъ другой. Послѣднее, на первыхъ порахъ, удастся намъ лишь въ несовершенной степени. Вначалѣ источники текутъ такъ скудно, что намъ приходится довольствоваться знаніемъ состояній, относящихся

къ крупнымъ періодомъ времени, при чемъ мы не въ состояніи сказать, какимъ образомъ они развились и изъ какихъ зародышей. Первобытная исторія здѣсь, какъ и вообще въ младенчествѣ у всѣхъ народовъ, покрыта мракомъ, который лишь несовершеннымъ образомъ освѣщается догадками. Но по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ эпохѣ наивысшаго разцвѣта, мы вынуждены имѣть дѣло со связнымъ и легко обозримымъ теченіемъ развитія. Въ то время, какъ раньше было трудно связать между собою различныя картины, теперь, наоборотъ, становится труднымъ ставить плотины для прегражденія потока, текущаго то спокойно, то бурно, и становится почти невозможнымъ раздѣлить въ изложеніи то, что въ дѣйствительности соединено незамѣтными переходами. Мы не можемъ сдѣлать почти ничего иного, какъ только ярко освѣтить наиболѣе выдающіяся волны этой рѣки. Первоначально скудость извѣстій связываетъ намъ руки при выборѣ самого предмета изложенія. Позднѣе богатство его такъ велико, что именно оно подготовляетъ намъ величайшія затрудненія относительно выбора.

Мы говоримъ о Греціи; но въ сущности это слово, вводящее въ заблужденіе. Нѣтъ никакой строго ограниченной страны этого имени, которая включала бы въ себя весь греческій міръ,—теперь или въ прежнее время. Къ Греціи, въ культурно-историческомъ смыслѣ слова, принадлежатъ не только Спарта и Аѳины, Ѳивы и Коринѳъ, Олимпія и Ѳермопилы, но также Эфесъ и Синопъ въ Азіи, Пантикапей въ Скиѳіи, Навкратисъ и Кирена въ Африкѣ, Сиракузы и Селинунтъ въ Сициліи, Тарентъ и Неаполь въ Италіи, Массалія въ Галліи. Греція была, гдѣ жили греки, гдѣ слушали звуки греческой рѣчи, гдѣ греки сооружали стѣны и имѣли торговые дома, гдѣ на греческихъ алтаряхъ, передъ окруженными колоннами храмами, горѣли жертвенные огни для боговъ Олимпа, гдѣ греческіе художники творили изображенія боговъ и людей, гдѣ греческіе мѣнялы звенѣли на своихъ столахъ серебряными монетами, украшенными тонкимъ греческимъ чеканомъ. Греція была по берегамъ Средиземнаго моря почти всюду. Конечно, существовалъ центръ, которому мы въ особенности придаемъ названіе Греціи: южная часть Балканскаго полуострова; но также и эта Греція въ тѣсномъ смыслѣ слова была ограничена рѣзко только съ востока, юга и запада, т. е. тамъ, гдѣ ее омывало море. На сѣверѣ ея граница неопредѣленна. Ѳессалія относится къ греческому

міру, но насколько можно считать греческимъ Эпиръ, это сомнительно; а относительно принадлежности Македоніи къ Греціи, насколько рѣчь идетъ о цѣломъ народѣ, между изслѣдователями все еще нѣтъ единодушія. На востокѣ острова Эгейскаго моря принадлежатъ грекамъ; но на материкѣ Азіи опять нѣтъ опредѣленной границы; на западѣ, въ нынѣшней Италіи, мы находимъ даже Великую Грецію, но насколько она проникаетъ во внутрь, сказать трудно.

Итакъ, если съ географической точки зрѣнія для греческаго міра нѣтъ опредѣленной границы, то нельзя-ли сказать, что этотъ міръ имѣетъ опредѣленную этнографическую границу? Для этнографическаго ограниченія недостаточны имена, вродѣ дорянъ, іонянъ, эолянъ и т. д., а именно по двумъ основаніямъ: послѣднія изъ этихъ названій не обозначаютъ ничего опредѣленнаго, и племена, не принадлежащія ни къ одной изъ этихъ трехъ группъ, все же могли быть чисто греческими. Итакъ, для того, чтобы знать въ точности, кого мы вправѣ назвать греками, намъ пришлось бы имѣть свѣдѣнія о происхожденіи различныхъ народностей, живущихъ въ Греціи и на ея границахъ. А именно этого мы и не знаемъ. Для позднѣйшаго времени, конечно, достаточно признавать греками тѣхъ, которые сами себя называли *эллинами*. Но для древнѣйшихъ временъ этого признака недостаточно, потому что названіе эллиновъ тогда еще не имѣло позднѣйшаго значенія. У Гомера эллины представляютъ маленькое племя; и однако, герои Гомера, къ какому бы они ни принадлежали округу, хотя бы они и не назывались эллинами, настолько эллины, какъ только можно себѣ вообразить; даже троянцы по отношенію къ своей культурѣ не могутъ быть отдѣлены отъ грековъ: у нихъ тотъ же языкъ и та же религія. Такимъ образомъ, единственнымъ признакомъ греческаго міра для насъ, способныхъ судить лишь по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, является языкъ. Съ греками было то, что теперь говорятъ о себѣ въ извѣстной пѣснѣ нѣмцы: Греція была всюду тамъ, гдѣ звучалъ греческій языкъ и гдѣ раздавались гимны греческимъ богамъ.

Этнографическое положеніе грековъ. Греческій языкъ.

Предыдущее замѣчаніе нисколько не препятствуетъ намъ опредѣлить этнографическое положеніе грековъ среди народовъ земного шара. Наоборотъ, мы должны этимъ заняться, такъ какъ языкъ является тѣмъ средствомъ, для установленія сродства между народами, которое менѣе всего способно ввести въ заблужденіе. Правда, общеизвѣстно, что народы могутъ усвоить и такіе языки, которые имъ первоначально чужды; но, въ общемъ, родство между языками параллельно этнографическому родству. На этомъ основаніи при этомъ предположеніи, были произведены изслѣдованія различныхъ языковъ, показавшія, что греки, т. е. племена, говорившія на разныхъ греческихъ діалектахъ, принадлежали къ обширной расѣ, поселенія которой распространялись отъ Средней Азіи до Атлантическаго океана, и которая включала индусовъ, персовъ, армянъ, италійцевъ, галловъ, германцевъ, литовцевъ и славянъ, не говоря уже о племенахъ, языки которыхъ намъ въ точности неизвѣстны. Къ этимъ послѣднимъ принадлежатъ, однако, многія народности, жившія рядомъ съ греками въ Азіи и въ Европѣ. Многія изъ нихъ, очевидно, близко родственны грекамъ: таковы были фригійцы, а можетъ быть и ѳракійцы. Относительно другихъ, какъ, напр., ликійцевъ и карійцевъ, мы еще не имѣемъ почвы для сужденія о томъ, можно-ли допустить ихъ связь съ индо-европейцами, какъ можно обозначить всѣ вышеназванныя племена въ противоположность семитамъ, финнамъ и т. д. Въ настоящее время принято думать, что ликійцы и карійцы не принадлежатъ къ индо-европейской или арійской расѣ.

Греческій языкъ,—судя по предыдущему, являющійся признакомъ единства греческаго народа,—долженъ въ то же время считаться однимъ изъ важнѣйшихъ и многозначительныхъ продуктовъ греческаго духа,—единственнымъ, который, съ начала и до конца, хотя и въ разнообразнѣйшихъ формахъ, всегда стоялъ на одномъ уровнѣ высоты. На этотъ языкъ другія націи могли смотрѣть лишь съ изумленіемъ. Богатство формъ здѣсь необычайно велико, синтаксическая выработка необыкновенно тонка, такъ что малѣйшіе оттѣнки мысли могутъ быть выражены на этомъ языкѣ съ величайшей отчетливостью, а пригодность его къ стихосложенію и легкость образованія составныхъ словъ такъ велики, что немногіе другіе языки могутъ съ нимъ соперничать. Этотъ языкъ, первоначально, да и позднѣе, какъ и всякій другой, распадался на нарѣчія, на которыхъ говорили жители отдѣльныхъ мѣстностей. Нарѣчія эти подраздѣлялись на три

крупныя группы, а именно дорійскую, іонійскую и эолійскую, сообразно съ позднѣйшимъ, употребительнымъ у грековъ подраздѣленіемъ цѣлаго народа на дорянъ, іонянъ и эолянъ. Эти діалекты употреблялись, однако, не какими-либо сплошными народными массами, какъ это мы видимъ у нѣмцевъ. По-дорійски говорили въ большей части Пелопоннеса, въ Тарентѣ и въ большей части италійской Греціи, въ Сиракузахъ и въ Акрагасѣ; по-іонійски—въ Аѳинахъ и въ Милетѣ, по-эолійски—въ Віотіи, Ѳессаліи и на Лесвосѣ (Лесбосѣ). Эти діалекты порою принадлежали и такимъ народностямъ, которыя по происхожденію причислялись къ другой группѣ. Такъ, напр., дорійскіе галикарнассцы говорили по-іонійски, ахеяне въ Нижней Италіи говорили по-дорійски. Уже здѣсь обнаруживается одна изъ главныхъ особенностей грековъ: необычайное разнообразіе въ частностяхъ, при всемъ согласованіи въ общемъ, склонность къ партикуляризму, какая встрѣчается въ той же степени развѣ только у германцевъ.

Первобытная эпоха. Остатки Трои. Микены. Коринѳъ.

Греческій языкъ является очень древнимъ свидѣтельствомъ греческой культуры, но не самымъ древнѣйшимъ изъ дошедшихъ до нашего времени. Мы встрѣчаемъ его впервые у Гомера, но уже до Гомера греки прожили тысячелѣтія, идя путемъ непрерывнаго развитія; но отъ этихъ тысячелѣтій не осталось никакихъ памятниковъ языка, а только памятники пластическихъ искусствъ. Итакъ, приходится начать наше изложеніе съ краткаго очерка этихъ памятниковъ искусства. Само собою разумѣется, что здѣсь возникаетъ трудность. Если существуютъ только памятники искусства, на которыхъ нѣтъ никакихъ надписей, то какимъ образомъ можемъ мы утверждать, что именно эти произведенія слѣдуетъ приписать грекамъ, такъ какъ мы вѣдь условились опредѣлять происхожденіе только по языку? Рѣчь идетъ объ открытіяхъ, произведеннымъ въ Троѣ, въ Микенахъ, въ Тиринѳѣ и на островахъ Эгейскаго моря. Не могли-ли эти памятники, по крайней мѣрѣ отчасти, принадлежать народностямъ, имѣвшимъ съ греками не болѣе общаго, нежели мѣстность, въ которой они жили? При находкахъ, открытыхъ въ Микенахъ, многіе помышляли о карійцахъ,

которыхъ, однако, нельзя признать настоящими греками. Безъ сомнѣнія, доказательство въ пользу того, что всѣ эти произведенія были продуктами древне-греческой культуры, не могутъ быть даны такимъ образомъ, чтобы не оставить никакого сомнѣнія; но что Микены и Тиринѳъ *были* греческими культурными поселеніями, въ этомъ порукою служитъ Гомеръ, ставящій Агамемнона во главѣ ахейцевъ. Такимъ образомъ то, что найдено въ обѣихъ этихъ мѣстностяхъ, раскрываетъ намъ картину культуры, представляющую высокое значеніе къ ней, въ видѣ поясненія, примыкаютъ еще находки, обнаруженныя въ другихъ мѣстностяхъ и относящіяся къ тому же первобытному времени.

Изученіе всѣхъ этихъ памятниковъ получило въ послѣднее десятилѣтіе поразительный толчокъ. Еще четверть вѣка тому назадъ были извѣстны только Львиныя Ворота Микенъ, затѣмъ такъ называемая сокровищница Атрея, находящаяся въ томъ же мѣстѣ, далѣе стѣны Тиринѳа, да и то не въ полномъ видѣ, и нѣкоторыя другія, менѣе значительныя развалины. Въ настоящее время, благодаря энергичной и полной энтузіазма дѣятельности Генриха Шлимана, къ которому съ тѣхъ поръ примкнули и другіе археологи, найдено такое множество памятниковъ, что простое описаніе находокъ наполняетъ сотни страницъ. Какъ извѣстно, Шлиманъ началъ свои изслѣдованія на почвѣ Трои, затѣмъ онъ направилъ свою дѣятельность къ Микенамъ, Орхомену и наконецъ къ Тиринѳу, и постоянно съ колосальнымъ успѣхомъ, послѣ чего онъ вновь наконецъ обратился къ Троѣ, находя въ послѣдніе годы поддержку со стороны техническихъ свѣдѣній и необычайнаго трудолюбія своего сотрудника, Дербфельда. Научные представители Германіи, Франціи и Англіи продолжали эти изслѣдованія, а въ настоящее время Артуръ Джонъ Ивансъ, на островѣ Критѣ, нашелъ еще первобытныя письмена, правда, досихъ-поръ еще не прочитанныя. Раскопки въ Троѣ привлекли всеобщее вниманіе, прежде всего потому, что установили положеніе этого древняго царскаго города на Гиссарликѣ. Затѣмъ былъ установленъ фактъ послѣдовательнаго сооруженія семи городовъ на томъ мѣстѣ, гдѣ происходили раскопки. Наконецъ, важно было уже то, что у знатоковъ долгое время существовало сомнѣніе на тотъ счетъ, какой же въ сущности изъ этихъ семи городовъ и есть знаменитый древній городъ? Одни утверждали, что второй, другіе называли шестой. Наконецъ, поразительныя ювелирныя

работы самаго первобытнаго стиля, найденныя тамъ наряду съ глиняными сосудами своеобразнаго характера (урны, съ украшеніями въ видѣ лицъ) привели къ рѣшенію этого вопроса. Подобныя же урны были найдены и въ болѣе сѣверныхъ мѣстностяхъ. По Шлиману, здѣсь была найдена сокровищница Пріама, и эта-то сокровищница была спасена женою знаменитаго изслѣдователя и скрыта въ ея шали отъ опасной любознательности рабочихъ. Въ Микенахъ не меньшее впечатлѣніе произвело открытіе трупа Агамемнона съ золотою личною маскою. Въ настоящее время, однако, существуетъ убѣжденіе, что нельзя примѣнить имена обоихъ царей троянской войны къ находкамъ, открытымъ въ Троѣ и Микенахъ. Тѣмъ не менѣе, древнія преданія пріобрѣли новую жизнь; и теперь, во всякомъ случаѣ, извѣстно, что древняя богатая и блистательная Троя дѣйствительно существовала; существовали также еще болѣе могучія, блестящія и богатыя Микены. Если мы теперь обратимся къ настоящей Греціи, то рѣчь идетъ о двухъ городахъ, Микенахъ и Тиринѳѣ. Оба находятся въ Арголидѣ, неподалеку другъ отъ друга. Оба обозначаются въ преданіи какъ столицы; въ особенности Микены, какъ мѣстопребываніе знаменитаго Агамемнона. Микены находятся надъ сѣверо-восточнымъ краемъ равнины близъ входа въ ущелье, ведущее на сѣверъ. Если, подобно большинству путешественниковъ, ѣхать со стороны Аргивской равнины, то мы увидимъ надъ грудою мусора зданіе древняго акрополя. Но передъ нимъ, книзу, находится нижній городъ, отъ котораго сохранились лишь скудные остатки. Въ числѣ ихъ наиболѣе замѣчательны куполообразныя зданія, которыя въ древности считались сокровищницами, тогда какъ новѣйшая наука съ основаніемъ усмотрѣла въ нихъ могилы. Прекраснѣйшая и наиболѣе замѣчательная изъ нихъ, это такъ называемая сокровищница Атрея. Ее называютъ также могилою Агамемнона. Это и другія подобныя зданія, находящіяся по близости, а также и другія, въ томъ же родѣ, находимыя во всѣхъ частяхъ Греціи (между прочимъ, такъ называемая сокровищница минійцевъ подлѣ Орхомена въ Віотіи), состоятъ изъ сводовъ особой конструкціи, къ которымъ ведетъ ходъ. Сводъ построенъ такимъ образомъ, что кругообразные слои камней уменьшаются кверху, такъ что не требуется камня, завершающаго сводъ, но постепенно уменьшающіеся круги держатся сами собою. Стѣны были

покрыты металлическими украшеніями, отъ которыхъ остались явные слѣды. Такъ называемая сокровищница Атрея имѣетъ внутри въ вышину около 15 метровъ и ровно столько же внутри къ поперечникѣ. Если отъ этого монумента мы обратимся къ укрѣпленію, то прежде всего увидимъ знаменитое зданіе, такъ называемыя Львиныя Ворота, такъ часто изображаемыя на рисункахъ. Отверстіе въ нихъ въ $3^1/_4$ метра вышины. Ширина внизу 3,13 метр. и вверху 2,90, такъ что кверху отверстіе съуживается. Оно покрыто поистинѣ изумительной притолкой, одиночнымъ камнемъ въ 5 метр. длины и 2,5 метр. вышины и посрединѣ въ 1 метръ толщины. Для того, чтобы уменьшить тяжесть этого мощнаго камня, надъ нимъ оставлено кверху съужающееся отверстіе, въ серединѣ однако выполненное каменной плитой въ 3 метра вышины, $3^2/_3$ ширины и лишь $^2/_3$ толщины, стало быть не очень тяжелое. Плита эта украшена знаменитымъ изображеніемъ и снабжена колонкой, подлѣ которой, съ каждой стороны, стоитъ по одной приподнятой львицѣ безъ головы. Это положеніе напоминаетъ манеру, въ какой изображались съ древнѣйшихъ временъ на Востокѣ звѣри по обѣ стороны какого-нибудь болѣе высокаго предмета, напр. дерева, служа здѣсь въ видѣ декораціи. Украшенія эти, вплоть до новѣйшихъ открытій въ Микенахъ и въ Тиринѳѣ, признавались древнѣйшимъ произведеніемъ греческаго искусства. Но если мы вступимъ во внутреннее пространство крѣпости, то увидимъ передъ собою величественные слѣды дѣятельности Генриха Шлимана. На первый разъ рѣчь идетъ о пространствѣ, отдѣленномъ кольцеобразнымъ помостомъ отъ остальной части акрополя. Этотъ помостъ Шлиманъ признавалъ мѣстомъ для народнаго собранія (агора). Здѣсь онъ началъ свои раскопки, и ему удалось найти 5 могилъ, содержавшихъ тѣла 15-ти лицъ, причемъ была найдена масса золотыхъ и другихъ украшеній. Могилы состояли изъ глубокихъ шахтъ, на днѣ которыхъ находились тѣла, не положенныя, но какъ бы вброшенныя. Изъ предметовъ украшенія особенно были замѣчательны золотыя маски, покрывавшія лица четырехъ тѣлъ, находившихся въ четвертой могилѣ. Шлиманъ, какъ извѣстно, предположилъ, что онъ нашелъ (1876 г.) трупъ Агамемнона и, по его восторженному выраженію, ему „удалось сохранить для потомства черты лица древняго царя“. Кто именно на самомъ дѣлѣ былъ похороненъ въ этихъ могилахъ, остается въ сущности неизвѣстнымъ. Шестой подобный же гробъ,

также съ драгоцѣннымъ содержимымъ, былъ найденъ и откопанъ въ 1877 г. аѳинскимъ археологическимъ обществомъ. Отгороженное каменными плитами мѣсто, о значеніи котораго такъ много спорили, представляетъ попросту, какъ доказалъ Христіанъ Бельгеръ, остатокъ могильнаго холма, нагроможденнаго, по древнему обычаю, надъ гробами. Это въ особенности доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что между гробами найдены также мѣста, отчасти украшенныя скульптурными изображеніями, очевидно предназначенными къ тому, чтобы стоять на могилахъ и обнаруживать ихъ присутствіе. По мѣрѣ того, какъ Микены все болѣе и болѣе приходили въ упадокъ, этотъ могильный холмъ оставался въ запущеніи и, наконецъ, былъ совершенно забытъ. Въ противномъ случаѣ никакъ не могло бы произойти, что до самаго 1876 года такія сокровища спокойно пролежали въ землѣ. Послѣ Микенъ, слѣдующее мѣсто по значенію представляютъ еще болѣе древнія развалины Тиринѳа. Тиринѳъ всегда былъ знаменитъ своими мощными окружающими его стѣнами, отовсюду видимыми, такъ какъ онъ находится на скалахъ, выдающихся до высоты 18 метровъ надъ равниною Навпліи. Стѣна состоитъ изъ едва отесанныхъ мощныхъ глыбъ въ 2—3 метра длины и метръ толщины; все пространство имѣетъ приблизительно 300 м. длины и 100 ширины. Городъ распадается на 2 части: верхнюю, гдѣ находился дворецъ царей, и нижнюю, предназначенную для людей, служившихъ въ крѣпости. Стѣны въ среднемъ имѣютъ толщину 20 м., въ отдѣльныхъ мѣстахъ онѣ даже еще толще, такъ какъ онѣ здѣсь содержатъ внутри пустыя пространства, ходы и кладовыя. Ходы были давно уже извѣстны и возбуждали изумленіе путешественниковъ. Примыкающія къ нимъ кладовыя были, однако, открыты лишь въ 1885 г., когда Шлиманъ и Дербфельдъ произвели здѣсь раскопки. Стрѣльчатыя двери, съ камнями, образующими стрѣльчатые своды, но снабженныя сверху дугами съ завершающимъ камнемъ или такъ наз. ключемъ, какъ это было принято въ средніе вѣка, ведутъ въ кладовыя, въ свою очередь покрытыя камнями, заходящими другъ за друга. Древніе были правы со своей точки зрѣнія, когда вообразили, что такіе тяжелые камни могли быть нагромождены лишь сверхчеловѣческими существами, а именно циклопами, пришедшими будто бы изъ Ликіи. Вторая, открытая лишь Шлиманомъ и Дербфельдомъ достопримѣчательность Тиринѳа, состоитъ изъ нижнихъ частей стѣнъ весьма

древняго дворца, служившаго жилищемъ тиринѳскимъ царямъ. Здѣсь открыты даже остатки весьма древней стѣнной живописи. Внутреннее расположеніе дворца весьма легко распознается, и Дербфельдъ съ большимъ остроуміемъ возстановилъ весь планъ. Относительно назначенія отдѣльныхъ комнатъ возможны, впрочемъ, еще различныя сомнѣнія. Достовѣрно, однако, напр., что дворецъ содержалъ большую залу (Мегаронъ), гдѣ, судя по описанію Гомера, находился домашній очагъ и куда собирались вокругъ царя и царицы приближенные во время пировъ. Стоитъ вспомнить въ Одиссеѣ Алкиноя и Арету. Впрочемъ, еще въ другихъ мѣстахъ на греческой почвѣ найдено много гробницъ изъ первобытныхъ временъ, съ предметами, напоминающими находки въ Микенахъ, такъ что мы на самомъ дѣлѣ имѣемъ право говорить о „микенскомъ искусствѣ". Не то, чтобы это искусство возникло именно въ Микенахъ, но этотъ знаменитый городъ былъ однимъ изъ главныхъ его мѣстопребываній. Это искусство обнаруживается особеннымъ образомъ въ сосудахъ— такъ называемыя вазы микенскаго стиля—и въ предметахъ украшенія, изъ которыхъ особенно замѣчательны золотыя пластинки съ изображеніями полиповъ *). Сюда же относятся рѣзные камни.

Это была культура моряковъ. Многое изъ найденнаго имѣетъ восточный характеръ; такъ, напр., найденная Шлиманомъ покрышка (ѳолосъ) въ одной могилѣ совершенно египетскаго характера; но другія вещи, здѣсь найденныя, не находятся въ совершенно такомъ видѣ на Востокѣ. Ясно, что Греція уже тогда имѣла начало особаго искусства. Это доказываютъ, между прочимъ, и львицы, которыя не могли быть привезены въ Микены черезъ море. Замѣчательны два золотыхъ кубка, найденныхъ въ Афіо и изображающіе поимку быковъ. Относительно происхожденія этихъ кубковъ—туземнаго или же египетскаго—еще нѣтъ общаго согласія. Въ общемъ ясно, что тогда въ Грецію притекали многія произведенія восточнаго искусства, египетскаго, финикійскаго и малоазіатскаго; но греки уже начали создавать свое собственное искусство, которое, конечно, совершенно отличалось отъ позднѣйшаго, такъ сильно намъ импонирующаго, т. е. отъ собственно-греческаго искусства.

Выше мы упоминали объ отношеніи между памятни-

*) У грековъ подъ словомъ полипъ подразумѣвался не кораллъ, а головоногій моллюскъ. *Перев.*

ками, открытыми въ Микенахъ, да и въ другихъ мѣстахъ, съ одной стороны, и Гомеровской поэзіей—съ другой. Если бы не было Гомера, то мы не могли бы съ увѣренностью утверждать, что культура въ Микенахъ представляетъ собою древнѣйшую извѣстную ступень греческой образованности. Имѣемъ-ли мы поэтому право дополнить остатки культуры греческаго героическаго періода, находимыя въ памятникахъ, присоединивъ матеріальные остатки къ духовному наслѣдію, оставленному Гомеромъ? Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности разсматривать находки въ Микенахъ и въ Тиринѳѣ, какъ иллюстрацію жизни героевъ, описанныхъ Гомеромъ. Дѣло въ томъ, что Гомеръ жилъ значительно позднѣе описываемаго имъ времени и долженъ былъ внести въ описаніе старины многое изъ своей собственной эпохи Итакъ, мы можемъ сказать, что находки въ Микенахъ показали, какъ жилъ *настоящій* Агамемнонъ, но не тотъ, какого намъ описываетъ Гомеръ. Дѣйствительно, пользоваться Гомеромъ мы имѣемъ въ этомъ случаѣ такое же основаніе, какъ, напр., пѣсню Нибелунговъ для изображенія нравовъ, относящихся къ временамъ переселенія народовъ. —Гомеромъ мы должны заняться позднѣе.

Дорійское переселеніе.

Культура, извѣстная намъ съ матеріальной стороны по раскопкамъ въ Микенахъ, Тиринѳѣ и т. д., пришла къ концу вслѣдствіе событія, напоминающаго переселеніе народовъ, положившее конецъ Римской имперіи. Исторія называетъ это событіе дорійскимъ переселеніемъ. Относительно частностей этого переселенія, преданіе далеко не единодушно; да это и естественно, если мы подумаемъ, что во время этихъ походовъ не было никого, кто захотѣлъ бы или могъ бы ихъ описать. Если тогда и писали въ Греціи, то, конечно, не писали исторіи. Временемъ переселенія, въ общихъ чертахъ, можно считать переходъ отъ второго къ первому тысячелѣтію до Р. Х. Выражаясь коротко, событіе это сводится къ покоренію наибольшей части Пелопоннеса дорянами, которые съ тѣхъ поръ стали господами въ покореннымъ ими областяхъ, а въ прочихъ областяхъ Пелопоннеса пользовались по крайней мѣрѣ преобладающихъ вліяніемъ. Да и послѣ дорійскаго завоеванія встрѣчались, однако, другія черты, придававшія этнографи-

ческому состоянію Греціи совершенно новый характеръ. Общее теченіе событій, по господствующему воззрѣнію древнихъ, было слѣдующее: доряне—маленькое греческое племя, много бродившее уже въ Ѳессаліи—въ концѣ концовъ поселились у Пинда къ югу отъ Ѳермопилъ въ мѣстности, съ тѣхъ поръ называвшейся Доридой. Оттуда, оставивъ небольшое число поселенцевъ въ Доридѣ, они двинулись съ цѣлью покоренія Пелопоннеса, который признавали своей собственностью, на томъ основаніи, что будто бы къ нимъ перешли права Геракла (Геркулеса), такъ какъ во главѣ ихъ находились потомки Геракла—Геракллды. Поводомъ къ этому переселенію, судя по преданію, было движеніе, происшедшее еще далѣе къ сѣверу. Исходя изъ Эпира, ѳессалійцы двинулись на востокъ и поселились въ странѣ, съ тѣхъ поръ носящей ихъ имя. Они вытѣснили оттуда віотійцевъ, двинувшихся на югъ и занявшихъ страну, получившую съ тѣхъ поръ названіе Віотіи. При этихъ обстоятельствахъ доряне снова двинулись изъ Дориды и заняли Пелопоннесъ. Они, однако, завоевали его далеко не такъ скоро, какъ ожидали. Лишь третьему поколѣнію удалось это. Не сухимъ путемъ черезъ Коринѳскій перешеекъ проникли они на полуостровъ или, по древнему выраженію, на островъ Пелопса; нѣтъ, имъ пришлось переплыть черезъ Коринѳскій заливъ при Навпактѣ (Лепанто), для чего они вступили въ соглашеніе въ этолійцами. Взамѣнъ эти послѣдніе получили прибрежную страну Элиду, тогда какъ доряне, пройдя Аркадію, основали три крупныхъ и нѣсколько мелкихъ политическихъ тѣлъ въ Пелопоннесѣ. Мессинія, Лаконія и Аргосъ были три главныя, Коринѳъ —важнѣйшее изъ меньшихъ государствъ. Они побѣдили ахейцевъ—названіе, придаваемое Гомеромъ грекамъ въ эпоху троянской войны,—въ особенности подданныхъ Агамемнона въ Арголидѣ и Менелая въ Спарте; побѣжденные ахейцы, тамъ, гдѣ они не подчинились заѣвователямъ, выселились нѣсколько далѣе на сѣверъ, гдѣ они сначала еще въ Пелопоннесѣ вытѣснили іонянъ и заняли ихъ страну, получившую съ тѣхъ поръ названіе Ахеи (Ахайи). Изгнанные іоняне нашли убѣжище въ родственной іонійской Аттикѣ; но здѣсь-то и явилась развязка. Послѣдція волны взбаломученнаго народнаго моря хлынули въ Азію: эолійцы изъ Віотіи, ахейцы изъ Пелопоннеса, іонійцы изъ Аттики и доряне изъ Пелопоннеса, уже не дававшаго имъ достаточно простора. Всѣ они оставили Европу и двинулись на

востокъ, откуда большинство ихъ когда-то прибыло. Такимъ образомъ, по преданію, образовались три группы азіатскихъ колоній: эолійско-ахейская на сѣверѣ, іонійская по срединѣ (особенно Милетъ и Эфесъ, Хіосъ и Самосъ), доряне на югѣ. Теперь историческая Грецiя вполнѣ сложилась. Она могла обнаружить себя въ дальнѣйшемъ ходѣ исторiи во всемъ своемъ величiи или въ своей слабости.

Особенность грековъ. Стремленіе къ индивидуализаціи. Гражданская община.

Слабость грековъ историческаго періода заключается въ ихъ политикѣ; ихъ сила—въ большинствѣ указанныхъ выше отраслей культуры. Какъ сила, такъ и слабость грековъ проистекали изъ въ высшей степени замѣчательнаго свойства ихъ природы, а именно, изъ успѣшнаго стремленія къ индивидуализаціи. Это стремленіе скрывалось въ задаткахъ греческаго народа, но ему благопріятствовали также внѣшнія обстоятельства и прежде всего природа страны. Изъ материковъ земного шара ни одинъ не расчлененъ такъ значительно, какъ Европа, а въ Европѣ ни одна страна, при всемъ единствѣ въ общемъ, не расчленена самою природою на столько отдѣльныхъ частей, какъ южная оконечность Балканскаго полуострова. Нигдѣ въ Европѣ нѣтъ такого смѣшенія горъ и долинъ, суши и моря. Въ Греціи есть высокія горы подлѣ самаго моря и очень глубокія низменности на довольно значительномъ удаленіи отъ береговъ. Возвышенныхъ равнинъ, плато, т. е. наименѣе благопріятной формы поверхности, тамъ почти не существуетъ. Такимъ образомъ грекъ всюду былъ вынужденъ встрѣчать новизну. Стоило ему удалиться лишь на нѣсколько часовъ пути отъ мѣста своей осѣдлости, и онъ встрѣчалъ уже новую природу, находилъ людей, занимающихся дѣлами, болѣе или менѣе иными, нежели онъ самъ. Пастухъ видѣлъ съ горъ быстроходные корабли, плававшіе по морю. Менѣе чѣмъ въ сутки можно было достичь берега и говорить съ людьми, которые едва мѣсяцъ тому назадъ были въ какой-либо азіатской гавани. Жители подобной страны едва-ли могли быть односторонними въ своихъ стремленіяхъ и легко должны были измѣнять унаслѣдованное міровоззрѣніе по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Легкость усвоивать новизну была

слѣдствіемъ такого устройства поверхности. Сюда присоединялась еще особенность климата. Климатъ морской, стало быть, сравнительно мягкій, съ меньшими крайностями, нежели континентальный, и въ то же время не расслабляющій, такъ какъ Греція съ сѣверо-востока открыта со стороны Эгейскаго моря для рѣзкихъ, дующихъ со степей вѣтровъ. Эти вѣтры, хотя и смягченные дѣйствіемъ моря, все же достигаютъ греческихъ береговъ. Такимъ образомъ, хотя борьба между солнцемъ и тучами не происходитъ постоянно, но все же она имѣетъ отношеніе къ временамъ года; и даже въ религіи эта борьба находитъ свое выраженіе. Греки не могли жить праздною жизнью; это также зависѣло отъ природы почвы, которая лишь въ немногихъ мѣстахъ богата и очень плодородна. Именно отсутствіе большихъ низменностей заставляло здѣшнихъ жителей заботиться о прокормленіи самыми разнообразными способами. Приходилось самымъ тщательнымъ образомъ обрабатывать склоны скалъ для того, чтобы получать прокормленіе, а недостающее приходилось пополнять торговлей. Такъ явилась индивидуализація въ дѣлѣ обработки страны и въ занятіяхъ жителей. Сверхъ того присоединилась индивидуализація въ государственномъ отношеніи. Страна перерѣзана столькими горами и изрѣзана такимъ количествомъ морскимъ рукавовъ, что сношенія на сушѣ во многихъ мѣстахъ менѣе удобны, чѣмъ по морю. Слѣдствіемъ является то, что политическія тѣла весьма малы; наоборотъ, связь при посредствѣ взаимныхъ сношеній весьма значительна. Итакъ, въ политикѣ является нѣчто вродѣ швейцарскихъ кантоновъ, однако съ тѣмъ различіемъ, что греческія республики почти всѣ примыкаютъ къ морю, и по этой причинѣ тѣснѣе соединены и между собою, и со всѣмъ окружающимъ міромъ, включая отдаленнѣйшія мѣстности. Однимъ словомъ, это мелкія государства, со всѣми ихъ выгодными и невыгодными сторонами. Изъ различныхъ государственныхъ формъ, для Греціи особенно характерна одна, а именно гражданская община или городъ (полисъ). Объ этомъ устройствѣ рѣчь будетъ вскорѣ. Республика, сконцентрированная въ одномъ городѣ, является, однако, не единственною бывшею въ употребленіи у грековъ формою малаго государства. Это только главная форма и наиболѣе развитая. Были менѣе развитыя, обозначавшіяся у грековъ именемъ сельскаго государства. Менѣе культурные греки, въ особенности тѣ, которые находились въ рѣдкихъ сношеніяхъ съ морскимъ берегомъ, жили селами,

гдѣ существовало самоуправленіе. Жители этихъ селъ, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, вступали между собою въ союзы противъ разбойниковъ, а при болѣе серьезныхъ опасностяхъ стекались къ ближайшему укрѣпленному мѣсту, или къ нѣсколькимъ укрѣпленнымъ мѣстамъ страны. Здѣсь они также обсуждали свои немногочисленныя общія дѣла. Въ этомъ полуцивилизованномъ состояніи жили многіе изъ западныхъ грековъ: акарняне, этолійцы, часть локрійцевъ и аркадянъ. Восточные греки, наиболѣе цивилизованные, уже въ давнія времена сдѣлали шагъ впередъ. Они перестали видѣть главную связь въ сельской общинѣ, они соединились въ городъ (полисъ), обладающій всѣми верховными правами. Нѣкоторые могли по прежнему жить въ селахъ, что въ большинствѣ случаевъ было необходимо для земледѣльческой культуры; но если шла рѣчь объ обсужденіи дѣлъ, они являлись въ городъ, а кто только могъ, тотъ и постоянно жилъ въ городѣ. Городъ имѣлъ гораздо болѣе общихъ интересовъ, нежели отдѣльныя села (комы) или даже соединенные члены этихъ селъ въ вышеописанномъ политическомъ устройствѣ западныхъ грековъ. На мѣсто сельскихъ судей явились городскіе. Управители (архонты) стали во главѣ цѣлаго племени. Какъ назывались эти управители, это безразлично. Весьма употребительное выраженіе царь (базилевсъ) имѣло у грековъ болѣе общее значеніе, нежели то, которое мы ему придаемъ по примѣру римлянъ. Въ гражданской общинѣ, какъ и въ сельской, всѣ вообще полноправные граждане были равноправны и притомъ въ высшей степени, чѣмъ въ настоящее время, такъ какъ они лично пользовались или должны были пользоваться своими правами; о представительствѣ черезъ посредство выборныхъ или депутатовъ, о принципѣ новѣйшаго государственнаго устройства, еще не было и рѣчи. Именно поэтому развившееся греческое государство или, точнѣе, гражданская община не могла перейти извѣстной умѣренной величины. Если всѣ граждане должны сходиться для обсужденія общихъ дѣлъ и для рѣшенія ихъ, то городъ, служащій мѣстомъ собранія, долженъ отстоять никакъ не болѣе, чѣмъ на сутки пути. Такимъ образомъ мы снова приходимъ къ необходимости мелкихъ политическихъ тѣлъ въ Греціи. Свобода и самостоятельность, какъ ихъ понимали греки, т. е. личное осуществленіе политическихъ правъ, обусловливаетъ малую величину политическаго тѣла, и это до такой степени вошло въ плоть и кровь грековъ, что даже Аристотель для

грековъ не допускаетъ никакой иной политической формы, кромѣ гражданской общины, гдѣ приблизительно всѣ граждане лично знаютъ другъ друга. Люди, лично не знакомые, не имѣютъ никакихъ общихъ интересовъ при такихъ простыхъ отношеніяхъ, какія существовали въ древности. Черезъ посредство этихъ гражданскихъ общинъ, Греція становится въ самый рѣзкій контрастъ со странами Востока, гдѣ обширныя пространства, принадлежавшія одному и тому же государству, сдѣлали необходимымъ господство одного, т. е. восточный деспотизмъ. Лишь въ одной странѣ Греція имѣла предшественниковъ: это были финикійскіе города, представлявшіе общины или политическія тѣла, подобныя греческимъ. Хотя въ исторіи объ этомъ ничего не говорится, но весьма возможно, что гражданскія отношенія Сидона и Тира послужили образчикомъ для грековъ.

Итакъ, въ то время, какъ въ политическомъ отношеніи греки съ начала и до конца были партикуляристами и все еще остались такими, это далеко не справедливо въ умственной области, насколько мы способны судить по сохранившимся памятникамъ. Разумѣется, и здѣсь также несомнѣнно значительное различіе, въ чемъ мы убѣдимся еще позднѣе; но въ умственной области, идетъ-ли рѣчь объ искусствѣ или литературѣ, стремленіе къ единству проникаетъ всю націю; и оно настолько сильно, что, въ концѣ концовъ, городъ, долго пытавшійся достичь политической гегемоніи и, несмотря на свое могущество, никогда не достигшій своей цѣли, пріобрѣлъ духовное господство. Слѣдствіемъ было то, что разнообразныя греческія нарѣчія въ концѣ концовъ признаютъ нѣсколько измѣненный аттическій діалектъ за общегреческій, и этимъ языкомъ вынуждены пользоваться всѣ писатели, которые желали быть понятыми всѣми греками. Аѳины, вытѣсненныя въ политическомъ отношеніи на второй планъ, при посредствѣ своего языка становятся во главѣ всѣхъ грековъ.

Религія.

Общность—можно сказать единство греческаго міра, обнаруживается также въ области, безъ которой изображеніе греческой культуры было бы отрывочно, а именно въ области религіи. Изслѣдованіе ея трудно, несмотря на многочис-

ленныя сохранившіяся о ней свѣдѣнія, и главнымъ образомъ потому, что изъ этихъ свѣдѣній трудно исключить все, что не принадлежитъ къ религіи въ настоящемъ смыслѣ слова. Дѣйствительно, религія есть отношеніе, въ которое человѣкъ вступаетъ съ божествомъ; но именно понятіе божества было у грековъ въ высшей степени неопредѣленно. Мы находимъ у нихъ настоящихъ боговъ, т. е. такихъ, которые обладаютъ природой, совершенно отличающейся отъ человѣческой; но эти божества подраздѣляются на высшія и низшія, или же, точнѣе, высшія и низшія божества переходятъ другъ въ друга, такъ что между тѣми и другими невозможно даже провести рѣзкой границы, хотя фигуры, находящіяся на обоихъ концахъ, раздѣлены между собою достаточно рѣзко. Зевсъ и Панъ это два существа, необычайно отличающіяся между собою; но если мы сравнимъ Геркулеса (Геракла) съ Гефестомъ, то трудно найти основаніе для защиты обычнаго мнѣнія, что на Геркулеса надо смотрѣть какъ на полубога, а на Гефеста—какъ на настоящаго бога. Далѣе, является цѣлая толпа героевъ, признаваемыхъ людьми, но тѣмъ не менѣе пользовавшихся богопочитаніемъ. Такимъ образомъ возникаетъ понятіе о божествѣ, т. е. о существахъ, признаваемыхъ религіей, и это понятіе остается смутнымъ, если принять во вниманіе многочисленность тѣхъ воображаемыхъ существъ, которыя были предметомъ почитанія. Но еще менѣе ясною становится картина, если мы присмотримся пристально къ тому, какимъ собственно образомъ она составилась. Религія есть дѣло народа. Что именно изъ сообщаемаго о богахъ Греціи существовало въ народныхъ вѣрованіяхъ и принадлежало къ религіи? Многое, быть можетъ, было изобрѣтено отдѣльными личностями, напр. поэтами, жрецами и другими лицами, прикосновенными къ культу. Сами греки утверждали, что Гомеръ и Гезіодъ создали для нихъ боговъ. Но то, что они создали, не могло принадлежать къ народной религіи, да и не было ею. Это миѳологія и отчасти даже простое фантазированіе. Но развѣ греки не знали этого, а если знали, то какимъ образомъ они относились къ подобному вымыслу въ практической жизни? При этомъ являлась трудность, не существующая для остального, особенно для новаго міра. Большая часть культурныхъ народовъ обладаетъ классомъ людей, призваніемъ котораго является заботиться о томъ, чтобы вѣрованія, предназначенныя для цѣлаго народа или для опредѣленной религіозной общины, были по воз-

можности точно обозначены и формулированы. Духовенство заботится о томъ, чтобы существовали догматы. Но у грековъ этого не было. Догматовъ не существовало и никакое духовное сословіе, никакая коллегія жрецовъ не должна была рѣшать, во что именно долженъ былъ вѣрить грекъ. Тѣмъ не менѣе, для совершеннаго произвола не было мѣста. Религія была гражданскимъ дѣломъ. Граждане рѣшали, что религіозно и что не религіозно. Не то, чтобы они могли рѣшать подобные вопросы большинствомъ голосовъ; но чувство, опредѣлявшее ихъ рѣшеніе, составляло неписанный законъ, находившійся въ ихъ сознаніи, и лишь при примѣненіи къ опредѣленному случаю, а именно, когда рѣчь шла о томъ, не совершилъ-ли одинъ изъ согражданъ преступленія противъ религіи даннаго города: лишь въ такихъ вопросахъ рѣшало большинство. Когда аѳиняне присудили Сократа къ смерти за безбожіе, то ими не руководила никакая духовная коллегія, и они не спросили ни одного жреца относительно безбожія Сократа. Судьи знали, что дѣйствуютъ отъ имени всѣхъ аѳинянъ и никто не сомнѣвался въ ихъ правѣ сознавать это. Собственно говоря, даже и не спорили о подробностяхъ, вопросъ былъ рѣшенъ чувствомъ. Такимъ образомъ каждый городъ имѣлъ свою религію, которую истолковывалъ, какъ ему было угодно. Это былъ своего рода партикуляризмъ. Однако, онъ лишь очень рѣдко обнаруживался со всею рѣзкостью; вообще говоря, у грековъ господствовало убѣжденіе, что у всѣхъ ихъ одни и тѣже боги; и это дѣйствительно имѣло основаніе. Но какимъ образомъ соединить безспорное единство греческой религіи съ первоначальнымъ подраздѣленіемъ на отдѣльныя племена? Изъ только что сказаннаго, повидимому, ясно, что если не каждый городъ, то по крайней мѣрѣ каждое племя, отличавшееся отъ другихъ своимъ нарѣчіемъ, имѣло также своихъ особыхъ боговъ. Само по себѣ это вѣроятно, однако въ настоящее время доказать это рѣшительно нельзя. Были предложены остроумнѣйшія попытки въ этомъ направленіи: пытались узнать, существовалъ-ли одинъ національный богъ у дорянъ, а другой у іонянъ, и кто былъ этотъ богъ? Но его не открыли. Позднѣйшее единство греческой религіи изгладило для насъ всѣ прежнія различія. Однако, въ преданіяхъ можно еще различить мѣстныя черты. Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ боги выступаютъ особымъ образомъ, а герои, большей частью, являются продуктами опредѣленныхъ мѣстностей.

Мы здѣсь не въ состояніи дать обзоръ греческихъ преданій: но изображеніе греческаго міра боговъ, насколько оно имѣетъ общій характеръ, не можетъ быть опущено. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы разсмотримъ и вопросъ, каково въ сущности основаніе происхожденія этихъ понятій о богахъ и каково значеніе важнѣйшихъ божествъ?

Греки были политеисты. Ихъ Олимпъ былъ населенъ множествомъ божествъ и творческая фантазія грековъ устроила между этими божествами родственныя отношенія. Всѣ эти вопросы здѣсь насъ не касаются. Само собою ясно, что первоначально каждое божество стояло одиноко, представляя собою какую-либо идею. Далѣе возможно, что въ первобытныя времена каждое племя имѣло лишь немногихъ божествъ, быть можетъ, даже одно. Безъ сомнѣнія, масса божествъ возникла лишь такимъ образомъ, что различныя племена, по мѣрѣ того, какъ они вступили въ болѣе тѣсное сношеніе между собою, ссудили другъ друга божествами. Извѣстны имена главныхъ божествъ: Зевса, Гиры [1]), Аполлона, Артемиды, Аѳины, Ариса, Афродиты, Гермиса, Посидона, Гадеса или Плутона, Димитры, Персефоны, Гифеста, Асклепія и Вакха. Число 12 есть изобрѣтеніе позднѣйшей систематики: изъ этихъ божествъ нѣкоторыя тотчасъ же оказываются спеціальными. Само собою ясно, что Посидонъ господствуетъ надъ моремъ, Гадесъ или Плутонъ, вмѣстѣ съ Персефоной,—надъ преисподнею. Арисъ (Аресъ) возбуждаетъ войну и господствуетъ надъ нею, Афродита воспламеняетъ любовь, Димитра заботится о земномъ плодородіи, Гифестъ (Гефестъ) управляетъ огнемъ, Асклепій—врачебнымъ искусствомъ, а Вакхъ виноделіемъ, въ то время какъ Зевсъ—высочайшій верховный повелитель. Тѣмъ не менѣе, пониманіе греческой религіи далеко еще не закончено. Дѣйствительно, во-первыхъ остается еще задача—полнѣе выяснить значеніе божествъ? Каково было первоначальное значеніе Гиры (Геры), Аполлона, Артемиды, Аѳины—божествъ, принадлежащихъ къ самымъ важнымъ и въ извѣстной степени къ самымъ популярнымъ. Каково первоначальное значеніе Гермиса (Гермеса)? Дѣйствительно, представленіе о томъ, что онъ вѣстникъ боговъ — ребяческое и во всякомъ случаѣ не относящееся къ его первоначальному значенію. Далѣе, даже относительно тѣхъ божествъ, обычное значеніе которыхъ вполнѣ ясно, мы не можемъ питать увѣренности, дѣйствительно-ли таково было и ихъ первоначальное значеніе. Была-ли, напр., Афродита первоначально только богинею любви, былъ-ли Посидонъ только богомъ моря, Вакхъ только богомъ, заботящимся о винѣ и т. д.? Развѣ вообще мы увѣрены въ томъ, что греческія божества первоначально были только представителями силъ природы или космическихъ явленій, что допускаютъ, по большей части, съ извѣстною долею вѣроятія?. Существуетъ вѣдь новая теорія, по которой религія, всюду и у всѣхъ народовъ, произошла главнымъ образомъ изъ культа умершихъ, а не изъ почитанія силъ природы. Это воззрѣніе навѣрное заключаетъ долю истины, но именно только нѣкоторую долю. Между культомъ мертвыхъ или душъ и служеніемъ Зевсу существуетъ бездна, которую можно назвать непроходимой [1]). Лишь семейные культы, но никакъ не государственные могли имѣть подобный источникъ. И спрашивается, что же сказать объ отношеніи греческой религіи къ религіямъ прочихъ индо-европейскихъ народовъ, между которыми въ особенности индусы идутъ въ сравненіе съ греками. Послѣ того, какъ А. Кунъ и Максъ Мюллеръ установили величайшія сходства между греческими и индійскими миѳами—вопросъ самъ по себѣ весьма естественный—лингвистическія основанія этихъ сродствъ были вновь признаны, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, шаткими и въ настоящее время принято отвергать тождество греческихъ божествъ съ индійскими. Если такимъ образомъ изслѣдованіе о первоначальномъ значеніи греческихъ божествъ еще далеко не завершено, то это въ еще большей мѣрѣ относится къ значенію главныхъ героевъ, а въ связи съ этимъ и къ возможному вліянію семитическаго Востока на греческую религію и миѳологію. Здѣсь въ особенности идетъ рѣчь объ Афродитѣ и Геркулесѣ. Долгое время никто не сомнѣвался въ томъ, что греческая Афродита есть не что иное, какъ передѣланная семитическая Астарта, а Геркулесъ, до извѣстной степени, передѣланный семитическій Мелькартъ. Въ настоящее время въ этомъ сомнѣваются и утверждаютъ, что оба названные миѳологическіе образа имѣютъ первобытное греческое происхожденіе. Въ дѣйствительности вѣроятно, что древніе греки обладали божествомъ, соотвѣтствовавшимъ Афродитѣ; но эта послѣдняя, въ томъ видѣ, къ какомъ она

[1]) Напоминаемъ, что греческое долгое *е* мы читаемъ какъ *и*. *Перев.*

[1]) Редакція не можетъ согласиться съ такимъ крайнимъ мнѣніемъ. Сравн. «Соціологію Спенсера» и «Первобытную культуру» Тайлора (Tylor).

выступаетъ, обладаетъ характеромъ, объяснимымъ лишь съ помощью семитическаго вліянія, и несомнѣнно, что въ самой Греціи даже Геркулесъ существенно-греческій, тогда какъ въ западныхъ колоніяхъ онъ порою семитическій богъ. Точно также Кодръ, судя по его имени,—семитическая фигура. Во всѣхъ вопросахъ, гдѣ невозможно строго научное доказательство, всегда господствуютъ попеременно противоположныя точенія. То же было съ вопросомъ относительно вліянія Востока на Грецію. Въ теченіе полувѣка настроеніе измѣнялось уже дава раза. До Отфрида Мюллера всѣ вообще вѣрили въ значительное вліяніе Востока. Отфридъ Мюллеръ пытался вывести все изъ самобытнаго греческаго источника. Затѣмъ явился Эрнстъ Курцій, подчеркнувшій значеніе Востока. Но вѣйшая школа вновь подчеркиваетъ національное происхожденіе всего греческаго. Однако, безпрестанныя открытія въ Египтѣ и въ Малой Азіи показываютъ, что и это мнѣніе преувеличено и въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ трудахъ вновь подчеркнуты, правда болѣе осмотрительнымъ образомъ, заимствованія, сдѣланныя съ Востока. Что греческая азбука происходитъ отъ финикійской, это никогда не подвергалось сомнѣнію [1]).

Своеобразное соединеніе политической индивидуализаціи и стремленія къ единству, по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ образованія таково первое вступленіе грековъ въ ту эпоху ихъ жизни, которую назвали „греческимъ средневѣковьемъ". Начало этой эпохи, во всякомъ случаѣ, яснѣе, нежели ея конецъ. Спрашивается, когда прекращаются эти средніе вѣка? Въ 600 или же 500 году до Р. Х.? Въ эпоху Соломона или же въ эпоху іонійскаго возстанія?

Гомеръ и Гезіодъ.

Послѣ дорійскаго переселенія и другихъ, съ нимъ связанныхъ, поселенцы удобно утвердились въ занятыхъ ими областяхъ. Что касается политическаго устройства, то относительно болѣе раннихъ временъ мы, собственно говоря, ничего не знаемъ. Даже важнѣйшія событія въ Лаконіи относятся, сколько извѣстно, въ эпохѣ болѣе поздней, нежели

[1]) Бѣда въ томъ, что происхожденіе самой финикійской азбуки не вполнѣ выяснено. Сравн. главу о Финикіи въ Ист. восточ. культуры (Научн. Об. 1897 года). *Ред.*

та, которая создала великій культурно-историческій фактъ, извѣстный подъ именемъ поэмъ Гомера, одинаково важныхъ какъ художественныя произведенія и какъ источникъ для исторіи греческой культуры.

Существовалъ-ли когда либо Гомеръ, а если существовалъ, то что именно онъ сочинилъ? Долгое время всѣ безъ всякой критики полагались на античное преданіе, приписывавшее Гомеру Иліаду, Одиссею и еще нѣкоторыя другія произведенія. Въ концѣ прошлаго столѣтія явилось справедливое сомнѣніе въ безусловной истинѣ подобнаго преданія. Ф. А. Вольфъ, одинъ изъ основателей новой исторической критики, указалъ на слѣдующее: такъ какъ невозможно допустить существованіе въ тѣ времена письменности, пригодной для подобныхъ произведеній, то, стало быть, крайне невѣроятно, чтобы вообще произведенія, приписываемыя Гомеру, могли ему принадлежать. Далѣе было указано на очевидные недостатки въ изложеніи событій и было показано, что крайне невѣроятно, или даже невозможно приписать подобныя произведенія одному единственному поэту. Наконецъ, дошли до того, что, пользуясь весьма остроумно построеннымъ понятіемъ о народной поэзіи, создали теорію, по которой народное творчество отличается отъ искусственнаго тѣмъ, что послѣднее имѣетъ авторомъ отдѣльную личность, тогда какъ народная поэзія создается народомъ, по естественному закону природы, безъ того, чтобы какое-либо тдиничное лицо могло назвать себя авторомъ. Такимъ образомъ и было выведено, что Иліада и Осиссея принадлежатъ къ области безъименной народной поэзіи. Здѣсь будто бы было то же, что и во всѣхъ народныхъ пѣсняхъ. Никто не знаетъ, кто сочинилъ первую строфу и кто добавилъ новыя. По этой теоріи, существовали отдѣльныя сказанія о гнѣвѣ Ахилла и возвращеніи Одиссея, причемъ даровитые народные пѣвцы распѣвали отдѣльные эпизоды, а позднѣе искусные люди соединили отрывки въ цѣлое, повидимому хорошо разсчитанное и хорошо составленное. По этой теоріи, Гомеръ вовсе не существовалъ. Во всѣхъ подобныхъ соображеніяхъ есть доля истины, но они страдаютъ также и преувеличеніемъ, тѣмъ болѣе, что указанное понятіе о народной поэзіи имѣетъ вполнѣ произвольный характеръ. Такимъ образомъ въ настоящее время можно считать господствующимъ слѣдующее мнѣніе: какъ въ Иліадѣ, такъ и въ Одиссеѣ существуетъ нѣкоторое ядро, представляющее художественно-обработанную поэму, но къ этому

ядру, съ теченіемъ времени, прибавлялись различные эпизоды. Теперь остается рѣшить еще слѣдующіе вопросы. Во-первыхъ, таковы-ли сдѣланныя добавленія, что первоначальныя произведенія пріобрѣли теперь характеръ, совершенно отличающійся отъ прежнихъ? Во-вторыхъ, принадлежатъ-ли Иліада и Одиссея одному и тому же поэту? Въ-третьихъ, наконецъ, если одна изъ этихъ поэмъ принадлежитъ Гомеру, то слѣдуетъ-ли считать его творцомъ первоначальной Иліады или же первоначальной Одиссеи? Относительно перваго пункта большая часть критиковъ настоящаго времени крайне пересаливаетъ. На самомъ дѣлѣ Иліада, а въ особенности Одиссея, представляютъ гораздо болѣе внутренняго единства, чѣмъ принято думать. Никакъ нельзя, напр., выдѣлять изъ Одиссеи „Телемахію", какъ нѣчто чуждое: наоборотъ, она составляетъ существенную часть поэмы. Конечно, невозможно въ точности сказать, что именно слѣдуетъ считать первобытнымъ въ той или иной поэмѣ. Далѣе, нѣтъ никакого серьезнаго основанія утверждать, что Иліада и Одиссея не составлены однимъ и тѣмъ же творцомъ. Это не единственный примѣръ, когда одинъ и тотъ же поэтъ создалъ два настолько различныхъ произведенія. Одно различіе возраста могло бы послужить объясненіемъ. Что касается третьяго вопроса, мы его оставимъ поэтому въ сторонѣ. Нѣтъ никакихъ существенныхъ основаній приписывать Гомеру, какъ обыкновенно дѣлаютъ, Иліаду и оставлять Одиссею анонимною. Что касается вопроса, могъ-ли существовать поэтъ съ именемъ Гомера, то и на этотъ счетъ никакъ нельзя утверждать, чтобы подобное имя было неправдоподобно, а если мы не знаемъ въ точности, когда и гдѣ онъ жилъ, то вѣдь это и неудивительно, если принять во вниманіе отдаленность времени. Древніе полагали, что они все это знали. Болѣе изумителенъ тотъ фактъ, что въ тѣ времена вообще могли появитьсн настолько совершенныя произведенія. Дѣйствительно, содержаніе этихъ поэмъ доказываетъ, что все существенное въ нихъ относится приблизительно къ 10 или 9 вѣку до Р. Х., и лишь немногое къ эпохѣ Пизистрата. Культура, изображенная въ поэмахъ Гомера, совсѣмъ не та, какую мы встрѣчаемъ въ 6 вѣкѣ до Р. Х. Во многихъ отношеніяхъ она менѣе совершенна; въ другихъ представляетъ болѣе благородства, нежели, напр., аѳинская культура около 550 г. до Р. Х. Весьма высоко совершенство Иліады и Одиссеи, какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Языкъ богатъ въ грамматическомъ отношеніи

особенно обиленъ формами, по большей части іоническими. Размѣръ поэмы, гекcаметръ, разнообразенъ и гибокъ и представляетъ одинъ изъ совершеннѣйшихъ видовъ стихосложенія, такъ какъ допускаетъ значительную измѣнчивость формы, а поэтому приспособляется ко всѣмъ настроеніямъ поэта и воспроизводитъ ихъ. Шутливое и серьезное, прелестное и полное достоинства—все это выражается гекcаметромъ такимъ образомъ, что нѣчто подобное мы встрѣчаемъ развѣ только въ стихѣ Нибелунговъ. Между формою и содержаніемъ слѣдуетъ поставить примѣненіе сравненія. Навѣрное ни одна поэзія не содержитъ такого количества сравненій и притомъ въ такомъ выполненіи. Они дѣлаютъ разсказъ болѣе нагляднымъ, но при всемъ своемъ своеобразіи, пріобрѣли красоту формы и подчинены своему собственному закону. Каково же содержаніе? Въ то время, какъ Иліада содержитъ описаніе героическихъ битвъ и бурныхъ страстей, Одиссея описываетъ приключенія во время путешествія, съ постоянной думою объ отечествѣ, которое, наконецъ, достигается. Въ Иліадѣ мы видимъ картины войны во всемъ разнообразіи, какое было возможно при тогдашнемъ способѣ ея веденія. Но особенно разнообразны бытовыя сцены Одиссеи. Въ обоихъ произведеніяхъ мы находимъ полное изображеніе греческой жизни отъ дорійскаго переселенія, но въ такой окраскѣ, какою эта жизнь представлялась жившимъ въ Азіи іонянамъ и эолянамъ около 900 г. до Р. Х.,—стало быть, довольно долгое время спустя послѣ этого переселенія. Общія черты изображены въ этихъ поэмахъ по нравамъ прежняго времени, но всѣ подробности добавлены поэтомъ изъ собственнаго опыта. Въ Иліадѣ, изображающей узко-ограниченную область жизни, было легче описать нравы прошедшаго съ однообразной точки зрѣнія и въ извѣстной связи. Но въ Одиссеѣ ежеминутно должно было проявляться вліяніе настоящаго. Такимъ образомъ Одиссея пріобрѣла болѣе новый отпечатокъ. Въ обѣихъ поэмахъ люди изображаются необычайно жизненно и привлекаютъ именно своей естественностью. Благородные порывы изображены у Гомера необычайно мастерски, дружба и супружеская любовь также изображены превосходно: достаточно напомнить фигуры Ахилла и Патрокла, Гектора и Андромахи, Одиссея и Пенелопы. О гнусныхъ порокахъ, впослѣдствіи процвѣтавшихъ у грековъ, Гомеръ еще ничего не знаетъ, а всѣ хорошія человѣческія качества изображаются въ такомъ видѣ, что представляются вполнѣ достойными по-

хвалы. Одного лишь не хватаетъ, и это въ высшей степени характеристично. Говорить правду для Гомера вовсе не является требованіемъ нравственности. Нѣтъ большаго лжеца, нежели Одиссей и однако, съ точки зрѣнія поэта, Одиссей вовсе не изъ худшихъ людей. Впрочемъ, требованіе воздерживаться отъ лжи и обмана составляетъ лишь послѣдствіе рефлектирующей морали, неизвѣстной наивному сыну природы. Говорить правду—это требованіе, гораздо позднѣе выставленное греками, и въ сущности подобное требованіе, предъявленное философами, никогда не производило значительнаго впечатлѣнія на греческій народъ. Успѣхъ, добытый хитростью и обманомъ, всегда особенно цѣнился у грековъ. Своеобразно затѣмъ у Гомера положеніе религіи и культа. Мы находимся здѣсь на новой степени исторіи религіи, уже довольно далеко отстоящей отъ указанной выше. У Гомера боги—это просто великіе люди, со всѣми слабостями и страстями обыкновенныхъ смертныхъ, но только превышающіе ихъ силами. Это ни въ какомъ случаѣ не воплощеніе нравственныхъ идей. Они представляютъ болѣе высоко одаренное общество, вмѣшивающееся въ распри людей ради собственной потѣхи и удовольствія, а съ людьми они тѣсно связаны и находятся даже въ родственныхъ отношеніяхъ, какъ отцы, матери и возлюбленные. Въ сущности они обладаютъ лишь усиленными качествами людей. Мудрая Аѳина такъ же часто обманываетъ, какъ и ея любимецъ Одиссей. Она только еще хитрѣе его. Что подобныя фигуры не могли почитаться, какъ высшія существа въ настоящемъ смыслѣ этого слова, ясно само собою. Естественнымъ образомъ, поэтъ произвольно распоряжается этими фигурами; однако, нѣкоторая доля легкомыслія, приписаннаго этимъ поэтическимъ образамъ, должна была оставаться въ возрѣніяхъ народа и уцѣлѣть въ нихъ и въ болѣе позднее время, когда этотъ народъ такъ охотно слушалъ поэмы Гомера. Нечего послѣ этого удивляться тому, что позднѣйшій грекъ, по большей части, находился по отношенію къ своимъ богамъ вовсе не въ состояніи набожной почтительности. Онъ считалъ этихъ боговъ только могущественными, но вовсе не добрыми, и вся религія главнымъ образомъ сводилась къ тому, что богамъ оказывали извѣстныя почести и приносили жертвы, чтобы они исполнили желаніе людей. Греческій культъ былъ существенно формальнымъ, требовавшимъ извѣстныхъ церемоній. Дѣйствительно, нравственныя отношенія къ гомерическимъ героямъ были

невозможны, и то же относится къ богамъ. Этотъ недостатокъ греческой религіи пытались исправить въ послѣдующую эпоху различными способами, какъ мы увидимъ впослѣдствіи. Впрочемъ, наивный политеизмъ, выступающій у Гомера, не вполнѣ нелогиченъ. Для простого человѣка довольно трудно увѣровать въ нравственный міровой порядокъ. Если такой порядокъ существуетъ, то спрашивается, почему именно добрые люди такъ часто страдаютъ? Съ другой стороны, и простой человѣкъ не можетъ сомнѣваться въ существованіи нѣкоторыхъ высшихъ силъ. Но если такъ, отчего не допустить, что эти высшія силы находятся въ такой же распрѣ между собою, какъ и люди, и что человѣку, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ заручиться ихъ дружбой и притомъ при посредствѣ жертвъ и другихъ церемоній. Но высшія силы это существеннымъ образомъ тѣ, которыя яснѣе всего проявляются въ природѣ: солнце, луна, звѣзды, вода, огонь, тучи. Такимъ образомъ, всѣ эти предметы природы и явленія стали для грековъ, какъ и для другихъ народовъ, божествами, но такими, которыя борятся между собою. Солнце и тучи часто ведутъ споръ и точно также Аполлонъ и Аѳина, если послѣдняя была, быть можетъ, богинею тучъ, могутъ поссориться. Но по большей части мрачныя явленія природы превращались въ низшія божества. Любопытно у Гомера описаніе способа веденія войны. Мы видимъ грубость, но не жестокость: смерть всегда передъ глазами, но мучительства мы не видимъ. Во всякомъ случаѣ, это борьба грековъ, а не сѣверо-американскихъ индѣйцевъ.

Если Гомеръ является наивнымъ разсказчикомъ божескихъ и человѣческихъ дѣлъ, то слѣдующій за нимъ вскорѣ Гезіодъ оказывается систематикомъ первобытныхъ воззрѣній тогдашнихъ грековъ. Но вмѣстѣ съ нимъ мы вступаемъ въ другое общество. Гомеръ—пѣвецъ прошедшаго для аристократовъ, для людей, желающихъ слушать пріятныя рѣчи на пирахъ или на иныхъ собраніяхъ. Гезіодъ пишетъ поучительно. Онъ говоритъ о родословныхъ боговъ, о земледѣліи. Вмѣстѣ съ Гезіодомъ, въ поэзію вступаетъ субъективный элементъ. Поэтъ сообщаетъ слушателямъ даже свѣдѣнія о собственной личности. Онъ не принадлежитъ къ числу знатныхъ, наслаждающихся жизнью, а если и тратящихъ ее, то только на войнѣ. Гезіодъ принадлежитъ къ бѣдной семьѣ. Онъ сынъ моряка и земледѣльца. Если Гомеръ, хотя по происхожденію эоліецъ, по всей вѣроятности, все же получилъ іонійское

воспитаніе и представляетъ собою просвѣщеніе іонянъ, то Гезіодъ настоящій эолiецъ: онъ віотіецъ, членъ того племени, которое далеко не отличалось живостью и подвижностью іонійцевъ, а поэтому впослѣдствіи подвергалось насмѣшкамъ остроумныхъ аѳинянъ. Подобно тому, какъ въ гомерической поэзіи чувствуется ясное небо Іоніи, надъ произведеніями Гезіода ощущается присутствіе тяжелаго воздуха Віотіи. У одного, труды и радости возвышенной жизни, энергичныя дѣла, тяжкія страданія; у другого, будничная жизнь, съ ея регулярными обязанностями; у одного веселый кругъ пьянствующихъ и ссорящихся боговъ, смотрящихъ сверху внизъ на людей; у другого, серьезная семья боговъ, приближающихся къ стихійнымъ силамъ.

Эллины. Ихъ политическое развитіе.

Подобно поэтамъ гомерическаго цикла, составлявшимъ поэмы въ духѣ Гомера, существовала и школа Гезіода, занимавшаяся главнымъ образомъ генеалогическими отношеніями людей, выводившая ихъ родословныя отъ боговъ и такимъ образомъ давшая косвенный поводъ къ составленію историческихъ сочиненій. Сказанія этихъ пѣвцовъ примыкали къ отдѣльнымъ мѣстностямъ и стали такимъ образомъ зародышемъ мѣстной исторіи. Сверхъ того, поэзія Гезіода и его преемниковъ немало содѣйствовала возникновенію сознанія принадлежности всѣхъ грековъ къ одному единственному племени. Въ Азіи возникло мнѣніе, что греки существенно отличаются, въ особенности благодаря общности языка, отъ народовъ, жившихъ внутри страны и говорившихъ на непонятныхъ грекамъ языкахъ. Греки называли этихъ чужеземцевъ варварами, а себя—эллинами. Съ другой стороны, у грековъ, какъ и на Востокѣ, укоренилось мнѣніе, что отдѣльныя племена представляютъ потомковъ отдѣльныхъ личностей, отъ которыхъ они и получилили свои названія. Такимъ образомъ эллины должны были оказаться потомками нѣкоего Эллина, и когда явилось убѣжденіе, что три главныхъ племени, населившихъ азіатскія морскія побережья, т. е. эоляне, іоняне и доряне, общаго происхожденія, то ихъ превратили въ сыновей или внуковъ Эллина; и именно это сдѣлала поэзія Гезіода.

Между тѣмъ мелкія греческія государства стали постепенно развиваться. Одни изъ нихъ, западныя и сѣверныя, образовали по прежнему сельскіе союзы; другія, восточныя, находившіяся въ болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ съ моремъ, превратились въ гражданскія (городскія) общины, и въ этихъ послѣднихъ покоится блестящее будущее Греціи,—но только въ зародышѣ. Внутреннее политическое развитіе этихъ общинъ, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ, въ общемъ проходитъ однѣ и тѣ же стадіи. Первоначально общимъ правиломъ является господство одного лица. Это царская власть, но далеко не абсолютизмъ. Если не формально, то фактически цари подчинены вліянію знатнѣйшихъ, старѣйшихъ, выдающихся членовъ племени, общины. Это мы видимъ у Гомера. Цари могутъ требовать послушанія, но только тогда могутъ быть увѣрены въ успѣхѣ, когда ихъ вліяніе согласуется съ настроеніемъ народа. Умнѣйшіе изъ нихъ оказываютъ должное почтеніе этому настроенію. Да вѣдь иначе можетъ случиться, что имъ не будутъ повиноваться. Постепенно стремленіе знатнѣйшихъ людей приводитъ къ тому, что ихъ фактическое вліяніе превращается въ законъ и царская власть все болѣе и болѣе падаетъ, а наконецъ совсѣмъ отмѣняется. Вмѣсто царя является аристократія. Эта форма государственнаго устройства имѣетъ еще другое основаніе. Дѣйствительно, въ большинствѣ греческихъ государствъ, по причинѣ дорійскаго переселенія и другихъ переселеній народовъ, находившихся съ нимъ въ связи, выработались рѣзкія сословныя различія между жителями одной и той же мѣстности; поразительный примѣръ представляетъ исторія Спарты. Побѣдители образовали господствующій классъ, можно даже сказать, касту. Это уже аристократія; но если при этомъ одинъ изъ побѣдителей обладаетъ царскимъ tитуломъ, то это можетъ содѣйствовать поддержанію власти высшаго сословія. Однако является также искушеніе для царя усилить свою власть и по отношенію къ членамъ своего сословія. Являются столкновенія, и царь можетъ утратить власть, которая перейдетъ къ аристократіи. Типическимъ примѣромъ этого процесса, вообще происходившаго въ Греціи, является древнѣйшая исторія Аѳинъ. Слѣдуетъ, однако, начать со Спарты, такъ какъ Спарта раньше достигла могущества, нежели Аѳины.

Спарта. Ликургъ.

Въ теченіе девятаго столѣтія до Р. Х., въ Спартѣ утвердилось новое законодательство Ликурга, т. е. государствен-

ное устройство, славившееся не только въ древней Греціи, но и въ тѣ времена, когда о Греціи, какъ политической силѣ, давно уже не могло быть рѣчи. И дѣйствительно, мы имѣемъ передъ собою одно изъ самыхъ своеобразныхъ явленій въ исторіи культуры. Мы уже раньше видѣли, какъ могущественно было въ Греціи государство, т. е. по большей части городъ. Дѣло дошло до того, что даже религія стала государственнымъ или гражданскимъ дѣломъ. Отдѣльная личность значила немного. Это уничтоженіе личности въ пользу государства всего яснѣе обнаруживается и доходитъ до крайности въ законодательствѣ Ликурга. Такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ лишь о самыхъ общихъ явленіяхъ исторіи культуры, то мы разсмотримъ это законодательство лишь какъ цѣлое, не вдаваясь въ вопросы, какая часть этого законодательства первобытна и что добавлено позднѣе. Не станемъ также разбирать новѣйшихъ сомнѣній относительно личности Ликурга, котораго пытались превратить въ божество. О подобныхъ сомнѣніяхъ здѣсь стоитъ упомянуть лишь потому, что они основаны единственно на чистой учености, работающей по методическимъ принципамъ, но слишкомъ часто, изъ-за аналогіи, забывающей о дѣйствительной жизни. Этимъ и объясняется такое пренебреженіе къ значенію личности въ древней исторіи. Если Гомеръ не существовалъ — что, впрочемъ, вовсе еще не доказано—то почему, говорятъ нѣкоторые ученые, долженъ былъ существовать Ликургъ? Если Агамемнонъ, быть можетъ, былъ богомъ (мы встрѣчаемъ даже однажды Зевса-Агамемнона), то почему бы и Ликургу не быть богомъ? Вѣдь существовалъ Аполлонъ ликейскій? Но подобныя аналогіи, въ сущности, ровно ничего не доказываютъ; въ особенности такія слабыя, какъ только что приведенныя. Существенное доказательство противъ этого рода выводовъ состоитъ въ слѣдующемъ: каждое великое законодательство, существовавшее долгое время безъ измѣненія, всегда вводилось отдѣльнымъ лицомъ. Изъ этого, разумѣется, не слѣдуетъ, чтобы оно всегда сочинялось отдѣльною личностью. Такая замкнутая система, какъ спартанское законодательство, возложена на общество авторитетомъ одного лица. Былъ-ли этимъ лицомъ Ликургъ, и какова была его личная судьба, это въ сущности безразлично. Слѣдуетъ однако, замѣтить, что у древнихъ никогда не являлось сомнѣній насчетъ личности Ликурга, и эти сомнѣнія, возникшія у новѣйшихъ ученыхъ, вѣроятно, будутъ устранены еще скорѣе, чѣмъ относительно Гомера.

По законодательству Ликурга, населеніе Лаконіи раздѣляется на три класса: господствующій классъ спартіатовъ; политически безправный, но не угнетенный классъ свободныхъ періэковъ и, наконецъ, классъ крѣпостныхъ илотовъ. Спартіаты образовали общество, организованное въ соціалистическомъ духѣ, т. е. съ малой самостоятельностью индивидуумовъ. Ярмо, возлагаемое этимъ соціалистическимъ государствомъ на своихъ членовъ, вознаграждается тѣмъ, что они, въ свою очередь, проявляютъ свой произволъ по отношенію къ остальному населенію страны, особенно къ илотамъ. Первоначально всѣ взрослые спартіаты обладали равномѣрною поземельною собственностью; это съ теченіемъ времени измѣнилось; явились имущественныя различія, богатство и бѣдность. Но даже въ томъ случаѣ, когда спартіатъ имѣлъ частное имущество, законъ позаботился о томъ, чтобы его богатство не могло принести большой пользы. Всѣмъ приходилось вести одинаковую простую жизнь, общую для всего мужского населенія страны; всѣхъ воспитывали для этой общей жизни равномѣрно и сообща. Взрослые спартіаты имѣли частныя жилища, но только женщины—матери, жены и дочери, также часто вмѣшивавшіяся въ общественныя дѣла, а вмѣстѣ съ ними мальчики до 7-лѣтняго возраста, жили въ этихъ частныхъ домахъ. Всѣ мужчины-спартіаты отъ 7-лѣтняго возраста вели въ городѣ общую жизнь, опредѣленную строгими предписаніями. Только внѣ города они были своими собственными господами и могли проводить время, какъ хотѣли. Любимымъ занятіемъ была охота, съ которой они часто возвращались вечеромъ въ городъ, чтобы еще пообѣдать съ товарищами. Воспитаніе мальчиковъ было сурово; физическая сила, ловкость, а также подвижность духа считались главною цѣлью. Много знать считалось излишнимъ, много говорить—недостойнымъ. Безусловное повиновеніе старшимъ и приличное поведеніе строго предписывались. Краткая и мѣткая рѣчь заслуживала похвалу. Спокойное перенесеніе боли, физической, какъ и душевной, требовалось отъ всѣхъ спартіатовъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Занимались музыкой, а также гимнастикой и воинскими упражненіями. Съ той же точки зрѣнія изучались поэты. Воспитаніе дѣвушекъ было почти такое же, какъ и мальчиковъ, и чаще также имѣло общественный характеръ. Гимнастическія упражненія и танцы составляли главное. Спартанскія женщины и дѣвушки славились, какъ сильнѣй-

шія и красивѣйшія во всей Греціи. Хвалили также ихъ нравственныя качества. Достоинство въ обращеніи, краткость рѣчи и благородное перенесеніе несчастія,—во всемъ этомъ они не уступали своимъ мужьямъ и сыновьямъ. Поведеніе спартанца вообще отчасти напоминаетъ тотъ идеалъ, къ которому стремятся индѣйцы сѣверной Америки. Взрослые мужчины обѣдали вмѣстѣ, въ свободно составленныхъ товариществахъ. Каждый товарищъ вносилъ свою плату на эти обѣды. Кто не могъ этого дѣлать, лишался политическихъ правъ спартіата. Общеизвѣстно, что главнымъ блюдомъ былъ черный супъ, приготовлявшійся изъ крови и уксуса. Спартіаты образовали такимъ образомъ наслѣдственные союзы, играя роль офицеровъ въ арміи и составляя родъ вѣчнаго лагеря. Массу арміи доставляли періэки и илоты. Война была для спартіатовъ праздникомъ. Идя въ битву, украшались, какъ будто шли на праздничный танецъ, и маршировали подъ звуки музыки. Спартанцы образовали всегда готовое войско изъ отборныхъ воиновъ. Они не нуждались въ крѣпостяхъ. Спарта была единственнымъ греческимъ городомъ, считавшимъ для себя стѣны излишними. Періэки должны были обрабатывать поля и сопутствовать спартіатамъ на войнѣ. Иногда изъ числа ихъ назначали и младшихъ начальниковъ. Изъ всѣхъ покоренныхъ дорянами ахейцевъ, они пользовались наилучшимъ обращеніемъ. Хуже всего доставалось илотамъ. Въ качествѣ крѣпостныхъ, прикрѣпленныхъ къ тяглу, они перешли, вмѣстѣ съ землей, къ новымъ господамъ. Частныя лица, однако, не могли ихъ продавать. Для того, чтобы илоты не вздумали бунтовать, съ ними обращались очень строго. По простому подозрѣнію ихъ убивали; однако, по добротѣ господъ, или вслѣдствіе рѣшенія государства, они могли пріобрѣтать свободу. Порою илоты, оказавшіе услуги государству, освобождались даже толпами. При этомъ, однако, случалось и такъ, что илотамъ, вступавшимъ добровольно въ армію, обѣщали свободу, а затѣмъ не сдерживали обѣщанія. Порою даже избивали ихъ сразу цѣлыми массами.

Политическія права осуществлялись спартіатами слѣдующимъ образомъ. Во главѣ государства номинально находились два царя, принадлежавшіе къ разнымъ семействамъ. Въ каждой изъ этихъ фамилій царское достоинство было наслѣдственнымъ по праву первородства. Эти цари были военачальниками, главными судьями и представителями народа

по отношенію къ богамъ. Но во всѣхъ остальныхъ вещахъ, даже въ томъ, что касалось объявленія войны, они зависѣли отъ другихъ государственныхъ властей и, сверхъ того, всякая личная иниціатива встрѣчала помѣху въ ихъ двойственномъ числѣ, такъ какъ необходимо было полное согласіе обоихъ, что достигалось не всегда и даже не часто. Далѣе, существовалъ сенатъ (герусія), состоявшій изъ 28, а вмѣстѣ съ царями изъ 30 лицъ, существеннымъ образомъ представлявшихъ собою уголовную юстицію; наконецъ, народное собраніе, обладавшее властью. Тѣмъ не менѣе, его рѣшенія могли быть уничтожены властями, если послѣднія того хотѣли. Однако, цари, сенатъ и народныя собранія, всѣ они уступали по значенію эфорамъ, блюстителямъ государства, избиравшимся ежегодно народомъ въ числѣ пяти. Они вели настоящія государственныя дѣла, предсѣдательствовали въ собраніяхъ герусіи и народа вели переговоры съ чужими государствами, надзирали надъ дѣйствіями всѣхъ гражданъ и всего населенія Лаконіи. Всѣ другіе были обязаны вставать, если проходилъ царь, но эфоры продолжали сидѣть. Они могли даже призывать царей къ отвѣту. Благодаря этимъ эфорамъ, спартанское государственное устройство пріобрѣло значительное сходство съ позднѣйшимъ венеціанскимъ, гдѣ „Совѣтъ трехъ“ и „Совѣтъ десяти“ пользовались неограниченнымъ контролемъ. Различны, даже существенно различны, оба государства, сходившіяся лишь въ одной важной цѣли, а именно въ безусловномъ поддержаніи существующаго строя, тогда какъ средства къ достиженію были совершенно неодинаковы. Въ Венеціи была предоставлена величайшая индивидуальная свобода въ частной жизни, даже покровительствовалась распущенность, тогда какъ въ Спартѣ, наоборотъ, на всѣхъ была наложена строжайшая узда. Такимъ образомъ въ нравственномъ отношеніи Спарта стоитъ выше Венеціи, если только не признать, что занятія торговлей, отличавшія Венецію, въ свою очередь выполняютъ особую „духовную задачу“. Какъ бы то ни было, многое, что въ Венеціи хотя практиковалось, но признавалось въ высшей степени постыднымъ съ нравственной точки зрѣнія, какъ, напр., употребленіе яда и другихъ средствъ, чтобы сбывать со свѣта людей, признававшихся врагами государства, то въ Спартѣ мало обращало на себя вниманія. Благодаря своей дисциплинѣ, Спарта достигла того, что ей въ Ѳермопилахъ принадлежитъ первый славный шагъ къ освобожденію Греціи отъ персид-

скаго нашествія; и это заслуга, которой не забудетъ всемірная исторія. Торговля и ремесла отступили въ Спартѣ на второй планъ. Въ странѣ потребляли лишь самое необходимое и деньги, вообще бывшія у грековъ въ большомъ почетѣ, въ Спартѣ терпѣлись только для самыхъ тѣсныхъ сношеній и притомъ были въ ходу лишь желѣзныя деньги, на которыя, конечно, нельзя было сдѣлать большихъ покупокъ.

Мессинскія войны.

Свою систему внутренняго управленія спартанцы распространили затѣмъ, приблизительно черезъ 100 или 200 лѣтъ послѣ Ликурга, на большую часть Пелопоннеса. Это было слѣдствіемъ мессинскихъ войнъ. Такимъ образомъ еще шестая часть этого полуострова стала спартанскою и лаконское государственное устройство, съ періэками и илотами, было распространено на прекрасную Мессинію. Но мессинцы дѣйствовали до нѣкоторой степени подобно полякамъ. Они никогда не забывали своей отчизны, даже находясь въ изгнаніи, и навсегда остались бѣльмомъ въ глазу у побѣдителя, присоединяясь ко всѣмъ угрожавшимъ Спартѣ. Въ борьбѣ съ мессинцами великій поэтъ Тиртей, какъ полагаютъ, родомъ аѳинянинъ, воодушевилъ спартанцевъ, уже начавшихъ терять мужество. Отъ его произведеній сохранились лишь отрывки. Эти пѣсни составлены на аттическомъ діалектѣ, который, по всей вѣроятности, былъ не особенно понятенъ большинству спартанцовъ, но все же по своей чистотѣ, простотѣ и силѣ могъ воодушевить спартанскую армію. Замѣчательно, что непобѣдимая любовь къ свободѣ, свойственная мессинцамъ, вновь въ наше время попала въ честь въ области литературы. Французскій поэтъ Казиміръ Делявинь называлъ свои произведенія, написанныя по случаю борьбы грековъ съ турками, мессинскими пѣснями. Изображеніе мессинскихъ войнъ, относящихся къ 8-му и 7-му столѣтію до Р. Х., разукрашено преданіемъ до такой степени, что становится очевиднымъ отсутствіе въ тогдашней Греціи настоящихъ историческихъ описаній. То, что было сдѣлано Аристодемомъ и Аристоменомъ для спасенія Мессиніи, совершенно загромождено преданіями, вродѣ тѣхъ, какія встрѣчаются во всѣ времена, въ исторіи героической борьбы любой угнетенной страны. Это привлекательныя или ужасныя исторіи—и болѣе ничего.

Способъ единенія между Греками. Амфиктіоніи. Оракулы. Игры.

Спартанцы по своему пытались увеличить свое наслѣдіе въ Пелопоннесѣ. Это, однако, имъ не помѣшало въ остальномъ благопріятствовать всѣмъ тѣмъ стремленіямъ, которыя относились къ идеальному объединенію грековъ, такъ какъ политическое единство народа, судя по предыдущему описанію, было недостижимо. Такія стремленія Спарты и другихъ греческихъ странъ сосредоточиваются на трехъ учрежденіяхъ, въ высшей степени древнихъ, но начавшихъ въ особенности выступать около 600 года до Р. Х. и оказывавшихъ во всѣ времена великое умственное вліяніе на грековъ. Это амфиктіоніи, оракулы и игры.

Амфиктіоніи представляютъ попытку создать союзы долговѣчные, но совершенно безсильные, религіознаго, а не политическаго характера и на чисто религіозномъ основаніи. Такихъ союзовъ было много, но изъ нихъ мало значительныхъ. Одинъ имѣлъ большее значеніе, такъ какъ включалъ почти всѣхъ грековъ. Но онъ былъ такъ дурно организованъ, что не могъ воспрепятствовать даже войнамъ между амфиктіонами. Этотъ союзъ, по преимуществу получившій названіе амфиктіоніи, включалъ 12 членовъ, обладавшихъ приблизительно равными правами голоса; цѣлая половина состояла, однако, изъ малыхъ незначительныхъ народностей крайняго сѣвера Греціи. Важнѣйшія греческія племена, аѳиняне и спартанцы, выступаютъ тамъ лишь подъ именемъ дорійцевъ и іонійцевъ, и изъ 12 голосовъ имъ принадлежало только 2. Это доказываетъ, что происхожденіе союза относится къ эпохѣ, когда въ Греціи дорійцы еще не пользовались тѣмъ значеніемъ, какъ впослѣдствіи, т. е., къ эпохѣ предшествующей дорійскому переселенію. Союзъ имѣлъ 2 мѣстопребыванія: храмъ Аполлона въ Дельфахъ и храмъ Димитры въ Анѳелѣ, подлѣ Ѳермопильскаго прохода. Ежегодно происходило два собранія представителей союза по одному въ каждомъ изъ этихъ обоихъ храмовъ. Дѣятельность союза состояла только въ поддержаніи извѣстныхъ формъ во время войнъ между членами союза и въ заботѣ о поддержаніи обоихъ храмовъ, въ особенности Дельфійскаго. Амфиктіоны съ политической точки зрѣнія выступали лишь въ томъ отношеніи, что послужили поводомъ къ такъ называемымъ священнымъ войнамъ для охраны Дельфійскаго храма; стало быть,

единственное собраніе представителей всѣхъ греческихъ народовъ достигло, главнымъ образомъ, того результата, что послужило поводомъ къ ряду гражданскихъ войнъ, отчасти предпринимавшихся безъ надлежащаго основанія и, сверхъ того, накликавшихъ на Грецію величайшія несчастія. Амфиктіонія являлась также средствомъ для выполненія честолюбивыхъ замысловъ въ рукахъ наиболѣе могущественныхъ изъ ея членовъ. Религія эксплуатировалась этими членами ради эгоистическихъ политическихъ цѣлей. Большимъ значеніемъ, нежели союзъ амфиктіоновъ, пользовались оракулы, изъ которыхъ дельфійскій занималъ первое мѣсто. Можно добавить, что и вредъ, ими причиняемый, былъ менѣе значителенъ, а порою даже перевѣшивался пользою. Въ одномъ изъ ущелій Парнаса находилась въ землѣ разсѣлина, изъ которой выходили пары, яко-бы приводившіе къ экстазъ сидѣвшую на треножникѣ жрицу, пиѳію. Она испускала нечленораздѣльные звуки и ея восклицанія истолковывались дельфійскими жрецами. Къ этому оракулу обращались ради практическихъ цѣлей, главнымъ образомъ, съ цѣлью узнать, будетъ-ли имѣть успѣхъ то или иное предпріятіе. Въ видѣ награды за эти старанія бога Аполлона, руководившаго оракуломъ, въ пользу храма и жрецовъ приносились подарки. Настоящія божественныя откровенія въ сущности признавались дѣломъ Зевса, высочайшаго изъ боговъ, который имѣлъ и свой собственный оракулъ въ Додонѣ (въ Эпирѣ) и въ оазисѣ Ливійской пустыни. Эти оракулы Зевса занимались не менѣе маловажными вопросами, нежели большая часть дельфійскихъ. Къ нимъ обращались, напр., когда рѣчь шла о томъ, чтобы найти украденное, чтобы убѣдиться въ вѣрности жены и т. п. Дельфы находились, однако, въ связи съ государственной жизнью Греціи (что едва-ли можно сказать объ оракулѣ Додоны) и вліяли на государственныя дѣла и рѣшенія. Дельфы при этомъ пользовались, въ теченіе довольно продолжительнаго времени, всеобщимъ просвѣтительнымъ и нравственнымъ вліяніемъ, въ особенности въ ту эпоху, которая насъ теперь главнымъ образомъ занимаетъ, а именно около 600 года до Р. Х. Объ этомъ вліяніи мы вскорѣ будемъ говорить по поводу дѣятельности такъ называемыхъ семи мудрецовъ. Можно смѣло сказать, что Дельфы дѣйствительно благопріятствовали духовному единству грековъ, разумѣется, не столько своимъ оракуломъ, расточавшимъ прорицанія въ каждомъ частномъ случаѣ государствамъ и даже частнымъ лицамъ, сколько тѣмъ

положеніемъ, какое они съумѣли придать своему богу Аполлону, выступавшему въ роли излагателя и объявителя воли Зевса. Такимъ образомъ явилась новая фаза въ исторіи греческой религіи. Первоначально греческіе боги рѣшительно были духами природы, хотя въ настоящее время мы уже не въ состояніи сказать, какія силы или явленія природы представлялъ собою каждый изъ этихъ боговъ. Они были, по большей части, божествами отдѣльныхъ племенъ; но и здѣсь мы не въ состояніи болѣе обозначить первобытныхъ округовъ отдѣльныхъ боговъ. Затѣмъ различныя племена вступили въ ближайшія отношенія между собою и боги должны были существовать совмѣстно и ладить между собою. Образовался циклъ боговъ Олимпа, съ которымъ народъ долженъ былъ справляться какъ умѣлъ. Для всѣхъ было, однако, ясно одно, а именно, что долженъ существовать одинъ верховный богъ, и такимъ вскорѣ былъ всѣми признанъ Зевсъ. Какъ относятся прочіе боги къ Зевсу? На это поэты отвѣтили по своему. Гомеръ сдѣлалъ изъ Олимпа аристократическое общество, семью, какихъ, вѣроятно, въ то время было немало среди людей, съ отцомъ, пользующимся правомъ повелѣвать, но безъ труда испытывающимъ вліянія, съ матерью весьма ревнивою къ своему достоинству и правамъ, съ сыновьями и дочерями, живущими въ отцовскомъ домѣ или же отдѣлившимися и не всегда ладящими между собою. Гезіодъ установилъ родословную этого владѣтельнаго дома; но все это не принесло особой пользы народу. Это были миѳы, но не религія. Во всѣхъ подобныхъ сказаніяхъ вовсе не играли роли какія-либо нравственныя идеи. Эти послѣднія были внесены въ культъ главнымъ образомъ дельфійскими жрецами, служившими Аполлону. Съ этихъ поръ подчеркивается и нравственное значеніе Зевса, мудро всѣмъ управляющаго. Но Зевсъ обыкновенно не сносится съ людьми непосредственно — оракулъ Зевса въ Додонѣ, это учрежденіе — пригодное для мужиковъ, но не для образованныхъ грековъ. Послѣдніе требуютъ кое-чего иного. Имъ необходимъ посредникъ, понимающій ихъ многочисленныя потребности и способный за нихъ заступаться. Этотъ посредникъ — Аполлонъ. Такимъ образомъ около 600 года до Р. Х., по крайней мѣрѣ у части грековъ, явилась совершенно новая форма религіи: жрецы, правда, остались въ общемъ тѣмъ, чѣмъ были раньше, приносителями жертвъ богамъ, признаннымъ государствомъ, безъ какого-либо вліянія на нравственное поведеніе народа.

Но то, чего не дѣлаютъ и даже не пытаются дѣлать эти обыкновенные жрецы, теперь до извѣстной степени предпринимается дельфiйскими жрецами съ помощью нѣкоторыхъ выдающихся людей изъ народа, изъ числа которыхъ произошли и знаменитые семь мудрецовъ. Но дѣятельность даже этихъ людей не достаточна для народа. Они не доставляютъ никакой увѣренности относительно чего бы то ни было. Существуетъ-ли загробный мiръ, вознаграждаются-ли добрые, наказываются-ли злые въ другой жизни? Обо всемъ этомъ ни одинъ изъ названныхъ выше жрецовъ оффицiально не говоритъ ничего. Но кое-что объ этомъ сообщается греческому народу другими способами. Существуютъ тайныя служенiя, такъ называемыя мистерiи, въ которыхъ, путемъ слова и образа внушаются утѣшительныя мысли участникамъ. Такiя служенiя, по большей части, являются дѣломъ частныхъ лицъ. Ученики Орфея, напр., стараются распространить свои ученiя въ народѣ. Въ немногихъ случаяхъ мистерiи приводятся въ связь съ государствомъ, признаются имъ и поощряются. Это въ особенности относится къ аѳинскому государству, охраняющему мистерiи Элевзиса, какъ нѣчто особенно священное. На элевзинскихъ таинствахъ почитается Деметра, та самая богиня, которая въ Анѳелѣ покровительствуетъ амфиктiонамъ. Къ элевзинскимъ таинствамъ мы еще возвратимся.

Если высокая степень уваженiя, которою пользовался дельфiйскiй оракулъ у частныхъ лицъ и у государства, благопрiятствовала внутреннему единству грековъ, то это еще въ большей степени можно сказать о публичныхъ состязательныхъ играхъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что высокое уваженiе къ оракулу не всегда оправдывалось, такъ какъ уже во время персидскихъ войнъ онъ сталъ оружiемъ для враговъ отечества и съ тѣхъ поръ часто становился игралищемъ партiй.

Что касается состязательныхъ игръ, то стремленiе быть всегда первымъ и превосходить остальныхъ было у грековъ врожденнымъ и обнаруживалось самымъ блестящимъ образомъ въ состязанiяхъ, предпринимавшихся въ честь божествъ во многихъ общинахъ. Знаменитѣйшiя изъ этихъ игръ, посѣщаемыя не только окрестными жителями, но и обитателями всей Грецiи и ея колонiй, были олимпiйскiя, дельфiйскiя, исѳмiйскiя и немейскiя игры. Въ Немеѣ, лѣсной долинѣ сѣвернаго Пелопоннеса, онѣ давались въ честь Геркулеса; исѳмiйскiя игры были въ честь Посидона, дель-

фiйскiя—въ честь Аполлона и олимпiйскiя—въ честь Зевса. Характерно для греческой жизни то обстоятельство, что состязанiя, наиболѣе возбуждавшiя интересъ, относились къ физическимъ упражненiямъ. Здоровое тѣло служило основою греческаго мужества; да и само по себѣ ясно, что безпристрастiе въ сужденiяхъ скорѣе обезпечено, когда идетъ рѣчь о тѣлесныхъ упражненiяхъ, нежели въ томъ случаѣ, когда оно относится къ поэзiи или музыкѣ. О послѣднемъ большею частью забываютъ, когда признаютъ страннымъ, почему побѣды въ тѣлесныхъ упражненiяхъ считались у грековъ болѣе достойными награды, нежели въ дѣлахъ, требовавшихъ духовнаго творчества. Въ Олимпiи почти всѣ награды давались только за физическiя упражненiя. Въ тѣнистой долинѣ Альтиса каждые 4 года среди лѣта каждый грекъ, имѣвшiй возможность предпринять путешествiе, появлялся, чтобы вмѣстѣ съ другими посмотрѣть, кто изъ юношей и мужей одержитъ побѣду въ бѣгѣ, въ борьбѣ, въ кулачномъ бою, и кто изъ богачей пришлетъ на состязательную арену самыхъ быстрыхъ лошадей. Побѣдители до самой смерти пользовались великимъ почетомъ у себя на родинѣ и у всѣхъ земляковъ. Раскопки, произведенныя въ послѣднiя десятилѣтiя въ Альтисѣ и воодушевленныя инициативой Эрнста Курцiуса, показали, что почти набожное чувство грека, относящееся къ произведенiямъ искусства, украсило мѣсто величайшаго нацiональнаго праздничества прекраснѣйшими произведенiями, какiя только было созданы греками. Наиболѣе замѣчательныя изъ этихъ произведенiй будутъ упомянуты впослѣдствiи. Здѣсь достаточно указать, что народныя игры оказали огромное влiянiе на развитiе греческаго искусства. Въ исторiи искусства мы остановились на до-гомерическомъ, до-дорiйскомъ времени. Греческое „средневѣковье“, находившееся подъ сильнымъ влiянiемъ дорянъ, первоначально представляло мало художественныхъ элементовъ. Лишь постепенно проложило свой путь присущее грекамъ художественное чувство, и хотя старые пути не совсѣмъ еще были оставлены, но все же они наполнились новою жизнью. До-дорiйское искусство имѣетъ въ себѣ еще много восточнаго: предпочиталось блестящее, пестрое, разноцвѣтное; это было въ сущности декоративное искусство. Мало-по-малу изъ него выработалось чистое искусство, а именно такимъ образомъ, что на первый планъ выступило изображенiе обнаженнаго мужского тѣла. Это обстоятельство существенно зависитъ именно отъ всенародныхъ

игръ, на которыхъ участвующіе въ состязаніи появляются обнаженными. Съ этихъ поръ изображеніе первоначально самихъ олимпійскихъ побѣдителей, да и вообще скульптура стала главною задачею греческаго искусства, достигшаго въ этой области высочайшаго совершенства. Такимъ образомъ національныя празднества, въ особенности олимпійскія, создали для греческаго просвѣщенія нѣкоторыя изъ его высочайшихъ и наиболѣе характерныхъ цѣлей. Первая по времени состязательная игра въ Олимпіи это былъ бѣгъ по такъ называемому стадіону, т. е. пути въ 600 футовъ длины. Побѣдитель въ этомъ бѣгѣ былъ главнымъ изъ всѣхъ побѣдителей; по его имени называлась цѣлая олимпіада, т. е. промежутокъ въ 4 года до ближайшаго праздника. Поэтому позднѣйшіе историки говорятъ, напр.: въ этомъ году началась первая олимпіада, въ которой побѣдилъ Коривосъ. Это было въ 776 г. до Р. Х. 18-ая олимпіада извѣстна тѣмъ, что съ этихъ поръ соединяются 5 состязательныхъ игръ: прыганіе, бѣгъ, метаніе диска, метаніе дротика и борьба. Эти 5 игръ образуютъ такъ называемый пентатонъ и сверхъ того борьба образуетъ еще особое состязаніе. Въ 23-ю олимпіаду къ предыдущимъ присоединяется кулачный бой, въ 25-ю, бѣгъ на колесницахъ, обнаруживавшій, впрочемъ, лишь богатство побѣдителя, но тѣмъ не менѣе столько же прославлявшійся поэтами, какъ и побѣда въ бѣгѣ или борьбѣ. Дѣйствительно, хвалебная поэзія получила мощный толчекъ на олимпійскихъ играхъ.

Политическое развитіе. Тиранны. Законодатели и мудрецы.

Возвратимся къ политическому развитію грековъ. Способы объединенія представляютъ въ высшей степени важное культурное значеніе. Но и чисто государственныя учрежденія являются выраженіемъ культуры. Ударъ, нанесенный дорійскими завоеваніями, вызвалъ за собою постепенную реакцію противъ дорянъ и вообщепротивъ гнета пришельцевъ. Мало-по-малу благосостояніе стало возрастать при посредствѣ все болѣе и болѣе процвѣтавшей торговли и это распространеніе благосостоянія во все болѣе обширныхъ кругахъ въ особенности содѣйствовало тому, что стали думать о нововведеніяхъ. Въ Спартѣ перевѣсъ побѣдителей былъ обезпеченъ именно тѣмъ, что торговля и промышленность

были подавлены; но въ другихъ мѣстахъ это оказалось невозможнымъ, такъ какъ большая часть греческихъ государствъ находились на берегу моря и ни одно изъ нихъ не обладало настолько же послѣдовательно развитымъ деспотическимъ правленіемъ знати. Такимъ образомъ послѣ дорійскаго переселенія торговля большинства государствъ быстро возникла вновь и стала процвѣтать, и на этотъ разъ уже не финикіяне, какъ это было въ эпоху, описываемую Гомеромъ, служили посредниками для сношеній, но сами греки безпрестанно плавали между островами и материкомъ изъ Азіи въ Европу и обратно, основывая колоніи, о которыхъ мы вскорѣ поговоримъ. Эта торговля обогащала всѣхъ, занимавшихся ею, а занимались торговыми дѣлами не только знатные побѣдители, но по преимуществу политически неполноправные, которые могли достичь какихъ - либо правъ только съ помощью богатства. Среднее сословіе стало богаче, образованнѣе, а вслѣдствіе этого и притязательнѣе. Оно не хотѣло болѣе признавать привилегій знати. Такимъ образомъ явились столкновенія. Народъ хотѣлъ участвовать въ правленіи; аристократія должна была превратиться въ демократію. Это, однако, не такъ скоро удавалось. Вѣрнѣйшимъ послѣдствіемъ были гражданскіе мятежи. Чтобы положить имъ конецъ, существовали различныя средства, которыя можно было примѣнять, если только не хотѣли попросту уступить знати, а уступки, въ свою очередь, давались не легко. Такимъ образомъ явилось, хотя и не совсѣмъ пріятное, но вполнѣ естественное послѣдствіе, или самое удобное средство успокоить народъ, хотя бы на короткое время. Этимъ средствомъ, появившимся во многихъ мѣстахъ, была тираннія. Когда народъ не могъ сговориться съ знатью на счетъ своихъ правъ, то являлись умные и энергичные люди, становившіеся во главѣ народа, подъ предлогомъ проводить его требованія, но когда они побѣдили во имя народа, то дѣлали владыкою не его, а самихъ себя. Подобные тиранны особенно часто являлись въ Сикіонѣ и Коринѣ, въ мѣстности. гдѣ проходилъ тогдашній торговый путь и гдѣ поэтому отдѣльные люди чаще богатѣли. Эти тиранны, въ числѣ которыхъ извѣстны, напр., коринѳскіе Кипселиды, въ особенности Періандръ, пытались вознаградить народъ за то, что его обманули, поощряя роскошь, искусство и литературу, но они не были въ состояніи удержать правленіе въ своемъ родѣ. Періодъ тиранніи былъ мимолетный,

какъ въ Греціи вообще, такъ и для отдѣльныхъ семействъ тиранновъ. Ни одна изъ этихъ фамилій не пользовалась властью болѣе чѣмъ въ теченіе трехъ поколѣній. По большей части дѣло происходило такимъ образомъ: въ первомъ поколѣніи былъ основатель династіи, безсовѣстный, но энергичный человѣкъ. Далѣе былъ наслѣдникъ, пользовавшійся добытою властью для того, чтобы самому жить хорошо, а порой и для того, чтобы дѣлать добро другимъ. Въ третьемъ поколѣніи являлся наслѣдникъ перваго наслѣдника, по большей части воспитанный въ бездѣятельности, утратившій энергію и терявшій престолъ. Что касается Періандра, онъ прославился до того, что даже причислялся къ числу 7-ми мудрецовъ. Однако, и онъ не былъ въ состояніи удержать власть въ своей династіи, такъ какъ это противорѣчило всему существу грековъ; и въ концѣ концовъ также въ Коринѳѣ власть народа одержала верхъ. Естественнымъ образомъ тиранны перваго поколѣнія были очень умными людьми, внушавшими своимъ умомъ уваженіе согражданамъ. Но имъ не хватало прямоты, они были во всякомъ случаѣ узурпаторами и по греческимъ понятіямъ даже достойными смерти. Умъ и прямота, когда они соединялись, всегда оказывали благопріятное вліяніе на согражданъ. Такое соединеніе мы видимъ у нѣкоторыхъ законодателей, призываемыхъ народомъ для упорядоченія дѣлъ и великихъ споровъ между знатью и демократіей. Наиболѣе знаменитые примѣры такихъ законодателей мы встрѣчаемъ въ исторіи Аѳинъ. Древнѣйшимъ законодателемъ былъ спартанскій Ликургъ; однако, относительно его не ясно, поддерживалъ-ли онъ народъ противъ знати? Да и вообще, его законодательство имѣетъ столько же моральный, сколько политическій характеръ. Далѣе, на греческомъ западѣ послѣдовали не менѣе знаменитые мужи: Залевкъ въ Италійскихъ Локрахъ и Харондъ въ Сицилійской Катаніи. Эти законодатели, гораздо болѣе сходные съ спартанскими, нежели съ аѳинскими, не только упорядочили устройство своихъ городовъ и установили наказанія за поступки, уже признавшіеся преступными, но вообще дали предписанія относительно всей жизни гражданъ и назначили наказанія для нарушителей этихъ предписаній. Въ числѣ такихъ мудрецовъ находится также аѳинскій законодатель Солонъ.

Эти такъ называемые семь мудрецовъ представляютъ характерное явленіе того времени—мы продолжаемъ говорить

объ эпохѣ около 600 г. до Р. Х. Дѣло, конечно, не въ томъ, было-ли ихъ именно семь. Это просто круглое число вродѣ семи чудесъ свѣта. Не важенъ и тотъ вопросъ, всегда-ли подъ именемъ семи мудрецовъ подразумѣвали однихъ и тѣхъ же лицъ; это общее имя приписывалось людямъ самаго разнообразнаго рода. Общее у нихъ было то, что они своею жизнью или какими либо умственными произведеніями, хотя бы то были лишь краткія изреченія, возбуждали въ народѣ мысль, что имъ извѣстенъ правильный путь въ жизненныхъ скитаніяхъ въ гораздо большей степени, нежели кому бы то ни было, и что поэтому хорошо поступитъ тотъ, кто станетъ слѣдовать ихъ примѣру и выполнять ихъ практическія предписанія. Они такимъ образомъ дополняли греческую религію, которая не могла удовлетворить всѣмъ желаніямъ даже посредствомъ оракула и мистерій, такъ какъ религія не указывала выхода изъ многихъ трудныхъ обстоятельствъ. Во главѣ всѣхъ семи мудрецовъ стоитъ во всякомъ случаѣ Ѳалесъ милетскій, о которомъ рѣчь будетъ ниже; далѣе слѣдуетъ Питтакъ лесвосскій, управлявшій Митилиною въ качествѣ выборнаго эсимнета (постояннаго третейскаго судьи); далѣе Віасъ (Біасъ) изъ Пріены, славившійся своими мудрыми изреченіями, потомъ Солонъ, затѣмъ два менѣе важныхъ и, наконецъ, тираннъ Періандръ. Всѣ семь мудрецовъ находились подъ особымъ покровительствомъ дельфійскаго бога, который въ то время пытался дѣйствовать совершенно въ ихъ духѣ, стало быть, благодѣтельнымъ образомъ.

Колоніи.

Но гдѣ законодатели и мудрецы, тираны и третейскіе судьи ничего не могли сдѣлать съ цѣлью удовлетворенія гражданъ, тамъ оставалось еще одно средство— выселеніе, основаніе колоній. Недовольные уходили, гдѣ-нибудь основывались, жили большею частью привольно, а оставшіеся дома, въ свою очередь, получали больше простора и лучше развивались. Здѣсь поэтому умѣстно поговорить о торговыхъ сношеніяхъ древнихъ грековъ. Кромѣ всего прочаго, что ихъ отличало, греки имѣли то преимущество, что являлись однимъ изъ самыхъ значительныхъ торговыхъ народовъ древности. Въ области морской торговли они едва уступали финикіянамъ, даже въ томъ, что касается дальности плава-

ній, такъ какъ эти послѣднія регулярно простирались отъ самаго внутренняго угла Чернаго моря до Гибралтарскаго пролива. Въ одномъ отношеніи греки обнаруживаютъ даже преимущество предъ финикіянами. Раньше всѣхъ народовъ земного шара они поняли значеніе денегъ и вполнѣ воспользовались открытіемъ или изобрѣтеніемъ монеты, сдѣланнымъ, по всей вѣроятности, народомъ, занимавшимся сухопутною торговлею, а именно лидянами. Не только между собою торговали греки, но, подобно финикіянамъ, вели обширную торговлю съ менѣе культурными народами, и съ этой цѣлью, подобно имъ, основали конторы на чужихъ берегахъ. Изъ этихъ торговыхъ поселеній, исторія которыхъ осталась намъ неизвѣстною, вскорѣ образовались настоящіе греческіе города съ самостоятельными общинами,—такъ называемыя колоніи. Этой колонизаторской дѣятельностью греки оказали огромныя услуги распространенію культуры. Подобная дѣятельность предполагаетъ значительное количество поселенцевъ, для чего существовало два источника: во-первыхъ, уже дорійское переселеніе и связанное съ нимъ передвиженіе народовъ обнаруживаетъ свойственное грекамъ стремленіе къ колонизаціи, въ чемъ они сходятся съ германскою расою. Во-вторыхъ, упомянутыя внутреннія распри между знатью и простымъ народомъ часто приводили къ выселеніямъ. Распри эти возникаютъ уже въ 8-мъ столѣтіи до Р. Х., и съ тѣхъ поръ начинается колонизація. Мы не намѣрены прослѣдить успѣхи колонизаціи хронологическимъ путемъ. Достаточно дать понятіе о томъ, что въ концѣ концовъ сдѣлали въ этой области греки, когда колонизація была завершена, т. е. въ 6-мъ вѣкѣ до Р. Х. Въ это время, по направленію всѣхъ странъ свѣта, побережья Средиземнаго моря и примыкающихъ къ нему заливовъ были покрыты цвѣтущими колоніями, въ которыхъ господствовалъ греческій языкъ. Самостоятельную область образовало Черное море, у грековъ получившее названіе гостепріимнаго (Эвксинъ), какъ полагаютъ, передѣланное изъ негостепріимнаго (Аксинъ): слѣдуетъ замѣтить, что первоначальное названіе было болѣе правильнымъ. Въ этой черноморской области, всюду, гдѣ только не препятствовали неприступныя горы, находились греки: на югѣ, на сѣверѣ и на западѣ. Лишь на востокѣ, по склонамъ Кавказа, не было эллинскихъ поселеній, и не потому, чтобы здѣсь не было мѣста для городовъ, но потому, что отсюда нечего было вы-

возить. Дѣйствительно, процвѣтаніе греческихъ поселеній по берегамъ Понта основывалось, главнымъ образомъ, на богатомъ вывозѣ. Оттуда вывозили въ метрополію продукты моря и суши, рыбу, зерновой хлѣбъ, кожи и многое другое. Особенно важное значеніе имѣлъ вывозъ зерна, производившійся съ южнаго берега европейскаго материка, какъ онъ происходитъ и теперь. Хлѣбомъ торговали тогдашнія греческія колоніи. Роль нынѣшней Одессы въ то время играла находившаяся невдалекѣ отъ той же мѣстности Ольвія. Аѳины долгое время вынуждены были пользоваться по преимуществу хлѣбомъ съ черноморскихъ береговъ и греческіе торговые дома процвѣтали въ то время въ гаваняхъ сѣвернаго берега Чернаго моря, какъ они процвѣтаютъ и теперь. Въ настоящее время населеніе Одессы отличается крайней разноплеменностью; такъ и тѣ времена на улицахъ Ольвіи, Геравкліи, Пантикапеона, на-ряду съ образованными греками, можно было видѣть жителей степей, скиѳовъ—общее названіе, придававшееся многимъ степнымъ народамъ. Даже одѣяніе тогдашнихъ скиѳовъ напоминало одежду нынѣшнихъ жителей степей. Черезъ посредство грековъ доля высшаго просвѣщенія проникла даже къ скиѳамъ и могильные холмы скиѳскихъ князей, въ немаломъ числѣ открытые въ Крыму, дали богатое содержаніе. Главныя находки хранятся въ Петербургѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ и, осматривая ихъ, можно убѣдиться въ томъ, что греческое искусство стало для скиѳскихъ варваровъ желаннымъ украшеніемъ, какъ въ жизни, такъ и послѣ смерти. Само собою разумѣется, предпочитались золотыя украшенія. Самыя значительныя колоніи по Черному морю находились на югѣ. Гераклія, могущественная республика, удержавшая свою самостоятельность еще при преемникахъ Александра, Синопъ и извѣстный—менѣе въ древности, чѣмъ въ средніе вѣка—Трапезунтъ, ставшій впослѣдствіи мѣстопребываніемъ византійскаго царства. На западѣ и на сѣверѣ находились между прочимъ Одессосъ, Тира, Ольвія и крымскіе города. На томъ самомъ полуостровѣ, гдѣ нѣкогда Ифигенія пребывала у таврической Артемиды, находились Херсонесъ, Ѳеодосія, Пантикапеонъ, а противъ него на азіатской почвѣ Фанагорія. Эти города были частью іонійскаго, частью дорійскаго происхожденія. Доряне колонизировали возлѣ Понта Мегару, не игравшую, впрочемъ, важной роли въ греческой исторіи. Но еще значительнѣе было число колоній іонійскаго Милета,

основавшаго болѣе 80 колоній на берегу Понта. Входъ въ Азовское море назывался у грековъ Таврическимъ Босфоромъ; находившіеся тамъ греческіе города образовали также цвѣтущее государство, носившее названіе босфорскаго. Владыки этого государства были царями покоренныхъ ими скиѳовъ. Въ греческихъ же городахъ на нихъ смотрѣли лишь какъ на первыхъ между равными гражданами. Мегарскаго происхожденія былъ также городъ, находившійся у Ѳракійскаго Босфора, т. е. соединеніе Пропонтиды (Мраморнаго моря) съ Понтомъ (Чернымъ моремъ). Этотъ городъ съ теченіемъ времени сталъ достигать все большаго развитія и получилъ названіе Византіи, а впослѣдствіи Константинополя или, по-турецки, Стамбула. Городъ этотъ, бывшій предметомъ многихъ пожеланій и споровъ, много лѣтъ служившій краеугольнымъ камнемъ европейской цивилизаціи, еще и теперь является однимъ изъ главныхъ спорныхъ пунктовъ европейской политики. Далѣе къ западу слѣдуютъ ѳракійскія колоніи, вскорѣ достигшія высокаго развитіи, что доказывается появленіемъ въ нихъ знаменитыхъ гражданъ, вродѣ философовъ Демокрита, Протагора и Аристотеля. Оба первыхъ происходили изъ Абдеры (Авдиры), вовсене заслужившей ходившей объ ней молвы, которая придала этому городу названіе родины глупцовъ. Что касается Малой Азіи, мы ее оставимъ въ сторонѣ, такъ какъ ея колоніи гораздо древнѣе, и обратимся къ югу, гдѣ найдемъ греческія колоніи въ двухъ пунктахъ, въ Египтѣ и въ Киринаикѣ. Въ Египтѣ особенное значеніе пріобрѣлъ Навкратисъ, совмѣстное поселеніе различныхъ греческихъ метрополій, нѣчто вродѣ средневѣковой Ганзы; въ Киринаикѣ особенное значеніе имѣли Кирина и Барка. Здѣсь служили египетскому богу Аммону, котораго особенно чтили въ великомъ оазисѣ. Богъ этотъ служилъ также грекамъ оракуломъ и черезъ посредство колонистовъ сталъ извѣстенъ въ самой Греціи. Слѣдя далѣе, мы попадемъ въ Сицилію, богатую греческими колоніями. Здѣсь мы найдемъ Мессану, прежнюю Занкле, съ ея великолѣпною гаванью, затѣмъ еще нынѣ цвѣтущую Катану, постоянно подверженную разрушенію отъ лавы и землетрясеній, могущественныя Сиракузы, игравшія такую важную роль въ греческой исторіи, какъ политической, такъ и культурной; чтобы не перечислять всѣхъ, назовемъ еще богатый и роскошный Агригентъ, по гречески Акрагасъ (нынѣшній Джирдженти) и, наконецъ, много посѣщаемый ради его чудныхъ развалинъ, Селимъ. Помимо знаменитой Массаліи, находившейся въ Галліи, необходимо указать на колоніи въ Италіи, гдѣ въ одной ея части, а именно на берегу Тарентскаго залива, господствовала настолько развитая греческая культура, что эта мѣстность получила названіе Великой Греціи. Здѣсь находились,—если мы назовемъ лишь города, имѣвшіе значеніе въ исторіи культуры,—богатый Тарентъ, спартанская колонія, но вовсе не съ спартанскою строгостью нравовъ,—Локры, извѣстныя законодательствомъ Залевка, и Метапонтъ. На берегу Тиренскаго моря находился значительный во всѣ времена, всегда извѣстный удобствами жизни, Неаполь; далѣе, Кины, въ настоящее время опустѣлая, но первая по времени греческая колонія въ Италіи: преданіе приписываетъ ея основаніе 11-му вѣку до Р. Х. Наконецъ, назовемъ, быть можетъ, важнѣйшіе изъ находившихся на берегу южнаго моря, соперничавшіе между собою города Сибарисъ и Кротонъ. Первый прославился роскошью, второй былъ поистинѣ славенъ здоровою силою своихъ гражданъ, добывавшихъ первыя награды на состязаніяхъ Греціи и ставшій вторымъ отечествомъ великаго философа, который примѣнилъ здѣсь на практикѣ свои взгляды на человѣческое совершенствованіе. Мы говоримъ о Пиѳагорѣ. Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ греческой философіи, необходимо бросить взглядъ на характерную сторону греческой торговли,—на денежное обращеніе, причемъ намъ снова придется говорить объ италійскихъ городахъ.

Свойственный грекамъ торговый духъ нашелъ свое самое рѣзкое выраженіе въ томъ фактѣ, что они явились изобрѣтателями, или, по крайней мѣрѣ, главными распространителями денегъ въ видѣ монетъ. Можно было бы думать, какъ замѣчаетъ А. Бланше въ началѣ своей прекрасной книжки о греческихъ монетахъ, что деньги были уже необходимы въ самомъ первобытномъ человѣческомъ обществѣ. Однако, это не такъ. Первоначально была достаточна система мѣнового торга и она еще долго удерживалась. Между тѣмъ проявилась потребность въ общемъ мѣрилѣ цѣнъ. Трудно было во всякомъ частномъ случаѣ опредѣлить, напр., какую цѣнность представляетъ живой скотъ для того, кто думаетъ пріобрѣсти, положимъ, домъ. Драгоцѣнные металлы, золото, серебро и мѣдь были сами по себѣ какъ бы предназначены для этой цѣли. Изъ этихъ металловъ дѣлали слитки или кольца, придавая имъ опредѣленный вѣсъ. Само собою разумѣется, часто

приходилось ихъ взвѣшивать, иначе обманъ былъ слишкомъ легокъ. Но слитки и кольца годились лишь для болѣе крупныхъ платежей; для болѣе мелкихъ требовались меньшіе куски. Здѣсь обманъ или простая ошибка были еще возможнѣе, а взвѣшиваніе еще необходимѣе, что требовало большой потери времени. Такимъ образомъ пришли, наконецъ, къ тому, что стали чеканить клеймо или штемпель на маленькихъ кускахъ металла. Этотъ штемпель, служа, напр., чьимъ-либо гербомъ, являлся гарантіей того, что данный кусокъ имѣетъ полный вѣсъ, т. е., что, въ случаѣ необходимости, онъ будетъ принятъ по данной цѣнности. Подобную гарантію доставляли города или же цари. Любимѣйшей формою монеты вскорѣ стала круглая. Но если идетъ рѣчь о вопросѣ, кто изобрѣлъ монету, которая была неизвѣстна ни вавилонянамъ, ни египтянамъ, ни даже такимъ торговымъ народамъ, какъ финикіяне и карѳагеняне въ эпоху изъ процвѣтанія, то на этотъ вопросъ древніе писатели даютъ двоякій отвѣтъ. Одни приписываютъ изобрѣтеніе монеты лидянамъ, другіе— тирану Федону Аргосскому. Если принять во вниманіе всѣ обстоятельства, то приходится допустить, что лидяне скорѣе имѣютъ право считаться изобрѣтателями денегъ, нежели Федонъ, о которомъ сверхъ того неизвѣстно, когда именно онъ жилъ. Лидійская монета имѣетъ болѣе старинный стиль, нежели древнѣйшія монеты собственной Греціи. Сверхъ того Бланше съ полнымъ основаніемъ подчеркиваетъ еще одно мало извѣстное обстоятельство. Введеніе монеты съ надписями относится въ Китаѣ къ 7-му столѣтію до Р. Х., а какъ разъ въ это время въ Китаѣ образовалась колонія чужестранцевъ изъ Малой Азіи; это является новымъ подтвержденіемъ того, что монета тогда только-что была изобрѣтена въ Малой Азіи. Да и самый металлъ, изъ котораго выдѣлывались древнѣйшія монеты, указываетъ на Малую Азію. Это былъ такъ называемый электронъ, естественное соединеніе золота съ малымъ количествомъ серебра, болѣе свѣтлаго цвѣта, чѣмъ чистое золото. Такое соединеніе находили въ богатой золотомъ знаменитой рѣкѣ Пактолосъ. Такъ называемое пактольское золото, вошедшее въ пословицу, это и былъ электронъ. Сверхъ того его находили въ рудникахъ Тмолоса и Сипилоса. Онъ содержалъ 73 части золота и 27 частей серебра. Въ самой Греціи первоначально чеканили серебро, которое прибавляли къ электрону въ отношеніи 1 : 10. Монеты изъ чистаго червоннаго золота являются гораздо позднѣе, при-

близительно въ 6-мъ вѣкѣ до Р. Х., и полагаютъ, что ихъ впервые сталъ чеканить Крезъ. Отношеніе цѣнности золота къ серебру первоначально равнялось приблизительно 14 : 1. Мѣдная монета является впервые лишь въ 5-мъ вѣкѣ. Она явилась сначала на западѣ. Въ Италіи мѣдь была металломъ, служившимъ мѣриломъ цѣнности. Такъ какъ монеты первоначально представляли опредѣленный вѣсъ, то онѣ зависѣли отъ системы вѣсовъ у разныхъ народовъ, пользовавшихся той или иной монетой; въ передней Азіи эти системы зависѣли отъ Вавилона. Взвѣшивали талантами и минами и переносили эти названія также на опредѣленныя вѣсовыя количества монетъ. Для подраздѣленія мины существовали названія, въ особенности свойственныя монетамъ. Здѣсь были, разумѣется, опредѣленныя любимыя и наиболѣе употребительныя единицы. Самой употребительной монетою былъ статеръ, но это собственно только названіе. Вѣсъ и цѣнность статера могли быть различными въ разныхъ частяхъ Греціи. Въ Греціи господствовали весьма разнообразныя системы монетъ. Главнѣйшія были эвбейско-аттическая и эгинская. Подраздѣленіе серебра, какъ денегъ, было на таланты, мины и драхмы. Талантъ содержалъ 60 минъ, мина 100 драхмъ, драхмы подраздѣлялись снова на 6 оболовъ. Драхмы назывались во многихъ мѣстахъ также статерами. Это значитъ, что [тамъ употребительнѣйшею монетою была драхма Въ другихъ же мѣстахъ статеръ равнялся двумъ драхмамъ. Но такъ какъ драхма не всюду была одинакова и, напр., эвбейско-аѳинская драхма вѣсила приблизительно 4,37 грамма, а эгинская 6,28 грамма, то поэтому мѣнямъ (трапезитамъ) у грековъ было много дѣла. Гербы или знаки городовъ, поставленные на монетахъ, были въ высшей степени разнообразны. Города иногда измѣняли эти знаки, постепенно становившіеся все болѣе красивыми. Благодаря прекрасному чекану, изслѣдованіе греческихъ монетъ стало одною изъ самыхъ интересныхъ частей исторіи греческаго искусства. Прежде чѣмъ мы вкратцѣ разсмотримъ эти типы, необходимо еще замѣтить, что, какъ извѣстно, вторымъ характернымъ признакомъ монеты является надпись, которая должна указать, кто гарантируетъ полноцѣнность, т. е. полный вѣсъ данной монеты. Въ республиканской Греціи это было дѣломъ города; отсюда надпись, поставленная въ родительномъ падежѣ отъ имени обитателей, напр. аѳинянъ; но обыкновенно сокращали и вмѣсто аѳинянъ писали только

ао. Въ царствахъ, разумѣется, ставилось только названіе царя, также въ родительномъ падежѣ, напр. Филиппа (по-гречески Филиппу), т. е. монета Филиппа. Однако, надпись не необходимая принадлежность монеты; достаточно изображенія. По такимъ изображеніямъ, узнавали изъ какого города монета. Да и мы иногда узнаемъ при отсутствіи надписей, причемъ обнаруживается опытность и тактъ нумизматика. Чеканъ въ высшей степени разнообразенъ. Первоначально лишь на одной сторонѣ было изображеніе, что было связано съ способомъ чеканки монетъ, которая производилась ударами молотка, причемъ одна сторона монеты получала оттискъ неправильныхъ углубленій одного лишь штемпеля, именно предназначеннаго къ тому, чтобы придерживать слитокъ. Гербъ былъ достаточенъ также для того, чтобы указать происхожденіе монеты. Такъ какъ эти надрѣзы включали въ квадратѣ, то на древнѣйшихъ монетахъ само изображеніе называлось квадратомъ. Такимъ образомъ древнѣйшія малоазіатскія монеты, сдѣланныя изъ „электрона", содержали по большей части съ одной стороны вырѣзанный квадратъ, съ другой стороны первоначально дѣлали, по большей части, изображеніе животнаго, затѣмъ иногда также голову какого-нибудь бога. Нѣкоторые авторы пытались даже доказать, что самая чеканка монетъ имѣла религіозное основаніе. Утверждали, что первыя монеты чеканились въ извѣстныхъ храмахъ. Какъ бы то ни было, но въ болѣе позднее время во всякомъ случаѣ монеты чеканились міряпами или гражданскими общинами. Вошло затѣмъ въ употребленіе чеканить съ обѣихъ сторонъ, причемъ на лицевой сторонѣ все же по преимуществу чеканили изображеніе какой-либо головы. Разнообразіе изображеній на греческихъ монетахъ необычайно и ихъ красота большею частью удивительная; однако, за однимъ замѣчательнымъ исключеніемъ. Наиболѣе эстетическій городъ Греціи никогда не придавалъ ни малѣйшаго значенія украшенію своихъ монетъ; аѳинскія монеты всегда имѣли на одной сторонѣ голову Аѳины, а на другой, изображеніе ея птицы, т. е. совы и оба изображенія настолько стариннаго стиля, какъ только можно себѣ представить: сама Аѳина изображается въ профиль, а глаза ея en face, что вообще дѣлало искусство до 6-го столѣтія, а сова, въ свою очередь, изображена такимъ же образомъ, съ огромными выпученными глазами. Наибольшую заботливость относительно красоты монетъ обнаружили какъ разъ тѣ греческія республики, которыя считались наименѣе

образованными. На монетахъ Крита, Аркадіи, Ѳессаліи мы видимъ настоящія художественныя произведенія. Примѣръ Аѳинъ уже показываетъ, что при выборѣ изображенія одерживало верхъ то или иное городское богослуженіе. Такъ, въ Аѳинахъ, мы видимъ голову и птицу богини, покровительницы города. Нерѣдко на лицевой сторонѣ находилась голова бога, на оборотной какое-либо изображеніе, указывающее на этого бога. Особенно въ позднѣйшее время очень легко справлялись съ этимъ; напр., на передней сторонѣ голова Аполлона, на оборотной лира или треножникъ. Многіе города держались своего чекана; другіе часто мѣняли его. Наиболѣе неизмѣнный чеканъ былъ тамъ, гдѣ существовала наиболѣе распространенная торговля, вызывавшая желаніе, чтобы однѣ и тѣ же монеты всегда легко могли быть узнаны и поэтому легко принимаемы. Менѣе значительные города старались привлечь къ себѣ вниманіе красотою новаго чекана. Мы дадимъ здѣсь маленькій обзоръ главныхъ типовъ греческихъ монетъ, съ сѣверо-востока до запада. Познаніе греческихъ монетъ, чрезвычайно распространенное въ Англіи, очень мало распространено на континентѣ. Даже въ Германіи нумизматика не процвѣтаетъ, такъ что стоитъ труда кое-что сказать по этому вопросу, тѣмъ болѣе, что монета является однимъ изъ своеобразнѣйшихъ продуктовъ культуры греческаго народа и поэтому заслуживаетъ особаго вниманія въ исторіи греческой культуры. Древне-греческія монеты это частью художественныя произведенія, доступныя даже человѣку, обладающему не слишкомъ значительными средствами, при чемъ онъ будетъ имѣть увѣренность въ томъ, что въ его рукахъ находятся подлинныя произведенія прекраснаго искусства, тогда какъ добыть подлинныя произведенія греческой скульптуры весьма не легко. Конечно, и древнія монеты часто поддѣлываются; но не слѣдуетъ покупать, не справившись съ мнѣніемъ знатока. Пантикапеіонъ имѣетъ монету съ знакомъ, который говоритъ самъ за себя. Это голова бога Пана. Одессосъ имѣетъ въ гербѣ голову бородатаго бога, въ общемъ изображеннаго подобно Зевсу; Ольвія—голову Димитры, а на обратной сторонѣ монеты—морского орла, поймавшаго рыбу. Мы видимъ здѣсь, какъ городъ, находившійся близъ устья Гипаниса, пытается подчеркнуть источникъ своего богатства (Ольвія отъ слова ольвосъ — богатство), а именно зерновой хлѣбъ на сушѣ и рыбу въ морѣ. Византія имѣетъ на монетахъ изображеніе быка (намекъ на слово бусъ или правиль-

нѣе вусъ—волъ) и различныя головы боговъ. Во Ѳракіи мы видимъ на монетѣ Ѳазосъ—голову Вакха и стрѣлка, Геркулеса. Въ Абдерѣ (Авдирѣ) видимъ голову Аполлона, а съ обратной стороны коршуна или грифа (подобно тому, какъ и въ метрополіи Теосъ въ Іоніи); въ Мароніи—скачущую лошадь, а съ обратной стороны виноградные листья: уже у Гомера сказано, что въ этой мѣстности было прекрасное вино въ землѣ киконовъ. Въ Эфесѣ мы видимъ прекрасную голову Гермеса; возвращаясь снова въ Малую Азію, мы найдемъ въ Синопѣ голову нимфы Синопы, а на обратной сторонѣ монеты—морскаго орла, сидящаго на дельфинѣ. Такимъ образомъ и южный берегъ Эвксинскаго понта прославляетъ рыбныя богатства этого моря. Кизикъ есть одинъ изъ интереснѣйшихъ городовъ для монетнаго дѣла по разнообразію своихъ выдѣланныхъ изъ „электрона“ монетъ, на которыхъ изображены всякаго рода мелкія художественныя произведенія. Самый городъ указывается лишь мимоходомъ: его гербомъ является рыба тунецъ. Ловля этой рыбы являлась здѣсь однимъ изъ главныхъ источниковъ дохода. Тенедосъ имѣетъ монеты съ двойнымъ топоромъ, символомъ Зевса; въ Клазоменахъ, гдѣ господствовалъ культъ Аполлона, мы видимъ голову Аполлона, а на обратной сторонѣ лиру. Въ Эфесѣ главнымъ изображеніемъ является пчела по той причинѣ, что главный жрецъ Артемиды назывался пчелинымъ царемъ, а жрицы ея назывались мелиссэ, т. е. пчелами. На обратной сторонѣ изображался олень Артемиды. Гербомъ Милета былъ левъ, а Фокеи—самъ за себя говорящій гербъ тюленя (тюлень по-гречески фока). Переходя къ іонійскимъ островамъ, мы видимъ въ Хіосѣ сфинкса, въ Самосѣ переднюю часть львиной головы и льва. Обращаясь къ Каріи, находимъ въ Книдосѣ голову Афродиты и переднюю часть льва; въ Косѣ—голову Геркулеса, а на обратной сторонѣ символъ этого полубога, дубину. Родосъ, главный городъ солнечнаго острова, имѣлъ голову Геліоса, а на обратной сторонѣ розу (по-гречески родонъ). Обращаясь къ полуварварскимъ мѣстностямъ, Киликіи и Пизидіи, а также къ совершенно варварскимъ мѣстностямъ Сиріи (позднѣйшія греческія монеты Сиріи принадлежатъ къ царской эпохѣ), мы здѣсь не находимъ ничего особеннаго, а поэтому возвращаемся къ европейской Греціи. Въ Ѳессаліи мы находимъ прекрасныя монеты, отчасти указывающія на своеобразную культуру этой страны. Такъ, въ Ларисѣ находимъ лошадь, а въ Фарсалѣ всадника—всадники ѳес-

салійской знати славились во всей Греціи. Въ Коркирѣ мы видимъ корову, кормящую теленка, въ Этоліи голову Геркулеса, а съ другой стороны сидящую Этолію, покровительницу Этолійскаго союза. Въ Локрахъ находимъ сражающагося воина, по всей вѣроятности Аякса,—изображеніе, встрѣчаемое вновь на монетахъ запада. Какъ въ Этоліи, такъ и въ Віотіи находимъ союзныя монеты; съ одной стороны віотійскій щитъ своеобразной формы, съ другой—символъ Вакха (кружка вина) или же изображеніе Геркулеса. Вакхъ и Геркулесъ были главными божествами Віотіи. О простыхъ и однообразныхъ аѳинскихъ монетахъ было уже сказано. Въ Мегарѣ была голова Аполлона и лира. Въ Коринѳѣ голова Паллады (нѣкоторые считаютъ ее Афродитой) и Пегаса. Эти монеты такъ и назывались *пегасами* и принадлежали къ числу самыхъ распространенныхъ греческихъ монетъ на-ряду съ аѳинскими, получившими названіе главковъ, т. е. совъ. Въ Эгинѣ была черепаха, въ Сикіонѣ химера и голубь, въ Ахеѣ союзныя монеты, не такія красивыя и мельче, чѣмъ въ Этоліи, хотя въ послѣдней населеніе было грубѣе. Наоборотъ, особенно красивы монеты въ Элидѣ, мѣстопребываніи олимпійскихъ игръ. Здѣсь мы находимъ голову Зевса (очевидно снимокъ со статуи Фидія), символы Зевса, какъ, напр., парящаго орла, и прекрасно задуманный перунъ Зевса (нике); наконецъ, тамъ же находимъ прекрасную голову Геры. Въ городахъ Аркадіи мы видимъ прежде всего прекрасную голову Зевса, изображеніе Геркулеса и сидящаго бога Пана. Критскія монеты необычайно разнообразны, частью очень красивы, иногда странны. Такъ, на одной изображена богиня, сидящая на деревѣ. На другихъ крылатый великанъ Талосъ, покровитель острова; еще на иныхъ лабиринтъ, въ которомъ свирѣпствовалъ Минотавръ. Въ Киренѣ мы видимъ голову Зевса Амона съ бараньими рогами, а съ другой стороны растеніе, называемое сильфіонъ, вывозившееся въ большомъ количествѣ изъ Киренъ за его лѣкарственныя свойства. На западѣ мы видимъ прекрасныя монеты въ Сициліи, въ числѣ ихъ нѣкоторыя изъ красивѣйшихъ греческихъ монетъ, стало быть вообще изъ монетъ цѣлаго міра. Въ Сиракузахъ, играющихъ здѣсь главную роль, на лицевой сторонѣ обыкновенно изображается женская голова, по всей вѣроятности, Ареѳуза или же Кора (Прозерпина). На обратной сторонѣ упряжь, въ знакъ побѣды, одержанной сиракузскими властителями въ Олимпіи съ своей четверкою

лошадей. Декадрахмы (10 драхмъ) этого рода, содержащія серебра примѣрно на сумму 12 франковъ, продаются теперь по 100 франковъ штука. Въ Катанѣ и Леонтіи мы находимъ указаніе на служеніе Аполлону, такъ какъ голова этого бога изображена на монетахъ. Въ наксосѣ свойственный ему культъ указанъ головою Вакха, а на раобтной сторонѣ изображеніемъ сидящаго Сатира. Занкле (Мессана) первоначально имѣла дельфина, включеннаго въ серповидную фигуру (знакъ серповидной гавани); впослѣдствіи зайца и упряжку муловъ; въ Гелѣ находимъ переднюю часть быка съ человѣческой головой,—изображеніе рѣки Геласъ. Остальные большіе города острова имѣли, наконецъ, извѣстные, постоянные символы или гербы: Гимера—пѣтуха (гемера значить день, Селинусъ—листъ сельдерея (селинусъ значитъ сельдерей), Акрагасъ орла, а на обратной сторонѣ морского рака. Перейдемъ къ самой Италіи, гдѣ встрѣчаемъ отчасти очень красивыя монеты. Въ Неаполѣ мы видимъ голову богини и быка съ человѣческой головой. Въ Кинѣ раковины, въ Элеѣ льва, въ Тарентѣ человѣка, ѣдущаго верхомъ на дельфинѣ, и всадника. Въ Метапонтѣ колосъ, обозначающій плодородіе страны. Въ Регіонѣ переднюю часть львиной головы, въ Кротонѣ, гдѣ почитали Аполлона, лиру, въ Сибарисѣ и въ Посидоніи (Пестумѣ) быка. Наконецъ, въ Массаліи, какъ и въ родственной ей Элеѣ, предпочитался левъ. Къ этимъ городскимъ монетамъ со временъ Александра Македонскаго присоединяются царскія монеты, любопытныя тѣмъ, что на нихъ часто можно встрѣтить портреты тогдашнихъ царей и полководцевъ. Дальнѣйшія подробности читатель найдетъ въ прекрасномъ сочиненіи Имгофа Блюмера.

Чего нельзя, во всякомъ случаѣ, найти на греческихъ монетахъ, это ясности историческихъ указаній. Послѣднія въ значительномъ количествѣ находятся на римскихъ монетахъ, возбуждающихъ поэтому интересъ совсѣмъ иного рода. Красивѣйшія монеты относятся къ 5 и 4 столѣтію до Р. Х., особенно сицилійскія, элійскія, ѳессалійскія и аркадскія. Эстетическое чувство грековъ особенно привлекательно въ этихъ миніатюрныхъ художественныхъ произведеніяхъ. Изъ позднѣйшихъ царскихъ монетъ нѣкоторыя украшены въ высшей степени характерными головами, начиная съ монетъ Александра Македонскаго до монетъ пергамскихъ царей и селевкидовъ и, наконецъ, до бактрійскихъ царей греческой національности. Послѣдняя поистинѣ прекрасная греческая

монета, это, по всей вѣроятности, та, которая украшена головою извѣстнаго царя Митридата Понтійскаго, съ которымъ было столько хлопотъ Риму.

Философія. Пиѳагоръ. Мистеріи.

Философъ по-гречески означаетъ, собственно говоря, друга или любителя знанія, мудрости. Философія есть стремленіе къ знанію. Эти довольно скромныя выраженія хорошо обозначаютъ, въ чемъ дѣло. Рѣчь шла именно о вещахъ, о которыхъ ничего въ сущности нельзя знать съ увѣренностью, каково, напр., происхожденіе бытія, позволяющее лишь предположенія. Такъ какъ бытіе или сущность является прежде всего тѣлесною, вещественною, то первыя изслѣдованія о происхожденіи относятся къ вещественнымъ источникамъ. Первыми философами были азіатскіе, іонійскіе; Ѳалесъ положилъ начало философіи природы. По его мнѣнію, все произошло изъ воды. За нимъ послѣдовали, съ подобными же попытками, Анаксимандръ и Анаксименъ, причемъ послѣдній замѣнилъ воду воздухомъ. Но тѣ же люди изучали также положительныя науки—геометрію, географію, астрономію—и достигли здѣсь многаго; начали даже набрасывать географическія карты. Что Ѳалесъ занимался также вопросами практической жизни, это мы знаемъ по тому, что онъ попалъ въ число 7 мудрецовъ. Такимъ образомъ онъ былъ мудрецъ, *софосъ* и стремящійся къ мудрости, *философосъ*; практически онъ былъ уже мудрымъ, теоретически стремился къ мудрости. То и другое съ тѣхъ поръ совпало и двойное названіе стало излишнимъ; одно изъ двухъ можно было отбросить. Однимъ изъ первыхъ, кто далъ себѣ скромное названіе, не мудреца, а только друга мудрости, былъ Пиѳагоръ, іонiецъ изъ Самоса, который, послѣ далекихъ путешествій, поселился въ Кротонѣ, гдѣ надѣялся найти и дѣйствительно нашелъ благодарную почву для своихъ практическихъ стремленій. Онъ пытался сочетать оба стремленія, не находившіяся у Ѳалеса и его послѣдователей ни въ какомъ внутреннемъ соотношеніи; онъ не хотѣлъ поучать теоретической мудрости, но вздумалъ примѣнить ее къ практической жизни; поэтому онъ обучалъ всѣхъ, кто только хотѣлъ его слушать, и основалъ сверхъ того прочное общество или товарищество изъ людей, объединившихся и ведшихъ

одинаковый образъ жизни. Какъ философъ, Пиѳагоръ исходилъ изъ матеріальныхъ началъ, выставленныхъ вышеназванными іонійскими философами. Но нормою творенія онъ поставилъ число, т. е. порядокъ, гармонію. Чего онъ достигъ, какъ математикъ, исходя изъ этого принципа—это общеизвѣстно. Въ своемъ вліяніи на народъ, онъ пытался также урегулировать человѣческую жизнь по принципу гармоніи. Онъ предписывалъ разумно-упорядоченную жизнь первоначально кругу посвященныхъ, жившихъ въ полномъ единодушіи между собою, и полагалъ, что отсюда произойдетъ постепенное оздоровленіе народной нравственности. Но это, разумѣется, не было достигнуто. Его союзъ естественно пріобрѣлъ аристократическій характеръ. Но такому настроенію препятствовала демократическая струя, болѣе могущественная, чѣмъ философъ, преслѣдовавшая его, а послѣ смерти—и его учениковъ. Союзъ былъ разрушенъ, но его ученіе распространялось отдѣльными лицами дальше. Таинственная сторона устройства пиѳагорейскаго союза, впрочемъ, соотвѣтствовала потребности, которую испытывали греки, а именно дополнить свою черезчуръ ударившуюся во внѣшность религію добровольными союзами. Мы уже замѣтили, что тайное богослуженіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ служило даже государственнымъ цѣлямъ. Чисто частными тайными ученіями были такъ называемыя *орфическія мистеріи*. Тѣсное соотношеніе съ государствомъ, особенно въ Аттикѣ, имѣли элевзинскія таинства. Относительно ихъ содержанія нѣтъ достаточно полныхъ свѣдѣній; одно, однако, извѣстно, а именно, что они содержали, собственно говоря, не ученіе, не догматы, но лишь театральныя представленія, изъ которыхъ, разумѣется, можно было извлечь извѣстныя мысли. Связывались они съ миѳомъ о похищеніи Персефоны или Коры богомъ преисподней, Плутономъ или Гадесомъ. Рѣчь шла также о блужданіяхъ Димитры, искавшей своей дочери. Наконецъ была найдена аналогія между сошествіемъ Коры въ адъ (Гадесъ) и возвращеніемъ ея, а также между зарытіемъ зерна въ землю и выростаніемъ злака и опусканіемъ человѣка въ землю и дальнѣйшими судьбами его души. Явилась такимъ образомъ мысль, что душа существуетъ послѣ смерти тѣла, но мысль эта нигдѣ не была ясно формулирована и мы не въ состояніи даже сказать, чтобы элевзинскія мистеріи ясно учили о безсмертіи души. Допускались къ этимъ мистеріямъ всѣ праведные аѳинскіе граждане и выдающіеся чужеземцы. Быть допущеннымъ считалось почетомъ и извѣстной гарантіей блаженной жизни въ будущемъ. Но все это было покрыто мракомъ и никто не имѣлъ права разсѣять его. Не существовало никакихъ привилегированныхъ среди посвященныхъ, не было никакихъ степеней посвященія; всѣмъ приходилось довольствоваться одинаковыми неопредѣленными воззрѣніями.

Задача развитіи философіи въ Нижней Италіи въ слѣдующую эпоху въ особенности была рѣшена философами изъ Элеи, фокейской колоніи, находившейся къ югу отъ Пестума у Тирренскаго моря,—но нѣсколько инымъ образомъ, чѣмъ это пытался сдѣлать Пиѳагоръ. Элеаты или элейцы прибѣгали не къ полувосточному энтузіазму и не къ совершенному воспитанію членовъ общины, но скорѣе къ чисто греческому остроумію, которое должно было убѣдить каждаго. Пиѳагоръ обладаетъ нѣкоторыми чертами основателя религіи; Зенонъ элейскій это, наоборотъ, человѣкъ, старающійся привлечь строгостью своихъ логическихъ выводовъ. За Пиѳагоромъ могли послѣдовать многіе; Зенонъ,—доказывавшій, что не существуетъ никакого движенія, тогда какъ каждый знаетъ, что оно существуетъ, и что, стало быть, доказательство Зенона основано на-какой либо подтасовкѣ,—такой философъ могъ возбудить только противорѣчіе, а въ лучшемъ случаѣ внушить восхищеніе передъ своимъ непрактическимъ остроуміемъ.

Аѳины.

Говоря объ элевзинскихъ таинствахъ, мы коснулись вопроса объ одномъ греческомъ городѣ, выступившемъ позднѣе другихъ на первый планъ, но съ того времени взявшемъ на себя руководство, по крайней мѣрѣ, просвѣщеніемъ и невыпускавшій его болѣе изъ рукъ. Мы говоримъ объ Аѳинахъ. Аѳины становятся значительными лишь около 650 г. до Р. Х., но сами онѣ относили свое значеніе еще къ первобытнымъ временамъ, утверждая, что важнѣйшія изъ іонійскихъ колоній Азіи аѳинскаго происхожденія. Это, разумѣется, преувеличеніе. Но іонійцы Азіи фактически признавали высокое значеніе Аѳинъ для своихъ поселеній, и такъ какъ среди основателей богатаго Милета были кодриды, т. е. потомки Кодра, то послѣдній аѳинскій царь, Кодръ, сталъ еще знаменитѣе, чѣмъ могъ бы быть по причинѣ своего легендар-

наго самопожертвованія ради своего города. По смерти Кодра, Аѳины стали республикой, однако, продолжали высоко чтить знаменитѣйшаго изъ своихъ царей, древняго Тезея, который во многихъ отношеніяхъ является легендарнымъ соперникомъ Геркулеса, совершая дѣла не менѣе изумительныя, но въ другихъ отношеніяхъ имѣетъ характеръ исторической личности. Дѣйствительно, должна же быть доля истины въ утвержденіи, что Тезей соединилъ до тѣхъ поръ отдѣльныя общины Аттики въ одно государство, съ главнымъ городомъ Аѳинами. Со времени этого соединенія, чѣмъ бы оно ни было вызвано, Аѳины стали величайшимъ изъ государствъ Греціи, въ которой большая часть общинъ обладала лишь такимъ количествомъ земли, какое можно было обозрѣть со стѣнъ города, и это придало Аѳинамъ особое значеніе, по сравненію съ господствовавшими въ другихъ мѣстахъ мелкими государствами. Въ аттическомъ характерѣ вообще должны были соединяться выдающіеся задатки, которые, въ концѣ концовъ, въ соединеніи съ естественными преимуществами только что указанной сравнительной величины государства, съ выгоднымъ торговымъ положеніемъ, съ обладаніемъ серебряными рудниками (Лавріонъ), дѣлали аѳинянъ тѣмъ, чѣмъ они были,— однимъ изъ главнѣйшихъ культурныхъ элементовъ цѣлой древности. Естественно, благодаря существованію въ Аѳинахъ выдающихся писателей, историческія отношенія этой республики были освѣщены гораздо лучше, нежели остальныхъ греческихъ государствъ и республикъ.

Аѳины прошли общій путь развитія, свойственный грекамъ: отъ царской власти черезъ посредство аристократіи они перешли въ демократію. Сначала тамъ управляли цари, затѣмъ архонты, вышедшіе изъ аристократіи. Низшимъ классамъ долгое время не представлялось никакой возможности принимать участіе въ правленіи или хотя бы улучшить свое экономическое положеніе. Отсюда недовольство и классовая ненависть со всѣми ея послѣдствіями, уже указанными раньше, Мы упоминали о происках честолюбцевъ, пытавшихся основать тиранію, и о попыткахъ добрыхъ гражданъ, дѣйствуя отъ имени народа, исправить зло посредствомъ законодательства. Замѣчательной попыткой воспользоваться недовольствомъ простого народа и основать тиранію, господствующую надъ знатью, была попытка Кимона, оставшаяся безъ успѣха. Самъ Кимонъ, правда, ускользнулъ, оставивъ своихъ приверженцевъ на произволъ судьбы, но ихъ схватили и убили, нарушивъ

право религіознаго убѣжища; за этимъ послѣдовали продолжительныя распри между фамиліей Алкмеонидовъ, члены которой играли особую роль при этомъ убійствѣ, и остальными аѳинянами. Путь законодательства былъ избранъ два раза. Въ первый разъ—безъ видимаго успѣха; во второй—съ лучшимъ успѣхомъ. На первый разъ поручили установить норму уголовныхъ каръ нѣкоему Дракону, но придуманныя имъ мѣры были настолько строги, что никого не удовлетворили. Говорили, что законы Дракона написаны кровью. Существовали-ли, однако, какія-либо опредѣленныя государственныя учрежденія, созданныя этимъ законодателемъ, остается неяснымъ, несмотря на утвержденіе Аристотеля. Во второй разъ, по всеобщему желанію, одинъ изъ самыхъ выдающихся гражданъ Аѳинъ, стоящій во главѣ семи мудрецовъ, Солонъ, далъ городу дѣйствительно новое устройство, представляющее шагъ въ дѣлѣ демократизаціи Аѳинъ. Онъ ввелъ въ сущности *тимократію*, т. е. государственное устройство, основанное на *имущественныхъ правахъ*. Это было устройство, подобное тому, которое Сервій Туллій ввелъ въ Римѣ. Солонъ устроилъ 4 класса со все меньшими правами. Наивысшая власть (постъ архонтовъ), какъ прежде, такъ и теперь была доступна лишь наиболѣе богатымъ, т. е. членамъ перваго класса. Какъ бы ни было превосходно это устройство, Солонъ не могъ воспрепятствовать тому, чтобы вскорѣ не появилось тираническое правленіе. Тираномъ сдѣлался даже близкій родственникъ Солона, Пизистратъ, а по смерти его, еще управляли его сыновья, Гиппій и Гиппархъ. Тиранія Пизистрата была во всякомъ случаѣ очень кроткая и для Аѳинъ во многихъ отношеніяхъ даже полезная. Такого рода тираны едва ли нарушали чьи-либо частныя права; они покровительствовали искусствамъ и наукѣ, какъ и другіе лучшіе изъ греческихъ тирановъ, напр., Періандръ Коринѳскій. Они значительно распространили могущество города. Въ концѣ шестого столѣтія до Р. Х. Аѳины были гражданской общиной, занимавшей второе мѣсто лишь послѣ Спарты. Ихъ уважали и боялись отъ Азіи до Италіи. Мы видимъ, что на долю Аѳинъ и ихъ тирановъ, напр., Пизистрата и его преемниковъ, относится не малая часть почета, могущества и образованія, существовавшаго въ Греціи около 500 г. до Р. Х. Греческій языкъ господствуетъ почти на всемъ морскомъ побережьѣ, отъ Крыма до Сициліи, и греческія суда плаваютъ, невстрѣчая враговъ, исключая развѣ случайныхъ морскихъ разбойниковъ, по всѣмъ

морскимъ пространствамъ отъ Пантикапейона и Трапезунта на востокѣ до Гимеры, Селинунта и Неаполя,—даже и Массаліи на западѣ.—Но никакой политическій союзъ не соединялъ грековъ, живущихъ на этомъ обширномъ пространствѣ. Они чувствовали себя членами одной націи и помогали другъ другу, однако, никогда не преслѣдовали общаго плана. Но даже такимъ образомъ, дѣйствуя порознь или соединяясь въ малыя группы, греки все же стали неудобны для тѣхъ повидимому могущественныхъ государствъ, которыя сталкивались съ ними на востокѣ и на западѣ. Такимъ образомъ эти послѣднія вздумали противиться дальнѣйшему распространенію грековъ и по возможности старались покорить ихъ. Событія, на которыя я здѣсь указываю, наполняютъ эпоху персидскихъ войнъ.

Персидскія войны.

Это выраженіе относится главнымъ образомъ къ ходу внѣшнихъ событій; оно, однако, обозначаетъ не все, принадлежащее къ этой эпохѣ, съ достаточной ясностью. Дѣйствительно, съ персами боролись только греки востока и средней части, т. е. азіатскіе греки и жители собственной Эллады. Почти столь же трудную борьбу пришлось около того же времени вынести западнымъ грекамъ, — борьбу, которая не имѣла прямого отношенія къ персамъ. Такъ, секеліоты боролись съ карѳагенянами, а Сиракузы и Кине съ этрусками. Такимъ образомъ противъ грековъ въ первой половинѣ 5-го столѣтія были персы, карѳагеняне и этруски. Греки всюду одержали побѣду и послѣдствіемъ этой борьбы было еще сильнѣйшее развитіе греческаго міра. 5-ое столѣтіе представляетъ блестящій періодъ Греціи въ политическомъ и умственномъ отношеніи. Не стану здѣсь разсказывать исторіи войнъ. Напомню лишь о главныхъ результатахъ. На востокѣ мы видимъ сначала іонійское возстаніе и походъ грековъ на Сарды, затѣмъ походы, предпринятые Даріемъ и Ксерксомъ противъ Греціи. Поводъ къ этимъ походамъ дало возрастающее преобладаніе персовъ, покорившихъ греческіе города Малой Азіи; это побудило грековъ сдѣлать опытъ, нельзя-ли имъ освободиться? На западѣ карѳагеняне, въ томъ самомъ году, когда произошелъ походъ Ксеркса, напали на грековъ въ Сициліи и были, подобно персамъ, побѣждены греками. Позднѣе пали въ борьбѣ также этруски, а именно въ морскомъ сраженіи подлѣ Кине съ Сиракузскимъ тираномъ Гіерономъ. Его болѣе крупный предшественникъ и старшій братъ Гелонъ разбилъ карѳагенянъ подлѣ Гимеры. Эта борьба касается насъ здѣсь лишь въ той мѣрѣ, что изображаетъ греческій характеръ то съ самой прекрасной, то съ самой худшей его стороны. Прекрасную сторону составляетъ самопожертвованіе за отечество и дисциплина въ бою. Дурную сторону представляютъ ссоры между руководящими государствами и недостатокъ патріотизма у жрецовъ, служившихъ главной святынѣ—дельфійскому оракулу. Это относится къ востоку. На западѣ, о которомъ мы знаемъ менѣе, выступаютъ въ этой борьбѣ идеальные мотивы вообще не такъ рѣшительно и главнымъ образомъ потому, что здѣсь все дѣлали тираны; народъ только радовался сдѣланному. Этимъ можно ограничиться, пока рѣчь идетъ о нравственной точкѣ зрѣнія грековъ, которая въ 480 г. навѣрное достигла наивысшаго доступнаго ей пункта: при постоянномъ разногласіи, мы видимъ, однако, патріотическій подъемъ духа и воодушевленіе идеаломъ. Иное слѣдуетъ сказать объ умственномъ развитіи, достигшемъ лишь полстолѣтія спустя своей вершины, о чемъ будетъ сказано впослѣдствіи. Однако, именно поэтому необходимо показать, чего достигли греки и въ этомъ отношеніи около 480 г. до Р. Х.

Умственное развитіе. Искусство.

Здѣсь идетъ рѣчь о литературѣ и искусствѣ. Замѣчательно, что искусство древнѣйшихъ временъ и даже литература рѣзко отдѣлены отъ историческаго періода. Болѣе развитое искусство историческихъ временъ особенно явственно начинается, какъ бы безъ всякой связи съ древнимъ искусствомъ. Доисторическое искусство или, выражаясь коротко, *микенскій стиль* не встрѣтилъ достаточнаго преемства послѣ дорійскаго переселенія. Онъ мало-по-малу исчезаетъ. Вазы, которыя мы теперь находимъ, принадлежащія къ такъ называемому геометрическому стилю, отличаются отъ микенскихъ вазъ, гдѣ по преимуществу изображены животныя и простыя растенія. Пластика начинаетъ выступать на передній планъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ, главнымъ образомъ, мужскія фигуры, хотя и не стремящіяся къ полной правдивости,

однако представляющія не простые контуры, но также опредѣленныя изображенія мускуловъ. Вообще, съ изображеніемъ мужской фигуры начинается истинное греческое искусство. Это стало возможнымъ лишь благодаря играмъ, особенно олимпійскимъ. Тамъ художникъ сталъ изучать прекрасное мужское тѣло и обычай ставить статуи въ честь побѣдителей на этихъ играхъ сдѣлалъ возможнымъ примѣненіе подобныхъ этюдовъ. Подвигаясь этимъ путемъ, скульптура достигла уже около 500 года до Р. Х. извѣстнаго совершенства. Характеръ ея проявляется въ статуяхъ, найденныхъ, въ большомъ числѣ, на аѳинскомъ Акрополѣ и въ храмовыхъ рельефахъ, въ особенности въ древнѣйшемъ храмѣ Селинунта. О характерѣ тогдашней живописи мы получаемъ понятіе по расписаннымъ вазамъ, которыя на первыхъ порахъ обнаруживаютъ уже упомянутый такъ называемый геометрическій стиль. Далѣе мы видимъ такъ называемыя коринѳскія вазы, находящіяся подъ азіатскимъ вліяніемъ (полосы, составленныя изъ фигуръ, изображающихъ звѣрей). Далѣе слѣдуютъ вазы, изображающія сцены изъ преданій, расположенныя не полосами, одна сверхъ другой, но изображенныя такъ, что опредѣленная сцена заполняетъ всю высоту тѣла сосуда. При этомъ обыкновенно рисовали черныя фигуры на красномъ фонѣ; затѣмъ явились красныя фигуры на черномъ фонѣ. Эти послѣднія начинаютъ появляться приблизительно съ того времени, которымъ мы теперь занимаемся. Живопись на вазахъ съ черными фигурами показываетъ, что греческое искусство было уже на пути къ высокому совершенству. Наконецъ, слѣдуетъ сказать объ архитектурѣ. Здѣсь совершенное отдѣленіе отъ микенскаго искусства очевидно. Идеалъ греческаго храма съ его помостомъ и колоннами есть созданіе, относящееся къ эпохѣ, слѣдующей за микенской. Каково начало этой эпохи, еще неизвѣстно. Греческая архитектура, конечно, не могла выскочить подобно тому, какъ Аѳина изъ головы Зевса. Всякое развитое искусство требуетъ предшествующей стадіи. Но мы во всякомъ случаѣ знаемъ лишь совершенные греческіе храмы съ колоннадами и треугольнымъ фронтономъ вполнѣ идеальной формы. Предшествующія ступени развитія, попытки приблизиться къ идеалу, совершенно исчезли для насъ. Различаютъ, какъ извѣстно, три стиля: *дорійскій*, *іонійскій* и *коринѳскій*. Но этотъ послѣдній представляетъ лишь позднѣйшее видоизмѣненіе іонійскаго стиля и для насъ, пока, мы говоримъ объ эпохѣ приблизи-

тельно до 480 г., имѣетъ значеніе только дорійскій стиль. Колонны безъ базиса и съ канелями, (бороздами) съ простымъ капителемъ, простымъ архитравомъ, затѣмъ фрески, въ которыхъ перемѣшаны такъ называемыя триглифы и метопы,—таковы признаки этого стиля. Самые блестящіе примѣры этого стиля представляютъ храмы Пестума, а въ Сициліи храмы Селинунта и нѣсколько позднѣйшіе—въ Акрагасѣ и Сегестѣ. Они воплощаютъ красоту, соединенную съ величіемъ. Метопы и фронтоны были украшены рельефами, изъ которыхъ мы уже упоминали о рельефахъ Селинунта. Еще не ясно, въ какой степени древняя греческая скульптура подвергалась раскрашиванію; но что окраска существовала такъ же, какъ и для архитектуры, это несомнѣнно. Представленіе объ ослѣпительной бѣлизнѣ греческихъ храмовъ и статуй должно быть отброшено.

Нѣсколько иное, чѣмъ о классическомъ искусствѣ, слѣдуетъ сказать о поэзіи, по сравненію съ древнѣйшимъ періодомъ. Древнѣйшая поэзія—вѣдь это поэмы Гомера, правда изображающія Микенскую эпоху, но относящіяся сами къ послѣмикенскому времени, отъ котораго онѣ заимствуютъ многія свои черты. Тѣмъ не менѣе, различіе между гомеровской и позднѣйшей греческой поэзіей замѣчательно. Здѣсь мы видимъ не только различіе, вообще существующее между эпосомъ и лирикой. Нѣтъ, весь духъ той и иной поэзіи неодинаковъ. Въ поэзіи Архилоха, Алкея, Сафо мы встрѣчаемъ совершенно новый міръ. Величественное единство и замкнутость эпическихъ характеровъ, ихъ простота и всеобщность исчезаютъ. Люди, описанные въ лирикѣ, это болѣе не типы, подобные гомеровскимъ, это отдѣльныя личности, встрѣчающіяся лишь однажды. Гомеръ имѣетъ общечеловѣческое значеніе; лирика и элегія грековъ представляютъ спеціально греческій характеръ, хотя порою ихъ выраженія поднимаются на общечеловѣческую высоту. Такимъ образомъ чисто греческая поэзія въ извѣстной степени начинается лишь съ лирики, подобно тому, какъ чисто греческое искусство исключаетъ предыдущія стадіи микенской эпохи, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что Гомеръ стоитъ безконечно выше, нежели пластическое искусство жителей Микенъ. Замѣчательно, что совершенно субъективнаго поэта, Архилоха, сравнивали съ вполнѣ объективнымъ Гомеромъ; поэта, рисующаго цѣликомъ самого себя, сравнивали съ тѣмъ, который до того исчезаетъ въ своемъ произведеніи, что и теперь еще не знаютъ, былъ-

ли это одинъ поэтъ, было-ли ихъ два или много. Это доказываетъ, что истиннымъ творцомъ позднѣйшей греческой поэзіи Архилохъ считался почти болѣе Гомера. Поэзія съ 8-го по 6-е столѣтіе до Р. Х. господствовала въ Азіи и на островахъ. Она распадалась на элегическую, пользовавшуюся дистихомъ (соединеніе гексаметра съ пентаметромъ), и на чисто лирическую, большею частью раздѣленную на строфы; мѣстопребываніемъ лирики, кромѣ Сициліи (поэтъ Стезихоръ) и Италіи (поэтъ Ивикъ), былъ по преимуществу островъ Лесвосъ, гдѣ Алкей и поэтесса Сафо сочиняли свои пламенныя любовныя пѣсни размѣромъ, которому и до сихъ поръ еще подражаютъ. Элегическіе поэты сочиняли частью любовныя стихотворенія, афоризмы, и даже Солонъ выразилъ свою политическую мудрость въ элегическихъ стихахъ. Жалобныя стихотворенія, какими позднѣе стали элегіи, въ то время были рѣдки. Подъ элегіей вообще подразумѣвались стихотворенія, написанныя дистихами, и въ патріотическихъ произведеніяхъ Симонида элегіи достигли высоты прекраснѣйшаго патріотическаго творчества. Подвиги грековъ въ борьбѣ съ персами прославлялись съ краткостью эпиграммъ, служа образчикомъ для всѣхъ временъ. Въ эту эпоху духовнаго подъема грековъ явились, кромѣ произведеній послѣднихъ мастеровъ лирической поэзіи, также и первыя произведенія новаго рода—вновь возникшія драмы. Послѣдними лириками были названный выше Симонидъ, а затѣмъ Пиндаръ. Оба стяжали себѣ высокую славу новымъ, чисто греческимъ родомъ лирики, гимнами или одами въ честь побѣдителей на великихъ національныхъ играхъ. Едва-ли у какого-либо иного народа, столько же образованнаго, мы встрѣтимъ воспѣваніе, и при томъ самымъ возвышеннымъ тономъ, побѣдителей не только въ борьбѣ или въ бѣгѣ (здѣсь, по крайней мѣрѣ, играло роль личное достоинство), но даже побѣдителей въ бѣгахъ на колесницахъ, хотя въ этомъ случаѣ, прославляемый,—въ честь котораго раздавались звуки самой возвышенной поэзіи, какую только могла доставить религія и древняя миѳологія,—этотъ побѣдитель даже самъ не ѣздилъ и не подвергалъ опасности свое здоровье, но посылалъ своего возницу, подвергая его жизнь опасности. Стоитъ представить себѣ, что въ наше время поэтъ вродѣ Тенниссона сталъ бы прославлять лорда Розберри за его побѣду на скачкахъ въ Дерби. Необходимо проникнуться полнымъ почтеніемъ къ грекамъ и къ Пиндару, чтобы не увидѣть въ подобной поэзіи грубой

лести. Весь этотъ родъ поэзіи, несмотря на высоту, достигнутую ею у Пиндара, прошелъ, не оставивъ слѣда. Изъ всѣхъ греческихъ поэтовъ нынѣшніе образованные люди, вѣроятно, менѣе всего знаютъ Пиндара, составляющаго, однако, почтительный предметъ удивленія со стороны профессіональныхъ ученыхъ.

Но поистинѣ блестящее будущее принадлежало возникшей въ то время драматической литературѣ. Здѣсь мы снова видимъ ту отрасль культуры, въ которой греки были первыми мастерами и учителями будущихъ поколѣній. Даже новѣйшая драма существенно зависитъ отъ античной, созданной греками. Драма имѣла религіозное происхожденіе, какъ и вообще всѣ произведенія искусства у грековъ, и при томъ значеніе ея было вполнѣ непосредственное, такъ какъ она возникла изъ хоровъ, пѣвшихъ въ Аѳинахъ въ честь бога Вакха на его празднествахъ. Къ этимъ хорамъ примкнули затѣмъ речитативы, первоначально произносившіеся лишь отдѣльнымъ лицомъ. Затѣмъ явилось второе лицо; такимъ образомъ возникъ діалогъ—начало драматическаго дѣйствія. Отъ знаменитыхъ телѣгъ Ѳесписа, странствовавшихъ по селамъ, до досчатаго театра, а затѣмъ до каменнаго, надо было сдѣлать большой шагъ, но онъ былъ сдѣланъ довольно скоро. Античный театръ, сообразно со своимъ происхожденіемъ, распадался не на двѣ части, какъ нашъ, но на три: сцену, мѣсто для зрителей и такъ называемый оркестръ, т. е. мѣсто для хора. Въ новѣйшее время указываютъ даже, что актеры долгое время помѣщались не на возвышенныхъ подмосткахъ, но на самомъ оркестрѣ, гдѣ они стояли и говорили. Въ эпоху персидскихъ войнъ жилъ первый изъ трехъ великихъ драматурговъ, Эсхилъ, отъ котораго сохранилось еще 7 драмъ. Одна изъ нихъ, „Персы“, описываетъ предметъ, относящійся къ историческимъ событіямъ. Это разсказъ о сраженіи при Саламинѣ, стало быть, возвеличеніе Аѳинъ. Три другихъ драмы составляютъ такъ называемую трилогію изъ исторіи Атридовъ. Первая часть изображаетъ убійство Агамемнона Клитемнестрой, вторая—мщеніе, т. е. убійство Клитемнестры ея сыномъ Орестомъ. Наконецъ, третья—искупленіе Ореста въ Аѳинахъ — снова приводитъ къ возвеличенію Аѳинъ. Эсхилъ былъ на островѣ Сициліи—у себя дома, такъ же какъ и въ Аѳинахъ, и тамъ прославлялъ въ одной драмѣ семейство сиракузскихъ тирановъ. Здѣсь не мѣсто говорить о благородствѣ побужденія и силѣ и полнотѣ выраженія, господствующихъ въ драмахъ Эсхила.

Греческое просвѣщеніе послѣ 480 г. приблизительно до 430. Аѳины въ эпоху Перикла.

Такимъ образомъ греки, по окончаніи войнъ противъ персовъ, карѳагенянъ и этрусковъ, стояли не только въ политическомъ отношеніи, но и по просвѣщенію на очень высокой ступени и понятно, что сознаніе побѣды этихъ республиканцевъ, лишенныхъ даже прочной связи между собою, надъ многочисленными полчищами деспотовъ еще болѣе повысило ихъ самосознаніе и должно было заставить ихъ стремиться къ дальнѣйшему повышенію своего просвѣщенія. Послѣ этого понятно, что полвѣка, протекшихъ со времени окончанія персидскихъ войнъ и до начала пелопонесской войны, образуютъ самую блестящую пору культурной исторіи Греціи. Это въ то же время самая блестящая эпоха для Аѳинъ. Дѣйствительно, Аѳины были всегда впереди всѣхъ въ дѣлѣ борьбы, и такъ какъ здѣсь не мѣсто подробнаго описанія всего великаго, что было сдѣлано въ умственномъ отношеніи греками, то достаточно замѣтить, что выдающіяся черты греческой культуры проявляются при описаніи Аѳинъ, относящемся къ 430 г., т. е. къ эпохѣ, когда Периклъ руководилъ Аѳинами. Достаточно только напомнить о томъ, что раньше Перикла Аѳинами руководилъ Кимонъ, а раньше Кимона — двое соперниковъ, Ѳемистоклъ и Аристидъ. Мы здѣсь не пишемъ политической исторіи. Необходимо, однако, сказать, что Периклъ, принадлежа къ знатнѣйшему роду, завершилъ въ Аѳинахъ дѣло демократіи. Всѣ аѳинскіе граждане были теперь равны передъ закономъ, всѣ должности стали доступными всѣмъ гражданамъ, многія стали оплачиваться жалованьемъ, и вообще гражданамъ была предоставлена полнѣйшая возможность получать деньги за свою политическую дѣятельность. Можно сказать, что была сдѣлана попытка провести начало государственнаго соціализма. Но Периклъ хотѣлъ достичь того, чтобы граждане были не только состоятельными, но и высоко просвѣщенными; онъ дѣлалъ все, что могъ, чтобы доставить возможность всѣмъ просвѣщаться. Въ Греціи это достигалось не преподаваніемъ въ училищахъ, а скорѣе созерцаніемъ прекраснаго, постановкою художественныхъ произведеній на площадяхъ и въ храмахъ, и театральными представленіями. Аѳины являлись главнымъ городомъ союза, включавшаго богатѣйшіе и прекраснѣйшіе города Малой Азіи,

Ѳракіи и острововъ. Аѳины представляли мѣстопребываніе центральнаго управленія этого союза, который вполнѣ основательно признавался объединеннымъ политическимъ тѣломъ. Граждане союзныхъ городовъ часто имѣли предлогъ отправляться въ Аѳины, гдѣ кончали различныя дѣла; даже важнѣйшіе судебные процессы рѣшались въ Аѳинахъ передъ судомъ присяжныхъ, состоявшимъ только изъ аѳинянъ. Часто также являлись въ Аѳины на праздники. Здѣсь праздновались *Панаѳинеи*, великій праздникъ богини, покровительницы Аѳинъ. Много разъ въ году были *Діонисіи*, когда давались новыя драмы. Далѣе были элевзинскія празднества, въ которыхъ, правда, могли *участвовать* только аѳиняне, а не любой членъ союза; но процессія посвященныхъ, двигавшаяся изъ Аѳинъ въ Элевзисъ, представляла все же замѣчательное зрѣлище, которымъ могъ пользоваться всякій. Изъ того, что видѣли чужеземцы въ Аѳинахъ, безъ сомнѣнія, прекраснѣйшимъ былъ Акрополь, съ его художественными произведеніями, какъ архитектурными, такъ и пластическими. Эта уединенная скала, господствующая надъ городомъ и нѣкогда служившая укрѣпленіемъ, со временъ Перикла стала священною горою, пьедесталомъ для храма и статуй, для жертвенныхъ даровъ богамъ и особенно Аѳинѣ, покровительницѣ города. Доступъ къ крѣпости былъ съ запада. Вмѣсто воротъ служило зданіе Пропилеевъ, сооруженное изъ пентеликонскаго мрамора архитекторомъ Мезикломъ въ 437—432 г. до Р. Х. Это было, въ значительной части и до сихъ поръ сохранившееся, зданіе съ пятью отверстіями, украшенное какъ снаружи, такъ и изнутри колоннадами и имѣющее съ обѣихъ сторонъ выдающіеся снаружи, также украшенные колоннами, флигеля, изъ которыхъ одинъ служилъ картинной галлереей. Справа, т. е. съ южной стороны, выдается одинъ бастіонъ кнаружи, нѣкогда укрѣпленный, но въ эпоху Перикла украшенный прелестнымъ маленькимъ храмомъ, а теперь возобновленный изъ развалинъ. Это былъ храмъ Нике Аптеросъ, окруженный вмѣсто крѣпкой стѣны красиво украшенной рельефами балюстрадой, также отчасти сохранившейся. Выходя изъ Пропилеевъ, зритель попадалъ во внутреннее пространство крѣпости, гдѣ глазъ, ослѣпленный красотою зданія и статуй, почти не зналъ, на чемъ раньше остановиться и чѣмъ восхищаться въ этой массѣ впечатлѣній. Перечислять многочисленныя статуи мы не станемъ. Слѣдуетъ напомнить лишь о колоссальномъ изображеніи Аѳины-воительницы,

стоявшей въ полномъ вооруженіи. Это было произведеніе Фидія. Опираясь на копье, богиня такъ высоко поднимала вызолоченное его остріе, что оно являлось для плывущихъ со стороны Суніона первымъ сигналомъ красотъ, предстоявшихъ путешественникамъ въ Аѳинахъ. Меньшій храмъ видѣли въ этой части пространства крѣпости. Но кто обращалъ вниманіе, видѣлъ справа фасадъ великолѣпнѣйшаго изъ греческихъ храмовъ, Парѳенона. Дорическій периптеросъ, т. е. окруженный колоннадами продолговатый храмовой домъ, съ запада былъ обращенъ къ Парѳенону и на фронтонѣ имѣлъ украшеніе, изображавшее споръ Аѳины съ Посидономъ относительно обладанія Аттикою. Восточный фронтонъ— настоящая передняя часть зданія, такъ какъ входъ въ греческіе храмы, противоположно христіанскому обычаю, былъ съ востока. Здѣсь была Аѳина, вышедшая изъ головы Зевса и явившаяся среди изумленныхъ олимпійскихъ боговъ. Но эти мощныя группы были не единственными украшеніями внѣшнихъ сторонъ. Окружавшіе весь храмъ *метопы* содержали маленькія изображенія, преимущественно воспроизводившія войны между богами. Третьимъ пластическимъ украшеніемъ была связная фреска, окаймлявшая прямоугольное зданіе храма внутри колоннады; она изображала праздничную процессію аѳинянъ во время Панаѳиней. Еще и теперь приходится изумляться въ особенности благородному, естественному и весьма разнообразному изображенію всадниковъ, образующихъ часть процессіи. Наибольшая часть пластическихъ украшеній Парѳенона, взятыхъ съ фронтоновъ отъ метоповъ и отъ фресокъ, находится въ Британскомъ музеѣ. Внутренняя часть прямоугольника распадалась на три части, самая задняя образовала сокровищницу Аѳины и города. На самомъ крайнемъ концѣ средней части находилось сдѣланное изъ золота и слоновой кости, высокое, превышавшее 12 метровъ, изображеніе Аѳины Парѳеносъ (дѣвственницы), изваянное Фидіемъ. Этотъ знаменитый скульпторъ набросалъ, а также отчасти и самъ выполнилъ вышеупомянутыя храмовыя скульптуры. Въ этихъ скульптурныхъ изображеніяхъ греческое искусство достигло высочайшаго развитія; перевозка произведеній этого искусства въ Лондонъ лордомъ Эльджиномъ дала толчекъ къ развитію новѣйшей пластики. Фидій— знаменитѣйшее имя среди греческихъ художниковъ и онъ дѣйствительно произвелъ наиболѣе высокое, наиболѣе благородное и чистое, что было достижимо для грековъ, и сверхъ

того располагалъ широчайшей областью искусства. Онъ пользовался преимуществомъ, найдя въ Периклѣ государственнаго мужа, стремившагося провести какъ разъ тѣ начала, которымъ былъ способенъ служить Фидій. Периклъ добивался украшенія Аѳинъ благородными и художественными произведеніями, которыя должны были не только забавлять, но и влiять на народъ въ образовательномъ смыслѣ. Периклъ и Фидій относились къ искусству приблизительно такъ, какъ набожные художники среднихъ вѣковъ къ своей архитектурѣ и скульптурѣ. Они полагали, что для народнаго образованія главную роль играетъ не чтеніе книгъ, а созерцаніе надлежащимъ образомъ избранныхъ и изображенныхъ предметовъ прекраснаго. Какой-либо готическій соборъ, какъ, напр., соборъ Парижской Богоматери (на что въ особенности указалъ Викторъ Гюго), имѣлъ цѣлью, какъ способомъ всего сооруженія, такъ и цѣлесообразно избранными скульптурными изображеніями въ алтаряхъ и въ галлереяхъ, поучать народъ и настраивать его въ набожномъ духѣ. Совершенно такимъ же образомъ Периклъ и Фидій хотѣли дѣйствовать своими сооруженіями и скульптурными изображеніями: и они достигли цѣли. Фидій былъ художественнымъ совѣтникомъ Перикла во всѣхъ его предпріятіяхъ, относившихся къ искусству. Рѣдко можно встрѣтить соединеніе двухъ подобныхъ дѣятелей. Только папа Левъ X и Рафаэль могутъ еще служить для сравненія. Фидій, по всей вѣроятности, достигъ еще высшей степени совершенства созданіемъ Зевса Олимпійскаго, который у грековъ считался самымъ возвышеннымъ произведеніемъ искусства въ своемъ родѣ. Зевсъ былъ изображенъ въ сидячемъ положеніи; на правой рукѣ парила богиня побѣды, въ лѣвой онъ держалъ скипетръ, увѣнчанный орломъ.

Еще одно замѣчательное и прекрасное зданіе въ Акрополѣ, а именно Эрехѳіонъ—храмъ, первоначально посвященный мѣстному герою Эрехѳею, а впослѣдствіи и Палладѣ, какъ богинѣ Акрополя. Это было зданіе неправильной формы; знаменитыя каріатиды подпирали маленькую внѣшнюю галлерею. Изъ остальныхъ зданій особенно были замѣчательны различныя галлереи на рынкѣ, частью украшенныя картинами, и театръ внизу крѣпости, въ то время, правда, имѣвшей болѣе простую форму, чѣмъ можно судить по еще сохранившимся развалинамъ. Здѣсь трагедіи Софокла возбуждали восхищеніе и вдохновляли аѳинянъ; здѣсь давались комедіи предшественниковъ Аристофана. Софоклъ обозначаетъ собою

новый шагъ впередъ въ драматическомъ искусствѣ грековъ. Его произведенія уже значительно приближаются къ понятію новѣйшей драмы въ завязкѣ и развязкѣ интриги. Отъ нихъ вѣетъ кроткимъ спокойствіемъ и мудрой умѣренностью въ примѣненіи сценическихъ средствъ. Это было настоящее выраженіе гармоническихъ чувствъ, одушевлявшее лучшихъ людей тогдашняго времени и прежде всего самого Перикла. Такое произведеніе, какъ Антигона, по всей вѣроятности, такъ же долго будетъ пользоваться уваженіемъ и признаніемъ всѣхъ образованныхъ людей, какъ и Зевсъ Олимпійскій. Я раньше указалъ, въ видѣ сравненія, на художниковъ среднихъ вѣковъ. Викторъ Гюго, говоря о соборѣ Парижской Богоматери и о книгѣ, сказалъ въ духѣ среднихъ вѣковъ: это убьетъ то, т. е. поученіе посредствомъ книги вытѣснитъ поученіе посредствомъ искусства. Эпоха возрожденія устранитъ христіанское искусство. Периклу не зачѣмъ было питать подобное опасеніе. Книга и искусство составляли для него равноцѣнныя средства народнаго образованія и оставались таковыми. Онъ хотѣлъ образовать свой народъ всѣми способами, поэтому онъ покровительствовалъ распространенію фактическихъ понятій о народахъ и странахъ, помощью книги Геродота, описывавшей далекія страны, способныя интересовать аѳинянъ; онъ покровительствовалъ распространенію философскаго образованія посредствомъ своего друга Анаксагора; по этой же причинѣ онъ благопріятствовалъ поднятію уваженія къ женщинамъ и высоко чтилъ свою подругу, гетеру Аспазію. Но не во всѣхъ этихъ отношеніяхъ благія намѣренія великаго государственнаго дѣятеля увѣнчались успѣхомъ: можно даже сказать, что большая часть его усилій была постигнута неудачами. Поученія Геродота относительно странъ, представлявшихъ для нихъ интересъ, нравились аѳинянамъ: великій историкъ и географъ получилъ даже отъ благодарнаго города значительный даръ. Но пріемъ Анаксагора въ кругъ людей, близкихъ Периклу, далеко не понравился многимъ вліятельнымъ аѳинянамъ. Философа обвинили въ безбожіи и онъ бѣжалъ отъ преслѣдователей въ Лампсакъ. Даже противъ Фидія было выставлено обвиненіе, будто бы, въ утайкѣ сокровищъ, и, повидимому, великій художникъ дѣйствительно потерпѣлъ кару; наконецъ, Аспазіи пришлось подвергнуться позорнымъ обвиненіямъ, касавшимся ея нравственности. Враги Перикла пытались напасть на каждаго изъ его друзей; такъ, напр., философовъ

обвиняли съ религіозной точки зрѣнія, выполнителей общественныхъ работъ съ—денежной и, наконецъ, его жену или подругу—съ моральной. Главнымъ объясненіемъ всѣхъ этихъ обвиненій является особенность характера аѳинянъ, не всегда достаточно подчеркиваемая историками. Дѣло въ томъ, что масса аѳинскихъ гражданъ, прославившихся именно покровительствомъ искусству и наукѣ (по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что ихъ городъ былъ мѣстопребываніемъ искусствъ и наукъ)—масса гражданъ, говоримъ мы, въ сущности отличалась направленіемъ, вовсе неблагопріятнымъ прогрессу культуры. Аѳиняне любили искусство и были его знатоками въ такой степени, что съ ними едва-ли могъ сравниться какой-либо древній или новый народъ; но искусство должно было служить религіи. Они были любознательны, какъ немногіе народы, но и въ этомъ отношеніи знаніе не должно было составлять помѣху религіи. Они были человѣчны, щедры, привѣтливы ко всѣмъ, въ особенности къ чужеземцамъ, но ничто не должно было выходить изъ круга извѣстныхъ обычаевъ. Такъ, напр., свобода изслѣдованія кончалась тамъ, гдѣ ея послѣдствіемъ, повидимому, былъ атеизмъ. Такимъ же образомъ Аспазія должна была потерпѣть поруганіе, какъ только вообразили или заставили вообразить толпу, что она хочетъ измѣнить положеніе аѳинской женщины.

По этому поводу бросимъ взглядъ на положеніе женщины въ древней Греціи. Въ разныя времена оно было весьма различно; всего ближе къ идеалу оно было въ древнѣйшія времена. Типы, вродѣ Пенелопы, Андромахи, Ареты, Навзикаи, по достоинству и значенію могутъ сравниться съ наилучшими женщинами всѣхъ временъ. Положеніе жены едва-ли можетъ быть лучше изображено, чѣхъ это сдѣлано въ типѣ Андромахи. Положеніе царицы прекрасно представляется фигурою Ареты. Одинокая жена, полная достоинства, изображена въ видѣ Пенелопы, а дѣвушка изъ знатнаго дома представлена фигурой Навзикаи. Но со временемъ все измѣнилось. Вмѣсто общечеловѣческаго мы видимъ спеціальное. У спартанцевъ женщины становятся почти мужчинами, у іонійцевъ онѣ замыкаются внутри дома, почти какъ въ восточномъ гаремѣ, у эолянъ, на островѣ Лесвосѣ, онѣ пользуются всею свободою, какой теперь требуютъ защитники женской эмансипаціи. Аѳиняне требуютъ отъ женщинъ быть только хорошими хозяйками, но объ ихъ участіи въ духовныхъ стремленіяхъ мужчинъ нѣтъ и рѣчи. Политика и литература

остаются привилегіею мужчинъ. Все это вздумалъ измѣнить Периклъ. Аспазія дала примѣръ женщины, способной собирать у себя въ домѣ просвѣщеннѣйшихъ и умнѣйшихъ людей и обращаться съ мужчинами какъ съ себѣ равными: аѳиняне не могли признать этого и объявили Аспазію развратной женщиной. Это было одно изъ тѣхъ обвиненій, которыя разбили сердце Перикла. Преслѣдованіе Аспазіи, Анаксагора и Фидія подѣйствовало на него не менѣе, чѣмъ неудачи въ Пелопонесской войнѣ. Война, согласная съ планами Перикла, могла бы оказаться счастливою для Аѳинъ, если бы чума не воспрепятствовала выполненію этихъ плановъ. Черезъ посредство Аристида и Кимона, Аѳины заключили сначала союзъ съ другими греческими республиками противъ Персіи. Этотъ союзъ впослѣдствіи оказался въ пользу Аѳинъ. Периклъ воспользовался имъ, чтобы придать Аѳинамъ блескъ, богатство и привлекательность. Въ сторонѣ стояли спартанцы со своими совсѣмъ иными принципами. И у нихъ былъ свой союзъ, но онъ предоставлялъ каждому члену полнѣйшую свободу, не требуя даже налоговъ, за отсутствіемъ общихъ предпріятій. Всѣ стремленія союза клонились лишь къ тому, чтобы сохранить въ Греціи существующее. Какъ и слѣдовало ожидать, союзники аѳинянъ стали недовольными своей зависимостью, и Спарта, въ концѣ концовъ, испытывавшая неудобства отъ возраставшаго могущества Аѳинъ, приняла сторону недовольныхъ. Отсюда война, въ которой Спарта одержала полную побѣду, но только по винѣ Аѳинъ. Планъ Перикла былъ хорошъ; онъ состоялъ въ томъ, чтобы только защищаться, не пускаясь въ далекія предпріятія. Этимъ способомъ Аѳины могли утомить Спарту и ея, большею частью не сильныхъ на морѣ, союзниковъ, и войнѣ былъ бы положенъ конецъ. Но послѣ смерти Перикла судьбы Аѳинъ находились въ рукахъ политиковъ, отличавшихся либо крайними взглядами, либо недостойнымъ личнымъ образомъ дѣйствій, а поэтому не стоявшихъ на высотѣ своего положенія. Это были Никій, Клеонъ и Алкивіадъ. Никій былъ медлительный, неповоротливый аристократъ; Клеонъ—горячій демократъ съ счастливыми мыслями, но никуда не годный какъ самостоятельный полководецъ; Алкивіадъ—безсовѣстный эгоистъ. Клеонъ доставилъ аѳинянамъ побѣду при Сфактеріи и взялъ въ плѣнъ сотню спартіатовъ; но затѣмъ онъ же былъ причиною пораженія подъ Амфиполисомъ, гдѣ и самъ палъ. Никій противился экспедиціи въ Сиракузы, имѣвшей злополучный конецъ и приведшей къ паденію Аѳинъ; но въ роли полководца онъ дѣйствовалъ подъ Сиракузами крайне неискусно и привелъ къ уничтоженію большого аѳинскаго войска. Наконецъ, Алкивіадъ думалъ всегда только о себѣ самомъ и измѣнялъ аѳинянамъ всякій разъ, когда долженъ былъ избрать между отечествомъ и самимъ собою. Руководимые поочередно такими государственными людьми, Аѳины не могли пользоваться какимъ-либо успѣхомъ въ борьбѣ съ Спартою, тѣмъ болѣе, что послѣдняя вступила въ союзъ съ персами. Сюда еще присоединилось то обстоятельство, что въ Греціи, и особенно въ Аѳинахъ, новыя воззрѣнія на мораль произвели броженіе, сломившее внутреннюю силу аѳинскаго народа. Броженіе это было основано на блестящихъ успѣхахъ того, что, выражаясь коротко, было тогдашнимъ греческимъ раціонализмомъ.

Новое просвѣщеніе. Раціонализмъ. Философія. Софисты. Сократъ. Аристофанъ. Эврипидъ. Ѳукидидъ.

Явилась мысль, что для человѣческаго ума все достижимо, что ученіе и умственная работа достаточны для того, чтобы дѣлать человѣка ко всему способнымъ, и что правила нравственности должны быть созданы только логическимъ мышленіемъ. Мудрецы всегда существовали; друзья мудрости, философы, явились со временъ Ѳалеса; теперь люди, стремившіеся къ мудрости, стали называть себя софистами. Софистъ это значитъ размышляющій о мудрости, и преимущественно о практической мудрости. Рѣчь шла о соединеніи практическихъ стремленій мудрецовъ съ теоретическими стремленіями философовъ. Мудрецы высказывали свои изрѣченія подобно оракуламъ, только гораздо понятнѣе, но точно также безъ всякихъ доказательствъ. Философы изслѣдовали происхожденіе бытія, что мало интересовало людей практическихъ. Теперь, наконецъ, явились софисты и стали учить о томъ, какимъ образомъ организовать практическую жизнь, основываясь на теоретическихъ изслѣдованіяхъ, и при томъ такъ, чтобы получить отсюда пользу даже въ смыслѣ матеріальной прибыли. Къ этимъ софистамъ являлось много слушателей и они зарабатывали много денегъ, къ чему не стремились ни мудрецы, ни философы, и чѣмъ больше они брали

денегъ, тѣмъ больше находили слушателей. Тогда міръ былъ таковъ же, какъ и теперь: за что платятъ, то считаютъ лучшимъ, чѣмъ то, что получено даромъ. Софисты придавали особое значеніе ораторскому искусству, посредствомъ котораго можно было сдѣлаться знаменитымъ государственнымъ человѣкомъ, а для республиканскихъ грековъ это было цѣлью ихъ усерднѣйшихъ стремленій. Именно поэтому греки называли софистовъ также риторами, т. е. ораторами. Въ числѣ ихъ были и шарлатаны; да и во всемъ ученіи, состоящемъ въ томъ, что посредствомъ изученія, особенно ораторскаго искусства, каждый человѣкъ можетъ достичь высокой степени совершенства — въ этомъ уже было много шарлатанства: но значительнѣйшіе изъ софистовъ были не только достойные люди, но и высоко образованные и даже хорошіе философы: таковы Горгій, Протагоръ, Продикъ. Если они были у потомства на дурномъ счету, то главнымъ образомъ потому, что съ ними боролся не кто иной, какъ мудрѣйшій и добродѣтельнѣйшій человѣкъ тогдашней Греціи, Сократъ. О дѣятельности Сократа мы знаемъ, главнымъ образомъ, потому, что до нашего времени дошли сочиненія двухъ его учениковъ, Ксенофонта и Платона. Сократъ—одна изъ популярнѣйшихъ фигуръ въ исторіи культуры, въ особенности благодаря контрастамъ, проявляющимся въ его личности и его судьбахъ. Безобразный съ виду, онъ былъ не только добръ, но прекрасенъ душой; онъ, никогда никому не повредившій, по ничтожному поводу былъ приговоренъ аѳинянами къ смерти и казненъ; обвиненный въ томъ, что будто бы нарушилъ законы отечества, не захотѣлъ ускользнуть отъ дѣйствія этихъ законовъ, не хотѣлъ бѣжать изъ тюрьмы и въ послѣдній часъ своей жизни говорилъ съ друзьями о безсмертіи души. Онъ утверждалъ, что „знаетъ лишь то, что ничего не знаетъ“, а сталъ учителемъ мудрѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ мыслителей Греціи. Ко всему этому еще присоединяется, что онъ лично вовсе не былъ суровымъ порицателемъ, но кротко судилъ о другихъ, и единственнымъ его оружіемъ, правда очень острымъ, была иронія. Сходство его судьбы съ судьбою основателя христіанства не требуетъ особаго подчеркиванія; оно также содѣйствовало его славѣ. Совершилъ-ли онъ что-нибудь, соотвѣтствующее этой славѣ? Въ одномъ отношеніи—да; онъ указалъ на то, что необходимымъ условіемъ для научнаго мышленія является ясность понятій,—и это, повидимому, самоочевидное, но въ дѣйствительности рѣдко выполняемое требованіе. Онъ самъ такъ мало могъ послѣдовательно примѣнить свое требованіе, что даже его ученики вскорѣ начали ставить слова выше понятій и довольствоваться призракомъ истины. Его согражданами было такъ неясно понято противорѣчіе Сократа съ тѣмъ призрачнымъ знаніемъ, которому часто поклонялись софисты, что аѳиняне причисляли самого Сократа къ софистамъ и даже преслѣдовали, какъ одного изъ софистовъ. Смерть его была, однако, вызвана не этимъ, а ханжествомъ аѳинянъ. Увѣряли, что онъ ввелъ новыхъ боговъ. Аѳины были менѣе всего тѣмъ государствомъ, въ которомъ всякій могъ спасаться по своему усмотрѣнію. О томъ, что мы называемъ вѣротерпимостью, аѳиняне не имѣли понятія.

Ученіе Сократа можно вкратцѣ изложить слѣдующимъ образомъ: существеннымъ для каждаго человѣка является ясность понятій обо всемъ, находящемся въ кругу его дѣятельности или же мысли. Лишь если человѣкъ правильно мыслитъ именно потому, что онъ видитъ вещи такими, каковы онѣ на самомъ дѣлѣ,—лишь въ этомъ случаѣ онъ можетъ правильно дѣйствовать. Указавъ на необходимость правильнаго опредѣленія понятій, Сократъ сталъ отцомъ позднѣйшей греческой философіи; его критика сдѣлала возможными новыя системы, приблизительно такимъ образомъ, какъ критическій анализъ Канта послужилъ началомъ наиболѣе всеобъемлющихъ и геніальнѣйшихъ философскихъ системъ новаго времени, каковы ученія Фихте, Шеллинга и Гегеля. Трезвые мыслители, Сократъ и Кантъ, имѣли учениками пламенныхъ систематиковъ, Платона и Шеллинга; а за ними, въ свою очередь, послѣдовали великіе теоретики, Аристотель и Гегель. Самъ Сократъ не имѣлъ ни малѣйшаго предчувствія о плодахъ своего метода. Онъ былъ вполнѣ практикъ и въ качествѣ практика принесъ огромную пользу. Я уже замѣтилъ, что народъ смѣшивалъ его съ софистами. То же сдѣлалъ великій поэтъ, задавшійся цѣлью вести борьбу съ новымъ просвѣщеніемъ, основаннымъ на разсужденіи, и являвшійся представителемъ вкусовъ набожнаго аѳинскаго народа: я говорю объ Аристофанѣ. Аристофанъ нарисовалъ въ своей комедіи „Облака“ каррикатуру на Сократа, заставившую народъ смѣяться, и можно сказать, что этимъ онъ рѣшилъ позднѣйшую судьбу великаго мудреца, хотя, разумѣется далеко не имѣлъ этого въ виду. Какъ защитникъ старины въ духѣ набожныхъ аристократовъ, Аристофанъ въ

сущности не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о величіи мудреца. Что Аристофанъ не имѣлъ также никакого чутья относительно второй величины тогдашняго времени, а именно Эврипида, за это его менѣе можно упрекнуть. Эврипидъ не былъ великъ въ той же мѣрѣ, какъ Сократъ. Въ исторіи литературы онъ, конечно, представляетъ весьма крупное явленіе и не только въ греческой, но и во всемірной литературѣ. Никто иной, какъ Эврипидъ, придалъ трагедіи или скорѣе драмѣ ея всемірный характеръ. Трагедіи Эсхила представляютъ лишь документы по исторіи литературы, имѣющіе огромное значеніе: такъ, напр., Агамемнонъ, съ его постояннымъ смутнымъ настроеніемъ, въ настоящее время не могъ бы произвести никакого сценическаго впечатлѣнія. Это скорѣе лирика, чѣмъ драма. Софоклъ въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ все еще и теперь вліяетъ на образованную публику, но Эврипидъ, можно сказать, способенъ и теперь дѣйствовать на большую публику, насколько она ищетъ только развлеченія. Драмы Эврипида стали образцомъ французской классической драмы, долгое время господствовавшей во всей европейской литературѣ. По интригѣ, по распредѣленію матеріала, по завязкѣ, по введенію любви въ ходъ драмы (напримѣръ, въ Федрѣ и въ Медеѣ) драмы Эврипида всего болѣе подходятъ къ вкусамъ новѣйшихъ временъ. Правда, Эврипидъ довелъ до крайности одинъ элементъ греческой драмы, который въ настоящее время не могъ бы возбудить симпатіи, а именно словесное состязаніе. Взаимныя реплики, въ которыхъ два лица коротко и рѣзко отстаиваютъ свои взгляды, особенно нравились Эврипиду. Французская трагедія заимствовала это изъ греческой. Корнель часто совершенно подобенъ Эврипиду и въ теченіе всего прошлаго столѣтія именно такова была сцена. Теперь все это представляется нѣсколько неестественнымъ, но для грековъ это, наоборотъ, казалось въ высшей степени красивымъ, такъ какъ въ словесныхъ состязаніяхъ они всегда находили удовольствіе, а потому любили ихъ и на сценѣ. Впрочемъ, въ одномъ отношеніи Эврипидъ стоитъ выше остальной греческой трагедіи. У Софокла, и еще болѣе у Эсхила дѣйствующія лица это настоящіе герои старины. Они возвышеннѣе и крупнѣе современныхъ людей, но у Эврипида всѣ эти Атриды и проч. не болѣе какъ переодѣтые аѳиняне 5-го столѣтія, съ свойственными имъ рѣчами и поступками. Такимъ образомъ Эврипидъ начинаетъ собою новый родъ

драмы. Онъ предшественникъ той семейной драмы, которая была разработана французами и англичанами прошлаго столѣтія, и вмѣстѣ съ тѣмъ является предшественникомъ аттической комедіи. Эврипидъ считался врагомъ женщинъ. Въ его произведеніяхъ, дѣйствительно, есть фразы, на это указывающія, и можно было бы спросить: что общаго имѣли идеи о роли женщинъ съ изображеніемъ героическихъ фигуръ глубокой древности? Но для развлеченія публики въ театрѣ, гдѣ говорили подобныя вещи, какъ порою говорятъ и теперь, это было весьма кстати. Еще важнѣе, нежели эта черта, то обстоятельство, что онъ въ своихъ произведеніяхъ вообще часто поучаетъ, и это нравилось аѳинянамъ, которые, подобно всѣмъ вообще древнимъ народамъ, охотно выслушивали красивыя поученія. Не мѣшаетъ помнить, что аѳиняне могли слышать такія поученія только отъ поэтовъ и отъ ораторовъ. У нихъ не было религіозныхъ проповѣдей, такъ какъ не было и духовенства въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, т. е. такого, которое заботилось бы о нравственномъ совершенствѣ народа. То, что мы находимъ въ проповѣдяхъ, древніе искали въ театрѣ. Гдѣ не было театра (а первоначально такихъ мѣстъ было много), приходилось ограничиваться чтеніемъ поэтовъ и философовъ. Исторіографія также пріобрѣла новый характеръ; въ ней выразилось просвѣщеніе, основанное на разсужденіи. Рѣчь идетъ о величайшемъ греческомъ историкѣ, Ѳукидидѣ. Онъ былъ ученикомъ риторовъ, и вліяніе ихъ сказывается въ его произведеніяхъ. Геродотъ задался цѣлью разсмотрѣть гораздо болѣе обширныя темы и достигъ этого съ значительнымъ искусствомъ. Онъ изобразилъ борьбу между Востокомъ и Западомъ въ видѣ эпоса съ различными эпизодами. Дѣйствіе и описаніе состояній у него перемѣшивается. Это произведеніе составляетъ какъ бы соединеніе Одиссеи съ Иліадой. Ѳукидидъ избралъ болѣе ограниченную тему, а именно Пелопоннесскую войну. Конечно, и эта тема была обширна, но онъ постарался изобразить ее еще въ преувеличенномъ видѣ, въ чемъ сказывается вліяніе риторики и софистики. Ѳукидидъ влагаетъ историческимъ личностямъ въ уста такія рѣчи, какихъ онѣ не могли говорить: это опять вліяніе тогдашней риторики. Онъ придаетъ такимъ рѣчамъ стиль, который въ настоящее время былъ бы невозможенъ въ политической рѣчи, да и тогда онъ могъ бы не всякому понравиться. Дѣйствительно, каждую минуту Ѳукидидъ приводитъ общія сентенціи, въ которыхъ выска-

зываются намъ давно извѣстныя, да и въ то время не совсѣмъ неизвѣстныя истины. При этомъ онъ, однако, въ высшей степени точенъ, какъ почти ни одинъ писатель, и поэтому какъ историческій источникъ представляетъ собою выдающееся значеніе. Нѣкоторыя описанія, какъ, напр., осады Платеи, Сиракузъ и Сфактеріи, представляютъ почти недостижимые образцы историческаго разсказа, съ присоединеніемъ національныхъ и современныхъ особенностей, слѣдствіемъ которыхъ было то, что онъ является авторомъ совершенно своеобразной писательской индивидуальности. Съ политической точки зрѣнія онъ стоялъ на сторонѣ Аристофана. Оба они не могли терпѣть нѣсколько грубаго демократа Клеона. Аристофанъ, по силѣ своей сатиры и законченности формы, является однимъ изъ величайшихъ поэтовъ; его недостатокъ относится къ нравственной сторонѣ и онъ пытается прикрыть этотъ недостатокъ славословіями въ честь прошлаго. Человѣкъ, заблуждавшійся относительно Сократа и требовавшій во что бы то ни стало мира, лишь бы народъ могъ вести сонную и лѣнивую жизнь,—такой человѣкъ можетъ быть крупнымъ поэтомъ, но все же его трудно назвать великимъ геніемъ. Рабеле, равный Аристофану по неприличію изложенія, былъ гораздо выше его, потому что усматривалъ то, что было великаго въ его эпоху, и насмѣхался надъ настоящей пошлостью. На это Аристофанъ былъ неспособенъ. Онъ, наоборотъ, волочилъ въ грязи великое и благородное. Но для аѳинянъ именно Аристофанъ былъ подходящимъ поэтомъ. Остроуміе, похвала набожности и доброму старому времени, а при всемъ этомъ веселая жизнь,— вотъ что почитало аѳинское простонародіе и это оно нашло у Аристофана.

О пластическомъ искусствѣ 5-го вѣка нечего говорить, такъ какъ великіе художники явились лишь въ 4-мъ столѣтіи. Конецъ 5-го былъ еще переходнымъ періодомъ.

Перевѣсъ Спарты, затѣмъ Ѳивъ. Ксенофонтъ.

Съ конца Пелопоннесской войны и со времени паденія Аѳинъ начинается вообще упадокъ Греціи. Сначала слѣдуетъ эпоха спартанской гегемоніи. Государство, выступившее въ

качествѣ защитника слабѣйшихъ противъ Аѳинъ, стало теперь дѣлать то же, что дѣлали раньше аѳиняне. Но прежде, склоняясь передъ Аѳинами, могли имѣть по крайней мѣрѣ утѣшеніе, что повелитель назывался Аристидомъ, Тимономъ или Перикломъ; теперь правилъ какой-нибудь Лизандръ, представитель грубой силы, безъ всякаго очарованія, придаваемаго высшей степенью просвѣщенія. Сверхъ того, Спарта дѣйствовала большею частью въ согласіи съ персами, стало быть это было господство наименѣе просвѣщенныхъ грековъ съ помощью варваровъ. Это стало невыносимо, и когда наиболѣе угнетенные возмутились, то встрѣтили много сочувствія. Ѳиванцамъ выпало на долю поставить во главѣ своей республики людей, превышавшихъ даже большинство тогдашнихъ аѳинянъ образованіемъ и нравственнымъ достоинствомъ: это были Эпаминондъ и Пелопидъ. Правда, и Спарта осталась не совсѣмъ безъ содѣйствія просвѣщенія и имѣла своихъ литературныхъ защитниковъ. За спартанцевъ высказался одинъ изъ величайшихъ тогдашнихъ писателей и замѣчательныхъ личностей, Ксенофонтъ. Какъ ученикъ Сократа, онъ болѣе всѣхъ содѣйствовалъ ознакомленію потомства съ этимъ необычайнымъ человѣкомъ. Какъ спутникъ Кира Младшаго во время его похода противъ его брата Артаксеркса, и какъ предводитель 10.000 греческихъ наемниковъ, возвращавшихся на родину, онъ былъ первымъ, обработавшимъ современный, имъ самимъ пережитый матеріалъ въ историческое изложеніе. Онъ написалъ родъ мемуаровъ, можно даже сказать,—онъ былъ репортеромъ съ театра войны. Онъ слѣдилъ за судьбами Греціи и описалъ ихъ примѣнительно къ Ѳукидиду, продолживъ до битвы при Мантинеѣ, причемъ не умолчалъ объ ошибкахъ спартанцевъ, но также недостаточно подчеркнулъ величіе Эпаминонда. Въ общемъ, онъ склонялся въ пользу аристократическихъ спартанцевъ. Значительная личность, царь Агезилай, былъ его покровителемъ. Ксенофонтъ—одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ греческихъ писателей: онъ скроменъ, добросовѣстенъ, нигдѣ не выдаетъ себя великимъ геніемъ или даже великимъ талантомъ. Онъ всегда одушевленъ стремленіемъ примкнуть къ самому лучшему. Онъ не риторъ: стиль его простъ. Высоко цѣня спартанцевъ, онъ какъ бы указываетъ на то, что въ то время спартанцы сохранили еще много прежнихъ хорошихъ качествъ. Подъ Левктрой и Мантинеей они были, правда, разбиты ѳиванцами и выказали въ перенесеніи несчастія свою

древнюю доблесть. Болѣе крупныя фигуры представляли, конечно, лучшіе изъ ѳиванцевъ, особенно оба друга, Пелопидъ и Эпаминондъ: первый вполнѣ воинъ, второй сверхъ того дипломатъ и мудрецъ, — онъ былъ воспитанъ пиѳагорейцемъ.

Сицилія. Діонисій. Платонъ. Тимолеонъ.

Въ эту эпоху болѣе отдаленные греки или полугреки также вмѣшались въ дѣла собственной Греціи. Съ сѣвера дѣйствовали македоняне, и съ запада сиракузцы, тогда какъ персы постоянно пытались вмѣшаться въ греческія дѣла при помощи Спарты. Одержанная сиракузцами въ 413 г. побѣда надъ аѳинянами принесла первымъ мало пользы. Подобно тому, какъ спартанцы въ тогдашней войнѣ одолѣли аѳинянъ лишь съ помощью персовъ, точно также и старинные союзники персовъ, карѳагеняне, вскорѣ послѣ 413 г. собрались съ духомъ и напали на грековъ въ Сициліи вторично совершенно такъ, какъ въ 480 г. Въ 409 г. карѳагеняне жестокимъ образомъ разгромили Селинунтъ и Гемеру, а въ 406 г. все болѣе и болѣе развивавшійся Акрагасъ. Когда опасность приблизилась къ Сиракузамъ, то этимъ обстоятельствомъ воспользовался предпріимчивый Діонисій, чтобы провозгласить себя тираномъ города. Граждане допустили это, такъ какъ онъ, повидимому, могъ счастливо сражаться съ карѳагенянами, но онъ не сдѣлалъ этого и сталъ просто тираномъ. Впослѣдствіи онъ достигъ многаго также на войнѣ съ карѳагенянами. Правда, отнять у нихъ всю Сицилію онъ не былъ въ состояніи. Какъ типичный тиранъ, онъ заслуживаетъ того, чтобы попасть въ исторію культуры, и при томъ не только за свою жестокость, въ которой онъ былъ превзойденъ другими членами своего класса, и не только ради любви къ искусству и наукѣ, что свойственно многимъ тиранамъ: Діонисій любилъ и цѣнилъ, главнымъ образомъ, собственную поэзію весьма сомнительнаго достоинства. Но онъ все же заслуживаетъ вниманія, какъ крупный организаторъ войны, сдѣлавшій открытіе во флотскомъ и осадномъ дѣлѣ (пентеры, родъ метательныхъ орудій). Главнымъ образомъ стоитъ указать на тотъ юморъ, съ которымъ онъ обращался со всѣми, съ людьми и съ богами. Онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что и у тѣхъ, и у другихъ все оправдывается успѣхомъ, а въ важныхъ дѣлахъ всегда имѣлъ успѣхъ: только поэзія его постоянно осмѣивалась. Діонисій и Артаксерксъ въ теченіе короткаго времени были повелителями всего образованнаго міра. Впослѣдствіи первая на востокѣ, — на западѣ Греція числила за собою значительно меньше. Правда, Діонисій принялъ дружелюбно даже Платона, но не онъ добивался присутствія Платона: философъ явился по собственному побужденію. Платонъ позднѣе прибылъ къ его сыну и преемнику Діонисію II, на этотъ разъ по приглашенію, но безуспѣшно: Платонъ не могъ внушить тирану никакой практической философіи.

Платонъ—величайшій человѣкъ тогдашней эпохи, т. е. первой половины 4-го столѣтія до Р. Х. Онъ снова одинъ изъ тѣхъ людей, которые имѣли значеніе для всей послѣдующей эпохи. Это значеніе онъ, впрочемъ, пріобрѣлъ не какими-либо положительными ученіями или открытіями, но всѣмъ направленіемъ своихъ стремленій. Сказавъ, что все дѣйствительное представляетъ отраженіе извѣстныхъ вѣчныхъ идей, Платонъ выразился картинно, подобно Пиѳагору, говорившему въ томъ же духѣ о числахъ, и никто, даже самъ Платонъ не могъ опредѣлить, какимъ образомъ слѣдуетъ понимать отношеніе такихъ идей къ дѣйствительности. Но его мысль, что истиной должно быть признаваемо не чувственно-воспринимаемое, а нѣчто болѣе древнее и болѣе совершенное, нѣчто вѣчное, парящее надъ видимостью,—эта мысль стала съ тѣхъ поръ, подъ именемъ идеализма, лозунгомъ благороднѣйшихъ направленій человѣческаго духа. Его отдѣльныя писанія здѣсь насъ не касаются. Особенно прославился,—помимо тѣхъ діалоговъ, въ которыхъ онъ борется съ софистами, — его діалогъ Федонъ, въ которомъ идетъ рѣчь о безсмертіи души, и затѣмъ другой діалогъ, Республика, содержащій описаніе государства,—по мнѣнію Платона наилучшаго. Въ этомъ наилучшемъ государствѣ, между прочимъ, существуетъ общность женъ; это уже доказываетъ, что Платонъ мечталъ о состояніи, не пригодномъ для человѣка, если рѣчь идетъ объ истинныхъ идеалахъ. Это—государство, которое доводитъ до преувеличенія греческій идеалъ замкнутаго въ себѣ государства или города, и въ такомъ преувеличеніи яснѣе обнаруживается односторонность. Конечно Платона нельзя назвать соціалъ-демократомъ, онъ скорѣе былъ соціалъ-аристократомъ, и придуманное имъ государство, отчасти сходное съ индусскимъ кастовымъ устройствомъ, еще менѣе возможно, нежели государство соціалъ-демократовъ, съ тѣмъ развѣ исклю-

ченіемъ, что въ государствѣ Платона по крайней мѣрѣ существуетъ правящая каста. Что касается свободы и истиннаго просвѣщенія въ его государствѣ, объ этомъ можно судить по запрещенію имъ произведеній Гомера, якобы оказывающихъ безнравственное вліяніе. Само собою разумѣется, тотъ, кто принималъ Гомера за родъ библіи, могъ научиться изъ его поэмъ не только многому хорошему, но и кое-чему дурному. Но великіе мыслители, не говорящіе парадоксовъ, едва-ли возможны, и само собою разумѣется, что мы вправѣ точно также критиковать мнѣніе Платона, какъ и самаго простого смертнаго. Платонъ полагалъ, что легче всего можетъ устроить хорошее государство какой-нибудь тиранъ: именно поэтому онъ отправился къ Діонисію II. Но этотъ молодой глупецъ былъ недостаточно деспотомъ для того, чтобы вообще что-либо ввести, и поэтому дѣло кончилось тѣмъ, что Платонъ только подвергъ опасности свою собственную жизнь. Это также въ высшей степени характеристично для непрактичной, и можно даже сказать не вполнѣ философской, стороны дѣятельности великаго мыслителя. Онъ ожидалъ устройства наилучшаго государства отъ иниціативы тирана. Знаменитое изреченіе: „государство до тѣхъ поръ не будетъ хорошо управляться, пока цари не станутъ философами или же философы царями“, представляетъ, однако, нѣкоторое величіе; при этомъ, конечно, не слѣдуетъ имѣть въ виду, какъ цѣль, идеальный деспотизмъ Платона; для своего времени и своего народа возможность чего-то подобнаго доказалъ Фридрихъ Великій.

Присутствіе Платона въ Сициліи повлекло за собою, однако, важное слѣдствіе. Хотя онъ и не могъ обратить на путь истины молодого тирана, за то обратилъ его дядю Діона, одного изъ праведнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей Сициліи. Діонъ, разумѣется, сталъ ненавистенъ придворнымъ, подозрителенъ для тирана и былъ поэтому изгнанъ. Онъ отправился въ Грецію, гдѣ вербовалъ наемниковъ, съ которыми возвратился въ Сицилію и утвердился въ Сиракузахъ. Тиранъ бѣжалъ въ Локры, въ нижнюю Италію, гдѣ учинялъ насилія; но Діонъ, который въ качествѣ ученика Платона не хотѣлъ слышать о демократіи, ввелъ въ Сиракузахъ новое аристократическое устройство, котораго не могъ закончить, несмотря на продолжительный досугъ. Онъ совершилъ рядъ ошибокъ въ управленіи городомъ, такъ что заговорщикамъ, отправившимъ его на тотъ свѣтъ, было легко встрѣтить со-

чувствіе у согражданъ. О немъ говорили, что онъ переодѣтый тиранъ. Діонисій возвратился, а карѳагеняне опустошили островъ, такъ что сиракузцы не знали, какъ себѣ помочь. Они обратились къ Коринѳу и этотъ городъ послалъ лучшаго изъ своихъ гражданъ, Тимолеона. Это снова типъ, который не можетъ быть обойденъ въ исторіи греческой культуры. Въ извѣстномъ отношеніи онъ является образцомъ мудреца и героя по греческимъ понятіямъ. Онъ былъ тираноубійцей и освободителемъ греческаго племени. Большаго не могъ сдѣлать греческій государственный дѣятель, чтобы пріобрѣсть себѣ безсмертную славу, и притомъ это былъ тираноубійца, дѣйствовавшій при совершенно необычайныхъ обстоятельствахъ. Тиранъ былъ его собственный братъ. Тимолеонъ предостерегалъ брата, но когда тотъ не повиновался предостереженію, содѣйствовалъ его убійству. Затѣмъ онъ долго оставался подъ гнетомъ нравственнаго конфликта, въ который поставилъ себя добровольно. Когда его родной городъ послалъ его въ Сиракузы для освобожденія ихъ отъ тирана, это заставило Тимолеона забыть о своемъ мрачномъ настроеніи; предпринявъ походъ съ малымъ войскомъ, онъ обнаружилъ осторожность и храбрость, какую могъ бы выказать лишь самый опытный полководецъ. Онъ не только освободилъ Сиракузы, онъ разбилъ также карѳагенянъ въ одной изъ самыхъ блестящихъ битвъ, когда-либо данныхъ въ древности. Послѣдніе годы своей жизни онъ прожилъ въ освобожденныхъ имъ Сиракузахъ, пользуясь величайшимъ почетомъ и призываемый своими согражданами третейскимъ судьею во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Подобный характеръ показываетъ, лучше всякихъ отвлеченныхъ описаній, къ чему была способна греческая натура и что въ особенности цѣнили греки. Хотя Платонъ долженъ быть поставленъ высоко какъ теоретикъ, но какъ политикъ, Тимолеонъ навѣрное его стоитъ. Можно счесть большою славою для 4-го вѣка, что онъ произвелъ этихъ двухъ людей и сверхъ того еще двухъ ѳиванцевъ: мудраго полководца Эпаминонда, введшаго въ военное искусство новый способъ атаки, такъ называемый косой или клинообразный строй, и благороднаго воина Пелопида. Этотъ послѣдній составляетъ переходъ къ новому отдѣлу греческой исторіи, къ македонской эпохѣ, такъ какъ Пелопидъ, при предпріятіяхъ Ѳивъ на сѣверѣ, столкнулся также съ македонянами.

Македоняне, Демосөенъ, Филиппъ, Херонея. Искусство. Аристотель.

Македоняне, ставшіе теперь руководителями греческихъ судебъ, были полугреческаго племени, т. е. родственными грекамъ, въ особенности өессалійцамъ. Они остались какъ разъ на той ступени развитія, которая соотвѣтствуетъ культурѣ греческой героической эпохи: здѣсь были цари, была могущественная знать, процвѣтало земледѣліе, мало были развиты города; охота и война являлись занятіями всѣхъ, способныхъ носить оружіе. Ссоры и раздоры въ царскомъ семействѣ были самымъ обычнымъ дѣломъ. Македонскіе цари выдавали себя за настоящихъ грековъ; они признавали себя гераклидами (потомками Геркулеса), да и греки признавали ихъ таковыми, и прошло уже болѣе 100 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мекедонскіе цари показали себя греками. Въ эпоху персидскихъ войнъ, царь Александръ стоялъ на сторонѣ грековъ противъ персовъ и оказалъ Греціи услуги. Затѣмъ, въ концѣ пелопоннесской войны, у царя Археглая нашелъ убѣжище Эврипидъ, который чувствовалъ себя не безопаснымъ въ Аөинахъ. Образованіе македонянъ было чисто греческое, а тотъ царь, съ которымъ мы теперь имѣемъ дѣло, Филиппъ, сверхъ того воспитался въ Өивахъ. Замѣшательства въ Өессаліи привели Филиппа въ Грецію и вмѣшаться въ греческія дѣла его побудили смуты, послѣдовавшія за гибелью Эпаминонда въ битвѣ при Мантинеѣ. Въ Греціи ни одно государство болѣе не пользовалось авторитетомъ; случайные союзы рѣшали вопросы и случайныя распри являлись предлогами для союза, пока новыя, не менѣе случайныя комбинаціи не переносили центръ тяжести могущества въ другое мѣсто. Воображаемое оскверненіе храма, совершенное фокейцами, повлекло за собою такъ называемую священную войну. Въ эту войну сумѣлъ вмѣшаться Филиппъ въ качествѣ защитника оскверненной святыни и одержалъ побѣду, будто бы для Дельфъ, а на самомъ дѣлѣ для самого себя. Не станемъ пересказывать подробностей, но въ культурно-историческомъ отношеніи событіе это важно потому, что выказываетъ намъ въ истинномъ свѣтѣ роль, сыгранную тогда Аөинами, и характеръ людей, руководившихъ этой республикой. Рѣчь идетъ о Демосөенѣ, одной изъ замѣчательныхъ фигуръ въ исторіи Греціи. Это личность, въ высшей степени характеристичная, но не идеальная, вродѣ Тимолеона или Эпаминонда. Это типъ аөинскаго государственнаго человѣка эпохи упадка, той эпохи, когда обладавшій верховною властью народъ рѣшалъ по большинству голосовъ въ своихъ многолюдныхъ собраніяхъ всѣ вопросы, въ томъ числѣ и дѣла внѣшней политики. Это уже не была эпоха Перикла, когда народомъ руководили люди, способные также выполнить свои рѣшенія на полѣ битвы, тогда какъ теперь такъ называемые риторы побуждали народъ принимать рѣшенія, а выполненіе ихъ предоставлялось совсѣмъ другимъ людямъ. Демосөенъ сыгралъ приблизительно ту же роль, какъ французскіе депутаты въ національныхъ собраніяхъ, начиная съ 1792 г.: эти депутаты, какъ извѣстно, декретировали войны, но не умѣли ихъ вести. Демосөенъ началъ свою карьеру въ роли адвоката въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ. Адвокатскій характеръ присущъ его краснорѣчію до самаго конца, но именно это и нравилось аөинянамъ. На площади, какъ и въ театрѣ, они желали слышать произведенія краснорѣчивой діалектики. Демосөенъ не часто патетиченъ. Большею частью онъ пытается доказать свою правоту логикой. Онъ рѣдко впадаетъ въ риторику, но, къ сожалѣнію, очень часто въ софистику. Цѣль его—защита республики противъ македонскаго царя, древне-греческой традиціи свободы противъ единодержавія—сама по себѣ была благородна и встрѣтила признаніе не только у аөинянъ, но впослѣдствіи и у другихъ грековъ. Къ сожалѣнію, средства не всегда были честны. Демосөенъ часто искажаетъ истину, лишь бы сдѣлать своихъ противниковъ ненавистными, и его величайшая политическая ошибка состояла въ томъ, что онъ постоянно наускивалъ противъ Македоніи, не принимая во вниманіе ни силъ своей собственной республики, ни могущества противника. Онъ имѣлъ дерзость даже утверждать, что Филиппъ, какъ организаторъ арміи, ровно ничего не сдѣлалъ и что у него нѣтъ годнаго войска. Это онъ утверждалъ, лишь бы придать аөинянамъ храбрость; и говорилъ это о Филиппѣ, объ изобрѣтателѣ македонской фаланги! Правда, онъ былъ великъ въ томъ отношеніи, что умѣлъ браниться, что можно простить земляку Аристофана. Онъ умѣлъ, впрочемъ, смѣшивать брань съ благороднымъ паөосомъ такимъ образомъ, какъ немногіе ораторы. Есть не мало доказательствъ того, какъ умѣлъ онъ господствовать надъ своей аудиторіей. (Однимъ изъ нихъ является свидѣтельство его противника, Эсхина.

Перев.) По истинѣ великою чертой у Демосѳена была та, что онъ упорно придерживался своихъ политическихъ убѣжденій и былъ готовъ умереть за нихъ. Онъ не тотъ благородный человѣкъ, какимъ его сдѣлали нѣкоторые ученые, но во всякомъ случаѣ человѣкъ весьма значительный, въ которомъ отражаются и многіе недостатки греческой націи: склонность къ неправдѣ и софистикѣ, и нѣкоторыя изъ лучшихъ качествъ: любовь къ отечеству и способность къ самопожертвованію. Филиппъ, объ истинномъ значеніи котораго Демосѳенъ не имѣлъ никакого понятія или не хотѣлъ имѣть, былъ, какъ политикъ, болѣе великъ, чѣмъ Демосѳенъ, а какъ человѣкъ, болѣе привлекателенъ. О томъ, что какъ воина и организатора арміи его даже нельзя сопоставлять съ Демосѳеномъ—настолько онъ выше своего противника — объ этомъ нечего и говорить. Филиппъ порою, правда, пытался достичь своей цѣли также путемъ обмана, еще чаще устраивалъ западню противнику, но въ подобныхъ дѣлахъ Демосѳенъ былъ не лучше его. Гораздо хуже достается у большей части историковъ противнику Демосѳена, Эсхину, но о личныхъ достоинствахъ Эсхина мы знаемъ, въ сущности, немногое, такъ какъ показанія Демосѳена, по всей вѣроятности, содержатъ много лжи. Его политическія стремленія были, по ихъ цѣлямъ, не такъ благородны, какъ Демосѳена, но, быть можетъ, болѣе выгодны для Аѳинъ. Однако, о славѣ Аѳинъ Демосѳенъ лучше позаботился, такъ какъ онъ привелъ къ славному концу, тогда какъ Эсхинъ, по всей вѣроятности, могъ привести лишь къ безславному, хотя и удобному пресмыканію передъ Македоніей.

Катастрофа, положившая конецъ существованію Греціи, какъ группы независимыхъ, способныхъ влiять на другія страны республикъ, произошла слѣдующимъ образомъ. Филиппъ вытѣснилъ аѳинское вліяніе съ Фракійскаго берега, хотя онъ, правда, не могъ покорить свободной Византіи. Затѣмъ на мѣсто фокейцевъ, побѣжденныхъ имъ по порученію амфиктіоновъ, Филиппъ сталъ членомъ союза амфиктіоновъ, стало быть, настоящимъ грекомъ. Въ концѣ концовъ онъ воспользовался новыми распрями относительно Дельфъ, появившись въ Ѳермопилахъ и угрожая Аѳинамъ. Тогда Демосѳенъ съ большимъ искусствомъ съумѣлъ привлечь Ѳивы, до тѣхъ поръ дружественныя Филиппу, на сторону Аѳинъ, и военныя силы обѣихъ республикъ выступили противъ войска Филиппа подлѣ Херонеи въ Віотіи. Въ войскѣ Филиппа подлѣ царя

командовалъ его сынъ Александръ; въ аѳинскомъ войскѣ сражался Демосѳенъ, какъ простой солдатъ. Свободные граждане пали подъ ударами македонской фаланги, предводительствуемой лучшими полководцами той эпохи. Греція, какъ направляющій политическій факторъ, сыграла свою роль. Даже внутреннія дѣла ея съ тѣхъ поръ значительно подчинились вліянію Македоніи. На полѣ битвы въ Херонеѣ, надъ могилою павшихъ грековъ, былъ поставленъ левъ. Его остатки сохранились до сихъ поръ и новѣйшіе греки хотятъ возстановить этотъ монументъ. Филиппъ обращался съ побѣжденными греками вовсе не высокомѣрно. Онъ заставилъ ихъ только избрать себя главнокомандующимъ противъ персовъ и готовился къ походу въ Азію. Но, по причинѣ частной мести, онъ палъ подъ ударами убійцы. Греція, однако, не стала свободнѣе, такъ какъ на мѣсто славнаго государственнаго человѣка и полководца явился великій человѣкъ, сумѣвшій не только сохранить полученное отъ отца, но и безконечно увеличить. Мы переходимъ къ Александру Македонскому.

Прежде чѣмъ мы будемъ говорить о его дѣлахъ, необходимо описать состояніе просвѣщенія грековъ въ эпоху, когда они утратили свой политическій блескъ и представляли не что иное, какъ кучку сосѣднихъ маленькихъ государствъ. Прежде всего ясно, что греки болѣе не были тѣмъ воинственнымъ народомъ, который задержалъ персидскихъ царей при Мараѳонѣ, Ѳермопилахъ, Саламинѣ и Платеѣ. Слѣдуетъ даже сказать, что греки не были настроены воинственно другъ противъ друга. Даже междуусобной войны, вродѣ пелопоннесской, они уже не были въ состояніи вести. Можно было бы указать на такъ называемыя священныя войны и на экспедицію аѳинянъ во Ѳракію противъ Филиппа; однако, здѣсь ясно крупное различіе, такъ какъ въ 4-мъ вѣкѣ большая часть войнъ велась не воинами-гражданами, но наемниками, на что жаловался самъ Демосѳенъ. Великіе полководцы того времени, вродѣ Ификрата, Хаврія и другихъ, прославились искуснымъ управленіемъ наемниками. При Херонеѣ, правда, сражались граждане и даже чрезвычайно мужественно, но здѣсь рѣшило вопросъ военное искусство македонянъ. Само собою ясно, что желанное для гражданъ освобожденіе отъ личной военной службы не могло выгодно повліять на положеніе маленькихъ республикъ. Это стремленіе зависѣло отъ улучшенія благосостоянія и отъ

лѣни, свойственной греческому республиканцу. Слушать рѣчи, давать деньги на войну и посылать другихъ,—все это не могло развить твердости характера. Тѣмъ не менѣе Ѳивы и Аѳины въ то время, а Аѳины еще позднѣе показали, что они не потеряли своей храбрости. Въ религіозномъ отношеніи древній греческій міръ пришелъ къ полному упадку. Ни одинъ образованный человѣкъ уже не вѣритъ ни въ Зевса, ни въ Аѳину. Иные, быть можетъ, вѣрили въ Зевса, какъ величайшаго; даже единственнаго бога. Кто былъ боленъ, тотъ, пожалуй, вѣрилъ въ Асклепія и искалъ чудеснаго исцѣленія отъ его жрецовъ въ Эпидаврѣ; отъ такого бога можно было по крайней мѣрѣ имѣть пользу. Это то же самое, что теперь въ наукѣ: въ греческой религіи находилъ довѣріе только спеціалистъ. Но съ Асклепіемъ конкуррировали восточные боги, все болѣе проникавшіе въ Грецію. Даже Изида попала въ честь. Элементъ таинственнаго и чудеснаго привлекалъ здѣсь публику. Для людей просвѣщенныхъ оффиціальную религію замѣнили философскія школы, но господствовавшія въ то время школы, Академія Платона и Лицей (правильнѣе—Ликей) Аристотеля не были достаточно популярны, чтобы принести пользу многимъ. Популярности достигли другія школы, о которыхъ вскорѣ будетъ сказано.

Перейдемъ теперь къ литературѣ и искусству. Сначала скажемъ о послѣднемъ, такъ какъ его результаты болѣе бросаются въ глаза. Въ архитектурѣ господствуетъ теперь іонійскій стиль, мѣстопребываніемъ котораго является Малая Азія, подобно тому, какъ для дорійскаго, въ цвѣтущую пору его существованія, главнымъ мѣстомъ служитъ собственная Греція и западъ (Аѳины, Фигалія, Пестумъ, Сиракузы, Акрагасъ, Сегеста, Гемера). Храмъ Артемиды въ Эфесѣ, послѣ большого пожара въ 365 г., былъ превосходно отстроенъ вновь и отъ этого зданія еще сохранились остатки, среди которыхъ особенно выдаются колонны, украшенныя живописью. Слѣдовало бы назвать еще другіе остатки храмовъ, если бы мы располагали большимъ количествомъ мѣста. Приходится указать лишь на одно изъ такъ называемыхъ чудесъ свѣта, а именно на мавзолей въ Галикарнасѣ, памятникъ царя Мавзола Карійскаго,—сооруженіе, состоящее изъ трехъ частей, въ общемъ высотою въ 140 футовъ съ высокой нижней частью зданія. Верхняя часть представляетъ видъ храма и сверхъ того на вершинѣ храма стоитъ пирамида съ изображеніемъ царя. Все это, взятое въ совокупности, не отличалось красотой, но было величественно; задача была слишкомъ мала для примѣненія искусства. Такое притязательное зданіе слишкомъ величественно, какъ выраженіе печали вдовы о любимомъ мужѣ, который, въ концѣ концовъ, въ общественной жизни представлялъ лишь маленькаго тирана, вдобавокъ находившагося подъ иноземнымъ покровительствомъ. Спрашивается, каковъ же долженъ быть послѣ этого памятникъ настоящаго царя и великаго полководца или государственнаго человѣка? Болѣе значительна и болѣе основательна слава тогдашней скульптуры. Здѣсь на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ назвать двухъ знаменитыхъ мастеровъ, Праксителя и Скопаса. О первомъ не трудно себѣ составить очень ясное представленіе по показаніямъ древнихъ, такъ что извѣстное число сохранившихся статуй съ достовѣрностью могутъ быть признаны принадлежащими Праксителю; но во всякомъ случаѣ знакомство съ произведеніями этого мастера, по счастію, стало еще болѣе основательно, благодаря счастливой находкѣ одного несомнѣнно подлиннаго произведенія. Это общеизвѣстный Гермесъ съ мальчикомъ Вакхомъ, найденный въ храмѣ Геры (Гиры) въ Олимпіи, на томъ самомъ мѣстѣ, для котораго онъ былъ сдѣланъ художникомъ. Мы теперь ясно видимъ, что привлекательность, составлявшая, по показаніямъ древнихъ, характерный признакъ произведеній этого художника, дѣйствительно была его особенностью. Той же прелестью отличается его фигура юноши, особенно статуи Аполлона и Афродиты. Гораздо сложнѣе и въ гораздо худшемъ положеніи вопросъ о произведеніяхъ Скопаса. Правда сохранилось немало извѣстій о его произведеніяхъ отъ древнихъ авторовъ, но самыхъ произведеній сохранилось немного. О скульптурныхъ работахъ Тегейскаго храма, принадлежащихъ ему, можно судить лишь по ничтожнымъ остаткамъ; что же касается оригинальной группы Ніобеи, то уже въ древности сомнѣвались, принадлежала-ли она Праксителю или же Скопасу. Эти фигуры принадлежатъ къ прекраснѣйшимъ изъ наиболѣе прекрасныхъ произведеній греческой скульптуры. Съ другой стороны, есть не малое число маленькихъ, ремесленно обработанныхъ скульптурныхъ произведеній въ стилѣ того времени и въ особенности въ стилѣ Праксителя. Таковы прославленныя женскія фигуры, въ новѣйшее время найденныя въ большомъ количествѣ въ Танагрѣ. Подобнымъ же образомъ работали и въ другихъ гре-

ческихъ странахъ въ малой Азіи и въ Сициліи. Что касается живописи того времени, о ней мы болѣе не можемъ составить себѣ представленія. Зевксисъ и Парразій для насъ не болѣе, какъ имена; анекдоты, которыми пытаются пояснить близость ихъ картинъ къ природѣ, ровно ничего не доказываютъ. Если Парразій олицетворилъ на картинѣ аѳинскій народъ такимъ образомъ, что всѣ его недостатки могли быть узнаны на этой одной картинѣ, то въ такомъ случаѣ едва-ли онъ произвелъ картину, прекрасную съ художественной точки зрѣнія, такъ какъ рѣшеніе такой задачи, собственно говоря, невозможно, если только не впасть въ сущую аллегорію.

Если мы теперь обратимся къ литературѣ, то прежде всего необходимо сдѣлать общее замѣчаніе. У грековъ было то же, что и у насъ, а именно спросъ опредѣлялъ предложеніе и производство. Были такія времена, когда поэзія являлась необходимостью. Въ эти времена много сочиняли стиховъ; въ другихъ случаяхъ требовалась проза—тогда писали по большей части прозой, да и въ самой поэзіи предложеніе соотвѣтствовало спросу. Въ разсматриваемую эпоху въ Греціи никто не хотѣлъ знать эпоса и немногіе интересовались лирикой; поэтому не писали поэмъ и мало занимались лирикой. Поэзія, наиболѣе подходившая къ данному времени, это была — драматическая. Но и въ этой области не было достигнуто ничего особенно выдающагося. Эпоха трагедіи миновала; привилась комедія, но и самый способъ писанія комедій измѣнился. Впрочемъ, перемѣна еще не закончилась. О комедіи первой половины 4-го столѣтія здѣсь тѣмъ менѣе можно говорить, что отъ нея ровно ничего не сохранилось. Остается, стало быть, проза, а въ этой области, подлѣ ораторскаго искусства, господствовала чистая наука. Демосѳенъ и Аристотель жили точно въ одно и то же время съ 384 г. по 322 г., а трудно указать болѣе значительные контрасты, чѣмъ эти два человѣка. У перваго форма призрачна, вездѣ поиски минутнаго эффекта. Это объясняется цѣлями его рѣчей, которыя должны были повлечь за собою судебное или же политическое рѣшеніе. У Аристотеля во всемъ дѣловитость, изображеніе дѣйствительности, такъ какъ онъ постоянно разсуждалъ о томъ, что было и совершилось, а никакъ не о томъ, что должно произойти по его желанію. Вмѣстѣ съ Аристотелемъ, чистая наука въ Греціи выступаетъ на сцену и притомъ неслыханно величественнымъ образомъ.

Такъ какъ вообще грековъ не безъ основанія обвиняютъ въ томъ, что они стремились главнымъ образомъ къ красотѣ, то необходимо подробнѣе заняться Аристотелемъ.

Аристотель родился въ 384 г. въ маленькомъ городкѣ Стагирѣ, во ѳракійской Халкидикѣ; отецъ его былъ врачъ и другъ македонскаго царя Аминты II. Въ 367 г. Аристотель прибылъ въ Аѳины, гдѣ учился въ Платоновской академіи, сначала не у самого Платона, находившагося еще на западѣ, но у его учениковъ, затѣмъ также у Исократа, отъ котораго учился риторикѣ. 20 лѣтъ провелъ онъ такимъ образомъ въ Аѳинахъ, учась и создавая основы своихъ собственныхъ воззрѣній; а когда Филиппъ Македонскій сталъ объявлять себя все болѣе и болѣе врагомъ Аѳинъ, въ то 347 г. Аристотель и его другъ Ксенократъ удалились изъ Аѳинъ и прожили 3 года въ Ассосѣ, въ Мизіи, затѣмъ на островѣ Лесвосѣ, а затѣмъ короткое время снова въ Аѳинахъ. Въ 343 г. царь Филиппъ призвалъ Аристотеля къ своему двору, съ цѣлью поручить ему воспитаніе своего сына Александра. Аристотель охотно послѣдовалъ этому призыву, что въ сущности соотвѣтствовало взглядамъ его учителя Платона, такъ какъ Платонъ надѣялся осчастливить все человѣчество при помощи благожелательныхъ и хорошо воспитанныхъ царей, и, конечно, никогда ни одинъ подобный учитель не имѣлъ подобнаго ученика, какъ величайшій мыслитель того времени Аристотель, воспитавшій величайшаго царя Александра. Конечно, нельзя сказать, чтобы Аристотель пользовался значительнымъ вліяніемъ на Александра, когда этотъ послѣдній выросъ; однако, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что знанія царя въ высшей степени обогатились преподаваніемъ философа, если даже оно ограничивалось почти одной литературой. Утверждали, что будто между Аристотелемъ и Александромъ отношенія охладѣли. Извѣстно во всякомъ случаѣ, что Александръ обошелся жестоко съ близкимъ родственникомъ Аристотеля, Калисѳеномъ, сопровождавшимъ его въ Азію; это, однако, единственное, что могло подать поводъ къ подобному допущенію. Наоборотъ, извѣстно, что Александръ оставался навсегда преданъ Аристотелю. Хотя слѣдуетъ счесть басней, что царь подарилъ философу 800 талантовъ для добыванія предметовъ, служившихъ естественно-научнымъ цѣлямъ, но во всякомъ случаѣ научныя работы Аристотеля встрѣтили со стороны

Александра существенную поддержку [1]). Въ 335 г. Аристотель возвратился въ Аѳины, гдѣ руководилъ всей школой въ лицеѣ (собственно—Ликеѣ), святилищѣ Аполлона Ликейскаго до 323 г. Школа эта получила названіе перипатетической, отъ слова, обозначающаго прогуливаться, такъ какъ, по преданію, Аристотель читалъ свои лекціи, прогуливаясь по аллеямъ. По смерти Александра, Аристотель удалился на Эвбею, гдѣ умеръ въ 322 г.

Аристотель обозначаетъ собою высшій пунктъ универсальной эллинской науки. „Сократъ и также Платонъ относились къ естествознанію, какъ мачиха къ нелюбимому ребенку. Аристотель увидѣлъ въ естествознаніи рычагъ, посредствомъ котораго проникъ въ науку и такимъ образомъ соединилъ естественно-научное направленіе Демокрита съ философскимъ направленіемъ Платона. Онъ, однако, еще значительно превзошелъ Демокрита тѣмъ, что прибѣгъ также къ помощи описательныхъ естественныхъ наукъ, чѣмъ до эпохи Платона занимались лишь практики. Только такимъ образомъ былъ замкнутъ циклъ мощной энциклопедической области изслѣдованія и знанія“ (Герке). Собраніе замѣтокъ для его научныхъ цѣлей было составлено, по большей части, его учениками и друзьями, изъ которыхъ главнымъ слѣдуетъ признать Ѳеофраста, затѣмъ Эвдема, Аристоксена, Дикеарха и другихъ. Аристотель не только самостоятельно обработалъ все имъ найденное, но многое передалъ своимъ ученикамъ, для дальнѣйшей обработки. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно работали въ духѣ учителя, хотя и съ значительной долей самостоятельности; такъ, напр., Ѳеофрастъ въ области ботаники, Аристоксенъ—музыки, Дикеархъ — государственныхъ наукъ. Для Аристотеля въ высшей степени замѣчательно, что онъ обладалъ одинаковымъ чутьемъ къ единичному и къ всеобщему. Онъ былъ такъ же великъ въ спеціальныхъ наукахъ, какъ и въ наукѣ о конечныхъ причинахъ, въ метафизикѣ или чистой философіи. Въ первомъ отношеніи онъ встрѣтилъ соперника въ лицѣ Александра Гумбольдта, но этотъ послѣдній не присоединялъ къ своему познанію природы такихъ философскихъ и историческихъ знаній, какъ Аристотель. Въ дѣлѣ господства надъ всей совокупностью

[1]) Поддержка эта, повидимому, ограничивалась содѣйствіемъ царскихъ сторожей и ловчихъ въ дѣлѣ поимки звѣрей. Походы Александра почти ничего не прибавили къ свѣдѣніямъ Аристотеля; такъ, напр., о животныхъ Индіи Аристотель почти ничего не зналъ. *Ред.*

знанія Аристотель совершенно одинокъ въ исторіи культуры, и, что всего важнѣе, онъ во всемъ былъ основателенъ и обнаруживалъ творческій духъ [1]). Логика, изложеніе которой до недавняго времени заполняла всю научную жизнь нѣмецкихъ профессоровъ, была создана Аристотелемъ, но для него являлась второстепеннымъ предметомъ. Метафизика получила отъ него даже свое названіе и понималась имъ въ смыслѣ *основы философіи*; его поэтика еще и до сихъ поръ интересуетъ теоретиковъ и практиковъ стихотворнаго искусства; въ этикѣ онъ вполнѣ оригиналенъ; въ политикѣ до сихъ поръ еще идетъ споръ о значеніи его опредѣленій, данныхъ государственнымъ учрежденіямъ. Его описаніе 158 разныхъ тогдашнихъ политическихъ тѣлъ, къ сожалѣнію, не сохранилось до нашего времени и лишь въ самое недавнее время отысканъ египетскій папирусъ съ копіей его рукописи о государственномъ устройствѣ Аѳинъ. Мы видимъ, что и въ этой области знанія свѣдѣнія его были весьма обширны. Изъ его естественно-научныхъ произведеній достаточно назвать хотя бы метеорологію и естественную исторію животныхъ. Я распространяюсь такъ объ Аристотелѣ, съ цѣлью показать, что и въ той области, которая болѣе всего цѣнится въ наше время, именно въ области точной науки, Аристотель создалъ великое. Во всякомъ случаѣ, не такъ важно само по себѣ любопытное обстоятельство, что средніе вѣка признавали его царемъ науки; гораздо любопытнѣе, что и въ новое время много занимаются Аристотелемъ. Замѣчательно, дѣйствительно то обстоятельство, что черезъ 2.000 лѣтъ послѣ смерти Аристотеля, нѣкоторыя его произведенія все еще играютъ въ наукѣ роль животворнаго элемента; и до сихъ поръ еще стараются доказать то или иное значеніе классификаціи политическихъ формъ, данной Аристотелемъ. Говорятъ, напр., о томъ, что его подраздѣленіе формъ правленія на монархію, аристократію и демократію не представляетъ для насъ абсолютнаго значенія, хотя это кажется само по себѣ очевиднымъ. Въ концѣ исторіи независимой Греціи стоитъ фигура величайшаго изъ греческихъ ученыхъ, Аристотеля, представителя наилучшихъ качествъ греческаго народа; на порогѣ другой, новой эпохи мы видимъ блестящаго воина древности, македонянина Александра.

[1]) Подробная оцѣнка научно-философской дѣятельности Аристотеля дана, напр., въ книгѣ М. Филиппова «Философія дѣйствительности», т. I. *Перев.*

Александръ Великій. Апеллесъ. Лизиппъ. Сидонскіе саркофаги.

Александръ совершилъ неслыханное, можно сказать невѣроятное; онъ былъ не только завоевателемъ, какого другого навѣрное не было, — онъ также создалъ нѣчто прочное на развалинахъ погибшаго. Правда, это прочное относится не къ области политики, такъ какъ его царство распалось тотчасъ послѣ его смерти, но къ области духа, такъ какъ онъ перенесъ греческую идею, представителемъ которой явился, въ далекія азіатскія области до самой Индіи, и почти всюду на пространствѣ обширной персидской державы создалъ основы греческой культуры, удержавшейся въ теченіе долгаго времени.

Если мы желаемъ правильно оцѣнить культурно-историческій подвигъ Александра, то необходимо принять во вниманіе два обстоятельства: 1) его личность, 2) состояніе противника, съ которымъ онъ долженъ былъ бороться. Начну съ послѣдняго. Персидская держава съ давнихъ поръ стала приходить въ состояніе упадка. Съ конца 5-го столѣтія до Р. Х. она едва держалась. Уже тогда Киръ Младшій, съ помощью греческихъ наемниковъ, отобралъ бы у своего брата Артаксеркса царство, если бы настоящимъ полководцемъ; на самомъ дѣлѣ онъ только испортилъ все, что было сдѣлано для него греками. Съ тѣхъ поръ колоссальное царство держалось лишь благодаря раздорамъ грековъ и съ помощью греческихъ наемныхъ войскъ. Въ концѣ концовъ, только родосцы Менторъ и Мемнонъ спасли честь персидскаго оружія въ дѣлѣ защиты царства. Греки Малой Азіи должны были платить Персіи дань, но во внутреннихъ дѣлахъ были довольно свободны. Однако, персидскій царь все же пользовался вліяніемъ въ Греціи, несмотря на свою военную слабость. Онъ дѣйствовалъ съ помощью золота, напр., диктовалъ условія такъ называемаго Анталкидова мира. До чего Персія была доступна нападенію, это показалъ затѣмъ Агезилай. Но разрушить колоссальное царство было совсѣмъ иное дѣло, нежели одержать побѣду надъ персами въ Малой Азіи. Для этого требовалась личность вродѣ Александра. Это былъ человѣкъ, какихъ мало извѣстно въ исторіи, храбрый, умный, прямодушный, полный энтузіазма, способный легко прійти въ состояніе гнѣва и легко простить виновнаго. Онъ не былъ политикомъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова,

тогда какъ его отецъ Филиппъ былъ однимъ изъ величайшихъ политиковъ всѣхъ временъ. Александръ былъ прямодушенъ и любилъ правду, былъ добрымъ сыномъ и вѣрнымъ другомъ. Онъ былъ очень вспыльчивъ и въ гнѣвѣ дѣлалъ много дурного, но затѣмъ горько каялся. Все пошлое было далеко отъ него. Правда, онъ легко напивался виномъ, что приносило ему не малый вредъ, но это ужъ былъ общій грѣхъ македонянъ. Онъ обнаружилъ необычайную охоту къ труду и трудоспособность и совершилъ великое для своей арміи и государства. Его положеніе относительно войска было единственнымъ въ своемъ родѣ. Онъ могъ ожидать отъ войска необычайнаго, такъ какъ самъ вездѣ выступалъ лично. Онъ могъ иногда ссориться съ солдатами, въ крайнемъ случаѣ уступать имъ, не утрачивая, однако, значенія и достоинства. Для солдата онъ былъ царемъ, отцомъ и братомъ. На полѣ битвы у него былъ одинъ единственный вѣрный принципъ, состоявшій въ томъ, чтобы сосредоточивать всѣ силы на рѣшительномъ пунктѣ, а такъ какъ персы ровно ничего не понимали въ военномъ искусствѣ, то и неудивительно, что онъ одолѣвалъ вдесятеро сильнѣйшаго непріятеля. Побѣда надъ индусами досталась ему труднѣе. Своей личностью онъ привлекъ на свою сторону также персовъ и другія народности персидской державы; вообще, только греки и македоняне устраивали противъ него заговоры, но не персы. Съ внѣшней стороны онъ поставилъ себя, какъ восточнаго царя; съ внутренней навсегда оставался грекомъ. Это между прочимъ доказывается многочисленными колоніями, основанными имъ въ разныхъ частяхъ покоренныхъ странъ. Жители этихъ городовъ состояли изъ македонянъ и грековъ, но языкъ былъ всегда греческій. Вообще съ этихъ поръ македоняне признавались греками, что впрочемъ доказывается уже ихъ именами, чисто греческими и порою только представляющими нѣсколько старинную форму. По Плутарху, Александръ основалъ 70 городовъ, изъ которыхъ очень многіе носили его имя [1]). Объ египетской Александріи будетъ сказано ниже. Многія Александріи находились на отдаленнѣйшемъ востокѣ, гдѣ Александръ пребывалъ особенно долго. Такъ, напр., въ Бактріи и въ Согдіанѣ, мѣстностяхъ у Оксуса и Яксарта, откуда была

[1]) Значеніе дѣятельности Александра здѣсь сильно преувеличено. Большая часть колоній, основанныхъ Александромъ, были лишь военные посты, а разцвѣтъ Александріи зависѣлъ отъ давнишней греческой колонизаціи Египта. *Ред.*

родомъ и жена Александра, Роксана. Назову еще Александрію—Мервъ на Мургабѣ, Александрію кавказскую (въ индійскомъ Кавказѣ), къ сѣверу отъ Кабула, Александрію Эсхате (т. е. крайнюю) Хождентъ, Александрію подлѣ Акезина—Бузирабадъ, Александрію близъ устья Тигра. Александръ хотѣлъ цивилизовать варваровъ, заставить ихъ жить въ городахъ.

Позволю себѣ привести еще краткую характеристику Александра, заимствованную мною изъ 17 главы третьяго тома моей исторіи Греціи. Эта характеристика цитировалась и другими лицами и, стало быть, встрѣтила сочувствіе: Александръ Великій былъ аномаліей въ 4-мъ вѣкѣ; его эпоха любилъ рѣчи,—онъ дѣйствовалъ; онъ всегда сомнѣвался и легко аппелировалъ къ мелочнымъ сторонамъ человѣческой натуры, онъ часто разсчитывалъ на внутреннее благородство человѣка, и при этомъ дѣйствовалъ хорошо. Соединеніе почти дѣтской довѣрчивости съ мужественной энергіей, остраго соображенія съ необычайной быстротой дѣйствія,—законченнаго умственнаго образованія и любви къ искусству и наукѣ съ рѣшительнымъ энтузіазмомъ и любовью къ войнѣ и крупнымъ талантомъ въ дѣлѣ государственнаго управленія — все это дѣлаетъ его не въ одной только греческой исторіи совершенно исключительной личностью. Въ немъ до извѣстной степени сконцентрировалась вся сущность греческаго духа. Онъ представляетъ собою всю Грецію за всю эпоху ея существованія. Дѣйствительно, въ Александрѣ Ахиллъ соединяется съ Эпаминондомъ; въ немъ даже есть немало свойственнаго Периклу: политическое глубокомысліе, соединенное съ любовью къ красотѣ и къ истинѣ. Въ немъ, еще болѣе, чѣмъ въ Алкивіадѣ, природа показала, что она можетъ сдѣлать; но онъ не расточалъ, какъ Алкивіадъ, ея даровъ, укрѣпленныхъ хорошимъ воспитаніемъ, отсутствовавшимъ у Алкивіада: онъ употребилъ свои таланты на достиженіе великаго и въ теченіе своей короткой жизни немногимъ повредилъ, а многимъ принесъ пользу.

Все, что можно сказать о просвѣщеніи того времени, тѣсно примыкаетъ къ Александру. Онъ представлялъ собою центръ всѣхъ стремленій, какъ дружественныхъ, такъ и враждебныхъ; все относилось къ его личности. Здѣсь достаточно сказать о пластическомъ искусствѣ. Оба главнѣйшихъ представителя его, какъ въ скульптурѣ, такъ и въ живописи, это люди, находившіеся въ тѣсномъ соотношеніи къ Александру. Менѣе всего можно это сказать про живопись

Апеллеса. Это былъ іоніецъ изъ Эфеса, а можетъ быть, изъ Колофона. Онъ писалъ картины уже въ Пеллѣ, столицѣ Македоніи, въ эпоху Филиппа, затѣмъ въ особенности въ Эфесѣ и служилъ Александру, который заплатилъ за одинъ портретъ 20 талантовъ, что составляетъ около 90 тыс. германскихъ марокъ. По смерти Александра онъ занимался также и другими родами живописи,—такъ, напр., писалъ миѳологическія фигуры. Болѣе извѣстно о характерѣ скульптуры Лизиппа, родомъ изъ Сикіона, въ высшей степени плодотворнаго художника: ему приписываютъ болѣе 500 произведеній. Его спеціальностью было изображеніе сильнаго мужского тѣла. Онъ создавалъ изображенія боговъ, колоссальныя фигуры героевъ, наконецъ портреты, особенно Александра, который только ему и Апеллесу позволялъ изображать себя. Здѣсь умѣстно указать также на другія произведенія пластическаго искусства, принадлежащія по крайней мѣрѣ къ концу 4-го столѣтія до Р. Х. и приписываемыя тѣмъ или инымъ событіямъ, касавшимся Александра. Это сидонскіе саркофаги, находящіеся въ настоящее время въ Константинопольскомъ музеѣ; одинъ изъ нихъ въ теченіе долгаго времени признавался саркофагомъ Александра Великаго. Въ 1887 г. подлѣ Сидона (Саида) былъ найденъ рядъ гробовыхъ склеповъ, въ которыхъ находилось 17 саркофаговъ, всѣ необычайной цѣнности. Изъ нихъ 4 украшены особенно превосходными произведеніями греческой пластики. Древнѣйшій изъ нихъ, это такъ называемый саркофагъ сатраповъ, очевидно относящійся къ 5-му вѣку, второй—такъ называемый ликійскій, такъ какъ покрытъ высокой остроконечной выгнутой крышкой, встрѣчающейся только на ликійскихъ памятникахъ. Большая часть изображеній рисуютъ здѣсь охотничьи сцены, многое по характеру напоминаетъ фрески Парѳенона. Третій изображаетъ плакальщицъ. Здѣсь, посреди іонійскихъ колоннъ, изображены въ разнообразныхъ положеніяхъ плачущія женщины необычайной красоты, очевидно относящіяся къ серединѣ 4-го вѣка. Наконецъ, 4-й, это такъ называемый саркофагъ Александра. Теперь его правильнѣе называютъ большимъ саркофагомъ. Онъ сдѣланъ изъ пентеликонскаго мрамора. На передней сторонѣ изображено сраженіе съ персами, въ которомъ Александръ появляется лично, напоминая фигуру Александра, находящуюся на великолѣпной мозаикѣ, открытой въ Помпеѣ. Но персидскій царь здѣсь отсутствуетъ. Вдоль второй стороны изображена охота

на львовъ, въ центрѣ которой находится всадникъ въ персидской одеждѣ, тогда какъ слѣва выскакиваетъ греческій всадникъ, украшенный діадемой, очевидно изображающій Александра. На обѣихъ узкихъ сторонахъ Александръ сражается съ только что названными персидскими воинами; далѣе, съ однимъ грекомъ и наконецъ съ пантерой. Если въ восточномъ человѣкѣ видѣть царя сидонскаго Абдолонима, по преданію друга Александра, то всѣ изображенія этого саркофага объяснимы и можно было бы допустить, что это дѣйствительно гробъ самого Александра. Однако, еще вѣрнѣе предположить, что здѣсь былъ похороненъ Лаомедонъ. Искусство Лизиппа, поражающее насъ въ этихъ чудныхъ произведеніяхъ, производитъ впечатлѣніе также своею полихроміею. Знатоки утверждаютъ, что оба упомянутые саркофага представляютъ по формѣ и окраскѣ самое очаровательное изъ всего, оставленнаго намъ античнымъ искусствомъ.

Отъ смерти Александра до битвы подъ Акціумомъ.

Прежде чѣмъ мы коснемся культуры тѣхъ временъ, мы считаемъ нелишнимъ предпослать краткій обзоръ политическихъ событій, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ объ эпохѣ, сравнительно наименѣе извѣстной даже въ ея главныхъ чертахъ; и, однако, культурно-историческая сторона здѣсь не можетъ быть понята, если намъ неизвѣстна сторона политическая. Послѣ смерти великаго царя, фикція великой державы еще удерживалась, пока не вымерла или скорѣе не была истреблена семья Александра. Объ этомъ позаботились полководцы Александра, ставшіе его настоящими наслѣдниками. Они называли себя управителями, сатрапами, полководцами и т. д., но вели себя какъ цари. Каждый хотѣлъ цѣлаго и по крайней мѣрѣ опредѣленной части цѣлаго, надѣясь отсюда покорить все остальное. Число полководцевъ, такъ называемыхъ діадоховъ, было сначала очень велико, но въ этой борьбѣ за существованіе лишь сильнѣйшіе могли выжить. Это устраненіе слабыхъ соотвѣтствовало до извѣстной степени также значенію тѣхъ странъ, которыя были избраны тѣми или другими сатрапами. Властелины величайшихъ и главнѣйшихъ странъ уцѣлѣли во всеобщей свалкѣ. Первоначально образовалось царство Фракія, подъ господствомъ Лизимаха, но оно исчезло: и дѣйствительно фракійская группа областей

не имѣла права на существованіе. Малоазіатское царство, основанное Антигономъ, также было мертворожденнымъ, такъ какъ Малая Азія, съ этнографической точки зрѣнія, черезчуръ пестра, да и въ географическомъ отношеніи не обладаетъ внутреннимъ единствомъ. Прочными были царства египетское и македонское; сюда присоединилось большое царство, получившее названіе Сиріи, и вся азіатская часть міровой державы Александра, т. е. древне-персидское царство, по крайней мѣрѣ по его притязаніямъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ едва половина принадлежала сюда. События, о которыхъ идетъ рѣчь, это слѣдующія: сначала единство царства представлялъ собою македонскій царь, пытавшійся господствовать надъ всѣми; но другіе полководцы не хотѣли признавать его власти и пытались покорить Египетъ. Онъ былъ убитъ. Въ 321 г. примкнулъ грекъ Эвменъ, противъ котораго обратилась теперь ненависть полководцевъ. Эвменъ держался храбро, но онъ не македонянинъ и всѣ македоняне борятся съ нимъ или измѣняютъ ему. Въ 316 г. его казнятъ. Побѣдитель его Антигонъ становится первымъ лицомъ въ Азіи, въ то время, какъ Македонія остается въ семьѣ Антипатра, тогда какъ въ Египтѣ держится Птолемей. Кассандръ, властитель Македоніи, въ 310 г. убиваетъ маленькаго сына Александра Македонскаго и его мать Роксану, въ 309 г. убиваетъ и послѣдняго сына Александра, Геракла, и устраняетъ послѣднее препятствіе къ тому, чтобы полководцы сами себя могли называть царями, что они и начинаютъ дѣлать съ 306 года. Войны между ними, особенно между Антигономъ и его сыномъ Димитріемъ съ одной стороны и Птолемеемъ вмѣстѣ съ Кассандромъ съ другой, продолжаются съ перемѣннымъ счастіемъ, но, наконецъ, въ 301 г., въ битвѣ подъ Ипсомъ, Лизимахъ и Селевкъ, утвердившійся въ Вавилоніи, побѣждаютъ Антигона и Димитрія, причемъ первый погибаетъ. Такимъ образомъ исчезаетъ фригійское царство, составлявшее центръ могущества Антигона. Селевкъ захватываетъ наибольшую часть Малой Азіи и господствуетъ отъ Галиса до Индіи. Птолемей, который ради осторожности не выступилъ противъ Антигона, удерживаетъ свои владѣнія. Въ 281 году Селевкъ побѣждаетъ затѣмъ Лизимаха и распространяетъ свое царство до Европы. Такимъ образомъ три царства, Македонія, Сирія и Египетъ, остаются въ Европѣ, Азіи и Африкѣ; лишь Египетъ пользуется спокойнымъ существованіемъ. За Македонію постоянно ссорятся претенденты,

пока, наконецъ, ею не завладѣваетъ Антигонъ Гонатъ, сынъ Димитрія Поліоркета, и въ его родѣ Македонія остается до 167 г. Сирійское царство захватываетъ Антіохъ, сынъ убитаго Селевка, и оно существуетъ до тѣхъ поръ, пока съ нимъ не покончили римляне въ эпоху Помпея. Царство Птолемея уцѣлѣло до 30 г. до Р. Х., но царство Селевкидовъ держится лишь постоянною утратою отдѣльныхъ частей отъ Индіи до Геллеспонта. Оно было настолько велико, что въ теченіе 200 лѣтъ отъ него все еще можно было отнимать что-либо по частямъ, пока, наконецъ, все оно не распалось. На Востокѣ образовались совершенно новыя царства полугреческаго характера: индійское и бактрійское, затѣмъ чисто восточное—парѳянское. Въ Малой Азіи, а именно въ Мизіи, является чисто греческое пергамское царство и затѣмъ рядъ туземныхъ царствъ, Каппадокія, Виѳинія, Понтъ. Селевкиды въ концѣ концовъ остаются только съ Сиріей. Наряду съ этимъ, въ Малой Азіи и на островахъ существуютъ греческія республики, изъ которыхъ самая могущественная это Родосъ. Въ настоящей Греціи господствуетъ у грековъ свобода, насколько ее терпятъ македонскіе цари; противъ этихъ царей греческія республики пытаются защититься прочными союзами, — политическое устройство, каковаго еще раньше не было. Здѣсь идетъ рѣчь объ *ахейскомъ* и *этолійскомъ* союзахъ. Эти союзы являются затѣмъ для Рима поводомъ вмѣшательства въ греческія дѣла. На первый разъ, однако, македоняне и сирійскіе цари имѣютъ дѣло прямо съ Греціей. Македонскій царь Антигонъ Дозонъ уничтожаетъ спартанское могущество подъ Селлазіей въ 222 г., и если бы онъ вскорѣ затѣмъ не умеръ, то Греція стала бы македонской провинціей. Такимъ образомъ, еще долгое время попытка Филиппа подчинить грековъ въ такъ называемой союзной войнѣ не имѣла никакого успѣха, и вскорѣ онъ, обращавшійся съ азіатскими греками съ неслыханной дерзостью, долженъ былъ опустить паруса передъ римлянами, съ которыми онъ, по своей глупости, пытался обращаться также дерзко. Царство его въ 197 г. было уничтожено сраженіемъ подъ Кинокефалами и другъ грековъ Квинтій Фламиній устроилъ въ 196 г. въ Коринѳѣ греческія дѣла. Когда вслѣдъ за тѣмъ, послѣ македонскихъ царей, сирійскій царь Антіохъ III вообразилъ, что можетъ властвовать въ Греціи наперекоръ римлянамъ, или, по тогдашнему выраженію, можетъ освободить Грецію, то римляне легко одержали надъ нимъ

побѣду подъ Магнезіей и отбросили его за Тавръ, послѣ чего даже этолійскій союзъ долженъ былъ почувствовать могущество римлянъ. Затѣмъ послѣдовало уничтоженіе Македоніи, вслѣдствіе ошибокъ царя Персея, Эмиліемъ Павломъ въ 168 г., а когда теперь ахейскій союзъ поднялъ знамя свободы противъ Рима, то и онъ былъ уничтоженъ Мумміемъ. Греція, по имени свободная, фактически стала въ зависимость отъ Рима. Въ томъ же 146 г. погибъ и Карѳагенъ, такъ долго сопротивлявшійся грекамъ на западѣ.

Среди вышеупомянутыхъ фактовъ одинъ особенно замѣчателенъ, а именно образованіе союзовъ ахейскаго и этолійскаго. Этимъ была нарушена граница, дѣлавшая греческія республики такими односторонними, такъ какъ онѣ представляли въ сущности маленькія гражданскія общины. Въ эпоху, когда великіе монархи боролись за господство съ великими республиками, что могли сдѣлать государства, въ которыхъ, по греческому обыкновенію, числилось не болѣе 30.000 гражданъ? Что могли сдѣлать области, вродѣ Аттики или Лаконіи вмѣстѣ съ Мессеніею? Правда Аѳины и Спарта пытались основать болѣе крупные союзы, но при этомъ всегда безусловно господствовалъ наибольшій городъ, Аѳины или Спарта. Всегда устраивались въ большей или меньшей степени аѳинское или спартанское государство, но эти государства привели къ неудачѣ. Аѳины показали свою несостоятельность въ Пелопоннесской войнѣ, а Спарта—при Левктрѣ и Мантинеѣ. Какимъ же образомъ пытались теперь устраивать союзы съ равноправными членами? Этого могли достичь лишь малыя государства. Аѳины, Спарта и Ѳивы, ради своего прошлаго, не могли вступать въ подобные союзы, но ахейцы и этолійцы могли; и они пытались это сдѣлать не безъ успѣха. У нихъ не было ни одной общины, способной имѣть дѣйствительныя притязанія на преимущество и господство надъ другими. Возможность удачи такого предпріятія зависѣла отъ регулярныхъ собраній союзнаго совѣта, который могъ имѣть лишь характеръ представительства: его рѣшенія должны были связывать отдѣльныя государства. Это было нѣчто совершенно новое, неслыханное въ Греціи. Такимъ образомъ, существованіе союзовъ, совершенно аналогичныхъ съ Соединенными Штатами и Швейцаріей, представляетъ важный культурно-историческій фактъ, такъ какъ онъ доказываетъ не совсѣмъ обычную зрѣлость сужденій. Дѣйствительно, отдѣльному государству приходилось здѣсь отказываться отъ возможности

слѣдовать всегда лишь своей собственной волѣ. То обстоятельство, что въ Греціи не сдѣлали еще одинъ шагъ впередъ, а именно не соединили обоихъ союзовъ въ одинъ единственный, который могъ бы включить и Аѳины и Спарту, это обстоятельство повело къ тому, что возрожденіе Греціи стало невозможнымъ. Во всякомъ случаѣ Греція, какою мы ее видимъ, сдѣлала еще въ македонскую эпоху новый шагъ впередъ въ дѣлѣ теоретической и практической политики, а политика представляетъ несомнѣнно важный элементъ культуры. Упомянутые союзы идутъ далѣе теоріи великаго Аристотеля, еще не предчувствующаго возможности союзовъ и представительнаго государственнаго устройства; а это уже большой шагъ впередъ. Если такимъ образомъ со стороны греческихъ республикъ можно указать значительный шагъ впередъ, то что слѣдуетъ замѣтить относительно политики съ македонской стороны, т. е. со стороны царей? Умѣли-ли они поставить свои царственные интересы ниже общихъ интересовъ? Эти вопросы приводятъ къ одному изъ любопытнѣйшихъ культурно-историческихъ соображеній, относящихся къ республикамъ и царямъ того времени. Многіе знатоки греческой древности утверждаютъ, что во второмъ столѣтіи до Р. Х. греки не только пришли въ состояніе политическаго упадка, но были развращены и нравственно. Ничего-недѣланіе и роскошь стали единственными вещами, о которыхъ заботились потомки Ѳемистокла и Леонида. Однако, уже то обстоятельство, что они придумывали разные планы и организовали государственныя учрежденія, о которыхъ самъ Аристотель ничего не помышлялъ,—это уже доказываетъ противное. Но, разумѣется, не мѣшаетъ замѣтить, что такія полезныя учрежденія явились по преимуществу у тѣхъ грековъ, которые раньше отставали отъ прочихъ, а именно у этолійцевъ и ахейцевъ. При такихъ строгихъ сужденіяхъ главнымъ образомъ мѣтятъ въ Спарту и въ Аѳины. Однако, къ Спартѣ это не совсѣмъ относится. Доказательствомъ обратнаго служатъ такія историческія личности, какъ Агисъ и Клеоменъ. Несправедливость осужденія Аѳинъ ясна изъ того, что именно Аѳины вели упорную борьбу противъ македонскаго ига. Совершенно же ложно такое мнѣніе, когда утверждаютъ, что будто западные греки въ Италіи и Сициліи, находившіеся подъ гнетомъ тирановъ, были сильнѣе и менѣе изнѣжены, нежели восточные. Наоборотъ, они были гораздо болѣе испорчены и именно благодаря тираническому правленію. Нельзя

винить греческую демократію за погибель грековъ, какъ часто дѣлалось; нельзя утверждать, что эта демократія постоянно опускалась, отъ Аристида къ Периклу и Клеону, а затѣмъ до государственныхъ людей 4-го и 3-го столѣтія, за единственнымъ исключеніемъ „благородной“ фигуры Демосѳена, о которомъ мы знаемъ, что онъ вовсе не былъ идеаломъ благородства. Мысль, что демократія всегда влечетъ за собою дурныя послѣдствія, и теперь представляетъ предразсудокъ многихъ ученыхъ. Наоборотъ, у просвѣщеннаго народа, не слишкомъ испорченнаго продолжительнымъ деспотизмомъ (что наблюдается въ разныхъ новѣйшихъ странахъ, напр., тамъ гдѣ царствовали Бурбоны и Габсбурги), она является очень хорошимъ учрежденіемъ. Что касается роскоши, способной погубить отдѣльныхъ личностей и государство, то она господствовала, конечно, при царскихъ дворахъ, особенно въ Египтѣ и Сиріи, но не въ тогдашнихъ довольно бѣдныхъ Аѳинахъ и не въ другихъ греческихъ городахъ, одновременно съ ними павшихъ подъ ударами Рима. Нижняя Италія стала римскою уже вслѣдствіе войнъ Рима съ царемъ Пирромъ Эпирскимъ; Сицилія, вслѣдствіе первой пунической войны остававшаяся со включеніемъ Сиракузъ еще независимою, при Гіеронѣ II вступила въ союзъ съ Римомъ, но затѣмъ, перейдя на сторону Карѳагена, во время второй пунической войны въ свою очередь была покорена Марцелломъ. Пробужденіе греческаго духа мы видимъ только на востокѣ, въ эпоху Митридата, но тогдашняя борьба Аѳинъ противъ Рима была несчастлива и затѣмъ одна область за другой въ Малой Азіи становилась римскою. Въ 133 г. Пергамское царство стало римскимъ по завѣщанію послѣдняго представителя династіи, Аттала. Виѳинія, Понтъ и т. д. послѣдовали за Пергамомъ и въ 30 г. до Р. Х. Египетъ также сталъ римскимъ. Такимъ образомъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ главныя государства, вышедшія изъ державы Александра, перешли въ составъ Римскаго государства и сама Греція попала вскорѣ подъ римское управленіе.

Но что же дѣлали съ III по I столѣтіе тѣ самые цари, которые, по мнѣнію упомянутыхъ ученыхъ, должны были соединять въ себѣ всѣ высокія качества? То обстоятельство, что ихъ главнымъ занятіемъ были завоеванія, не удивительно и не заслуживаетъ особаго порицанія. Всѣ находились въ шатномъ положеніи. Тотъ изъ царей, который не побѣждалъ и не изгонялъ другихъ, самъ подвергался изгнанію или умерщ-

вленію. Цари эти были узурпаторами, сами или чрезъ посредство своихъ предковъ, и могли удержать за собой власть лишь путемъ насилія. Однако, далеко не все равно, какія средства пускаются въ ходъ при борьбѣ, а способъ борьбы у царей былъ, вообще говоря, неблагороднымъ. Среди ихъ были также благородные люди, какъ, напр., Димитрій Поліоркетъ и Пирръ Эпирскій; были также трусы, какъ многіе изъ египетскихъ царей и царицъ; но во всякомъ случаѣ, смѣло можно прійти къ общему выводу, что республиканское общество въ эпоху 323—30 до Р. Х. все же было лучше тогдашнихъ монархій. Правда, есть историки которые, памятуя слова Гегеля: существующее разумно, при разсмотрѣніи всѣхъ дѣяній тогдашнихъ царей пытаются доказать, что эти монархи не могли иначе поступать, если вообще хотѣли удержаться; но, во-первыхъ, это трудно доказать; во-вторыхъ, здѣсь можно примѣнить изреченіе, приписываемое то Ришелье, то Талейрану. Когда нѣкто поравдавалъ свои дурные поступки словами: „Вѣдь надо же мнѣ жить", то получилъ отвѣтъ: „Простите, сударь, я не вижу въ этомъ никакой надобности". Это относится къ тогдашнимъ монархамъ, т. е. узурпаторамъ—личнымъ или наслѣдственнымъ. Мы положительно не видимъ необходимости, почему они, вообще, должны были господствовать.

Образованность того времени. Вліяніе Аѳинъ.

Если такимъ образомъ нравственное превосходство и мысли, достойныя государственныхъ мужей, оказываются и въ эпоху 333—30 до Р. Х. на сторонѣ республиканцевъ, то, съ другой стороны, невозможно отрицать, что положительные успѣхи наукъ зависѣли отъ царей, обладавшихъ средствами и примѣнявшихъ эти средства къ поощренію науки. Общее образованіе было, однако, дѣломъ республиканцевъ и оно оказало значительное прямое вліяніе на потомство — вліяніе во всякомъ случаѣ благодѣтельное. И здѣсь снова во главѣ всѣхъ стояли Аѳины. Онѣ и на этотъ разъ сдѣлали вкладъ во всемірную литературу и въ просвѣщеніе, все еще оказывающій вліяніе въ области какъ добраго, такъ и прекраснаго. Прежде всего, вліяніе это сказалось въ философіи. Греція имѣла уже многихъ философовъ, и никто болѣе не превзошелъ Платона по возвышенности идей, Аристотеля—по фактическому знанію. Но эти философы дѣйствовали главнымъ образомъ на

учениковъ, бывшихъ, въ свою очередь, философами, а не прямо на народъ. Ходъ научныхъ стремленій—теоретическихъ, какъ и практическихъ—былъ слѣдующій. Мы видимъ прежде всего мудрецовъ (софой или, по болѣе правильному рейхлиновскому чтенію—софи) практическихъ дѣятелей и почти одновременно являются философы—теоретики, изслѣдовавшіе сущность вещей и заимствовавшіе многіе изъ восточныхъ источниковъ. Затѣмъ является человѣкъ, бывшій одновременно философомъ и мудрецомъ — Сократъ—который, по выраженію древнихъ, низвелъ философію съ неба на землю, т. е. превратилъ естествознаніе въ этику. Его ученики соединяютъ практику съ теоріей, но главнымъ образомъ являются все-же теоретиками, даже учеными (Аристотель). Это принесло мало пользы народу, для котораго Сократъ такъ много сдѣлалъ. Сократъ заботился о томъ, какъ бы сдѣлать народъ счастливымъ; Платонъ и Аристотель мало объ этомъ думали. Но народъ, давно уже не довольствовавшійся своей религіей, хотѣлъ имѣть взамѣнъ ея, за неимѣніемъ пока другой религіи, по крайней мѣрѣ практическую философію, которая могла бы послужить ему во всѣхъ обстоятельствахъ жизни путеводною нитью. Такую нить доставили ему двѣ новыя школы—Зенона и Эпикура, „философія Стои" и „философія Садовъ"—по названіямъ мѣстъ, гдѣ преподавали оба эти философа. Стоицизмъ былъ основанъ Зенономъ. Онъ училъ въ Стоѣ, т. е. на аѳинскомъ рынкѣ, гдѣ его легко могъ встрѣтить всякій, не выходя изъ города. Это дозволило Зенону стать настоящимъ учителемъ народа, и онъ былъ учителемъ въ благородномъ смыслѣ этого слова. Онъ выставилъ идеалъ, названный имъ состояніемъ мудреца. Мудрецъ не долженъ знать всякую всячину, онъ долженъ только воздерживатся отъ извѣстныхъ вещей, а именно отъ страстей. Онъ долженъ приспособить свою жизнь къ природѣ, т. е. жить сообразно съ разумомъ; но страсть противна разуму. Сообразно съ разумомъ дѣйствуетъ человѣкъ, если находится въ согласіи съ общимъ естественнымъ закономъ. Примѣниться къ этому закону, насколько возможно, есть долгъ человѣка: самое понятіе долга ведетъ начало отъ стоиковъ. Въ то время какъ греки вообще, а изъ философовъ какъ разъ Аристотель стояли на томъ, что человѣкъ предназначенъ для жизни въ государствѣ, въ гражданской общинѣ, полисъ,—почему Аристотель назвалъ даже человѣка гражданскимъ животнымъ, зоонъ политиконъ,—стоики не придавали никакого значенія политической дѣятельности: на мѣсто жизни, по-

священной государству, они поставили міровое гражданство, космополитизмъ. Стоицизмъ въ теченіе вѣковъ все перерабатывался въ философію людей, живущихъ строго нравственною жизнію: пренебреженіе къ страданію, даже къ смерти составляло одно изъ его основныхъ положеній; что касается уклоненія отъ государственной дѣятельности, то стоики, конечно, позднѣе, а частью еще и въ то время, не всегда строго придерживались этого принципа, они даже содѣйствовали самодержцамъ въ ихъ попыткахъ хорошо править; вѣроятно по той же самой причинѣ, которая побудила также Платона содѣйствовать одному тирану въ благихъ стремленіяхъ: Платонъ полагалъ, что правильное усмотрѣніе самодержца приноситъ больше пользы, чѣмъ дѣйствія непостоянной многоголовой толпы. Этика стоиковъ, такимъ образомъ, значительна; но въ такой же мѣрѣ незначительна, можно даже сказать лишена всякого значенія, ихъ философія природы и физика. Не болѣе имѣетъ значенія, по существу дѣла, естествознаніе соперничавшей со стоиками школы эпикурейцевъ; но это ученіе, по крайней мѣрѣ, пріобрѣло значительную извѣстность, да и вообще эта школа по справедливости чрезвычайно прославилась. Она была основана около 386 года до Р. Х. въ Аѳинахъ самосцемъ Эпикуромъ, тогда уже выступившимъ, какъ характерная противоположность Зенону и стоикамъ. Въ то время какъ эти послѣдніе собирались на общественномъ рынкѣ, какъ бы указывая, что не желаютъ быть чѣмъ либо особымъ или имѣть что либо болѣе бѣднѣйшаго аѳинянина, эпикурейцы собирались въ частномъ имѣніи въ прекрасномъ саду, купленномъ Эпикуромъ и находившимся внутри Аѳинъ. Съ философствующимъ стоикомъ могъ столкнуться любой аѳинянинъ; эпикурейцы прогуливались подъ тѣнистыми деревьями и, вдали отъ шумящей толпы, могли обсуждать свои вопросы. Въ народной молвѣ самымъ характернымъ признакомъ стоиковъ былъ долгъ, эпикурейцевъ— удовольствіе. Не слѣдуетъ, однако, понимать это для эпикурейцевъ слишкомъ буквально: подъ удовольствіемъ они подразумѣвали лишь устраненіе страданія; и своей цѣли, т. е. достиженія удовольствія, они добивались не безчестными средствами. Еще другой пунктъ былъ здѣсь важенъ. Эпикурейцы не хотѣли ничего болѣе знать о гражданской общинѣ, даже въ формѣ мірового гражданства. Ихъ идеаломъ была дружба, личный союзъ между добрыми людьми: это была философія имущихъ; могли-ли, въ самомъ дѣлѣ, неимущіе или рабы помышлять о стремленіи къ освобожденію отъ страданія? Имъ приходилось лишь исполнять свой долгъ. Наоборотъ, свободный и состоятельный человѣкъ не могъ провести время лучше, чѣмъ въ обществѣ единомыслящихъ друзей или подругъ—въ этихъ послѣднихъ также не было недостатка въ прекрасномъ саду Эпикура. Тамъ можно было успѣшно мечтать о томъ, какъ бы лучше провести время безъ заботъ и печали. Это была философія богачей. Многіе изъ эпикурейцевъ дѣйствовали благородно, даже въ высшей степени благородно; но они предоставляли трудъ будничной жизни—другимъ и возлагали на себя добровольно лишь такія заботы, которыя приносили пользу ближнимъ, не нанося ущерба имъ самимъ. Человѣкъ живетъ вѣдь только подъ кровомъ государства; поэтому государство должно быть сохранено; но заботы объ этомъ сохраненіи эпикурейцы также предоставляютъ другимъ; сами они имѣютъ притязаніе лишь на преимущества, вытекающія изъ существованія государства. Много заставило говорить о себѣ ихъ естествознаніе, т. е. натуръ-философія, такъ какъ рѣчь идетъ лишь о гипотезахъ. По ихъ милости прославились „атомы“. Правда изобрѣтеніе атомовъ принадлежитъ не Эпикуру; оно было сдѣлано однимъ изъ глубочайшихъ мыслителей V вѣка, Демокритомъ изъ Абдеры (по рейхлиновскому произношенію—Авдиры), по Демокриту все произошло изъ недѣлимыхъ тѣлецъ—атомовъ—движущихся безпорядочными вихрями въ пространствѣ. Сцѣпляясь между собой, эти атомы образуютъ тѣла. Эпикуръ заимствовалъ это сцѣпленіе или склеиваніе атомовъ, такъ какъ онъ воображалъ, что атомы не движутся неправильно, но всѣ падаютъ въ опредѣленномъ направленіи; это была прекрасная мысль, но спрашивается, почему же атомы соприкасаются, если они падаютъ всѣ по параллельнымъ направленіямъ? Правда Эпикуръ полагалъ, что допустивъ дѣйствіе случая, онъ устраняетъ нѣчто, бывшее ему весьма непріятнымъ, а именно боговъ; онъ былъ того мнѣнія (а его ученики среди грековъ и римлянъ еще болѣе раздѣляли это мнѣніе), что всѣ на свѣтѣ страданія происходятъ отъ религіи, и что если мы устранимъ религію и боговъ, то окажемъ человѣчеству величайшую услугу, и затѣмъ человѣкъ можетъ жить спокойнѣйшимъ образомъ. Въ дѣйствительности-же у грековъ фанатизмъ не причинялъ (?) большаго зла, а греческіе и римскіе атеисты натворили больше бѣдъ своимъ ближнимъ, чѣмъ набожные люди; что такое осужденіе Сократа по сравненію съ спокойствіемъ, которымъ пользо-

вались милліоны грековъ? [1]) Не безъ основанія позднѣйшія религіи питали особую ненависть къ эпикуреизму, тогда какъ стоицизмъ и христіанство *жили* въ достаточной степени ладили между собой.

При словѣ *атомы* не слѣдуетъ впрочемъ, указывать на то, что и новѣйшая наука знаетъ атомы; новѣйшій атомизмъ не имѣетъ ничего (?) общаго съ эпикурейскимъ. Наши атомы это терминъ, усвоенный за отсутствіемъ лучшаго. Во всякомъ случаѣ, въ качествѣ гипотезы, наши атомы лучше демокритовыхъ и эпикуровыхъ, оставшихся безплодными для естествознанія [2]).

Стоическая, какъ и эпикурейская философія была создана въ Аѳинахъ и сначала пріютилась здѣсь. Оба эти ученія привлекали въ Аѳины изъ всѣхъ греческихъ странъ людей, жаждавшихъ знанія; благодаря этому, Аѳины въ III вѣкѣ остались центромъ греческой образованности. Другой опорой для славы Аѳинъ было, въ ту же эпоху, созданіе того вида драмы, который господствуетъ до настоящаго времени и который въ ту эпоху назвали „новѣйшей комедіей“.

Старинная комедія—Аристофана и его современниковъ—совершенно фантастична. Это были зрѣлища, вродѣ нашихъ карнаваловъ, въ которыхъ перемѣшивались боги, люди и животныя; и все приводилось къ осмѣянію политическихъ противниковъ. У лучшихъ поэтовъ этого рода, напримѣръ у Аристофана, было безконечно много поэзіи въ отдѣльныхъ мѣстахъ, было много остроумія, но также и грязи. Это были пьесы, припоровленныя къ вкусу аѳинянъ, знакомыхъ со всѣми перипетіями общественной жизни и со всѣми слабостями общественныхъ лицъ и забавлявшихся насмѣшкою надъ ними. Объ интригахъ, о дѣйствительномъ развитіи характеровъ не было вовсе рѣчи. Это настоящая комедія положеній; такъ въ Ахарнянахъ мы видимъ противоположность между сельскимъ жителемъ, заключившимъ сепаратный миръ съ Спартой и могущимъ теперь предаваться всѣмъ физическимъ удовольствіямъ и воиномъ Ломахомъ, который раненый возвращается съ битвы. Сократъ изображенъ въ „Об-

[1]) Все это бездоказательно, и существуютъ весьма многіе факты, доказывающіе, что спокойствіе было далеко не безусловнымъ. Если изгнали Анаксагора, дали ядъ Сократу и т. д., то безъ сомнѣнія было множество подобныхъ-же болѣе мелкихъ эпизодовъ, изъ которыхъ конечно лишь немногіе попали въ исторію.

[2]) И на этотъ разъ антипатіи автора къ эпикуреизму увлекаютъ его слишкомъ далеко. При всемъ отличіи новѣйшаго атомизма отъ древняго, генетическая связь ихъ несомнѣнна. *Ред.*

лакахъ“, въ видѣ сумасшедшаго натуръ-философа, софиста низшаго разряда. Поэтически прекрасно государство птицъ въ комедіи этого имени. Все это забавляло современниковъ Аристофана, аѳинскихъ мужей; позднѣйшія поколѣнія понимали его комедіи лишь съ помощью комментаріевъ. Это не была „комедія для всѣхъ“. Такое значеніе имѣетъ лишь новая комедія, о которой можно сказать, что она является зародышемъ комедіи въ томъ видѣ, какъ она существовала до самого XIX вѣка: это комедія типовъ съ развитіемъ характеровъ и положеній. Пьесы Мольера представляютъ большое сходство съ комедіями Плавта и Теренція, а эти послѣднія не болѣе, какъ передѣлки греческихъ произведеній Менандра и Филемона, главныхъ драматурговъ изъ эпохи „новой комедіи“. Такимъ образомъ, аѳиняне конца III в. до Р. Х. создали родъ поэтическаго творчества, до сихъ поръ еще господствующаго въ литературѣ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ. Конечно, комедіи Менандра и Филемона, по сравненію съ комедіями Мольера, до извѣстной степени являются юношескими, если только признать комедіи Мольера соотвѣтствующими эпохѣ зрѣлости. Но зародышъ уже существуетъ, особенно въ одномъ отношеніи. Вмѣстѣ съ новой комедіей, любовь торжественно выступаетъ на сцену съ тѣмъ, чтобы больше никогда ея не покинуть. У Аристофана женщина является лишь въ весьма непривлекательномъ видѣ. У Менандра, правда, играетъ роль также гетера,—подобный типъ не отсутствуетъ и въ новѣйшей французской комедіи; но является также и жена ,и не всегда сварливая; появляется и дѣвушка изъ хорошаго дома, является добрый и честный юноша, словомъ всѣ типы, пригодные для пристойныхъ пьесъ. Однако лица новой комедіи выражаются не какъ филистеры: во всѣхъ сохранившихся отрывкахъ греческихъ комедій мы встрѣчаемъ выраженія, отличающіяся краткостью и здравомысліемъ. Такимъ образомъ, Аѳины III в. до Р. Х. могутъ гордиться не только своимъ республиканскимъ патріотизмомъ, но и своими философами и поэтами. Какъ же обстояло дѣло съ царствами, въ которыхъ господствовали македоняне?

Просвѣщеніе въ царствахъ.

Здѣсь рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о трехъ царствахъ: египетскомъ, сирійскомъ и малоазіатскомъ, или, по

именамъ династій, о царствахъ Птолемеевъ, Селевкидовъ и Атталидовъ. Какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны, первое изъ этихъ царствъ особенно выступаетъ на передній планъ. Извнѣ Египетъ обладаетъ прочностью, внутри совершается многое, имѣющее всемірноисторическое значеніе. Далѣе слѣдуетъ, по блеску совершеннаго имъ, Пергамъ (Пергамонъ). Сирія занимаетъ своеобразное положеніе. Тамъ было больше греческой культуры, чѣмъ въ Египтѣ, и сирійскіе цари всегда хотѣли оставаться греками, тогда какъ египетскіе въ концѣ-концовъ выдавали себя за египтянъ; но для всемірной исторіи, греческая культура въ Сиріи не дала ничего истинно великаго, если, впрочемъ, не принять во вниманіе того обстоятельства, что изъ Палестины впервые распространилось христіанство — на греческомъ языкѣ. Въ Египтѣ рѣчь идетъ исключительно объ Александріи, почти единственной греко-македонской колоніи на египетской почвѣ. Но въ Александріи сдѣлано было такъ много для греческаго просвѣщенія, что съ полнымъ правомъ говорятъ объ александрійскомъ періодѣ греческой литературы и что теперь трудно подать александрійской наукѣ вполнѣ приличествующую ей оцѣнку; тогда какъ во всякомъ случаѣ вліяніе Александріи на искусство имѣетъ совершенно второстепенное значеніе. Но почти все, что было тамъ сдѣлано для литературы и науки, связано не столько съ династіей — правда призвавшей это движеніе къ жизни — сколько съ научнымъ учрежденіемъ, созданнымъ первымъ Птолемеемъ, упроченнымъ его преемникомъ и, по крайней мѣрѣ, не терпѣвшимъ ущерба отъ слѣдующихъ порочныхъ царей. Рѣчь идетъ о такъ наз. музеѣ, учрежденіи, которому теперь дали бы названіе академіи. Это была корпорація мужей, состоявшихъ на жалованьи у государства. Музей, съ внѣшней стороны, представлялъ совокупность зданій, служившихъ одной и той же цѣли. Это былъ храмъ музъ, отъ имени которыхъ и произошло слово музей. Здѣсь были галлереи для прогулокъ и бесѣдъ, на подобіе тѣхъ, которыя существовали въ аѳинскомъ лицеѣ, гдѣ нѣкогда прогуливался Аристотель. Названіе музея имѣетъ отношеніе къ памяти Платона, такъ какъ онъ уже поставилъ свою школу подъ покровительство музъ. Музей имѣлъ управителя; упоминаютъ объ одномъ духовномъ лицѣ, занимавшемъ эту должность. Но наиболѣе выдающейся личностью былъ главный библіотекарь, вродѣ того, какъ теперь въ Британскомъ музеѣ общее руководительство принадлежитъ библіотекарю, хотя библіотека составляетъ лишь малую часть собранныхъ тамъ сокровищъ. Александрійская библіотека была величайшею въ древности. Около 250 до Р. Х. въ ней числилось около 530.000 томовъ, т. е. свитковъ. Въ ней были собраны главнымъ образомъ греческіе писатели: о собраніи книгъ на другихъ языкахъ, напр., восточныхъ, не позаботились. Это было чисто греческое учрежденіе и главное вниманіе было обращено на собраніе классическихъ греческихъ авторовъ, особенно поэтовъ. Главными библіотекарями были послѣдовательно знаменитѣйшіе писатели, поэты или критики Александріи. Нельзя упустить изъ виду того обстоятельства, что мысль объ основаніи музея была внушена Птолемею I аѳинскимъ философомъ, Димитріемъ Фалерскимъ: философъ этотъ, какъ представитель царя Кассандра въ Аѳинахъ, сыгралъ не совсѣмъ удачную роль, какъ тираннъ, управлявшій городомъ; но основаніемъ музея онъ искупилъ зло, причиненное имъ аѳинянамъ. Не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію, что научные труды, ставшіе возможными благодаря существованію музея, имѣютъ значеніе на всѣ послѣдующія времена. Димитрій изъ Фалерона былъ перипатетикъ, т. е. ученикъ Аристотеля, и въ музеѣ мы видимъ осуществленіе мысли Аристотеля объ универсальности истинной науки. Собиравшіеся въ музеѣ были сначала, по преимуществу, поэты, въ томъ числѣ Филетъ (Филетасъ) Косскій, Аполлоній Александрійскій, Каллимахъ Киренскій. По большей части это были эпическіе и элегическіе поэты. Поэзія ихъ была, правда, тяжелая, ученая, требовавшая комментаріевъ, чтобы быть понятою. На римлянъ эта поэзіи произвела сильное впечатлѣніе. Въ Александріи сочиняли также стихи, не имѣвшіе уже ровно никакого поэтическаго достоинства, но представлявшіе лишь ворохъ учености, такъ что полезнѣйшее и лучшее въ нихъ часто составляли комментаріи. Дидактическая поэзія также была въ почетѣ — фактъ весьма замѣчательный для той точки зрѣнія, съ которой относились къ поэзіи. Вѣдь уже Гезіодъ писалъ дидактическія стихотворенія; почему бы не подражать Гезіоду, если подражали Гомеру? Однако, не замѣтили, что между тѣмъ и инымъ есть большое различіе. Для баснословныхъ разсказовъ въ духѣ Гомера всегда можно было найти поводъ, а прежде чѣмъ былъ придуманъ романъ, такіе разсказы приходилось сочинять не иначе, какъ въ стихахъ, и каждый охотно ихъ слушалъ. Но писать стихи съ цѣлью поученія, наполняя ихъ полезными свѣдѣніями,

это было, конечно, пригодно для эпохи Гезіода, когда прозы, вообще, не знали; въ александрійскую эпоху писать поученія въ стихахъ было уже безполезно, такъ какъ поученіе становилось, большею частью, весьма неяснымъ и запутывалось поэтическими прикрасами, а стихи обыкновенно становились скучнѣйшими отъ переполненія техническимъ матеріаломъ. Знаменитѣйшимъ изъ этихъ стихотвореній была астрономическая поэма Арата, въ которой излагается стихами — не всегда плохими — теорія великаго астронома Эвдокса. Лишь одинъ александрійскій поэтъ пріобрѣлъ безсмертную славу: это былъ Θеокритъ Сиракузскій, буколическій поэтъ. Онъ изображалъ, въ простыхъ стихахъ, порою грубую жизнь пастуховъ, бродившихъ по склонамъ сицилійскихъ и нижнеитальянскихъ горъ, избѣгая всякихъ преувеличеній и прикрасъ. Впослѣдствіи сочиняли не мало пастушескихъ поэмъ, но ни одинъ изъ преемниковъ не достигъ значенія Θеокрита. Во всякомъ случаѣ, Θеокритъ не былъ придворнымъ поэтомъ, вродѣ другихъ, выше названныхъ. Его поэзія, очевидно, была не вполнѣ пригодна для высшаго круга Птолемеевъ и ихъ любимцевъ; это огорчало самого поэта и онъ жаловался на то, что не могъ добиться монаршей благосклонности. То же, что въ Александріи, приключилось съ нимъ и въ Сиракузахъ, гдѣ Гіеронъ едва обратилъ на него вниманіе, хотя поэтъ славилъ царя, какъ спасителя Сициліи. Впрочемъ, здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что оба острова, игравшіе роль въ жизни Θеокрита, именно Сицилія и Косъ, еще въ другихъ отношеніяхъ находились въ тѣсной связи съ Птолемеями. Гіеронъ былъ закадычнымъ другомъ Птолемеевъ и Сиракузы соперничали съ Александріей по красотѣ, а также, какъ мы сейчасъ увидимъ, и въ научномъ отношеніи. Дѣйствительно, послѣ того какъ въ Александріи первоначально занимались главнымъ образомъ поэзіей, позднѣе ея мѣсто заняла наука, и въ этомъ отношеніи Александрія совершила великое и безсмертное. Назову лишь математика Эвклида, сочиненія котораго все еще не устарѣли, и механика Герона; быть можетъ, и великій астрономъ Гиппархъ былъ долго въ Александріи. Въ тѣсномъ соотношеніи съ этимъ городомъ находился и великій сиракузскій ученый Архимедъ, такъ прославившійся во время осады Сиракузъ Марцелломъ. Сочиненія его еще и теперь имѣютъ важное значеніе. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать о географѣ и историкѣ Эратосθенѣ Киренскомъ, за которымъ числятся великія заслуги въ дѣлѣ

измѣренія окружности земного шара. Изъ литературныхъ критиковъ и грамматиковъ я назову лишь имена знаменитѣйшихъ: Зенодота и Аристарха. Имя этого послѣдняго (погречески Аристархосъ) стало даже нарицательнымъ для строгаго критика. Александрія имѣетъ еще за собою ту заслугу, что послужила убѣжищемъ для ученыхъ евреевъ; здѣсь былъ начатъ, при посредствѣ семидесяти переводчиковъ (толковниковъ), переводъ кодекса іудейской учености на греческій языкъ. Что касается собственно города Александріи, это былъ прекрасный и блестящій городъ. Заложенный по греческому образцу, съ улицами, снабженными длинными галлереями, онъ кипѣлъ людьми всевозможныхъ странъ и племенъ. Интересно было зданіе Серапіона, храма бога Сераписа, изобрѣтеннаго Птолемеемъ I и представлявшаго „огреченнаго“ Озириса. Всеобщее изумленіе вызывалъ маякъ на о-вѣ Фаросѣ, вышиною, какъ полагаютъ, не менѣе колоколенъ Кельнскаго собора. Греческое *искусство* не процвѣтало въ Египтѣ; лишь одно оригинальное произведеніе и вышло оттуда, а именно статуя Нила съ дѣтьми, сидящими или стоящими на немъ—это, во всякомъ случаѣ, одно изъ оригинальнѣйшихъ произведеній греческой культуры. Вліяніе Египта на Западъ особенно сказывается въ культѣ Изиды и Сераписа и въ изученіи поэтовъ эпохи Птолемея римлянами. Овидій, Проперцій, Тибуллъ всецѣло зависятъ отъ Калимаха и Филета.

Другимъ значительнымъ центромъ греческаго просвѣщенія на Востокѣ былъ Пергамъ (Пергамонъ). Здѣсь, однако, на первый взглядъ мы встрѣчаемъ совсѣмъ иную картину. Въ Александріи мы видимъ смѣсь Востока съ Западомъ, тираннически́хъ правителей, ровно никуда не годныхъ, исключая развѣ трехъ первыхъ Птолемеевъ. Въ Пергамѣ была чисто греческая жизнь, приличные, порою холодно-разсчетливые, но никогда не свирѣпствующіе монархи. Мы видимъ здѣсь равномѣрныя заботы объ искусствѣ и наукѣ; можно даже сказать, что въ Пергамѣ искусство имѣетъ характеръ, ставящій его почти наравнѣ съ самымъ лучшимъ, что было сдѣлано въ Греціи. Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія Пергамъ сталъ извѣстенъ почти всѣмъ образованнымъ людямъ и мы не станемъ повторять исторію раскопокъ Шлиманна. Достаточно здѣсь напомнить лишь объ идеальной реконструкціи пергамскаго Акрополя—его рынковъ, храмовъ и большого алтаря съ его рельефами. Глав-

ные изъ этихъ послѣднихъ изображаютъ битву боговъ съ великанами, выступающими въ разнообразнѣйшихъ формахъ—человѣческой и получеловѣческой. При этомъ высокомъ признаніи, какое встрѣтили пергамскія скульптурныя изображенія какъ разъ въ Германіи, гдѣ по праву гордились сокровищами, добытыми усиліями нѣмецкаго труда, небезъинтересно напомнить о сужденіи одного изъ наиболѣе выдающихся англійскихъ археологовъ, Мэррея, директора отдѣла античной скульптуры въ Британскомъ музеѣ. Онъ пишетъ [1]: „Пергамскія скульптуры теперь находятся въ Берлинѣ. Это рядъ фигуръ, именно горельефовъ гигантскихъ пропорцій. Ими чрезвычайно восхищаются въ Германіи, гдѣ умѣютъ цѣнить силу и мощность дѣйствія. Но и за предѣлами Германіи ихъ также оцѣнятъ. Эти фигуры много говорятъ каждому, кто цѣнитъ искусную обработку человѣческой фигуры, соединенную съ основательнымъ познаніемъ ея деталей и съ достойной оцѣнкой ея красоты. Изобрѣтательность также велика, но она не хорошаго тона". И затѣмъ Мэррей порицаетъ, напр., то, что въ битвѣ принимаютъ участіе орелъ Зевса и змѣиная нога великана—преувеличеніе, въ которое не впали бы старинные художники. Онъ порицаетъ вообще недостатокъ чувства мѣры въ пергамскихъ рельефахъ. Пергамъ былъ, однако, мѣстопребываніемъ не только искусства, но и науки. Пергамская библіотека соперничала съ александрійскою, пергамскіе грамматики и естествоиспытатели были соперниками александрійскихъ ученыхъ. Въ Пергамѣ жилъ одинъ изъ величайшихъ математиковъ древности, Аполлоній изъ Перги. Но Пергамъ былъ также мѣстопребываніемъ философовъ, что едва-ли можно сказать объ Александріи, если не считать богослововъ. Атталиды чтили перипатетиковъ и даже стоиковъ; они чувствовали себя болѣе безопасными отъ покушеній на тираноубійство, порою возможныхъ въ Александріи, когда тамъ находилось слишкомъ много грековъ. Къ пергамскому царству принадлежалъ также Эфесъ, имѣвшій значеніе, какъ мѣстопребываніе искусства. Такимъ образомъ грекъ, охотно сообщавшійся съ монархами, могъ жить въ Пергамѣ; если же кто-либо чуждался Атталидовъ, но все-таки желалъ пользоваться ихъ покровительствомъ, то могъ жить въ Эфесѣ, вообще болѣе кипѣвшемъ жизнью и представлявшемъ болѣе интереса. Это было то же, что во Франціи, гдѣ можно было

[1] Murray, Handbook of Greek Archeology, p. 298.

избрать Версаль или Парижъ. Также и медицинская наука процвѣтала въ Пергамѣ. Въ скульптурѣ нельзя не замѣтить извѣстной связи между произведеніями пергамскаго и родосскаго искусства. Лаокоонъ напоминаетъ во многомъ фреску, изображающую бой титановъ, и теперь тѣмъ болѣе умѣстно обратиться къ Родосу, что этотъ городъ, на о-вѣ того же имени, какъ разъ въ то время, которое насъ здѣсь интересуетъ, игралъ своеобразную и въ высшей степени почтенную роль. Это былъ юный городъ, основанный всего въ 408 году изъ соединенія трехъ городовъ. Но еще въ то время, когда родосцы жили въ трехъ городахъ—Линдосѣ, Ялисосѣ и Камиросѣ—они были отличными мореплавателями и всегда высказывали живой интересъ къ охранѣ безопасности на морѣ; впослѣдствіи они занялись этимъ еще болѣе. Уже въ IV вѣкѣ родосцы принадлежали къ наиболѣе значительнымъ торговцамъ Средиземнаго моря, въ такой степени, что даже могли создать особую монетную единицу, принятую многими другими городами и островами. Они сильно отстаивали свою независимость и умѣли занять самостоятельное мѣсто посреди враждовавшихъ между собою діадоховъ и послѣдующихъ царей. Прославилась особенно осада Родоса, когда жители его отказались помогать Антигону и Димитрію противъ Египта. Димитрій за успѣшную рыцарскую осаду Родоса получилъ прозвище осаждающаго города — Поліоркета. Главную изъ своихъ осадныхъ машинъ онъ назвалъ „градосокрушительницей", и съ похвальною скромностью подарилъ ее храбрымъ родосцамъ — другой на его мѣстѣ продалъ бы, чтобы набрать сокровищъ.

Родосцевъ такъ любили, что когда позднѣе, въ 227 году, сильное землетрясеніе разрушило Родосъ до основанія, то цари и республики соперничали между собою, оказывая пособіе для возстановленія города, что напоминаетъ помощь, оказанную въ 1842 году съ разныхъ сторонъ Гамбургу. Родосъ былъ также центромъ искусства, главнымъ образомъ скульптуры, и особенностью родосскаго искусства было пристрастіе къ колоссальному. Знаменитѣйшій колоссъ—это было изображеніе Геліоса, бога-покровителя Родоса, вышиною въ 105 футовъ. Колоссъ Родосскій стоялъ, однако, въ гавани, а вовсе не съ растопыренными ногами надъ входомъ въ гавань, какъ потомъ часто увѣряли.

Въ 227 году этотъ колоссъ упалъ и обломки лежали нетронутыми на мѣстѣ въ теченіи 800 лѣтъ. Прочія колоссаль-

ныя фигуры были частью портретными статуями разныхъ родосскихъ гражданъ.

Какъ въ наше время богатый купецъ заказываетъ свой портретъ, такъ въ тѣ времена купецъ, бывшій въ большомъ почетѣ, добивался того, что ему ставили въ гавани колоссальную бронзовую статую. Но родосское искусство дало и нѣчто дѣйствительно великое. Ему принадлежитъ знаменитый Лаокоонъ, а также знаменитая группа, извѣстная подъ именемъ Фарнезскаго быка—прекрасное произведеніе, въ которомъ, къ сожалѣнію, античными можно признать лишь идею и второстепенныя части тѣла. Въ Лаокоонѣ можно видѣть духовную связь съ пергамскимъ искусствомъ; но Лаокоонъ кажется потому болѣе величественнымъ, что здѣсь боль испытываютъ существа, способныя къ душевной боли, тогда какъ въ борьбѣ боговъ съ титанами рѣчь идетъ единственно о прекрасныхъ положеніяхъ, такъ какъ перенестись мыслью въ чувства боговъ и титановъ мы не въ состояніи. Въ Лаокоонѣ есть трагическій элементъ, отсутствующій въ фрескѣ, изображающей гигантовъ.

Когда родосцы во время борьбы Рима съ Персеемъ слишкомъ близко приняли къ сердцу свою задачу—обезпечивать миръ на морѣ и стали даже угрожать Риму, то побѣдоносный Римъ наказалъ черезчуръ самонадѣянный городъ тѣмъ, что превратилъ о-въ Делосъ въ родъ порто-франко, такъ что часть торговли Родоса перешла въ Делосъ. Этотъ послѣдній съ того времени и въ теченіе приблизительно 100 лѣтъ игралъ замѣчательную роль, какъ большой торговый пунктъ, правда лишь для одного рода товара, но за то въ грандіозныхъ размѣрахъ. На о-вѣ Делосѣ основанъ былъ великій невольничій рынокъ Средиземнаго моря, куда привозили рабовъ изъ Азіи и Африки, а отсюда отправляли ихъ въ Грецію и особенно въ Италію. Главными дѣльцами были въ этомъ случаѣ италійскіе купцы. По этому поводу слѣдуетъ упомянуть о томъ, что въ III, II и I в. до Р. Х. главными торговыми пунктами для грековъ были крымскія гавани, затѣмъ Византія; далѣе въ Малой Азіи Кизисъ (Кюзикосъ), Эфесъ, Родосъ, Тарзосъ; въ Сиріи — Селевкія, Тиръ, Арадъ; въ Египтѣ—Александрія. Въ собственной Греціи торговля почти упала, но она была сильно развита въ Сиракузахъ, Мессанѣ, и въ италійскомъ городѣ Путеоли; наконецъ, и въ Массаліи. Родосъ былъ сверхъ того соединительнымъ пунктомъ, куда стекались греки, стремившіеся

къ высшему образованію, пріѣзжая изъ Сиріи и южныхъ частей Малой Азіи. Такъ, напр., родосцемъ считали сирійца Посидонія, знаменитаго философа и историка временъ Цицерона. Въ особенности процвѣтало въ Родосѣ ораторское искусство, гдѣ оно изучалось даже римлянами, напр., Цицерономъ. Такимъ образомъ Родосъ и въ этомъ отношеніи соперничалъ съ Аѳинами: съ нѣкотораго времени онъ сталъ высшей школой философіи для образованныхъ римлянъ, какою былъ для грековъ. Особенно въ эпоху Римской Имперіи Аѳины превратились въ настоящій университетъ, но объ этомъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Возвращаясь снова къ „священному острову“ Делосу, можно замѣтить, что здѣсь въ особенности было много учрежденій и приношеній отъ разныхъ царей, и остатки ихъ были предметомъ весьма тщательныхъ французскихъ раскопокъ. Тамъ найдено много любопытныхъ надписей. Мы сказали, что въ Родосъ являлись также многіе образованные сирійцы, съ цѣлью жить тамъ. Конечно, династія Селевкидовъ ревностно старалась о развитіи просвѣщенія, и при томъ чисто греческаго, но въ Сиріи часто господствовали неурядицы и войны между претендентами на престолъ, а поэтому для философовъ и историковъ тамъ не было надлежащаго убѣжища. Наоборотъ, объ искусствѣ Селевкиды позаботились достаточно и точно также хлопотали объ этомъ многіе города, въ которыхъ просвѣщеніе было вполнѣ или почти вполнѣ греческимъ и гдѣ господствовало почти полное самоуправленіе. Главный городъ Селевкидовъ, Антіохія на Оронтѣ, былъ великолѣпно украшенъ чудными постройками. Особенно украшало его предмѣстье Дафне, съ святилищемъ Аполлона, находившимся въ великолѣпномъ паркѣ и содержавшемъ всевозможныя мѣста, гдѣ предавались разнымъ удовольствіямъ. Здѣсь, по преданію, Дафне была превращена въ лавровое дерево. Въ Антіохіи также были пресловутыя улицы съ рынками. Этотъ родъ городовъ—съ правильными улицами, частью окаймленными крытыми рынками или гостиными дворами, напоминаетъ нынѣшнюю Болонью и нѣкоторые швейцарскіе города (напр. Бернъ), а также улицу Риволи въ Парижѣ. Но въ Антіохіи были еще террассы и множество садовъ въ городѣ или подлѣ города. Такой типъ городовъ сталъ общераспространеннымъ со временъ Александра всюду, гдѣ были греко-македонскіе города. Въ сущности, это былъ возвратъ къ сѣдой старинѣ, такъ какъ впервые стали строить такіе города

вавилоняне. Съ III вѣка число такихъ городовъ на Востокѣ стало несмѣтнымъ. Въ Малой Азіи, теперь все болѣе и болѣе изучаемой, открываютъ все болѣе и болѣе остатковъ такихъ городовъ. Такъ было до временъ римскихъ императоровъ; можно даже сказать, что тогда наступила эпоха разцвѣта всѣхъ этихъ городовъ отъ Никеи и Никомидіи до Селевкіи на р. Тигрѣ. Мы уже упоминали о царствахъ съ туземными династіями—Виѳиніи, Каппадокіи и Понтѣ. И эти царства эллинизировались; только что названные города, Никея и Никомидія, были въ Виѳиніи. Греческое просвѣщеніе господствовало до Кабула и Яксарта.

Реакція Востока.

Не слѣдуетъ терять изъ виду, что въ серединѣ III вѣка до Р. Х. наступила реакція противъ эллинизма, и притомъ съ двухъ сторонъ, съ запада и съ востока. На западѣ Римъ далъ почувствовать свою мощь и подчинилъ Сицилію и собственную Грецію, частью формально, частью фактически. На востокѣ на развалинахъ царства Селевкидовъ распоряжались туземныя царства, прежде всего—парѳяне. Но реакція, даже исходившая отъ парѳянъ, была по преимуществу политическая и религіозная; греческое просвѣщеніе осталось не затронутымъ парѳянскими царями. Вѣдь называли же они себя на своихъ монетахъ филэллинами, т. е. друзьями грековъ. При дворѣ Ктезифона давались трагедіи Эврипида, а Миѳрадатъ (Митридатъ) съ нѣкоторымъ основаніемъ утверждалъ даже, что хочетъ защищать грековъ противъ римлянъ. Но въ политическомъ отношеніи эллинизмъ все же примѣрно съ 250 года сильно пострадалъ отъ Востока, и въ концѣ концовъ лишь на крайнемъ Востокѣ, между Яксартомъ и Оксусомъ и къ югу отъ Оксуса, а также въ Кабулѣ, уцѣлѣли греческія царства. Подлѣ Читрала, котораго теперь такъ добиваются англичане, не безъ труда поддерживающіе здѣсь свой протекторатъ, около 200 года до Р. Х. многіе еще говорили по-гречески и греческое просвѣщеніе осталось даже не безъ вліянія на индійскую культуру. Во всякомъ случаѣ, эллинизмъ въ Азіи почти измѣнилъ свой характеръ по причинѣ вліянія Востока. Сиріецъ, говорящій по-гречески, уже не былъ эллиномъ, подобно тому, какъ и віотіецъ въ эпоху Эпаминонда. Уже въ религіи эти, говорившіе по гречески,

азіаты представляли много своеобразнаго. Такимъ образомъ могло случиться, что христіанство было вскорѣ охотно усвоено греками Востока. Они легко усмотрѣли, что христіанская религія, во всякомъ случаѣ, превосходитъ культъ Миѳры или же Изиды. Позднѣе почти всѣ восточные греки подпали подъ власть того самаго государства, которому подчинилась уже собственная Греція, а именно Рима. Вліяніе эллинскаго міра на Римъ является заключительной главой древне-греческой исторіи.

Греція и Римъ.

Считался-ли когда-нибудь Римъ въ Греціи варварскимъ государствомъ? Этого мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ названіе Рима (Рома, по гречески—сила) не могло показаться варварскимъ. Какъ для всѣхъ значительныхъ городовъ Италіи, такъ и для Рима греки искали греческаго источника, и если этотъ послѣдній былъ связанъ съ именемъ троянца, то во всякомъ случаѣ троянцы не были варварами. Уже давно Римъ вступилъ въ сношенія съ Греціей: по крайней мѣрѣ въ Римѣ этому вѣрили. Законы Солона и дельфійскій оракулъ были и для Рима нравственными авторитетами, а съ тѣхъ поръ какъ римляне ознакомились съ итальянскими греками, связь съ эллинизмомъ болѣе не прекращалась. Греческія стихотворенія—сивиллины книги—стали для Рима нормою дѣятельности въ трудныхъ обстоятельствахъ.

Не станемъ перечислять всего, что было заимствовано Римомъ у грековъ. Прежде всего заимствовали изъ Кимы (Кюме) и Неаполя, т. е. отъ грековъ Кампаніи, затѣмъ отъ прочихъ грековъ Нижней Италіи, потомъ отъ сицилійцевъ (сикеліотовъ), потомъ выступила на сцену собственная Греція, наконецъ—малоазіатскіе греки. Если аѳиняне уже въ 200 году Р. Х. допускали римлянъ къ элевзинскимъ таинствамъ, то это было равносильно признанію эллинскаго характера или, по крайней мѣрѣ, близкаго родства римлянъ съ эллинизмомъ. Греческій языкъ рано сталъ извѣстенъ въ Римѣ, а въ концѣ концовъ его такъ полюбили, что были римляне, писавшіе по-гречески, какъ, напримѣръ, одинъ изъ первыхъ римскихъ историковъ, Фабій Пикторъ. Около 200 г. до Р. Х. среди образованнѣйшихъ людей Рима господствовало рѣшительное пристрастіе къ Греціи и греческому просвѣщенію; особенно этимъ славились Сципіоны. Какъ извѣстно, противъ этого

пристрастія къ иноземному ратовалъ Катонъ Старшій, защитникъ римской самобытности; но къ концу жизни и онъ счелъ себя вынужденнымъ научиться по-гречески. Онъ увидѣлъ, что греческое просвѣщеніе стало силою въ самомъ Римѣ и что, не понимая эллинизма, нельзя было имѣть вѣрнаго сужденія о практической жизни самаго Рима. Греческій элементъ, дѣйствительно, господствовалъ въ Римѣ надъ всѣмъ. Римская литература, насколько мы ее знаемъ, представляетъ лишь отраженіе греческой, хотя слѣдуетъ признать, что копія имѣетъ больше цѣны, чѣмъ оригиналъ [1]).

Дѣло въ томъ, что римляне подражали въ греческой литературѣ далеко не самому лучшему. Они не копировали ни Гомера, ни Геродота, ни Платона. Сочиненія греческихъ эпикурейцевъ—жалкая стряпня по сравненію съ поэмою Лукреція. Аполлонія Родосскаго читаютъ лишь филологи, его подражателя Вергилія (или, какъ неправильно пишутъ, Виргилія)—каждый образованный человѣкъ, понимающій по латыни. Рѣчи Цицерона обладаютъ извѣстнымъ преимуществомъ передъ рѣчами Демосѳена и другихъ греческихъ ораторовъ; слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ другихъ отношеніяхъ онѣ стоятъ гораздо ниже. Философскія и историческія произведенія Цицерона, конечно, далеко уступаютъ діалогамъ Платона и сочиненіямъ Аристотеля, но, во всякомъ случаѣ, они заслуживаютъ полнаго признанія. Цицеронъ и его друзья были необычайно расположены въ пользу Греціи; Аттикъ до того, что Грецію онъ почти предпочиталъ Италіи. Письма цицероніанцевъ переполнены греческими оборотами. Что римская драма отчасти является подражаніемъ греческой, объ этомъ уже было упомянуто въ другомъ мѣстѣ. При недостаточности римской религіи, греческая философія была для Рима также пользою, а для многихъ—утѣшеніемъ. Правда, ея первое выступленіе на сцену было не красиво.

Въ 155 году трое греческихъ философовъ прибыли въ Римъ съ политической миссіей. Они воспользовались случаемъ, чтобы читать лекціи по философіи. Эти три философа были трехъ разныхъ школъ, одинъ — академикъ, другой — перипатетикъ, третій—стоикъ. Академикъ Карнеадъ вообразилъ, что совершилъ нѣчто блистательное, доказывая однажды, что справедливость есть нѣчто прекрасное, а въ другой разъ, что она ровно ничего не стоитъ. Катонъ былъ того мнѣнія,

[1]) Мнѣніе крайне парадоксальное, но авторъ говоритъ не о всей греческой литературѣ. См. далѣе. *Ред.*

что подобныхъ людей слѣдуетъ какъ можно скорѣе гнать изъ Италіи. Но просвѣщеніе, хотя бы оно и выступило въ уродливой формѣ, не можетъ быть такъ легко изгнано. Вскорѣ всѣ молодые римляне стали мечтать о греческой философіи и Цицеронъ всего болѣе содѣйствовалъ распространенію ея въ Римѣ. Среди римлянъ появились стоики, перипатетики, эпикурейцы, особенно же много академиковъ, такъ какъ Академія въ то время стала школою скептицизма.

Академикъ имѣлъ, поэтому, возможность освѣтить предметъ со всѣхъ сторонъ, вродѣ того, какъ сдѣлалъ Карнеадъ. Что у грековъ хотѣли поучиться ораторскому искусству, это было вполнѣ въ порядкѣ вещей. Въ Римѣ было то же, что въ XVIII вѣкѣ въ Германіи: нѣмцы становились французами, какъ римляне — греками. Правда, римлянамъ не въ такой степени удалось преодолѣть чужое, какъ нѣмцамъ. Они не отличались литературной и философской самобытностью, вскорѣ проявившейся у нѣмцевъ послѣ недолгой эпохи подражанія. Единственный римскій писатель, котораго можно назвать совершенно оригинальнымъ и который не имѣлъ передъ собою никакого греческаго образца, это Тацитъ. Въ единственной области, гдѣ Римъ вполнѣ оригиналенъ, а именно въ области юриспруденціи (греки не имѣли даже понятія о юристѣ) — римляне по-стольку учились у грековъ, что изощрили мышленіе и научились, при содѣйствіи греческой философіи, оцѣнивать вѣроятности. При императорахъ проникновеніе греческихъ элементовъ въ Римъ еще усилилось и формально превратилось въ родъ маніи. Извѣстно, что Неронъ выступилъ въ роли актера. Въ эпоху Цезаря нѣчто подобное опозорило бы всякаго пристойнаго римлянина. При императорахъ наступилъ также новый разцвѣтъ греческой литературы. Біографа, подобнаго Плутарху, не было ни прежде, ни послѣ; даже новое время не можетъ указать никого, ему равнаго. Любовь къ своимъ героямъ, разнообразіе тона, безпристрастіе оцѣнки,—все это, по справедливости, ставитъ Плутарха очень высоко, и вездѣ, гдѣ древность не есть дѣло моды или школьной указки, Плутарха читаютъ съ наслажденіемъ. О греческомъ искусствѣ въ эпоху около Р. Х. или въ I в. послѣ Р. Х. здѣсь не мѣсто подробно говорить. Въ то время много было издано произведеній, которыя и теперь еще выдерживаютъ самую строгую критику: достаточно упомянуть о послѣднихъ произведеніяхъ греческой скульптуры—статуяхъ Антиноя. Тотъ фактъ, что въ цѣлой половинѣ Рим-

ской Имперіи греческій языкъ былъ оффиціальнымъ, что половина имперіи была подвластна Византіи и что это византійское царство уцѣлѣло еще 1000 лѣтъ, наконецъ, фактъ возрожденія новѣйшей Греціи со столицею въ Аѳинахъ—все это доказываетъ величіе эллинскаго духа, столько давшаго въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ и далеко еще не изсякшаго.

Древняя Этрурія

Составлено д-ромъ исторіи *В. Дееке.*

До-италійское населеніе.

Достовѣрныхъ слѣдовъ населенія ледниковой эпохи, обитавшаго въ средней Европѣ и родственнаго нынѣшнимъ сѣверно-полярнымъ жителямъ, нельзя указать для Италіи: Альпы, повидимому, составили преграду. Древнѣйшее точно удостовѣренное населеніе, по крайней мѣрѣ, для части полуострова, это иберы, длинноголовые, косозубые, высокорослые, но съ нѣсколько слабымъ строеніемъ конечностей и челюстей, съ умѣренно-смуглымъ цвѣтомъ кожи, каштановыми волосами и слабо развитой бородой. Родственные, повидимому, ливійцамъ, иберы пришли, по всей вѣроятности, изъ сѣверной Африки и заняли юго-западную Европу до юга Ирландіи и Англіи. Главнаго развитія они достигли на Пиринейскомъ полуостровѣ, и хотя скудные остатки ихъ собственной азбуки не дешифрированы, но все же сходство географическихъ названій позволяетъ увидѣть въ *баскахъ* ихъ немногочисленныхъ потомковъ. Въ Италіи ихъ слѣды находятъ въ видѣ скелетовъ въ пещерахъ; ихъ нравы и географическія имена достигаютъ исторической эпохи по всему западному берегу отъ Калабріи до Ниццы, а также на о-вахъ Сициліи, Сардиніи и Корсикѣ. Тамъ они, кажется, не пошли далѣе культуры средне-каменнаго вѣка, т. е. у нихъ отсутствовала еще полировка камней, не существовало ни гончарнаго искусства, ни скотоводства. Съ другой стороны, культъ усопшихъ былъ довольно развитъ; трупы хоронили, раскрасивъ ихъ красной краской, но, какъ показываютъ многочисленныя находки смѣшанныхъ скелетовъ въ пещерахъ, эти иберы были частью вытѣснены, частью уничто-

жены въ большей части занятой ими области, племенемъ, проникшимъ къ сѣв.-зап. изъ-за Альпъ приблизительно за 2000 до Р. Х. Это племя, лигурійцы, оставило воспоминаніе до нашихъ дней въ названіи Лигурійскаго берега и залива. Народъ этотъ, по всей вѣроятности, уже индо-европейской расы, въ чемъ убѣждаютъ, въ особенности, личныя и географическія имена; онъ сохранилъ свой типъ въ довольно чистомъ видѣ въ окрестностяхъ Генуи. Это было коротко-головое, прямозубое племя, съ мало выдающимися скулами, малорослое, но коренастое, съ смуглой кожей, темными глазами и волосами. Народъ этотъ, при своемъ переселеніи, уже находился въ ново-каменномъ вѣкѣ и хотя удержалъ въ западныхъ приморскихъ горныхъ мѣстностяхъ пещерныя жилища, но на равнинахъ жилъ въ деревняхъ, сооружая хижины изъ глины и камыша; полы ихъ, въ видѣ печей, такъ наз. fondi di capanne, особенно сохранились въ Эмиліи. Распространеніе лигурійцевъ можно прослѣдить на зап. берегу до южной Этруріи. Они заняли также о-ва Эльбу и Корсику; на востокѣ достигли въ долинѣ р. По до Піаве, на югѣ до Рубикона, но самостоятельно утвердились противъ позднѣйшихъ поселенцевъ на долгое время лишь въ приморскихъ Альпахъ. Около 100 до Р. Х. греческій философъ Посидоній описываетъ ихъ здѣсь уже подъ культурнымъ эллинско-массиліотскимъ, галльскимъ и римскимъ вліяніемъ, какъ земледѣльцевъ, работающихъ за плугомъ и съ мотыкой, занимающихся пчеловодствомъ и пивовареніемъ, имѣющихъ деревянные и каменные дома, воловьи возы, охотничьихъ собакъ, бронзовое оружіе и орудія; но они все еще искусные камнетесы, закаленные, свободолюбивые хищники. Женщины принимаютъ участіе во всѣхъ работахъ. Мертвыхъ лигурійцы хоронили также сначала въ пещерахъ, каменныхъ гробахъ и неглубокихъ ямахъ, причемъ усвоили отъ иберовъ окраску труповъ въ красный цвѣтъ. Позднѣе, подъ вліяніемъ италійцевъ, явился обычай сожиганія тѣлъ. Внѣ Италіи лигурійцы жили нѣкогда въ Швейцаріи, Эльзасѣ и почти по всей Франціи, гдѣ ихъ типъ утвердился особенно въ Оверни.

Италійцы.

Этимъ общимъ именемъ принято называть индо-европейскую группу близко родственныхъ между собою народовъ,

населившихъ, приблизительно около 1500 до Р. Х., Италію, сойдя съ среднихъ и восточныхъ Альпъ. Первоначально они наводнили весь полуостровъ и ближайшіе острова и, наконецъ, исходя изъ Рима, одолѣли всѣхъ послѣднихъ поселенцевъ—мессаніевъ, венетовъ, галловъ, тирсенцевъ, кароагенянъ, грековъ. Двумя потоками прошли италійцы: первый соотвѣтствуетъ переходу отъ каменнаго вѣка къ бронзовому, при господствѣ погребенія мертвыхъ. Отъ этой эпохи сохранились въ озерахъ Верхней Италіи болѣе древнія западныя, менѣе многочисленныя, бѣдныя металлами, свайныя постройки, еще безъ постоянной формы и расположенія. Потокъ этотъ наводнилъ, при дальнѣйшемъ распространеніи, восточную половину средней Италіи и весь югъ, включая Сицилію, получившую свое наименованіе отъ шедшаго въ авангардѣ племени сикуловъ, достигшихъ о-ва около 1000 до Р. Х. Второй, новѣйшій потокъ, принадлежавшій уже бронзовому вѣку и характеризуемый обычаемъ сожигать тѣла состоялъ изъ построителей настоящихъ *терремаръ* (terremaricoli), четыреугольныхъ свайныхъ построекъ. Представители этой группы племенъ построили, въ восточной части долины По, много сотенъ селъ изъ свайныхъ построекъ, въ строго выдержанномъ стилѣ. Сооруженія эти сдѣланы на *сухой* почвѣ; въ нихъ находятъ больше металлическихъ вещей, свидѣтельствующихъ о болѣе быстромъ прогрессѣ. Потокъ этотъ подвинулся чрезъ Аппенины лишь до западной части средней Италіи. *Терремары*, дальнѣйшее развитіе свайныхъ построекъ, это были прямоугольныя, обращенныя къ югу, тщательно окруженныя валомъ и рвомъ сооруженія, часто снабженныя укрѣпленнымъ кремлемъ (arx). Это были свайныя сооруженія (ростверки) съ досчатыми половицами изъ вяза, каменнаго дуба или каштановаго дерева. Полъ былъ устланъ слоемъ песка, на которомъ были расположены правильными рядами кучи глины, соломы и хворосту, что свидѣтельствуетъ о ревностномъ занятіи скотоводствомъ, включая коневодство, земледѣліемъ (пшеница, ленъ, бобы) и винодѣліемъ. Грубый ткацкій станокъ былъ извѣстенъ, также дубленіе кожи и плетеніе корзинъ и отливка бронзы. Глиняные сосуды—еще ручной работы съ геометрическими украшеніями, не имѣющими органической связи.

Въ первомъ потокѣ италійцевъ первое мѣсто занимало, конечно, сабинско-сабелльско-самнитское племя, которое, сначала самостоятельно, позднѣе подъ вліяніемъ грековъ и рим-

лянъ, развивало внесенные имъ элементы культуры, а именно сельское хозяйство, религію, государственный, юридическій и военный бытъ. Сабинской колоніей были Куры (Курессъ) на Квириналѣ, оттуда, по преданію, произошли цари Нума Помпилій и Анкъ Марцій. Позднѣе, поселившіяся въ Римѣ сабинскія фамиліи, каковы Валеріи и Клавдіи, повидимому, также оказали существенное вліяніе на религіозное и на политическое развитіе Рима, хотя онѣ, въ концѣ концовъ, перешли въ латинское гражданство. Самнитское племя кампанцевъ, проникшее въ плодоносную приморскую область между Лирисомъ и Силарусомъ, составило для своего языка, называемаго *осскимъ* особую азбуку, основанную на греческо-халкидской. Кампанцы, поселившіеся въ указанной области около 400 г. до Р. Х., затѣмъ распространились по южной Италіи и оставили до 200 надписей, изъ которыхъ большая часть длиннѣйшихъ—религіознаго содержанія. Въ особенности греческая культура, исходящая изъ Киме (лат. Cumae), обнаруживается даже въ глубинѣ полуострова въ производствѣ сосудовъ, въ металлическихъ работахъ (metallo Spinelli, род. латуни), раскрашенныхъ гробахъ и т. п. Изъ числа городовъ, сохранившихся со временъ этрусскаго владычества (о которомъ рѣчь будетъ ниже), въ особенности Капуа достигла такой гордости и роскоши, что Ганнибалъ, когда этотъ городъ открылъ ему ворота изъ ненависти къ Риму, помышлялъ сдѣлать его столицей полуострова вмѣсто Рима. За это Капуа, правда, поплатилась почти полнымъ уничтоженіемъ. О *самостоятельномъ* искусствѣ и литературномъ развитіи кампанцевъ мы, правда, ничего не знаемъ; лишь ателланскія драмы (fabulae Atellanae), родъ фарсовъ съ комическими типичными ролями, какъ утверждаютъ, заимствованы Римомъ отъ кампанскаго города Ателла. Съ другой стороны, кровавыя гладіаторскія игры, повидимому, самнитскаго происхожденія. То, чего Капуа пыталась достичь съ иностранною помощью, было предпринято за 90 л. Р. Х. на свой страхъ сабелльскими племенами во время союзнической войны. Сабелльцы хотѣли низвергнуть владычество Рима и поставить на его мѣстѣ, подражая римской организаціи, главный городъ пэлигновъ, Корфиніумъ, которому придали, судя по еще сохранившимся монетамъ, наименованіе Вителліо (греч. названіе Италіи). У нихъ въ то время были еще различныя нарѣчія и самостоятельно развитыя азбуки; они слагали стихи (сатурніи), какъ показываетъ еще

одна корфинская надпись и въ союзнической войнѣ сознательно боролись съ греко-римской культурой. Тѣмъ болѣе уничтожающій характеръ имѣла борьба, предпринятая этою послѣдней.

Къ тому же первому потоку принадлежало и племя умбровъ. Оно, по Катону, основало (за 1137 до Р. Х.) древнѣйшій городъ Италіи—Амерію (нынѣшняя Амелія) и нѣкогда занимало обширную область, пока этруски около 900 л. до Р. Х. отняли у нихъ 300 городъ въ долинѣ По, а затѣмъ, въ 400 г. до Р. Х., галлы отобрали у нихъ приморскую полосу между Рубикономъ и Эзисомъ. Тѣмъ не менѣе это племя едва стоило бы упоминовенія, еслибы мы не обладали доказательствомъ самостоятельности ихъ религіозно-политической грубой культуры. Въ 1444 г. послѣ Р. Х. были найдены бронзовыя таблицы въ Игувіумѣ (теперь Губбіо), относящіяся къ 200—30 до Р. Х. Изъ нихъ 5 написаны своеобразной азбукой, родственной этруской, 2 римской, всѣ на умбрійскомъ языкѣ. Въ общемъ они составляютъ 453 строкъ, т. е. болѣе, чѣмъ всѣ извѣстныя осскія надписи, взятыя въ совокупности. Кое что здѣсь неясно, но въ общемъ онѣ содержатъ обрядникъ (ритуалъ) для годичной годичной очистительной жертвы въ пользу города и его кремля, а также въ пользу гражданъ. При этомъ указаны наблюденія надъ полетомъ птицъ, огражденіе храмовъ, описано принесеніе жертвъ, приведены молитвенныя формулы, проклятія, указанія на изгнаніе чужестранцевъ и т. п.

Далѣе идетъ рѣчь объ освященіи нивы и пахати, о разныхъ возобновительныхъ, очистительныхъ и семейныхъ жертвахъ; наконецъ, приведены рѣшенія братства Аттіедіевъ, состоявшаго изъ 12 членовъ съ старшиною: имъ подлежали указанные религіозные обряды.

Что касается второго потока италійцевъ, если исключить разсмотрѣнныхъ особо этрусковъ и римлянъ, то стоитъ упомянуть еще о маломъ племени фалисковъ. Племя это, обладавшее собственнымъ языкомъ и своей азбукой (и языкъ и азбука весьма родственны римскимъ) было покорено этрусками и находясь въ углу между Тибромъ и Циминскимъ горнымъ лѣсомъ, вокругъ Сораkте, упорно боролось съ римлянами и сдѣлало попытку возстанія еще во время первой пунической войны. Ихъ главный городъ, Фалеріи, имѣлъ своеобразное просвѣщеніе, которому римляне ошибочно приписывали греческое начало. Изъ города Фесценніума перешли

въ Римъ такъ наз. фесценнинскія пѣсни, первоначально сельскія сатирическія импровизаціи въ видѣ діалоговъ. Часть фалисковъ, повидимому, сопровождала этрусковъ при колонизаціи ими Кампаніи, что доказывается географическими именами, вродѣ Фалернскаго поля (ager Falernus) — родины самаго крѣпкаго итальянскаго вина.

Этруски.

Замѣчательный народъ этрусковъ до сихъ поръ ускользаетъ отъ вполнѣ удовлетворительнаго опредѣленія, хотя мы располагаемъ болѣе чѣмъ 7000 надписей, написаныхъ на ихъ собственной азбукѣ, происшедшей отъ греческо-халкидійской, и вполнѣ дешифрованной. Надписи эти относятся къ эпохѣ отъ 500 г. до Р. Х. и до конца республиканскаго правленія; сверхъ того мы еще обладаемъ множествомъ памятниковъ всякаго рода и многочисленными показаніями древнихъ авторовъ. Правда, у насъ нѣтъ ни одной сколько-нибудь значительной этруской надписи, съ переводомъ на болѣе извѣстный языкъ, а единственная значительная этруская надпись, открытая на пеленахъ муміи, привезенной изъ Александріи въ музей, находящійся въ хорватскомъ городѣ Загребѣ (Аграмѣ),—эта надпись, состоящая изъ 230 строкъ, открыта лишь недавно (1894 г.) и представляетъ сверхъ того необычайныя трудности. Вопросъ еще болѣе запутанъ открытіемъ двойной надписи, написанной видоизмѣненной греческой азбукой, частью же змѣевидными линіями (бустрофедонъ). Эта надпись, найденная на эгейскомъ о-вѣ Лемносѣ, составлена на языкѣ, несомнѣнно близко родственномъ этрускому. Такимъ же образомъ найдена 12-ти строчная могильная надпись въ Новиларѣ подлѣ Пезаро, на средне-италійскомъ восточномъ берегу моря: здѣсь снова видимъ другую азбуку и другое нарѣчіе, но, повидимому, также этруское. Я склоняюсь къ воззрѣнію, что *историческіе этруски*, у сосѣдей носившіе имя тусковъ или турсковъ, а у грековъ—тирсенцевъ или, позднѣе, тирренцевъ, были *смѣшаннымъ народомъ*, вродѣ нынѣшнихъ англичанъ. Основную массу образовало италійское племя, судя по фонетикѣ, близко родственное фалискамъ и латинамъ, т. е. принадлежавшее ко второму потоку италійцевъ. Судя одному сообщенію, это племя называлось розенцами (Rasenae); перейдя съ востока Апеннины,

оно постепенно заняло рѣчныя долины отъ Макры на сѣверѣ до Аро на югѣ, при чемъ постепенно развились отъ культуры бронзоваго вѣка до высшей цивилизаціи, о чемъ можно судить по могильнымъ находкамъ. Первоначальная малочисленность этого племени и его спокойное пребываніе въ ограниченной области, подъ руководствомъ особыхъ жрецовъ, вытекаетъ изъ такъ наз. секулярнаго лѣтосчисленія, начинающагося приблизительно около 1050 до Р. Х. По этому счисленію, протекаетъ „вѣкъ“ (Saeculum—время посѣва), когда умираетъ старѣйшій изъ людей, родившихся въ первомъ году даннаго вѣка. Въ пятомъ „вѣкѣ“, именно за 645 лѣтъ до Р. Х. началось наивысшее процвѣтаніе этрусковъ; послѣдній, 10-ый вѣкъ, приведшій къ гибели этрускаго народа, начался со дня убіенія Цезаря.

Это италійское племя разенцевъ было покорено и цивилизовано, какъ полагаютъ, *лидійскимъ* племенемъ тирсенцевъ, пришедшимъ изъ Малой Азіи. У себя на родинѣ оно называлось торребами и главнымъ городомъ его была Торра (древняя Тирса?). Эти отважные мореплаватели, причисляемые греками къ пеласгамъ, осѣлись на различныхъ берегахъ и о-вахъ Эгейскаго моря и между 950 и 850 г. до Р. Х. были даже господами моря. Ихъ пиратство, ихъ грубое обращеніе съ плѣнными вошло у грековъ въ пословицу. Изобрѣтеніе бронзоваго корабельнаго носа, якоря, бронзовой трубы приписывается имъ. Имя ихъ сочетали съ именемъ тиранновъ и грозныхъ сторожевыхъ башенъ на морскомъ берегу (греч. тюрсенсъ). Заключу кстати, что турсы или тугорсы, неудачно напавшіе на Египетъ при Рамзесѣ II въ 14 в. до Р. Х., едва-ли имѣютъ что-либо общее съ тирсенцами.

Открытая на Лемносѣ надпись, повидимому, принадлежитъ тирсенцамъ, оставшимся здѣсь. Большая часть ихъ переселилась на западъ. Тамъ, одна ихъ партія прибыла къ Адріатическому морю въ Пезаро, гдѣ сохранилась надпись и нѣсколько могильныхъ камней съ изображеніями кораблей и морскихъ сценъ. Болѣе значительная масса расположилась сѣвернѣе, а именно у Спины подлѣ По, и отсюда предпиняла завоевательный походъ черезъ Апеннины въ Кортону. Но главная масса поселилась на западномъ берегу Италіи, сѣверу отъ Тибра, основала городъ Тарквиніи (близь Корнето) и распространилась отсюда на сѣверъ и на востокъ, побѣдоносно покоряя разенцевъ, пока не встрѣтилась съ своими земляками въ Кортонѣ. Они придали (въ устахъ

сосѣдей) землѣ и народу свое имя. Въ словѣ этруски (Etrusci вмѣсто E—turs—ci) первый слогъ есть приставка, окончаніе же—италійское, Этрурія есть передѣланное слово Э—турс—ія. Въ завоеванной странѣ этруски образовали знать, тогда какъ покоренныя племена превратились въ родъ крѣпостныхъ. Въ языкѣ этрусковъ, вообще имена, также часть именъ боговъ и названій степеней родства, многіе корни и производныя слова—италійскаго происхожденія. Флексіи, числительныя, остальныя слова и суффины—тирсенскіе; быть можетъ и здѣсь мы видимъ индоевропейское происхожденіе, но развитіе значительно уклонилось отъ обычнаго. Тирсенцы принесли съ собою, во всякомъ случаѣ, много элементовъ восточной и греческой культуры. Подъ ихъ вліяніемъ особенно развивалась промышленность и кораблестроеніе; весьма возможно также, что они впервые ввезли въ Италію азбуку. Мертвыхъ они хоронили (а не сожигали). Первоначально, они погребали тѣла въ земляныхъ ямахъ, потомъ въ каменныхъ ящикахъ, подземныхъ ходахъ, наконецъ,въ склепахъ въ видѣ домовъ. Лишь постепенно усвоили они отъ своихъ подданныхъ, частью лишь подъ римскимъ вліяніемъ, обычай *сожиганія*. Послѣ полнаго сліянія побѣдителей съ побѣжденными, возникъ по образцу іонійскихъ городовъ Малой Азіи, союзъ изъ 12 городскихъ общинъ. Въ позднюю (римскую) эпоху это были Тарквиніи, Вольци, Ветулонія, Волатеррэ, Вольсиніи, Арретіумъ, Клузіумъ, Цэре, Кортона, Перузіумъ, Популонія, Руселлэ (въ расположеніи замѣтенъ отчасти порядокъ по созвучію). Раньше сюда-же принадлежали Вейи, но по разрушеніи ихъ въ союзъ вступила Популонія, раньше зависѣвшая отъ Волатеррэ. Остальные города находились въ болѣе или менѣе тѣсной зависимости отъ одного изъ 12 городовъ, напр. городъ Фалеріи зависѣлъ отъ Вейи, тогда какъ въ свою очередь, отъ Фалеріи зависѣла Капена. Религіозно-политическія сходки начальниковъ (principes) 12 городовъ происходили ежегодно весною, а въ исключительныхъ случаяхъ и въ другоо время у храма богини Вольтумны (на Монте Фіасконе?). Въ то время являлись туда также посланники чужихъ государствъ; здѣсь обсуждались также вопросы объ общихъ предпріятіяхъ а также о войнѣ и мирѣ. Избранный верховный жрецъ приносилъ торжественныя жертвы (*Sacra Etruriae*); позднѣе были присоединены состязательныя игры и игры посвященныя искусствамъ; устраивалась также большая ярмарка.

Хорошее правленіе и счастливыя обстоятельства привели къ тому, что численность населенія и могущество этрусковъ развились въ собственной Этруріи. Этруски не только расширяли свои границы по всѣмъ направленіямъ на счетъ сосѣдей, но сверхъ того, около 800 года до Р. Х., образовали въ двухъ направленіяхъ колоніи. Съ одной стороны, они двинулись изъ Перузіума черезъ Апеннины въ области По, гдѣ они также основали союзъ 12 городовъ. къ которому присоединились Фельсина (позднѣе Бононія, теперь Болонія), Мантуа (по имени этрускаго бога смерти Мантуса), и Мельнумъ (позднѣе Медіоланумъ, теперь Миланъ); быть можетъ также неизвѣстный, заложенный подобно настоящей колоніи городъ Вилланова, а также Марцабато, Равенна, Мутина, Модена, Вольтурнія и др.

Галлы, нахлынувшіе около 500 года до Р. Х. черезъ сѣверо-западные Альпы, мало-по-малу покорили 18 этрускихъ городовъ, въ томъ числѣ также зависимые, и оттѣснили остатки этрускаго населенія въ рѣчныя долины до самыхъ Альпъ, гдѣ еще въ эпоху Ливія кое-гдѣ говорили на нарѣчіи, родственномъ этрускому. Все это подтверждается незначительнымъ числомъ надписей отъ Равенны до Тридента, въ особенности же изъ Болоньи; однако въ нѣкоторыхъ городахъ, даже при галльскомъ владычествѣ, уцѣлѣли еще этрускія общины, а именно какъ разъ въ Болоньѣ, въ Мантуѣ и т. д.

Съ другой стороны, какъ разъ приблизительно въ то же время, этруски, повидимому смѣшанные съ фалисками, двинулись изъ Вейи по морю въ столько же плодородную Кампанскую долину, и тамъ, какъ полагаютъ, заняли 12 городовъ, въ томъ числѣ Вольтурнумъ подлѣ рѣки Вольтурнусъ (впослѣдствіи Капуа), Урину, впослѣдствіи Новлу, т. е. новый городъ, Суррентумъ (Сорренто) и т. д. Этруско-фалійскія имена звучатъ также въ названіи рѣки Кланіусъ и полей фалернскаго и стеллатскаго. Множество глиняныхъ сосудовъ того времени обнаруживаютъ надписи на смѣшанномъ оскско-этрусскомъ языкѣ. Этрускія надписи, замѣчательнымъ образомъ, здѣсь еще не найдены. Здѣсь также этруское господство пало 5 в. до Р. Х. подъ ударами нахлынувшихъ съ востока самнитовъ.

Однако этруски еще въ 7 и 8 вѣкѣ господствовали въ большей части Лаціума, между Этруріей и Кампаніей. На это указываютъ разсказы изъ древнѣйшей исторіи Рима о

царскомъ домѣ Тарквиніевъ, о Целесѣ Вибеннѣ, якобы давшемъ имя Вибеннской горѣ, о Мастарнѣ или Макстрнѣ (Сервіи Тулліи), о Лукумонѣ (Ликомедіи), о Ларсѣ Порсеннѣ и др. То же частью подтверждается могилою Тарквиніевъ подлѣ Церветри или Церэ и большою стѣнной картиною въ одной гробницѣ въ Вульци. Можно еще сюда добавить этрусскій некрополь на Эскилинѣ и тусскіе кварталы въ Римѣ, Пренесте, Габіи и въ другихъ мѣстахъ.

Но паденіе города Тарквиній въ 510 г. до Р. Х. вскорѣ привело къ гибели этрускаго владычества въ остальномъ Лаціумѣ. Столѣтіе спустя палъ второй по величинѣ этрускій городъ Вейи, покоренный римлянами послѣ ударовъ, нанесенныхъ союзу этрускихъ городовъ галлами. Послѣ ряда жестокихъ, почти непрерывныхъ сраженій, въ слѣдующемъ вѣкѣ римляне покорили всю собственную Этрурію и романизировали ее до такой степени, что даже побѣды Ганнибала въ Этруріи у Тразименскаго озера не могли болѣе потрясти римскаго владычества. Послѣдній остатокъ чувства независимости и сознанія самостоятельности былъ уничтоженъ Суллой посредствомъ грандіозныхъ раздачъ земли своимъ ветеранамъ, а что было пощажено Суллой, то уничтожено послѣ гибели Катилины подлѣ Фіезолы и послѣ насилій Клавдія.

Этруски были народомъ, глубоко погрязшимъ въ религіозныхъ суевѣріяхъ. Во всѣхъ существенныхъ сторонахъ жизни они зависѣли отъ своихъ жрецовъ, хотя, по крайней мѣрѣ въ историческую эпоху, у нихъ не было политическаго главенства жрецовъ. По ихъ вѣрованію, боги слѣдятъ за судьбами цѣлаго народа, отдѣльныхъ общинъ и даже каждой отдѣльной личности. Поэтому всѣ дѣйствія частныхъ лицъ были связаны съ опредѣленными церемоніями: римляне производили даже слово „церемонія“ отъ названія этрусскаго города Цереса. Волю боговъ можно было узнать самыми различными способами, опредѣлить ее молитвою и жертвами. Греки утверждали, что имя этрусковъ обозначаетъ то же. что *θіоскои*, т. е. знатоки жертвоприношеній. Полагали, что этруски умѣли отсрочивать кару или даже смерть; но на томъ свѣтѣ кара во всякомъ случаѣ постигала виновнаго. Представленія о загробной жизни и о преисподней, сообразно съ мрачнымъ, сластолюбивымъ и свирѣпымъ характеромъ этого народа, были полны ужаса. О пребываніи въ мѣстахъ блаженства мы ровно ничего не знаемъ, зато ученіе о мукахъ въ преисподней несомнѣнно получило широкое развитіе. Существовала вѣра въ боговъ смерти и мщенія, въ орудія пытки, въ страшныя чудовища, живущія въ преисподней, и, какъ показываютъ изображенія, вѣра эта еще болѣе развилась подъ греческимъ вліяніемъ.

Такимъ образомъ мы находимъ на стѣнныхъ картинахъ изображенія Гадеса и Персефоны на престолѣ, Харона, Эринній, гомерическія адскія муки и т. д. Въ ночномъ сраженіи тарквиніевъ и фалисковъ съ римлянами, этрускіе жрецы въ 355 и до Р. Х., сами переряженные въ видѣ демоническаго войска, бросились съ пылающими факелами и змѣями въ рукахъ на врага. Легко повѣрить, что въ древне-тосканской живописи и въ дантовскомъ описаніи мукъ въ адскомъ жерлѣ и въ огненной печи мы находимъ отголоски древне-этрускихъ вѣрованій.

Такъ какъ весьма обширная религіозная литература этрусковъ, за исключеніемъ уже упомянутаго, въ общемъ однако еще не объясненаго отрывка, хранящагося въ загребскомъ (аграмскомъ) музеѣ, а именно отрывка изъ такъ наз. Либеръ Линтеусъ (книги писанной на пеленахъ, въ которыя обернута мумія) всѣ почти погибли, а изъ римскихъ и греческихъ переводовъ сохранились лишь ничтожнѣйшіе отрывки, то для изученія этруской религіи мы вынуждены обратиться къ памятникамъ пластическаго искусства, часто непонятнымъ, и къ отрывочнымъ замѣчаніямъ классическихъ авторовъ. По той же причинѣ трудно различить, что приходится на долю италійскихъ разенцевъ и что принадлежитъ пришлымъ тирсенцамъ. Мрачное чувство зависимости, связанности, (религія значитъ связанность) имѣетъ часто италійскій характеръ; то же можно сказать о коллегіяхъ жрецовъ, о храмовомъ ученіи, о наблюденіи молніи и полета птицъ, объ обрядовомъ культѣ и т. д. Наоборотъ, изслѣдованіе внутренностей (гаруспиціи)—повидимому восточнаго, тирсенскаго происхожденія. Дѣйствительно, главнымъ мѣстопребываніемъ этого культа былъ карійскій городъ Тельмесъ, неподалеку отъ предполагаемой родины тирсенцевъ. Поэтому такой родъ гаданія былъ усвоенъ римлянами въ эпоху господства этрусковъ, какъ нѣчто чуждое, и не только во всѣхъ важныхъ случаяхъ призывался этрускій гаруспексъ, но еще въ 150 году до Р. Х. было постановлено сенатскимъ рѣшеніемъ, постоянно посылать 6 знатныхъ юношей въ этрускія общины для обученія религіозной наукѣ, чтобы такое важное и суще-

ственное для народнаго блага искусство не могло погибнуть. Но какъ тѣсно слились эти гаруспиціи съ итальянскою жизнью, это доказываетъ замѣчательная, исписанная болѣе чѣмъ 50 именами боговъ, бронза изъ Піаченцы, въ которой планъ храма приспособлена къ формѣ печени съ желчнымъ пузыремъ.

Этруски имѣютъ различные ранги божествъ; названія, къ сожалѣнію, сохранились лишь по-латыни. Во главѣ стояли высшіе или скрытые боги (involuti), далѣе 12 боговъ-совѣтниковъ, быть можетъ, сгруппированныхъ такимъ образомъ лишь подъ греческимъ вліяніемъ; изъ нихъ 9 „засѣдателей" метали перуны, въ томъ числѣ одинъ главный—Тинія-Юпитеръ—являлся въ троякой формѣ. Далѣе слѣдовали домашніе боги, пенаты, т. е. живущіе въ кладовой, помѣщаемые, впрочемъ, также на небѣ и въ водѣ; далѣе геніи, т. е. боги производители, также самаго различнаго рода. Сверхъ того было еще много мужскихъ и женскихъ второстепенныхъ божествъ, какъ, напр., божествъ судьбы, карающихъ, служебныхъ и т. д., наконецъ почитаемыхъ душъ усопшихъ, пребывающихъ въ преисподней. Многое, конечно, остается здѣсь еще не выясненнымъ.

Изъ отдѣльныхъ именъ божествъ нѣкоторые подходятъ къ италійскимъ, какъ, напр., корни *аис* и *тев* (древн. лат. *дев.*, позднѣе *див.*)—богъ, *Нетунсъ*—Нептунъ, *Менрва*—Минерва, *Сельвансъ*—Сильванусъ, Масъ, Марисъ—Марсъ, Узилъ—сабинское Аузелъ, богъ солнца, Лушнеи (пренестское Лосна, лат. Луна) богиня луны, также, по всей вѣроятности, и Тинія (Юпитеръ, сравн. древн. лат. Дейносъ-Дивинусъ), Уни—Юнона, Ани—Янусъ (древн. лат. также Янусъ), Вельхансъ—Вулканусъ и др Съ другой стороны не мало есть также именъ съ совершенно чуждымъ, вѣроятно, тирсенскимъ отпечаткомъ, какъ напр., Туранъ—Афродита, Тумусъ—Гермесъ, Сетлансъ — Гефестъ, Фустунсъ — Діонисій, Ларанъ—Аресъ, Ѳесанъ—Эосъ, Эру—Геліосъ и др., въ томъ числѣ также многіе боги преисподней и смерти, какъ, напр., Калу, Кульсу, Ванѳ, Лейнѳ—латинизированное Мантусъ (Ореусъ), служебныя божества, какъ, напр., Ѳанръ, Ѳальна и т. д. — всѣ эти имена звучатъ варварски и дальнѣйшее объясненіе ихъ не легко. Сюда слѣдуетъ еще присоединить множество словъ, заимствованныхъ съ греческаго, какъ, напр., Летунъ—Лето, Аплу—Аполлонъ, Аита—Гадесъ и т. д., такъ что этрускій пантеонъ отличался значительною пестротою.

Древнѣйшія священныя книги этрусковъ (либри тагетики) приписывались карлику Тагесу (сыну одного генія, внуку Юпитера), явившемуся въ видѣ новорожденнаго мальчика, но обладавшаго уже зубами, способностью рѣчи и мудростью старца. Въ окрестностяхъ Тарквиній его нашелъ пахарь, вырывшій его плугомъ изъ земли. Тагесъ быстро пропѣлъ все необходимое собравшимся князьямъ-лукумонамъ, сообщивъ имъ ученіе или „дисциплину", а они все это кратко записали, частью въ катехизической формѣ. Позднѣе добавились поученія Нимфы Бегоэ, иначе Вегоэ, Бакхетисъ. Во всякомъ случаѣ жрецы много разъ передѣлывали и дополняли книги, а по словамъ Плинія также снабжали ихъ пояснительными рисунками. Римляне, сдѣлавшіе переводы всѣхъ этихъ книгъ. различали перунныя или грозовыя книги (либри фульгуралесъ), книги для гаруспицій (гаданій по внутренностямъ), книги, объясняющія знаменія, наконецъ, церемоніальныя книги или обрядники, охватывавшіе всѣ событія жизни: основаніе государствъ и городовъ, избраніе и посвященіе царей, освященіе городовъ, стѣнъ и храмовъ подраздѣленіе, созваніе, очищеніе народа, цензъ, боевой порядокъ, военное и международное право, подраздѣленіе и освященіе полей, заговоры дождя и скота и т. п.; далѣе священные обряды при рожденіи, воспитаніи, смерти, свадьбахъ и т. д., лѣтосчисленіе, съ своеобразнымъ обычаемъ вколачиванія гвоздя въ стѣны храма по истеченіи извѣстнаго срока, наконецъ, опредѣленіе человѣческаго „вѣка" и всѣ жертвенные обычаи, религіозныя покаянія, искупленія при появленіи знаменій, способы отсрочить божескую кару, отдалить злой рокъ и смерть и искусство обожествленія души. Упоминаются также и особенныя книги судебъ, повидимому, содержавшія пророчества.

Гаданіе по звѣздамъ, заклинаніе мертвыхъ и другія чары, повидимому, явились позднѣе, какъ чуждыя примѣси. Насколько римскій календарь можно считать этрускимъ, это трудно сказать: недѣля въ девять дней (т. н. нундине), опредѣленіе дней по 1, 5, 7, 13 и 15, кажется, было общеиталійскимъ.

Къ религіозному быту этрусковъ примыкала и ихъ государственная жизнь, такъ какъ всѣ учрежденія и дѣйствія зависѣли у нихъ отъ религіознаго освященія; то же можно сказать о союзѣ 12 городовъ. Города эти, частью сильно укрѣпленные, находились на подобныхъ островкамъ клочкахъ

земли, среди горныхъ ущелій, такъ что римляне впослѣдствіи, чтобы сдѣлать ихъ безвредными, переносили ихъ въ долины. Въ отдѣльныхъ городахъ господствовали по всей вѣроятности цари, патріархально-наслѣдственные, позднѣе выборные или достигшіе престола узурпаціей, какъ, напр., Ларсъ Толумній въ Вейи, Ларсъ Порсенна въ Клузіумѣ, Тарквиніи и Сервій Туллій въ Римѣ. Затѣмъ, точно такъ же, какъ и въ Римѣ, являются аристократическія правленія, съ временными олигархами во главѣ—это лукумоны (римскіе принципесъ); наконецъ, наступаетъ господство демократовъ, а въ Ветулоніи одно время даже господствовали возставшіе рабы. Древніе цари этрусковъ передали свое, частью заимствованное съ востока великолѣпіе, Риму: 12 ликторовъ, катящееся кресло изъ слоновой кости (селла курулисъ), пурпурная или окаймленная пурпуромъ тога, вышитая пальмовыми вѣтвями туника, золототканный мѣшокъ съ амулетами, пышность тріумфальныхъ въѣздовъ, причемъ побѣдитель носилъ одежду самого Юпитера и ѣхалъ на 4 бѣлыхъ коняхъ (въ вызолоченной колесницѣ со скипетромъ изъ слоновой кости, на которомъ былъ орелъ) и сверхъ того былъ увѣнчанъ короной изъ золотыхъ дубовыхъ листьевъ и желудей. Сюда же относится раскрашиваніе красной краской лица, какъ символъ безсмертія и т. п. Каждый девятый день этрускіе цари позволяли посѣщать себя и спрашивать, а поэтому, вѣроятно, и творили тогда правосудіе. Этруское наименованіе общины, кажется, было италійскимъ *тута* (цѣлость, міръ), городъ назывался *спуре*, откуда прозвище спуріе, по смыслу то же, что латинское публіусъ (отъ популусъ, народъ). Какъ части народа, фигурируютъ: *раснесъ* (собирательное *раснеа*), сравн. выше разены, свободные, *этера* (собирательное этерайа) родъ сельскихъ крѣпостныхъ: древніе сравнивали ихъ съ греческо ѳессалійскими пенестами; *лаутни*—въ женскомъ родѣ лаутниѳа—вольноотпущенные. Господствующее дворянство раздѣлялось въ Мантуѣ на 3 трибы, какъ въ Римѣ, и на 12 курій (въ Римѣ ихъ было 10). Быть можетъ также такъ наз. государственное устройство Сервія Туллія, основанное на богатствѣ и на военной службѣ (центуріальное устройство) является отчасти подражаніемъ этрускимъ образцамъ.

Въ роли чиновниковъ фигурируютъ, судя по этрусскимъ надписямъ, цепенъ (марское цейпъ, латинское ципусъ) преторъ, *макстре*—магистръ, отсюда латинскій титулъ Сервія

Туллія (Мастарна отъ этрусскаго Макстрна), далѣе мару—маро, эпрѳніе (быть можетъ отсюда императоръ) и т. д.

Ритуалъ для закладки городовъ, частью древне-италійскій, основанъ на связи всейэтрусской культуры съ земледѣліемъ: основатель города надѣвалъ габинскую тогу съ фартукомъ (Габіи былъ древне-латинскій городъ, стоявшій подъ вліяніемъ этрусковъ). Въ день, опредѣленный посредствомъ гаданія по полету птицъ, онъ съ помощью пары, составленной изъ бѣлаго быка и бѣлой коровы,—причемъ быкъ помѣщался направо,—проводилъ кривымъ плугомъ (такъ наз. урвумъ), съ бронзовымъ лемехомъ (бронза употреблялась раньше желѣза) справа налѣво четыреугольную борозду съ косо направленнымъ заворотомъ (стива), такъ что борозда, являясь началомъ рва, оказывалась наружу; глыбы, обозначавшія валъ, попадали внутрь. На томъ мѣстѣ, гдѣ должны быть ворота, числомъ не менѣе трехъ, плугъ приподнимали. Въ серединѣ площади на мѣстѣ, предназначенномъ для рынка, выкапывали полушаровидную яму (мундусъ—украшеніе, міръ) и бросали туда всѣ первинки, отъ всего, что дозволено вкушать по закону и что необходимо по человѣческимъ потребностямъ. Закрывали эту яму „душевымъ камнемъ", который поднимали лишь три раза въ годъ, чтобы выпускать души умершихъ.

Поверхность городской земли признавалась священнымъ округомъ (*темплумъ*) и раздѣлялась опредѣленною мѣрою на равные четыреугольники или квадраты, какъ въ древнеримскую эпоху терремары, а въ позднѣйшую колоніи и поля. Каждый городъ долженъ былъ имѣть по крайней мѣрѣ три святилища или, по крайней мѣрѣ, одно побольше съ тремя нишами для Юпитера, Юноны и Минервы. Кремль (arx) представлялъ городъ въ миніатюрѣ.

Изъ юридическихъ обычаевъ этрусковъ до насъ дошелъ лишь тотъ, что за неисправными должниками бѣжали мальчишки съ кошельками въ рукахъ. Насколько дѣленіе римскаго войска было подражаніемъ этрусскому—это трудно рѣшить. Изъ оружія, заимствованнаго у этрусковъ, указываютъ на мѣдный круглый щитъ (*клипеусъ*), со времени Камилла замѣнненный четыреугольнымъ самнитскимъ (*скутумъ*), мѣдный шлемъ (*кассисъ*), вѣшалку для оружія (*бальтеусъ*), пику (*гаста*), короткій метательный дротикъ (*ланцеа*) для легко-вооруженныхъ, далѣе прямую мѣдную трубу (*туба*), которую уже греки прославляли, какъ тирсенское изобрѣтеніе. Въ

гробницахъ найдены оригиналы и изображенія панцырей, мечей, кинжаловъ, бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, пращей, а также кривыхъ трубъ и роговъ. Любопытной находкой былъ этрускій шлемъ съ греческой надписью, обозначающей посвященіе: это одинъ изъ военныхъ трофеевъ Гіерона, послѣ побѣды при Кимэ, посланный побѣдителемъ въ Олимпію.

Этрускія монеты обнаруживаютъ обще-италійское развитіе, а именно переходъ отъ грубой мѣди, которую отвѣшивали кусками любой величины, къ чеканной бронзѣ въ кускахъ опредѣленной величины. Примѣрно съ 550 до 450 г. до Р. Х. употребляли чеканную бронзовую монету съ надписанной на ней цѣной, причемъ вѣсъ монеты все болѣе и болѣе понижали, отъ полновѣсной тяжелой бронзы (эсъ граве) до $^1/_6$ первоначальнаго вѣса этрусскаго фунта въ 327,5 гр. Наконецъ около 200 до Р. Х. мы видимъ полный переходъ отъ двѣнадцатиричной системы къ десятичной. Изъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ первоначально обращались лишь заграничныя, особенно изъ греческой Фокеи и ея западныхъ колоній, но приблизительно съ 500 г. до Р. Х. является туземная чеканка серебра по персидскому статиру, но съ греческою надписью, въ томъ числѣ монеты города Ѳезлэ— быть можетъ Фэзулэ. Ту же единицу цѣнности воспроизводятъ золотыя монеты въ Вольсиніи. Нѣкоторыя позднѣйшія серебряныя монеты—примѣрно съ 450 до 500 до Р. Х.—находятся въ точно опредѣленномъ мѣновомъ отношеніи къ мѣднымъ монетамъ, а именно какъ 1: 288. Приблизительно съ 400 г. до Р. Х. мы находимъ во всей собственной Этруріи распространенную систему, основанную на употребленіи всѣхъ трехъ металловъ и покоющуюся на чрезвычайно развитой системѣ мѣръ и вѣсовъ. Система эта была, по всей вѣроятности, плодомъ соглашенія всѣхъ двѣнадцати городовъ и представляла подражаніе аттическо-сиракузской: этрусскій фунтъ— асъ (218 гр.); отношеніе цѣнности золота, серебра и мѣди: 1: 15: 250. Мы находимъ соотвѣтственныя мѣдныя монеты для 12 городовъ, серебряныя для 6, золотыя для 3; впрочемъ принадлежность не всегда ясна. Послѣ битвы при Вадимонскомъ озерѣ въ 264 до Р. Х., за которой послѣдовало заключеніе договора на началахъ зависимости отъ Рима и послѣдній тріумфъ надъ этрусками,—въ этрусской монетной системѣ наступаетъ мало-по-малу приспособленіе къ римской, закончившееся въ 264 г. до Р. Х. Мѣдныя монеты

стали чеканиться по римскому третному фунту—этрускому полуфунту, но и здѣсь вскорѣ начали уменьшать вѣсъ: такъ напр., въ Ветулоніи, Теламонѣ, Популоніи, въ числѣ серебрянныхъ монетъ мы находимъ единицу, отсутствующую у римлянъ—полуторную, пятишницу, десятишницу—денаръ, и двадцатишницу (этой у римлянъ также не было); особенно это встрѣчалось въ Популоніи и Ветулоніи. Золотыя монеты для этой системы съ достовѣрностью не доказаны. Начиная съ 200 до Р. Х. въ Этруріи, повидимому, чеканили только размѣнную мѣдную монету.

На различныхъ монетахъ мы находимъ вычеканенными разныя изображенія боговъ, животныхъ, орудія и разные символы, обозначенія цѣнности, на многихъ также названія городовъ, какъ, напр., Велаѳри-Волатерри, Пуплуна-Популонія, Ватлуна-Ветулонія, Тламунъ-Теламонъ, а порой и неизвѣстныхъ, какъ, напр., Пеиѳеса.

О семейной жизни этрусковъ мы почти ничего не знаемъ; пытались заключить о сравнительно-высокомъ положеніи женщинъ, ссылаясь на то, что на надгробныхъ надписяхъ мать упоминается наравнѣ съ отцемъ, но это древне-италійскій обычай, такъ какъ и по-латыни слово филіусъ, обозначающее сына, указываетъ собственно на сосущаго младенца. Съ другой стороны этрусское обозначеніе сына (*кланъ*), дочери (*сехъ*), жены (*пуйя*) звучатъ не по-италійски. Неизвѣстны еще названія отца и матери, италійскими или же заимствованными оказываются названія дѣда (*папа*), внука (*нефтсъ*) и правнука (*прумфтсъ*, латинское *пронепосъ*). Родословныя тщательно записывались: по надгробнымъ надписямъ удалось прослѣдить родословную одного рода черезъ 5 поколѣній, причемъ родство часто указано посредствомъ искусственной, но простой системы окончаній.

Римскій поэтъ Персій, самъ родомъ изъ этруской Волатерры, говоритъ объ одномъ знатномъ этрускѣ, который велъ свою родословную до тысячнаго колѣна. Изъ древне-этрускихъ лукумоновъ въ Аретіи (Артеццо) произошелъ К. Цильній Меценатъ, другъ Августа; подобнымъ же образомъ римскіе Цециніи были родомъ изъ Вольтерры, Волумніи изъ Перугіи (Перуджіи), императоръ Сальвій Оттонъ изъ Ферентинума, Сей Страбонъ, отецъ пресловутаго Сеяна изъ Вольсиніи (Сеянъ былъ, какъ извѣстно, всемогущимъ любимцемъ, а позднѣе и жертвою Тиберія). Съ почитаніемъ предковъ, конечно, сочетается и все болѣе и болѣе богатое

убранство этрускихъ могилъ, приведшее къ устройству большихъ подземелій съ множествомъ комнатъ, съ многочисленными каменными гробами, со статуями и рельефами, украшеніемъ стѣнъ и стѣнными картинами—все это помѣщалось въ обширныхъ кладбищахъ (некрополяхъ), въ родѣ тѣхъ, которыя найдены въ Бандитаччіи (подлѣ Черветри) и въ Монтароцци (подлѣ Корнето или иначе Тарквиній).

Что касается обработки почвы и промышленности страны то въ цвѣтущую пору развитія народа то и другое было очень развито: въ этомъ убѣждаетъ, помимо всего прочаго, постройка значительнаго числа городовъ, пышность, о которой сообщаютъ многіе писатели древности, частое изображеніе роскошныхъ пиршествъ, праздниковъ, состязательныхъ игръ и другихъ удовольствій на могильныхъ картинахъ, къ чему можно еще присоединить показанія древнихъ; далѣе, блестящее процвѣтаніе Этруріи даже при римскомъ владычествѣ и выборъ какъ разъ Этруріи для военныхъ поселеній и для составленія крупныхъ помѣстій. Главными продуктами страны были: зерновой хлѣбъ, ленъ, дерево, бѣговыя лошади, быки, свиньи, воскъ и медъ, мѣдь, желѣзо, серебро, камень для построекъ, глина. Славились бѣговыя лошади, охота на кабановъ, зайцевъ и птицъ, рыбная ловля, особенно ловля тунцевъ, что подтверждается многочисленными изображеніями. Просо воздѣлывалось этрусками особенно въ долинѣ По, фалернское вино въ Кампаніи; корабельный лѣсъ получали съ Корсики. Въ качествѣ продуктовъ вывоза чаще всего упоминаются: оружіе, утварь, другія бронзовыя работы, также привозимыя въ долину По и черезъ Альпы, особенно внизъ по Рейну, ткани, главнымъ образомъ полотно, а также парусина, глиняные сосуды: красные изъ Арретія, матово-черные изъ Клузіума, блестящіе черные, покрытые глазурью, изъ Нолы въ Кампаніи.

Древнѣйшее морское пиратство постепенно превратилось въ мирную торговлю, опиравшуюся на могущественный флотъ. Упоминаютъ о морскихъ войнахъ, союзахъ, о договорахъ этрусковъ съ Кароагеномъ, Фокеей, Сиракузами. Царе (Агилла) съ древнихъ временъ обладала сокровищницей въ Дельфахъ. Въ могилахъ часто находятъ египетскіе, финикійско-кароагенскіе, въ особенности греческіе товары, въ томъ числѣ безчисленныя вазы, чаши, кубки отъ грубѣйшаго азіатскаго до совершеннѣйшаго аттическаго типа—все это указываетъ на оживленнѣйшія сношенія съ Востокомъ. Весьма многочисленныя бронзовыя зеркала также отчасти греческой работы.

Выдающіяся произведенія принадлежатъ этрускамъ въ области архитектуры. Мы находимъ чрезвычайно искусныя многоугольныя стѣны, какъ въ Сатурніи и Косѣ; четыреугольныя, какъ въ Новыхъ Фалеріяхъ, частью весьма обширныхъ размѣровъ—въ Вольтеррѣ 24.000 фут., считая кругомъ, въ Вейи еще болѣе того. Ворота бывали съ величественными арками, какъ въ Вольтеррѣ и нынѣшней Перуджіи. Весьма возможно, что и большой римскій каналъ для отвода нечистотъ—клоака максима—построенъ въ этрусскомъ стилѣ и въ эпоху этрусскаго господства. Но изобрѣтеніе арокъ и сводовъ едва-ли основательно приписывается этрускамъ. Ложные своды, сдѣланные посредствомъ вырѣзовъ, встрѣчаются часто—такъ, напр., въ могилѣ Регулини Галасси подлѣ Черветри, въ Гротта Сергарди подлѣ Кортоны. Переходъ къ настоящей аркѣ образуетъ Танелла ди Питагора (Гротъ Пиѳагора) подлѣ Кортоны, названной такъ вслѣдствіе смѣшенія съ Кротоной, съ 5 клинообразно вырѣзанными и дугообразно изогнутыми во внутрь исполинскими верхучешными плитами. Родственное египетскимъ малоазіатскимъ могильнымъ пирамидамъ, но своеобразно разработанное зданіе представлялъ, по Плинію, находившійся подлѣ Клузіума и описанный Варрономъ памятникъ царя Порсенны; остатки его неправильно усматривали въ лабиринтовой постройкѣ, найденной въ Поджіо Гайелла.

Основаніе памятника, о которомъ идетъ рѣчь, составляло квадратную плитяную постройку въ 300 фут., считая кругомъ, 50 фут. вышины; внутри находился лабиринтъ, по четыремъ угламъ и въ серединѣ поднималось 5 пирамидъ, каждая съ четыреугольнымъ основаніемъ кругомъ въ 75 ф., вышиною въ 150 ф.; надъ ихъ остріями находилось по бронзовой круглой доскѣ съ выдающимся краемъ, отъ котораго висѣли на цѣпяхъ колокола. На этомъ бронзовомъ кругу опять находились 4 пирамиды, каждая въ 100 футовъ вышины. Далѣе слѣдовалъ второй бронзовый кругъ, на немъ снова 5 пирамидъ,—какъ увѣряютъ, каждая въ 300 фут. вышины. Все это исполинское зданіе, снабженное подобными башнямъ пирамидами, было также нѣкогда на холмѣ Кукумелла подлѣ Вульци. Отъ края фундамента и съ высоты башни выглядѣли многочисленныя чудовища, хранившія тайну гробницы. Указаніемъ на италійское происхожденіе такихъ

сооруженій можетъ послужить трехбашенная такъ наз. „могила Горацієвъ и Куріацієвъ“ въ Лаціумѣ.

Этруская храмовая архитектура, развившаяся первоначально подъ греческимъ, а именно дорійскимъ вліяніемъ, извѣстна намъ не столько по памятникамъ, сколько по описанію Витрувія, писавшаго въ началѣ императорской эпохи. Планъ зданія долженъ былъ лишь немного уклоняться отъ формы квадрата; въ крайнемъ случаѣ допускалось отношеніе длины къ ширинѣ какъ 12 къ 10. Передняя часть состояла изъ галлереи съ 8 колоннами по 4 въ рядъ; изъ нихъ средняя отстояла отъ другой на $^4/_{10}$ цѣлаго фронта, боковыя же на $^3/_{10}$. Онѣ были въ $3^1/_2$ десятыхъ вышины, внизу въ $^1/_2$ десятыхъ толщины и суживались кверху до $^1/_8$ той же десятой. Вышина основанія, состоявшаго изъ круглаго плинтуса и пфюля (большого вала), составляла $^1/_2$ діаметра, точно также высока была капитель, изъ горла, валька и плоской части или абакуса. Архитравъ, по причинѣ значительныхъ промежутковъ между колоннами, былъ украшенъ триглифами и т. п. Задняя половина храма распадалась обыкновенно на три, раздѣленныя стѣнами, ниши, изъ которыхъ средняя снова имѣли ширину въ $^4/_{10}$, боковыя въ три десятыхъ. Ниши эти содержали троичныхъ боговъ: Юпитера, Юнону, Минерву или Цереру, Либера, Либеру. Если, въ видѣ исключенія, въ серединѣ была лишь одна ниша, то по бокамъ находились снова колонны. Деревянная кровля храма съ внутренней *лакунаріей* или переплетомъ поднималась кругомъ, покоясь на головахъ балокъ широкимъ краемъ впередъ. Стропила кровли, впереди и сзади съ фронтономъ, на которомъ находились группы статуй, кажется, были приплюснутой формы. Въ описанномъ разрѣзѣ не трудно узнать общую схему италійскаго авгурскаго храма. Въ точкѣ пересѣченія угловой линіи (лат. *кардо*) или той, которая отдѣляла переднюю часть храма отъ задней съ перекрестной линіей (декуманусъ), замыкались двери средней ниши. Если принять во вниманіе перекрестную линію, то край указывалъ 16 отдѣловъ; по каждому краю было 4 дѣленія но не равной длины, какъ въ выше упомянутой бронзовой „печеночной“ формѣ изъ Піаченцы. Существенно по тому образцу былъ заложенъ и храмъ Юпитера Капитолійскаго, начатый въ эпоху этрускаго владычества Тарквиніемъ Древнимъ (Прискомъ). Относительно оріентированія этрускихъ храмовъ у насъ нѣтъ никакого матеріала. Такъ наз. храмовыя урны и изо-

браженія храмовыхъ фронтовъ на храмовыхъ саркофагахъ и на зеркалахъ даютъ далеко неточное представленіе о внѣшней формѣ храмовъ.

При построеніи домовъ, а также по фигурамъ нѣкоторыхъ этрускихъ домашнихъ урнъ, мы видимъ, что у этрусковъ является характеристичная, усвоенная также римлянами форма—*атріумъ*, т. е. очагъ (а вовсе не отъ слова Адріа), называвшійся также домовой галлереей (каведіумъ), квадратной или прямоугольной формы съ дырою въ крышѣ (конплувіумъ) для отвода дыма и выкопанной въ землѣ цистерной (имплувіумъ) для впитыванія дождя. Постепенно, для отдѣленія другихъ частей жилища, стали устраивать вокругъ атріума другія нишеобразныя помѣщенія, позднѣе превратившіяся въ другія самостоятельныя части зданія: переднюю для снятія вещей, съ каморкою привратника, затѣмъ спальную, столовую, кухни, кладовыя и т. д. *Каведіумъ* вмѣстѣ съ отверстіемъ въ крышѣ и съ цистерной, какъ заднее помѣщеніе, былъ отдѣленъ отъ *атріума* и, наконецъ, превращенъ въ зеленый, поросшій дерномъ дворъ. Но самый атріумъ остался теперь лишь въ видѣ пріемнаго зала, съ изображеніями предковъ, съ символической супружеской кроватью, обозначавшей дальнѣйшее продолженіе рода, а также съ домашней часовней (ларарiумъ) или алтаремъ. Естественно атріумъ становился все болѣе и болѣе пышнымъ, снабжался граненымъ потолкомъ и т. п.

Скульптура и ея побочныя отрасли никогда не достигали у этрусковъ настоящаго совершенства: при всей технической ловкости, этому народу не хватало настоящаго эстетическаго чувства. Величественныхъ размѣровъ достигло у этрусковъ, и въ подчиненныхъ имъ областяхъ, искусство отливки изъ бронзы, для чего можно было имѣть прекрасный матеріалъ, не выходя изъ предѣловъ страны. Подлѣ Болоньи найденъ въ 1877 году бронзовый литейный заводъ этрусковъ съ 1.500 килогр. мѣди и 18.000 предметами, а также съ формами для отливки всевозможныхъ вещей. Изъ Вольсиніи римляне, какъ говорятъ, похитили 2.000 бронзовыхъ статуй, быть можетъ, главнымъ образомъ, небольшихъ статуэтокъ.

Этрускія бронзовыя фигурки наводнили Римъ и были распространены по всей римской имперіи, а также найдены массами въ этрускихъ гробницахъ. Драгоцѣнныя бронзовыя ворота были привезены Камилломъ изъ покоренныхъ имъ Вейи. Сохранившіяся бронзовыя статуи, какъ напр., ораторъ

изъ Перуджіи, находящійся теперь во Флоренціи, Аполлонъ изъ Феррары, находящійся въ Луврѣ, Равеннскій боецъ, различныя статуи мальчиковъ, посвященныя богамъ—грубы, безжизненны, некрасивы. Всего лучше удавались этрускамъ чудовища и вообще звѣри, какъ, напр., знаменитая химера, разные сфинксы, грифы; хороши свинья и собака, найденныя въ Кортонѣ. Многіе изслѣдователи причисляютъ сюда и капитолійскую волчицу. Превосходно сработана большая кортонская канделябра съ сатиромъ, играющимъ на свирѣли (сиринксъ). Далѣе находятъ весьма цѣнные канделябры и могильные свѣтильники, оружіе, также разукрашенные щиты бронзовую посуду, котелки, треножники, отчасти, впрочемъ, иноземной работы. Изъ многихъ тысячъ найденныхъ зеркалъ, сдѣланныхъ изъ бронзы, лишь весьма немногія обладаютъ дѣйствительно красивымъ рисункомъ, какъ, напр., зеркало Семелы: эти зеркала, несмотря на вводящую въ заблужденіе надпись, конечно, греческой фабрикаціи или, по крайней мѣрѣ, являются подражаніемъ греческимъ образцамъ. Другія обнаруживаютъ восточную пышность.

Высокой степени совершенства достигло у этрусковъ ювелирное искусство: въ особенности прекрасны сохранившіяся золотыя издѣлія, діадемы, цѣпи, серьги, застежки, платяныя пряжки, до сихъ вызывающія удивленіе знатоковъ въ особенности техникой тонко нанизаннаго золотаго бисера. Тирренскія золотыя и серебряныя чаши были предметомъ цѣнившимся въ самой Греціи; однако немногіе предметы этого рода, находимые въ Этруріи, повидимому, произведены въ Карѳагенѣ и на островѣ Кипрѣ.

Искусство каменныхъ сооруженій и ваяніе изъ камня было у этрусковъ на низкой степени: этруски не пользовались даже каррарскимъ мраморомъ, но употребляли простой алебастръ изъ Вольтерры, некрасиваго цвѣта пепериновый туфъ, мягкій травертино и другіе роды камня, болѣе пригодные для постройки. Правда, необычайно велико количество саркофаговъ, каменныхъ ящиковъ для гробовъ, каменныхъ урнъ супруговъ, не рѣдко живые портреты, но чаще грубые и неуклюжіе, обыкновенно съ отвратительно укороченными затылками. Рельефы боковыхъ стѣнъ обыкновенно изображаютъ сцены смерти или весьма живо воспроизведенныя сцены изъ греческой миѳологіи, частью же на нихъ изображены непонятныя намъ кровавыя драмы, рѣдко болѣе привлекательныя сцены. Сюда же относится скульптурныя могильныя плиты

даже изъ Болоньи, почти микенскаго стиля, и нѣкоторые фронтонныя могилы—въ Норкіи, подражаніе позднему греческому стилю. Весьма грубы охотничьи и военныя сцены изъ Новилары. Также на стѣнахъ могилъ мы находимъ скульптурныя изображенія, частью раскрашенныя, какъ въ одномъ большомъ церитскомъ гробу, гдѣ изображены орудія и утварь жрецовъ, воиновъ, домашняя утварь и кухонная посуда всякаго рода. Въ другихъ гробахъ мы находимъ скульптурныя изображенія головъ—три на одной аркѣ на воротахъ, кресла, щиты, капители колоннъ и т. д. Отдѣльныя каменныя статуи встрѣчаются рѣдко: превосходной работы голова стараго воина, хранящаяся въ музеѣ въ Орвіэто.

Безконечное число находимыхъ въ собственной Этруріи глиняныхъ сосудовъ распадается на ввезенные греческіе сосуды, принадлежащіе всѣмъ эпохамъ, отъ эпохи геометрическаго орнамента до фантастическаго декаденства, относящагося къ эпохѣ діадоховъ, и на туземные фабрикаты—частью подражанія иноземнымъ формамъ, частью оригинальныя произведенія, изукрашенныя всевозможными чудовищами и масками, порою похожія на новѣйшія формы посуды, нерѣдко отвратительныя или циничныя: таковъ въ особенности простой желтый южно-этрусскій сортъ. Какъ бы то ни было, этрусская посуда была очень любима въ менѣе богатыхъ римскихъ хозяйствахъ, какъ и кампанская, лишенная украшеній посуда. Въ долинѣ По, гончарное искусство было менѣе развито.

Въ древнѣйшее время, впрочемъ, глина служила и для приготовленія болѣе крупныхъ разрисованныхъ статуй, и даже въ самомъ Римѣ древнѣйшее изображеніе капитолійскаго Юпитера было глиняное. Далѣе глину употребляли для фигуръ на фронтонахъ, для антефиксовъ, фронтатъ, т. е. переднихъ кирпичей, и другихъ храмовыхъ украшеній. Такъ напр., одно изображеніе двухъ паръ воловъ въ Веіи, сдѣланное изъ глины, служило акротеріемъ стариннаго Капитолійскаго храма; наконецъ еще позднѣе являются безчисленныя статуэтки, куколки, игрушки. Сюда присоединяется еще рядъ пепельницъ, т. е. ящиковъ для пепла, изъ глины, находимыхъ въ Кіузи, Перуджіи, Черветри, Корнето—часто съ блестяще-раскрашенными рельефами и фигурами на крышкахъ, порою реальными до отвратительности. Въ Кіузѣ найдены также урны въ видѣ бюстовъ изъ глины — это такъ наз. *канопи*.

Рѣдки раскрашенныя терракоты съ миѳологическими изображеніями или процессіями. Объ этруской живописи свидѣтельствуютъ около 70 до сихъ поръ открытыхъ разрисованныхъ могилъ, частью снова засыпавшихся или потерянныхъ и во всякомъ случаѣ представляющихъ лишь ничтожную долю дѣйствительно существовавшихъ; особенно много ихъ въ Корнето, въ Черветри, Вульчи, Орвіето, Кіузи, но есть и въ другихъ мѣстахъ. Живопись аль-фреско по бѣлому или желтоватому фону, рѣже на голой туфовой стѣнѣ. Контуры нацарапывались раньше раскрашиванія, краски были минеральныя, рѣдко водяныя. Употреблялись слѣдующія: черная, бѣлая, желтая, синяя, зеленая, красная, разсчитанныя на полусвѣтъ, черезъ посредство открытой двери могилы. Предметы и способъ выполненія часто указываютъ на подражаніе греческимъ образцамъ, а именно живописи на вазахъ; однако встрѣчаются и оригинальныя произведенія и сцены изъ обыденной жизни народа. Архаическая живопись обнаруживаетъ по преимуществу причудливо стилизированныя изображенія животныхъ. (Кампанскій гробъ въ Римѣ). Далѣе слѣдуетъ такъ наз., тосканская эпоха, самостоятельное дальнѣйшее развитіе архаической эпохи, не безъ вліянія вазъ съ черными фигурами (Корнето, Кіузи, Черветри): фигуры жестки, приплюснуты, всѣ въ профиль, худощавы, реалистичны; изображаются игры, какъ, напр., бѣга, кулачные бои, пляска съ оружіемъ, съ судьями, зрителями, выдачею наградъ, также предварительными упражненіями, далѣе танцы и музыкальныя представленія, пиры съ флейтщицами, виночерпіями, шутами, великанами, карликами, обезьянами, арлекинами, охота, рыбная ловля, кухонныя сцены и т. д. Ближайшая эллинская эпоха болѣе или менѣе удачно подражаетъ вазамъ съ красными фигурами и изображаетъ миѳологическія, а также бытовыя сцены, преисподнюю съ ея адскими муками, погребенія, могильныя жертвы, пиршества съ портретами и пышнымъ убранствомъ и т. п. Далѣе слѣдуетъ еще эпоха упадка, достигающая временъ римской имперіи, когда выполненіе снова становится грубымъ и небрежнымъ (Корнето, Бомарцо, разныя мѣстечки). Очень рѣдки раскрашенные саркофаги, каковы, напр., два съ изображеніемъ битвы амазонокъ во Флоренціи и въ Корнето: послѣдній изъ нихъ обезображенъ надписью, впослѣдстіи грубо насѣченною на живописи. Отдѣльно встрѣ-

чаемъ мы также другіе раскрашенные предметы, какъ, напр., алтари въ Корнето, острія и т. п.

Особеннымъ пристрастіемъ отличались этруски къ танцамъ, музыкѣ, зрѣлищамъ. Главнымъ музыкальнымъ инструментомъ у нихъ была вѣроятно вывезенная тирсенцами изъ Азіи флейта; звуки ея сопровождали всѣ домашнія работы, включая даже сѣченіе рабовъ. Однако, на ряду съ флейтистами (суплу, лат. субуло) изображаются также играющіе на цитрѣ. Изображаемые танцы—это по большей части танцы соло, причемъ чаще всего пляшутъ пестро - расфранченныя женщины, съ сильно вывороченными членами и пальцами, далеко не граціозныя.

Въ Вейи упоминаются пляшущіе жрецы въ родѣ римскихъ саліевъ. Туземныя драматическія представленія были нѣмою мимикою: они были ввезенны въ 393 г. въ Римъ изъ Этруріи Актеръ назывался гистеръ (лат. гистріо). Позднѣе давались также греческія комедіи и трагедіи, въ чемъ убѣждаютъ остатки сохранившихся театральныхъ сооруженій и частыя воспроизведенія драматическихъ сценъ на надгробныхъ урнахъ. Развилась-ли отсюда также и самостоятельная этруская драма, этого мы не знаемъ. Позднѣе упоминаемый этрускій поэтъ Вольніусъ писалъ по латыни.

Что вообще этруская поэзія существовала, это не подлежитъ никакому сомнѣнію: большая часть священныхъ книгъ писалась въ стихахъ. Итальянскій изслѣдователь Эліа Латтесъ пытался доказать, что вся вышеупомянутая, находящаяся на муміи, надпись состоитъ изъ древне-италійскихъ сатурнійскихъ стиховъ.

Прочныхъ созданій въ области культуры этруски не оставили. Быть можетъ они во многихъ отношеніяхъ повліяли на римлянъ, но едва-ли это вліяніе было благотворнымъ. Умственное развитіе Рима вскорѣ подпало вліянію гораздо болѣе могущественной эллинской культуры, которая ихъ подчинила, не бывъ ими никогда достаточно понята. Все великое, что было сдѣлано римлянами, произошло отъ латинской національности: языкъ, государственный бытъ, военное дѣло, право, искусство.

Римъ.

Составилъ проф. *В. Зольтау.*

ВВЕДЕНІЕ.

Поэты и прозаики, какъ древности, такъ и новаго времени, безъ устали прославляли величіе Рима и значеніе его вліянія на другіе народы. Римъ именуется царемъ городовъ, созданіемъ боговъ, великолѣпнѣйшимъ, несравненнымъ и т. п. Въ теченіи двухъ тысячелѣтій всѣ образованные люди старались побывать тамъ. Въ этомъ чувствѣ Горацій сходится съ Гете, набожный пилигримъ съ жаждущимъ знаній ученымъ и съ чуткимъ художникомъ.

Итакъ, навсегда одной изъ наиболѣе значительныхъ задачъ всякаго историческаго изслѣдованія будетъ выясненіе постепеннаго развитія города Рима, римскаго государства и его культурныхъ сокровищъ. Даже сравнительно незначительныя стороны развитія Рима часто поэтому заслуживаютъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія, такъ какъ являются зародышами, изъ которыхъ позднѣе развиваются вещи, имѣющія всемірно-историческое значеніе.

Изслѣдованіе состоянія римскаго государства имѣетъ сверхъ того еще и то особое значеніе, что ни одинъ народъ древности до такой степени не отражаетъ въ своемъ просвѣщеніи знанія и практики другихъ народовъ, можно сказать всего античнаго міра.

Подъ вліяніемъ чувства національнаго самомнѣнія, римляне очень часто утверждали, что послѣ боговъ они больше всего обязаны своей собственной силѣ, создавшей величіе ихъ государства. Изъ народовъ земного шара, по словамъ Плинія, римскій народъ безспорно болѣе всѣхъ отличается доблестью и мужествомъ. И это чувство у римлянъ—болѣе, чѣмъ

простое національное преувеличеніе; по твердости характера, истинному мужеству и энергіи, ни одинъ изъ народовъ древности не можетъ съ ними сравниться.

Иной приговоръ конечно придется произнесть историку если онъ займется исторіей происхожденія римской культуры. Ни одинъ народъ и ни одна культура не являются на свѣтъ въ готовомъ видѣ, ни одна нація не обязана всѣми сторонами своего развитія исключительно самой себѣ. Даже древніе римляне были достаточно справедливы для того, чтобы приписывать извѣстныя стороны своихъ государственныхъ религіозныхъ учрежденій, въ которыхъ они должны были признать превосходство грековъ, прежнему соприкосновенію своихъ предковъ съ греками, а именно своихъ царей и законодателей съ греческими мудрецами. Въ этомъ ихъ еще болѣе убѣдили ихъ позднѣйшіе ученые. Въ этомъ направленіи должны дѣйствовать также и позднѣйшіе ученые т. е. имъ всюду приходится искать слѣдовъ греческаго вліянія и затѣмъ уже выдѣлять самостоятельные римскіе элементы, а также то, чѣмъ Римъ обязанъ другимъ, не греческимъ вліяніямъ.

Культура Рима однако не можетъ быть предметомъ историческаго изслѣдованія, прежде чѣмъ мы не установимъ, какъ значительно было ея распространеніе въ различныя историческія времена.

Между малымъ земледѣльческимъ городомъ на палатинскомъ холмѣ и столицей Италіи въ эпоху первой пунической войны противоположность также велика, какъ и между этой послѣдней и позднѣйшей столицей императорской эпохи. Еще болѣе велика противоположность между народностями, находившимися подъ вліяніемъ Рима въ республиканскія времена и странами, подпавшими подъ власть Рима во время императорской эпохи.

Прежде всего объ исторіи Рима не можетъ быть рѣчи до тѣхъ поръ, пока не существовало римскаго государства, т. е. пока Римъ былъ лишь маленкимъ провинціальнымъ городомъ латинянъ. Въ ту эпоху понятіе о римской культурѣ цѣликомъ умѣщалось въ понятіи исторіи развитія италійцевъ. Даже когда Римъ сталъ государственнымъ городомъ, какъ главный городъ маленькой территоріи, и сталъ во главѣ всего Лаціума (509--338 до Р. X.) его вліяніе на историческое развитіе древняго міра было все еще чрезвычайно малымъ и лишь по стольку могло бы оправдать постановку самостоятельной исторіи культуры, по скольку къ тому времени от-

носится происхожденіе различныхъ учрежденій, впослѣдствіи ставшихъ влiятельными или заслужившими удивленіе. Лишь съ тѣхъ поръ какъ Римъ, этотъ передовой постъ Лаціума, одержалъ верхъ надъ всѣми остальными городами и народностями Италіи, своеобразная исторія государственнаго и культурнаго развитія Лаціума становится предметомъ, привлекательнымъ для историка культуры.

Новая эпоха начинается послѣ второй пунической войны. Римъ становится во главѣ значительныхъ иноземныхъ провинцій. Въ теченіи двухъ поколѣній онъ подчиняетъ себѣ почти всѣ земли, окружающія Средиземное море. Такимъ образомъ жизнь римскаго народа все болѣе и болѣе соединялась съ жизнью средиземноморскихъ странъ во всей ихъ совокупности. Вскорѣ отношенія зависимыхъ провинцій стали отражаться на положеніи господствующаго народа. Въ особенности же опредѣляющій характеръ имѣло вліяніе Греціи. Оно подѣйствовало плодотворно въ томъ смыслѣ, что содѣйствовало переходу Рима къ высшей стадіи культуры.

Со вступленіемъ Рима въ область эллинскаго вліянія, исторія римскаго народа пріобрѣтаетъ всемірно-историческій интересъ, Римъ теперь самъ берется руководить тѣмъ, что казалось достойнымъ стремленія всего тогдашняго цивилизованнаго міра. Его поэты оспариваютъ пальму первенства у греческихъ. Его историки и ораторы имѣютъ притязаніе, которое оправдываютъ по крайней мѣрѣ съ формальной стороны, на то, чтобы быть поставленными на одномъ уровнѣ съ греческими. Римскіе архитекторы и художники, если и не могли достичь глубины и оригинальности своихъ греческихъ образчиковъ, то по крайней мѣрѣ пытались сравниться съ ними по техникѣ выполненія, а порою и превзойти ихъ величественностью.

Объектъ римской исторіи культуры такимъ образомъ совершенно измѣняется по сравненію съ тѣмъ, что было этимъ объектомъ въ прошлые вѣка.

Здѣсь снова передъ нами ставится задача, состоящая въ изображеніи римской культуры въ императорскій періодъ. На этотъ разъ требуютъ освѣщенія уже не особенности италійцевъ и въ частности римлянъ, но тѣ своеобразныя формы, которыя получаются изъ соединенія различныхъ народностей, жившихъ вокругъ Средиземнаго моря. Важнѣе, нежели культурное состояніе самаго Рима, на этотъ разъ состояніе призванныхъ подъ руководствомъ Рима къ новой жизни провинцій. Изъ провинцій притекаетъ къ господствующему народу особенно многое въ области религіи. Что напр., сказать о мистическихъ элементахъ религій Востока и о чистомъ монотеизмѣ іудейства и христіанства? Не только идеи греческой философіи, но и іудейско-александрійская мудрость, породившая христіанскій гностицизмъ, имѣетъ значеніе для христіанской умственной жизни Рима. Такимъ образомъ не культура одного какого либо народа, или одной семьи народовъ, но культура всего античнаго міра является предметомъ изслѣдованія. Въ скоромъ времени мы находимъ, что провинціалы оказываютъ не только значительное вліяніе на представленія, нравы и занятія римлянъ, но и принимаютъ видное участіе во всей культурной жизни тогдашняго Рима. Знаменитѣйшими римскими писателями въ первые вѣка христіанства оказываются провинціалы; крупнѣйшіе изъ отцовъ церкви, писавшихъ по латыни, были того же происхожденія.

Къ концу древней исторіи наконецъ развивается, при паденіи политической центральной власти, разнообразіе провинцій, пробужденныхъ къ самостоятельной жизни, что въ сущности равносильно съ разложеніемъ римской культуры. На мѣсто римскихъ началъ является романизмъ. Жизнь, своеобразно развивающаяся въ каждой части государства, всюду подъ вліяніемъ, господствовавшей прежде въ Римѣ, античной культуры, теперь рѣзче вырабатываетъ свойственныя каждому отдѣльному племени особенности и передаетъ добытую такимъ образомъ культуру надвигающимся германскимъ племенамъ.

Отсюда вытекаетъ подраздѣленіе главныхъ эпохъ культурной исторіи Рима. Онѣ характеризуются тѣмъ или инымъ положеніемъ, занимаемымъ Римомъ по отношенію къ провинціямъ и главнымъ образомъ по отношенію къ другимъ средиземно-морскимъ странамъ.

Доисторическая эпоха.

Италійцы и ихъ культура.

Кто желаетъ пріобрѣсти свѣдѣнія объ италійцахъ и ихъ культурѣ, о судьбахъ и скитаніяхъ разныхъ италійскихъ племенъ, тотъ никогда не долженъ забывать о томъ, что при нынѣшнемъ состояніи фактическихъ свѣдѣній, находящихся

въ нашемъ распоряженіи, отвѣтъ на подобные вопросы часто долженъ оказаться неудовлетворительнымъ. Древнѣйшіе римскіе лѣтописцы писали лишь въ третьемъ столѣтіи до Р. Х. и лишь отрывочныя показанія греческихъ писателей даютъ намъ свѣдѣнія объ отдаленнѣйшихъ эпохахъ въ исторіи Аппенинскаго полуострова, лишь позднѣе получившаго общее названіе Италіи.

Тѣмъ болѣе умѣстно призвать на помощь другіе отдѣлы науки, а именно сравнительное языкознаніе. Антропологическія изслѣдованія не обнаруживаютъ ни какихъ существенныхъ различій между италійцами, да и едва ли, при ихъ помощи, было бы возможно подраздѣлить различныя италійскія племена и вообще племена Апеннинскаго полуострова на рѣзкія группы. Наоборотъ, различія языка, религіи, нравовъ, таковы, что требуютъ болѣе рѣзкаго подраздѣленія племенъ.

Къ совершенно своеобразной семьѣ народовъ, быть можетъ, однако, все же къ числу индо-европейцевъ принадлежали лигуры, народъ нѣкогда жившій въ области, заключенной между Пиринеями и долиною По. Подобно имъ и разсмотрѣнное уже нами этруское племя занимаетъ особое положеніе, по сравненію съ прочими италійцами. Въ то время, какъ многіе оспариваютъ даже индоевропейское происхожденіе этрусковъ, теперь, особенно послѣ открытія Турши и этрускихъ письменъ на египетскихъ памятникахъ, 14 вѣка до Р. Х., должно согласиться съ тѣмъ, что уже во второмъ тысячелѣтіи до Р. Х. этруски были самымъ значительнымъ, какъ въ политическомъ, такъ и въ національномъ отношеніи, народомъ, по сравненію съ другими народами Италіи. Едва ли возможно оспаривать также и то обстоятельство, что они, подвигаясь съ сѣвера, быть можетъ изъ Ретіи (вѣдь они сами себя называли разенцами), въ теченіи долгаго времени имѣли городскія поселенія въ долинѣ По. Слѣдуетъ принять во вниманіе, что ихъ культура гораздо болѣе древняго происхожденія, нежели культура прочихъ италійскихъ народностей.

Они были первыми учителями римлянъ, сабинянъ, умбрійцевъ и тѣхъ народностей Нижней Италіи, которыхъ временно покоряли въ своихъ походахъ. Таковы были напр., древніе жители Кампаніи; фалиски, жившіе подлѣ Фалерій, неподалеку отъ средняго теченія Тибра, были навѣрное

латинскаго происхожденія, но навѣрное были покорены тусками и подчинились ихъ вліянію.

Всѣ прочія народности Италіи принадлежали къ одной и той же большой вѣтви индогерманской расы. Особое положеніе среди нихъ занимали все же иллиры. Уже въ сравнительно-давнія времена они заняли устье По подъ именемъ венетовъ. Одинаковаго съ ними происхожденія, какъ показываютъ надписи, были япиги, впослѣдствіи жившіе въ Апуліи и въ Калабріи. Но значительно раньше вдоль западнаго берега и въ Сициліи поселились сикулы или, какъ ихъ называли въ южной Италіи, энотры, вмѣстѣ съ родственными имъ авзоніями. Обѣ послѣднія народности, жившія въ южной Италіи, какъ извѣстно рано вступаютъ въ сношенія съ Греціей и съ греческими колоніями и большею частью усваиваютъ греческій языкъ.

Среди этихъ различныхъ народностей на сѣверѣ и на южномъ морскомъ берегу вдвигаются теперь толпы италійцевъ въ узкомъ смыслѣ слова, подраздѣленныя на три главныя народности: умбровъ, сабелловъ и латинянъ. Двѣ первыхъ иногда соединяются также подъ общимъ именемъ умбро-сабельскаго племени.

Къ востоку отъ верхняго теченія Тибра жили въ апеннинскихъ долинахъ умбры. Остатки ихъ языка показываютъ, что, несмотря на многія черты сходства, онъ представлялъ и отличія отъ осккаго языка, т. е. отъ языка сабельскихъ народовъ. Азбуку они заимствовали отъ этрусковъ, да и вообще повидимому находились подъ значительнымъ вліяніемъ этрусковъ, чему еще благопріятствовало то обстоятельство, что умбры частью поселились въ области, которую прежде занимали этруски, частью сами этруски, подвигаясь впередъ, соорудили крѣпостцы на умбрійской почвѣ. Ослабленные этой борьбою, умбрійцы позднѣе предпочли примкнуть къ Риму; пріемъ ихъ и сліяне съ римскимъ государствомъ не заставили себя долго ждать.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи были сабеллы. Этимъ именемъ обозначаются всѣ племена средней Италіи, жившія къ югу отъ умбровъ въ долинахъ Апеннинъ, къ востоку достигая моря,—къ западу, исключая вольсковъ, ограничиваясь горными мѣстностями.

Какъ бы ни были близки между собою эти народности по языку, нравамъ и обычаямъ, во всякомъ случаѣ онѣ распадались на множество политически независимыхъ между со-

бою народностей. Среднія Апеннины, съ ихъ многочисленными продольными долинами и постепенно къ востоку понижающимися горными цѣпями, благопріятствовали изолированію позднѣе самостоятельныхъ мѣстностей. Отдѣльныя части этого племени отдѣлились, быть можетъ, сначала постепенно отъ коренной страны, Сабины—судя по преданію, подъ напоромъ умбровъ, и дали обѣтъ „священной весны". Они поклялись, что всѣхъ родившихся въ томъ году мальчиковъ, по достиженіи ими зрѣлости, пошлютъ черезъ границу, дабы боги по желанію приготовили имъ либо новое отечество, либо погибель. Такимъ образомъ многочисленныя толпы сабинянъ мало-по-малу оставили свою родину и двинулись, жаждая завоеваній; преданіе гласитъ, что самъ Марсъ взялъ на себя предводительство переселенцами. Одна изъ этихъ толпъ проникла въ новую сабинскую страну Самніумъ. (Греки, замѣтимъ кстати, называли самнитовъ—савнитами, что приводитъ къ имени сабиняне). Другія толпы, по преданію, явились въ свою новую страну подъ предводительствомъ священныхъ животныхъ. (Это есть указаніе на тотемизмъ. Ред.). Дятелъ (пикусъ) повелъ *пиценцевъ* въ мѣстность къ югу отъ Анконы; козелъ (гирпусъ или гиркусъ) повелъ *гирпинцевъ* къ Беневенту. По имени быка были названы бовіанцы съ главнымъ городомъ Бовіанумомъ, въ сѣверномъ Самніумѣ. Имя самаго сѣвернаго изъ сабинскихъ племенъ—марсы непосредственно производится отъ имени бога Марса.

Важнѣйшія изъ остальныхъ сабельскихъ племенъ это вестины, пелигны, претуттіи и многіе др. Къ сабельцамъ принадлежали также многія мелкія народности, жившія вокругъ Лаціума и частью въ теченіе многихъ сотенъ лѣтъ враждовавшія съ римлянами, каковы эквы, герники, вольски. Эквы граничили съ Сабиной; ихъ область начиналась подлѣ горы Альгидуса и почти достигала латинскаго Тускулума; къ югу отъ нихъ жили наиболѣе союзные Риму герникійцы, тогда какъ отсюда и до моря, въ рѣчной области Лириса, жило воинственное племя вольсковъ, покореніе котораго стоило римлянамъ столько крови и времени. Быть можетъ, впрочемъ, это племя стоитъ ближе къ умбрамъ, нежели къ сабинямъ, и во всякомъ случаѣ оно осталось внѣ племенной связи съ сабинянами. Поникнувшіе въ долину Лириса, самниты были настолько же опасны для независимости этого племени, какъ

и римляне, покорившіе ихъ лишь впослѣдствіи, послѣ упорной борьбы, въ эпоху самнитскихъ войнъ.

На плоской мѣстности (быть можетъ таково значеніе слова Лаціумъ), къ западу отъ сабинянъ и эквовъ, поселились латины, несмотря на первобытную племенную общность рѣзко отдѣлившіеся отъ латиновъ по языку, религіи и нравамъ. Собственный Лаціумъ, протянувшійся приблизительно на сто километровъ вдоль берега, имѣлъ ничтожно-малую поверхность, но при этомъ еще слѣдуетъ принять во вниманіе, что отдѣльные чуждые элементы, какъ, напр., рутулы изъ Ардеи, сабинцы изъ Анко и т. д., занимали часть латинской почвы. Въ теченіе долгаго времени, обладаніе Лаціумомъ пришлось оспаривать у все болѣе напиравшихъ на югѣ вольсковъ.

Спрашивается, на какой же степени культуры находились индоевропейскія народности Италіи прежде, чѣмъ онѣ проникли съ сѣвера на полуостровъ.

Удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ слова, корни которыхъ одинаковы въ различнѣйшихъ индоевропейскихъ языкахъ. Мы находимъ не только общія формы для обозначенія разнообразнѣйшихъ воспріятій и дѣятельностей, но и одинаковыя названія для различнѣйшихъ домашнихъ животныхъ, каковы волъ, быкъ, свинья, овца, лошадь, собака, гусь. Италійцы, такимъ образомъ, еще до своего отдѣленія отъ прочихъ индоевропейцевъ, минули низшія ступени охотничьей и рыболовной жизни. Наоборотъ, малое сходство названій, относящихся къ предметамъ земледѣлія, указываетъ на то, что регулярное занятіе земледѣліемъ было еще неизвѣстно этому первобытному народу, т. е. земледѣліе находилось еще въ зародышѣ. Однако мы находимъ въ индогерманскихъ языкахъ уже родственныя названія для построенія хижинъ и для употребленія телѣгъ, одежды, видимъ также знакомство съ употребленіемъ и обработкой благородныхъ металловъ и мѣди.

Еще высшую степень культуры должны были занимать, судя по сравненію италійскихъ корней съ греческими, оба эти семейства племенъ, прежде чѣмъ они отдѣлились другъ отъ друга. Еще до отдѣленія италійцевъ отъ грековъ, земледѣліе было хорошо развито. Для плуга, паханья, огорода, ячменя, проса, свеклы, вина, мы находимъ у всѣхъ этихъ народовъ родственныя названія; для сортовъ зерноваго хлѣба, для способа приготовленія зерна, для формы плуга, родство

древнеаттическихъ и древнеримскихъ памятниковъ несомнѣнно. Стало быть переходъ отъ древней пастушеской стадіи къ землѣдельческой предшествовалъ прекращенію общности между италійцами и греками.

Весьма древня у италійцевъ основа ихъ религіознаго быта. Іовисъ-патеръ, Діэспитеръ, это Діауспитаръ Ведъ; Уранъ грековъ есть индійскій Варунасъ. Мысль, что небо есть отецъ всего, а земля мать, есть древнее общее достояніе индусовъ, грековъ и римлянъ.

Въ другихъ случаяхъ также и въ этой области обнаруживается болѣе тѣсное родство спеціально между греками и италійцами. Богиня домашняго очага и домашняго мира Гестія-Веста обща грекамъ и италійцамъ, и тоже слѣдуетъ сказать объ способѣ огражденія мѣстъ для храмовъ и для наблюденія знаменій, а также о способѣ опредѣленія времени для жертвоприношеніи по движенію луны.

Однако въ религіозной области позднѣйшая общность италійцевъ имѣла гораздо большее значеніе, нежели періодъ грекоиталійской общности.

По этой причинѣ становится вѣроятнымъ, что отдѣленіе грековъ отъ италійцевъ относится къ сравнительно весьма раннему времени, по малой мѣрѣ къ третьему тысячелѣтію до Р. Х. Продолжительное отдѣленіе произвело взаимное тчужденіе грековъ и италійцевъ, на это указываютъ также ногочисленныя и противоположности между характеромъ, равами, художественными наклонностями и религіозными редставленіями обѣихъ народностей.

У грековъ господствовалъ широко-развитый индивидуализмъ. Ни отъ рода, ни отъ государства эллинъ не зависѣлъ въ такой степени, какъ римлянъ, не допускавшій вообще никакого существованія внѣ рода и никакой безопасности внѣ государства.

У грековъ женщина, какъ жена, является лишь служанкой мужа, у римлянъ она его равноправная помощница. У грековъ съ другой стороны не существовало никакой прочной семейной связи, обезпеченной правовыми учрежденіями, строгой отцовской властью надъ дѣтьми, женой и слугами. У римлянъ все это было весьма развито. Греки отличались богатымъ разнообразіемъ въ развитіи искусства и разработанной, изукрашенной миѳологіей. Они обнаруживали живое стремленіе къ участію въ политическихъ и соціальныхъ предпріятіяхъ и ставили на первомъ планѣ личность. Италійцы обладали по преимуществу здравымъ практическимъ направленіемъ, добивались непосредственно полезнаго. Фантастическія представленія о божествахъ, дѣйствующихъ во всѣхъ силахъ природы, на подобіе человѣческой дѣятельности, италійцамъ совершенно неизвѣстны. Эти послѣдніе избѣгали со священнымъ трепетомъ антропоморфизировать божественное.

Ихъ боги и богини не вступаютъ между собою въ браки. Тѣмъ не менѣе это вполнѣ живыя фигуры. При всѣхъ событіяхъ обыденной жизни божество находится по близости, и человѣческое имѣетъ свое отраженіе въ божественномъ. Существуетъ богъ семьи, богъ вѣрности, богъ, надзирающій за цѣлостью границъ полей и за цѣлостью жатвы. Но всюду эти представленія остаются въ области абстракціи, избѣгая чувственнаго. Въ теченіи многихъ вѣковъ римляне почитали божества безъ всякихъ изображеній ихъ. Грекъ представлялъ себѣ все конкретно и наглядно, римляне пытались формулировать сверхчувственное въ абстрактныхъ формахъ и въ рѣзко отдѣленныхъ между собою рядахъ понятій. Ни одинъ народъ на свѣтѣ не создалъ на основаніи своихъ религіозныхъ представленій такого богатства легендъ, полныхъ роскошныхъ описаній разнообразныхъ отношеній между людьми и богами, какъ греки. Италійцы представляютъ совсѣмъ обратное: они утратили даже общее индоевропейское достояніе. Настоящій миѳъ имъ чуждъ и слѣдовъ его невозможно искать во всевожныхъ сказкахъ жрецовъ и позднѣйшихъ литературныхъ произведеніяхъ. Зато для римлянъ религія всегда оставалась чѣмъ-то таинственнымъ и духовнымъ, силою, дѣйствительно соединявшею ихъ съ божественнымъ и приподнимавшей до небесъ.

Нѣчто вродѣ документальной противоположности между греками и римлянами мы находимъ въ различіи ихъ личныхъ именъ. У грековъ эти имена всегда содержательны, часто поэтичны или фантастичны. Иное у италійцевъ и спеціально у римлянъ: лишь немногія имена ихъ основаны на чисто внѣшнихъ признакахъ: Маіусъ значитъ ранній, т. е. утромъ рожденный, Люціусъ—рожденный днемъ, Квинтусъ рожденный 5-го числа, Децимусъ 10-то. Важнѣе семейное имя, обезпечивающее за каждымъ принадлежность къ его роду и связанныя съ этимъ права. Сюда въ третьихъ присоединяется мѣсто рожденія, *триба*, а позднѣе, въ большихъ родахъ, также и особая вѣтвь. Все это приноровлено къ правамъ

и къ гражданскому порядку и далеко не сходно съ греческимъ разнообразіемъ. Итакъ оба эти наиболѣе одаренныя индоевропейскія племени, жившія нераздѣльно втеченіе многихъ столѣтій, при своемъ вступленіи на историческое поприще обнаруживаютъ величайшія противоположности. Лишь позднѣйшее соприкосновеніе обѣихъ національностей привело къ ихъ новому сближенію и этимъ дало значительный толчокъ развитію италійцевъ.

Но на какой ступени развитія находились италійцы, когда они пришли на Апеннинскій полуостровъ съ сѣвера? Былъ ли ихъ образъ жизни отличенъ отъ того, который вели ихъ ближайшіе индоевропейскіе сосѣди, кельты и германцы?

По показанію Полибія и его современника, Катона Старшаго, около 170 до Р. Х., кельты, жившіе въ долинѣ По, еще за нѣсколько поколѣній до того жили исключительно въ деревняхъ. Земледѣліе отступало у нихъ на второй планъ по сравненію съ скотоводствомъ. Еще болѣе извѣстно, что германцы питали отвращеніе отъ сосредоточенія жизни въ городахъ.

По словамъ Тацита, они еще въ первомъ столѣтіи послѣ Рождества Христова селились преимущественно въ лѣсныхъ просѣкахъ у ручьевъ и въ селахъ; еще въ четвертомъ столѣтіи Амміанъ Марцеллинъ утверждалъ, что германцы избѣгали городовъ, населенныхъ кельтами и при своихъ завоеваніяхъ поселялись въ деревняхъ. Можно-ли сказать иное объ италійцахъ, которые, при своемъ поселеніи на полуостровѣ, во всякомъ случаѣ находились не на болѣе высокомъ уровнѣ культуры?

Дѣйствительно, о значительной части подвигавшихся на югъ италійцевъ слѣдуетъ сказать то же самое. Умбрійско-сабельское племя было вынуждено къ поселенію въ селахъ и маленькими округами, уже по причинѣ природы тѣхъ мѣстностей, куда оно проникло. Такимъ образомъ городская жизнь развилась у всѣхъ этихъ сабельскихъ племенъ лишь въ ничтожной степени. У племени самнитовъ, которые впослѣдствіи отличалось прочнымъ государственнымъ строемъ и устойчивостью въ политической организаціи, города также не имѣли большого значенія и во всякомъ случаѣ этимъ племенамъ не доставало крупнаго городскаго центра, который могъ бы руководствовать страною, подобно тому какъ Римъ руководилъ

Лаціумомъ. Вся сила народа заключалась здѣсь въ отдѣльныхъ селахъ и въ крестьянскихъ общинахъ.

Иное мы видимъ у тѣхъ италійцевъ, которые поселились на юго-западѣ и на востокѣ вдоль морскаго берега. Когда они прибыли въ долины рѣки По, то успѣли уже оставить обычай жить въ незащищенныхъ деревняхъ и поселкахъ. Тамошнія свайныя постройки, такъ называемыя терремары, обнаруживаютъ, что ихъ поселенія уже всюду были окружены валомъ и рвомъ и заложены по строгому плану, какъ позднѣйшія городскія поселенія въ Лаціумѣ или въ Апуліи. Ихъ сооружали въ видѣ прямоугольниковъ расположенныхъ по странамъ свѣта. Происхожденіе италійскихъ городовъ такимъ образомъ относится еще къ тому времени, когда впослѣдствіи разъединившіяся племена италійцевъ образовали еще одинъ народъ. Въ позднѣйшихъ поселеніяхъ въ долинѣ По, мы находимъ многочисленные слѣды осѣдлости и тѣснаго совмѣстнаго сожительства тамошнихъ поселенцевъ. Какъ показываютъ находки, въ терремарахъ уже въ то время существовало винодѣліе и садоводство. На подобныхъ стадіяхъ культуры понятна также заботливость объ удержаніи однажды укрѣпленныхъ поселеній. Достигнутая въ то время стадія культуры весьма далеко отстоитъ отъ первобытнаго періода охотничьихъ и пастушескихъ народовъ.

Многія причины побудили италійскія племена удержать и впослѣдствіи, при поселеніи въ Лаціумѣ, Кампаніи и Апуліи, городской образъ жизни. Прежде всего здѣсь играла роль необходимость обезопасить себя отъ звѣрей и людей. Волкъ играетъ въ древнихъ преданіяхъ слишкомъ значительную роль, для того чтобы не понять, что онъ былъ опасенъ для скота. Для того чтобы уберечь себя, особенно въ долинахъ, отъ этого хищника, поневолѣ приходилось жить въ хорошо защищенныхъ поселеніяхъ. Подобно тому какъ родственные латинамъ и италійцамъ юго-востока сикулы жили въ своихъ земледѣльческихъ городахъ, частью на весьма мало доступныхъ горныхъ вершинахъ, также точно и древнѣйшіе города италійцевъ были расположены на Альбанскихъ горахъ и ихъ отрогахъ, идущихъ до самаго Тибра. Альба, Тускулумъ, Тибуръ, Прэнесте и многочисленные другіе города на возвышенныхъ позиціяхъ, съ самого начала являются не только естественными крѣпостями на латинской низменности, но также и исходными точками латинскаго поселенія,

совершенно такимъ же образомъ, какъ и древнія горныя укрѣпленія Эллады. Такъ напримѣръ Аѳины, Коринѳъ, Микены уже въ самомъ началѣ представляли не простыя крѣпости, а многолюдныя поселенія.

Древнѣйшія городскія общины италійцевъ почти всѣ были расположены на этихъ высотахъ. Тотъ же самый Римъ представлялъ ничто иное, какъ такой малый городъ, сооруженный на Палатинскомъ холмѣ подлѣ Тибра. Впослѣдствіи этотъ городъ былъ соединенъ съ другимъ подобнымъ же городскимъ поселеніемъ, расположеннымъ на холмахъ Квиринала. Здѣсь прежде всего гигіеническое состояніе Кампаніи заставило латинскихъ поселенцевъ жить на высотахъ, такъ какъ было необходимо избѣжать болотной лихорадки. Торговые интересы наоборотъ играли еще ничтожную роль. Въ древности рѣка Тибръ была богаче водой, нежели теперь и дозволяла плаваніе даже довольно большимъ кораблямъ до самаго Рима. Несомнѣнно, что впослѣдствіи, при болѣе развитыхъ торговыхъ сношеніяхъ, такое расположеніе Рима, въ свою очередь, много способствовало поднятію значенія этого города. Однако древній Римъ навѣрно также мало былъ торговымъ городомъ, какъ и прочіе латинскіе города: и дѣйствительно, въ первые три вѣка своего существованія, Римъ обходился также безъ всякой монеты.

Съ того времени когда въ Лаціумѣ существовали латинскія поселенія, они рѣзко замкнулись отъ чуждыхъ имъ по племени и враждебныхъ этрусковъ. Рѣка Тибръ образовала границу: страна по ту сторону рѣки считалась заграницей. Съ другой стороны, всѣ вообще латины не только сознавали общность племени и языка, но и образовали тѣсный союзъ изъ тридцати городовъ Лаціума. Подобный союзъ, по тогдашнему обычаю, имѣлъ священный характеръ. Городъ Альба былъ передовымъ постомъ союза и на мѣстѣ этого, еще вначалѣ римской эпохи разрушеннаго города, до самыхъ позднѣйшихъ временъ ежегодно сходились представители тридцати общинъ для совмѣстныхъ жертвоприношеній и для обсужденія союзныхъ дѣлъ. Само собой разумѣется, что отсюда развилось извѣстное руководительство союзомъ, причемъ сначала господствующая роль принадлежала Альбѣ, а впослѣдствіи Риму. Вмѣстѣ съ тѣмъ явилась и нѣкоторая общность личныхъ и вещныхъ правъ. Наоборотъ, ни одинъ не-латинскій городъ никогда не принималъ участія въ этомъ союзѣ.

Въ государственномъ устройствѣ снова отражается племенное родство и равенство. Во главѣ городовъ стоятъ цари; знатныя фамиліи имѣютъ своихъ представителей въ совѣтѣ, который, вмѣстѣ съ царями, руководитъ государствомъ. Народъ всюду раздѣленъ на десять курій по десяти жертвеннымъ домамъ и во всѣхъ важныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, когда рѣчь идетъ объ измѣненіи законовъ или объ объявленіи войны, эти куріи созываются для совѣщанія.

Латинское племя занималось, по преимуществу, земледѣліемъ. Даже въ древнѣйшія времена, относительно которыхъ мы только имѣемъ свѣдѣнія, общинное владѣніе землею уже не встрѣчается. Каждый отдѣльный гражданинъ, на ряду съ пользованіемъ общинною землею или же общиннымъ пастбищемъ, обладаетъ также опредѣленнымъ личнымъ участкомъ садовой или пахатной земли. Искусство тканья и кожевенное производство, ковка желѣза и вообще обработка металловъ были уже значительно распространены.

Необходимо еще вкратцѣ обсудить вопросъ, въ какой степени латинское племя въ этой области, какъ и вообще въ начаткахъ своей культуры, было обязано другимъ народамъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ прольетъ свѣтъ и на то обстоятельство, слѣдуетъ-ли думать, что города и государства иноземныхъ народовъ повліяли на латиновъ и вообще на италійцевъ.

Менѣе всего замѣтно у латиновъ соприкосновеніе съ сабельскими народностями: эти послѣднія были связаны съ этрусками уже тѣмъ, что усвоили ихъ письмена, а также были соединены съ ними торговыми сношеніями и само собою разумѣется, что чѣмъ болѣе этруски или *туски* одерживали верхъ надъ умбрійцами и сабельцами въ политическомъ отношеніи, тѣмъ значительнѣе становилось и ихъ культурное вліяніе. Лишь нѣкоторыя религіозныя представленія и почитаніе многихъ божествъ было заимствовано римлянами изъ сабинскаго культа.

Болѣе значительнымъ кажется на первый взглядъ культурное вліяніе этрусковъ. Искусство авгуровъ, то есть ученіе, какимъ образомъ узнавать волю божества по полету птицъ и по направленію молніи, правда образуетъ общую основу всѣхъ италійскихъ религіозныхъ вѣрованій, однако при дальнѣйшемъ развитіи этого искусства у римлянъ многое, по всей вѣроятности, было заимствовано отъ суевѣрнаго этрускаго народа. То же слѣдуетъ сказать о такъ называе-

мой лимитаціи, то есть искуссномъ измѣреніи и разграниченіи пахатныхъ земель. Здѣсь, однако, слѣдуетъ постоянно принимать во вниманіе, что римляне къ концу царской эпохи находились подъ властью царей этрускаго происхожденіи и что въ то время этрусская культура во всякомъ случаѣ стояла выше римско-латинской. Въ особенности въ строительномъ искусствѣ и въ различныхъ ремеслахъ многія культурныя пріобрѣтенія этрусковъ получили право гражданства также въ Римѣ.

Иное слѣдуетъ сказать о до-историческомъ времени. Здѣсь стоитъ присмотрѣться къ системѣ мѣръ и вѣсовъ, господствовавшей въ Лаціумѣ, къ письменамъ, а также къ лѣтосчисленію и вообще къ счисленію времени, чтобы убѣдиться въ существованіи прежнихъ сношеній между Лаціумомъ и сицилійскими греками. Греческое вліяніе на италійцевъ было вообще весьма разнообразно.

Этруски, находившіеся въ состояніи вѣчной вражды съ южно-италійскими и сикеліотскими эллинами, на сколько они вообще примыкали къ чужимъ образцамъ, подражали городамъ собственной Греціи. Этрускіе города чеканили монету по аттическому образцу, этруская азбука, правда, какъ и латинская происходитъ отъ греческой, но была введена инымъ образомъ.

Наоборотъ, латинская азбука, со всѣми ея своеобразными особенностями указываютъ на сицилійское происхожденіе и такимъ образомъ доставляетъ документальное доказательство существованія прежнихъ отношеній между Лаціумомъ и сицилійскими греческими колоніями. Впрочемъ только и можно объяснить оживленными сношеніями съ сицилійскими или съ южно-итальянскими греческими городами то обстоятельство, что въ Лаціумѣ весьма рано установился годъ, называемый годомъ Ромула, а въ сущности представляющій солнечный годъ Гезіода съ его подраздѣленіями. Гезіодъ въ своей поэмѣ „Труды и Дни" установилъ главныя подраздѣленія солнечнаго года, необходимыя для сельскаго хозяйства и мореплаванія. Тѣ же самые десять отдѣловъ мы находимъ въ древнихъ календаряхъ многихъ латинскихъ городовъ. Такимъ образомъ счисленіе по солнечнымъ годамъ достигло римлянъ не изъ Египта; оно введено у нихъ впервые не Юліемъ Цезаремъ, но образовало основу ихъ практическихъ знаній съ весьма древней эпохи. По солнечнымъ годамъ они регулировали и свой оффиціальный — правда весьма не совершенный календарь, основанный на лунно-солнечномъ годѣ въ 355 дней.

Когда идетъ рѣчь о культурѣ древнихъ латиновъ, то южно-италійскіе греческіе города играютъ ничтожную роль. Иное слѣдуетъ сказать о концѣ древняго царскаго періода. Тогда римскіе властители вступаютъ въ союзъ съ тираннами города Кумъ у Неаполитанскаго залива, а нѣсколько позднѣе въ Римѣ мы уже видимъ оракулъ кумской Сивиллы.

Съ другой стороны Римъ и въ то время не имѣлъ еще никакихъ сношеній съ земледѣльческими ахейскими колоніями Великой Греціи, какъ напримѣръ съ Кротономъ, Метапонтомъ, Сибарисомъ. Правда тарентинскіе купцы вскорѣ стали плавать кругомъ итальянскаго западнаго берега, но объ оживленныхъ сношеніяхъ между Римомъ и Тарентомъ не можетъ быть еще рѣчи. Болѣе многостороннимъ осталось вліяніе, испытанное Римомъ отъ греческихъ городовъ западнаго берега, въ особенности отъ Пестума и отъ тѣхъ же Кумъ. Оба эти города изъ всѣхъ болѣе значительныхъ эллинскихъ колоній Италіи находились всего ближе къ Риму. Они образовали связующее звено между Римомъ, отдаленнѣйшими мѣстами Великой Греціи и еще болѣе далекой Эллады.

Начало Рима.

Ни одному изъ многочисленныхъ италійскихъ племенъ не предстояла болѣе блестящая будущность, нежели племени латиновъ и именно тому изъ латинскихъ племенъ, которое основало Римъ съ его міровой тысячелѣтней исторіей. Тѣмъ ревностнѣе пытались историки приподнять сказочную завѣсу, все еще покрывающую начало всемірнаго города. Всѣ эти попытки однако имѣли одно лишь чисто-отрицательное отношеніе, а именно доказали не-историчность, даже ничтожество древнихъ сказаній. Баснословные разсказы о бѣгствѣ и скитаніяхъ Энея, а также о его окончательномъ поселеніи въ Лаціумѣ, объ основаніи его сыномъ Альбы Лонги, многовѣковое правленіе его родственниковъ Сильвіевъ, да и самый разсказъ о братьяхъ близнецахъ, Ромулѣ и Ремѣ, обязано своимъ происхожденіемъ позднѣйшему составленію миѳовъ и ученый премудрости, своей популярностью — поэтическимъ произведеніямъ Эннія и Вергилія, и конечно этимъ баснямъ

нельзя вѣрить только потому, что происхожденіе ихъ можно прослѣдить даже далѣе третьяго вѣка до Рождества Христова.

Также мало заслуживаютъ довѣрія нѣкоторыя новѣйшія представленія, какъ будто бы Римъ обязанъ своимъ величіемъ совмѣстной дѣятельности многихъ весьма разнообразныхъ племенъ. Этруски, сабиняне, а тѣмъ болѣе сикулы и лигурійцы не могли принять какого-либо участія въ дѣлѣ основанія Рима. Въ этомъ прежде всего убѣждаетъ самъ латинскій языкъ, не представляющій никакого слѣда смѣшенія племенъ.

Съ другой стороны не трудно убѣдиться, что Римъ дѣйствительно произошелъ посредствомъ соединенія двухъ болѣе мелкихъ поселеній. Годъ основанія Рима въ сущности неизвѣстенъ, хотя оффиціально и принятъ 753 г. до Рождества Христова. За то несомнѣнно, что городъ составился изъ двухъ частей: жители Палатинскаго холма, окружившіе свой городъ такъ называемой стѣною Ромула и жители холмовъ къ востоку отъ Палатинской горы, то есть на Квириналѣ и Виминалѣ, по всей вѣроятности весьма давно соединились въ одну городскую общину и перенесли общую крѣпость на Капитолійскую гору. Что обѣ эти части были первоначально раздѣлены, въ этомъ убѣждаетъ находящееся между обоими этими поселеніями двойная голова бога Януса на воротахъ; на это же указываетъ и двойной способъ почитанія бога войны — въ видѣ Марса и въ видѣ Квирина, и многое другое. Весьма возможно, что и разсказы о двухъ царяхъ, напримѣръ, о совмѣстномъ владычествѣ Ромула и Тита Тація, указываютъ на ту же двойственность города; сюда же относится быть можетъ и разсказъ о римскомъ происхожденіи Ромула и Тулла Гостилія и о сабинскомъ происхожденіи Нумы Помпилія и Анка Марція.

Конечно гораздо основательнѣе видѣть во всемъ этомъ слѣды соперничества нѣкогда отдѣльныхъ, но рано соединившихся городскихъ общинъ, нежели выводить отсюда сабинское происхожденіе римскаго культа и римской культуры. Съ другой стороны, нельзя отрицать того, что этотъ передовой постъ латиновъ вскорѣ вступилъ въ болѣе оживленныя сношенія съ сосѣдними народами и болѣе подчинился ихъ вліянію, нежели малые латинскіе города, находящіеся внутри страны. Въ особенности это справедливо относительно религіозныхъ вѣрованій. Основныя черты римской религіи,

какъ было указано раньше, родственны съ религіей другихъ индоевропейскихъ народовъ. Зевсу грековъ соотвѣтствуетъ Юпитеръ-Діовисъ, точно также Юнона, какъ царица неба, соотвѣтствуетъ греческой Герѣ. Другіе боги обнаруживаютъ болѣе отдаленное родство: такъ, напримѣръ, греческій богъ войны Аресъ и римскій Марсъ. Этотъ послѣдній у латиновъ былъ скорѣе богомъ весны. Юпитеръ и Юнона были, однако, въ то же время этрускою четой и тамъ ихъ культъ соединялся съ почитаніемъ Минервы, такъ что получалась троица. Этотъ способъ культа названныхъ божествъ римляне усвоили въ царскую эпоху отъ этрусковъ, и во время сооруженія Капитолійскаго храма культъ этотъ, со всей его этруской пышностью, проникъ въ Римъ. Такимъ же образомъ нѣкоторыя религіозныя вѣрованія сабинянъ очень рано проникли въ Римъ. Уже въ самомъ началѣ исторической эпохи въ Римѣ получаютъ право гражданства и настоящіе греческіе культы.

Итакъ, въ самомъ началѣ исторіи римской религіи мы видимъ замѣчательное смѣшеніе разнородныхъ началъ. На-ряду со строго замкнутымъ почитаніемъ земныхъ боговъ, мы видимъ, что на римлянъ давно уже вліялъ нѣкоторый суевѣрный страхъ передъ могуществомъ иноземныхъ боговъ. Живое чувство, побуждавшее ихъ стремиться къ отысканію божественнаго, заставляло римлянъ стремиться обезпечить за собою содѣйствіе не только своихъ, но и чужихъ боговъ. Это стремленіе характеристично для всего дальнѣйшаго развитія римскаго государства.

Оно заставило римлянъ заимствовать греческій оракулъ, и весьма рано они уже оказываютъ почтеніе дельфійскому Аполлону: такъ они посылаютъ ему жертвенные дары послѣ взятія города Вейи въ 396 году до Р. Х. Дѣйствуя въ томъ же духѣ, римляне помѣстили на Капитолій изображеніе Юноны, а позднѣе въ 204 году до Р. Х. они перевезли въ Римъ изъ Малой Азіи знаменитый идолъ великой матери Кибелы. Тотъ же духъ суевѣрія, соединеннаго съ вѣротерпимостью, превратилъ впослѣдствіи Римъ въ сборное мѣсто всѣхъ азіатскихъ культовъ, а также открылъ двери Рима для христіанства.

Такъ же древни, какъ и самый Римъ, и римская религія, и жрецы Рима. Ничто не наполняло сердце древнихъ римлянъ большей гордостью, нежели мысль о томъ, что первые цари Рима будто бы основали весь порядокъ богослуженія и главныя жреческія должности. Безъ сомнѣнія римское жре-

чество происходитъ отъ весьма древней эпохи и принадлежитъ къ числу основъ римской государственности. Въ жреческихъ коллегіяхъ, составлявшихся путемъ самостоятельнаго выбора и постоянно пополнявшихся, римляне обладали твердой опорой не только для своего культа, но и для государственнаго порядка. Эти коллегіи выработали въ своей средѣ опредѣленную традицію, онѣ охраняли знаніе религіозныхъ обычаевъ, божественныя права, а также положеніе находившагося подъ ихъ покровительствомъ и лишь постепенно эманципировавшагося отъ нихъ гражданскаго права.

Во главѣ всего культа и отдѣльныхъ жрецовъ находились главные жрецы или понтифексы. Имъ было поручено наблюденіе за календаремъ; они опредѣляли сроки священныхъ обрядовъ, праздники, процессіи, жертвы и молитвенныя формулы. Въ ихъ рукахъ находилась догматическая формулировка религій, и наслѣдникъ имени главнаго понтифекса былъ въ тоже время руководителемъ всей древней коллегіи понтифексовъ: онъ стремился съ одной стороны достичь разумныхъ цѣлей путемъ догматическихъ ученій, съ другой стороны старался скрыть ихъ отъ глазъ толпы непосвященныхъ.

Понтифексы заботились о томъ, чтобы установить обязанности человѣка по отношенію къ божеству и заботиться объ ихъ выполненіи. Задачей коллегіи авгуровъ было спрашивать волю боговъ и изслѣдовать ее всякими способами. Ни одно важное государственное дѣло не предпринималось безъ того, чтобы при этомъ не позаботились узнать настроеніе „высшаго добрѣйшаго Юпитера“ и если даже самъ царь или какой-либо сановникъ присматривался къ полету птицъ или къ направленію молніи, то только авгуръ могъ безошибочно истолковать эти явленія.

Настоящее жречество, такъ называемые феціалы, имѣло задачей изучать международныя отношенія и порядки и пользоваться этимъ знаніемъ для цѣлей государства. Другія жреческія братства, какъ напримѣръ „Земледѣльческія братья—фратресъ арвалесъ“, „волчья гильдія—люперци“, „пляшущіе съ оружіемъ—саліи“ — пользовались высокимъ почетомъ и были очень дѣятельны въ важныхъ отрасляхъ культа. Точно также почитались весталки, то есть жрицы богини Весты, охранявшія священный огонь и служившія богинѣ Вестѣ, покровительницѣ домашняго очага и семейнаго согласія. Эти коллегіальныя соединенія римскихъ жречествъ, восходящія до первыхъ годовъ существованія Рима, явились первыми носителями прогресса и переходили въ теченіе долгихъ поколѣній, даже когда стали анахронизмомъ.

Жреческія коллегіи пополнялись изъ знатныхъ родовъ, а именно изъ числа патриціевъ. И здѣсь снова характеристично для римскихъ отношеній соединеніе меньшихъ союзовъ въ болѣе крупные. Семьи, связанныя общимъ происхожденіемъ и общимъ именемъ, сознаютъ себя какъ одно цѣлое, приносятъ общія жертвы и обсуждаютъ семейные интересы.

Эти прочные родовые союзы, имѣвшіе политическое значеніе въ особенности для древнихъ знатныхъ родовъ, были однако подчинены государству и его правовымъ порядкамъ. Политическій смыслъ римлянъ нигдѣ не обнаруживается болѣе блестящимъ образомъ, нежели въ той степени власти, которую они впослѣдствіи придавали, сначала царю, затѣмъ консуламъ. Но фактическое вліяніе, которымъ пользовались союзы знатныхъ родовъ въ древнемъ Римѣ, были весьма разнообразны. Царь былъ обязанъ выбирать изъ ихъ числа должностныхъ лицъ и 100, впослѣдствіи 200 отцовъ города, сенаторовъ. Въ сенатѣ мы видимъ въ свою очередь коллегіальное учрежденіе, соединившее въ себѣ знаніе того, что необходимо было для управленія государствомъ: знаніе государственнаго права, практическій опытъ, знаніе того, какія цѣли надо преслѣдовать и какими средствами ихъ добиваться. Эти различные союзы и корпораціи образовали основу, на которой было построено римское государство. Въ общихъ чертахъ, конечно, здѣсь наблюдается сходство съ тѣмъ, что мы видимъ и у другихъ арійскихъ народовъ, какъ напр. у эллиновъ и у германцевъ.

Во главѣ города Рима, какъ и латинскихъ городовъ, стоялъ царь, соединявшій въ себѣ высшую свѣтскую и духовную власть. Когда престолъ становился вакантнымъ, то сенатъ назначалъ временнаго царя или интеррекса; народному собранію предлагался новый царь и имъ утверждался. Царь правилъ государствомъ въ мирное время при содѣйствіи сената, созывая народъ для принятія предложенныхъ законовъ и для объявленія войны.

На войнѣ царь предводительствовалъ войскомъ. Онъ назначалъ всѣхъ должностныхъ лицъ и военачальниковъ.

По сравненію съ неотвѣтственнымъ царемъ, сенатъ, состоявшій изъ представителей патриціанскихъ родовъ, имѣлъ конечно лишь второстепенное значеніе. Тѣмъ важнѣе, какъ

сказано, было его фактическое влiянiе, какъ государственнаго совѣта, на законодательство и при всѣхъ вопросахъ, касавшихся культа. Наоборотъ, значенiе народныхъ собранiй въ то время было чрезвычайно малымъ; лишь изрѣдка и только по вопросамъ, возбужденнымъ даремъ, народъ призывался къ голосованiю, при чемъ былъ строго организованъ, сообразно со своимъ церковнымъ строемъ. Роды, связанные между собою родствомъ и сосѣдствомъ, сходились въ Римѣ, какъ и въ латинскихъ куріяхъ, въ общiя жертвенныя дома или капища для общихъ жертвоприношенiй. Такихъ курiй въ латинскихъ общинахъ, какъ было уже упомянуто, вообще говоря, было всегда 10, а въ Римѣ же, происшедшемъ путемъ слiянiя нѣсколькихъ общинъ, 30. Въ этихъ 30-и куріяхъ собирались не только знатные роды, но часто и носящiе ихъ имя зависимые крестьяне или клiенты. Эта послѣдняя часть населенiя, однако, рѣзко отличалась отъ несвободныхъ и вольно-отпущенныхъ: за исключенiемъ нѣкоторыхъ частно-правовыхъ ограниченiй, она была политически полноправна. Уже изъ этого слѣдуетъ, что клiенты немногимъ, а въ государственно-правовомъ отношенiи ничѣмъ не отличались отъ прочихъ свободныхъ незнатныхъ частей населенiя, а именно отъ сословiя плебеевъ. Послѣ завоеванiй, совершенныхъ первыми царями, многочисленныя общины мелкихъ покоренныхъ латинскихъ городковъ были присоединены къ Риму. Число такихъ плебеевъ увеличилось отъ притока поселенцевъ и впослѣдствiи превысило число членовъ древнихъ родовъ.

Сословiе неблагородныхъ къ концу царской эпохи образовало, наконецъ, столь важный факторъ въ римскомъ государственномъ строѣ, что надобилась новая организацiя государства.

Прежде всего для военнаго набора, а затѣмъ для установленiя права гражданства, къ концу царскаго перiода, вѣроятно при царѣ Сервiи Туллiи, произошло новое подраздѣленiе народа на 4 городскiе и 16 сельскихъ округовъ [1]). Это подраздѣленiе основывалось на участiи въ поземельной собственности въ одномъ изъ сельскихъ округовъ или въ городѣ и соединялось, при гарантiи гражданскихъ правъ, съ настоящей или квиритской поземельной собственностью и обязанностью военной службы. Эта новая организацiя ясно показываетъ, что Римъ тогда уже подъ властью этрускихъ царей, совершилъ переходъ отъ „земледѣльческаго города" къ „гражданской государственной" организацiи. Римъ въ то время уже не представлялъ соединенiя нѣсколькихъ общинъ на Палатинѣ и Квириналѣ, но сталъ укрѣпленнымъ передовымъ постомъ цѣлой области, простиравшейся отъ Анiо, выше города и на 40 километровъ внизъ до моря и по крайней мѣрѣ на половину такого же протяженiя къ юго-востоку до Албанскихъ горъ.

[1]) Обычная традицiя приписываетъ С. Туллiю лишь учрежденiе 4-хъ городскихъ трибъ.

Наоборотъ, нѣтъ ничего ошибочнѣе, нежели утвержденiе, что въ то время въ Римѣ существовала будто бы тимократiя. Измѣрять права отдѣльныхъ лицъ по ихъ имуществу или даже по количеству платимыхъ ими прямыхъ налоговъ—такая мысль была совершенно чужда тогдашнимъ римлянамъ, тѣмъ болѣе, что именно обязанные служить граждане были, вообще говоря, свободны отъ налоговъ; сверхъ того не мѣшаетъ помнить, что въ то время въ Римѣ не было даже звонкой монеты. Лишь военныя тягости, а не какiя-либо привилегiи опредѣлялись по землевладѣнiю.

Именно этотъ военный духъ, проникающiй во всю организацiю, долженъ быть особенно подчеркнутъ. Существенно-военныя соображенiя играли роль и при опредѣленiи значительнаго увеличенiя армiи, и при предпринятомъ Сервiемъ Туллiемъ подраздѣленiи народа на 5 классовъ, при установленiи различiй въ вооруженiи, при раздѣленiи народа на всадниковъ и пѣхотинцевъ. Римскiй народъ неминуемо долженъ былъ развиться въ военную державу и направиться на путь завоеванiй. Въ тяжкой борьбѣ съ сосѣдями развился затѣмъ нацiональный характеръ гражданъ Рима, чему этотъ городъ и обязанъ своимъ величiемъ. Это былъ духъ строгаго подчиненiя и смѣлой самонадѣянности, непреклонной гордости, выносливости въ опасностяхъ и никогда не ослабѣвающей смѣлости и бодрости. Этимъ преимуществамъ близко родственны затѣмъ дальнѣйшiя чисто солдатскiя качества, встрѣчаемыя у римлянъ, строгая любовь къ истинѣ, нравственная серьезность, чистота настроенiя, теплота патрiотизма.

Всѣ эти добродѣтели поддерживались и въ семьѣ: и такъ какъ немногiе народы превзошли тогдашнихъ римлянъ чистотою и задушевностью семейной жизни, то едвали гдѣ-либо и слѣдуетъ искать источникъ благороднѣйшихъ настроенiй римской древнѣйшей исторiи, если не въ семьѣ. Суровая отцовская власть, распространявшаяся на жизнь и смерть домочадцевъ, смягчалась нравами и совѣтами родственниковъ,

болѣе же всего тѣмъ высокимъ положеніемъ, которымъ фактически пользовалась мать семейства. Суровѣйшее повиновеніе обязывало всѣхъ прочихъ членовъ семейства по отношенію къ отцу и матери. Чистота брака и охраненіе нравовъ въ семьѣ не давали ослабѣвать этому союзу между главою семьи и домочадцами. Какъ строго наблюдалъ древній римлянинъ за чистотою нравовъ въ семьѣ, это несравненнымъ образомъ показываютъ популярные разсказы о Лукреціи и Вергиніи. Тоже доказывается тѣмъ, часто цитируемымъ фактомъ, что первый брачный разводъ въ Римѣ приключился лишь послѣ первой пунической войны.

Планъ древняго Рима.

Относительно древнѣйшей эпохи римской исторіи, многое еще неизвѣстно, многое даже „извѣстное“ легендарно. Здѣсь достаточно замѣтить, что первые римскіе цари, которыхъ слѣдуетъ считать историческими, это Тарквиній Прискъ (древній), Сервій Туллій и Тарквиній Гордый, такъ какъ ихъ имена находятся и въ этрускихъ надписяхъ.

Мы однако еще не вправѣ считать историческимъ фактомъ „сервіанскую“ стѣну. Эта стѣна окружала не только самое старинное поселеніе на Палатинской горѣ и новое на Капитолійской и на холмахъ—Квиринальскомъ и Виминальскомъ, но и восточныя горы Целія и Эскилина. Лишь седьмой холмъ, Авентинъ, вѣроятно долго оставался внѣ городской стѣны (экстра помэріумъ). Четыре городскія трибы, разумѣется, тѣсно примыкали къ историческому происхожденію города. Онѣ назывались: 1) Палатина, 2) Коллина, 3) Субурана, 4) Эскилина. Такъ называемая „сервіанская“ стѣна, однако во многихъ своихъ частяхъ далеко не такого древняго происхожденія, какъ можно думать по ея названію. Она хорошо изучена лишь въ новѣйшее время, когда откопали много новыхъ ея частей. Позднѣйшая Авреліанская стѣна сооружена около 270 г. послѣ Р. Х. императоромъ Адріаномъ; она имѣла гораздо большую окружность. Прежде всего она включала всю мѣстность между Капитоліемъ, Квириналомъ и Тибромъ; на Востокѣ она хватала значительно дальше холмовъ и заключала также наружное укрѣпленіе Яникула на правомъ берегу Тибра — нынѣшняя мѣстность подлѣ Ватикана.

Капитолійскій крѣпостной холмъ былъ, съ начала основанія республики, украшенъ храмомъ Юпитера, впослѣдствіи также и монетнымъ дворомъ въ храмѣ „Юно Монета“. Къ юго-западу отъ крѣпости находились мѣста, важныя для политической жизни Рима. Тамъ находился Форумъ Романумъ— главная рыночная площадь Рима. Рядомъ мѣсто для народнаго собранія (комиціумъ) и ратуша (курія). На рынкѣ въ древнія времена были только мясныя лавки и будки, позднѣе по сторонамъ были сооружены судебныя галлереи (базилики), присутственныя мѣста (архивъ и государственное казначейство) и разные храмы.

Священная дорога вела отъ римскаго форума до мѣста присутствія понтифексовъ (регія, т. е. царская галлерея) и къ храму Весты и Кастора, къ сѣверу отъ Палатина. Самое бойкое мѣсто находилось къ югу отъ Капитолія между Палатиномъ и Тибромъ. Тамъ былъ воловій рынокъ (форумъ боаріумъ), масляный рынокъ и храмъ Цереры съ присутственнымъ мѣстомъ для эдиловъ. Изъ форума туда можно было попасть черезъ этрускій кварталъ (викумъ тускумъ), гдѣ жили строители и ремесленники. Между Палатиномъ и Авентиномъ находился циркъ, у Тибра запасный магазинъ и гавань.

Римъ, какъ гражданское государство.

Внѣшнія судьбы Рима (509—338 до Р. Х.) [1].

Развитіе государственныхъ формъ Рима имѣетъ характеръ самой рѣзкой противоположности съ Элладой. По сравненію съ греками, раздробленными на многочисленныя племена и народности, римляне обладали преимуществомъ сплоченной организаціи. Римъ, центръ и глава мѣстности, едва включавшей въ началѣ республиканской эпохи 20 кв. миль, умѣлъ навязать свою волю многочисленнымъ другимъ народностямъ и заставилъ ихъ служить себѣ. Правда, отношенія Рима въ эту эпоху, даже когда территорія его утроилась, были по прежнему скроены по образцу городской общины. Естественно мы находимъ многія аналогіи въ греческихъ

[1]) По общепринятой хронологіи. Слѣдуетъ помнить, что вслѣдствіе отставки чиновниковъ, нѣкоторые консулаты надо сократить и 509 консульскихъ годовъ до Р. Х. равны вѣроятно 506 годамъ. По Полибію взятіе Рима (относимое къ 390 г. до Р. Х.) одновременно съ Анталкидовымъ миромъ (387 до Р. Х.). Лишь съ пуническихъ войнъ календарный годъ совпадаетъ съ консульскимъ.

городахъ, такъ какъ и въ Греціи многіе города господствовали надъ сосѣдями. Нигдѣ однако характеръ гражданскаго, т. е. городского государства не выразился такъ рѣзко, какъ въ Римѣ.

Это своеобразное вліятельное положеніе, какимъ пользовался Римъ въ теченіе долгаго времени при образованіи союзнаго италійскаго латинско-римскаго государства, частью объясняется сильнымъ чувствомъ самосознанія, свойственнымъ римскому гражданству, послѣ того какъ оно побѣдоносно одолѣло этруское владычество и господство тиранновъ.

Въ теченіе многихъ десятилѣтій въ Римѣ господствовали Тарквиніи, въ концѣ концовъ тираннически властвовавшіе безъ содѣйствія сената, по произволу произносившіе смертные приговоры, конфисковавшіе имущества и мучившіе народъ разными повинностями и военной службой. Весьма возможно, что преступленіе царскаго сына было поводомъ къ возстанію. Войско, находившееся въ походѣ, отказало царю въ повиновеніи и избрало, собравшись по центуріямъ (ротамъ), двухъ полководцевъ или консуловъ.

Объ ожесточенной ненависти, которую питалъ римскій народъ къ Тарквиніямъ, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что войско, до послѣдняго солдата, дало торжественную клятву съ этихъ поръ не допустить болѣе въ Римѣ ни одного царя: то же доказывается отвращеніемъ, которое испытывали съ тѣхъ поръ римляне даже къ имени царя. Спурій Кассій и Маркъ Манлій Капитолинъ были подвергнуты смертной казни за стремленіе къ царскому достоинству; даже убіенію Цезаря немало содѣйствовало стремленіе его друзей возложить на его голову царскую діадему. Съ изгнаніемъ Тарквиніевъ, Римъ былъ вынужденъ не только защищаться противъ нихъ и ихъ ближайшихъ приверженцевъ, но и начать борьбу вообще противъ преобладанія тусковъ (этрусковъ), и въ особенности къ югу отъ Тибра. Преданіе сообщаетъ о кровавыхъ бояхъ въ близкомъ лѣсу Арсеа и о послѣдней битвѣ съ Тарквиніемъ Гордымъ у озера Региллуса. Однако, то же преданіе ошибочно сближаетъ побѣдоносныя сраженія Порсенны подлѣ Клузіума съ только что упомянутыми. Эти сраженія скорѣе являются свидѣтельствомъ униженія, испытаннаго Римомъ со стороны его этрускихъ господъ.

На такую же борьбу указываютъ также и довольно легендарные разсказы о томъ, какъ Тарквиніи получили поддержку со стороны другихъ династій. Таковъ Октавій Мамилій изъ Тускулума и Аристодемъ изъ Кумъ, у котораго Тарквиній даже умеръ. Исторически болѣе достовѣрны сообщенія о жестокихъ бояхъ съ городами Южной Этруріи— Вейи и Фиденами. Одна изъ немногихъ семейныхъ сагъ сообщаетъ о походѣ 300 Фабіевъ противъ вейентовъ (жителей города Вейи) и о славной ихъ гибели (477 до Р. Х.). Въ этой борьбѣ за національную независимость и за освобожденіе отъ тиранническаго правленія, римлянамъ вѣрно помогали родственные по племени союзы латиновъ и герниковъ, тогда какъ сначала эквы съ сѣверо-востока, а затѣмъ вольски съ юго-востока часто сильно тѣснили римлянъ. Совершенно очевидно, что трудныя задачи, дѣлавшія Римъ такимъ образомъ передовымъ постомъ противъ этрускаго господства, противъ изгнанныхъ династовъ и противъ напирающихъ сабельскихъ племенъ,—не только увеличивали національное чувство народа, но и укрѣпляли самомнѣніе и жажду господства у правящихъ классовъ. Ничто до такой степени не характеристично для рано развившихся великодержавныхъ фантазій Рима, какъ отправка посольства въ Клузіумъ, когда этотъ послѣдній и вся Этрурія въ началѣ 4 в. подверглись опасности со стороны пришедшихъ изъ-за Альповъ галловъ.

Галлы, такіе же индоевропейцы, какъ и италійцы, уже за много столѣтій до того проникли въ западную Европу и достигли даже Атлантическаго океана. Довольно крупныя орды ихъ направились въ Британнію, гдѣ они прочно удержали своеобразную кельтическую культуру, оставаясь въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ своей прежней родиной. Другія орды проникли на югъ къ Пиринеямъ, оспаривая сѣверъ Испаніи у иберовъ. При сильномъ размноженіи населенія, какъ показываютъ массаліотскія легенды, повидимому, уже въ 6 в. до Р. Х., замѣчается возвратное движеніе на в. Галлы проникли черезъ Рейнъ въ Шварцвальдъ и въ альпійскія страны, чтобы, наконецъ, предпринять рядъ хищническихъ походовъ въ благословенныя поля долины По. Во всякомъ случаѣ лишь послѣ паденія владычества этрусковъ имъ удалось прочно поселиться къ югу отъ Альпъ. Римско-италійская исторіографія знаетъ лишь объ одномъ единственномъ значительномъ завоевательномъ походѣ, такъ какъ Мельпумъ (по всей вѣроятности Миланъ) одновременно съ Вейи палъ въ 396 г.

Незадолго до этого времени, Римъ, послѣ счастливаго

отраженія многочисленныхъ нападеній восточныхъ горныхъ племенъ, направилъ всѣ свои силы на южно-этруские города, находившіеся какъ бы передъ самыми стѣнами Рима и много разъ угрожавшіе его самостоятельности. Прежде всего пали Фидены. Въ 428 г. до Р. Х. была одержана рѣшительная побѣда Авломъ Корнеліемъ Коссомъ. Вскорѣ римляне получили помощь съ неожиданной стороны.

Дѣйствительно, какъ разъ въ это время довольно значительныя массы самнитовъ спустились съ горъ и положили конецъ владычеству этрусковъ въ Кампаніи. Капуа и даже греческія Кумы попали въ 420 г. до Р. Х. въ руки пришельцевъ. Вскорѣ послѣ этихъ побѣдъ исчезли даже слѣды тускаго вліянія въ Кампаніи.

Этимъ положеніемъ своихъ старинныхъ противниковъ воспользовались римляне для того, чтобы вновь ударить на Вейи и ниспровергнуть сильнѣйшій оплотъ тускаго владычества, находившійся за нѣсколько миль отъ воротъ города Рима. Послѣ десятилѣтней борьбы, не остановившись даже передъ зимнимъ походомъ, Камиллъ покорилъ городъ и положилъ этимъ начало римскому владычеству въ Этруріи. Когда Римъ былъ занятъ галлами, одна изъ партій могла даже помышлять о томъ, чтобы искать въ Вейи прочной точки опоры для римскаго владычества. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ удаленія галловъ было даже учреждено четыре новыхъ гражданскихъ округа въ нѣкогда этруской области. Вообще, пораженіе подъ Алліей было величайшимъ изъ всѣхъ, когда-либо испытанныхъ римлянами, и наступившее затѣмъ занятіе города, сдѣлавшее очевидною тогдашнюю слабость Рима, было катастрофой, отъ которой Римъ оправился лишь благодаря своей прочной военной организаціи.

Во всякомъ случаѣ съ изгнаніемъ галловъ (389 до Р. Х.) опасность новыхъ вторженій не миновала. Наоборотъ, древнѣйшія лѣтописныя сказанія въ особенности подчеркиваютъ значеніе галльскихъ нашествій черезъ 30 и затѣмъ еще черезъ 12 лѣтъ, а также прославляютъ геройскія дѣла нѣкоторыхъ римлянъ, впослѣдствіи прославившихся полководцевъ—Манлія Торквата и Валерія Максима. Но сильная поддержка, оказанная римлянамъ латинами, и собственная бдительность Рима заставили галловъ уклониться отъ новой рѣшительной битвы. Лишь въ третьемъ вѣкѣ до Р. Х. при галльскомъ нашествіи, охватившемъ также Македонію, Грецію, Малую Азію, Риму пришлось съ этой стороны испытать новыя жестокія столкновенія.

Наоборотъ, Римъ долженъ былъ, вскорѣ послѣ своего новаго освобожденія, не только двинуться на сѣверъ противъ этрусковъ, но и бороться прежде всего съ вольсками и съ эквами.

Болѣе заставляло думать о себѣ то обстоятельство, что Риму пришлось не разъ выступать противъ мятежныхъ латинскихъ племенъ. Латинамъ до сихъ поръ приходилось помогать римлянамъ въ перенесеніи всѣхъ тягостей римскихъ завоевательныхъ войнъ, безъ того, однако, чтобы они могли пользоваться проистекающими отсюда выгодами. Ихъ союзное отношеніе приближалось къ состоянію зависимости.

Поэтому, въ особенности въ связи съ тяжелымъ экономическимъ положеніемъ, какъ послѣдствіемъ битвы подъ Алліей, мы видимъ рядъ возстаній въ Ланувіумѣ, Пренестэ, Тускулумѣ, Тибурѣ. Въ войнѣ противъ возставшихъ герниковъ палъ одинъ изъ первыхъ плебейскихъ консуловъ, Люцій Генуцій (362 до Р. Х.).

Такимъ образомъ, Римъ счелъ себя вынужденнымъ также и здѣсь затянуть возжи болѣе туго.

Римско-латинскія колоніи, основанныя съ 382 г. до Р. Х., вступили теперь въ особый союзный договоръ съ Римомъ; нѣкоторые изъ мятежныхъ городовъ были, въ видѣ наказанія, аннектированы.

Наоборотъ, борьба съ этрусками, продолжавшаяся съ жестокимъ упорствомъ еще въ 4 в., не привела къ рѣшительному исходу и закончилась на время въ 351 г. до Р. Х. 40 лѣтн. перемиріемъ. Римлянамъ пришлось помириться съ тою мыслью, что тарквиніяне однажды перерѣзали 390 плѣнныхъ римлянъ. Римъ удовольствовался ближайшей этруской Церой и ея портовымъ городомъ Пирги.

Весьма возможно, что для римлянъ отказъ отъ ихъ сѣверныхъ завоеваній представился необходимымъ вслѣдствіе того, что на нихъ все болѣе напирали самниты, а также по причинѣ броженія, все еще существовавшаго въ латинскомъ союзѣ.

Это броженіе вскорѣ привело къ первому вооруженному столкновенію между римлянами и самнитами (343 до Р. Х.). Однако, рѣшеніе борьбы вскорѣ затянулось, вслѣдствіе того, что самниты двинулись противъ южно-италійскихъ греческихъ колоній, а римлянамъ, съ другой стороны, предстояло раздѣлаться съ общимъ возстаніемъ латинскаго союза.

Лишь послѣ того какъ римляне окончательно справились

съ латинами, т. е. въ 338 до Р. Х., римское владычество, хотя во всякомъ случаѣ весьма ничтожное по сравненію съ другими великими державами Италіи, т. е. съ этрусками, самнитами, галлами и тарентинцами, было уже настолько упрочено, что Римъ могъ предпринять завоевательную политику въ крупномъ масштабѣ.

До тѣхъ поръ внѣшнія судьбы Италіи не могли зависѣть отъ Рима, а его собственныя судьбы имѣли лишь чисто-мѣстное значеніе. Онѣ возбуждали всемірноисторическій интересъ лишь по отношенію къ будущему.

Римская сословная борьба.

Наибольшее культурно-историческое значеніе изъ событій той эпохи имѣетъ римская сословная борьба. Правда, для всемірной исторіи можно назвать почти безразличнымъ, произошелъ-ли въ томъ или иномъ маленькомъ италійскомъ городѣ тотъ или иной переворотъ въ пользу того или иного сословія. Но борьба римскаго плебса противъ привилегированныхъ сословій не только потому заслуживаетъ вниманія, что она одна изъ важнѣйшихъ,—а также потому, что только она показываетъ намъ, какимъ образомъ возникли всѣ подробности позднѣйшаго римскаго строя, а главное потому, что въ этой борьбѣ обнаружились всѣ выгодныя черты римскаго характера, именно чувство законности и способность рѣзкаго формулированія своихъ правъ.

Едва-ли также существуетъ хотя одинъ городъ древняго міра, позволяющій столь же глубоко проникнуть въ его правовыя отношенія, какъ Римъ. Политическая борьба существовала въ Римѣ во всѣ времена. По лишь эпоху отъ начала республики и до 367 г. до Р. Х. можно назвать временемъ настоящей борьбы между народомъ и знатью. Здѣсь идетъ рѣчь о важной борьбѣ за принципы, о пріобрѣтеніи гражданской равноправности, о побѣдѣ гражданскаго права надъ опекою жрецовъ и сановниковъ. Начало сословной борьбы восходитъ еще до царскихъ временъ. Происхожденіе могущественной знати, которая, по причинѣ своихъ знаній въ области гражданскаго и божественнаго права, считаетъ себя одну вправѣ занимать жреческія и свѣтскія должности (что даетъ ей силу въ городскомъ совѣтѣ), относится еще къ доисторическимъ временамъ. На помощь знати всегда могли

сверхъ того придти многочисленные кліенты, не только лишенные всѣхъ перечисленныхъ правъ, но первоначально ограниченные даже въ частно-правовомъ отношеніи. Посредствомъ покоренія сосѣдней мѣстности и поселенія чуждыхъ пришлыхъ элементовъ, незнатная часть населенія, такъ называемый плебсъ, возрасталъ все болѣе и болѣе. При малой компетенціи народныхъ собраній, составлявшихся по 30 приходамъ или куріямъ, по всей вѣроятности, участвовать въ нихъ не возбранялось незнатнымъ. Во всякомъ случаѣ, знатные собирались не только въ этихъ комиціяхъ и вліяли не только черезъ ихъ посредство, а посредствомъ своего положенія въ совѣтѣ, въ жреческихъ коллегіяхъ, въ роли сановниковъ, военачальниковъ, судей и правовѣдовъ, и все это, взятое въ совокупности, рѣзко отдѣляло привилегированный классъ отъ толпы и вынуждало послѣднюю къ зависимости.

Уже въ эпоху Тарквиніевъ Римъ былъ главнымъ городомъ территоріи, простиравшейся отъ Остіи и Лавиніума до Альбанскихъ горъ. Для подобной области прежніе городскіе порядки уже не могли оказаться достаточными. Прежде всего, какъ уже замѣчено выше, для набора войска было важно раздѣлить всю область вновь на округа: такихъ округовъ было 20. Невозможно было уже возложить всѣ военныя тягости на однихъ только коренныхъ гражданъ. Но для того, чтобы распредѣлить военную службу справедливымъ образомъ между отдѣльными лицами, пришлось раздѣлить весь народъ по размѣру поземельной собственности, по количеству скота, на 5 классовъ, тогда какъ безземельные пролетаріи остались свободными отъ воинской повинности. Цензъ этихъ пяти классовъ былъ лишь послѣ децемвирата въ 450 г. до Р. Х. нормированъ также въ деньгахъ. По преданію цензъ перваго класса составлялъ 100.000 легкихъ ассовъ, приблизительно 8.000 марокъ, а для 4 слѣдующихъ—75.000, 50.000, 25.000 и 12.500 ассовъ. Числа эти, разумѣется, новѣйшаго происхожденія (послѣ 269 до Р. Х.).

Въ то же время членамъ различныхъ классовъ была гарантирована ихъ собственность противъ посягательствъ другихъ классовъ, т. е. знати, и имъ было предоставлено квиритское право. Подъ этимъ подразумѣвалось право воинской повинности, т. е. на-ряду съ актами семейнаго права, до сихъ поръ осуществлявшагося куріями съ помощью жрецовъ, теперь явились и гражданско-правовые акты общаго значенія. Такъ, на-ряду съ духовнымъ завѣщаніемъ (про кол-

легіо понтификумъ) явилось и гражданское завѣщаніе (перъ эсъ этъ либрамъ), на-ряду съ сакральнымъ бракомъ—гражданскій бракъ, на-ряду съ усыновленіемъ дѣтей куріями — гражданское усыновленіе.

Во всякомъ случаѣ въ послѣднія времена царской эпохи стали раздаваться громкія жалобы на насильственныя нарушенія правъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлой общины. И конечно эти жалобы не одно только измышленіе писателей. Но и оставляя безъ вниманія эту временную неурядицу и эпоху произвола, не трудно видѣть, что государственно-правовыя учрежденія предоставляли гражданамъ слишкомъ мало свободы. Политическая революція, обѣщавшая вмѣстѣ съ изгнаніемъ Тарквиніевъ болѣе широкую свободу народу, не привела къ желаннымъ результатамъ. Патриціанская знать съумѣла присвоить себѣ всѣ преимущества, добытыя въ борьбѣ за освобожденіе. Она пользовалась вліяніемъ въ патриціанскомъ сенатѣ черезъ посредство патриціанскихъ же чиновниковъ и жрецовъ, прежде же всего черезъ посредство исключительнаго права юрисдикціи. Чтобы предупредить всякую демократизацію народнаго собранія, военное устройство, всего менѣе пригодное для подачи голосовъ, съ 5 классами, изъ которыхъ первый уже обладалъ большинствомъ, было примѣнено и къ голосованію. Народному собранію подлежалъ выборъ консуловъ и рѣшеніе относительно законовъ. Сакральное собраніе по куріямъ осталось въ силѣ лишь для нѣкоторыхъ формальныхъ актовъ, напр., для торжественнаго введенія въ должность чиновниковъ и жрецовъ.

Къ разочарованіямъ, послѣдовавшимъ за войнами въ пользу освобожденія, добавилась соціальная неурядица, составляющая неизбѣжное слѣдствіе у народа, занимавшагося почти исключительно земледѣліемъ и вынесшаго продолжительныя войны на своей собственной территоріи. Строгость закона о должникахъ, суровое проведеніе своихъ правъ кредиторами были вдвойнѣ тягостны, какъ потому, что положеніе низшихъ классовъ было весьма тяжелымъ, такъ и потому, что судъ и расправа находились въ рукахъ того сословія, къ которому, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, принадлежали кредиторы.

Такимъ образомъ народъ, доведенный до отчаянія, наконецъ возсталъ, удалился огромными массами на „священную гору“, находившуюся на незначительномъ разстояніи отъ Рима, и угрожалъ, что выселится совсѣмъ, если ему не

будетъ гарантировано правосудіе и спокойное обладаніе собственностью.

Слѣдствіемъ этой значительной безкровной революціи были событія, еще болѣе замѣчательныя, нежели самая революція. Плебсъ получилъ двухъ заступниковъ или трибуновъ, пользовавшихся неприкосновенностью и содѣйствовавшихъ отправленію правосудія, помогая въ этомъ даже консуламъ. Менѣе обратили на себя вниманія, но въ сущности не менѣе важны опредѣленія тогдашняго священнаго закона, по которому эдилы и судьи также неприкосновенны. Эдилы въ то время, вѣроятно, стояли во главѣ торговаго и мирового посредничества; упоминаніе же о судьяхъ показываетъ, что въ то время произошло столь важное для характеристики всего римскаго права отдѣленіе отправленія правосудія чиновниками отъ судебныхъ приговоровъ.

Въ слѣдующую затѣмъ эпоху и до самаго децемвирата плебеи пытались утвердиться въ качествѣ болѣе тѣснаго союза внутри римскаго гражданства; подъ предсѣдательствомъ трибуновъ происходили засѣданія плебейскихъ концилій, произносившихъ рѣшенія, имѣвшія въ виду улучшеніе положенія плебеевъ. Вскорѣ трибуны, опираясь на свою неприкосновенность, научились проводить свои рѣшенія въ самомъ сенатѣ. Сами они принимали участіе въ сенатскихъ засѣданіяхъ, вмѣшивались въ рѣшенія и вообще пріобрѣли право интерцессіи, т. е. могли пріостановить всякое распоряженіе любого чиновника, сената и даже народнаго собранія, наложивъ на него свое *вето*.

Еще до децемвирата окружныя собранія плебса, распредѣленныя по трибамъ, пріобрѣли право въ извѣстныхъ случаяхъ устанавливать правовыя начала, имѣвшія общеобязательный характеръ, и право это, отмѣненное децемвирами, было возстановлено послѣ ихъ паденія (449 до Р. Х.).

Эти многочисленные успѣхи плебеевъ, само собою разумѣется, вызвали сопротивленіе и возбужденіе въ средѣ патриціевъ. Разсказъ о Коріоланѣ изображаетъ степень раздраженія, но въ общемъ онъ легендаренъ. Наоборотъ, нельзя назвать простою легендою, что трибуны призвали упорствующихъ патриціевъ къ народному суду и такимъ образомъ совершили опасное вторженіе въ область уголовнаго права и другихъ правъ, присваивавшихся раньше патриціями.

Эпохи подобнаго возбужденія умовъ, конечно, препятствуютъ правильному отправленію правосудія. Такимъ обра-

зомъ желаніе улучшить и дополнить существующее право, а также привести его къ опредѣленной формулировкѣ, было вызвано настоятельною необходимостью. Долгое время патриціатъ противился этому, такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ должны были наступить и важныя перемѣны въ государственно-правовомъ положеніи знати и въ области ея привилегій. Весьма возможно, что при всеобщей реформѣ законодательства, правящіе классы руководствовались желаніемъ положить конецъ обособленному положенію плебеевъ и особенно ихъ консуловъ и трибуновъ.

Такимъ образомъ въ 451 г. до Р. Х. всѣ прежнія должности были отмѣнены и была установлена коллегія изъ десяти мужей—децемвировъ, стоявшихъ во главѣ государства. Имъ и было поручено выработать новую книгу законовъ и при этомъ управлять государствомъ, при чемъ ихъ власть ограничивалась только сенатомъ.

Право децемвировъ, записанное на двѣнадцати таблицахъ, имѣетъ общепризнанное значеніе. Позднѣйшіе законы многое добавили къ этому первоначальному уложенію и многія его постановленія были фактически устранены. Но съ точки зрѣнія *права* ни одна іота изъ этихъ законовъ не была отмѣнена до позднѣйшихъ римскихъ временъ. Новые законы были установлены такимъ образомъ, что была послана коммиссія, изучившая законы греческихъ городовъ южной Италіи. Тѣмъ не менѣе чужеземное право было заимствовано лишь въ общихъ чертахъ. Во всемъ существенномъ было лишь подтверждено существовавшее обычное право. Самымъ важнымъ является здѣсь то, что каждый гражданинъ могъ теперь имѣть право передъ глазами и каждый чиновникъ долженъ былъ сообразоваться съ ясно сформулированнымъ закономъ. Дальнѣйшія преимущества этого законодательства были тѣ, что на этотъ разъ были проведены границы между сакральнымъ и гражданскимъ законодательствомъ, опредѣлены формы гражданскаго и криминальнаго процесса и каждый легко и безъ всякихъ издержекъ могъ съ этимъ ознакомиться.

Кромѣ частно-правовыхъ и процессуальныхъ опредѣленій, 12 таблицъ содержали также нѣкоторыя важныя въ политическомъ отношеніи опредѣленія. Такъ, напр., рѣшеніе вопроса о жизни и смерти было ими передано въ руки вышеупомянутыхъ, организованныхъ совершенно по военному образцу центурій, вѣроятно уже въ то время отдѣленныхъ

совершенно въ качествѣ главнаго народнаго собранія отъ активнаго войска или дѣйствующей арміи иной формировкой, включеніемъ всѣхъ вообще гражданъ. Другія опредѣленія касались запрещенія привилегій, исключительныхъ законовъ, чѣмъ было устранено право римскаго гражданина въ случаѣ объявленія ему наказанія апеллировать къ народу. Децемвирамъ Римъ обязанъ введеніемъ монеты, а именно мѣднаго фунта или асса и его частей, а также началомъ упорядоченнаго народнаго хозяйства. Правда, лѣтописи относятъ начало римской *цензуры* къ нѣсколько болѣе позднему времени, именно къ 443 г. [1]). Но такъ какъ онѣ признаютъ, что раньше установленія цензоровъ цензъ находился въ рукахъ консуловъ, то ясно, что соотвѣтственныя учрежденія были введены нѣсколько раньше, т. е. по крайней мѣрѣ въ эпоху децемвирата. Но римское финансовое управленіе носитъ явные слѣды сходства съ аттическимъ. Періодъ ценза въ Римѣ, какъ и въ Аттикѣ,—четырехлѣтній и тоже относится къ установленію государственнаго бюджета: періодъ этотъ соотвѣтствуетъ олимпіадѣ. При опредѣленіи податной способности, системы сборовъ черезъ посредство откупщиковъ, да и во многихъ другихъ отношеніяхъ сходство съ Аттикой несомнѣнно.

Важно также то, чего не содержатъ 12 таблицъ. Объ особыхъ правахъ плебеевъ или о трибунахъ здѣсь нѣтъ и слова. Это обстоятельство яснымъ образомъ указываетъ на то, что въ то же время служитъ объясненіемъ учрежденія второй коллегіи децемвировъ, при участіи многихъ незнатныхъ. Очевидно, въ наиболѣе разсудительныхъ кругахъ аристократіи существовало стремленіе посредствомъ хорошо упорядоченнаго законодательства и посредствомъ допущенія нѣкоторыхъ представителей низшаго сословія въ правительственную коллегію удовлетворить желаніямъ плебса и такимъ образомъ устранить возможность образованія особеннаго сословія плебеевъ внутри государственнаго строя и парализовать вліяніе трибуната.

Цѣль не была достигнута. Представители демократической партіи настаивали на своемъ и послѣ вторичнаго удаленія (въ 449 г.) плебеи возстановили трибунатъ, а также

---

[1]) S. Soltau, О происхожденіи ценза и цензуры (Verhandl. 36 Philologenversamml.).

право, по которому плебейскія собранія, съ согласія сената, могли постановлять общеобязательные законы [1]).

Эти основныя права плебса были оружіемъ, съ которымъ онъ вступилъ во второй фазисъ сословной борьбы. Права эти были добыты путемъ компромисса съ вождями патриціанской партіи Валеріемъ и Гораціемъ, которые за это потребовали для патриціевъ особыхъ правъ по отношенію къ заключенію браковъ и также домогались того, чтобы консульскія мѣста замѣщались единственно патриціями.

Децемвиратъ далъ римскому государственному устройству до извѣстной степени законченную форму. Важнѣйшія государственныя функціи хотя были отняты у чиновниковъ, но зато поставлены подъ контроль сената. Въ сенатѣ поэтому, особенно по мѣрѣ умноженія числа должностныхъ лицъ, сосреоточились аттрибуты государственной власти. Когда Кинеасъ, посланникъ Пирра, впослѣдствіи посѣтилъ римскій сенатъ, то онъ конечно зналъ, почему назвалъ это учрежденіе „собраніемъ царей". Сенатъ взялъ на себя высшій надзоръ за финансовымъ управленіемъ, руководилъ внѣшней политикой и умѣлъ, съ помощью жреческихъ коллегій, удержать въ зависимости отъ себя всѣхъ должностныхъ лицъ. Народныя собранія получили со временемъ благотворное вліяніе на государственное управленіе, хотя это вліяніе далеко нельзя назвать значительнымъ. Основой его были демократически организованныя трибы.

Собранный въ военномъ порядкѣ по центуріямъ, основанный на дѣленіи трибъ, народъ избиралъ своихъ главныхъ чиновниковъ, постановлялъ рѣшенія относительно законовъ объявленія войны, заключенія мира и постановлялъ рѣшенія по уголовнымъ дѣламъ. 5 классовъ образовали теперь подраздѣленія каждаго округа, напр., для 25 трибъ мы имѣемъ 5.25=125 центурій младшихъ возрастовъ и столько же старшихъ, а включая 18 всадническихъ центурій и три добавочныя центуріи—271. Но только въ первомъ окружномъ классѣ возрастные классы голосовали порознь.

Наряду съ этими собраніями уцѣлѣли однако плебейскія— по трибамъ. Здѣсь не только обсуждались дѣла плебейской общины, но въ случаѣ надобности возбуждали вопросъ о пріобрѣтеніи новыхъ правъ или же старались осуществить

[1]) Id. Значеніе плебисцитовъ (Берлинъ, 1884). Разсказъ о насиліи, совершенномъ децемвиромъ Аппіемъ Клавдіемъ надъ Виргиніей, есть, по всей вѣроятности, тенденціозная выдумка, въ подражаніе преданію о Лукреціи.

желанія народа относительно управленія. Эти „концилія плебисъ" стали побудительнымъ мотивомъ въ борьбѣ за государственный строй. Они доставили плебеямъ полную равноправность и еще въ эпоху реформъ Гракховъ (133—122) и пріемѣ союзниковъ въ составъ гражданскаго союза послужили орудіемъ для борьбы съ чрезмѣрными притязаніями знати.

Первое отдѣленіе позволило (въ 494 г. до Р. Х.) плебеямъ ограничить опеку патриціата, и съ помощью трибуновъ— гражданскихъ судей оградить свою частноправовую самостоятельность, личную свободу и наслѣдственныя права. При второмъ удаленіи (449 до Р. Х.) плебсъ, какъ самостоятельная община, пріобрѣлъ государственное признаніе своихъ рѣшеній и писанное земское право. Третьимъ фазисомъ сословной борьбы было добиться полной равноправности съ патриціями.

Очень скоро удалось плебеямъ устранить компромиссъ Валерія и Горація и установить законодательнымъ путемъ полную равноправность при заключеніи браковъ между плебеями и патриціями. Далѣе, плебеямъ удалось провести и тотъ принципъ, что въ случаѣ избранія, вмѣсто консуловъ, военныхъ трибуновъ съ консульской властью, мѣста ихъ могутъ замѣщаться и плебеями. Но къ прочимъ нововведеніямъ сенатъ относился постоянно враждебно. Не смотря на сильнѣйшую агитацію трибуновъ, еще 80 лѣтъ удерживалось то положеніе, что лишь потомокъ древняго рода можетъ быть консуломъ, диктаторомъ или цензоромъ и лишь такой человѣкъ имѣетъ право юрисдикціи и представительства государства передъ людьми или передъ богами. Эта внутренняя борьба задержала развитіе внѣшняго могущества Рима. Много разъ выдающіеся вожди были обвиняемы. Послѣ десятилѣтней борьбы партій, во время которой десять разъ одни и тѣ же лица выбирались въ трибуны, и даже явились помѣхи при выборѣ въ консулы, плебсу удалось, въ такъ наз. Лициніево-Секстіевыхъ законахъ, добыть право, чтобы одинъ изъ консуловъ избирался изъ числа незнатныхъ (367 до Р. Х.). Но сенатъ тотчасъ же постарался умалить значеніе этой побѣды для плебса, отдѣливъ должность предсѣдателя суда (претуру) отъ консулата и вручивъ руководство общественными играми и полицейской властью двумъ патриціанскимъ курульнымъ эдиламъ. Однако, уже въ ближайшемъ столѣтіи плебеямъ удалось добиться участія и въ этой и во

всѣхъ другихъ должностяхъ. Законъ Огульнія (300 до Р. X.) продолжилъ дѣло, распространивъ начало равноправности на жречество, при чемъ половина мѣстъ по главнымъ жреческимъ должностямъ была фактически предоставлена плебеямъ. Но этомъ послѣдній фазисъ сословной борьбы имѣлъ уже совсѣмъ иной смыслъ: противоположность между сословіями была уже не столько политическаго, сколько соціальнаго характера.

Относительно этой стороны вопроса, источники, конечно, не всегда доставляютъ намъ одинаково годныя свѣдѣнія: они даютъ намъ слишкомъ много, а именно, уже когда идетъ рѣчь о натуральномъ хозяйствѣ, они сообщаютъ о слишкомъ большой задолженности плебса и о частныхъ проектахъ надѣленія землей—еще до расширенія римскихъ владѣній. Въ тоже время они даютъ слишкомъ мало, такъ какъ не выставляютъ на видъ самыхъ существенныхъ нуждъ той или другой эпохи.

При многочисленныхъ войнахъ, римляне, еще въ первое столѣтіе существованія республики, испытали тяжелыя соціальныя неурядицы. Иначе было бы непонятно первое удаленіе плебеевъ. Но какъ тяжка была экономическая нужда, доказывается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что, несмотря на тяжесть долгового бремени, ни основные законы, декретированные плебеями, ни 12 табл. не содержатъ указанія на сложеніе долговъ.

Лишь переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному повлекъ за собою то послѣдствіе, что народъ позднѣе сталъ требовать уменьшенія долгового бремени и что прежде всего было выставлено требованіе, не отдавать покоренныхъ земель въ пользованіе богатымъ, но дѣлить ихъ между бѣдными гражданами.

Это послѣднее требованіе правда нѣсколько разъ удовлетворялось при децемвирахъ. Такъ частью при завоеваніи этрускихъ городовъ, напр., послѣ покоренія Фиденъ и Вейи, были основаны колоніи; частью и многочисленныя еще въ то время существовавшія общественныя земли были розданы бѣднѣйшимъ гражданамъ и изъ этихъ земель образованы 4 новыхъ гражданскихъ округа.

Но на ряду съ этимъ, не смотря на все возрастающую нужду, правящія сословія очень часто раздавали землю въ аренду богатымъ гражданамъ или же состоятельнымъ товариществамъ арендаторовъ. Эта система была удобнѣе и до-

ходнѣе для казны, но возбудила негодованіе нуждающагося въ землѣ народа, покорившаго эту землю, упитавшаго ее своею кровью. Здѣсь Лициніево-Секстовъ законъ принесъ еще большую пользу, нежели въ дѣлѣ борьбѣ съ консулатомъ. Онъ ограничилъ размѣръ подлежащихъ оккупаціи земель. Не слѣдуетъ забывать, что въ Римѣ существовало своеобразное правовое отношеніе оккупаціи, т. е. предварительнаго захвата необработанной и завоеванной земли.

Государство получало лишь десятую долю доходовъ. Это право оккупаціи рѣзко отличали отъ права собственности. Благодаря указанному ограниченію быстро стали распредѣлять оккупированныя земли между бѣдняками. Въ 358, 332, 299 гг. послѣдовательно учреждено 9 новыхъ гражданскихъ округовъ и сверхъ того много колоній.

Наконецъ тоже законодательство оказало дѣятельную помощь въ улаженіи тогдашней кредитной неурядицы. Въ какой мѣрѣ это осуществилось, сказать довольно трудно. Преданіе, мало заслуживающее довѣрія, гласитъ, что были вычтены изъ капитала уплаченные проценты. Быть можетъ и упомянутое ухудшеніе монеты играло ту же роль. Далѣе, плебисциты нормировали процентъ, опредѣливъ его въ 12%, а послѣ возмущенія одного римскаго войска въ Капуѣ (342 до Р. X.) были изданы также законы противъ ростовщиковъ и противъ арестованія неисправныхъ должниковъ.

Вообще во время этой борьбы возросло значеніе плебейскихъ концилій. По закону Публія (339 г. до Р. X.) и въ особенности по закону Гортензія, изданному послѣ третьяго удаленія плебевъ (287 до Р. X.) удалось добиться неограниченнаго значенія плебисцитовъ, даже постановленныхъ противъ воли сената.

Хотя, такимъ образомъ, плебеи и ихъ трибуны пріобрѣли существенное вліяніе на законодательство и на управленіе, однако было бы крайнимъ заблужденіемъ представлять себѣ, что римскій народъ пользовался тогда верховенствомъ. Подобное представленіе совершенно чуждо древности. Наоборотъ: въ концѣ сословной борьбы,—дополненный нѣкоторыми чиновниками, сенатъ и новая замкнутая аристократія изъ чиновничьихъ семействъ (нобилитасъ) оказалась болѣе всѣхъ въ выигрышѣ. Многочисленные чиновники, могущіе парализовать другъ друга своей властью, во многихъ отношеніяхъ были зависимы отъ сената и этому послѣднему удалось даже возстановить однихъ трибуновъ противъ другихъ. Въ сенатѣ

сосредоточивалась внѣшняя политика и управленіе провинціями; и чѣмъ болѣе расширялись границы государства, тѣмъ болѣе съуживались права римской общины предписывать законы *урби этъ орби*, т. е. для Рима и для всего міра. Права, эти оставались теперь лишь оружіемъ въ рукахъ демагоговъ.

Римская сословная борьба отличается существенно выгоднымъ образомъ отъ аналогичной борьбы въ разныхъ греческихъ республикахъ. Въ этихъ послѣднихъ мы видимъ господство партійной ненависти. Господствующія партіи и въ Греціи часто пятнали себя кровавыми дѣлами. Убійство, какъ обыкновенное такъ и судебное, играло тамъ большую роль. Всякое измѣненіе государственнаго устройства стоило въ Греціи крови, тогда какъ въ Римѣ сословная борьба обошлась почти безъ кровавыхъ конфликтовъ. Римская сословная борьба образуетъ свѣтлую точку въ развитіи древности. Спокойная законная оппозиція, пассивное сопротивленіе и непреклонная послѣдовательность тамъ, гдѣ рѣчь шла о поддержаніи добытаго уже права—все это позволило римскому народу удержать добытыя уже права и добыть новыя. Свойства, обнаруженныя въ этомъ случаѣ римскимъ народомъ, свидѣтельствуютъ не только въ пользу его моральной доблести и мужественнаго правосознанія отдѣльныхъ лицъ, но и въ пользу разумности и политической зрѣлости всего римскаго народа. Римская сословная борьба въ этомъ отношеніи—единственная въ своемъ родѣ во всей исторіи и поэтому уже заслуживаетъ особаго изученія.

Культура Рима въ первыя 10 столѣтій республики.

Своеобразное развитіе римской культуры, занимающей самостоятельное положеніе не только по отношенію къ культурѣ всѣхъ вообще италійскихъ племенъ, но и по отношенію къ другимъ латинскимъ племенамъ, относится лишь къ эпохѣ первыхъ вѣковъ существованія римской республики. Особенности обнаруживаются какъ въ только что обрисованныхъ чертахъ государственнаго быта, такъ и въ аграрныхъ ремесленныхъ и торговыхъ отношеніяхъ. Еще довольно долгое время послѣ господства Тарквиніевъ, туская культура продолжала вліять на римскую. Лишь сознательная оппозиція этому мирному иноземному господству въ связи съ болѣе

оживленными сношеніями съ Греціей въ Сициліи и въ Италіи, привела Римъ къ болѣе своеобразному національному развитію.

Какъ въ царскую эпоху, такъ и въ послѣдующія столѣтія, туски были учителями Рима почти во всѣхъ искусствахъ: тускія постройки были всюду; первыми строителями храмовъ въ Римѣ были туски. Круглая арка примѣнялась уже въ царскую эпоху при мощныхъ закладкахъ подземныхъ сточныхъ каналовъ (клоака максима). Тускіе архитекторы работали при сооруженіи мощныхъ городскихъ стѣнъ.

Авгуральное искусство, ученіе о знаменіяхъ, пользовавшееся въ Римѣ большимъ почетомъ, какъ было замѣчено развилось самостоятельно, но впослѣдствіи при его теоретической разработкѣ, подверглось значительному вліянію тускихъ жрецовъ. Уже рано римское государство оффиціально спрашивало совѣта тусскихъ гаруспексовъ. Даже во внѣшнихъ чертахъ римляне во многомъ подражали тускамъ. Вышитая тога у чиновниковъ, пышность тріумфальныхъ въѣздовъ—все это было заимствовано у тусковъ. Въ вооруженіи войска употребленіе бронзоваго и круглаго меча и вѣроятно также метательнаго дротика, (хотя послѣдній такъ характеристиченъ для римлянъ) приводится къ тускому источнику.

Различные роды игръ, происходившихъ въ то время въ Римѣ, того же происхожденія. Таковы напр. гимнастическія игры и пантомимы, разыгрывавшіяся тусскими актерами. Того же происхожденія и флейтисты. Такъ какъ безъ нихъ нельзя было обойтись при извѣстныхъ жертвоприношеніяхъ, то когда однажды они удалились въ Тибуръ, что кстати, является древнѣйшимъ историческимъ примѣромъ стачки рабочихъ въ Римѣ, то римляне были поставлены въ немалое затрудненіе. (311 до Р. Х).

Съ другой стороны изгнаніе Тарквиніевъ соединилось съ извѣстной общей реакціей противъ этрусковъ и во многихъ отношеніяхъ содѣйствовало развитію римлянъ или скорѣе, такъ какъ римляне еще на долгое время вынуждены были жить чужими образцами, привело ихъ къ подчиненію эллинскому вліянію.

Подобно тому, какъ въ древнѣйшую эпоху Римъ заимствовалъ отъ сицилійскихъ грековъ свою азбуку и систему мѣръ, такъ и въ эту эпоху онъ все болѣе и болѣе сталъ вступать въ тѣсныя отношенія къ грекамъ Сициліи и юго-

восточнаго берега Италіи. На это указываетъ напр., найденная въ Лаціумѣ монета изъ Посидоніи (Пестума); далѣе, римское преданіе, указывающее на то, что въ случаѣ неурожая въ Лаціумѣ, хлѣбъ привозился изъ Кумъ изъ Сицилійскихъ городовъ. Болѣе всего это очевидно изъ того, что Римъ рѣзко примыкаетъ къ Сициліи по монетѣ, мѣрѣ и вѣсамъ. Дорійское названіе монеты (номосъ) возобновляется въ латинскомъ языкѣ (нуммусъ) Сицилійская система вѣсовъ и денежныхъ единицъ единственная изъ всѣхъ греческихъ, находится въ точномъ соотношеніи къ чеканившимся въ Римѣ монетамъ. Въ эпоху царя Сервія Туллія пользовались еще мѣдными полосами, а въ иноземной торговлѣ скотъ (пекусъ) игралъ роль денегъ (пекунія). Еще за нѣсколько лѣтъ до децемвирата (451—459 до Р. Х.) пени уплачивались овцами и быками. Въ законодательствѣ децемвировъ вмѣсто мѣднаго аса (I римскій ф. мѣди) 1 $^1/_2$ сицилійскихъ фунта. Названія подраздѣленій аса никогда не были популярны въ Сициліи и тотъ фактъ, что эквивалентная мѣдному асу или фунту, монета чеканилась въ Сициліи подъ названіемъ „мѣднаго фунта въ серебрѣ“ (литра аргиріу)—самымъ яркимъ образомъ доказываетъ существованіе въ тѣ времена оживленныхъ сношеній между Римомъ и Сициліей.

Въ то же время обнаруживается и то, что римская мѣдная монета обильно притекала въ обмѣнъ за товары и продукты сикеліотовъ. Римляне имѣли, правда, сношенія съ Кумами и фокейскими колоніями—Эліей, Веліей и Массаліей, но торговыя сношенія съ Сициліей должны были быть болѣе оживленными, что доказываютъ разныя заимствованныя слова, усвоенныя римлянами въ дорической формѣ, напр.: махина, вм. іонійскаго механе.

Сознательное стремленіе примкнуть къ римлянамъ проявляется тотчасъ послѣ освобожденія города отъ Тарквиніевъ въ основаніи храма Цереры, Либера (Вакха) и Либеры (Прозерпины). Храмъ этотъ вѣроятно былъ сооруженъ греческими архитекторами: во всякомъ случаѣ жертвы новымъ божествамъ приносилися по греческому обряду и даже греческими жрицами, именно служительницами Деметры (Димитры). Была учреждена должность двухъ мужей (дуумвировъ) для надзора за греческимъ культомъ, и имъ поручено сохраненіе оракуловъ Сивиллы—пророчествующей въ Кумахъ жрицы Аполлона. Когда римляне составили свой знаменитый законъ 12 таблицъ, то, какъ было уже сказано, они послали сенатскую коммисію, если не въ Аѳины, то по крайней мѣрѣ въ южно-италійскія города, „съ цѣлью изучить знаменитые законы Солона“. Законъ двѣнадцати таблицъ впрочемъ есть не что иное, какъ кодификація *туземнаго* обычнаго права; тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя постановленія указываютъ на заимствованіе изъ греческихъ образцовъ. Гермодоръ изъ Эфеса, какъ говорятъ, истолковывалъ римскимъ законодателямъ греческіе законы. Посредствомъ сношеній съ сицилійскими эллинами къ римлянамъ перешли и греческія преданія. Съ разсказами объ Одиссеѣ (Улиссѣ) и Энеѣ начинаются тѣ племенныя преданія, которыя позднѣе послужили болѣе тѣсной связью Рима съ греческимъ міромъ. Прежде всего, однако, пріобрѣла большое зниченіе вѣра въ греческихъ боговъ. Изъ добычи, захваченной въ Вейи (396 до Р. Х.) въ Дельфы былъ посланъ жертвенный даръ. Аполлону (431) и Эскулапу (293) были сооружены въ Римѣ особые храмы. Мудрость Пиѳагора почиталась также въ Римѣ, хотя быть можетъ ей болѣе удивлялись, чѣмъ понимали. Виновнику ея поставили во время второй самнитской войны статую.

Многія позднѣйшія учрежденія могутъ быть приведены къ тому же началу. Первые солнечные часы были привезены изъ Сициліи въ Римъ въ 263 г до Р. Х. Уже раньше были устроены празднества по греческому образцу.

На ряду съ этимъ проникли однако и разныя греческія распутства. Роскошь, утвердившаяся въ Этруріи и въ греськихъ городахъ Компаніи, нашла и въ Римѣ подражателей и любителей. Въ эпоху самнитскихъ войнъ мы видимъ уже случаи осужденія за педерастію. Было бы однако неправильно утверждать, что развращающее вліяніе, впослѣдствіи оказанное Греціей на Римъ, относилось уже всецѣло къ тому времени. Многіе факты приводятъ наоборотъ къ иному заключенію. Обильный ввозъ раскрашенныхъ вазъ и другихъ глиняныхъ издѣлій изъ Аттики, Корциры и Сициліи въ Италію, правда, привелъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ черезчуръ роскошному убранству могилъ. Такъ напр., въ странахъ эллинской полукультуры: у кампанцевъ, у луканцевъ, а также у нѣсколько эллинизированныхъ самнитовъ, этого рода роскошь была доведена до крайности. Но у латиновъ мы этого не видимъ. Быть можетъ отъ этого ихъ уберегъ свойственный имъ практическій здравый смыслъ.

Въ Римѣ сверхъ того играли здѣсь роль и строгіе законы и вмѣшательство властей. Законъ 12 табл. запретилъ употребленіе пурпурныхъ савановъ, золотыя украшенія при похоронныхъ торжествахъ. До самой эпохи, послѣдовавшей за второй пунической войной, цензора очень строго слѣдили за соблюденіемъ этого закона. Мы не видимъ и на общественныхъ зданіяхъ Рима тѣхъ аттрибутовъ роскоши, которые такъ поражаютъ насъ въ этрускихъ и въ греческихъ постройкахъ.

Подлежитъ сомнѣнію, участвовали ли римляне этой эпохи въ активной торговлѣ съ греками? Неизвѣстно, въ какой именно мѣрѣ они сами занимались мореплаваніемъ и заморской торговлей. Первый договоръ между Римомъ и Кароагеномъ, въ которомъ, между прочимъ, римлянамъ запрещены торговыя сношенія съ кароагенскими колоніями, Полибіемъ (знаменитѣйшій историкъ 2 в. до Р. X.): ошибочно отнесенъ къ началу республики (509 до Р. X.) на самомъ же дѣлѣ вѣроятно относится къ 348 г. до Р. X. т. е. къ эпохѣ, когда Римъ былъ уже передовою силою латинскаго союза и вольскихъ приморскихъ городовъ и заключилъ союзъ отъ общаго имени. Весьма характерно для зависимости римскаго карабдестроенія отъ эллинскихъ мореплавателей то обстоятельство, что почти всѣ аттрибуты мореплаванія, напр., названія для якоря, руля, передней и задней части корабля, а также названія вѣтровъ заимствованы съ греческаго. Въ Римѣ также долгое время отсутствуетъ самостоятельный классъ купцовъ. Богатые землевладѣльцы мѣстами перевозили свой хлѣбъ внизъ по Тибру и вдоль латинскаго берега, но были ли подобныя баржи съ хлѣбомъ достаточны для настоящей заморской торговли, это конечно весьма сомнительно; а еще болѣе сомнительно, чтобы землевладѣльцы занимались спекуляціями гдѣ-либо въ Сициліи или въ Африкѣ.

Во всякомъ случаѣ, тотъ фактъ, что нѣкоторыя римскія слова рано проникли въ Сицилію, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что въ теченіе этого періода порою также и римскіе предпріимчивые люди осмѣливались пускаться въ море, перевозили на своихъ корабляхъ товары въ Грецію или же привозили на нихъ товары съ съ Востока. Но для подобнаго мореплаванія Остія не была подходящимъ исходнымъ пунктомъ и торговое развитіе можетъ быть поэтому отнесено

лишь къ тому времени, когда римляне уже овладѣли значительной береговой полосой и добыли хорошія гавани.

Что римляне въ началѣ республиканскаго періода не имѣли никакихъ прямыхъ сношеній съ финикіянами и кароагенянами, это ясно также изъ отсутствія продуктовъ, ввозившихся этими народами. Правда въ 12 табл. мы находимъ умащиваніе усопшихъ миррою и пурпурныя одежды и уже рано упоминаются малые предметы изъ слоновой кости, повидимому также финикійскаго происхожденія. Но эти немногіе предметы, какъ и многія другія произведенія искусства, получались изъ Этруріи путемъ обмѣна, а затѣмъ обмѣнивались на римскую мѣдь посредствомъ сухопутнаго торга.

Уже въ древнѣйшихъ гробовыхъ склепахъ ближайшихъ этрускихъ городовъ, Цере и Вульци, находятъ золотыя пластинки съ штемпелями вавилонскаго происхожденія. Новѣйшія находки въ Египтѣ доказали существованіе давнихъ сношеній этрусковъ (турша) съ египтянами, и для объясненія того, почему такъ ничтожны слѣды восточной культуры на римской почвѣ, достаточно указать на мелкія торговыя сношенія съ Этруріей и на нѣсколько болѣе широкое распространеніе торговли съ сицилійскими и съ греческими городами.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Римъ, какъ по причинѣ своей ранней торговли съ Сициліею, такъ и по причинѣ мѣновой и денежно-товарной торговли съ городами на границѣ Этруріи, привозилъ много предметовъ иноземной промышленности и даже впалъ поэтому въ нѣкоторую зависимость отъ другихъ странъ. Но то обстоятельство, что Лаціумъ, кромѣ нѣкоторыхъ сырыхъ продуктовъ, не могъ вывозить ничего въ видѣ эквивалента за заграничные товары, столько же сдерживало торговлю въ извѣстныхъ рамкахъ, сколько поощряло туземную промышленность подражать иноземнымъ издѣліямъ. Этому жалкому положенію во всемірной торговлѣ Римъ обязанъ раннимъ развитіемъ ремеслъ.

Уже въ эпоху Нумы, т. е. въ доисторическія времена, въ Римѣ, какъ полагаютъ, существовало восемь цѣховъ: флейтисты, мѣдники, золотыхъ дѣлъ мастера, плотники, вальцовщики, башмачники, красильщики, гончары. Эти цѣхи не только были признаны оффиціально, но и обладали извѣстными привилегіями. Многіе были освобождены отъ воинской повинности, другіе, какъ напр., флейтисты и плотники, сами

были организованы по военному и служили службу. Они пріобрѣли за свои заслуги даже извѣстныя гражданскія права и политическія привилегіи. Въ особенности бросаются въ глаза особенности цѣха золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Такъ какъ потребность въ благородныхъ металлахъ и золотыхъ товарахъ въ первыя четыре столѣтія жизни римскаго государства была, очевидно, чрезвычайно мала, и частныя лица рѣдко носили что-либо, кромѣ золотого всадническаго кольца и золотого шарика, надѣвавшагося знатнымъ мальчикамъ въ видѣ украшенія, то существованіе этого цѣха можно понять, лишь если примемъ во вниманіе, что золотые предметы требовались для культа и что необходимо было имѣть золотые сосуды для государственныхъ и частныхъ подношеній храмамъ, независимо отъ иностраннаго ввоза. Съ теченіемъ времени, число цѣховъ и коллегій увеличилось: такъ явился союзъ хлѣботорговцевъ. Но вообще говоря, число профессіонально-организованныхъ цѣховъ оставалось ничтожнымъ.

Въ продолженіе первыхъ столѣтій римской исторіи, у римскаго сельскаго хозяина или горожанина приготовлялась большая часть предметовъ потребленія. Рабы приготовляли всѣ средства прокормленія; все что относится къ производству хлѣба дѣлалось рабами.

Печенье, варка, вареніе напитковъ—все было въ рукахъ рабовъ. Обработка шерсти и льна, травы и камыша для одежды и разнаго рода домашней утвари, починка платьевъ, плетеніе корзинъ, витье веревокъ, починка зданій и утвари—все это дѣлалось дома, безъ помощи какихъ-либо наемныхъ рукъ. О производствѣ, занимающемъ руки многочисленныхъ рабовъ, для этого періода еще не можетъ быть и рѣчи. Рабовъ имѣли еще въ очень умѣренномъ числѣ: прежде всего, разумѣется, для полевыхъ работъ. Въ особенности старались раздобыть рабовъ, отличающихся техническою или ремесленною сноровкою, какъ напр., виноградарей и умѣющихъ ухаживать за оливковыми деревьями. Сверхъ этого, впрочемъ, пользовались рабами для всѣхъ вообще работъ, почему-либо считавшихся неприличными для свободныхъ людей. Наоборотъ, въ роли подчиненныхъ или низшихъ чиновниковъ въ эту эпоху рабы являются еще рѣдко; такія должности занимаются, если не свободными, то вольноотпущенными. Относительно большинства обитателей тогдашнихъ римскихъ областей можно повторить слова Катона, что римскій народъ сохранилъ тѣже привычки, какъ и сабинскій; земледѣліе,

пастьба скота и воздѣлываніе деревьевъ составляли главное занятіе римскаго народа. Земледѣліе признавалось занятіемъ, единственно достойнымъ человѣка изъ хорошаго семейства. Сверхъ того, оно доставляло прокормленіе значительному числу людей средняго достатка. Сельскіе округа (числомъ 31) все же оставались наиболѣе почетными, тогда какъ 4 городскія трибы, если быть можетъ и не въ началѣ этой эпохи, то во всякомъ случаѣ весьма рано считались менѣе значительными, уже по причинѣ множества живущихъ въ нихъ ремесленниковъ, наемныхъ рабочихъ и вольноотпущенныхъ.

Въ какой значительной мѣрѣ соединялась у римлянъ даже съ городскою жизнью мысль о земледѣліи, показываетъ обрядъ закладки городовъ. Плугомъ обозначалось мѣсто, гдѣ долженъ быть проведенъ ровъ и построена стѣна. Уже упомянутыя нормы ценза въ 100.000, 75.000, 25.000, 12.500 асовъ по общему мнѣнію соотвѣтствовали опредѣленному числу югеровъ земли, такъ что все государство было организовано на аграрной основѣ. Къ предметамъ, которые по римскому праву должны были находиться въ настоящей квиритской собственности, относятся только составныя части земледѣльческаго хозяйства—поля, рабочій скотъ, рабы. Это такъ наз. ресъ манципи.

Важнѣйшимъ продуктомъ земледѣлія были зерновые хлѣба, сначала полба—фаръ, позднѣе пшеница, затѣмъ еще просо, бобы и свекла. Кормомъ лошадямъ служилъ ячмень. Обработка имѣла часто характеръ двупольной системы, состоящей въ томъ, что поле черезъ годъ то оставлялось подъ паромъ, то обрабатывалось. Но наряду съ этимъ озимымъ хозяйствомъ стало появляться и яровое, съ болѣе продолжительною плодосмѣнностью. Предположеніе нѣкоторыхъ книжныхъ ученыхъ, будто для семьи римскаго гражданина хватало наименьшей мѣры земли, а именно въ переводѣ на наши мѣры - половины гектара, нелѣпо: гдѣ встрѣчается такая малая мѣра участка, тамъ должно было въ широкой степени существовать подсобное хозяйство изъ продуктовъ скотоводства и изъ древесныхъ плодовъ, а сверхъ того вѣроятно было и пользованіе общественной землей.

Что касается культуры деревьевъ, то кромѣ строеваго и вообще полезнаго дерева, каково дубовое, буковое, вязовое, прежде всего играли роль оливка и фиговое дерево—первая была ввезена изъ Греціи. Вкусные и питательные плоды фи-

говаго дерева были очень любимы и значеніе его видно уже изъ того, что Ромула и Рема изображали подъ тѣнью фиговаго дерева.

Еще болѣе приносила пользы культура винограда. Уже изъ древнѣйшихъ обрядовъ римлянъ—еще до того, какъ они услышали что-либо объ Вакхѣ или Либерѣ,—ясно, что разводили виноградъ и ставили его подъ покровительство высочайшаго изъ боговъ — Юпитера. Лишь съ разрѣшенія жреца этого бога и по принесеніи въ жертву первинокъ, можно было начать осеннюю уборку.

Земледѣліе, какъ оно велось римлянами, было невозможно безъ скота. Кромѣ упряжнаго и вьючнаго скота, разводили также и мелкій — овецъ, козъ, свиней и множество птицъ. Поддержкѣ хорошаго скотоводства благопріятствовало существованіе принадлежавшимъ селеніямъ общественныхъ пастбищныхъ земель. Если, не смотря на довольно упорядоченныя аграрныя отношенія, сообщенія, относящіяся къ первымъ вѣкамъ существованія республики, переполнены жалобами на задолжаніе бѣдныхъ плебеевъ, на напрасныя попытки уменьшить или ослабить нужду, то не слѣдуетъ забывать, что отдѣльныя черты этихъ сообщеній написаны лишь позднѣе, подъ впечатлѣніемъ реформъ Гракховъ и неурядицъ эпохи Суллы, такъ что здѣсь мы видимъ скорѣе отраженіе идей римлянъ 3 и 4, чѣмъ 7 или 6 в. Съ другой стороны, однако, не мѣшаетъ принять во вниманіе и то обстоятельство, что безъ соціальныхъ неурядицъ нельзя было бы объяснить и переворотовъ, вродѣ удаленія нѣсколько разъ плебеевъ, учрежденія трибуната и расширенія его могущества. Безпрестанныя войны, раззореніе полей римскихъ гражданъ при нашествіяхъ до самыхъ стѣнъ города, все это должно было имѣть тяжкія послѣдствія для народа, жившаго исключительно натуральнымъ хозяйствомъ. Тѣмъ ненавистнѣе должно было, поэтому, стать господство правящихъ классовъ, когда они, послѣ счастливыхъ войнъ, къ концу 4 в. стремились препятствовать раздачѣ полей мелкимъ собственникамъ, стараясь расширить систему несправедливой оккупаціи.

Для правильнаго сужденія о всей римской системѣ аграрныхъ и имущественныхъ отношеній, не мѣшаетъ помнить о томъ, что для этой эпохи не можетъ быть еще и рѣчи о значительной внутренней торговлѣ. Въ этомъ прежде всего убѣждаетъ узкоколейность дорогъ. Въ то время какъ древняя лимитаціонная система (размежеваніе) обнаруживаетъ значительную заботу о томъ, чтобы удовлетворить потребностямъ крестьянскихъ сообщеній, посредствомъ проведенія многочисленныхъ проселочныхъ дорогъ, мы не видимъ ни одной дороги шире 8 ф., и ясно, что такіе пути сообщенія могли служить развѣ только для ярмарокъ и для еженедѣльныхъ базаровъ.

Тѣмъ болѣе заслуживаетъ признанія, что тогдашній Римъ создалъ чудеса въ области полиціи и въ смыслѣ охраны народнаго благосостоянія.

Канализація Рима, сооруженіе водопроводовъ, дорогъ, береговыя сооруженія—все это дѣла, остатки которыхъ еще и теперь говорятъ о дѣятельности разумныхъ римскихъ эдиловъ и цензоровъ. Въ этой практической области мы видимъ даже развитіе значительнаго искусства. Въ остальномъ у римлянъ нельзя замѣтить и слѣдовъ художественности, по крайней мѣрѣ самостоятельной. Римляне стремятся еще учиться у эллиновъ и этрусковъ; достаточно похвалы заслуживаетъ уже то, что они избѣгаютъ этрускаго безвкусія.

Римъ, какъ главный городъ Италіи.

Какимъ образомъ Римъ достигъ главенства въ Италіи?

Одна изъ важнѣйшихъ, какъ въ политическомъ, такъ и въ культурно-историческомъ отношеніи, перемѣнъ въ размѣрахъ территоріи и въ значеніи римскаго государства произошла въ теченіе двухъ поколѣній, предшествующихъ пуническимъ войнамъ.

Передъ самнитскими войнами, т. е. до 343 г., римская область имѣла максимумъ—тройную площадь по сравненію съ тою, которую она занимала передъ изгнаніемъ царей—около 3.000 кв. кил. вм. 1.000. Ко времени начала первой пунической войны, область эта расширилась въ девять разъ, по сравненію съ только что указанной, достигнувъ около 27.000 кв. кил.

Но это была лишь непосредственная римская область, составлявшая одну пятую долю той, которую занимали римскія владѣнія со включеніемъ италійскаго союза. Все вмѣстѣ составляло около 160.000 километровъ, т. е. равнялось площади Италіи къ югу отъ По.

Какимъ же образомъ удалось Риму втеченіе недолгаго времени достичь такого значительнаго расширенія?

Еще въ 390 г. до Р. Х., какъ говорятъ, Римъ былъ осажденъ и взятъ галлами. Періодически возвращались галльскія орды и угрожали городу. Эти катастрофы были, однако, для Рима тѣмъ же, чѣмъ персидскія войны для Аѳинъ и вообще для Греціи. Лишь съ этой эпохи, со времени опасности, угрожавшей самому ихъ существованію, римляне сознали свои силы. Болѣе живое чувство національной общности пробудилось у римлянъ и у латинскихъ и сабелльскихъ племенъ. Какъ раньше въ Греціи, такъ и теперь въ Италіи, многія народности вынуждены были сомкнуться тѣснѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ было положено основаніе господству Рима.

Важнымъ факторомъ для начавшагося въ то время развитія Рима были, во всякомъ случаѣ, относящіяся къ началу галльскихъ войнъ преобразованія арміи.

Камиллъ расположилъ войско уже не густой фалангой, но ротами (манипулами), каждая около 150 человѣкъ. Роты эти ставились съ промежутками, а весь боевой порядокъ располагался тремя шеренгами. Отсюда армія пріобрѣла подвижность и способность маневрировать. Еще важнѣе была другая особенность. Промежутки между отдѣльными ротами, уменьшавшіеся, впрочемъ, при приближеніи къ врагу, дозволяли двумъ заднимъ шеренгамъ смѣнять переднюю. На этомъ покоилась сила римской тактики. Если даже одна шеренга была смята, то вновь построенная шеренга была готова принять отступающихъ и вмѣсто нихъ выступить въ бой. Данное въ то время легіонерамъ оружіе—метательные дротики и короткіе мечи—требовали отъ каждаго отдѣльнаго воина значительной ловкости и личнаго мужества. Умѣвшій владѣть такимъ оружіемъ сознавалъ зато свое моральное превосходство почти надъ всякимъ врагомъ. Это и былъ способъ боя, уцѣлѣвшій, съ небольшими уклоненіями, отъ Камилла до Адріана. Римъ обязанъ этому способу борьбы всѣми своими побѣдами: но ясно, что для подобнаго боя требовались прежде всего доблестные граждане.

Не смотря на все это, маленькое римское государство, или скорѣе гражданская республика начала IV в., не могла еще помышлять о расширеніи своей гегемоніи на всю Италію и едва могла защититься отъ сосѣдей. Ей однако благопріятствовали политическія отношенія, господствовавшія какъ разъ у этихъ сосѣдей. Большая часть политическихъ тѣлъ, могущественныхъ еще въ 5 вѣкѣ, пала въ 4 вѣкѣ, или по крайней мѣрѣ лишилась способности сопротивленія подъ ударами чужеземцевъ. Великодержавное положеніе этрусковъ, принадлежавшее имъ въ эпоху Тарквиніевъ, сначала было потрясено на морѣ греками, затѣмъ на сушѣ потерпѣло ударъ отъ самихъ римлянъ, при изгнаніи Тарквиніевъ и вслѣдствіе побѣдоноснаго поступательнаго движенія латинскаго союза противъ Вейи и Фиценъ. Нахлынувшіе съ сѣвера галлы покорили сѣверную часть этрускихъ областей, а отсутствіе единодушія и партійные раздоры среди 12-и союзныхъ городовъ Этруріи ослабили это нѣкогда могущественное государство, такъ что покореніе его римлянами стало теперь лишь дѣломъ времени.

Раньше весьма могущественные греческіе города въ Нижней Италіи или Великой Греціи, въ эпоху галльскаго нашествія частью были покорены сиракузскимъ тиранномъ Діонисіемъ, частью находились въ униженіи и, за исключеніемъ Тарента, утратили свою политическую силу. Захваченныя самнитами южныя области — Луканія, Кампанія, Бруттія смѣшались съ эллинскимъ и эллинизированнымъ населеніемъ этихъ мѣстностей, но при этомъ значительно изнѣжились и утратили способность сопротивленія. Сверхъ того, имъ много приходилось терпѣть отъ напирающихъ самнитскихъ полчищъ, а еще болѣе отъ призванныхъ изъ Тарента предводителей наемныхъ войскъ—Архидамаса изъ Спарты, Александра Эпирскаго, Клеонима Спартанскаго и др.

Лишь самниты въ долинахъ Абруццъ оставались соперниками, еще превосходившими римлянъ силою. Этотъ единственный народъ предстояло римлянамъ побѣдить, прежде чѣмъ они могли помышлять о расширеніи своихъ владѣній въ Средней Италіи или по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Для каждаго, кому было ясно отношеніе силъ—съ одной стороны римско-латинскаго союза, съ другой—самнитовъ, такое предпріятіе должно было показаться довольно рискованнымъ. Надо однако, ознакомиться съ коварнымъ образомъ дѣйствій тогдашней римской дипломатіи.

Римскій народъ стремился къ своему всемірному господству не безъ всякаго плана. Хорошо разсчитанная, клонящаяся къ собственной пользѣ политика, проведенная съ замѣчательною послѣдовательностью, выработала государственное искусство, не отступавшее ни передъ какою интригою, ни передъ какимъ коварствомъ. Никто, конечно, не потребуетъ, чтобы какая бы то ни была дипломатія отличалась идеальною честностью. Право самообороны оправдываетъ мно-

гое, особенно когда государство находится въ опасности, но римляне, съ самаго начала своей борьбы за міровое положеніе, отличались самой безсовѣстной политикой,—хитрой, разсчитанной угодливостью сильнѣйшимъ, безсердечной суровостью къ слабѣйшимъ и все это даже тамъ, гдѣ рѣчь вовсе не шла объ объ оборонѣ.

Въ тоже время, однако, слѣдуетъ замѣтить, что разсчетливость дѣйствій тогдашнихъ руководящихъ круговъ Рима часто удивляетъ насъ еще теперь. Трезвое соображеніе самыхъ отдаленныхъ послѣдствій проявляется почти во всѣхъ политическихъ планахъ того времени и этимъ качествомъ особенно отличается римскій сенатъ: все это показываетъ, что римскій народъ, не смотря на свою неспособность ко многимъ болѣе идеальнымъ задачамъ, во всякомъ случаѣ уже вышелъ тогда изъ низшей стадіи варварства.

На первый взглядъ, въ эту эпоху мы видимъ неуклонное стремленіе къ преслѣдованію своей личной пользы, причемъ обнаруживается весьма мало заботы о какихъ-либо принципахъ или о правѣ. Характерный случай улаженія пограничной распри между Ардеей и Арицiей—такимъ образомъ, что Римъ по просту занялъ спорную территорію (446 г. до Р. Х.), говоритъ самъ за себя. Не менѣе характерно нарушеніе кавдинскаго договора (321 г. до Р. Х.) или же поддержка возмутившихся мессанцевъ-поджигателей (264 г.).

Дальновидность римской политики, клонившейся къ покоренію всей Италіи, прежде всего обнаруживается въ количествѣ и качествѣ ихъ союзныхъ договоровъ, особенно тѣхъ, которые были заключены передъ самнитскими войнами.

Около середины IV вѣка до Р. Х., Римъ долженъ былъ предвидѣть, что столкновеніе съ самнитянами раньше или позже станетъ неизбѣжнымъ. При этомъ Римъ не могъ однако, положиться даже на своихъ ближайшихъ союзниковъ. Даже латины были не надежны. Поэтому главнѣйшей задачей Рима было заключить союзы, прикрывающіе Римъ съ тыла, прежде чѣмъ для него стало возможнымъ движеніе впередъ на Кампанію. И дѣйствительно, къ этому времени относятся многіе договтры, при чемъ какъ характеръ ихъ, такъ ихъ продолжительность, не оставляютъ никакого сомнѣнія на счетъ ихъ настоящаго значенія. Галламъ былъ предоставленъ миръ на 30 лѣтъ и уступлена территорія до Пицинума.

Съ этрусками заключенъ миръ на 40 лѣтъ. Особенными

договорами кампанскія и луканскія общины были такъ связаны съ Римомъ, что во время первыхъ двухъ самнитскихъ войнъ онѣ вполнѣ слѣдовали за римлянами. Дальнѣйшіе союзы были заключены Римомъ съ могущественными вождями наемниковъ въ Южной Италіи—Александромъ Эпирскимъ и Клеонимомъ Спартанскимъ, а по всей вѣроятности съ могущественнымъ тиранномъ Агаѳокломъ Сиракузскимъ.

Гораздо важнѣе, однако, дружественные и союзные договоры, заключенные Римомъ съ Карѳагеномъ. Текстъ ихъ сохраненъ намъ Полибіемъ. Уже тотъ фактъ, что Римъ здѣсь вступаетъ въ договоръ съ Карѳагеномъ, самъ по себѣ весьма замѣчателенъ для сужденія о тогдашнемъ міровомъ положеніи Рима. Не менѣе замѣчательно то обстоятельство, что Римъ пытался подкупить алчныхъ карѳагенскихъ купцовъ предоставленіемъ имъ всякихъ торговыхъ выгодъ, дѣйствительныхъ и воображаемыхъ. Рѣшительное, даже всемірно-историческое значеніе имѣютъ опредѣленія, относящіяся къ непосредственной активной помощи карѳагенянъ римлянамъ противъ римскихъ союзниковъ—на случай, если бы послѣдніе не захотѣли подчиниться желаніямъ Рима. Въ первомъ договорѣ, карѳагенянамъ воспрещается продолжительное пребываніе на сушѣ на случай, если бы они совершили враждебное вторженіе въ области дружественныхъ Риму союзниковъ. Занятые города карѳагеняне обязаны въ цѣлости отдать Риму. Во второмъ договорѣ, который уже по самымъ своимъ опредѣленіямъ можетъ принадлежать только эпохѣ, къ которой относится подготовка римлянъ къ борьбѣ противъ самнитовъ (340—338), карѳагенянамъ рѣшительно предоставлено право ограбленія захваченныхъ ими городовъ.

Эти опредѣленія относительно союзной помощи понятны для времени, когда Римъ не имѣлъ еще своего флота. Они дѣлаютъ понятнымъ, какимъ образомъ Римъ, въ эпоху, когда онъ не имѣлъ еще никакого флота, могъ уже, послѣ побѣды надъ приморскимъ городомъ вольсковъ Анціумомъ, украсить носами кораблей, взятыхъ изъ флота этого города, ораторскую трибуну въ Римѣ, на площади. Боязнь карѳагенянъ заставила греческія города Кампаніи, особенно Неаполисъ, отдаться въ руки римлянамъ.

Когда къ концу второй самнитской войны (326—304) образовалась средне-италійская коалиція противъ Рима, и Тарентъ угрожалъ стать на ея сторону, то Римъ, укрѣпивъ

свой союзъ съ Карѳагеномъ, обезпечилъ себя и могъ продолжать войну съ большимъ успѣхомъ.

Но въ тоже время, когда Римъ нашелъ поддержку со стороны одной изъ тогдашнихъ великихъ державъ, дальновидные римскіе политики усмотрѣли, что союзъ съ Карѳагеномъ, вслѣдствіе противоположности интересовъ, недолговѣченъ. Уже римское мореплаваніе и колонизація задерживались первыми двумя договорами—въ одномъ изъ нихъ Сардинія была удержана за карѳагенянами, Корсика же признана нейтральною для обѣихъ сторонъ; и такой договоръ вскорѣ долженъ былъ показаться для римлянъ крайне тягостнымъ. Сверхъ того, Римъ не могъ на долгое время отказаться отъ всякаго вліянія на Сицилію, а Карѳагенъ точно также не могъ на долго отказаться отъ Великой Греціи. Съ древнѣйшихъ временъ Римъ понялъ и оцѣнилъ значеніе дружбы съ значительнѣйшими городами Великой Греціи и вообще съ греческими колоніями: это доказывается его отношеніями къ Массаліи и къ Кумамъ. При этомъ весьма замѣчательно, что въ томъ самомъ году, когда Римъ заключилъ свой третій договоръ съ Карѳагеномъ, т. е. въ 346 г. до Р. Х., онъ вступилъ также въ союзный договоръ съ Родосомъ и греческими городами Кампаніи и Луканіи, предоставивъ имъ, при тогдашней сравнительной замкнутости своей территоріи, такія значительныя льготы, что они предпочли зависимость отъ Рима полной независимости.

Уже въ 3 в. предвидѣли тотъ случай, что противоположность интересовъ Рима и Карѳагена можетъ привести къ разрыву и что Римъ долженъ будетъ склонять въ свою пользу эллинскія республики. Въ эпоху войнъ съ Пирромъ эта возможность перешла въ дѣйствительность. Карѳагенъ долженъ былъ препятствовать водворенію Пирра въ Сициліи, Римъ благопріятствовалъ его удаленію туда. По окончаніи этой борьбы Римъ и Сиракузы стали дѣйствовать рука объ руку противъ возставшихъ наемниковъ въ Регіумѣ и въ Мессинѣ. Въ послѣдовавшей затѣмъ борьбѣ съ Карѳагеномъ, Римъ, при содѣйствіи греческихъ городовъ, создалъ себѣ флотъ, способный поровняться съ карѳагенскимъ. Во время войны съ Аннибаломъ, греческіе города остались вѣрны римлянамъ (218—211).

Эта картина дѣйствій римской дипломатіи позволяетъ сдѣлать немаловажныя заключенія о степени умственнаго развитія, о знаніи людей и пониманіи національныхъ особенностей раз-

ныхъ народовъ въ руководящихъ кругахъ Рима, которымъ тогда уже казалось не только естественнымъ, но и справедливымъ, чтобы Римъ занималъ руководящую роль среди италійцевъ.

Не менѣе заслуживаютъ вниманія тѣ средства, къ которымъ прибѣгалъ Римъ для обезпеченія за собою того, что уже было имъ добыто, особенно въ самнитскихъ войнахъ.

Прежде всего начинается эпоха сооруженія дорогъ и крѣпостей, превосходство которыхъ соотвѣтствуетъ военнымъ успѣхамъ Рима. Цензоръ Аппій Клавдій Цекусъ (312 г. до Р. Х.) началъ грандіозную систему общеполезныхъ общественныхъ построекъ, т. е. затѣялъ то, что оправдываетъ военные успѣхи Рима даже съ политико-экономической точки зрѣнія и что еще теперь въ своихъ развалинахъ даетъ тысячамъ людей, никогда не прочитавшимъ ни одной странички изъ римской исторіи, нѣкоторое понятіе о величіи Рима. Аппій соорудилъ первую римскую военную дорогу и первый водопроводъ для Рима. Идя по его стопамъ, римляне устроили сѣть дорогъ и крѣпостей, давшую имъ рѣшительное военное преобладаніе.

Объ огромномъ значеніи колоній для укрѣпленія римской власти и для романизированія покоренныхъ областей можно было бы сказать многое, такъ какъ основаніе первыхъ колоній относится къ эпохѣ, предшествующей первой пунической войнѣ. Лишь немногія изъ этихъ колоній, 6 важныхъ портовыхъ городовъ, были и тогда населены одними лишь римскими гражданами и по причинѣ важнаго значенія этихъ приморскихъ крѣпостей включены въ составъ римскаго государства. Въ гораздо болѣе многочисленныхъ и многолюдныхъ колоніяхъ внутреннихъ областей римляне слѣдовали другому принципу. Уже въ древнюю эпоху основывались смѣшанныя колоніи изъ латиновъ и римлянъ. Это тогда дѣлалось ради соблюденія нѣкотораго равенства между членами латинскаго союза. Со времени значительной латинской войны (340—338 г. до Р. Х.) явились другія основанія для подобной колонизаціи. Теперь рѣчь шла уже о томъ, чтобы слить еще враждебные элементы и воспользоваться народностями латинскаго права и латинскаго языка для романизированія покоренныхъ областей. На чужбинѣ, окруженные враждебными элементами, римскіе и латинскіе граждане научались чувствовать себя братьями. Латинскія колоніи, находившіяся на самыхъ важныхъ стратегическихъ пунктахъ, сверхъ

того большею частью въ плодородныхъ мѣстностяхъ, пользовались отъ Рима достаточной территоріей и полной мѣстной автономіей. Ихъ положеніе было столь благопріятнымъ, что даже во время худшихъ катастрофъ, онѣ оставались вѣрны Риму. Поясъ изъ крѣпостей, окружавшій Самніумъ, включавшій въ себя Этрурію и отдѣлявшій сѣверную Италію отъ средней, навѣрное послужилъ болѣе, чѣмъ что-либо другое, для укрѣпленія положенія Рима во главѣ италійскаго союза.

Велики были также жертвы, возлагаемыя безпрестанными войнами на римскій народъ; лишь отчасти онѣ вознаграждались тѣмъ, что при покореніи новыхъ областей раздавались земли бѣднѣйшимъ гражданамъ; основывались даже новые гражданскіе округа.

Но какъ значительно все же чувствовалось военное бремя, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что Римъ привлекалъ къ военной службѣ не только недавно покоренныхъ, но и пользовавшихся меньшими гражданскими правами, такъ что упоминается особый кампанскій легіонъ. Даже вольноотпущенные включались въ списки гражданъ, подлежавшихъ воинской повинности. И это нововведеніе восходитъ къ знаменитому консулу Аппію Клавдію Цеку. Впослѣдствіи оно было видоизмѣняемо, но не отмѣняемо.

Готовность къ самопожертвованію и любовь къ отечеству, доказанная римскимъ народомъ въ годины тяжкихъ испытаній, выказываютъ наилучшія стороны римской натуры и до нѣкоторой степени оправдываютъ кровопролитіе, съ которымъ было достигнуто покореніе всей Италіи. Свобода многихъ прекрасныхъ народовъ при этомъ, конечно, погибаетъ и многіе плоды культуры уничтожаются, прежде чѣмъ Римъ создаетъ здѣсь новыя организаціи.

Римъ во главѣ италійскаго союза.

Не менѣе достопамятнымъ, чѣмъ покореніе Италіи въ 4 в. до Р. Х., является утвержденіе гегемоніи Рима въ 3 в. Тяжелая борьба съ иноземными державами, отчасти причиненная честолюбивыми планами римлянъ, не разъ подвергала испытанію прочность созданнаго Римомъ союзнаго государства. Несмотря на это, сплоченность италійцевъ оказалась достаточной, и можно сказать даже, что лишь преданность южно-италійскаго населенія Кампаніи, Луканіи и Бруттіума

слегка поколебалась во время второй пунической войны. Для того, чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе этого факта, необходимо на минуту вспомнить о многочисленныхъ войнахъ, происходившихъ въ Италіи какъ разъ въ 3 в. до Р. Х.

Едва самниты и луканцы были покорены Римомъ, какъ натискъ огромныхъ полчищъ галловъ, главнымъ образомъ бойевъ, явившихся на помощь родственнымъ семнонамъ, прогнаннымъ римлянами подъ Анконой, стали серьезно угрожать Риму. Это и былъ упомянутый уже натискъ галловъ по направленію къ Средиземному морю, который въ слѣдующіе годы привелъ къ ограбленію и опустошенію Македоніи и сѣверной Греціи и, наконецъ, къ занятію части Малой Азіи галлами или галатами, впослѣдствіи игравшими роль въ битвахъ между діадохами въ роли хорошихъ бойцовъ и мародеровъ. Рѣшительная побѣда при Вадименскомъ озерѣ спасла Римъ (283 г.). Уже въ слѣдующемъ году мы видимъ распрю съ могущественнѣйшимъ греческимъ государствомъ южной Италіи. Римскій флотъ, потерпѣвшій крушеніе въ гавани Тарента, подвергся нападенію возбужденнаго народа, и это неразумное дѣло приняло тѣмъ худшій оборотъ, что посланные въ Тарентъ римскіе послы подверглись насмѣшкамъ и оскорбленіямъ. Но изнѣженные греки были не въ состояніи одни сопротивляться римлянамъ; они призвали на помощь царя эпирскаго Пирра, съ его наемными войсками. Луканы и самниты, послѣ первыхъ значительныхъ побѣдъ Пирра, подлѣ Геракліи, приняли его сторону; но преданность среднеиталійскихъ союзниковъ, превосходная военная организація римлянъ и несокрушимое мужество римскаго сената превозмогли всѣ трудности. Пирръ счелъ въ 278 г., что ему будетъ легче сражаться съ кареагенянами въ Сициліи, нежели съ римлянами въ Италіи, и покинулъ страну. Въ то время однако и союзъ Рима съ Кареагеномъ, въ послѣдній разъ подтвержденный въ 279 г., кончился разрывомъ. Послѣ того какъ кареагенскій флотъ не могъ воспрепятствовать появленію Пирра въ Италіи, римляне болѣе не видѣли для себя никакого интереса въ поддержкѣ кареагенянъ; наоборотъ, для этихъ послѣднихъ было важно, чтобы римляне поддержали ихъ въ Сициліи. Римляне съ полнымъ основаніемъ отказались отъ такой поддержки, а поэтому не удивительно, что вскорѣ въ свою очередь увидѣли кареагенянъ на сторонѣ Тарента.

Въ 270 г. до Р. Х. они заняли мятежный Регіонъ, подлѣ Мессинскаго пролива, и такимъ образомъ уже стояли одной

погою на островѣ, который карѳагеняне считали находившимся въ сферѣ ихъ могущества. Вскорѣ послѣ этого началась борьба за Сицилію, окончившаяся тѣмъ, что послѣ кровавой 24-лѣтней войны, быть можетъ самой свирѣпой и наиболѣе губительной изъ всѣхъ, какія велись въ древности, этотъ важный о-въ былъ занятъ римлянами.

Война эта совершенно измѣнила способъ военныхъ дѣйствій и положеніе Рима по отношенію къ подчиненнымъ народностямъ. Прежде всего здѣсь пришлось положиться на флотъ, такъ какъ непріятель былъ очень силенъ на морѣ, и упорство, съ которымъ преслѣдовалась эта цѣль, на самомъ дѣлѣ заслуживаетъ изумленія. Еще и теперь, судя по нѣкоторымъ отрывкамъ изъ древнихъ лѣтописей, мы можемъ видѣть, что новый флотъ въ нѣсколько сотъ парусовъ былъ созданъ въ нѣсколько мѣсяцевъ. Но и вся эта энергія не привела бы ни къ чему, если бы Римъ не нашелъ въ греческихъ городахъ отличнаго экипажа и не имѣлъ тысячъ рабовъ для гребныхъ судовъ. Матросами служили флотскіе союзники; лишь настоящіе морскіе солдаты брались изъ римскаго набора—классисъ—названіе, впослѣдствіи распространенное на весь вообще флотъ.

Это отношеніе къ греческимъ союзникамъ, разумѣется, основывалось на предположеніи безусловной вѣрности и преданности этихъ городовъ Риму. И Римъ въ этомъ не ошибся. Соперничество между римлянами и пунійцами было таково, что греческимъ городамъ пришлось искать покровительства Рима, какъ единственнаго спасенія.

Захватъ трехъ большихъ острововъ Средиземнаго моря— Сициліи, Сардиніи и Корсики, привелъ къ образованію провинцій—округовъ, которые, подчиняясь Риму, утратили право военной службы и стали данниками Рима, т. е. должны были уплачивать десятинныя подати и пошлины. Это повліяло благопріятно на латинскихъ союзниковъ и вообще италійцевъ, находившихся въ лучшемъ положеніи и тѣмъ тѣснѣе примкнувшихъ къ Риму.

Спокойствіе, наступившее послѣ первой пунической войны, было лишь кратковременнымъ. Помимо вѣроломнаго вмѣшательства въ карѳагенскую наемническую войну, Римъ порою отражалъ нападенія бойевъ, велъ двѣ войны 229 и 219 противъ иллирійскихъ пиратовъ и долженъ былъ отстранить отъ себя нападеніе галльскихъ инсубровъ. Послѣ весьма кровавой войны (225—22) это племя было отброшено за р. По.

Не римлянами была начата навязанная имъ вторая пуническая война. Послѣ утраты большихъ средиземноморскихъ острововъ, благодаря военному генію полководцевъ изъ рода Баркидовъ, Карѳагенъ нашелъ новыя провинціи, свѣжія войска и достаточныя денежныя средства для продолженія войны. И все это было достигнуто посредствомъ покоренія Испаніи. Богатые серебряные рудники, развитіе торговли,—все это наполнило кассы карѳагенянъ. Иберы, съ которыми обращались доброжелательно, безъ труда стали на сторону завоевателей и ими можно было пользоваться, какъ хорошими наемниками. Величайшій полководецъ Востока, Аннибалъ, стоялъ во главѣ войска; такимъ образомъ Карѳагенъ могъ еще разъ попытать счастье и начать борьбу за міровое господство. Лишь послѣ 17-ти лѣтней борьбы Римъ одержалъ побѣду (201 до Р. Х.). Такихъ пораженій, какъ при Тразиментскомъ озерѣ и при Каннахъ, Римъ болѣе не испытывалъ. Почти 15 лѣтъ (218—203 до Р. Х.) Аннибалъ оставался на италъянской почвѣ. Капуя и Тарентъ много лѣтъ оставались въ его рукахъ; ни разу онъ не былъ побѣжденъ въ Италіи на полѣ сраженія. Рѣшительная борьба произошла въ Сициліи, Испаніи и въ Африкѣ. Обратное завоеваніе почти уже утраченной Сициліи, послѣ взятія Марцелломъ Сиракузъ (212 г.), обезпечило римлянамъ путь въ Африку, куда они давно уже стремились. Но болѣе всего этого имъ благопріятствовало то обстоятельство, что послѣ двухъ братьевъ Сципіоновъ, у римлянъ явился въ лицѣ молодаго Публія Корнелія Сципіона полководецъ, способный помѣряться съ Аннибаломъ. Его геніальному способу веденія войны римляне обязаны полнымъ изгнаніемъ пунійцевъ съ Пиринейскаго полуострова и тѣмъ, что война была перенесена въ Африку. Побѣды Сципіона заставили самого Аннибала въ 202 г. до Р. Х. оставить Италію и въ рѣшительномъ сраженіи при Замѣ Сципіонъ побѣдилъ величайшаго врага римлянъ. Карѳагенъ долженъ былъ просить мира. Уже этотъ историческій очеркъ доставляетъ въ то же время культурно-историческія данныя для той эпохи. Гражданство, изъ году въ годъ добровольно переносившее всѣ тягости и жертвы упорно, мужественно преслѣдовавшее задачу—усилить внѣшнее могущество своего отечества, ясно обнаружило, какимъ факторамъ Римъ болѣе всего обязанъ своимъ успѣхамъ. И дѣйствительно, едва-ли какой-либо другой историческій народъ до такой степени воплощаетъ въ себѣ идеалъ муже-

ственной энергіи, непреклонной силы воли и характера, какъ тогдашніе римляне. Не генію, но тому, кто превосходитъ другихъ силою воли, принадлежитъ міровое господство.

Римъ побѣждалъ не съ помощью наемныхъ войскъ. Италійское крестьянство, добывавшее хлѣбъ въ потѣ лица своего, выступало за свое имущество и за могущество и цѣлость государства.

Но этого превосходнаго гражданскаго чувства не было бы достаточно для того, чтобы гарантировать побѣду, если бы Римъ не сумѣлъ организовать силы прочихъ италійцевъ такимъ образомъ, что вскорѣ могъ воспользоваться ими для своихъ собственныхъ цѣлей. Онъ прежде всего раздробилъ эти силы, а потомъ уже соединилъ подъ покровомъ своего военнаго могущества.

Было уже показано, какимъ образомъ Римъ сумѣлъ достичь поддержки греческихъ городовъ посредствомъ уваженія ихъ правъ и могъ поэтому воспользоваться ими для своего флота. Еще важнѣе было то обстоятельство, что Римъ былъ тѣсно связанъ съ многими мелкими городками и народностями Италіи. Не только при покореніи Италіи Римъ пользовался принципомъ: раздѣли и властвуй, но и еще болѣе при новой организаціи. Въ этомъ убѣждаетъ различіе правъ, предоставленныхъ разнымъ классамъ населенія Италіи.

Среди всѣхъ не-римскихъ общинъ Италіи, латины занимали выдающееся положеніе. Они не только обладали своимъ собственнымъ общиннымъ правомъ и неограниченною коммунальною самостоятельностью, но до великой латинской войны (338 до Р. Х.) даже правами, наз. коммерціумъ и коннубіумъ, т. е. полноправностью во всѣхъ гражданскихъ сдѣлкахъ, какъ между собою, такъ и съ Римомъ. Если исключить союзническую помощь, то они были совершенно свободны отъ даней и повинностей. Послѣ подавленія возстанія латиновъ (въ 338 г.) эти отношенія не могли вполнѣ возстановиться, но во всякомъ случаѣ Римъ долженъ былъ полагаться главнымъ образомъ на помощь этого племени.

Почти до утонченности развилъ Римъ искусство создавать противоположности между интересами разныхъ общинъ посредствомъ установленія разныхъ градацій правоваго положенія, причемъ однако каждая изъ общинъ была связана тѣми или другими узами съ Римомъ.

Нѣкоторые города, какъ Ланувіумъ, Арицiя, Номентумъ, Педумъ получили полное право гражданства, Фунди и Форміэ умаленныя права безъ права голоса. Лишь Тибуръ и Пренесте, нѣсколько съузивъ свои границы, сохранили прежнее правовое положеніе. Другимъ было запрещено даже всякое гражданское и правовое сношеніе между собою.

Несмотря на все это, положеніе латинскихъ городовъ оставалось настолько благопріятнымъ, что латинскіе союзники даже въ самыя худшія времена, въ эпоху второй пунической войны, не отпали и не присоединились къ Аннибалу.

Гораздо менѣе благопріятно было положеніе большинства прочихъ союзниковъ. Имъ приходилось молча подчиняться и чувствовать и видѣть, что римское законодательство вліяло на ихъ строй и управленіе, и что съ нихъ взимали разные поборы и подати людьми и деньгами.

Если уже позднѣйшія латинскія колоніи были лишены права коннубіумъ (брачнаго общенія) съ римскими гражданами, и могли лишь съ трудомъ добиться полныхъ гражданскихъ правъ, то еще менѣе были эти права доступны союзникамъ, находившимся въ менѣе благопріятномъ положеніи, нежели латины.

На существованіе многихъ правовыхъ градацій указываютъ упоминаемыя Ливіемъ (43,5) ограниченія торговли и гражданскаго оборота, относящіяся къ разнымъ общинамъ.

Вся Италія была такимъ образомъ подраздѣлена на сотни малыхъ округовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга въ правовомъ отношеніи, но связанныхъ съ руководящей всѣми властью.

Сюда присоединялось то, что и прочія отношенія, въ которыхъ малыя общины находились къ Риму, были весьма разнообразны. Для всѣхъ латинскихъ общинъ связью съ Римомъ являлся языкъ; такою же связью было и право. Въ особенности среди чужихъ, тускихъ, сабельскихъ, галльскихъ или греческихъ жителей, всѣ латины чувствовали себя піонерами латинской національности. Греческіе города были связаны торговлею съ Римомъ, а также живымъ стремленіемъ самихъ римлянъ присвоить себѣ разныя пріобрѣтенія греческой культуры, особенно греческій языкъ, въ то время необходимый для высшихъ классовъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Италіи, какъ напр. въ странѣ сабинянъ, въ Умбріи и въ Этруріи, романизированіе стало быстро усиливаться по мѣрѣ уменьшенія и ослабленія кореннаго населенія въ зависимости отъ войнъ.

Колоніи однако не только помогали латинизированію ча-

сти Италіи, но, какъ было уже указано, имѣли значеніе также какъ крѣпости, долженствовавшія обуздывать окружащее населеніе; а проложенная римлянами сѣть дорогъ пріобрѣтала естественную защиту. Эти колоніи и нѣкоторые, непосредственно къ Риму примыкающіе округа изолировали напр. галловъ отъ этрусковъ, этихъ послѣднихъ отъ умбровъ и сабелловъ, сабелловъ отъ кампанцевъ и апулійцевъ и т. п. Однако, Римъ умѣлъ не только раздѣлять, но и скрѣплять.

Прежде всего Римъ составилъ подробные списки лицъ, подлежащихъ воинской повинности: напр. въ 225 г. оказалось, что Италія къ югу отъ долины По, разумѣется кромѣ предназначенныхъ для флотскаго экипажа жителей греческихъ городовъ, могла выставить до 70.000 всадниковъ.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду и значеніе хозяйственнаго единства, внесеннаго руководствомъ Рима въ италійскій союзъ.

Съ 269 г. Римъ взялъ на себя чеканку серебра и весьма скоро римскій денаръ, равный франку, сталъ во всей западной части средиземноморской области господствующей монетой. Даже дружественные массаліоты вынуждены были въ 240 г. чеканить свою драхму по римскому вѣсу, а къ концу того же вѣка въ Сициліи, какъ и въ Испаніи, города чеканили денары по римскому образцу.

Указанныя здѣсь распоряженія, упрочившія власть Рима въ Италіи и тѣмъ укрѣпившія его собственное могущество, позволили ему выдержать пуническія войны: но эти дѣйствія были, главнымъ образомъ, плодомъ мудрости римскаго сената. Въ его средѣ выработались принципы, съ помощью которыхъ онъ достигъ указанныхъ нами результатовъ. Во всякомъ случаѣ, сенатъ былъ виновникомъ тѣхъ вышеуказанныхъ политическихъ мѣръ, съ помощью которыхъ Римъ умѣлъ такъ искусно разрознять и обманывать враговъ. Для римскихъ политиковъ никакое средство не было достаточно дурнымъ для того, чтобы пренебречь имъ съ цѣлью усиленія государственнаго могущества.

Ни одинъ способный къ правосознанію римлянинъ конечно не могъ одобрить того, что въ началѣ первой пунической войны возмутившіяся толпы наемниковъ въ Мессанѣ получили поддержку отъ Рима, или что послѣ окончанія этой войны Римъ воспользовался смущеніемъ кареагенскаго сената съ цѣлью присвоить Сардинію. Тѣмъ не менѣе большинство сената стояло за эти мѣры, руководствуясь по пр-

сту пользою, которую можно было извлечь изъ нихъ въ данную минуту. Но полнаго изумленія заслуживаетъ та послѣдовательность, съ которою сенатъ выказывалъ всегда несокрушимое довѣріе къ самому себѣ и къ римскому народу. Когда Пирръ, послѣ первой значительной побѣды, предложилъ съ притворнымъ великодушіемъ выгодный миръ побѣжденнымъ римлянамъ, и большинство сената уже уступало льстивымъ рѣчаиъ его посла Кинеаса, то оказалось достаточнымъ словъ сѣдаго Аппія Клавдія Цека, что Римъ никогда не заключалъ мира послѣ пораженія, для того, чтобы прервать всякіе переговоры о мирѣ и выслать посла. И кто не испытываетъ величайшаго почтенія къ достоинству римскаго сената, прочитавъ о томъ, какъ послѣ пораженія при Каннахъ сенатъ вотировалъ благодарность побѣжденному консулу, за то, что тотъ по крайней мѣрѣ не отчаявался въ спасеніи государства.

Сенату, въ то время запретившему надѣвать трауръ и твердо продолжавшему борьбу, Римъ обязанъ тѣмъ, что былъ спасенъ. Позднѣйшее величіе Рима есть въ значительной мѣрѣ дѣло сената.

Культурное развитіе Италіи подъ главенствомъ Рима.

Завоеваніе Италіи Римомъ должно было оказать значительное вліяніе на культурное развитіе покоренныхъ областей, но не въ меньшей мѣрѣ и на уровень развитія, и на культуру господствующаго народа. Римскій языкъ распространился при посредствѣ латинскихъ колоній по всей средней Италіи. Южная Этрурія, страна сабиновъ, область вольсковъ постепенно романизировались. Многочисленные участки государственныхъ земель, разбросанные и занятые по южной Италіи римскими гражданами и товариществами арендаторовъ, должны были сблизить между собою побѣдителей и побѣжденныхъ, а процвѣтаніе торговли еще болѣе объединило интересы различныхъ народностей.

Первая пуническая война подвергла преданность новыхъ италійскихъ союзниковъ Рима тяжкому испытанію. Но товарищество по оружію, длившееся цѣлое поколѣніе, а также тогдашнее экономическое положеніе, а именно замкнутость и отрѣзанное положеніе Италіи отъ Сициліи и отъ другихъ средиземноморскихъ странъ научило италійцевъ

полагаться на самихъ себя. Многія войны, въ особенности противъ господствовавшихъ на Адріатическомъ морѣ иллирійцевъ или угрожавшихъ всей Италіи инсубровъ (225 до Р. Х.) сдѣлали очевиднымъ значеніе тѣснаго союза и пользу охраны со стороны великой державы. Этому возникновенію чувства общности среди италійцевъ Римъ обязанъ не только тѣмъ, что въ первую пуническую войну италійцы стояли единодушно за политическое преобладаніе Италіи и даже не жалѣли значительныхъ жертвъ деньгами и людьми, лишь бы отразить пуническое нападеніе, но и тѣмъ, что во вторую пуническую войну Римъ не погибъ окончательно.

Слѣдствія этого сближенія всѣхъ отдѣльныхъ частей населенія однако не ограничивались ростомъ римскаго вліянія, распространеніемъ латинскаго языка и права, но наоборотъ, еще существеннѣе было вліяніе эллинизма на Римъ.

Хотя это и не могло стать замѣтнымъ въ деталяхъ, но исчезъ вообще предразсудокъ, гласившій, что государственныя учрежденія Рима, его право, религіозныя представленія и жреческія предписанія должны были признаваться абсолютной нормой для всего. Древнеримская ограниченность, съ ея предразсудками, уступаетъ мѣсто болѣе космополитической точкѣ зрѣнія; воззрѣнія римскаго общества складываются свободнѣе и менѣе пристрастно.

Это новое направленіе было отчасти обусловлено распространеніемъ греческаго языка. Руководить италійскими дѣлами въ торговомъ, политическомъ, хозяйственномъ отношеніи было невозможно, не зная по гречески. Греческій языкъ былъ въ то время языкомъ всего образованнаго міра, знаніе его доставляло возможность усвоенія тогдашняго просвѣщенія, да и всякій желавшій имѣть свѣтское образованіе долженъ былъ ознакомиться съ этимъ языкомъ. Такимъ образомъ, получивъ господство надъ Италіей, римлянинъ былъ вынужденъ знать по гречески,—хотѣлъ-ли онъ быть чиновникомъ, податнымъ откупщикомъ или же купцомъ. Домашняго воспитанія уже не было достаточно, требовался греческій учитель, который и появился въ Римѣ. Уже въ эпоху царя Пирра (280 до Р. Х.) каждый сенаторъ понялъ рѣчь его посла, а одинъ изъ римскихъ пословъ въ Тарентѣ отважился даже держать рѣчь передъ возбужденной толпой: рѣчь эта правда была освистана за нѣкоторыя неправильныя выраженія, однако была всѣми понята. Греческіе литераторы низшаго сорта, какъ напр. привезенный въ Римъ

въ 272 г. до Р. Х. въ качествѣ венноплѣннаго Ливій Андроникъ, составили себѣ счастье въ Римѣ и стали переводить греческія произведенія на латинскій языкъ. Вскорѣ выдающіеся римляне въ свою очередь отважились писать на міровомъ языкѣ. Первые римскіе историки, Фабій Пикторъ и Цинцій Алиментъ, оба временъ второй пунической войны, не пользовались роднымъ языкомъ, но писали по гречески. Подобно тому, какъ Берозъ писалъ по гречески вавилонскую исторію, а Манеѳонъ египетскую, такъ и эти мужи пользовались языкомъ, понятнымъ всему тогдашнему образованному міру. Сюда слѣдуетъ добавить, что римляне сверхъ того сумѣли многостороннимъ образомъ усвоить богатство мыслей греческой литературы. Безъ сомнѣнія эта литературная дѣятельность на міровомъ языкѣ должна была отразиться и на положеніи римской литературы, и на самомъ латинскомъ языкѣ. Въ послѣдній вошло много новыхъ словъ, новыхъ утонченныхъ выраженій, слухъ привыкъ къ греческому стихосложенію и къ риторическимъ тонкостямъ, а вскорѣ явились и подражанія на родномъ языкѣ.

Это мирное нашествіе эллинскаго языка и культуры на Римъ постоянно усиливалось въ теченіе всей этой эпохи. Сначала оно выказывается во внѣшностяхъ. Такъ, нѣкоторыя выдающіяся фамиліи присваиваютъ себѣ греческія прозвища, напр., Филиппъ, Софусъ, Филонъ, или же сооружаютъ по греческому образцу статуи и пишутъ надгробныя надписи. Перестали садиться по древне-римскому обычаю къ обѣду, не стали возлежать, и обѣдъ заканчивался торжественной попойкой—это называлось pergraecari. Нѣсколько глубже проникало стремленіе связать начала римской исторіи и римскихъ обычаевъ съ греческими. Миѳы Стезихора (послѣ 600 до Р. Х.) о прибытіи Энея въ Италію и т. п. находили въ Римѣ вѣрующихъ.

Но чѣмъ, во всякомъ случаѣ, отличается эта эпоха отъ эллинизирующаго направленія 2 в. до Р. Х., это тѣмъ, что на ряду съ всестороннимъ усвоеніемъ чужого, мы видимъ, однако, въ политическомъ и даже въ литературномъ отношеніи вполнѣ національную струю, вездѣ одерживающую верхъ. Эллинизмъ представляетъ лишь лакъ, покрывающій національную картину. Римскія воззрѣнія всюду прорываются, Это рѣшительно доказывается развитіемъ римской исторіографіи. Вслѣдъ за первыми авторами, писавшими по гречески, появились превосходныя сочиненія на латинскомъ

языкѣ. Таково италійское землевѣдѣніе Катона и изображенія эпохи Гракховъ, тогда какъ уже гораздо позднѣе нѣкоторые филэллины пользовались болѣе утонченнымъ греческимъ языкомъ, желая воздать дань вкусу болѣе просвѣщеннаго времени.

Но силой, всего болѣе повліявшей на обмѣнъ культурныхъ началъ, была торговля. Живое участіе, принятое въ ней со времени борьбы противъ Пирра, обнаруживалось главнымъ образомъ въ монетномъ дѣлѣ. Римъ отказался отъ своей мѣдной монеты, съ 269 г. принялъ серебряную и сталъ чеканить ее для всего италійскаго союза. Важнѣе, нежели внутренняя торговля, были въ то время торговыя сношенія на морѣ. Въ этомъ убѣждаютъ между прочимъ три римско-карѳагенскихъ торговыхъ договора, о которыхъ была уже рѣчь, а также договоръ съ Тарентомъ, попытавшійся ограничить римскую торговлю. Сначала пріобрѣлъ значеніе ввозъ хлѣба изъ другихъ средиземноморскихъ странъ. Онъ былъ тѣмъ важнѣе, чѣмъ болѣе прибывало населеніе столицы. Сверхъ того начался оживленный ввозъ греческихъ и восточныхъ предметовъ роскоши, для чего существовалъ цѣлый рядъ складочныхъ мѣстъ въ Сициліи, Малой Азіи и на греческихъ о-вахъ. Комикъ Плавтъ (около 200 до Р. Х.) между прочимъ говоритъ о сирійскихъ рабахъ, продававшихся въ Римѣ, о прекрасныхъ восточныхъ коврахъ и мебельной обивкѣ, о корицѣ и сирійскихъ народахъ, о милетскихъ и египетскихъ вышитыхъ коврахъ. Болѣе полезные предметы доставлялись въ Римъ странами Запада. Такъ Испанія доставляла породистый и рабочій скотъ, красильныя вещества и металлы, холсты и парусину. Главные галльскіе города въ долинѣ По доставляли окорока, кожи и шерсть. Вывозъ Италіи ограничивался, наоборотъ, сравнительно немногими продуктами—масломъ, виномъ и желѣзными товарами.

Сельское хозяйство все еще оставалось основою всего государства и обезпечивало существованіе значительнаго большинства гражданъ. Какъ въ IV, такъ и въ III в. до Р. Х., менѣе состоятельные граждане часто и энергично противодѣйствовали слишкомъ большому расширенію латифундій. Такъ при третьемъ своемъ удаленіи изъ Рима плебеи потребовали назначенія болѣе строгихъ каръ тѣмъ, кто захватываетъ земли выше дозволенной мѣры: была установлена, сверхъ того, норма, чтобы при рабахъ находилось извѣстное число свободныхъ рабочихъ. Основаніе многихъ новыхъ колоній и увеличеніе

числа трибъ до 35 (въ 241 до Р. Х.) соотвѣтствовало желаніямъ пролетаріевъ. Но прежде всего игралъ здѣсь роль раздѣлъ области семноновъ, проведенный Кайемъ Фламиніемъ противъ воли всей аристократіи. Тѣмъ не менѣе крупная аграрная промышленность все болѣе развивалась. При увеличеніи ввоза хлѣба изъ провинцій, зерновое хозяйство, особенно для мелкихъ собственниковъ внутренней Италіи, оказывалось невыгоднымъ. Лишь удешевленное съ помощью рабскаго труда хозяйство крупныхъ плантацій могло давать доходъ. Еще болѣе выгодно было для крупныхъ владѣльцевъ винодѣліе и воздѣлываніе оливки, а также разведеніе плодовыхъ деревьевъ, огородныхъ и другихъ полезныхъ растеній. Точно также и скотоводство окупалось главнымъ образомъ въ крупныхъ хозяйствахъ; а какъ затруднительно было положеніе мелкихъ скотоводовъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя осужденія эксплуатировавшихъ ихъ богатыхъ скупщиковъ скота—пекуаріевъ.

Въ особенности же слѣдуетъ сказать, что только крупное производство было въ состояніи вести побочныя отрасли сельскаго хозяйства, вродѣ разработки рудниковъ. Измѣненіе характера производства измѣнило также образъ жизни населенія. Не только для сельскаго хозяйства, включая и крупное скотоводство, но и въ другихъ случаяхъ сталъ примѣняться рабскій трудъ. Многочисленный классъ управляющихъ разными хозяйственными дѣлами, надзирателей за складами разнаго добра, счетоводовъ принадлежалъ къ рабамъ или вольноотпущеннымъ. Помѣщики или члены товарищества арендаторовъ частью переселились въ Римъ, лишь изрѣдка наѣзжая въ свои имѣнія. Древне-италійскія привычки, требовавшія непосредственнаго участія землевладѣльца въ производствѣ—съ помощью лишь нѣсколькихъ рабовъ и батраковъ, стали все болѣе выводиться. Въ особенности этотъ помѣщичій абсентеизмъ усилился съ тѣхъ поръ, какъ господа стали подолгу отлучаться изъ дому, какъ солдаты или какъ чиновники, какъ откупщики податей или же купцы.

Эти измѣненія образа жизни привели также къ новому раздѣленію сословій, имѣвшему первоначально важное соціальное, а затѣмъ и политическое значеніе. То было время, когда сословіе сенаторовъ, пользовавшееся при умѣренномъ землевладѣніи извѣстнымъ благосостояніемъ, но рѣдко значительнымъ богатствомъ, отдѣлилось отъ сословія капиталистовъ или всадниковъ.

Еще въ эпоху Камилла, около 400 до Р. X., сословіе зажиточныхъ людей, обладавшихъ по крайней мѣрѣ двойнымъ цензомъ перваго класса, а поэтому и правомъ служить въ войскѣ на собственной лошади, отдѣлилось отъ низшаго класса или плебса подъ именемъ всадниковъ. Особое положеніе этого класса въ свою очередь привело къ тому, что государство могло отдавать на откупъ пошлины и разнаго рода доходы лишь надежнымъ людямъ, стало быть тѣмъ же всадникамъ. Но всадники рѣзко отдѣлились и отъ сенаторовъ, когда во вторую пуническую войну сенаторамъ, т. е. классу чиновниковъ, было запрещено вести оптовую торговлю, въ то самое время, когда взиманіе доходовъ съ провинцій и вообще всѣ денежныя дѣла въ провинціяхъ какъ разъ побудили членовъ сословія всадниковъ принять на себя аренду и банкирство въ крупномъ масштабѣ. Взаимная замкнутость сословій — сенаторскаго и всадническаго — привела къ тому, что впослѣдствіи сенаторы стали отличаться отъ всадниковъ даже одеждой. Сенаторы носили шерстяное нижнее платье съ широкой, а всадники съ узкой пурпурной полосой. Всадники носили сверхъ того золотые браслеты. Между сословіемъ свободныхъ и все болѣе возраставшимъ отъ ввоза сословіемъ рабовъ въ промежуткѣ находились еще вольноотпущенные, въ значительной мѣрѣ сходные по своему соціальному положенію съ нынѣшнимъ еврействомъ, занимавшіе какъ съ соціальной, такъ и съ политической точки зрѣнія очень выгодное и вліятельное положеніе. Къ этому классу принадлежали состоятельные и энергичные купцы, счетоводы, подрядчики, ремесленники, художники, вообще тѣ люди, которые оказывались раньше полезными своему господину по торговымъ или инымъ дѣламъ. По интеллигентности они часто превосходили людей италійской расы, но зато могли получить пальму первенства и за утонченную безсовѣстность. Въ продолженіе многихъ вѣковъ оставался открытымъ вопросъ, слѣдуетъ-ли имъ предоставить полныя гражданскія права или же только ограниченныя. Въ годины бѣдствій, когда рѣчь шла объ усиленіи арміи, ихъ вносили въ списки граждапъ и привлекали къ воинской повинности; въ болѣе спокойныя времена цензоры были болѣе скупы на предоставленіе имъ гражданскихъ правъ. Во всякомъ случаѣ ничто такъ не способствовало измѣненію характера жителей Рима — можно даже сказать всей Италіи, — какъ этотъ притокъ изъ эллинскихъ государствъ и съ Востока въ Италію. Эта

часть населенія была полезнымъ ферментомъ, вызвавшимъ къ развитію покоившіяся до тѣхъ поръ силы Италіи.

Религіозное развитіе Рима.

У немногихъ народовъ религія имѣла такое опредѣляющее вліяніе на жизнь народа, какъ у римлянъ. Государство, какъ и отдѣльные граждане, живо стремилось чтить божество, гдѣ только находились какіе либо его слѣды. Тщательно наблюдали всѣ за знаменіями божествъ, а также за тѣмъ, чтобы во внѣшностяхъ были соблюдены требованія небесныхъ силъ. Обязательства по отношенію къ богамъ часто соблюдались римлянами съ такой же пунктуальностью, какъ и договоры, заключаемые съ людьми. Порою, однако, прорывалось и дѣйствительно набожное чувство. Понятіе *религіи* стало именно черезъ посредство римлянъ общимъ достояніемъ всего образованнаго міра, и трудно придумать другое выраженіе, болѣе рельефно оттѣняющее духовную *связь*, соединяющую между собою человѣка и божество.

Наравнѣ съ глубиною чувства религіозной зависимости, римскую религію характеризуетъ также сухой формализмъ. И то, и другое находитъ свое объясненіе, если мы подумаемъ о томъ, что римская религія еще съ незапамятныхъ временъ развивалась подъ руководствомъ вліятельнаго жречества.

Въ римской религіи необходимо отмѣтить съ одной стороны значительное монотеистическое теченіе — представленіе о вездѣсущности и всемогуществѣ боговъ, съ другой стороны странный способъ почитанія и наименованія боговъ.

Подобно грекамъ, римляне считали своихъ божествъ личностями опредѣленнаго пола и характера и въ тоже время пытались связать съ ними опредѣленныя понятія. Но въ скоромъ времени фантазія у нихъ отступила на второй планъ по сравненію съ догматикой и теологическими тонкостями и вслѣдствіе этого римская религія имѣетъ болѣе трезвый характеръ, чѣмъ многія другія. Римское богословіе превратилось въ рядъ формулъ, частью простоватыхъ, частью довольно почтенныхъ. Божество государствъ — Сатурнъ, полевыхъ работъ — Опусъ, почвы — Теллусъ, межевого камня — Юпитеръ Терминусъ, божество сдержаннаго слова — Деусъ Фидіусъ, торговли — Меркурій, восхожденія солнца и начала — Янусъ; вотъ

рядъ примѣровъ, показывающихъ, что божественное у римлянъ всюду было перемѣшано съ земнымъ и даже будничнымъ и что понятіе о божествѣ часто граничило съ тривіальностью. Прежде всего, римлянамъ принадлежитъ заслуга введенія религіи въ рамки обыденной гражданской жизни. Это, конечно, дѣло жрецовъ, а именно коллегіи понтифексовъ, стоявшей во главѣ религіозной жизни. Рима. Они знали, когда и гдѣ слѣдуетъ приносить жертву, гдѣ надо молиться, имъ были въ точности извѣстны молитвенныя формулы (индигитамента), а въ случаѣ надобности, если частныя лица боялись отступить отъ буквы, они читали имъ самыя молитвы.

Нѣчто подобное тому, что мы видимъ въ религіозной области, наблюдается и въ другихъ сторонахъ жизни. То же можно сказать о прорицаніяхъ. Живое чувство вездѣсущности и всезнанія высшаго лучшаго Юпитера было въ основѣ всѣхъ представленій о томъ, что также и людямъ доступно проникновеніе въ темную область будущаго. Но въ формѣ этихъ вычисленій и теорій, которыми руководствовались авгуры, наблюдавшіе молнію и полетъ птицъ, этотъ родъ богопознанія не только принялъ шаблонный характеръ, но и имѣлъ характеръ въ высшей степени грубаго суевѣрія. Пристрастіе къ формуламъ и вообще внѣшности, наконецъ, стало самымъ главнымъ—до такой степени, что позднѣе считалось нисколько не предосудительнымъ и даже не опаснымъ обмануть божество при истолкованіи знаменій.

При разсмотрѣніи религіозныхъ представленій римлянъ никогда не слѣдуетъ забывать, что они имѣютъ древнее, даже до-историческое происхожденіе и что при вступленіи въ историческую эпоху многое уже стало архаическимъ. Еще въ республиканскую эпоху слѣдуетъ различать два періода. Древній римскій календарь отличаетъ главныхъ боговъ отъ второстепенныхъ и главными являются Юпитеръ и Марсъ. Въ какой мѣрѣ Юпитеръ является общимъ индо-европейскимъ достояніемъ, а Марсъ главнымъ національнымъ божествомъ италійцевъ, это, конечно, рѣшить трудно. Какъ Торъ на-ряду съ Вотаномъ, Аполлонъ съ Зевсомъ, Миѳра съ Агурамаздой, такъ Марсъ стоялъ на-ряду съ Юпитеромъ, — равный ему по достоинству. Можно даже сказать, что Марсъ былъ болѣе по сердцу италійцамъ, нежели Юпитеръ. Именемъ Марса италійцы называли первый мѣсяцъ, ему предназначались многочисленные праздники и процессіи; онъ „потрясающій копьемъ“ защитникъ солдатъ и стадъ. Большая часть

празднествъ относятся къ земледѣлію, посѣву и жатвѣ, какъ, напр., праздники послѣ осенняго посѣва въ декабрѣ, конуаліи, сатурналіи, опаліи, покаянные дни при раннемъ посѣвѣ въ апрѣлѣ; цереаліи, палиліи, робигаліи, празднества жатвы и сбора винограда, а также счастливаго возвращенія мореплавателей въ іюлѣ и августѣ. Сверхъ того особое значеніе имѣютъ празднества въ честь домашнихъ боговъ, богини очага Весты, добрыхъ духовъ, стерегущихъ кладовыя (пенусъ, откуда пенаты) или же праздникъ для заклинанія домовыхъ привидѣній.

Этотъ древній календарь празднествъ не имѣетъ еще понятія ни о туской троицѣ (Юпитеръ, Юнона, Минерва), ни о греческихъ божествахъ, культъ которыхъ вторгся въ римскую республику лишь въ первые вѣка республиканскаго правленія. Съ эпохи Тарквинія начинается второй періодъ религіознаго развитія. Вышеназванныя три божества этрусковъ получили также въ Римѣ первое мѣсто. Въ честь ихъ воздвигается первый значительный храмъ на крѣпостной горѣ. Въ болѣе раннюю эпоху весьма уважались символическія изображенія боговъ. Съ этихъ поръ стали ставить новымъ божествамъ статуи и сооружать великолѣпные храмы. Подъ вліяніемъ тусковъ не только развилась древняя наука авгуровъ, но въ Римѣ стали совѣтоваться и съ гаруспексами, гадавшими у этрусковъ по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ.

Послѣ изгнанія царей, какъ уже было замѣчено, Римъ сталъ склоняться въ пользу эллинизма. Въ эпоху перваго удаленія плебеевъ (493 до Р. Х.) былъ сооруженъ храмъ Цереры, Либера-Вакха и Либеры-Прозерпины.

По преданію еще раньше, а вѣроятно въ томъ же столѣтіи, былъ построенъ храмъ Діоскурамъ—Кастору и Поллуксу. Эти послѣдніе особенно часто появляются на старыхъ республиканскихъ монетахъ. Во всякомъ случаѣ, уже въ V в. сивиллины пророчества пользовались въ Римѣ почетомъ, по преданію при послѣднемъ изъ Тарквиніевъ. Но съ этимъ неизбѣжно связано почитаніе Аполлона. Въ эпоху децемвирата существовала уже священная дубрава. Въ 433 г. до Р. Х. во время одной чумы ей былъ посвященъ храмъ, а 4 года спустя дѣйствительно построенъ. Затѣмъ послѣдовали другія греческія божества, а именно богъ врачеванія Эскулапъ.

Тотъ фактъ, что Римъ, въ продолженіе первыхъ столѣтій

республики, ввелъ у себя различные чуждые культы, не только названные здѣсь эллинскіе, но и этрускіе и сабинскіе, показываетъ, какъ мало жизненной силы было въ туземныхъ божествахъ. Конечно, отечественнымъ богамъ приносили съ щепетильной аккуратностью слѣдуемую имъ дань въ видѣ жертвъ и молитвъ. Но эти старинныя религіозныя обрядности не говорили ничего ни сердцу, ни уму. По всей вѣроятности, болѣе живой интересъ питали къ тому, что происходило въ нѣкоторыхъ жреческихъ коллегіяхъ, какъ, напр., въ коллегіи плясуновъ (саліи), въ коллегіи, изгоняющей волковъ (луперци), у набожныхъ весталокъ, которыя должны были хранить священный огонь, у полевыхъ братьевъ (фратресъ арвалесъ), съ ихъ процессіями, навлекавшими благословеніе на поля, и т. п. Масса народа едва-ли могла быть тронута сухими формулами жрецовъ и ихъ жертвоприношеніями. Невѣроятная трезвость и бездушное обрядовое богослуженіе этой религіи могли тѣмъ менѣе удовлетворить, что условія существованія теперь стали совсѣмъ иными.

Итакъ, время, когда Римъ испытывалъ подъемъ національнаго духа и стремился достичь гегемоніи въ средней Италіи, было уже эпохою религіознаго упадка. Туземныя религіозныя представленія уже не оказывались достаточными и иноземные культы, пересаженные въ Римъ, могли, конечно, привлечь на короткое время любопытныхъ или суевѣрныхъ людей, но не были въ состояніи дать настоящаго удовлетворенія.

Еще болѣе серьезные симптомы распространяющагося невѣрія встрѣчаются въ IV и III в. до Р. Х. Въ эпохи бѣдствій или нужды, въ часы рѣшительной борьбы, спасенія не искали болѣе въ молитвѣ туземнымъ богамъ. Едва еще можно видѣть, что здѣсь или тамъ вспоминаютъ о Юпитерѣ и его особыхъ свойствахъ, какъ бога, останавливающаго враговъ—Статора, или же повергающаго во прахъ вражескихъ полководцевъ—Феретріуса. На мѣсто древнихъ божествъ, раціонализмъ этой эпохи выставилъ пустыя абстракціи добродѣтели и честности. Камиллъ соорудилъ храмъ богинѣ согласія. Въ 367 до Р. Х. къ концу второй самнитской войны былъ посвященъ храмъ богинѣ спасенія Салусъ и сооруженъ въ 302 до Р. Х. Не отцу Марсу, но фантастической богинѣ Беллонѣ обѣщалъ храмъ Аппій Клавдій Цекусъ послѣ побѣды. Два года спустя консулъ вообразилъ, что, посвятивъ храмъ богинѣ побѣды, онъ тѣмъ самымъ уже обезпечилъ за собою побѣду. Подобнымъ же пустымъ представленіямъ, при

которыхъ ни чувство, ни фантазія не испытывали никакого удовлетворенія, римляне обязаны тѣмъ, что соорудили храмъ богинѣ свободы—Либертасъ, честности и добродѣтели—Гоносъ и Виртусъ, разсудительности—Менсъ.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ принять во вниманіе, что на этихъ посвященіяхъ храмовъ и на нововведеніяхъ культа главнымъ образомъ отражается вѣра высшихъ классовъ, если только не идетъ рѣчь, какъ, напр., при сооруженіи храма „разсудительности", о сивиллиныхъ пророчествахъ и о суевѣрномъ почитаніи сивиллиныхъ книгъ. Невозможно также отрицать, что въ многочисленныхъ кругахъ среднеиталійскаго крестьянства наивная вѣра удержалась долѣе и была сильнѣе, нежели въ раціоналистическихъ представленіяхъ высшихъ круговъ столицы. Но значительной религіозной мощи не представляли и среди массъ древнія народныя вѣрованія. Для этого слишкомъ было уже велико число новыхъ культовъ и слишкомъ очевидно стремленіе разныхъ жреческихъ коллегій снова сильнѣе привязать къ себѣ народъ и такимъ образомъ надъ нимъ господствовать.

Характеристично для значенія новыхъ культовъ, по сравненію съ прежними туземными, отношеніе во время второй пунической войны. Послѣ первыхъ пораженій, конечно, всѣ были въ отчаяніи и ожидали отъ жрецовъ совѣта, какимъ образомъ укротить гнѣвъ боговъ. Всюду наблюдали различныя знаменія и чудеса. Понтифексы не знали, что посовѣтовать; греческіе жрецы и ихъ оракулы сравнительно еще оказались болѣе находчивыми. На слѣдующій годъ было отправлено посольство въ Дельфы. Но такъ какъ боги были такъ неблагосклонны и болѣе не обезпечивали безопасности римскаго государства, то вѣра въ туземныхъ боговъ еще болѣе пошатнулась. Алтари древнихъ боговъ, говоритъ Ливій (25,1), стояли запустѣлые, обычными жертвами пренебрегали. Не только столичная чернь, но и сильно пострадавшіе поселяне искали содѣйствія у чужихъ предсказателей и жертвоприносителей, пока, наконецъ, не вмѣшался сенатъ, приказавшій сжечь всѣ жертвенныя книги.

Но Римъ обладалъ достаточнымъ количествомъ государственныхъ людей, смотрѣвшихъ на религію, какъ на всякое другое государственное дѣло и старавшихся помочь горю искусственными средствами. Въ Римѣ, какъ и во многихъ новѣйшихъ государствахъ, господствовало нелѣпѣйшее мнѣніе, будто высшіе классы, сами невѣрующіе, способны при-

думать разныя палліативныя средства, съ цѣлью удержать въ народѣ его религію или даже вновь привить ее. Что трудъ такого рода слѣдуетъ считать напрасно потеряннымъ, въ томъ убѣждаетъ попытка набожной церкви тогдашняго Рима. Пытались устроить нѣчто вродѣ сочетанія греческихъ культовъ съ туземными. Процессіи, торжественныя пѣснопѣнія, празднества въ честь Аполлона и фригійской матери Цибелы—словомъ, всевозможныя вещи были пущены въ ходъ, лишь бы сдѣлать культъ занимательнымъ или одуряющимъ. Но помогло-ли подобное средство воскресить умирающую набожность? Истинный интересъ просвѣщенныхъ классовъ относился не къ этимъ религіознымъ зрѣлищамъ. Они жадно ухватились за сочиненіе Эвгемера и за переводъ съ него, сдѣланный Энніемъ (200 до Р. Х.). Здѣсь весь міръ боговъ былъ объявленъ произведеніемъ человѣка и былъ разъясненъ въ раціоналистическомъ смыслѣ.

Набожный обманъ понтифексовъ искалъ, правда, новыхъ источниковъ въ ссылкахъ на книги царя Нумы, якобы бывшаго ученикомъ Пиѳагора, при чемъ не мѣшаетъ замѣтить, что Нуму относили къ 716—671 году, тогда какъ Пиѳагоръ жилъ около 530 г. до Р. Х.

Но просвѣщенные атеисты могли выставить достаточные доводы. Они насмѣхались надъ хронологическимъ абсурдомъ этого сказанія и въ одинъ прекрасный день нашли „настоящія“ сочиненія царя Нумы, переполненныя безбожными раціоналистическими теоріями. Сенатъ былъ совершенно вправѣ сжечь эти зловредныя книги, но банкротство римской религіи и ея моральныхъ основъ, по сравненію съ остроумнымъ, интереснымъ, но невѣрующимъ эллинизмомъ, было очевидно.

Теперь какъ разъ настало время, когда римскій понтифексъ считалъ способными къ существованію и одинаково равноправными три рода религіи: одну для народа, другую для государственнаго человѣка, третью для философа. Самъ главный понтифексъ, какъ и всѣ умные люди, конечно, вѣрилъ лишь въ послѣднюю, но ради политики считалъ цѣлесообразнымъ лицемѣрить и притворяться, что вѣруетъ вмѣстѣ съ толпой.

Этотъ исходъ, конечно, тотъ-же, который и тысячу лѣтъ спустя нравился многимъ понтифексамъ. Въ политикѣ онъ иногда приноситъ ожидаемые плоды, но навѣрное не благопріятствуетъ ни истинѣ, ни настоящей религіозности. Въ то время онъ оказался и политически-несостоятельнымъ. Древне-

римская религія стала новою силою въ народной жизни. Всякаго рода восточные культы и суевѣрія овладѣли мечтательными умами, неспособными жить безъ извѣстной доли нелѣпости. Въ болѣе просвѣщенныхъ кругахъ прибѣгали то къ философіи, то къ астрологіи; самые лучшіе занимались точными науками или же восторженно увлекались искусствомъ и литературой.

Гегемонія Рима въ средиземноморскихъ странахъ. Побѣдоносная борьба съ эллинскими государствами.

200 годъ до Р. Х. образуетъ рѣшительный поворотный пунктъ во всемірной исторіи. Западныя страны Средиземнаго моря послѣ долгой борьбы попали въ зависимость отъ италійскаго могущества и болѣе не были въ состояніи уберечься отъ опеки Рима, хотя первоначально подверглись ея вліянію лишь на своихъ побережьяхъ. Иное мы видимъ для восточныхъ эллинскихъ странъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ Римъ давно затѣялъ торговыя сношенія и заключилъ мирные договоры. Но лишь въ эпоху бѣдствій, когда, напр., Филиппъ Македонскій присоединился къ Аннибалу съ цѣлью окончательнаго уничтоженія Рима, этотъ послѣдній вступилъ въ политическія сношенія съ второстепенными греческими государствами и употребилъ свое могущество во вредъ Филиппу (215 г.). Прочное вліяніе и руководство государствами Востока во всякомъ случаѣ было до этого времени недоступно Риму. Теперь Римъ не только противъ воли народа, утомленнаго страданіями, лишеніями войны, длившейся 18 лѣтъ, но даже противъ воли большинства сената былъ вовлеченъ во вмѣшательство и долженъ былъ заняться восточными дѣлами. Ни одинъ разсудительный человѣкъ не могъ не видѣть, что требовались еще многолѣтнія войны и трудные походы для того, чтобы дѣйствительно одолѣть народы, находящіеся въ сферѣ римскаго могущества.

Въ теченіе многихъ поколѣній продолжалась борьба въ Испаніи и въ эпоху Виріата и нумантинской войны Римъ болѣе одного раза попадалъ въ рискованное положеніе. Много столѣтій еще продолжалась борьба съ лигурами и съ галлами въ долинѣ По, а вновь оправившійся Карѳагенъ далеко не былъ такъ безсиленъ, чтобы Римъ могъ спокойно предаться своимъ великодержавнымъ планамъ на Востокѣ. Но сила

вещей была въ то время могущественнѣе, чѣмъ разсудочныя соображенія. Уже во время второй пунической войны положеніе вещей на Востокѣ сильно перемѣстило свой центръ тяжести во вредъ римлянамъ и тамъ началась война, которая должна была рѣшить вопросъ о судьбѣ эллинскаго міра.

Три великихъ государства образовались на развалинахъ царства великаго Александра: Македонія, Египетъ и азіатское царство Селевкидовъ. Къ нимъ примкнули государства второго и третьяго разряда. Эти три государства были различны и по организаціи, и по могуществу.

Царство Селевкидовъ и по внѣшнему объему, и по слабой связи между областями, было во всѣхъ отношеніяхъ изображеніемъ древняго персидскаго царства. Какъ далеко хватало его господство, трудно сказать. Борьба съ надвигавшимися на ю. парѳянами, съ шедшими съ сѣвера и вторгшимися въ Малую Азію галатами и съ постояннымъ стремленіемъ удержать ускользающіе изъ-подъ его власти греческіе города, истощила его силы.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находились владѣнія, прочно организованныя подъ властью Птолемеевъ. Здѣсь не только процвѣтали торговля и промышленность, но и науки и искусства. Александрія была центромъ эллинистической образованности и естественно, что къ этой метрополіи примкнули также греческіе торговые города и центры просвѣщенія, ища дружбы съ царскимъ домомъ, чуткимъ къ интересамъ искусства и науки.

Легко провести параллель съ одной стороны—между слабо скрѣпленной державой Селевкидовъ и средневѣковой священной римской имперіей съ ея пышными, но лишенными смысла титулами, а съ другой стороны—между царствомъ Птолемеевъ и блестящимъ французскимъ Дворомъ временъ Людовика XIV.

Слѣдуетъ еще добавить третью великую державу, которую можно, пожалуй, сравнить съ Швеціей временъ Карла X, а именно военное царство Македонію. Ея фаланга все еще считалась непобѣдимою, ея крѣпости обезпечивали ей значительное вліяніе на Грецію.

При отсутствіи единства между этими державами, Риму нечего было бояться. Но когда въ 205 году до Р. Х. умеръ Птолемей Филопаторъ, Македонія и Сирія вступили между собою въ союзъ, съ цѣлью напасть на Египетъ, находившійся подъ властью мальчика—Птолемея Эпифана, и раздѣлить между собою добычу.

Македоніи предстояла задача подчинить себѣ греческіе вассальные города во Ѳракіи и на о-вахъ, прежде всего покорить тогдашнихъ союзниковъ Рима—Пергамъ, Родосъ, Аѳины, тогда какъ Антіохъ Великій стремился расширить свои владѣнія по направленію къ нильской долинѣ.

На самомъ дѣлѣ Римъ не могъ стерпѣть такого удара его союзникамъ, къ которымъ принадлежалъ Египетъ, и еще менѣе могъ стерпѣть подобное увеличеніе Египта. Итакъ, сенатъ поступилъ правильно, когда, вопреки народному постановленію, настаивалъ на войнѣ съ Филиппомъ III. Въ то время, какъ союзныя Аѳины вызвали Филиппа на войну, вскорѣ нашелся подходящій поводъ объявить войну для защиты подвергшагося нападенію союзника.

Этимъ былъ совершенъ одинъ изъ наиболѣе тяжелыхъ послѣдствіями шаговъ римской политики. Съ этихъ поръ для Рима уже невозможно держаться въ сторонѣ отъ греческихъ и азіатскихъ неурядицъ. Тѣмъ не менѣе, принятое рѣшеніе было равнозначительно съ стремленіемъ къ верховному руководительству эллинистическими государствами, и очень скоро Римъ долженъ былъ увидѣть, что онъ не можетъ стоять на полдорогѣ, и что ему необходимо стремиться къ полному подчиненію государствъ Востока.

Уже первый шагъ въ этомъ направленіи былъ весьма характеристиченъ.

Сенатъ послалъ Марка Эмилія Лепида въ роли опекуна молодого царя въ Александрію. Этотъ послѣдній своимъ грознымъ запретомъ предупредилъ поступательное движеніе Антіоха и частью угрозами, частью нѣкоторыми уступками, привелъ къ тому, что Антіохъ, по крайней мѣрѣ временно, не поддержалъ Филиппа III въ Малой Азіи.

Итакъ, Римъ явился третейскимъ судьею въ дѣлахъ дальняго Востока; а это было еще до нѣкоторой степени удобно для Египта, которому угрожали,—но никакъ не для Сиріи и не для Македоніи.

Четырехлѣтняя война съ Филиппомъ III привела къ желанному исходу. Македонія утратила свое положеніе великой державы, ей пришлось отказаться отъ всякихъ внѣшнихъ владѣній. Римъ самъ по себѣ не пріобрѣлъ никакого территоріальнаго приращенія. Онъ могъ обогатить своихъ союзниковъ и когда, черезъ посредство главы филлэллиновъ, Тита Квинкція Фламинія, торжественно предоставилъ на исѳмійскихъ играхъ свободу отдѣльнымъ греческимъ государствамъ,

то это не было лицемѣріемъ. Но этимъ, и даже великодушнымъ очищеніемъ греческихъ крѣпостей (194 до Р. Х.), нельзя было устранить фактъ вмѣшательства въ дѣла эллинскаго міра. Свобода, подаренная римлянами, никого не могла удовлетворить. Прежніе союзники римлянъ, прежде всего безстыдные горцы Этоліи, принимавшіе выдающееся участіе въ побѣдѣ подъ Кинокефалами, требовали совсѣмъ иного вознагражденія, — менѣе же всего раздѣленія македонскаго наслѣдства. Еще болѣе слѣдовало подумать надъ тѣмъ, что Антіохъ мало заботился о желаніяхъ римлянъ въ Малой Азіи. Уже съ 197 г. до Р. Х. война между Антіохомъ и римскими союзниками въ Малой Азіи вспыхнула вновь. Два года спустя появился при дворѣ Антіоха бѣжавшій изъ Карѳагена, преслѣдуемый по настояніямъ Рима Аннибалъ и встрѣтивъ у него весьма почетный пріемъ, сталъ душою военныхъ приготовленій и коалицій противъ Рима. Это, конечно, не было непосредственной причиной взрыва сирійской войны и возстанія этолянъ и кровавыхъ войнъ, сдѣлавшихъ малоазіатскихъ галатовъ данниками римлянъ. Но едва прошло одно десятилѣтіе со времени второй пунической войны, какъ вся Греція, Македонія и Малая Азія стали подчинены руководству римлянъ, а Египетъ вынужденъ былъ по крайней мѣрѣ положиться на покровительство Рима. Правда, римляне и теперь избѣгали завоеваній. Они оказывали вліяніе, главнымъ образомъ, увеличеніемъ области своихъ союзниковъ, Пергама и Родоса, а также своей искусной политикой, всюду приковывавшей малыя государства къ Риму и научившей ихъ искать его защиты. Но зато на Востокѣ дѣйствовали многочисленные римскіе послы и чиновники-банкиры. Римское вліяніе всюду находило надлежащую почву. Тамъ и сямъ надѣялись или вѣрили въ свободу. Но на самомъ дѣлѣ было лишь смѣшно, когда вѣрные ахейскіе союзники жаловались на то, что римляне могли бы сдѣлать, но не сдѣлали въ Мессеніи. Всюду прислушивались къ тону, который задавали римляне. Ораторы, ратовавшіе за свободу, какъ и раболѣпные карьеристы, одинаково присматривались къ Риму, чтобы тѣмъ увѣреннѣе уничтожить враговъ и воспользоваться болѣе значительнымъ вліяніемъ.

Характернымъ для римской политики является то обстоятельство, что ей въ то время нечего было опасаться ни одного государства на Средиземномъ морѣ, но приходилось бояться одного человѣка. Римъ успокоился не прежде, чѣмъ этотъ человѣкъ, именно Аннибалъ, величайшій противникъ Рима, покончилъ жизнь (183 г. до Р. Х.).

Не столько сенатъ или отдѣльныя личности, сколько естественныя послѣдствія всякаго завоеванія отвѣтственны за то, что Римъ превратилъ свое господство въ настоящее иго. Обладаніе властью рѣдко обходится безъ злоупотребленій. Но одно вполнѣ достовѣрно, а именно, что спустя одно поколѣніе послѣ Сципіона Африканскаго и Фламинія, во главѣ правленія стояли уже не благородныя натуры, но люди, стремившіеся къ тому, чтобы отнять самостоятельность даже у союзныхъ съ Римомъ государствъ и поставить Востокъ въ рабскую зависимость отъ господствующаго народа. Отличнымъ способомъ для этого явилась послѣдняя значительная попытка коалиціи противъ Рима, предпринятая Персеемъ Македонскимъ, сыномъ Филиппа III (172—168 до Р. Х.). Персей и иллирійскій царь Генцій поплатились за это смертью въ римской тюрьмѣ. Но и родоссцы, осмѣлившіеся, въ эпоху, когда положеніе Рима было менѣе благопріятнымъ, явиться посредниками между Римомъ и царемъ Персеемъ, утратили свои владѣнія на морскомъ берегу и потеряли болѣе полумилліона (считая на марки) доходовъ. Римъ уничтожилъ ихъ торговлю, учредивъ гавань въ Делосѣ съ безпошлиннымъ ввозомъ—родъ порто-франко. Царь Эвменъ Пергамскій, главный союзникъ въ войнѣ съ Македоніей, не получилъ ни одной пяди земли и могъ еще счесть себя счастливымъ, что на его мѣсто не попалъ его братъ Атталъ, мѣтившій на престолъ.

Съ истиннымъ цинизмомъ пытались эти люди второго разряда, посланные на Востокъ консулами или легатами, дать волю своимъ деспотическимъ фантазіямъ. Гай Попилій Лена потребовалъ отъ побѣдоноснаго Антіоха Эпифана, чтобы тотъ отдалъ обратно все имъ завоеванное, а когда царь отказался, прося времени подумать, Попилій начертилъ вокругъ него кругъ и потребовалъ дать отвѣтъ прежде, чѣмъ царь выйдетъ изъ этого круга—и этотъ пріемъ подѣйствовалъ. Гдѣ встрѣчались болѣе независимыя натуры, тамъ римляне пытались уничтожить ихъ. Такъ они стремились возстановить противъ Персея его младшаго брата, противъ Эвмена—названнаго выше Аттала. Это привело къ тому, что въ концѣ концовъ они потребовали заложниковъ даже отъ мирнаго ахейскаго союза. Зато въ почетѣ были люди, пресмыкавшіеся передъ римскимъ сенатомъ и народомъ. Нумидійскій царе-

вичъ Миципса конечно, зналъ, съ какой цѣлью, при поздравленіи римлянъ съ побѣдою надъ Персеемъ, онъ назвалъ самого себя лишь пользующимся своими собственными владѣніями, а римлянъ—настоящими собственниками. Когда царь Прузій назвалъ сенаторовъ богами-спасителями, сенатъ подарилъ ему флотъ Персея.

Послѣ битвы подъ Пидной (168 до Р. Х.) былъ положенъ конецъ прежнему обычаю покровительствовать на Востокѣ извѣстному числу свободныхъ государствъ. Съ этихъ поръ сенатъ сталъ верховнымъ судомъ надъ царями и народами, а восточныя средиземноморскія страны стали простыми провинціями Рима. Едва потребовалось, въ видѣ предлога, нѣсколькихъ мятежей: такъ, въ Македоніи (въ 149 г. до Р. Х.) возсталъ Андрискъ и выдавалъ себя за сына Персея. Въ то же время началась борьба, приведшая къ уничтоженію ахейскаго союза. По усмиреніи мятежей, совпавшихъ со второй пунической войной, наступило формальное присоединеніе. Новыя провинціи, Македонія съ Ахеей (Греціей), Африкой (Тунисомъ), Азіей (ю.-з. Малой Азіей) были также посредницами господства надъ сосѣдними подчиненными государствами, положеніе которыхъ порою было еще хуже, нежели бѣдствующихъ эллинистическихъ провинцій.

Слѣдовало бы изумиться, если бы эти недостойные порядки не повліяли развращающимъ образомъ также на правящіе классы господствующей національности. И это дѣйствительно такъ и было. Однако, слѣдуетъ обратно не забывать о томъ, что римская аристократія съ самаго начала числила въ своихъ рядахъ многихъ членовъ, настолько низкихъ въ нравственномъ отношеніи, что, можно сказать, они именно являлись отчасти отвѣтственными за то, что римская политика, несмотря на мудрую сдержанность части сената, пошла этимъ скользкимъ путемъ.

Полководцы, командовавшіе римлянами въ третью македонскую войну и даже въ первые годы третьей пунической, навлекли на римское имя позоръ и стыдъ. Намѣстники въ Испаніи умѣли устроить такъ, что ихъ всѣхъ ненавидѣли, исключая одного консула Тиверія Гракха, сынъ котораго впослѣдствіи, ради имени отца, также пользовался довѣріемъ. Позорныя дѣла Сульпиція Гальбы вызвали возстаніе Виріата (149—139).

Даже римскіе солдаты быстро выродились. То, что происходило въ лагеряхъ подъ Карѳагеномъ и подъ Нуман-

ціей, достаточно показываетъ, что нравственное разложеніе не ограничилось правящими сферами.

Культурный подъемъ и предвѣстники упадка.

Второе столѣтіе до Р. Х. представляется для Рима тѣмъ, чѣмъ для Италіи и для среднихъ вѣковъ былъ Ренессансъ. Какъ позднѣе въ XV в. интеллигентные кружки съ пламеннымъ рвеніемъ набросились на изученіе древняго искусства, классической поэзіи и науки, такъ же точно тогдашніе римляне съ жадностью ухватились за плоды эллинской культуры. Съ замѣчательной живостью и воспріимчивостью набросились всѣ даровитыя натуры Рима на чарующее греческое искусство и литературу. Даже противники эллинизма преклонились передъ этимъ знаменіемъ времени и по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ подчинились господствующему направленію. Марцеллъ ограбилъ богатыя художественными сокровищами Сиракузы, чтобы украсить ими свой тріумфъ и сады Рима. Катонъ, противникъ всего греческаго, привезъ поэта Эннія изъ Сардиніи въ Римъ и хвасталъ тѣмъ, что сдѣлалъ этимъ для Рима болѣе, чѣмъ своими побѣдами. Но даже въ своихъ отрицательныхъ чертахъ эта эпоха обнаруживаетъ нѣкоторыя черты сходства съ эпохою Ренессанса. Невѣріе всюду одерживало верхъ, фривольность и чувственность считались признаками хорошаго тона. Съ развитіемъ искусства, техники, торговли и благосостоянія, возрастали также роскошь, чувственность, жадность. И въ Римѣ за этой эпохой гуманистическаго подъема не послѣдовало никакого религіознаго возрожденія и нравственнаго улучшенія. Испорченность высшихъ классовъ ускорила взрывъ революціи, съ давнихъ поръ бродившей въ подавленныхъ и порою подвергавшихся самому позорному обращенію массахъ.

Благороднѣйшіе представители этого гуманистическаго движенія принадлежали къ роду и близкимъ друзьямъ Сципіона Старшаго. Когда онъ находился въ Сициліи, готовясь къ походу въ Африку, то за подражаніе грекамъ въ нравахъ и одеждѣ подвергся клеветѣ. То обстоятельств что римскій полководецъ вращался въ базиликахъ, гдѣ пребывали греческіе философы, и даже изучалъ греческія книги, въ то самое время, когда у воротъ Рима Аннибалъ все еще велъ войну на римской почвѣ—это обстоятельство предста-

вялось настоящей государственной измѣной. Но на самомъ дѣлѣ оно доказываетъ лишь рвеніе къ просвѣщенію—человѣка, никогда, впрочемъ, не забывавшаго своихъ обязанностей, какъ римскаго гражданина и полководца. Сынъ его написалъ по-гречески историческое сочиненіе, по всей вѣроятности, прославлявшее дѣла отца. Вѣрнѣйшій другъ и боевой товарищъ Сципіона Африканскаго, старшій Лелій, также описалъ въ запискахъ, впослѣдствіи много читавшихся, ихъ совмѣстные подвиги въ Испаніи и въ Африкѣ. Сципіонъ Назика, племянникъ Сц. Африканскаго, описалъ въ запискахъ, составленныхъ по-гречески, борьбу съ царемъ Персеемъ Македонскимъ и послалъ свои замѣтки царю нумидійскому Массиниссѣ. Среди сравнительно старинныхъ друзей греческой культуры выдающееся мѣсто занимаетъ, конечно, Титъ Фламиній. Когда Фламиній на исѳмійскихъ играхъ подарилъ всѣмъ грекамъ свободу, то болѣе или менѣе проницательные люди могли во всякомъ случаѣ сообразить, что эта свобода немногимъ отличается отъ той, которую спартанцы предложили остальнымъ грекамъ при заключеніи Анталкидова мира. Фламиній все-таки былъ болѣе прямодушенъ, чѣмъ спартанцы. Это доказывается значительнымъ терпѣніемъ, обнаруженнымъ имъ въ виду упорства разныхъ мелкихъ республикъ, напр. Віотійской. Такую же снисходительность обнаружилъ онъ и по отношенію къ возвращенію денегъ, отнятыхъ у разныхъ общинъ: это дѣйствительно былъ актъ примиренія—наилучшее средство расположить въ свою пользу побѣжденныхъ.

Событіемъ, составившимъ эпоху въ дѣлѣ сближенія римскаго быта съ эллинскимъ, было прибытіе 1.000 заложниковъ, которыхъ должны были прислать участники ахейскаго союза по требованію римлянъ послѣ третьей македонской войны (167 до Р. Х.). Среди заложниковъ находился и ахейскій начальникъ конницы, Поливій или Полибій, самый значительный изъ позднѣйшихъ греческихъ историковъ, учитель и ближайшій другъ Сципіона Младшаго, оказавшій весьма значительное вліяніе на умственное движеніе образованныхъ римлянъ. Между нимъ и Катономъ, старымъ противникомъ греческаго вліянія, явились даже дружескія отношенія. Раньше Катонъ заботливо предостерегалъ своего сына не довѣряться этому испорченному и распущенному племени. Если народъ заимствуетъ свое просвѣщеніе, говорилъ онъ, то все погибло. Несмотря на то, когда ему пришлось писать по медицинѣ, сельскому хозяйству и даже военному дѣлу, Катонъ пользовался греческими сочиненіями, а на упреки въ непослѣдовательности отвѣчалъ: греческія книги полезно просматривать, но не изучать. Отношенія были сильнѣе людей, даже такихъ, какъ Катонъ. Въ этомъ убѣждаетъ также своеобразное отношеніе сената къ греческимъ философамъ. Многія отрасли греческой науки нашли также въ Римѣ горячихъ приверженцевъ и поклонниковъ. Но къ философіи римлянинъ стараго закала питалъ такое же тайное отвращеніе, какъ, напр., клерикалы къ масонамъ. Катонъ, вообще говоря, сторонникъ свободнаго выраженія мнѣній, думалъ, однако, что съ Сократомъ отлично расправились, такъ какъ такого богохульника и болтуна слѣдовало конечно казнить. Въ томъ же смыслѣ и сенатъ постановилъ въ 161 г. до Р. Х. рѣшеніе, чтобы преторъ Маркъ Помпоній позаботился о томъ, какъ бы греческіе философы и риторы избѣгали Рима. Но это не могло помочь. Греки удалились, какъ ученые, но возвратились снова, какъ послы разныхъ греческихъ городовъ. Какъ разъ въ это время въ Римѣ находился знаменитый стоикъ Кратесъ, какъ посолъ царя Аттала Пергамскаго; въ 155 г. до Р. Х. явились академикъ Карнеадъ, стоикъ Діогенъ и перипатетикъ Критолай въ Римъ, отъ имени Аѳинъ, прося сложить пеню въ 500 талантовъ. Ихъ рѣчи восхитили всѣхъ и философія пріобрѣла многихъ приверженцевъ.

Нечего послѣ этого удивляться тому, что личныя и научныя отношенія благородныхъ римскихъ мужей и греческихъ ученыхъ становились все болѣе тѣсными и сердечными. При переводѣ греческихъ комедій Теренціемъ, ревностно помогали Сципіонъ Младшій и его другъ Лелій Сапіенсъ (Мудрый). Отецъ Сципіона позаботился о томъ, чтобы не только дать ему основательное знаніе греческаго языка, но и ознакомить его съ греческой литературой. Послѣ побѣды надъ Персеемъ, онъ вмѣсто иной доли военной добычи потребовалъ для себя царскую библіотеку, съ цѣлью подарить ее сыновьямъ. Въ кругу молодежи, окружавшей Сципіоновъ, гдѣ вращались внуки Сципіона Старшаго, Гракхи, постоянно находились и греки, сильно вліяя на политическія дѣйствія своихъ патроновъ. Такъ, риторъ Діофанъ изъ Митилены и философъ Блоссій изъ Кумъ въ значительной мѣрѣ повліяли на Тиверія Гракха, убѣдивъ его предпринять крупныя аграрныя реформы. Стоику Панецію, сопровождавшему Сципіона

Младшаго и Лелія во время ихъ путешествій въ качествѣ пословъ, удалось обратить спутниковъ на путь стоической философіи, а косвеннымъ образомъ тотъ же философъ оказалъ еще сильнѣйшее вліяніе на развитіе идей тогдашнихъ руководящихъ круговъ Рима, черезъ посредство своего ученика, знаменитаго правовѣда и верховнаго понтифекса, Муція Сцеволы, умершаго въ 130 до Р. Х. Такимъ образомъ казалось, что осуществляется представлявшееся Сципіонамъ мечтою, а именно то, что такъ ярко выражено Полибіемъ въ его историческихъ трудахъ,—внѣшнее господство надъ Греціей Рима, упроченное и облагороженное духовнымъ господствомъ греческой культуры.

Но, къ сожалѣнію, эта картина имѣетъ и оборотную сторону.

Необычайно быстро вмѣстѣ съ проникновеніемъ греческой литературы улучшился и вкусъ ко всему, что нравилось грекамъ. Если стали восхищаться изображеніями вѣтренныхъ куртизанокъ и расточительныхъ кутилъ, то едва-ли можно удивляться тому, что и въ жизни господствовали подобные же нравы или что по крайней мѣрѣ исчезло отвращеніе къ такого рода дѣламъ. Еще въ эпоху второй пунической войны Невій могъ отважиться публично укорять однажды Сципіона Младшаго за то, что того однажды засталъ отецъ во время какой-то любовной исторіи. Спустя поколѣніе подобное происшествіе показалось бы самымъ обыкновеннымъ. Роскошь все болѣе распространялась. Греческіе повара и пирожники стали потребностью богатыхъ людей. Стали уже подавать къ завтраку горячія блюда, а обѣдъ изъ двухъ перемѣнъ былъ совсѣмъ недостаточнымъ. На званныхъ обѣдахъ пытались чваниться драгоцѣнною разукрашенною серебряною посудою, дорогими столовыми диванами и азіатскою одеждою. Нисколько не помогло, что Катонъ въ роли цензора (въ 184 г.) обложилъ всѣ подобные предметы высокой пошлиной. Противное теченіе было слишкомъ сильно и исходило отъ жаждавшихъ эмансипаціи женщинъ. Онѣ явились толпами на площадь, требуя отмѣны закона Оппія, по которому, послѣ битвы при Каннахъ, женщинамъ были запрещены пестрыя одежды и золотыя украшенія. Многочисленные вышколенные слуги, которыхъ богачи добывали въ Греціи и въ Малой Азіи, дѣйствовали разлагающимъ образомъ на семейный бытъ. Язва рабства, служившаго цѣлямъ роскоши, настолько въѣлась, что съ нею

приходилось бороться посредствомъ высокихъ пошлинъ. Полиція нравовъ, въ лицѣ цензоровъ, оказалась безсильною и могла вмѣшиваться лишь тамъ, гдѣ скандалъ былъ черезчуръ публичнымъ. Люцій Фламиній, распутный братъ Фламинія, побѣдителя Филиппа III Македонскаго, отрѣзавшій голову одному галлу въ угоду рабу, которымъ пользовался для цѣлей разврата, былъ, правда, извергнутъ Катономъ изъ сената. Но многіе другіе развратники оставались безнаказанными. Консулъ Кальпурній (180 до Р. Х.) былъ убитъ собственной женой по наущенію пасынка, стремившагося занять мѣсто отчима; и дѣйствительно, убійца добился своего, не смотря на то, что мать его не избѣгла кары. Возмутительное нравственное одичаніе характеризуется процессомъ, относящимся къ 186 г. Дѣло идетъ о вакханаліяхъ. Культъ Вакха, достигшій Рима окольнымъ путемъ, черезъ Этрурію, быстро пріобрѣлъ приверженцевъ. Тайныя ночныя оргіи неудержимо привлекали испорченное поколѣніе, но доставляли въ то же время и крупнымъ и мелкимъ преступникамъ легкую игру подъ маскою благочестія. Всякаго рода преступленія, составленіе подложныхъ завѣщаній, отравительство и т. п. вынудили, наконецъ, власти выступить противъ этихъ безобразій, широко распространившихся по всей Италіи. 7.000 виновныхъ были приговорены и большею частью преданы смертной казни, однако 6 лѣтъ спустя послѣдовало 3.000 новыхъ приговоровъ. Дѣйствительно, ни въ одной области грекоманія не потерпѣла какого быстраго фіаско, какъ въ области религіи. Мысль оживить римскую религію и культъ тѣмъ, что въ Римѣ былъ введенъ греческій культъ и греческія игры, привела къ чему угодно, но только не къ развитію религіозности. Комедіи Плавта и Теренція, которыя должны были вытѣснить празднованіе Мегалензій, ознакомили римлянъ съ наихудшими классами испорченныхъ грековъ. Процессіи съ литаврами и свирѣлями, руководимыя евнухами великой матери Цибелы, должны были возбудить отвращеніе всякаго набожнаго человѣка, но могли нравиться старымъ грѣховодникамъ и истасканнымъ куртизанкамъ. Поэтъ Энній заклеймилъ эти нравы, сказавъ:

„Эти суевѣрные жрецы, это дерзкое отродье прорицателей,
Частью изъ лѣни, частью сумасшедшіе или побуждаемые сильнымъ голодомъ,
Желаютъ указать другимъ пути, которыхъ сами не находятъ,
Дарятъ сокровища тѣмъ, у кого сами идутъ клянчить грошъ“.

Если то уже было плохо, что бродячіе нищенствующіе

жрецы и возбуждающія похоть процессіи Изиды или же Сераписа находили сочувствіе въ толпѣ, то, конечно, было еще хуже, если гадатели и звѣздочеты стали обдѣлывать свои дѣлишки въ римскихъ лагеряхъ. Сципіонъ Эмиліанъ (или Младшій) началъ свою дѣятельность полководца въ Нуманціи съ того, что велѣлъ вышвырнуть изъ своего лагеря толпу подобныхъ паразитовъ. Древне-римская мужественность и строгость нравовъ были несовмѣстимы съ такими жреческими продѣлками.

Существеннымъ мѣриломъ состоянія нравственности какого бы то ни было народа является, конечно, его семейная жизнь. Но и въ этой области въ разсматриваемую эпоху мы встрѣчаемъ знаменательные признаки упадка. Конечно и въ высшихъ сословіяхъ мы встрѣчаемъ все же отрадныя исключенія. Таковы семьи Сципіоновъ, Эмилія Павла, Катона, гдѣ добрыя традиціи хранились ненарушимо и оказались совмѣстимыми съ новыми вѣяніями. Но гораздо болѣе многочисленны примѣры обратнаго рода.

Катонъ безъ устали бранитъ тщеславныхъ, заботящихся только о нарядахъ женщинъ, желающихъ господствовать надъ властелинами міра. Число разводовъ значительно возросло и знаменательнымъ симптомомъ было то, что женщины добивались имущественной самостоятельности, чтобы тѣмъ легче отдѣлаться отъ власти мужа и имѣть возможность легко расторгнуть бракъ. Всюду жаловались впрочемъ на частое безбрачіе, и глубокая причина этого была, быть можетъ, опаснѣе, чѣмъ самое послѣдствіе. Уваженіе къ женщинѣ уменьшилось, римская матрона, которой поставленъ памятникъ одною изъ прекраснѣйшихъ римскихъ легендъ, а именно сказаніемъ о Коріоланѣ, въ то время далеко уступала прежней матронѣ. Это лучше всего явствуетъ изъ жестокой ироніи, содержащейся въ словахъ цензора Квинта Метелла Нумидійскаго, обращенныхъ къ народу по поводу предположеннаго обложенія холостяковъ пошлиною: „Если бы мы, о квириты, могли совсѣмъ жить безъ женъ, то конечно всѣ охотно освободились бы отъ такого бремени. Но разъ природа устроила такъ, что мы съ ними не можемъ жить очень удобно, а безъ нихъ вовсе не можемъ жить, то лучше подумаемъ о прочныхъ удобствахъ, чѣмъ о временной пріятности“.

Было уже упомянуто, что въ высшихъ классахъ Рима честность быстро исчезла. Братъ Сципіона Старшаго, побѣдоносный въ войнѣ съ Антіохомъ, вынужденъ былъ удалиться въ изгнаніе, такъ какъ онъ слишкомъ сильно наложилъ лапы на сирійскую добычу, такъ что даже популярность брата не могла спасти его отъ осужденія. Вообще замѣтно уменьшилась честность тамъ, гдѣ рѣчь шла объ общественныхъ интересахъ. Съ давнихъ поръ считалось дозволительнымъ удерживать въ свою пользу доходы отъ общинной земли или, при устройствѣ частныхъ имѣній, забираться на общественныя земли. Старикъ Катонъ могъ поэтому сказать: „Кто обкрадываетъ частное лицо, оканчиваетъ жизнь въ цѣпяхъ и узахъ; но кто обкрадываетъ государство, тотъ умираетъ въ золотѣ и въ пурпрурѣ“.

Не менѣе печальнымъ являлось то обстоятельство, что исчезла всякая совѣстливость по отношенію къ союзникамъ. Настоящая погоня за наживой овладѣла римскимъ чиновничествомъ. Послѣ того какъ уже не разъ были приняты во вниманіе жалобы различныхъ провинцій, въ 149 г. до Р. Х. Люцій Кальпурній Пизонъ добился учрежденія постояннаго суда, имѣвшаго цѣлью преслѣдовать чиновничьи злоупотребленія. Но и это не много помогло: судьями въ этихъ процессахъ, называвшихся репетундными, въ началѣ были сенаторы, а они обнаруживали мало охоты карать своихъ добрыхъ друзей, иное явилось съ тѣхъ поръ, какъ Гай Гракхъ добился проведенія закона, въ силу котораго присяжныхъ стали брать изъ враждебнаго чиновникамъ, особенно въ провинціяхъ, сословія всадниковъ.

Впрочемъ всадники, или тѣ римскіе граждане, которые брали на откупъ всѣ пошлины и подати въ самой Италіи и во всѣхъ провинціяхъ, были въ то время настолько корыстолюбивы, что часто становились для провинцій настоящей чумою. Въ 198 г. Катонъ выслалъ изъ Сардиніи, провинціи, которою онъ управлялъ, рѣшительно всѣхъ откупщиковъ за безсовѣстное ростовщичество. Когда въ 167 г. до Р. Х. рѣчь шла о заарендованіи македонскихъ рудниковъ, то о всадникахъ открыто было сказано: „гдѣ хозяйничаетъ откупщикъ, тамъ кончаются право и свобода“. И при этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, какъ далеко были закинуты сѣти и нити этихъ арендныхъ товариществъ. По показанію Полибія, едва ли можно было указать хотя одного состоятельнаго человѣка, который не былъ бы явнымъ или тайнымъ участникомъ какого либо торговаго общества, имѣющаго цѣлью аренду государственныхъ доходовъ.

Само собою разумѣется, что не все въ Римскомъ государствѣ обстояло такъ дурно. Средніе по достатку классы долго сохраняли простоту и гражданскія доблести. Въ маленькихъ провинціальныхъ городкахъ Средней Италіи удерживалась крѣпкая и стойкая порода людей и частью вербовались тѣ новые люди, которые, какъ бы въ насмѣшку надъ аристократіей, проникали въ предназначенныя до тѣхъ поръ только для нея чиновничьи мѣста и своими дѣлами затмили дѣла древнихъ родовъ. Марій, какъ и Цицеронъ, были родомъ изъ маленькаго Арпинума; Катонъ изъ провинціальнаго городка Тускулума. Но столичное населеніе не могло не оказать дурнаго вліянія на другіе города, само же постоянно подвергалось развращающему вліянію высшихъ классовъ. Страсть толпы къ развлеченіямъ, ея стремленіе къ забавамъ и потѣхамъ сдѣлали во второмъ вѣкѣ до Р. Х. поразительные успѣхи. Число праздничныхъ игръ непрерывно возрастало. Въ первыя столѣтія республиканскаго правленія, лишь въ сентябрѣ праздновались римскія игры Къ концу третьяго столѣтія присоединились сюда игры въ честь Флоры, Цереры, Аполлона и Цибелы, а также игры плебеевъ. Ихъ со дня на день дѣлали все болѣе продолжительными, а часто ради религіозныхъ побужденій праздновали по два или по три раза въ годъ. Къ тому же вошло въ моду, чтобы богачи, изъ числа частныхъ лицъ, устраивали игры по случаю похоронъ и тріумфовъ. И какого же рода были эти игры? Въ томъ самомъ году, когда началась первая пуническая война, впервые въ Римѣ были устроены состязанія бойцевъ, которымъ приходилось покупать жизнь цѣною рѣшительной борьбы. Въ томъ самомъ году, когда разыгрался знаменитый процессъ о вакханаліяхъ (186 г.) впервые фигурировали греческіе атлеты и были устроены травли звѣрей, причемъ главную роль играли львы и пантеры. Не удивительно, что при подобныхъ развлеченіяхъ, число людей, сдѣлавшихъ себѣ аферу изъ бродяжничества, стало весьма значительнымъ. Катонъ предлагалъ вымостить римскій форумъ острыми камнями, чтобы уменьшить удовольствіе такого бродяжничества, и дѣйствительно, въ эпоху, когда Катонъ былъ уже старъ, дѣло приняло весьма крутой оборотъ. Въ монологѣ, появившемся въ комедіи Плавта „Паразитъ", сыгранной впервые въ 194 г., перечисляется около дюжины мѣстностей, изъ которыхъ каждая отличалась своими спеціальными дневными ворами.

Главное зло, съ которымъ приходилось бороться, это было увеличеніе противоположности между отдѣльными сословіями и классами населенія. Угнетеніе низшихъ классовъ высшими неизбѣжно должно было привести къ броженію, изъ котораго возникъ вѣкъ революціи (133—30 до Р. Х.).

Чиновники, да и все, что имѣло связь съ римскимъ чиновничествомъ, сознавали себя господами, которымъ должны были рабски покоряться даже италійцы, не говоря уже о провинціалахъ. Характерны въ этомъ отношеніи разсказы о томъ, что сообщилъ народу Кай или Гай Гракхъ. Одинъ консулъ, по его словамъ, прибылъ съ супругою въ Теанумъ (въ Кампаніи). Тамъ эта послѣдняя вдругъ изъявила желаніе купаться непремѣнно въ мужскихъ баняхъ. Немедленно былъ отданъ приказъ очистить баню отъ мужчинъ, но такъ какъ это было сдѣлано недостаточно скоро и сверхъ того важной барынѣ показалось, что баня недостаточно чиста, то въ результатѣ одного именитаго гражданина публично высѣкли розгами. Два чиновника въ Ферентинумѣ, навлекшіе на себя гнѣвъ претора, были казнены по такому же пустячному поводу. Одинъ молодой сенаторъ, путешествовавшій въ роли посла, велѣлъ засѣчь на смерть пастуха, дозволившаго себѣ въ Венузіи, во время пребыванія важнаго гостя, неприличную шутку. Подобные случаи говорятъ за себя краснорѣчивѣе самыхъ длинныхъ докладовъ. Они объясняютъ ненависть, которую испытывали италійцы низшихъ сословій по отношенію къ тиранніи господствующихъ классовъ. И дѣйствительно, пропасть между гражданами и союзниками становилась все шире и шире. Послѣ аннибаловыхъ войнъ гражданскія войска были отпущены на родину; союзные контингенты остались подъ знаменами; ихъ послали въ гарнизоны, въ захваченныя провинціи. Неблагопріятное правовое положеніе союзниковъ испытывалось тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе, вообще говоря, ухудшалось положеніе италійскаго крестьянства. До чего стѣснено было положеніе среднеиталійскихъ союзниковъ, ничѣмъ не доказывается съ такою яркостью, какъ жалобами самнитовъ и пелигновъ въ 177 г. до Р. Х. Они не были въ состояніи выставить требуемаго Римомъ количества войска, такъ какъ населеніе ихъ значительно убыло вслѣдствіе колонизаціи, а именно выселенія въ сосѣднія латинскія области. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ пе-

реселилось 4000 семействъ во Флагеллы. Свободное крестьянское сословіе чудовищно быстро убывало, плантаціи и рабскій трудъ вытѣсняли крестьянъ, подавляя всякую конкурренцію.

Не смотря на всѣ эти грозные предвѣстники упадка, второе столѣтіе еще представляетъ немного такихъ чертъ, по которымъ можно было бы считать его имѣющимъ существенное значеніе для всемірной исторіи, въ особенности для исторіи культуры.

Уже къ концу III в. нѣкоторые обладающіе греческимъ образованіемъ люди изъ Южной Италіи сдѣлали попытки создать также для Рима поэтическую литературу. При крайней искусственности этой поэзіи, она отличалась отсутствіемъ всякаго поэтическаго содержанія. Но комедіи Ливія Андроника, раба, мальчикомъ захваченнаго въ Тарентѣ, и значительно болѣе самостоятельнаго и талантливаго поэта Невія, проложили путь писателямъ и величайшимъ поэтамъ. Самъ Невій представляетъ значеніе по своей первой удачной попыткѣ создать если не народный, то во всякомъ случаѣ національный эпосъ. Его еще тяжеловѣсный сатурнинскій стихъ воспѣвалъ побѣды римскаго народа въ первой пунической войнѣ, а это, съ матеріальной и съ лингвистической точки зрѣнія, было значительнымъ успѣхомъ по сравненію съ ученической Одисіей (Одиссеей) его предшественника! Лишь послѣ этого достойнаго начала могъ возникнуть въ Римѣ эпосъ, подобный анналамъ Эннія, 239—169, гдѣ преслѣдовалась величественная идея изобразить важнѣйшія событія римской исторіи въ героическомъ эпосѣ, доступномъ сравненію съ Иліадой. Энній ввелъ въ Римъ гомеровскій размѣръ, гексаметръ, и при разработкѣ подробностей принялъ себѣ въ образецъ величайшаго поэта Греціи. Но онъ уже дѣйствовалъ не ученически, подобно Ливію Андронику, передѣлывавшему Гомера: наоборотъ, ему самому присущъ до извѣстной степени поэтическій полетъ, присуща и сила греческаго образца. Энній лингвистическій геній первой величины. Ему римскій народъ обязанъ своею сокровищницею эпическихъ выраженій; Энній сумѣлъ найти надлежащее выраженіе для многочисленныхъ новыхъ идей, заимствованныхъ имъ у грековъ. Тонъ пылкаго національнаго одушевленія былъ ему особенно свойственъ. Онъ воспѣвалъ древнихъ римскихъ героевъ, римскую доблесть и гордость, и все это съ такой увлекательною силою, что далъ своей пріемной родинѣ въ

высшей степени цѣнный даръ. Юность воодушевлялась его произведеніями, позднѣйшіе писатели учились отъ него. Безъ Эннія немыслимъ Вергилій, и далеко не въ пользу художественнаго чутья италійцевъ говоритъ то обстоятельство, то Энеида Вергилія, хотя бы и постепенно могла оставить въ тѣни старинный національный эпосъ. Да и въ области трагедіи этотъ старинный поэтъ, вообще весьма плодовитый, далъ много замѣчательнаго. Его Андромаха въ плѣну давалась въ эпоху Цицерона во время аполлинарскихъ игръ, и Цицеронъ говоритъ о ней съ восхищеніемъ.

Одновременно съ Энніемъ писалъ Плавтъ, заслуживающій быть поставленнымъ на ряду съ Энніемъ по превосходнымъ передѣлкамъ греческихъ комедій и по развитію ихъ далѣе вполнѣ самостоятельнымъ путемъ.

Правда, сюжетъ этихъ комедій, какъ было уже замѣчено, всегда таковъ, что представленіе ихъ едва-ли могло дѣйствовать на кого-либо облагораживающимъ образомъ. Здѣсь описываются собственно легкомысленные и распутные греки III в. до Р. Х., со всѣми этими старыми развратниками, молодыми повѣсами, проститутками, сводниками, паразитами и всякаго рода слугами. Но все же фантазія зрителей получала пищу, да сверхъ того, по уму и остроумію, авторъ этихъ комедій во всякомъ случаѣ стоялъ выше того уровня требованій, которыя до тѣхъ поръ предъявлялись жадною до зрѣлищъ толпою.

Прежде всего важно то, что, благодаря Плавту, латинскій языкъ обогатился множествомъ новыхъ выраженій и каламбуровъ, и благодаря шутливой формѣ діалога, пріобрѣлъ нѣчто пріятное, гибкое, чѣмъ до тѣхъ поръ не обладалъ. Пути, положенному Плавтомъ, слѣдовали Цецилій Стацій, прибывшій изъ своей родины, а именно изъ Милана, около 194 г. въ Римъ, и Публій Теренцій Аферъ, оба изъ вольноотпущенныхъ. Сохранившіяся отъ этого послѣдняго комедіи не очень оригинальны и не народны, но ихъ изящный языкъ и совершенство формы приводятъ къ тому, что именно поэтому искали ихъ настоящаго автора въ кругу Сципіоновъ. Во всѣ времена онѣ охотно читались, но зато скоро сошли со сцены.

Зато въ ту эпоху процвѣтали другія отрасли комической поэзіи, а именно грубыя ателланы, т. е. поэзія, рисовавшая жизнь италійскихъ крестьянъ, и нѣсколько болѣе утонченныя

комедіи, въ которыхъ заимствовались сюжеты изъ городской жизни, но форма примыкала къ греческимъ комедіямъ.

Этому столѣтію принадлежитъ также, быть можетъ, значительнѣйшій изъ римскихъ сатириковъ, Луцилій, 148—103. Римляне, вообще во всемъ подражавшіе грекамъ, тѣмъ болѣе чванились созданіемъ сатиры. „Сатира, говоритъ римскій историкъ литературы Квинтиліанъ, это наша полная собственность“ — и дѣйствительно, ни одинъ родъ литературы до такой степени не подходилъ къ римскому характеру и не былъ разработанъ римлянами съ такой любовью, какъ именно сатира. Однако, слѣдуетъ добавить, что сатира была введена впервые Энніемъ по образцу александрійца Сотада. Сатира представляла смѣшеніе прозаическихъ соображеній съ экскурсіями въ область поэзіи, серьезныхъ размышленій и не имѣющихъ удержа шутокъ. Сатиры Луцилія, которыя Горацій хвалилъ, какъ образцы въ своемъ родѣ, высказались по всѣмъ политическимъ, соціальнымъ и научнымъ вопросамъ. У Луцилія господствуетъ поэтическая форма, и его сатиры, по рѣзкости критики и по ѣдкости насмѣшки, уже болѣе приближалась къ тому роду сатиръ, который впослѣдствіи остался единственнымъ. 30 книгъ Луцилія представляли весьма вѣрное отраженіе тогдашней жизни, какою она прежде была съ точки зрѣнія жизнерадостнаго остроумнаго человѣка.

Въ области исторіи также было создано много остроумнаго въ ту эпоху, насколько можно судить по отрывкамъ, сохраненнымъ разными авторами позднѣйшихъ временъ.

Древнѣйшіе римскіе историки, какъ, напр., Фабій Пикторъ, Цинцій, Ацилій, писали по гречески, кратко касаясь древнѣйшихъ временъ и подробно описывая событія своего времени. Ихъ примѣру послѣдовали писавшіе по-латыни историки ближайшей послѣдующей эпохи. Въ высшей степени замѣчательно произведеніе Катона — Оригинэ, т. е. Начала. Онъ при этомъ оставилъ въ сторонѣ одностороннюю точку зрѣнія, свойственную римлянамъ, и далъ италійское землевѣдѣніе, а во второй части исторію, въ которую влагаетъ свои собственныя рѣчи, однако описываетъ все съ естественностью и жизненностью. Его младшіе современники слѣдовали за нимъ по этому пути.

Они, какъ и позднѣйшіе риторствующіе анналисты, избѣгали излагать подробно событія до-историческаго или даже миѳологическаго прошлаго, но зато давали точный обзоръ

событій современности; превосходно была, по всей вѣроятности, описана эпоха Гракховъ Фанніемъ, консуломъ 122 г. до Р. Х., другомъ старшаго Гракха. Онъ вставлялъ рѣчи выдающихся государственныхъ людей. Объ этомъ теперь можно отчасти судить по отрывкамъ, сохранившимся у Плутарха.

Не малой похвалы заслуживаютъ историческія произведенія благороднаго, изгнаннаго партійною ненавистью всадниковъ, Публія Рутилія Руфа, друга греческихъ философовъ Панеція и Посидонія. Пониманіе, превышающее обычный способъ писанія хроникъ, обнаруживается также у Семпронія Азелліо, перваго, который изъ римскихъ историковъ счелъ необходимымъ не простое изложеніе, а прагматическую связь событій. Оставшіеся лишь въ донесеніяхъ позднѣйшихъ греческихъ писателей отрывки этихъ историческихъ трудовъ показываютъ, какія плодотворныя начала были уже вложены римской исторіографіей прежде чѣмъ смутныя времена Суллы не понизили уровень исторіи, которая стала излагать риторическимъ способомъ легендарныя событія до-историческихъ временъ, мало заботясь о лѣтописной точности.

Утрата лучшихъ историческихъ сочиненій вдвойнѣ прискорбна: и сама по себѣ и потому, что она затрудняетъ пониманіе тогдашней исторіи развитія римскаго краснорѣчія. Безъ всякаго сомнѣнія, выдающіеся ораторы II в. далеко превосходили по богатству мыслей, по энергіи и по паѳосу ораторовъ I в. Въ числѣ ихъ находятся замѣчательные государственные люди, какъ, напр., Катонъ, Сципіонъ Эмиліанъ, Гракхи, историкъ Фанній, Папирій Карбонъ, но главнымъ образомъ два человѣка, которыхъ молодой Цицеронъ признавалъ первыми ораторами, а именно Крассъ и Маркъ Антоній, умершій въ 87 г. до Р. Х., дѣдъ тріумвира. Такая похвала въ устахъ Цицерона, да и сохранившіеся отрывки изъ рѣчей показываютъ, что оба, особенно же Крассъ, отличались красотою рѣчи и изяществомъ, но по риторической обработкѣ превосходили названныхъ выше государственныхъ людей.

Западныя провинціи Рима и ихъ романизація.

Со второго столѣтія для Рима начинается та, продолжавшаяся много столѣтій дѣятельность, которая клонилась къ романизированію менѣе культурныхъ народностей, жившихъ на западѣ отъ Средиземнаго моря.

Никогда Римъ серьезно не подумалъ надъ тѣмъ, чтобы присвоить себѣ такимъ же образомъ земли, гдѣ господствовалъ греческій языкъ.

Наоборотъ, эти послѣднія въ культурномъ отношеніи продолжали идти своимъ собственнымъ путемъ и порою даже совершали мирные захваты въ италійскихъ земляхъ, и вообще въ борьбѣ съ романизмомъ.

Изъ племенъ Запада, рано подвергшихся вліянію римской культуры, важнѣйшіе—это иберійцы и кельты. Относительно племенныхъ особенностей тѣхъ и другихъ, развившихся подъ римскимъ вліяніемъ, здѣсь достаточно сказать слѣдующее: въ древнѣйшее время западъ Европы былъ занятъ лишь немногочисленными группами народовъ, въ томъ числѣ иберійцами, не арійскаго племени. Они населяли Иберійскій полуо-въ и значительную часть Франціи. Многіе приводятъ ихъ въ связь съ италійскими лигурами и съ британскими силурами. Они въ этомъ случаѣ должны были бы жить по всей западной Европѣ. Полагали, что они населяли также Балеарскіе о-ва, Сардинію и даже Сицилію. На самомъ дѣлѣ существуютъ лишь опорные пункты, позволяющіе судить о когда-то происходившемъ разселеніи иберійцевъ по сѣвернымъ областямъ, лишь кое-гдѣ касавшимся римскихъ границъ въ ю. з. Европѣ. Жившіе къ югу отъ Гаронны аквитанцы принадлежали къ иберійскому племени, какъ и теперь еще живущіе въ той же области баски. О нѣкогда столь распространенномъ языкѣ этихъ древнихъ иберовъ, какъ и объ ихъ культурѣ, мы, собственно говоря, ничего не знаемъ. Во время, не подлежащее опредѣленію, сосѣдніе кельты переселились изъ Франціи черезъ Пиренеи и слились, но только въ серединѣ полуо-ва, съ иберами въ одинъ народъ—кельто-иберовъ, каковыми ихъ узнали впервые римляне. На сѣверѣ страны, однако, иберійское населеніе удержалось въ чистомъ видѣ. Важнѣйшими изъ иберійскихъ племенъ были лузитане въ Португаліи, кантабры на сѣверѣ и васконы въ Гуипускоа и Наваррѣ. Неразъясненнымъ остается то обстоятельство, что у кельто-иберовъ употреблялись оскскія письмена.

Если мы только вправѣ судить по нынѣшнимъ потомкамъ иберовъ, баскамъ, то это былъ ловкій, храбрый, веселый, свободолюбивый народъ. Хотя, по всей вѣроятности, они дѣйствительно были распространены по всему полуо-ву, однако вовсе нельзя утверждать, что они заселяли его сплошь, такъ

какъ отношеніе тамошнихъ кельтовъ къ иберамъ было во всякомъ случаѣ весьма своеобразнымъ, такъ какъ тѣ и другіе жили полосами въ перемежку. Вторая пуническая война доставила римлянамъ карѳагенскія завоеванія на югѣ страны. Сѣверъ они подчинили лишь послѣ упорной берьбы. Теперь въ Испанію проникла вся римская культура, что привело къ появленію тамъ множества образованныхъ писателей. Послѣ полнаго покоренія Испанія пользовалась миромъ до самаго переселенія народовъ, чѣмъ объясняется основательное романизированіе страны. Какъ греческій, такъ и пуническій языкъ, кельто-иберійскія нарѣчія, за исключеніемъ тѣхъ, которыя были распространены на сѣверѣ полуострова и уступили мѣсто латинскому, который хотя исказилъ иберійскія имена, но все же не совсѣмъ изгладилъ ихъ своеобразный характеръ. Въ дѣлѣ эксплуатированія произведеній страны римляне пошли по слѣдамъ карѳагенянъ, какъ, напр., въ древней Тартезисъ Баэтика, въ нынѣшнемъ округѣ Гуэльва, и у Ріо Танто, гдѣ такъ наз. прокураторы металловъ, т. е. смотрители рудниковъ, въ эпоху императора Нервы разыскивали хорошія мѣдныя руды. Вообще, горное дѣло составляло въ этой богатой рудниками странѣ главную отрасль римской промышленности.

Сѣверными сосѣдями иберовъ были уже упомянутые арійцы—кельты. Вслѣдствіе своего положенія на крайнемъ западѣ Европы, кельты должны считаться здѣсь первыми индоевропейскими обитателями, несомнѣнно гораздо болѣе древними, нежели эллины и италійцы. Они проникли до Галліи и до британскихъ о-вовъ, гдѣ являются первыми исторически извѣстными обитателями. Изъ Галліи они позднѣе много разъ выступали отдѣльными толпами, и поселившіеся на крайнемъ западѣ Испаніи кельты повидимому появляются здѣсь въ 500 г. Р. Х. Столѣтіе спустя вторглись въ Италію и осѣлись въ Верхней Италіи, оттѣснивъ лигуровъ, этрусковъ, умбровъ на югъ. Въ то же время они двинулись и на востокъ, заняли Альпы и южную Германію до самаго Дуная. Гельветы въ Швейцаріи и ихъ восточные сосѣди—винделики, норики, таврискн были кельты. Кельтическій же народъ—бойи хозяйничалъ въ Богеміи, оставивъ ей свое имя, а къ ю. в. отъ альпійскихъ горъ, по Дунаю, Савѣ и Дринѣ, поселились кельты скордиски, сосѣди иллировъ. Въ эпоху Александра Македонскаго кельты Панноніи покорили Паннонію и земли по Савѣ, оттѣснили иллирскихъ

тривалловъ и временно, а именно въ 280 г. до Р. Х. наводнили Грецію. Затѣмъ они осѣлись посреди Ѳракіи сдѣлали Тиле (къ ю. отъ Гемоса) на долгое время центромъ мощнаго организма. Часть кельтовъ переселилась даже въ Малую Азію и основала тамъ царство Галатію, гдѣ однако кельтическій языкъ ихъ вскорѣ вымеръ.

Было слѣдовательно такое время, когда кельтическое племя являлось въ Европѣ не только древнѣйшимъ, но и географически распространеннѣйшимъ. Конечно это господство существовало не долго. Малоазіатскихъ галатовъ всосали греки, кельтовъ подлѣ Гемоса — ѳракійцы, верхне-италійскихъ—римляне. Въ южной же Германіи они были вытѣснены на западъ германцами и напиравшими на этихъ послѣднихъ славянами. Еще въ 113 г. до Р. Х. бойи находились въ Богеміи, куда вскорѣ проникли германскіе маркоманны.

Эти настолько широко распространенные кельты конечно не были варварами и во многихъ отношеніяхъ стояли выше своихъ германскихъ сосѣдей. Но судя по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, древней Галліи придавалась слишкомъ высокая степень культуры, такъ какъ забывали о необходимости различать древнекельтическое искусство отъ галло-римскаго. У древнихъ галловъ не было городовъ. Эти обширные укрѣпленные центры были имъ такъ же чужды, какъ и бретонцамъ. Галлы знали лишь трояКаго рода поселенія: крѣпость, селеніе и домъ. Галльская крѣпость, oppidum, ни въ какомъ случаѣ не должна быть смѣшиваема съ римскимъ или съ средневѣковымъ укрѣпленнымъ городомъ. Крѣпость въ смыслѣ римскаго оппидумъ, какъ, напр., Бибракте, Герговія, Алезія, Аварикумъ, это было убѣжище, удобный пунктъ укрѣпленный тѣми ничтожными техническими средствами, которые были въ распоряженіи галловъ, но ни въ какомъ случаѣ это не былъ *городъ*. Укрѣпленія окружали значительное число весьма простыхъ построекъ: такъ напр. Бюлліо, при своихъ раскопкахъ, нашелъ внутри укрѣпленій Бибракте отъ двухъ до трехсотъ такихъ сооруженій; но населеніе, тѣснившееся въ минуту опасности, разсѣялось далеко по странѣ, какъ только наступали сколько нибудь мирныя времена. Изъ постоянныхъ жителей въ крѣпости можно было указать развѣ нѣкоторыхъ ремесленниковъ, для которыхъ было удобно не измѣнять мѣста осѣдлости. Для сооруженія крѣпости часто выбирали вершину холма или же мѣсто, окру-

женное топями или болотами. Изгибы рѣки также примѣнялись, какъ удобные для укрѣпленія. Бибракте на горѣ Беврe есть примѣръ перваго типа; развалины его окружаютъ холмъ на подобіе діадемы. Аварикумъ, находившійся на мѣстѣ нынѣшняго Буржа, обладалъ лишь немногими укрѣпленіями, но былъ, благодаря окружавшимъ его болотамъ, однимъ изъ сильнѣйшихъ пунктовъ въ Галліи. Съ другой стороны Везонтіо, нынѣшній Безансонъ, находился въ безопасности, благодаря изгибу рѣки. Если избранный пунктъ былъ скалистъ, и если въ окрестностяхъ было много рыхлыхъ камней, то этотъ матеріалъ употреблялся на постройки, для самой крѣпости, но на лѣсистыхъ холмахъ или же на равнинахъ сооружали изъ мощныхъ древесныхъ стволовъ родъ ограды, заполняя ее камнями и землей, причемъ получался крѣпостной валъ. Земляные валы и рвы также служили защитою.

Мѣстопребываніемъ галльскаго феодала, предшественника средневѣковаго рыцаря, былъ такъ наз. дунумъ. Если онъ не находился на высотѣ, то былъ окруженъ палиссадами и глубокими рвами, служившими для его защиты. Нѣкоторое количество мелкихъ наружныхъ укрѣпленій служило для дунума тѣмъ же, чѣмъ этотъ послѣдній для крѣпости (оппидума). Его временные обитатели жили въ маленькихъ деревушкахъ или же въ разбросанныхъ тамъ и сямъ хижинахъ. Часто надъ землянымъ валомъ виднѣлась развѣ только одна крыша такихъ жилищъ. Сельскіе торговцы вели торговлю съ помощью вьючнаго скота. Кромѣ военной крѣпости существовала еще торговая или *эмпоріумъ*, ярмарочное мѣсто, и до сихъ поръ еще можно встрѣтить пережитокъ такихъ ярмарокъ въ большой ярмаркѣ въ Бокэръ. Въ галльскую эпоху это были не настоящія ярмарочныя мѣста, но лишь мѣста свиданій съ торговыми цѣлями; однако нѣкоторыя изъ нихъ подъ вліяніемъ римскаго господства, превратились въ торговые города. Большею частью они находились на судоходныхъ рѣкахъ, и многія изъ подобныхъ мѣстъ заняты нынѣшними французскими городами. Если случайнымъ образомъ эмпоріумъ совпадалъ съ оппидумомъ, т. е. торговый пунктъ съ крѣпостью, то послѣдняя позднѣе либо приписывалась къ торговому пункту, либо упразднялась. Замѣчательный примѣръ устойчивости древняго обычая представляетъ ярмарка, устраиваемая теперь, какъ и въ древности, въ Бибракте, хотя это мѣстоположеніе весьма неблагопріятно. Эта

ярмарка существуетъ на одномъ и томъ же мѣстѣ въ теченіе болѣе, нежели 2000 л.

Тенденціозныя утвержденія, приписывавшія галламъ такую городскую жизнь, о которой они не имѣли ни малѣйшаго понятія, привели также къ приписыванію такого значенія народнымъ собраніямъ, прозваннымъ римлянами сенатомъ, какого они конечно не имѣли у галловъ. Это были просто весьма крикливыя народныя вѣча, большею частью происходившія на открытомъ воздухѣ, такъ какъ у галловъ не было никакихъ сооруженій, имѣющихъ цѣлью служить помѣщеніями для засѣданій, да сверхъ того галлы и не могли бы оставаться другъ съ другомъ достаточно долго для того, чтобы имѣть возможность совѣщаться достаточно упорядоченнымъ образомъ. Настоящими господами надъ народомъ, надъ общиной или цивитасъ, были избранный глава или нѣсколько такихъ главъ или старшинъ, смотря гдѣ и какъ. Однако не было ни какой столицы, никакого центральнаго правительства, и остается только допустить, что временный глава жилъ въ *дунумъ* или въ какомъ либо иномъ укрѣпленномъ мѣстѣ.

Слѣдствіе, отсюда вытекающее, таково: древніе галлы до эпохи Цезаря обладали лишь самой первобытной организаціей, не допускавшей никакого національнаго сплоченія въ крупномъ масштабѣ; и въ то же время управленіе мелкими общинами было очень затруднительно. Религія галловъ была еще болѣе варварскою, а ихъ жречество еще болѣе тираническимъ и невѣжественнымъ, чѣмъ принято думать, образъ жизни ихъ въ мирное время былъ крайне неблагопріятенъ для умственнаго развитія и для торговли и недостатокъ тѣснаго сплоченія и хорошаго руководительства невыгодно отражался на ихъ войнахъ.

Что касается общаго характера религіи галловъ, она достаточно хорошо обрисована Цезаремъ. Изъ его изложенія можно прійти къ заключенію, что богопочитаніе галловъ было многобожіемъ, подобнымъ греческому и римскому, отличавшимся къ тому же множествомъ набожныхъ церемоній. Жречество, въ рукахъ котораго находилось служеніе богамъ, носило имя друидовъ. Первою задачею друидовъ было конечно принесеніе общественныхъ и частныхъ жертвъ и изложеніе религіозныхъ традицій. Во главѣ друидовъ стоялъ первосвященникъ, вполнѣ господствовавшій надъ остальными. Какъ только онъ умиралъ, ему наслѣдовалъ, въ роли преемника, достойнѣйшій изъ касты друидовъ, а если было нѣсколько равнаго достоинства, то вопросъ рѣшали, бросая жребій. Друиды никогда не участвовали активно въ войнѣ. Они были также освобождены и отъ всѣхъ личныхъ податей и повинностей. Они тщательно избѣгали начертать что либо письменно, быть можетъ не желая, чтобы ихъ знанія распространились въ народѣ, однако и съ тою цѣлью, чтобы ихъ ученики, полагаясь на записанное, не ослабили тѣмъ самымъ свою память. Но друиды были болѣе, чѣмъ простые жрецы: они были также судьями, что впрочемъ вытекало изъ ихъ священнаго характера, они не только судили отдѣльныхъ лицъ, но порою рѣшали споры между цѣлыми племенами. Ихъ приговоръ признавался священнымъ, передъ нимъ склонялись, какъ передъ выраженіемъ воли боговъ, а кто еще противился, тотъ былъ предаваемъ отлученію. Этотъ авторитетъ друидовъ, значительно напоминаетъ ирландскихъ брегоновъ, т. е. судей. Различіе однако въ томъ, что брегоны не были духовными лицами, а потому и ихъ приговоры не имѣли значенія святости.

Итакъ подъ друидами мы должны подразумѣвать классъ людей, до извѣстной степени напоминающій жреческую касту, члены которой были одновременно судьями, жрецами, магами, физиками и врачами. Очевидно эти люди должны были быть менѣе невѣжественными, чѣмъ народъ, ихъ почитавшій и имъ повиновавшійся. Уже то обстоятельство, что друиды составляли корпорацію, стоявшую выше народа, служитъ объясненіемъ того, почему невѣжество приписывало имъ таинственныя и чудесныя дѣла.

Относительно матеріальной культуры слѣдуетъ замѣтить, что кельты, жившіе по Рейну и Дунаю, обладавшіе тѣми же главными домашними животными, какихъ мы имѣемъ, занимавшіеся земледѣліемъ и знакомые со всѣми ремеслами, свойственными болѣе высокой культурѣ, значительно превзошли во всемъ, даже въ одеждѣ, своихъ германскихъ сосѣдей на сѣверѣ и сѣв. вост. Роскошь галловъ состояла однако, въ то время, исключительно изъ обладаніи красивымъ оружіемъ, панцыремъ и лошадиной сбруей. Кузнецы и золотыхъ дѣлъ мастера поэтому истощали все свое искусство на разнаго рода убранство воина и его лошади, такъ какъ этотъ родъ ремесленной дѣятельности былъ единственнымъ, который цѣнился. Стараясь выдѣлать безукоризненные мечи и щиты, въ тоже время заботились объ украшеніи ихъ.

Изобрѣтенное, по словамъ Плинія, галлами искусство накладки серебра и золота прежде всего было примѣнено къ украшенію сѣдельной сбруи, и этимъ быть можетъ объясняется то обстоятельство, почему эдуэнскіе ремесленники примѣнили также эмаль прежде всего и главнымъ образомъ къ конской сбруѣ. Въ настоящее время вполнѣ установлено, что галламъ было извѣстно искусство эмальированія. Раскопки въ Монъ-Беврѣ обнаружили не только существованіе извѣстнаго количества древне-галльскихъ эмальированныхъ предметовъ, но и мастерскія эмальеровъ, а въ пользу весьма древняго, до христіанскаго происхожденія этихъ предметовъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, строго кельтическій характеръ эмали, не имѣвшей ни слѣда римскаго вліянія. Орнаментировка здѣсь такого же первобытнаго, грубаго характера, какую мы находимъ только на галльскихъ глиняныхъ издѣліяхъ. Техника обработки металловъ и горное дѣло были вообще областью кельтической индустріи.

Въ Галліи промывали олово въ Ауренксѣ, затѣмъ въ Лимузенѣ, въ нынѣшнемъ депатаментѣ Нижней Луары и въ Морбиганѣ. До того свѣдущи были древніе кельты въ металлическихъ работахъ, что римляне у нихъ впервые научились покрытію посуды оловомъ, т. е. луженію. Кельтическіе рудокопы работали во всѣхъ главныхъ мѣсторожденіяхъ олова, на норманскихъ о-вахъ и въ Корнваллисѣ. Въ Альпахъ они добывали золото, вскорѣ прославились желѣзными издѣліями и занимались добычей каменной соли, въ Испаніи они добывали каменную соль подлѣ Эбро; въ Зальцкаммергутѣ, въ Рейхенгалѣ, въ Гааллейнѣ, они заложили рудники для добыванія каменной соли, и даже въ Эпирѣ, на вост. берегу Адріатическаго моря, уже во времена Аристотеля имъ былъ извѣстенъ способъ выварки соли. Было ли это искусство собственнымъ изобрѣтеніемъ кельтическихъ горцевъ или же заимствовано ими отъ другихъ народовъ, это рѣшить довольно трудно. Съ Италіей они находились въ сообщеніи и этруское искусство уже давно проникло въ отдаленнѣйшія альпійскія долины. Менѣе искусны, даже поразительно неискусны были кельты въ горшечномъ дѣлѣ и въ архитектурѣ. Грубые камни, прямо какъ получались изъ каменоломни, ставились самой плоской стороною вверхъ вертикально, погружаясь въ глину. Подобнаго рода стѣну, саму по себѣ не особенно прочную, укрѣпляли помощью деревянныхъ столбовъ, поставленныхъ въ промежуткахъ передъ стѣною.

Цементъ не употреблялся. Улицы въ поселеніяхъ мостились камнями и были узки. Также узки были и дороги, служившія лишь для узкоколейныхъ телѣгъ, къ которымъ припрягалась одна лишь лошадь безъ дышла. Въ общемъ можно сказать: техническая сноровка галловъ была самая ничтожная и проявлялась развѣ только въ ихъ оружіи. Но галлы сверхъ того не отличались и особенно творческими способностями, за то обладали талантомъ усваивать чужое. А это принесло огромную пользу ихъ потомкамъ, такъ какъ они извлекли весьма многое изъ римской цивилизаціи и главнымъ образомъ съ ея помощью раскрыли источники богатствъ, скрывавшихся въ ихъ собственной странѣ, и стали пользоваться этими богатствами, достигнувъ болѣе прочной осѣдлости.

Эпоха революціи. Реформа Гракховъ и ея исходъ.

Предшествующій очеркъ эпохи, относящейся къ пуническимъ войнамъ, показалъ, что государственная жизнь переживала серьезный кризисъ. Въ этомъ сознавались даже честнѣйшіе изъ аристократовъ, тогда какъ большинство представителей аристократіи тѣшилось самообольщеніемъ насчетъ міроваго господства Рима и чувствовало себя очень хорошо при мысли, что все это идетъ на пользу высшимъ классамъ. Среди людей, руководившихъ судьбами Рима, было немного, обладавшихъ несокрушимою энергіею и смѣлою вѣрою въ идеалы. Это болѣе всего доказывается примѣромъ Публія Корнелія Сципіона Эмиліана и его старшаго, болѣе опытнаго друга, Лелія. Даже Катонъ Старшій, далеко не такой пріятель остроумныхъ эллинизированныхъ знатныхъ людей, какимъ былъ Сципіонъ, примѣнилъ къ этому самому Сципіону, когда тотъ еще молодымъ человѣкомъ находился передъ Карѳагеномъ, слова Гомера: „Онъ одинъ лишь разуменъ; другіе — бродячія тѣни". Въ отдѣльныхъ случаяхъ Сципіонъ обнаружилъ должную энергію, когда напр. рѣчь шла о томъ, чтобы предать суду пороки о томъ, чтобы выгнать женщинъ и жрецовъ изъ лагерей подъ Карѳагеномъ или подъ Нуманціей, болѣе же всего, когда рѣчь шла о предложенномъ Кассіемъ законѣ, который ввелъ тайную подачу голосовъ въ уголовныхъ дѣлахъ и такимъ образомъ устранилъ недостойныя вліянія и подкупъ: это пред-

ложеніе, энергически поддержанное Сципіономъ, было принято. Но для того, чтобы провести реформу въ болѣе крупномъ стилѣ, его собственный взглядъ на тогдашнюю республику былъ черезчуръ пессимистичнымъ. Въ роли цензора, онъ молился не о томъ, какъ это было принято, чтобы боги увеличили римское государство, а о томъ, чтобы они сохранили его цѣлость. Отъ подобнаго человѣка нельзя было ожидать даже реформы государственнаго устройства, не говоря уже о томъ, чтобы онъ отважился на социальную реформу землевладѣнія, вторгавшуюся во всѣ гражданскія права и пытавшуюся реформировать все. Его другъ Лелій, выступившій въ 140 г. до Р. Х. съ предложеніемъ раздѣленія общинныхъ земель, подъ давленіемъ оптиматовъ взялъ назадъ свое предложеніе и удовольствовался титуломъ Сапіенсъ, т. е. разумнаго.

Какого рода было бѣдствіе, требовавшее реформъ, въ этомъ можно убѣдиться изъ показаній Плутарха. Плутархъ разсказываетъ, со словъ Гая Гракха, что братъ Гая, Тиверій, проѣзжая по Этруріи, встрѣчалъ цѣлыя обширныя пространства земли, обрабатываемыя исключительно рабами, безъ единаго свободнаго рабочаго. Это показаніе о печальной убыли свободнаго рабочаго населенія и о возрастаніи количества земель, находившихся подъ паромъ, дополняется указаннымъ уже массовымъ выселеніемъ многихъ тысячъ людей изъ самнитскихъ общинъ въ городъ Фрегеллы. Сельское хозяйство стало для свободнаго рабочаго тамъ, гдѣ не было обширныхъ рынковъ для сбыта, прямо убыточнымъ. Плантаторское хозяйство, занесенное съ Востока въ Карѳагенъ, а оттуда на первый разъ въ Сицилію, позволяло выбрасывать хлѣбъ по самымъ пустячнымъ цѣнамъ на италійскій рынокъ. Сюда слѣдуетъ прибавить еще хлѣбъ, раздававшійся чиновниками, посылавшими его въ Римъ изъ провинцій, чтобы пріобрѣсть благосклонность народа—милой черни—на новыхъ выборахъ. Такія даровыя раздачи могли только понизить цѣну хлѣба. Ускоренная такимъ образомъ гибель хозяйства италійскаго крестьянства была уже близка.

Если уже зло, проистекающее отъ рабскаго и плантаторскаго хозяйства, было само по себѣ достаточно велико, то все, что намъ извѣстно объ охотахъ на рабовъ, о распространеніи работорговли и о тѣхъ нечистыхъ средствахъ которыя примѣнялись римлянами въ подобныхъ случаяхъ, все это еще значительно усугубляетъ зло. На указанномъ

уже рынкѣ рабовъ, на о-вѣ Делосѣ, въ теченіе одного дня порою привозили и продавали до 10000 рабовъ. Царь Виѳиніи жаловался въ 103 г. до Р. Х., что онъ не въ состояніи выставить требуемыхъ римлянами войскъ, такъ какъ охотники за рабами скупили въ странѣ всѣхъ молодыхъ людей. Морскіе разбойники, которымъ, въ 103 году до Р. Х., пришлось дать формальное сраженіе, конечно, были наилучшими агентами для этой грязной торговли.

Овладѣвъ средиземноморскими странами, чѣмъ еще болѣе облегчился притокъ многочисленныхъ чуждыхъ элементовъ, Римъ быстро стремился къ безднѣ. Это было тѣмъ опаснѣе, что прежнія средства помочь социальному бѣдствію оказывались уже недостаточными. Въ прежнія времена обѣднѣвшій пролетаріатъ пользовался, въ случаѣ крайности, раздачей вновь завоеванныхъ земель. Въ теченіе полутора столѣтія послѣ взятія Рима галлами, число трибъ возросло съ 12 до 35 и владѣнія старинныхъ трибъ также кое-гдѣ расширились. Сверхъ того, въ дѣлѣ основанія колоній, бѣднѣйшие римскіе граждане участвовали наравнѣ съ латинами. Область колоній, основанныхъ до 177 г., составляла приблизительно 26000 гектаровъ. Съ этихъ поръ, если исключить одинъ единственный случай, раздѣлъ общинной земли совершенно прекратился. Вмѣсто этого обнаружилось стремленіе капиталистовъ и арендаторскихъ товариществъ пріобрѣсть какъ можно болѣе общинныхъ земель въ свою собственность. Напрасно плебисциты все рѣзче подчеркивали, что на такихъ земляхъ должно быть занято извѣстное число свободныхъ рабочихъ, угрожая въ противномъ случаѣ наказаніями. Реальныя отношенія были сильнѣе теоретическихъ законодательныхъ опредѣленій или скорѣе слѣдуетъ сказать, что господствующая партія оптиматовъ умѣла обойти всѣ опредѣленія закона, противорѣчившія интересамъ ея кошелька. Здѣсь былъ центръ тяжести всей аграрной реформы. Рѣчь шла не только о томъ, чтобы народъ постановилъ нѣкоторыя новыя законодательныя мѣры или нѣсколько усилилъ старыя, но и томъ, чтобы на долгое время было сломлено активное и пассивное сопротивленіе знати.

Эту попытку предпринялъ Тиверій Семпроній Гракхъ, внукъ Сципіона Старшаго. Честный, строгой нравственности человѣкъ, храбро сражавшійся подъ Карѳагеномъ и Нуманціей, превосходный ораторъ и пламенный патріотъ, онъ былъ всего болѣе способнымъ взять на себя подобное

дѣло. Онъ былъ въ достаточной степени идеалистомъ, чтобы вѣрить, что знатныхъ людей можно убѣдить доводами, а не палкою. Въ этомъ была его сила, но въ этомъ же и слабость. Онъ возобновилъ Лициніевъ аграрный законъ, предоставилъ даже знатнымъ родамъ для ихъ сыновей двойную мѣру, но все остальное безпощадно урѣзалъ. Коммиссія изъ трехъ мужей, обладающихъ судебною властью, такъ наз. тріумвиры „агрисъ дандисъ юдикандисъ", имѣли полномочія захватывать всякую государственную землю и каждый ея участокъ отдавать бѣднымъ гражданамъ, какъ неотчуждаемое имущество, въ наслѣдственную аренду. Самъ Тиверій Гракхъ, правда, палъ подъ ударами убійцъ, подосланныхъ еще во время его трибуната, на открытой площади, верховнымъ понтифексомъ, Сципіономъ Назикой. Но успѣхъ его закона, о которомъ онъ впрочимъ предварительно совѣщался съ осмотрительными государственными людьми, былъ необычаенъ. Цифры ценза доставляютъ яснѣйшее доказательство. Цензъ 131 г. до Р. Х. далъ лишь 319.000 способныхъ носить оружіе. Въ 125 г. ихъ оказалось 394.000.

Но проведеніе аграрной реформы покупалось не дешевой цѣною. Прежде всего она привела къ злосчастному разрыву между господствующей знатью и народной партіей. Сципіонъ Эмиліанъ, шуринъ Гракха, одобрилъ его его убійство, но, въ свою очередь, вскорѣ палъ отъ руки фанатичнаго человѣка изъ народа и никто не посмѣлъ преслѣдовать убійцу. Чрезвычайный уголовный судъ, которому предстояло, подъ руководствомъ Попилія, найти соучастниковъ Гракха и приговорить ихъ къ смерти, какъ бунтовщиковъ, правда выполнилъ свой долгъ: однако, Сципіонъ Назика счелъ для себя вскорѣ болѣе удобнымъ удалиться изъ столицы и избѣгнуть возрастающей ненависти демократовъ.

Не менѣе угрожающимъ былъ другой симптомъ. Коммиссія по раздѣленію земель очень часто захватывала земли, принадлежавшія латинскимъ колоніямъ и союзникамъ. Это чрезвычайно раздражило послѣднихъ и наряду съ аграрной реформой выступилъ на сцену союзническій вопросъ.

Но какимъ образомъ объяснить то обстоятельство, что реформа, вначалѣ столько популярная и одобренная столькими умѣреннаго образа мыслей людьми, вскорѣ утратила кредитъ, такъ что даже люди вродѣ Лелія и Муція Сцеволы высказались противъ нея.

Возможно, что такъ какъ проведеніе ея было не въ рукахъ сената, а въ рукахъ особыхъ чиновниковъ, то оно приняло революціонный характеръ, испугавшій всякаго доброго аристократа. Важнѣе было, однако, другое обстоятельство. Земельная коммиссія самымъ безцеремоннымъ образомъ посягала на права почти всѣхъ „уважаемыхъ" фамилій. Права собственности или по крайней мѣрѣ владѣнія, передававшіяся уже въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, были признаны ничтожными, все затраченное на меліоризацію и на постройки на государственныхъ земляхъ было утрачено. Даже крупнѣйшіе политическіе перевороты переносятся легче, нежели отдача частныхъ владѣній, имѣющихъ за собою давность хотя бы только двухъ поколѣній.

Какъ велико было нежеланіе подчиняться реформѣ и недовольство „благомыслящихъ" оптиматовъ противъ Гракховъ, въ этомъ убѣждаетъ насъ многое. Тѣмъ не менѣе реформа все-таки была проведена и новые собственники обѣщали стать сильною поддержкою партіи реформы. Но и вопросъ о союзникахъ не могъ болѣе сойти со сцены, послѣ того какъ Флаккъ, консулъ въ 125 г., сталъ поощрять союзниковъ къ сопротивленію; лишь съ большою потерею удалось усмирить бунтъ латинской колоніи Фрегеллъ. Но въ это время возвратился безъ позволенія сената изъ своей провинціи Сардиніи братъ Тиверія, Гай Гракхъ, и добылъ трибунатъ. Почти два года сенатъ его удерживалъ въ провинціи, но Гай Грахъ не такой былъ человѣкъ, котораго можно было бы обуздать навсегда.

Онъ смѣло воспротивился угрожавшему ему осужденію. Онъ воскликнулъ: „Кошельки, которые я повезъ въ провинцію полными, вернулись пустыми; другіе привозили фляги съ виномъ, а возвращались съ флягами, полными серебра". Въ этихъ словахъ выразилось все его собственное безкорыстіе и въ то же время вся испорченность тогдашней аристократіи. Само собою разумѣется, что его оправдали. Молодой Гракхъ не уступалъ брату чистотою побужденій и силою краснорѣчія, но превосходилъ его страстностью и смѣлымъ образомъ дѣйствій. Ненависть къ знати, подославшей убійцъ къ его благородному брату, придавала его словамъ чарующую силу, и тѣмъ не менѣе у него было недостатка въ благоразумии.

Возобновленіе раздѣла земель не могло уже болѣе удовлетворить его. Для такого раздѣла естественную границу

составляло количество еще оставшихся свободными послѣ 123 г. земель. Прежде всего для него рѣчь шла о томъ, чтобы оставить преграду господству сената и предотвратить реакцію. Этимъ объясняются радикальныя реформы, имъ затѣянныя.

Любовь народа Гай Гракхъ пріобрѣлъ прежде всего закономъ о раздачѣ зернового хлѣба. Правда, еще раньше столичной черни раздавали хлѣбъ по самымъ пустячнымъ цѣнамъ. Съ этихъ поръ хлѣбъ долженъ былъ раздаваться за полцѣны изъ Семпроніевыхъ магазиновъ. Далѣе Гракхъ урегулировалъ воинскую повинность, установилъ норму вознагражденія за расходы на аммуницію и смягчилъ воинскія наказанія.

Пріобрѣвъ такимъ образомъ преданность массъ, онъ пытался другими способами парализовать могущество сената. Прежде всего онъ сумѣлъ возбудить соперничество сословія всадниковъ. Это послѣднее уже не разъ вступало въ столкновенія съ чиновничествомъ. Теперь законъ Гая Гракха сдѣлалъ то, что присяжными по дѣламъ, касавшимся чиновническихъ злоупотребленій, выбирались всадники, и такимъ образомъ часто чиновниковъ судили ихъ заклятые противники. Далѣе Гракхъ пріобрѣлъ расположеніе капиталистовъ тѣмъ, что указалъ имъ на Малую Азію, на провинцію Азію—какъ на богатѣйшій источникъ доходовъ. Слѣдуетъ, правда, добавить, что эксплуатація этой провинціи стала чудовищной и возбудила противъ римлянъ такое неудовольствіе и даже ненависть населенія, что въ одинъ прекрасный день, въ 88 г. до Р. Х., всѣ римляне были убиты—числомъ до 80.000—возставшимъ населеніемъ.

Содѣйствіе всадниковъ, правда, было такимъ образомъ куплено Гракхомъ дорогою цѣною. Онъ самъ сказалъ, что имъ были брошены на рынокъ кинжалы, которыми граждане принялись рѣзать другъ друга. Наконецъ, онъ взялся и за труднѣйшій изъ всѣхъ вопросовъ—вопросъ о союзникахъ—но именно здѣсь смѣлый государственный человѣкъ потерпѣлъ крушеніе.

Правда, слѣдуетъ счесть весьма мудрымъ, что Гракхъ привлекъ къ дѣлу основанія колоній также союзниковъ, послѣ того какъ, по недостатку италійскихъ земель, колоніи стали основываться въ покоренныхъ областяхъ Капуи, Тарента и Карѳагена. Но уже въ этомъ случаѣ ему пришлось считаться съ недовольствомъ и завистью столичной черни и онъ имѣлъ противъ себя купленнаго сенатомъ трибуна Марка Ливія Друза, который, желая возбудить толпу противъ Гракха, проектировалъ 12 колоній. Но когда Гракхъ зашелъ еще далѣе и поставилъ на очередь для латиновъ полное право гражданства, а для прочихъ союзниковъ—улучшеніе ихъ правового положенія, то, въ особенности пользуясь долгимъ пребываніемъ знаменитаго оратора въ Карѳагенѣ, оптиматамъ было не трудно оклеветать его передъ народомъ и добиться того, что онъ не былъ избранъ вновь трибуномъ. Но для Гракха это неизбраніе было равносильно гибели. Консулъ Люцій Опимій прибѣгъ къ вооруженной силѣ, самъ Гракхъ и нѣсколько сотъ его приверженцевъ нашли смерть, такъ какъ Гракхъ хотѣлъ состязаться съ врагами законами и рѣчами, а не оружіемъ.

Реформы Гракховъ были послѣднею попыткою исцѣлить общественныя и государственныя язвы законными и честными средствами. Правда, самыя средства во многомъ все же напоминали своимъ дѣйствіемъ опасный ядъ, сходный съ тѣмъ, противъ котораго были направлены. Но и нравственная чистота самихъ реформаторовъ и ясность ихъ сужденій обо всемъ необходимомъ не подлежитъ никакому спору, и еще вопросъ, не могло-ли въ дѣйствительности вновь возникшее гражданство, будь оно усилено еще союзниками, послужитъ основою для сильнаго федералистическаго государства.

Трудно придумать лучшее оправданіе для дѣятельности обоихъ благородныхъ братьевъ чѣмъ то, которое вытекаетъ изъ послѣдующихъ неурядицъ и испорченности послѣдующаго поколѣнія.

Едва-ли можно указать какой-либо другой народъ, у котораго нашлись бы подобные реформаторы: Римъ доказалъ, что въ немъ есть люди, способные проявить черты возвышеннаго идеализма.

Рабочее движеніе въ древности.

Грозныя массовыя движенія несвободныхъ рабочихъ въ древности, какъ и всѣ вообще рабочія движенія, возникли не внезапно. Капля за каплей точитъ камень. Опасность положенія часто не замѣчается до послѣдней минуты.

Такое опасное положеніе существовало въ Римѣ непосредственно послѣ прошествія первой половины II в. до Р.

X., когда разрушеніе Кареагена и Коринеа привело почти къ всемірному господству Рима и когда явилось сверхъ того денежное господство, прибавившееся къ господству меча. Грозное и въ то же время для всѣхъ ясное господство дало себя знать всюду. Развитіе экономическихъ отношеній Италіи въ то время совпало съ экономическимъ упадкомъ и раззореніемъ Греціи и эллинистическихъ государствъ Востока. И для выясненія причинной связи пролетаріата и рабства замѣчательно то обстоятельство, что непосредственно передъ тѣмъ, какъ въ Римѣ политически свободная, но экономически несамостоятельная толпа народа заявила о своихъ правахъ, во всей средиземноморской области рабскій трудъ сознал свою тысячерукую силу; независимо въ различныхъ мѣстахъ вспыхиваетъ возстаніе угнетенныхъ рабовъ противъ существующаго строя.

Какъ ни неясны и мало достовѣрны наши свѣдѣнія о численности рабовъ въ Римѣ, во всякомъ случаѣ, мы смѣло можемъ принять, что всюду, гдѣ проявлялась власть денегъ, рабы составляли большинство населенія. Немногочисленный классъ имущихъ былъ тѣмъ могущественнѣе, учрежденія, имѣвшія цѣлью обогащеніе и эксплуатацію человѣческой силы, были тѣмъ грандіознѣе. Требуемые рабочіе получались главнымъ образомъ изъ двухъ источниковъ: отъ безпрестанныхъ войнъ и отъ торговли рабами. Римляне всегда строго держались того права войны, по которому побѣжденный врагъ принадлежалъ побѣдителю вполнѣ, т. е. послѣдній имѣлъ по отношенію къ побѣжденному право жизни и смерти. Уже въ 209 г. послѣ завоеванія Тарента было продано 30.000 плѣнныхъ, въ 207 г. послѣ битвы подъ Метавромъ, свыше 5.000, въ 200 г.—по малой мѣрѣ 16.000. Тиверій Семпроній Гракхъ Старшій, по возвращеніи своемъ съ Сардинской войны (177), въ которой было убито или взято въ плѣнъ до 80.000 ч., привезъ такую массу рабовъ на рынокъ, что цѣна ихъ значительно упала и явилась пословица: „дешевъ, какъ сардинецъ“. Послѣ побѣды надъ Персеемъ, въ Эпирѣ было разрушено 70 городовъ и было продано 15.000 ч.

Живая добыча становилась главнымъ факторомъ въ каждой новой войнѣ, и многочисленныя войны противъ безопасныхъ лигурійскихъ, иллирійскихъ и испанскихъ племенъ были, повидимому, просто охотою за невольниками. За войскомъ слѣдовалъ работорговецъ; самъ полководецъ былъ часто такимъ торговцемъ, а если не хватало враговъ, то порою нападали на друзей, нарушая всевозможныя клятвы и договоры. Опасности этой системы не замедлили обнаружиться: вскорѣ послѣ того, какъ послѣдняя македонская, ахейская и третья пуническая война увеличили въ значительной степени массы рабовъ въ Италіи,—всюду, какъ уже послѣ Аннибаловыхъ войнъ, ярко запылало пламя возстанія. Движеніе началось не въ Италіи, но на благословенномъ сосѣднемъ островѣ, Сициліи, этой „житницѣ Рима“. Съ названіемъ житницы порою соединяется представленіе особаго благополучія, и совершенно напрасно! Римская денежная олигархія въ дѣлѣ эксплуатаціи въ высшей степени выгодной почвы сходилась съ давнишней туземной знатью, но съ тѣмъ различіемъ, что для нея было гораздо легче дѣйствовать въ крупномъ масштабѣ. Область эта была государственнымъ имуществомъ Рима, а когда мы слышимъ, что Маркъ Антоній подарилъ здѣсь ритору Сексту Клодію имѣніе въ 2.000 нынѣшнихъ морговъ, а Верресъ имѣлъ съ одного имѣнія доходъ въ 42.000 римскихъ четвериковъ пшеницы, откуда слѣдуетъ заключить о пространствѣ въ 1.000 морговъ, то мы можемъ вообще составить себѣ представленіе о размѣрахъ тамошнихъ хозяйствъ. Большую часть крупныхъ землевладѣльцевъ еще до эпохи Цицерона составляли всадники, съ ними впрочемъ соперничали, по жадности и безсердечію, мѣстные помѣщики сикулы. Мелкаго крестьянина и арендатора подавляла не только конкурренція работавшаго съ обширными средствами крупнаго землевладѣнія, но и тяжесть десятинныхъ сборовъ, которые ему приходилось платить римлянамъ еще по древне-сицилійскому обычаю, и которые постепенно были сданы, по округамъ, разнымъ откупщикамъ.

На подобномъ фонѣ, бѣдствія, угрожавшія народу отъ рабскаго труда, должны были выдѣляться особенно яркими красками. Всю Сицилію наводнило чудовищное количество несвободныхъ рабочихъ. Варварскіе сирійцы, стало быть, семиты, племя, отличавшееся необычайной терпѣливостью и живучестью, составляли большинство. На-ряду съ этимъ войны въ Африкѣ и въ Греціи, какъ и въ Испаніи, должны были привести въ эти толпы рабовъ и иныхъ людей, помнившихъ еще золотые дни своей свободы и съ нѣмой злобой лелѣявшихъ планы, которые можетъ создать лишь отчаяніе. Обращеніе съ рабами было невообразимо дурное.

Тамъ, гдѣ еще удержалось земледѣліе, злополучные рабы жили подъ надзоромъ такого же раба надсмотрщика или управляющаго. Жилищемъ служила хорошо охраняемая казарма или точнѣе—полу-подземелье съ узкими окнами, настолько высоко поднятыми надъ почвой, чтобы ихъ нельзя было достать рукою. Обремененные цѣпями, заклейменные на лбу и членахъ, рано утромъ выходили они на тяжкую работу. Были приняты мѣры, чтобы они работали безъ передышки до самаго захода солнца. „Рабъ долженъ либо работать, либо спать“, сказалъ Катонъ Старшій, образцовый римскій хозяинъ того времени. Для господъ вся рѣчь шла о томъ, чтобы съ возможно малыми затратами достигать возможно большихъ барышей. Вѣдь указывали же они порою своимъ рабамъ, для возможно меньшихъ расходовъ съ своей стороны, на возможность грабежа, и безъ того легко прививающагося къ жизни пастуховъ-номадовъ, которую часто вели рабы. Вскорѣ въ Сициліи всѣ дороги стали не безопасными. Въ одиночку и безъ оружія никто не рѣшался выйти, никто не смѣлъ въ одиночку даже путешествовать по главнымъ дорогамъ о-ва. Ежедневно говорили о новыхъ случаяхъ убійства и грабежа. Вскорѣ разбойничавшіе пастухи стали соединяться въ толпы, стали нападать на дворы бѣдныхъ крестьянъ, грабили ихъ, убивали хозяевъ и оставляли однѣ развалины. Для римскихъ всадниковъ и денежной аристократіи это было безразлично. Римское правительство было вполнѣ довольно, если только платежи поступали исправно, т. е. прежде всего, если деньги притекали въ карманы откупщиковъ.

Общность жизни и страданія, гнѣва и ненависти, вскорѣ привела къ образованію между рабами союзовъ, какіе давно существовали развѣ только у разбойниковъ, ютившихся въ горахъ. Если послѣдніе заботились лишь о своемъ нечистомъ дѣлѣ, то у первыхъ такіе союзы служили для освобожденія изъ-подъ гнета, для умерщвленія господъ. И вотъ, когда въ Эннѣ вспыхнуло, наконецъ, возстаніе, то для большинства оно, правда, было неожиданнымъ, но для вполнѣ разсудительныхъ людей оно было понятно. События въ Сициліи не замедлили отразиться и на италійскихъ дѣлахъ. Въ особенности ожесточенный характеръ имѣли возстанія въ обѣихъ важныхъ морскихъ крѣпостяхъ Лаціума. Въ Минтурнахъ было распято 460 рабовъ, а въ Синуэссѣ побѣждено до 4.000 мятежниковъ. Даже въ самомъ Римѣ дѣло дошло до возстанія и 150 ч. были наказаны. Сицилійское

возстаніе было подавлено въ 132 г. Болѣе 20.000 рабовъ погибло только при одной осадѣ Тавроменона и Энны. Послѣ побѣды римляне не сдѣлали даже какой-либо попытки предупредить возможность новаго возстанія посредствомъ новой реформы имущественныхъ или производственныхъ отношеній. Римское денежное могущество могло возобновить прежнее хозяйничанье. Едва прошло 30 лѣтъ, какъ началось новое возстаніе.

Но эти мятежи рабовъ эпохи Гракховъ перенеслись теперь въ Грецію и Малую Азію. Въ этой такъ низко опустившейся Элладѣ, гдѣ могло случиться, что въ теченіе четверти столѣтія нельзя было добиться никакого отправленія правосудія ни по частнымъ, ни по общественнымъ дѣламъ,—такъ какъ толпа не избирала никого на высшія должности, отъ кого не ожидала денежныхъ подачекъ изъ государственнаго имущества, а также обезпеченія отъ исполненія долговыхъ обязательствъ и преслѣдованій за преступленія,—въ этой Элладѣ возстали рабы, трудившіеся въ рудникахъ, т. е. наиболѣе угнетенные и грубѣйшіе изъ рабовъ. Точно также и рабы въ рудникахъ Македоніи и въ Пергамскомъ царствѣ, послѣ смерти Аттала, соединившись, подъ предводительствомъ претендента Аристоника, съ толпами обѣднѣвшихъ свободныхъ людей, подняли знамя бунта, стремясь образовать новое царство, основанное на свободѣ и равенствѣ—„царство граждавъ солнца“.

Конечно и это возстаніе было вскорѣ подавлено превосходствомъ регулярныхъ римскихъ войскъ. Однако, старинная губительная система, укрѣпленная побѣдой, неудержимо вела къ пропасти. Вопросъ о римскомъ пролетаріатѣ создалъ могущественную народную партію, приведшую къ разложенію республиканскаго строя. Еще много разъ возставали рабы, борясь за свободу, но никогда уже движеніе не возобновлялось въ той же формѣ, въ такихъ обширныхъ размѣрахъ. Эта послѣдняя черта бросилась въ глаза уже древнимъ. Даже распространеніе христіанства не такъ внезапно, не такъ сильно и не въ такой обширной области (если рѣчь идетъ о его первыхъ началахъ) охватило умы, какъ это первое международное рабочее движеніе, эта реакція противъ крупнаго рабовладѣльческаго хозяйства, которое было подготовлено для римлянъ тѣмъ, что они нашли уже въ готовомъ видѣ въ Сициліи, въ Карѳагенѣ, въ Греціи и въ эллинистическихъ монархіяхъ.

Эпоха гражданскихъ войнъ.

Восьмидесятилѣтній періодъ, отъ смерти Гая Гракха и до битвы подъ Акціумомъ, принято называть эпохою гражданскихъ войнъ. Лишь съ короткими промежутками, вся эта эпоха съ 90 до 31 г. до Р. Х. является временемъ жесточайшихъ междоусобицъ, партійныхъ раздоровъ, совершенно оставляющихъ безъ вниманія благо отечества.

Вся испорченность тогдашней аристократіи особенно выражается въ реакціи по отношенію къ реформамъ Гракховъ. Важенъ собственно характеръ этой реакціи. Съ дикой ненавистью дѣйствовали противъ приверженцевъ Гракховъ или же возбуждали противъ нихъ толпу. Даже имущество „государственныхъ преступниковъ" конфисковалось и на счетъ его сооружали „храмы Согласія". Многими законами были постепенно отмѣнены дѣйствительно благодѣтельныя стороны реформъ Гракховъ. Было вновь дозволено отчуждать данные народу участки земли, а стало быть, крупный землевладѣлецъ легко могъ скупать ихъ. Двадцать лѣтъ спустя, по показанію одного аристократа, въ римскомъ государствѣ едва-ли было 2.000 состоятельныхъ семействъ.

Лишь гибельные „боевые" законы Гракховъ, какъ, напр., законъ о раздачѣ зерна и о судебныхъ мѣстахъ, оставались въ силѣ.

То была эпоха реакціи, характеризующаяся отсутствіемъ идеальныхъ стремленій. Глава аристократовъ, насмѣхавшійся надъ добродѣтелью и надъ честностью, Маркъ Эмилій Скавръ былъ жаденъ и подкупенъ, какъ и всѣ другіе. Сторонникъ Гракховъ, Папирій Карбонъ, внезапно покаялся въ своихъ демократическихъ прегрѣшеніяхъ. Ничтожнѣйшіе „знатные" люди получали высокіе посты и лучшія провинціи. Характерно для того времени и даже для всѣхъ временъ поведеніе „высокоблагороднаго" Квинта Сервилія Цепіона. Сначала онъ ограбилъ храмъ Аполлона въ Толозѣ (Тулузѣ), якобы въ пользу государственной казны, а потомъ, подославъ подкупленныхъ разбойниковъ, забралъ черезъ ихъ посредство добычу въ свои руки.

Вся гниль римскаго вельможескаго и кумовского хозяйства всплыла наружу во время югуртинской войны; она увѣковѣчена мастерскимъ описаніемъ Саллюстія. Никогда еще правленіе владычествовавшаго надъ міромъ сената не подвергалось такому поруганію; никогда оно само не унижалось до такой степени, какъ тогдашній сенатъ. Вопреки требованіямъ сената, Югурта спокойно продолжалъ (въ 112 г. до Р. Х.) осаду города Цирта до конца, а по взятіи города перебилъ всѣхъ жителей, въ томъ числѣ многихъ римскихъ гражданъ, замучилъ до смерти своего двоюроднаго брата, союзника Рима, и затѣмъ, путемъ подкупа римскихъ полководцевъ, добился заключенія мира, предоставившаго въ его владѣніе Нумидію. Югурта могъ даже отважиться явиться лично въ Римъ, гдѣ, подкупивъ кого слѣдуетъ, парализовалъ рѣшенія сената и, наконецъ, велѣлъ убить въ самомъ Римѣ своего младшаго кузена, въ которомъ римляне могли видѣть его опаснаго конкуррента.

Жалкій способъ веденія послѣдовавшей затѣмъ войны соотвѣтствуетъ общему состоянію Рима, въ которомъ честь, какъ государства, такъ и отдѣльнаго гражданина, стала продажною.

Здѣсь также обнаружилось полное банкротство римской военной организаціи. Жалобы раздавались и раньше, но никогда еще онѣ не были такъ громки. Уже въ войскахъ, стоявшихъ подъ Карѳагеномъ и Нуманціей, не все было ладно и Сципіону пришлось потратить не мало времени для очищенія ихъ отъ женщинъ и прорицателей. Но теперь въ Африкѣ солдаты занимались тѣмъ, что грабили какъ Нумидію, такъ и римскую провинцію, а въ концѣ концовъ, когда дѣло дошло до серьезнаго сраженія, войско, находившееся къ тому же подъ начальствомъ неспособнаго вождя, позволило формально разбить себя (109 до Р. Х.).

Энергичнымъ полководцамъ, вродѣ Метелла и Марія, удавалось временно поднять престижъ римскаго войска и возстановить честь римскаго оружія. Но уже въ другомъ мѣстѣ обнаружилось, какъ мало было способно сдѣлать нѣкогда непобѣдимое римское войско. Нашествіе кимвровъ и тевтоновъ наполнило Италію ужасомъ, послѣ того какъ одно войско за другимъ потерпѣло пораженія, и наконецъ, въ 105 г. до Р. Х., отрядъ въ 10.000 ч. былъ не только побѣжденъ, но и уничтоженъ.

Сюда присоединились все болѣе частыя въ то время возстанія рабовъ, много разъ вспыхивавшія въ самой Италіи. Опаснѣйшее произошло въ Сициліи, въ 104—101 г. до Р. Х. Многократныя неудачныя попытки подавить воз-

станія также являлись опасными симптомами недостаточной боевой способности римскихъ войскъ.

Въ это-то время Марій создалъ новую военную организацію, которая хотя и оказалась способною устранить ужасы кимврскихъ нашествій, но съ другой стороны стала опаснымъ оружіемъ въ рукахъ честолюбивыхъ полководцевъ, сдѣлавъ, такъ сказать, революцію постояннымъ учрежденіемъ и проложивъ путь цезаризму. Со времени законодательства Сервія Туллія, право военной службы было привилегіей имущихъ классовъ. По Полибію, около 146 г. до Р. Х. обладаніе 4.000 асами или 400 денарами, что составляетъ около 300 германскихъ марокъ, было минимальной суммой для того, чтобы подлежать воинской повинности. Но Марій замѣнилъ войско гражданъ войскомъ наемниковъ. Онъ выбиралъ по преимуществу пролетаріевъ и притомъ такихъ, которые хотѣли сдѣлать изъ военной службы родъ выгодной профессіи; такимъ образомъ, вмѣсто народнаго ополченія, явилось профессіональное войско. Это учрежденіе спасло тогда Римъ отъ сѣверныхъ варваровъ, но оно содержало въ себѣ зародыши революціи. Новые профессіональные солдаты были связаны съ своимъ вождемъ совершенно инымъ образомъ, нежели прежніе. Теперь вождь долженъ былъ заботиться объ ихъ содержаніи, о богатой добычѣ и объ обезпеченіи ихъ старости посредствомъ раздачи земель. Но его войска зато помогали ему въ дѣлѣ достиженія его честолюбивыхъ цѣлей. Едва прошло 12 лѣтъ со времени побѣды надъ кимврами, какъ Сулла и Марій поочередно повели свои войска къ стѣнамъ самого Рима, унизили своихъ соперниковъ и низвергли существовавшее тогда правительство.

Опираясь на военное могущество, смѣлый полководецъ могъ съ тѣхъ поръ всегда низвергнуть республиканское правленіе и провозгласить военную диктатуру.

Но ко всѣмъ бѣдствіямъ трудныхъ внѣшнихъ войнъ,— къ смутамъ, вызваннымъ во время 6-го консульства Марія неудачнымъ демократическимъ возстаніемъ, къ мятежамъ рабовъ и нападеніямъ морскихъ разбойниковъ, присоединилась еще кровавѣйшая изъ всѣхъ войнъ, когда-либо веденныхъ въ Италіи—союзническая война.

Со времени Гракховыхъ раздѣловъ земли, союзническій вопросъ, какъ было уже показано, также принялъ острую форму. Многочисленныя государственныя земли, такъ или иначе розданныя, уже сами по себѣ являлись весьма привлекательными для того, чтобы заставить союзниковъ стремиться къ полученію полныхъ правъ римскаго гражданства. Но къ этому еще присоединилось и то, что многія части привлеченныхъ къ раздѣлу земель были раньше предоставлены въ пользованіе италійскихъ союзниковъ. Гракхи также сознали необходимость смягчить проистекающую отсюда несправедливость расширеніемъ гражданскихъ правъ союзниковъ. Но возбужденіе умовъ было таково, что подобныя уступки не могли уже никого удовлетворить. Патріотическая попытка дальновиднаго аристократа Марка Ливія Друза примирить всѣхъ—всадниковъ, сенаторовъ, гражданъ и союзниковъ, провалилась по причинѣ эгоизма и безсердечія высшихъ классовъ. Когда кинжалъ убійцы поразилъ этого лучшаго защитника союзническихъ интересовъ, то во всей Италіи началось возстаніе союзниковъ и лишь послѣ кровавой двухлѣтней борьбы и послѣ того, какъ Римъ издалъ нѣсколько законовъ, предоставившихъ права сначала оставшимся вѣрными, а потомъ всѣмъ союзникамъ, война, наконецъ, окончилась. Однако, возбужденіе все еще не прекращалось и вторично прорвалось во время кровавыхъ войнъ между Маріемъ и Суллой.

Господство Суллы, представлявшее родъ реставраціи, лишь немногимъ пережило его основателя, который прожилъ еще шесть лѣтъ для его укрѣпленія (82—78). Его консервативное правленіе было искусно, пока рѣчь шла объ обуздываніи демагогіи мелкими средствами. Сулла прямо не коснулся правъ новоиспеченныхъ италійскихъ гражданъ, но его ветераны и вольноотпущенные ухитрялись все же выгонять изъ дому тысячи этихъ гражданъ. Но когда онъ снова передалъ судопроизводство въ руки сената и этимъ создалъ вновь партійное правленіе, или же когда онъ устранилъ цензоровъ и ограничилъ права трибуновъ, эту твердыню римской свободы, то это были не акты примиренія, а мѣропріятія, которыя должны были побудить демократію прямо къ уличной борьбѣ. Уже надъ погребальнымъ костромъ Суллы, ссоры двухъ консуловъ—аристократическаго Катулла и демократическаго Лепида, подали знакъ къ новымъ всеобщимъ партійнымъ схваткамъ.

Политическая исторія ближайшихъ 20 лѣтъ можетъ быть здѣсь разсмотрѣна лишь вкратцѣ. Она изобилуетъ самыми губительными внутренними и внѣшними войнами. Превосходный вождь демократовъ, Квинтъ Серторій, основалъ въ

Испаніи новое демократическое государство подлѣ оффиціальнаго и въ теченіе долгаго времени (съ 80—72 до Р. Х.) парализовалъ дѣйствія лучшихъ римскихъ полководцевъ— Метелла и Помпея. Одновременно съ этимъ, велись съ перемѣннымъ счастіемъ войны противъ морскихъ разбойниковъ, препятствовавшихъ торговлѣ и мореплаванію на Средиземномъ морѣ, и ужасная невольничья война, на этотъ разъ руководимая умѣющими обращаться съ оружіемъ гладіаторами, свирѣпствовала въ теченіе многихъ лѣтъ въ Италіи (73—71). Наконецъ крупнѣйшій изъ противниковъ Рима, Митридатъ, воспользовался смущеніемъ римлянъ, чтобы собрать вокругъ себя всѣхъ ихъ враговъ на Востокѣ (74 до Р. Х.). Когда въ 74 г. до Р. Х. римскіе полководцы должны были удалиться въ Галлію, тѣснимые упомянутымъ уже Серторіемъ,—когда критскіе пираты, послѣ блестящей побѣды надъ Маркомъ Антоніемъ, въ союзѣ съ Митридатомъ, стали господствовать на Средиземномъ морѣ, а толпы рабовъ, подъ предводительствомъ Спартака, побѣдоносно прошли Италію, когда, наконецъ, Митридатъ утвердился въ Азіи,—казалось, что міровому господству Рима насталъ конецъ....

Не менѣе знаменательна была ненависть, всюду встрѣчавшаяся властелинами міра. Отчаяніе подавленныхъ и угнетенныхъ восточныхъ народовъ проявилось въ массовомъ убійствѣ италійцевъ въ 88 г. до Р. Х., и это было сигналомъ ко всеобщей войнѣ подъ руководствомъ Митридата. Свыше 80.000 римскихъ гражданъ были тогда умерщвлены въ одинъ день. То же обнаруживается въ ужасныхъ отчаянныхъ возстаніяхъ рабовъ, тысячами привозившихся въ Италію. Словомъ, римская республика была наканунѣ умственнаго и экономическаго банкротства. Военные успѣхи Рима и ихъ завершеніе—консульство обоихъ побѣдоносныхъ полководцевъ, Красса и Помпея (70 до Р. Х.), возстановившихъ снова трибунатъ и цензуру, вызвали временное улучшеніе, и въ этомъ оптимистическомъ направленіи оставались многіе круги народа, въ особенности послѣ того, какъ Помпей, помощью необычайныхъ усилій, совершенно уничтожилъ морскихъ разбойниковъ, а Митридатъ, въ свою очередь, былъ побѣжденъ. Менѣе всего опасны были еще демократы. Они выказывали свое превосходство надъ сенаторскими полководцами, не давая имъ вовсе тріумфа или же заставляя ждать по три года, какъ было съ Лукулломъ, знаменитымъ побѣдителемъ Митридата. Было также сравнительно

безобидно, что въ 63 г. пригласили убійцу вождя демократовъ (Сатурнина) въ 100 до Р. Х. къ суду народа, или же, что воздвигли статую Марія, или, наконецъ, что выборъ понтифексовъ снова перешелъ въ руки народныхъ собраній и верховнымъ понтифексомъ былъ избранъ находившійся по уши въ долгахъ Гай Юлій Цезарь (63 до Р. Х.). Но всего печальнѣе былъ ростъ анархической партіи въ средѣ самой аристократіи. Число задолжавшихся аристократовъ, растратившихъ свое имущество частью на роскошь и на мотовство, частью на подкупы при выборахъ и при общественныхъ играхъ, умножилось въ чудовищной степени, и уничтоженіе долговыхъ обязательствъ являлось мечтою значительной партіи переворота. Лишь своей собственной неловкости и бдительности властей заговорщики были обязаны тѣмъ, что дважды затѣянный планъ переворота, съ Катилиною во главѣ—причемъ участниками были всѣ поддонки общества— въ концѣ концевъ не удался. Даже послѣ паденія Катилины и его приверженцевъ анархическіе происки не были устранены. Наоборотъ, предводители партій пользовались такими головорѣзами съ ихъ бандами, составленными изъ рабовъ, для того, чтобы низвергнуть своихъ политическихъ противниковъ. Прежде всего Цицеронъ, еще только что прославленный отецъ отечества, былъ обвиненъ Клодіемъ передъ народомъ; затѣмъ послѣ его осужденія, его домъ былъ, противъ всякаго права, разрушенъ бандами Клодія. Но противъ Клодія выступилъ другой авантюристъ, Милонъ, и повелъ дѣло такъ хорошо, что подкараулилъ противника передъ воротами Рима и велѣлъ его убить.

Основаніе тріумвирата Помпеемъ, Цезаремъ и Крассомъ было лишь короткимъ временемъ перемирія между партіями, и какъ разъ при подготовкѣ мѣръ къ последней рѣшительной борьбѣ между Цезаремъ и Помпеемъ интриги съ обѣихъ сторонъ не прекращались.

Побѣдоносный походъ 48 года на первый разъ окончился пораженіемъ Помпея подъ Фарсаломъ и убіеніемъ его во время бѣгства въ Александрію. Одинъ изъ претендентовъ на престолъ такимъ образомъ палъ. Но рѣчь шла еще о томъ, чтобы одолѣть республиканскую партію, имѣвшую весьма многочисленныхъ сторонниковъ и значительное войско въ Египтѣ, Азіи, Африкѣ и Испаніи. Лишь послѣ трехъ еще лѣтъ борьбы было обезпечено самодержавіе человѣка, который, по ясному усмотрѣнію необходимости монархическаго правленія,

но въ то же время и по благородству, превосходилъ прочихъ партійныхъ вождей.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Цезарь намѣревался соединить въ своихъ рукахъ власть, подобную древнему царскому могуществу. Диктатура, сначала на нѣсколько лѣтъ, затѣмъ на всю жизнь, консулатъ на 10 лѣтъ, пожизненный трибунатъ, императорскій титулъ, да къ тому же еще и цензорскія полномочія и высшій надзоръ надъ государственной казной и надъ провинціями, право рѣшать вопросъ о войнѣ и мирѣ—вотъ полномочія, соединившіяся въ особѣ Цезаря и такимъ образомъ давшія ему царскую власть. Изъ всего этого титулъ императора особенно характеристиченъ для того, чтобы отмѣтить особенности вновь созданной монархической власти.

Это былъ уже не почетный титулъ побѣдоноснаго полководца, а званіе, обозначившее обладаніе полной, нераздѣльной властью. Императорская власть была принята Цезаремъ не только на себя, но и на своихъ потомковъ. Своеобразность республиканской магистратуры, связанной коллегіальностью, сроками и отчетностью, отсутствовала въ новомъ императорскомъ режимѣ. Это новое императорство, по словамъ Моммсена, было ни чѣмъ инымъ, какъ возстановленіемъ старинной царской власти. Трудно указать хотя бы одну черту древней царской власти, которая бы не повторилась въ новой монархіи.

Писатели, недоступные холодному размышленію и охотно приступающіе къ обсужденію культурно-историческихъ событій съ предвзятыми мнѣніями и принципами, придумываютъ всевозможныя основанія, чтобы показать, что республика неповинна въ такомъ ходѣ событій и что гибель ея была великимъ несчастіемъ. Но они забываютъ, что въ эту эпоху упадка республика давно уже не существовала: существовали однѣ лишь пустыя формы, утратившія духъ. Разнузданность римской демократіи привела по прямѣйшей линіи къ уничтоженію ея самой, и демократія попала въ ту самую яму, которую рыла для знати.

Но если нѣтъ никакого основанія печалиться о паденіи республики, то нѣтъ основанія и поносить ея преемниковъ. Не Цезарь убилъ республику, но она давно уже совершила надъ собою самоубійство. Дерзкое насиліе и тайный обманъ, подкупъ, достигавшій самыхъ высшихъ сферъ, голодная крикливая и готовая на все толпа—скрежущія зубами массы рабовъ, въ чудовищномъ мятежѣ поставившія на карту судьбы Рима,—все это давно уже подкопало республиканскій режимъ, и при такихъ условіяхъ, конечно, надо было счесть спасеніемъ уже то, что съ суровымъ милитаризмомъ императорскихъ временъ водворился по крайней мѣрѣ внѣшній порядокъ, была обезпечена личная безопасность.

Когда въ Римѣ могъ явиться Цезарь, это служило уже доказательствомъ, что дѣла зашли такъ далеко, какъ въ Греціи, въ то время, когда тамъ могло утвердиться македонское владычество. Римское государство въ то время, какъ раньше Греція, легко могло бы подпасть иноземному владычеству, если бы въ то время существовало хотя одно достаточно могущественное государство. Но Римъ въ одномъ отношеніи обезпечилъ себя, а именно въ томъ, что успѣлъ сокрушить всѣ другія міровыя державы: такимъ образомъ власть надъ Римомъ могла достаться только римлянину.

Расширенію своего могущества, т. е. своимъ военнымъ успѣхамъ, Римъ обязанъ тѣмъ, что онъ продолжалъ играть первую роль въ культурномъ развитіи человѣчества еще въ теченіе цѣлой половины тысячелѣтія, и не совсѣмъ сошелъ съ исторической сцены, какъ это случилось съ Греціей послѣ смерти Александра Великаго,—когда даже греческая культура отыскала себѣ другое отечество. Но, подобно тому какъ Эллада, такъ сказать, уже послѣ завершенія своего государственнаго бытія, дала цвѣты на александрійской почвѣ, такъ же точно мощныя культурныя произведенія римлянъ относятся лишь къ послѣреспубликанскому времени, къ эпохѣ цезарей.

Римское общество въ эпоху Цицерона.

При разсмотрѣніи положенія римскаго общества въ эпоху Цицерона, а именно при сравненіи съ предшествующею эпохою гракховыхъ реформъ, бросается въ глаза необычайное разнообразіе, существующее между обществомъ, составомъ населенія и выдающимися личностями той и другой эпохи.

Послѣ грозныхъ столкновеній эпохи Суллы, сила италійскаго союза была истощена. Болѣе 100.000 способныхъ носить оружіе римлянъ и не менѣе 300.000 италійцевъ погибли по приблизительному исчисленію въ войнахъ и во

время проскрипцій той эпохи. Населеніе самнитскихъ горъ, прежде полное силъ, было почти истреблено. Цвѣтущіе города здѣсь, какъ и въ Этруріи, были разрушены и отданы на разграбленіе ветеранамъ. Мыслящіе и убѣжденные представители демократіи были устранены. Болѣе ста сенаторовъ и приблизительно 3.000 всадниковъ погибли въ эту революціонную эпоху. И что же могло возмѣстить понесенныя жертвы?

Побѣдоносные ветераны, вольноотпущенные сулланскихъ войнъ, клевреты, помогавшіе конфисковать имущества униженныхъ противниковъ своего вождя—подобные элементы, если и не руководили оффиціально куріями, то во всякомъ случаѣ играли важную роль во всѣхъ общественныхъ и торговыхъ дѣлахъ. Одинъ изъ ветерановъ Суллы, говорятъ, въ короткое время составилъ себѣ состояніе (въ переводѣ на нынѣшнія деньги) въ полтора милліона марокъ; одинъ военный (вродѣ офицера) свыше двухъ милліоновъ марокъ. Одинъ изъ ораторовъ имѣлъ полное основаніе публично спросить, не затѣмъ-ли оптиматы вели междоусобную войну, чтобы обогатить своихъ вольноотпущенныхъ и прочихъ клевретовъ?

Не лучше этихъ выскочекъ были, впрочемъ, и нѣкоторые изъ членовъ высшей аристократіи, добивавшіеся за свою преданность Суллѣ звонкой монеты. И прежде всего можно назвать Марка Лицинія Красса. Попадая всегда во-время къ продажамъ имѣній и во-время пуская деньги въ оборотъ, чтобы скупать имѣнія, конфискованныя побѣдителями у противниковъ, онъ положилъ основу своимъ баснословнымъ богатствамъ. Но онъ еще пріумножилъ ихъ то строительными спекуляціями, то въ роли откупщика, выколачивающаго подати. Онъ извлекъ хорошій барышъ изъ построенныхъ имъ и сдававшихся въ наймы казармъ и не меньшій доходъ изъ разныхъ приличныхъ и неприличныхъ дѣлъ. Его крупныя богатства, которыя оцѣнивались въ 40 милл. марокъ на нынѣшнія деньги, были имъ употреблены частью на расширеніе своего вліянія. Добрымъ друзьямъ,—а такими для него были всѣ, способные хотя однажды оказать ему услугу,—онъ занималъ деньги безъ процентовъ, но съ правомъ неограниченнаго требованія ихъ обратно въ любое время. Такимъ образомъ вскорѣ въ рукахъ его оказалась часть задолжавшейся знати, а что денежные люди не хотѣли связываться съ тогдашнимъ Ротшильдомъ и предпочитали съ нимъ ладить, это болѣе чѣмъ понятно.

Но Крассъ занимался своимъ грандіознымъ банкирскимъ дѣломъ все же главнымъ образомъ лишь затѣмъ, чтобы пріобрѣсть вліяніе, чтобы принять на себя руководящую роль въ политическихъ смутахъ. Онъ избѣгалъ также (если только оставить въ сторонѣ вопросъ о тогда считавшейся вполнѣ дозволительной покупкѣ голосовъ, а также маневрахъ съ цѣлью незаконнаго пріобрѣтенія наслѣдствъ) приходить въ какое-либо столкновеніе съ уголовнымъ закономъ. Онъ дѣйствовалъ, главнымъ образомъ, въ Италіи и даже въ Римѣ и постоянно наблюдалъ за тѣмъ, чтобы честь фирмы „Крассъ и Комп.“ не была посрамлена. Но гораздо хуже дѣйствовали аристократы, орудовавшіе главнымъ образомъ въ провинціяхъ, и хотя эти кровопійцы не заслужили ни малѣйшаго снисхожденія, однако все же слѣдуетъ сказать, что ихъ до извѣстной степени оправдываетъ недостаточная организація римскаго государственнаго и областного устройства. Римскія государственныя должности были почетными должностями. Безъ всякаго содержанія приходилось служить чиновникамъ, какъ въ Римѣ, такъ въ провинціяхъ. Довольно значительныя издержки, которыя чиновникамъ приходилось нести въ провинціи, не покрывались никакими опредѣленными доходами или жалованьемъ. Сюда присоединялось и то, что добываніе должностей и самое отправленіе оффиціальныхъ обязанностей становилось все болѣе и болѣе дорого стоющимъ. Прежде всего уже покупка голосовъ у гражданъ, хотя бы подъ видомъ раздачи дешеваго хлѣба, поглощала огромныя суммы. Затѣмъ, при добываніи высшихъ должностей, приходилось привлекать народъ и обращать на себя его вниманіе совсѣмъ особыми средствами. Прежде всего надо было ублаготворять толпу помощью возможно болѣе пышныхъ и дорого стоющихъ зрѣлищъ.

Всего болѣе любимой, но въ то же время и весьма дорогой забавой были звѣриныя травли. Расходы на нихъ возрастали со дня на день. Въ 103 г. до Р. Х. впервые было выпущено нѣсколько львовъ, 10 лѣтъ спустя Сулла уже вывелъ на арену 100 львовъ. Помпей превзошелъ и эти зрѣлища, выведя на арену 500 львовъ и столько же другихъ дикихъ африканскихъ звѣрей. Не менѣе разорительны были бои гладіаторовъ, прежде всего устраивавшіеся на похоронахъ. Перенесенные въ Римъ въ эпоху пуническихъ войнъ, они вскорѣ пріобрѣли въ Римѣ полное право гражданства и стали необходимыми для жадной къ сильнымъ

ощущеніямъ толпы. Вошло въ обычай, чтобы каждый, добивавшійся высшихъ должностей, угождалъ избирателямъ устройствомъ такихъ боевъ. Многіе именитые граждане были поэтому вынуждены держать цѣлыя казармы гладіаторовъ. Одну такую Цезарь имѣлъ въ Капуѣ и извѣстно, что онъ превзошелъ своихъ соперниковъ главнымъ образомъ блестящими состязаніями въ 65 г. до Р. Х., на которыхъ выступило 320 паръ гладіаторовъ въ серебряныхъ доспѣхахъ: правда, это увеличило долги Цезаря до такой степени, что ему приходилось прибѣгать къ совершенно необычайнымъ средствамъ для устраненія ихъ. Достаточно напомнить о томъ, что онъ былъ замѣшанъ въ происках сторонниковъ Катилины.

Сюда присоединилось и то обстоятельство, что знатный человѣкъ долженъ былъ держать приличный домъ, а что это значило въ послѣднія времена республики, въ томъ убѣждаютъ законы противъ роскоши, направленные то противъ держанія рабовъ, служившихъ только цѣлями роскоши, то противъ изящной мебели, то противъ серебряной посуды и роскошныхъ блюдъ, причемъ угроза наказаніемъ едва ли могла бы служить уздою даже для самихъ законодателей. Большіе расходы также вытекали изъ обычая имѣть дачи или виллы непремѣнно на берегу моря или въ горахъ. Вилла, сооруженная Лукулломъ въ Мизенумѣ, главномъ мѣстѣ купанья подлѣ Неаполя, обошлась ему свыше полумилліона марокъ за всѣ эти и многіе другіе расходы, лица, посвящавшія себя чиновнической карьерѣ должны были вознаграждать себя въ провинціяхъ. Приходилось не только уплачивать старые долги, но и собирать старые фонды, чтобы продолжать разыгрывать вельможъ. Главная бѣда для бѣдныхъ провинціаловъ состояла въ томъ, что всякій годъ къ нимъ подсылали новаго кровопійцу съ пустыми карманами и ненасытною жаждою денегъ.

Знаменитымъ примѣромъ этого рода правителя является Верресъ. Такъ какъ онъ типичный представитель намѣстника, то не мѣшаетъ сказать о немъ нѣсколько подробнѣе. Послѣ того, какъ во время гражданской войны (въ 82 г. до Р. Х.) онъ ограбилъ государственную кассу и купилъ себѣ безнаказанность переходомъ въ партію Суллы, онъ въ роли квестора при безсовѣстномъ Доллабеллѣ, началъ свою преступную карьеру въ Греціи. Едва ли было хотя одно позорное дѣло, котораго бы онъ не совершилъ. Цицеронъ обвиняетъ его въ поддѣлкѣ завѣщаній, въ воровствѣ, въ развратѣ, въ грабительствѣ и насиліи всякаго рода. Но всѣ, собранныя Верресомъ, богатства, не помѣшали ему однако не только отвратить отъ себя процессъ за всѣ эти дѣянія, но и добыть мѣсто претора. Въ роли городскаго претора онъ вершилъ дѣла правосудія, смотря потому, сколько было заплачено ему самому или его любовницѣ. Затѣмъ онъ получилъ управленіе богатой провинціей—Сициліей. Какъ онъ здѣсь хозяйничалъ, это мы знаемъ изъ знаменитыхъ рѣчей Цицерона противъ Верреса. Одно чтеніе доказательныхъ документовъ заняло 9 дней и заставило умолкнуть знаменитѣйшаго изъ тогдашнихъ римскихъ адвокатовъ, Гортензія, помощь котораго Верресъ пріобрѣлъ или точнѣе—купилъ. Цицеронъ могъ доказать цифрами, что Верресъ раззорилъ провинцію на 7 милл. марокъ. Въ своихъ, лишь позднѣе написанныхъ и подробно разработанныхъ рѣчахъ, Цицеронъ доказываетъ, что Верресъ со своими клевретами всюду подчинялъ право деньгамъ, что при всѣхъ поставкахъ зерноваго хлѣба онъ набивалъ карманы, что онъ ограбилъ всѣ художественныя сокровища страны. Земледѣльцы во многихъ мѣстахъ перестали обрабатывать землю, такъ какъ при этой хищнической системѣ управленія земля имъ ничего не давала. Подобное управленіе дѣйствовало хуже, чѣмъ невольническія войны, два раза (140—133 и 104—101) свирѣпствовавшія въ Сициліи.

Рѣчи Цицерона привели къ осужденію этого негодяя (70 до Р. Х.). Онѣ были основою славы Цицерона и началомъ его политической карьеры. Въ томъ же году онъ былъ избранъ эдиломъ (на 69 годъ), въ 88 г. онъ былъ преторомъ, а въ 63 и 62—консуломъ.

Семидесятый годъ до Р. Х. былъ до нѣкоторой степени поворотнымъ пунктомъ безстыднаго управленія провинціями со стороны сенаторскихъ чиновниковъ. Присяжныхъ съ тѣхъ поръ брали на треть изъ сенаторевъ, на двѣ трети изъ всадниковъ, а власть трибуновъ была возстановлена въ ея полномъ объемѣ. Это было грознымъ напоминаніемъ, направленнымъ противъ самыхъ худшихъ видовъ превышенія власти и хищничества; но положеніе провинцій отъ этого въ сущности не улучшилось. Намѣстники стали выказывать нѣсколько болѣе благоразумія, но положеніе осталось въ сущности прежнимъ. Годъ спустя, провинція Испаніи должна была понести жертвы, какія потребовались для погашенія чудовищныхъ долговъ Цезаря.

Ничто, быть можетъ, не раскрываетъ до такой степени

весь ужасъ тогдашняго положенія провинцій, какъ чтеніе писемъ Цицерона. Всюду члены партіи сенаторовъ участвовали, какъ явные или тайные пособники въ крупнѣйшихъ денежныхъ дѣлахъ, и никогда чувство солидарности по отношенію къ несчастнымъ провинціаламъ не было болѣе сильнымъ между всаднической и сенаторской партіей, какъ именно въ эту эпоху. Самъ Цицеронъ, человѣкъ сравнительно приличный, очень часто, изъ политическихъ видовъ, лишь бы не разстраивать соглашенія между правящими классами, защищалъ весьма нечистыя дѣла. Такъ онъ глубоко сожалѣлъ о томъ, что сенатъ пожелалъ однажды изслѣдовать подкупность всадниковъ, а въ другой разъ весьма горячо говорилъ о необходимости единенія между правящими классами и защищалъ откупщиковъ азіатскихъ податей, хотя и называлъ ихъ требованія постыдными.

То, что Цицеронъ говоритъ о Галліи, а именно, что эта страна кишѣла римскими гражданами, что въ ней была масса торгашей и что никакое дѣло, ни одинъ платежъ не могъ безъ нихъ обойтись—все это примѣнимо и къ другимъ римскимъ провинціямъ. Въ этомъ убѣждаетъ, между прочимъ, и 13-я книга писемъ Цицерона, большею частью состоящая изъ рекомендательныхъ писемъ его римскимъ гражданамъ, посѣщавшимъ провинціи въ роли банкировъ или откупщиковъ. Затѣмъ стали основывать крупныя общества, которыя можно сравнить съ нашими акціонерными компаніями. Цѣлью ихъ было вести дѣла займовъ провинціальнымъ общинамъ на крупныя суммы. Насколько выгодны были подобныя дѣла, показываетъ примѣръ „азіатскаго общества", которое взяло на себя уплату военной контрибуціи азіатскихъ городовъ въ концѣ второй войны съ Митридатомъ, и дало взаймы 100 мил. марокъ. 12 лѣтъ спустя оно потребовало съ простыми и сложными процентами 600 мил., и сдѣлало хорошее дѣло, хотя получило лишь 200 мил. марокъ. Весьма выгодно было также держать въ зависимости, при помощи займовъ, разныхъ князьковъ Передней Азіи. Эти династы всегда нуждались въ деньгахъ и подлѣ нихъ для спекуляціи открывалось самое обширное поле.

Даже считавшійся весьма почтеннымъ Помпей не постыдился подчинить себѣ путемъ крупнаго займа, каппадокійскаго князька Аріобарзана, и затѣмъ, при посредствѣ ростовщическихъ процентовъ, крайне затруднилъ для него уплату. Его могущество служило гарантіей того, что его долговыя

претензіи будутъ предпочтены всѣмъ прочимъ. Если кліентъ не хотѣлъ платить, то Помпей грозилъ, что явится самъ и пойдетъ противъ пароянъ, и это помогало. Противъ того же князька Цицеронъ во время своего пребыванія, въ роли намѣстника, въ Киликіи, двинулъ вооруженную силу, чтобы помочь въ денежныхъ дѣлахъ своему другу, Юнію Бруту. Этотъ Брутъ былъ дѣйствительно „честнымъ человѣкомъ", пока рѣчь шла о томъ, чтобы реализировать свои барыши, дѣйствуя безъ сердца и безъ совѣсти. Когда саламинцы (на о-вѣ Кипрѣ), хотѣли сдѣлать заемъ въ Римѣ, что было запрещено закономъ Габинія, Брутъ съ помощью своихъ агентовъ обѣщалъ имъ требуемую сумму, но за пустячное вознагражденіе въ 48%. За то Брутъ провелъ законъ, устранявшій неудобное стѣсненіе въ дѣлѣ займовъ. Вскорѣ, однако, платежи стали притекать въ пользу благороднаго Брута недостаточно аккуратно и дружественный ему намѣстникъ Аппій содѣйствовалъ ему помощью военныхъ постоевъ (вродѣ драгонадъ), выколачивая проценты. По счастію для саламинцевъ, какъ разъ тогда началось (послѣ Аппія) намѣстничество Цицерона, столько же „честнаго" и дружественнаго Бруту, но тѣмъ не менѣе на время пріостановившаго такой способъ взиманія. Въ высшей степени любопытно узнать, что главы нѣкоторыхъ банкирскихъ домовъ принимали участіе положительно во всевозможныхъ сколько нибудь выгодныхъ дѣлахъ. Такъ, напр., Рабирій Постумъ. Этотъ человѣкъ участвовалъ въ разныхъ займахъ; во всякихъ предпріятіяхъ. Онъ занималъ деньги провинціямъ, дѣлая дѣла и дѣлишки, но больше всего старался присосаться къ монархамъ. Царя Птоломея Авлета онъ забралъ въ руки еще въ Александріи. Когда царь былъ изгнанъ, Рабирій щедро открылъ ему кассу. Но теперь шла рѣчь о томъ, чтобы посадить царя опять на престолъ и такимъ образомъ возмѣстить съ большою прибылью свои расходы. Этого еще мало: банкиру приходилось слѣдить за царемъ по пятамъ, чтобы, когда возможно будетъ, перехватить у него деньги. Но царь отомстилъ своему мучителю, посадивъ его въ тюрьму, откуда тотъ убѣжалъ съ трудомъ. Вскорѣ однако нужда въ деньгахъ возобновилась и съ помощью высокихъ покровителей, Рабирій опять попалъ на свое прежнее мѣсто. Въ роли главнаго поставщика въ арміи Цезаря, во время африканской войны, его кассы снова наполнились.

Такъ дѣйствовали многіе; одни были немного чистоплот-

нѣе, но другіе еще того хуже. Позорно было, конечно, для жадныхъ къ деньгамъ римлянъ, когда они, при денежныхъ спекуляціяхъ и мелкихъ сдѣлкахъ, должны были уступать хитрымъ азіатамъ. Это случалось, напр., при дѣлахъ, касавшихся собственно денегъ и ихъ курса. Часто слышались жалобы, что золото утекаетъ на Востокъ, а Цицеронъ, въ роли настоящаго диллетанта биметаллизма, издалъ запретъ ввозить золото въ Киликію. Но это помогло въ такой же малой степени, какъ и запрещеніе вывоза золота, изданное Флаккомъ въ 63 г. до Р. Х. для Малой Азіи, откуда золото массами потекло въ Іерусалимъ. Уже тогда ловкіе еврейскіе мѣнялы и банкиры имѣли за собою превосходство по сравненію съ римлянами, и въ высшей степени характерны антисемитическія жалобы Цицерона, когда онъ заявляетъ: „Извѣстно, какъ многочисленно ихъ племя, какъ они держатся другъ за друга и какъ могущественны они въ своей организаціи". (За Флакка, 28).

Отъ провинцій обратимся къ столицѣ. Здѣсь партійные происки еще усугублялись вслѣдствіе возвращенія разныхъ кровопійцъ, располагавшихъ награбленными деньгами и не отступавшихъ ни передъ какими средствами. Политическая борьба въ оба послѣднія десятилѣтія передъ взрывомъ гражданской войны (46 до Р. Х.) позволяетъ бросить взглядъ на низкій нравственный уровень тогдашнихъ государственныхъ людей, на ихъ нравственную пустоту и жалкую безхарактерность. Нѣтъ, впрочемъ, надобности опускаться до подонковъ, окружавшихъ какого-нибудь Катилину или до скандальныхъ дѣйствій какого-нибудь Клодія, который пробрался въ среду женщинъ въ домѣ консула, съ цѣлью принять участіе въ женскомъ ночномъ религіозномъ празднествѣ.

Считалось признакомъ хорошаго тона продолжать въ Римѣ тѣ распутства, которымъ успѣли научиться въ эллинистическихъ провинціяхъ. Намѣстники пріучились якшаться съ танцовщицами и пѣвицами и веселиться въ ихъ обществѣ. Верресъ даже похитилъ жену одного родосскаго флейтиста, Терцію, и привезъ ее въ Римъ, гдѣ она была принята въ домахъ, особенно у тѣхъ, кто чего-либо хотѣлъ отъ самого Верреса. Съ истиннымъ цинизмомъ насмѣхался надъ нравственностью Маркъ Антоній. Цѣлый гаремъ танцовщицъ и пѣвицъ сопровождалъ его во время его путешествій, во время агитаціи, предпринятой имъ послѣ смерти Цезаря. По истинѣ странный способъ добиваться положенія перваго римскаго

гражданина. Почтенные провинціальные магистраты, правда, отказывались принять у себя этихъ милыхъ постояльцевъ, но это имъ не помогало, и волей-неволей приходилось нанимать, чтобы не попасть въ бѣду....

Впрочемъ, поведеніе такого развратника, какъ Антоній, не представляло ничего необычайнаго. Онъ отобралъ жену одного всадника, мимическую актрису Цитерисъ, много лѣтъ открыто признавалъ ее своей любовницей и съ нею показывался въ однихъ носилкахъ. Но это не болѣе было удивительно, нежели то обстоятельство, что подобныя же извращенія вкуса встрѣчаются и среди нынѣшней аристократіи. Гораздо худшее безстыдство проявляется въ томъ, что подобный персоналъ приглашался и на приличные обѣды почетнѣйшихъ гражданъ. Съ легкимъ оттѣнкомъ насмѣшки разсказываетъ 60-и-лѣтній Цицеронъ, (вообще увѣряющій, что онъ жилъ только для науки) о томъ, какъ онъ былъ въ одномъ обществѣ, гдѣ находилась и упомянутая Цитерисъ. Во всякомъ случаѣ онъ писалъ одному другу (хотя и не безъ крайне двусмысленныхъ выраженій) о томъ, что лично никогда не питалъ расположенія къ подобнымъ вещамъ; не смотря на это, подобный случай его очевидно потѣшаетъ и—что еще хуже—онъ самъ потѣшалъ это общество своимъ остроуміемъ.

Еще печальнѣе видѣть, что даровитѣйшіе поэты и писатели, отъ которыхъ еще слѣдовало бы ожидать нѣкоторой доли идеализма, порхали вокругъ печальнѣйшихъ фигуръ полусвѣта, прославляли ихъ въ прозѣ и въ стихахъ, жертвуя, изъ любви къ нимъ, своимъ счастіемъ и состояніемъ. Элегическій поэтъ Галлъ влюбился въ недостойную женщину, разъѣзжавшую по провинціи съ однимъ воиномъ. Геніальнаго Катулла вдохновляла безнравственная сестра Клодія, хотя и замужняя, но пользовавшаяся самой дурной славой, и по примѣру многихъ подобныхъ Клеопатръ, лишь игравшая сердцемъ благороднаго поэта.

Въ этомъ мірѣ нравственнаго банкротства, Катонъ Младшій представлялъ столько же рѣдкое, сколько утѣшительное явленіе. Но какъ далекъ былъ и онъ отъ негодующей нравственности своего предка, Катона Старшаго, и какъ много было у него морализирующихъ фразъ и внѣшней честности! Когда однажды народъ потребовалъ въ театрѣ непристойнаго балета, но въ присутствіи Катона все же стѣснялся, то этотъ высоконравственный человѣкъ попросту удалился, чтобы не ис-

портить народу удовольствіе. Странный пуританинъ, прибѣгавшій къ такому несопротивленію злу насиліемъ! Онъ думалъ воскресить добрые нравы тѣмъ, что по примѣру Ромула обходился безъ рубашки....

Литература революціоннаго періода.

Время революціоннаго броженія въ Римѣ совпадаетъ съ самымъ неблагопріятнымъ положеніемъ поэзіи. Правда, многіе ревностно ухватились за эту поэзію, стараясь добыть славу. Они подражали скучнымъ александрійскимъ поэмамъ и трагедіямъ александрійцевъ, или сочиняли новыя мимическія комедіи и мимы, новый родъ фарса.

Конечно, многія изъ нихъ содержали острословія и политическіе каламбуры. Ихъ бы освистали, если бы онѣ были скучны. Но отъ истинной поэзіи онѣ также отличались, какъ и тѣ жалкія школьныя драмы, какіе, напр., фабриковалъ братъ Цицерона, написавшій 4 драмы въ одинъ мѣсяцъ.

Неблагопріятныя условія эпохи, приведшія къ тому, что хотя и являлись довольно серьезныя научныя произведенія, но исчезло всякое поэтическое вдохновеніе, повліяли также на немногихъ, дѣйствительно одаренныхъ поэтически писателей того времени.

Однимъ изъ превосходнѣйшихъ произведеній всей римской литературы слѣдуетъ признать поэму Тита Лукреція Кара (99—55 до Р. Х.) „О природѣ вещей“. Лукрецій былъ рѣшительнымъ противникомъ стоическихъ религіозныхъ настроеній и ханжества и не менѣе рѣшительнымъ сторонникомъ ученія Эпикура. Его задачей было выбрать всѣ золотыя слова изъ произведеній Эпикура и подѣйствовать ими на лучшую часть римскаго общества, изложивъ это ученіе въ поэтической формѣ, какъ единственно вѣрное и способное освободить людей отъ ярма суевѣрія. Съ нравственной серьезностью истинно благородной души боролся онъ и противъ разнузданнаго культа фригійской Цибелы, и противъ этрусскихъ авгуровъ. Эпикура онъ прославляетъ, какъ иниціатора новаго ученія, какъ пророка, впервые нашедшаго мудрость и приведшаго корабль, плывшій среди мрака по бурному морю, въ уютную гавань, гдѣ царитъ свѣтъ. Эпикуръ, по его словамъ, впервые устранилъ затворы, замыкавшіе врата

ведущія къ природѣ. Онъ измѣрилъ безграничную вселенную мыслящимъ умомъ и какъ побѣдитель принесъ намъ извѣстіе о томъ, что можетъ вообще произойти, опредѣляя для каждой вещи ея дѣятельность и вѣчные предѣлы.

Съ основаніемъ выражали порою сожалѣніе о томъ, что такой превосходный талантъ дѣйствовалъ въ эпоху, когда мало понимали подобныя вещи и что онъ такъ ошибся въ выборѣ предмета. Ученіе объ атомахъ и чисто механическое объясненіе мірозданія, быть можетъ, являются подходящимъ предметомъ для популяризующаго философа, а сила и вещество—привлекательной темой для образованнаго филистера; но для поэта такая тема совершенно непригодна. Поэма Лукреція во многихъ мѣстахъ неудачна по формѣ и неудобочитаема. Но богатство его поэтическаго таланта часто сказывается. Примѣромъ можетъ служить восторженное описаніе могущества богини любви:

„Видя тебя, о богиня, умчатся и вѣтры, и тучи;
Ради тебя изъ земли возникнутъ цвѣтущія травы,
Вмѣстѣ съ тобой улыбнется зеркально-спокойное море.
Все, что живетъ на землѣ, охотно пойдетъ за тобою.
Ты и въ моряхъ, и въ рѣкахъ бурливыхъ, въ поляхъ, на утесахъ
Всюду любовь пробуждаешь и всѣ существа побуждаешь,
Каждое въ родѣ своемъ, потомство плодить съ наслажденьемъ“.

Многія сухія естественно-научныя описанія однако рѣдко позволяютъ такимъ красотамъ проявляться съ полною силою и Цицеронъ высказалъ, что въ произведеніи Лукреція скорѣе можно усмотрѣть искусственность, нежели поэтическія красоты. Тѣмъ не менѣе Лукрецій остается однимъ изъ своеобразнѣйшихъ римскихъ поэтовъ, однимъ изъ тѣхъ, которые усвоили истинную сущность поэзіи. До конца міра будетъ жить поэма Лукреція, говоритъ Овидій; и онъ, конечно, правъ. Въ ту эпоху жилъ еще другой поэтическій геній — Катуллъ (умеръ въ 54 г.). Но и его талантъ не достигъ полнаго развитія. Онъ принадлежалъ къ довольно многочисленнымъ поэтамъ, подражавшимъ вычурной искусственной поэзіи александрійцевъ, воспѣвавшимъ модный сюжетъ — любовныя приключенія—или же занимавшимся шутками, а то порою и научными вопросами, причемъ на научныя темы писались скучнѣйшія стихотворенія. Катуллъ, подобно многимъ, началъ съ перевода и подражанія александрійцамъ, а именно Каллимаху. Вскорѣ, однако, его свѣжая поэтическая натура пошла своимъ путемъ. Его веселый нравъ, пониманіе поэтическихъ красотъ роднаго пейзажа, теплота настроенія, все

отличаетъ Катулла отъ предшественниковъ, придавая его стихотвореніямъ прелесть, какой нѣтъ ни у одного римлянина. Катуллъ не былъ великимъ поэтомъ, однако латинская нація не имѣетъ ни одного поэта, въ которомъ художественное содержаніе соединялось бы съ такимъ же совершенствомъ и красотою формы. Да и въ послѣдующія времена о немъ существовало единодушное мнѣніе, тогда какъ его предшественники были забыты.

Еще въ другомъ родѣ поэзіи, этотъ вѣкъ, какъ и предшествующій, далъ много достойнаго вниманія. Мы говоримъ о сатирѣ. Лишь въ видѣ отрывковъ сохранились сатирическія стихотворенія Варрона, столько же крупнаго поэта, какъ и ученаго. Этотъ писатель, отличавшійся грубой, но здоровой натурой, разсматривалъ и нелѣпости моды и соціальные вопросы, и всевозможные вопросы дня, бичуя при этомъ жалкій и низменный образъ мыслей, противный присущему ему здравому смыслу. Онъ признавалъ своей жизненною задачей выставить въ надлежащемъ свѣтѣ нравственную бодрость старыхъ поколѣній,—воплощавшуюся для этого, въ полномъ смыслѣ слова здороваго человѣка, въ населеніи Сабинскихъ горъ. Ее онъ противопоставилъ жалкой безнравственности младшихъ поколѣній. О философскихъ болтунахъ онъ говорилъ сурово. По его словамъ, въ десять разъ легче научить раба философствовать, чѣмъ печь пироги, а поэтому и философія стоитъ въ десять разъ меньше, чѣмъ искусство пирожника. Конечно, ни у одного больного не было такихъ сумасшедшихъ фантазій, какихъ бы не придумалъ и какимъ бы не училъ когда-либо какой-либо философъ. Безстрашно насмѣхался онъ и надъ политическими дѣятелями, въ чьихъ рукахъ была власть, а въ своей сатирѣ „Трехголовый" сравнилъ членовъ перваго тріумвирата съ многоголовымъ чудовищемъ преисподней, Церберомъ.

Вмѣстѣ со строгостью нравовъ исчезло, по его словамъ и свѣтлое наслажденіе дозволенными удовольствіями. Какъ разъ въ своей сатирѣ, относящейся къ пьнству, Варронъ нападаетъ и на крайности трезвенниковъ и поетъ хвалебную пѣсню вину:

> Но лучшее питье для всѣхъ—вино.
> Оно есть связь межъ милыми друзьями.

Нѣтъ недостатка и въ нѣжныхъ и глубокопоэтическихъ описаніяхъ. Но культурно-историческое значеніе Варрона со-

стоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что въ его произведеніяхъ мы въ послѣдній разъ встрѣчаемъ нравственную чистоту, высоту, первобытную свѣжесть, наконецъ, тотъ здравый смыслъ, который сдѣлалъ италійцевъ и въ умственномъ отношеніи господами міра. Въ одной изъ своихъ сатиръ, Варронъ выводитъ человѣка, который заснулъ мальчикомъ, и возвратился въ Римъ, проспавъ свыше 50 лѣтъ. Теперь все въ Римѣ оказалось измѣнившимся и извращеннымъ. Онъ самъ подобный же Эпименидъ, и его сатира въ тоже время служитъ доказательствомъ того, что нѣкогда въ Римѣ жилось гораздо лучше, чѣмъ въ его время.

Эпоха религіозныхъ бурь вообще была неблагопріятна и для искусствъ, въ томъ числѣ и для поэзіи. Главнымъ представителемъ явился многосторонній Маркъ Туллій Цицеронъ. Какъ ораторъ, никогда не стѣснявшійся въ выраженіяхъ, но способный также изобразить глубины человѣческаго сердца и духа, какъ искуссный стилистъ, но также и талантливый популяризаторъ, способный ясно выразить всѣ стороны человѣческаго мышленія, онъ былъ человѣкомъ, соединявшимъ въ себѣ не только преимущества образованности своего времени, но и слабости своей эпохи.

Онъ былъ превосходнымъ адвокатомъ, особенно въ томъ случаѣ, когда, какъ въ дѣлѣ Верреса или въ рѣчи противъ Росція, основательно изучилъ свой матеріалъ. Но во многихъ позднѣйшихъ рѣчахъ, произнесенныхъ по поводу тѣхъ или иныхъ политическихъ событій, обнаруживается поверхностное отношеніе къ вопросу и ничтожество риторическихъ средствъ, посредствомъ которыхъ онъ, какъ и всѣ, прошедшіе греческую школу, пытался блистать въ своихъ рѣчахъ. Силою аргументаціи онъ настолько же уступаетъ ораторамъ эпохи Гракховъ, насколько превосходитъ ихъ въ стилистическомъ отношеніи. Если необходимыми качествами великаго оратора являются убѣжденность и сила характера, то слѣдуетъ сознаться, что этого условія не хватало Цицерону, нѣсколько разъ мѣнявшему свои политическія убѣжденія. Ниже всего онъ опускается въ своихъ пасквиляхъ противъ падшихъ противниковъ и въ своихъ позднѣйшихъ рѣчахъ, преисполненныхъ самодовольства. Однако и тамъ прелести слога представляютъ нѣчто привлекательное, дѣйствовавшее втеченіи почти двухъ тысячелѣтій на благороднѣйшія души.

Безспорно, что слава Цицерона, какъ стилиста, основана на томъ, что имъ сдѣлано для развитія римской прозы, при

тонкомъ выборѣ выраженій, при выдѣленіи и устраненіи устарѣлыхъ выраженій или діалектическихъ особенностей. Естественнымъ образомъ эти преимущества слога выказываются въ его прочихъ сочиненіяхъ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ его рѣчахъ. Первыя онъ могъ гораздо лучше обработать. Значительная многосторонность его литературной дѣятельности позволяла Цицерону оказать довольно значительное вліяніе на различныя отрасли знанія. Реальное значеніе его различныхъ произведеній, однако, далеко не одинаково. Цицеронъ считалъ себя превосходнымъ историкомъ, даже поэтомъ. Ни тѣмъ, ни другимъ онъ, конечно, не былъ. Гораздо выше стоитъ онъ, какъ популярный писатель по вопросамъ философіи. Многое и здѣсь у него крайне поверхностно, но его произведенія „О государствѣ", „О природѣ боговъ", „О наивысшемъ благѣ", еще и теперь могутъ быть съ удовольствіемъ прочтены многими ради ихъ богатаго содержанія и привлекательности. Другія философскія произведенія, быстро набросанныя въ послѣдніе годы его жизни, менѣе глубоки. Цицеронъ не былъ сильнымъ діалектикомъ, умозрительнымъ мыслителемъ. Онъ былъ этической натурой, серьезно искавшей правды. Его Религіозное сознаніе божества поднимаетъ его высоко надъ массою прочихъ философствующихъ диллетантовъ.

Съ научной точки зрѣнія его риторическія произведенія занимаютъ пустое мѣсто. Его сочиненіе объ ораторѣ и посвященная Бруту исторія римскихъ ораторовъ превосходны. Его заслуги здѣсь вдвойнѣ велики, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ вполнѣ оригиналенъ.

Съ замѣчательнымъ единодушіемъ признается всѣми писателями слѣдующихъ столѣтій, и не менѣе прочихъ писателями вѣка Августа, значеніе Цицерона, какъ писателя, много поработавшаго, для развитія латинскаго языка и, стало быть, для всей римской литературы. И этотъ приговоръ исторіи, конечно, не ослабляется тѣмъ, что Цицеронъ, какъ политикъ и человѣкъ, былъ далеко менѣе великъ, чѣмъ какъ писатель. Даже мало ему пріязненный Азиній Полліонъ полагаетъ, что было бы излишнимъ прославлять одаренность и усердіе этого человѣка, и совѣтуетъ судить о немъ по тому, въ чемъ выказался главнымъ образомъ его талантъ. Также поступали и въ послѣдніе вѣка, со временъ гуманистовъ и до нашей эпохи. Лишь въ новѣйшее время многіе извѣстные историки (въ томъ числѣ Шлоссеръ) поставили Цицерона уже слишкомъ низко.

Но независимо отъ сочиненій Цицерона, эта эпоха вообще должна считаться цвѣтущимъ періодомъ римской прозы. Оправдательное сочиненіе Цезаря, описывающее его походъ въ Галлію, отличаясь гладкимъ описаніемъ событій, можетъ вообще считаться мастерскимъ произведеніемъ. Гораздо искусственнѣе, но не менѣе привлекательно, произведеніе Саллюстія, въ которомъ изображена югуртинская война и эпоха отъ смерти Суллы до заговора Катилины включительно.

Въ ту же эпоху возникла также довольно обширная historіографическая литература, пытавшаяся воспользоваться старинными римскими источниками. Въ формальномъ отношеніи успѣхи были значительны.

Послѣ того, какъ уже Целій Антипатръ (около 115 г. до Р. Х.) изложилъ подробно исторію второй пунической войны, слѣдуя въ манерѣ изложенія классическимъ греческимъ образцамъ, а именно Геродоту и Ѳукидиду, за нимъ послѣдовали лѣтописцы эпохи Суллы, пытавшіеся еще превзойти риторикою грековъ и при этомъ нерѣдко злоупотреблявшіе фактами въ угоду политическимъ тенденціямъ. Историческія произведенія свирѣпаго демократа Лицинія Мацера или анналиста Клавдія, по существу дѣла, принадлежатъ къ печальнѣйшимъ произведеніямъ римской литературы, но тѣмъ не менѣе они много читались и оказываются въ числѣ важнѣйшихъ источниковъ наиболѣе прославленнаго изъ римскихъ историковъ—Тита Ливія, писавшаго въ эпоху Августа, послѣ 30 г. до Р. Х.

Научныя стремленія той эпохи были очень живы. Во всякомъ случаѣ они ограничиваются спеціально римскими науками, всегда особенно привлекавшими римлянъ: правовѣденіемъ, грамматикой, археологіей и астрологіей. Это были отрасли знанія, съ давнихъ поръ разработанныя коллегіями понтифексовъ. Собирать, приводить въ порядокъ, углублять эти познанія, создавать такимъ образомъ матеріалъ для истинно-историческаго познанія—такова была цѣль ученыхъ цицероновской эпохи. Задачѣ этой посвятилъ всю свою жизнь крупнѣйшій изъ римскихъ ученыхъ, упомянутый уже Варронъ. Достаточно здѣсь упомянуть о его большой энциклопедіи римскихъ древностей, о его иллюстраціяхъ, содержащихъ до 700 біографическихъ очерковъ, о его сочиненіяхъ, посвященныхъ латинскому языку и земледѣлію. Рука объ руку съ нимъ дѣйствуютъ Титъ Помпоній Аттикъ, съ его многочисленными изслѣдованіями о знатныхъ римскихъ

родахъ, о спискахъ консуловъ и тріумфаторовъ. Далѣе, Корнелій Непотъ со своимъ хронологическимъ сочиненіемъ — Хроникой; не въ меньшей степени и Цицеронъ, мнившій себя великимъ историкомъ и во всякомъ случаѣ давшій почтенныя и полезныя сочиненія о государствѣ и о законахъ.

Особенной спеціальностью этой и послѣдующей эпохи является астрологія. Варронъ и его другъ Таруцій вычислили по днямъ и часамъ эпоху возникновенія Рима и обратно, изъ созвѣздій, относящихся къ Риму, вывели судьбу города. Августъ и Тиверій всецѣло подчинялись этому суевѣрію, а Манилій посвятилъ Германику астрологическую поэму въ 5 пѣсняхъ.

Болѣе утѣшительна была дѣятельность многихъ выдающихся людей въ области государственнаго и частнаго права. Особенно слѣдуетъ отмѣтить Квинта Элія Туберона и Марка Валерія Мессалу.

Положеніе женщины въ Римѣ.

Какъ у всѣхъ отраслей арійскаго племени, такъ и у римлянъ, господствовалъ патріархальный строй. Жена, сыновья, дочери, рабы, скотъ, земля, всякое имущество было у римлянъ подъ деспотическимъ главенствомъ старшаго въ родѣ мужчины. По древнеримскимъ воззрѣніямъ, жена была до извѣстной степени дочерью своего мужа, и какъ таковая, подчинялась его родительской власти не въ меньшей степени, чѣмъ послѣдній рабъ. Тѣмъ не менѣе, древніе римляне относились къ достоинству матери семейства весьма серьезно и сообразно съ этимъ воспитывали дѣвочекъ. Богатые люди поручали воспитаніе дѣвочекъ, какъ и мальчиковъ, образованнымъ рабамъ; плебейкамъ приходилось ходить въ общественныя школы. Но какъ тѣхъ, такъ и другихъ, не обучали ни музыкѣ, ни танцамъ, ни пѣнію. Цензоръ Сципіонъ Эмиліанъ, приверженецъ греческихъ нравовъ, закрылъ, однако, всѣ римскія школы пѣнія (142 г. до Р. Х.). Дѣйствительно, всѣ эти искусства разсматривали, какъ унижающія, портящія характеръ, разслабляющія. Римлянинъ требовалъ отъ женщины, чтобы она, подобно мужчинѣ, была способна къ энергической дѣятельности. Какъ въ Элладѣ, такъ и въ Римѣ, забота о домоводствѣ лежала на плечахъ женщины, но у грековъ домашнее хозяйство не пользовалось тѣмъ значеніемъ, какое оно имѣло у болѣе серьезныхъ римлянъ.

Конечно, лишь по мѣрѣ того, какъ римляне знакомились съ нравами и литературою эллиновъ, они пріобрѣтали вкусъ ко всему этому, и въ седьмомъ столѣтіи со времени основанія Рима его строгіе нравы въ значительной мѣрѣ пошатнулись. Примѣръ комедіантки Цитерисъ показываетъ, что греческіе образцы нашли своихъ подражателей. Тѣмъ не менѣе римляне, несмотря на нѣкоторыя излишества, никогда не опускались до того низкаго уровня, какого достигли греки, ставившіе жену почти наравнѣ съ любовницей. Римскія дамы лишь медленно уклонялись отъ строгихъ воззрѣній старины, онѣ постепенно усваивали тѣ таланты, которыхъ грекъ не находилъ у своей жены. Всегда, впрочемъ, въ Римѣ были матроны, стремившіяся къ болѣе свободному положенію женщины. Ко времени паденія республики, на ряду съ порчею нравовъ, мы видимъ и большее количество женщинъ, обладавшихъ извѣстнымъ образованіемъ. Нѣкоторые, какъ, напр., Клодія и Семпронія, жили уже совершенно по греческому образцу. Съ паденіемъ республики это теченіе усилилось настолько, что никто уже не находилъ страннымъ, если женщина умѣла играть на лирѣ или цитрѣ, прясть или сочинять стихи, хотя бы это была женщина изъ лучшаго общества. Въ эпоху Плинія, наконецъ, были отложены въ сторону всѣ предразсудки противъ подобныхъ занятій, и въ концѣ имперіи женщины дошли даже до полной разнузданности, хотя слѣдуетъ сказать, какъ бы это ни показалось парадоксально, что предоставленная имъ свобода явилась послѣднимъ средствомъ сохранить то, что еще осталось отъ римской семейной жизни.

Религія играла значительную роль въ жизни римскихъ женщинъ и, какъ всюду, считала въ ихъ рядахъ своихъ самыхъ горячихъ приверженцевъ. Правда, въ началѣ императорской эпохи, римскія дамы были также преданы философіи, и притомъ особенно тѣ, которыя отличались свободными нравами. Но такія все же составляли меньшинство: большая часть женщинъ стойко держалась за традиціонную вѣру, замѣнявшую для нихъ то, что могло бы имъ дать образованіе. Даже наиболѣе образованные мужчины цѣнили и почитали глубокую религіозность своихъ женъ и дочерей. Женщина-вольнодумецъ или атеистка была немыслима въ римскомъ быту. Древняя религія, впрочемъ, ни мало не унижала положенія женщины, предоставляя ей даже жреческія функціи. Подлѣ фламена появляется и фламиника, и хотя женщинамъ

былъ запрещенъ входъ въ храмъ Геркулеса и доступъ къ къ обрядамъ большого алтаря (Ара Максима), зато съ другой стороны, существовали культы, изъ которыхъ были исключены мужчины, какъ, напр., Бона Деа (доброй богини); были и такіе, въ которыхъ женщины занимали первыя мѣста, напр., культъ Діаны Неморензисъ. Неравенство, тяготѣвшее надъ женщиной, зависѣло поэтому всецѣло отъ законодательства, а никакъ не отъ религіи. Религія стремилась, хотя и безуспѣшно, скрѣпить семейныя узы, такъ какъ настоящій религіозный бракъ (конфарреація) могъ быть расторгнутъ лишь съ величайшими трудностями. Религія, призывавшая женщинъ въ храмъ къ молитвѣ, сломила то ярмо, которое, хотя въ меньшей степени, чѣмъ въ Элладѣ, все же приковывало женщинъ къ дому. Наконецъ, въ благосклонномъ отношеніи римлянокъ къ чужимъ культамъ слѣдуетъ видѣть также одну изъ причинъ распространенія христіанства и въ то же время естественное послѣдствіе тѣхъ религіозныхъ чувствъ, которыя были внушены еще античной религіей.

Общеизвѣстно, что правовое положеніе женщины было въ Римѣ первоначально тяжелымъ. Такъ, напр., исторія пріобрѣтенія женщиною права собственности вкратцѣ сводится къ слѣдующему: сначала незамужняя дочь пріобрѣтаетъ участіе въ наслѣдованіи отцу и подлежитъ въ этомъ отношеніи опекѣ ближайшихъ мужскихъ родственниковъ отца. Затѣмъ эта опека фактически приводится къ нулю. Между тѣмъ пріобрѣтаетъ право гражданства новый видъ брака, когда женщина уже не подлежитъ власти мужа, но при отсутствіи брачнаго договора имущество женщины находится въ ея полномъ распоряженіи. Подобный же процессъ развитія былъ пройденъ и въ соціальномъ отношеніи. Это послѣднее мы ни въ какомъ случаѣ не должны измѣрять юридическимъ масштабомъ, такъ какъ фактически, женщины никогда не были въ Римѣ настолько угнетены, какъ можно было бы думать, основываясь на законодательствѣ. Жена господствовала въ атріумѣ на ряду съ мужемъ, и этотъ атріумъ не былъ укрытъ отъ взоровъ постороннихъ, на подобіе греческаго гинекейона. И какъ только жена переступала порогъ атріума, слова: „Гдѣ ты, мой Гай, тамъ я, твоя Гая“, напоминали ей о томъ, что гдѣ ея мужъ господинъ, тамъ и она господствуетъ. Въ теченіе дальнѣйшей исторіи Рима, мы видимъ, что положеніе женщины улучшается и значеніе ея возрастаетъ. Въ эпоху Антониновъ, императрицъ называли „матерями лагерей и легіоновъ“ и

примѣръ императорскаго дома дѣйствовалъ на другихъ. Одно, конечно, правда, а именно, что высокое положеніе женщинъ было скорѣе дѣломъ обычая, нежели закона. Причину высокаго положенія слѣдуетъ искать въ высокихъ понятіяхъ римлянъ о бракѣ. О положеніи женщинъ такъ мало можно сказать для нихъ унизительнаго, что правильнѣе всего признать его лучшимъ, нежели во многихъ нынѣшнихъ цивилизованныхъ государствахъ. Объ этомъ можно судить, напр., по многимъ надписямъ. Женскіе союзы съ избранною главою были не рѣдкостью, и одинъ изъ такихъ союзовъ, *конвентъ матронъ*, переименованный Элагабаломъ въ *сенатулумъ*, игралъ порядочную роль.

Во многихъ случаяхъ такая эмансипація женщинъ приводила къ распущенности; однако то, что мы читаемъ у древнихъ писателей по этому поводу, относительно женщинъ временъ имперіи, не хуже того, что можно вообще услышать относительно женщинъ всѣхъ странъ, гдѣ только онѣ не находятся запертыми въ гинекеяхъ, теремахъ и гаремахъ. Многія предавались разврату, другія брались за занятія, несвойственныя женщинѣ: въ Римѣ можно было встрѣтить не только женщинъ-адвокатовъ, но, что гораздо хуже,—женщинъ-атлетовъ и гладіаторовъ. Не мѣшаетъ однако помнить, что въ эпоху Траяна развратъ достигъ поворотнаго пункта и что съ этихъ поръ встрѣчаются многочисленные примѣры благородныхъ, просто одѣвавшихся и славившихся семейными добродѣтелями женщинъ; да и вообще съ этой эпохи замѣчается стремленіе къ очищенію нравовъ. Относительно предыдущаго періода, то не мѣшаетъ помнить, что при свойственномъ вообще римлянамъ консерватизмѣ, они измѣряли нынѣшнее по предполагаемому прежнему масштабу, при чемъ часто преувеличивали мрачныя краски настоящаго. Если мы присмотримся къ XIX столѣтію съ предразсудками XVIII и особенно XVII вѣка, то безъ сомнѣнія получится отвратительная картина. Но на самомъ дѣлѣ за это время были достигнуты значительные успѣхи. Развратъ, безнравственность, замѣчаемыя въ томъ или иномъ случаѣ, порою представляютъ не болѣе, какъ цѣну, которою долженъ быть купленъ каждый шагъ на пути прогресса, составляя условіе и въ то же время необходимое слѣдствіе состоянія, которое слѣдуетъ признать въ концѣ концевъ благодѣтельнымъ.

Основаніе Римской имперіи.

Августъ, какъ спаситель римскаго государства и общества.

Едва Августъ низвергъ Антонія, какъ онъ взялся за дѣло, начатое Цезаремъ. Онъ создалъ монархическое правленіе, которое казалось прочнымъ, и спасъ общество отъ революціи.

При организаціи императорской власти, Августъ, въ общемъ, слѣдовалъ примѣру своего дяди; но онъ избѣгъ нѣкоторыхъ его ошибокъ и при этомъ, благодаря хитро разсчитанному плану дѣйствій, а также ограниченію своей задачи, оказался въ выигрышѣ.

Цезарь ни въ какомъ случаѣ не оставался такимъ монархомъ-демократомъ, какимъ его часто выставляли. При законодательномъ установленіи монархической власти, онъ позаботился о томъ, чтобы не только фактически, но и формально его могущество представлялось неограниченнымъ. Пожизненная диктатура, консулатъ на десять лѣтъ, власть, подобная трибунской, императорскій титулъ—и вмѣстѣ съ нимъ достоинство главнокомандующаго—наконецъ, участіе въ важнѣйшихъ жреческихъ должностяхъ — все это привело къ тому, что власть Цезаря была неограниченной и представлялась, какъ такая. Законы и сенатскія постановленія позаботились о томъ, чтобы эта власть не оставалась чисто номинальной. Ему было предоставлено назначеніе всѣхъ провинціальныхъ намѣстниковъ, власть надъ всей арміей и распоряженіе государственной казной. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что, возстановивъ царскую власть, Цезарь хотѣлъ возстановить и титулъ царя.

Иначе дѣйствовалъ Августъ. Правда, онъ каждыя 5 лѣтъ получалъ диктаторскую власть, въ видѣ всякій разъ подтверждаемаго *имперіума*, т. е. императорскаго достоинства. Но во всемъ прочемъ онъ строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы были соблюдены республиканскія формы. Въ отдѣльныхъ имъ за-

нимаемыхъ должностяхъ, у него были товарищи, а періодическое возобновленіе его полномочій поддерживало сознаніе того, что онъ лишь первый гражданинъ, *принцепсъ* государства и что, стало быть, республиканскія формы ни въ какомъ случаѣ не упразднены, а только измѣнены и подчинены надзору „перваго гражданина“ ради всеобщаго блага.

Даже при вновь созданныхъ императорскихъ должностяхъ, въ которыхъ все болѣе и болѣе сосредоточивалась фактическая власть, онъ примыкалъ къ республиканскимъ формамъ. Такъ, напр., высшій начальникъ полиціи получилъ названіе, существовавшее еще въ республиканскія времена, а именно городскаго префекта.

Что въ этомъ случаѣ для Августа, какъ и для его преемниковъ, рѣчь шла далеко не объ однихъ названіяхъ, въ этомъ убѣждаетъ положеніе, указанное въ новомъ государственномъ строѣ для сената. Половина провинцій и притомъ наиболѣе богатыя изъ нихъ, были предоставлены сенату и управлялись чиновниками съ рангомъ сенаторовъ. При преемникахъ Августа, законодательная власть и выборы чиновниковъ перешли къ сенату, и права, присущія этому высокому учрежденію въ императорскую эпоху, были такъ значительны, что съ правовой точки зрѣнія пришлось бы назвать Римъ не столько монархіей, сколько динархіей, т. е. государствомъ, руководимымъ совмѣстно сенатомъ и главою государства, „принцепсомъ“. Это юридическое раздѣленіе властей, однако, не должно насъ обманывать на счетъ фактическаго господства, сосредоточеннаго преимущественно въ рукахъ императора. Императоръ былъ повелителемъ надъ всѣми арміями. Онъ организовалъ постоянную армію, она ему присягала, онъ назначалъ начальниковъ частей, давалъ отличія и завѣдывалъ отставками. Онъ одинъ рѣшалъ вопросы о войнѣ и мирѣ, былъ представителемъ государства по отношенію къ иностраннымъ державамъ. Онъ былъ властелиномъ надъ оставшимися въ его рукахъ провинціями. Во внутреннемъ управленіи его вліяніе также значительно перевѣшивало вліяніе сената. Это относится къ указанію подлежащаго избранію кандидата, къ законодательству, къ уголовной подсудности. Какъ префектъ, слѣдившій за нравами, какъ верховный блюститель нравственности, Августъ не только былъ руководителемъ весьма важной народной переписи, но оказывалъ значительное вліяніе и на выборъ самихъ сенаторовъ. Новыя постановленія императора, относящіяся къ столицѣ, дозволяли

ему проявить въ Римѣ такую власть, что оппозиція сената или всей республиканской партіи всегда была сдерживаема уздою. Императорская гвардія подъ начальствомъ преторіанскаго префекта, столичный корпусъ, соотвѣтствующій жандармскому, и нѣсколько батальоновъ столичныхъ пожарныхъ подъ начальствомъ городского префекта—всѣ они охраняли и городъ, и спокойствіе императора. Сверхъ того, законы заботились о томъ, чтобы можно было строжайше слѣдить за всякимъ сопротивленіемъ, хотя бы только словомъ, а не дѣйствіемъ.

Но Августъ не только избѣгалъ приписывать себѣ имя царя; онъ оставилъ въ силѣ разные республиканскіе порядки, въ такой мѣрѣ, какая была необходима для успокоенія дюжинныхъ умовъ и грубой толпы. И онъ былъ правъ по своему. Да сверхъ того онъ далъ и государству, разоренному войнами и междоусобицами, давно желанное успокоеніе и могущество — цѣль, къ которой лишь стремился Цезарь, и которой Августъ добился, благодаря своей большей осмотрительности.

Прежде всего Августъ достигъ въ своемъ государствѣ возстановленія порядка и спокойствія. Предварительнымъ условіемъ для этого было значительное постоянное войско, состоявшее изъ 25 легіоновъ и изъ соотвѣтственнаго числа вспомогательныхъ войскъ. Въ общемъ, войско достигало 250.000—300.000 ч. Это число, конечно, можетъ показаться и малымъ, если принять во вниманіе громадность пространства римской имперіи. Но массы войска, независимо отъ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ, были распредѣлены по пограничнымъ провинціямъ и существенно предназначены для защиты границъ. Единственно съ этой цѣлью велись Августомъ войны, предпринятыя частью противъ пароянъ, частью противъ туземцевъ прирейнскихъ и придунайскихъ провинцій.

Всюду обнаруживается благословеніе продолжительнаго мира. Цѣнность италійскихъ помѣстьевъ возросла, строительныя предпріятія умножились; для общественныхъ построекъ Августъ давалъ деньги весьма щедро. Это доказывается множествомъ построекъ, сооруженныхъ имъ самимъ и упомянутыхъ на Анциранскомъ монументѣ, одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ древности, такъ какъ надпись на немъ содержитъ политическое завѣщаніе Августа. Промышленность и торговля при Августѣ процвѣтали. Для по-

ощренія сообщеній во всей имперіи, Августъ принялъ на себя верховный надзоръ за путями сообщенія (кура віарумъ), въ 20 г. до Р. Х., затѣмъ и надзоръ надъ всѣми общественными сооруженіями, а особенно надъ водопроводами. Августъ самъ начертилъ планъ большой сѣти дорогъ. Пять главныхъ дорогъ исходили отъ золотого верстового столба въ Римѣ. Оттуда одна вела посредствомъ Аппіевой дороги къ Регіуму, въ Сициліи же шла отъ Мессаны до Лилибеума, откуда переходила, съ помощью морского пути, въ Африку и шла вдоль сѣвернаго берега до Александріи.

Другой маршрутъ велъ Аппіевой дорогой, оставлялъ ее подлѣ Капуи и шелъ въ Бриндизіумъ, затѣмъ по ту сторону Адріатическаго моря отъ Диррахіума разными развѣтвленіями въ Грецію, частью же черезъ Македонію въ Византію, т. е. въ Константинополь, и Каллиполисъ—Галиполи, пересѣкалъ на протяженіи 150 миль Малую Азію и заканчивался въ Антіохіи. Достаточно еще упомянуть о многочисленныхъ альпійскихъ дорогахъ и большой императорской дорогѣ, отъ Рима черезъ Массилію къ Гадесу.

Значеніе этихъ путей сообщенія очевидно. Сооруженные первоначально для военныхъ цѣлей, они болѣе всего иного содѣйствовали международнымъ сношеніямъ, а также сбыту сельскохозяйственныхъ продуктовъ, удобству и правильности торговли и всеобщему процвѣтанію культуры. Не менѣе благотворно было то, что вновь была возстановлена безопасность морскихъ сообщеній. Лишь съ этихъ поръ торговля на Средиземномъ морѣ между Италіей и Востокомъ могла дѣйствительно развиться, лишь съ этихъ поръ богатые дары природы, получаемые изъ эллинистическихъ провинцій, и необычайно многочисленные фабрикаты Востока, служившіе для цѣлей роскоши, могли спокойно достигать Запада. Разнообразный восточный ввозъ включалъ между прочимъ пряности, лѣкарства изъ Персіи и Индіи, разнообразные драгоцѣнные камни, жемчуги, слоновую кость, черепаху, драгоцѣнные сорта дерева и мрамора, вавилонскія и персидскія драгоцѣнныя ткани, шелковые товары и дорогіе сосуды.

Устройство путей сообщенія привело и къ тому, что столица была обезпечена относительно ввоза хлѣба. Италія съ давнихъ поръ была уже не въ состояніи покрывать своимъ собственнымъ урожаемъ потребность въ хлѣбѣ, особенно принимая во вниманіе нужды столицы. Въ эпоху междо-

усобныхъ войнъ, когда враждующіе между собою сильные люди и разбойническіе пираты препятствовали ввозу хлѣба, населеніе Рима не разъ испытывало нужду, такъ какъ прерывалось сообщеніе съ Египтомъ и Сѣверной Африкой, а эти страны были для Рима главными поставщицами хлѣба. Продовольствіе столицы при Августѣ стало одною изъ главныхъ правительственныхъ заботъ. Онъ не только уменьшилъ численность римскаго пролетаріата многочисленными вновь основанными колоніями, но и взялъ на себя лично главное руководство продовольственнымъ дѣломъ. Онъ умѣлъ расположить къ себѣ чернь дешевою доставкою хлѣба, раздачею бѣднякамъ; количество людей, получавшихъ въ Римѣ ежемѣсячныя пособія, несмотря на многія сокращенія, все еще достигало при Августѣ 200.000 ч. Все это давало Августу право пользоваться расположеніемъ столицы. А тогдашній Римъ значилъ болѣе, чѣмъ нынѣшній Парижъ.

Эти заботы основателя монархіи о путяхъ сообщенія обнаружились также въ учрежденіи государственной почты. Для общей потребности въ сообщеніяхъ это учрежденіе Августа, конечно, не имѣло большого значенія, и замѣчательно, какимъ образомъ, вообще, столь практичные люди той эпохи не подумали о томъ, чтобы предоставить частнымъ лицамъ пользованіе почтовымъ учрежденіемъ. Почта временъ Августа не служила ни для путешественниковъ, ни для корреспонденціи. Задачей этой, организованной по военному, почты было исключительно передавать служебныя депеши со станціи на станцію, что выполнялось конными курьерами; сверхъ того безплатно перевозились чиновники и казенныя имущества, напр., боевые припасы. Частные люди могли лишь ѣхать вмѣстѣ съ казенною почтою по особымъ паспортамъ, что мало-по-малу привело къ крайнимъ стѣсненіямъ. Почта стала даже великимъ бременемъ для общинъ, которымъ приходилось выполнять ямскую повинность, особенно въ эпоху Константина, когда къ арміи чиновниковъ прибавилась еще армія духовныхъ, получавшихъ также подорожныя на свободный проѣздъ. Константинъ дожилъ до того, то безчисленные синоды и епископы раззорили его почту.

Неоспорима, съ другой стороны, заслуга Августа въ дѣлѣ улучшенія провинціальнаго управленія. Провинціи перестали теперь быть мѣстами, гдѣ ежегодно наживались новые чиновники, старавшіеся какъ можно скорѣе разбогатѣть на

счетъ провинціаловъ. Половина провинцій попала въ непосредственное завѣдываніе императора, посылавшаго туда своихъ воинскихъ намѣстниковъ, а для сбора податей— императорскихъ прокураторовъ. Даже надъ сенаторскими провинціями верховный надзоръ принадлежалъ императору. Честныхъ намѣстниковъ оставляли на одномъ мѣстѣ по нѣскольку лѣтъ. Провинціальные сеймы, созываемые по отдѣльнымъ провинціямъ, правда не обладали значительнымъ самоуправленіемъ, но все же для императора стало возможнымъ ознакомиться съ положеніемъ провинцій и выслушивать жалобы на администрацію. Прежде всего Августъ счелъ своимъ долгомъ принять мѣры, дѣйствительно способныя уничтожить всяческія притѣсненія. Чиновники получили опредѣленное содержаніе; вознагражденіе за путевыя издержки было строго нормировано; взиманіе податей, какъ уже было замѣчено, перешло въ руки императорскихъ прокураторовъ, и уменьшившаяся такимъ образомъ власть намѣстниковъ сдѣлала злоупотребленія болѣе трудными. Вообще разсмотрѣніе особыхъ отношеній различныхъ провинцій приводитъ къ убѣжденію, что ихъ положеніе въ началѣ императорскаго періода было удовлетворительнымъ, частью даже превосходнымъ. Не въ малой степени онѣ были этимъ обязаны иниціативѣ Августа, который не только создалъ новые порядки, но и неутомимо наблюдалъ лично за различными главными областями, надзирая за ихъ управленіемъ.

Его правленіе рѣшительно выставило, вмѣсто хищнической эксплуатаціи, упорядоченное управленіе государствомъ и заботу о государственныхъ интересахъ, что было настоящимъ благодѣяніемъ для угнетенныхъ до тѣхъ поръ провинціаловъ. Нашъ краткій очеркъ правительственной дѣятельности Августа дозволяетъ произнести сужденіе надъ тѣмъ, въ какой мѣрѣ онъ выполнилъ свою задачу и явился дѣйствительнымъ спасителемъ общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы получимъ и отвѣтъ на вопросъ, въ какой мѣрѣ цезаризмъ могъ считать себя вправѣ занять мѣсто республики. Бурныя времена всегда почти, какъ бы въ силу закона природы, рождали въ надлежащій моментъ надлежащаго человѣка. „Такъ Греція нашла Александра, Италія—Цезаря, Франція—Наполеона I“. Лишь неразсудительные люди могли ожидать отъ Августа и отъ возстановленія монархіи возрожденія римскаго народа и государства. Это превосходило силы одного человѣка, но возсоединить расшатанное общество, со-

хранить его—такова была задача цезаризма, и эта задача была имъ блистательно выполнена. Искусство архитекторовъ было доказано долговѣчностью зданія.

Этимъ въ то же время сказано, какимъ образомъ разрѣшить вопросъ, можетъ-ли быть оправдано устраненіе республики и установленіе имперіи или же эта перемѣна была гибельна?

Всякая система, всякая государственная форма должна прежде всего считаться съ наличными нравственными элементами и брать ихъ тамъ, гдѣ они находятся. Цезаризмъ, являясь необходимостью лишь послѣ исчезновенія нравственныхъ элементовъ, самъ не могъ имѣть нравственнаго основанія. Онъ выступаетъ всегда какъ наслѣдникъ республики, причемъ наслѣдство составляетъ груду пережженныхъ шлаковъ. Въ Римѣ цезаризмъ явился, какъ разъ когда стало необходимымъ дѣло и когда даже дурное дѣло было лучше полнаго бездѣйствія. Этимъ объясняется успѣхъ цезаризма и то обстоятельство, почему блестящія рѣчи Цицерона не помогли, когда имъ пришлось столкнуться съ блестящими дѣлами Цезаря. Это не пустыя слова—спасать государство, возстановлять порядокъ. Конечно это было кровавое дѣло: возстановленіе порядка было возможно лишь на счетъ многихъ сопротивлявшихся и при нарушеніи многихъ интересовъ. Понятіе порядка, по замѣчанію Джона Стюарта Милля въ его разсужденіяхъ о представительномъ правленіи, есть вѣдь прежде всего понятіе о повиновеніи, а тогдашнему обществу какъ разъ повиновеніе было всего болѣе чуждо. Но если порядокъ не является ни цѣлью правительства, ни критеріемъ его превосходства, то онъ служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ условій такого превосходства. Порядокъ слѣдовало возстановить во что бы то ни стало, и цезаризмъ достигъ этого. Но такъ какъ въ соціальныхъ и въ политическихъ вопросахъ невозможно основывать что-либо только на порядкѣ или только на прогрессѣ, то и въ цезаризмѣ, пытавшемся во что бы то ни стало создать порядокъ, нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ прогрессивныхъ чертъ. Эпоха языческаго героизма миновала. Онъ былъ теперь не у мѣста: настала эпоха организаціи, и приходилось имѣть дѣло не только съ сантиментальнымъ, но и съ практическимъ направленіемъ. О римлянахъ этой эпохи можно сказать почти то же, что о грекахъ. Не требуетъ поясненія то обстоятельство, что далеко не всѣ были довольны новымъ порядкомъ,

и особенно это справедливо относительно республиканцевъ. Одушевляющій людей духъ оппозиціи часто давалъ поводъ къ враждебнымъ демонстраціямъ, но рѣшающимъ моментомъ все же было то обстоятельство, что массы были расположены къ новой системѣ, которая удовлетворяла ихъ интересамъ. И безъ сомнѣнія новая система привела къ подъему, во многихъ отношеніяхъ благопріятному, для низшихъ слоевъ населенія. Съ силою подчеркиваютъ историки то обстоятельство, что въ продолженіе цѣлой половины тысячелѣтія республиканскаго правленія въ Римѣ ни разу не было сдѣлано попытки возстановить царскую власть. Но вѣдь съ аналогичнымъ явленіемъ мы встрѣчаемся и для Рима временъ имперіи: въ теченіе пятисотъ лѣтъ мы видимъ заговоры противъ Цезарей, но ни одной попытки къ возстановленію республики, которая уже никого не привлекала: блистательное доказательство того, что она пережила саму себя.

Эпоха имперіи была не эпохою упадка, но скорѣе эпохою расцвѣта — по крайней мѣрѣ внѣшняго—римской культуры.

Золотой вѣкъ римской литературы.

Правленіе Августа было золотымъ вѣкомъ римской литературы. Немногіе поэты и писатели были прославляемы въ такой мѣрѣ въ позднѣйшіе вѣка древности, въ средніе вѣка и въ новое время, какъ писатели Августова вѣка. Гуманное настроеніе и благородный паѳосъ Вергилія (Виргилія, по распространенной, по неправильной орѳографіи) воодушевляли Данте и гуманистовъ; лучшаго истолкователя греческой лирики, чѣмъ Горацій, никогда не было, и онъ же довелъ до совершенства своеобразный римскій родъ поэзіи — сатиру. Очарованіямъ любовныхъ стихотвореній Тибулла и Проперція Гете обязанъ наилучшими красотами своихъ римскихъ элегій. А кто станетъ сомнѣваться въ томъ, что Овидій, изобразившій въ своихъ „Метаморфозахъ" весь чарующій міръ греческихъ сказаній и затронувшій въ своихъ любовныхъ пѣсняхъ сокровенныя струны человѣческаго сердца, въ то же время является самымъ совершеннымъ по формѣ изъ римскихъ поэтовъ!

Несмотря на это, было бы крайнею ошибкою утверждать,

что въ этотъ золотой вѣкъ римской литературы существовали поэты перваго разряда и дѣйствительно оригинальныя произведенія. Самыя совершенныя формы произведеній этихъ поэтовъ, во всемъ ихъ роскошномъ разнообразіи, не могутъ скрыть того факта, что въ нихъ есть лишь мало поэтической первобытности и истинной геніальности. Крупные римскіе поэты жили и въ другія эпохи. Эпосъ Эннія, описывавшій древніе римскіе подвиги, былъ совершенно другого склада и характера, нежели часто слабодушный набожный Эней Вергилія. Сатиры Луцилія по оригинальности и остроумію могутъ, конечно, соперничать съ сатирами Горація. Прозаики конца республиканской эпохи, по крайней мѣрѣ, равны писателямъ эпохи Августа. Въ чемъ же состоитъ, послѣ этого, своеобразное положеніе литературы золотого вѣка?

Никогда еще въ образованныхъ кругахъ Рима интересъ къ греческому искусству и его пониманіе не были такъ велики, какъ въ эпоху Августа. Во II в. до Р. Х. рабы, учителя и ученые распространили въ Римѣ знаніе греческаго языка и литературы. Въ послѣдующія поколѣнія многіе молодые римляне стали ѣздить въ Аѳины и въ Малую Азію, съ цѣлью слушать тамъ риторовъ и философовъ, и знаніе греческой литературы значительно распространилось. Но только въ эпоху Августа идеи грековъ стали настолько близки римлянамъ, что могли господствовать надъ умами. Поэты и виршеплеты эпохи Суллы и Цицерона были совсѣмъ безпомощны въ своихъ подражаніяхъ александрійскимъ поэтамъ. Лишь поэты временъ Августа сумѣли создать форму, соотвѣтствующую изображенію всевозможныхъ настроеній, изящную и въ тоже время благородную. Стихосложеніе и искусство композиціи поднялось весьма высоко, что было возможно, благодаря ознакомленію съ греческимъ искусствомъ. Однимъ словомъ, поэзія настолько воспользовалась греческими стихотвореніями, насколько Цицеронъ пользовался эллинской прозой. И это было величайшимъ успѣхомъ той эпохи. Поэты августова вѣка создали новую поэтическую рѣчь. Латинскій языкъ пріобрѣлъ способность выражать тончайшія особенности греческой поэзіи и сталъ соединять прелесть съ прежнимъ римскимъ достоинствомъ и мужествомъ. Въ этомъ смыслѣ, римская поэзія стала образчикомъ для поэзіи послѣдующихъ временъ, и сохранитъ это значеніе еще въ теченіе многихъ вѣковъ.

Сюда присоединилось одно обстоятельство, безъ котораго процвѣтаніе національной поэзіи вообще немыслимо. Образованіе и пониманіе поэтическихъ красотъ распространилось въ значительной мѣрѣ въ среднихъ классахъ населенія; оно стало доступнымъ для людей, прежде наслаждавшихся только „мимами“ и балетомъ. Когда одна изъ самыхъ прославленныхъ актрисъ, правда, уже бывшая любовницей тріумвира Антонія и поэта Корнелія Галла, прочла одну изъ идиллій Вергилія, то весь театръ всталъ, чтобы почтить скромнаго мантуанскаго поэта. Поэзія его была пріятна и знатнымъ, и простолюдинамъ. Отрывки изъ нея декламировали на пиршествахъ, и бравый ремесленникъ цитировалъ ее, какъ теперь порою цитируютъ Шиллера. Вообще слѣдуетъ назвать благопріятнымъ признакомъ развитія вкуса, что римскій народъ всего болѣе восторгался какъ-разъ самымъ нравственнымъ и идеальнѣйшимъ изъ римскихъ поэтовъ. Вообще, впрочемъ, по справедливому замѣчанію Фридлендера (въ его „Исторіи нравовъ“), массы гораздо скорѣе увлекаются возвышеннымъ и благороднымъ, нежели простонароднымъ. Какъ Шиллеръ, такъ и Вергилій доказываютъ это до очевидности. Конечно, здѣсь сдѣлала свое дѣло также школа, распространившая познаніе поэтическихъ произведеній Вергилія и его не менѣе популярныхъ сверстниковъ— Овидія и Проперція. А чего не сдѣлала школа, то было достигнуто модой, и для нея, въ свою очередь, руководителями были правящія сферы, императоръ и его ближайшіе сотрудники. Въ дѣйствительности, безъ живого интереса, выказаннаго самимъ Августомъ ко всѣмъ литературнымъ новостямъ, многое было бы, вѣроятно, забыто или же пользовалось бы меньшимъ почетомъ. Когда Августъ возвратился въ Италію и послѣ битвы подъ Акціумомъ, Меценатъ и Вергилій должны были прочесть ему цѣликомъ произведеніе Вергилія, относящееся къ сельскому хозяйству — Георгики. Горацій пользовался особымъ расположеніемъ Августа. Этотъ послѣдній придавалъ особое значеніе тому обстоятельству, чтобы его побѣда надъ Антоніемъ была возвеличена трагическимъ искусствомъ, и трагедія Варія „Тіестъ“, по словамъ Квинтиліана, выполнила эту задачу, давъ произведеніе, не уступавшее лучшимъ греческимъ драмамъ. Овидій былъ неутѣшенъ, когда утратилъ благосклонность двора, такъ какъ главнымъ его стремленіемъ было понравиться двору и императору. Съ какой аффектаціей Августъ обнаруживалъ

свое увлеченіе поэзіей, доказывается анекдотомъ объ одномъ греческомъ поэтѣ, который въ теченіе нѣсколькихъ дней все дарилъ императору новыя поэмы и, наконецъ, когда похвалилъ одно императорское стихотвореніе, получилъ сестерціумъ или 100 тысячъ сестерцовъ, т. е. 17.000 марокъ. Большія суммы были уплачены такимъ образомъ не однимъ Августомъ, но и его ближайшими преемниками — Тиверіемъ, Клавдіемъ, Веспасіаномъ.

Весьма существенно было также то обстоительство, что Августъ въ этомъ стремленіи всюду поддерживать и возвышать литературные таланты встрѣчалъ сочувствіе такихъ людей, каковы Меценатъ и Азиній Полліонъ. Нельзя назвать почти ни одного великаго поэта, который не былъ бы открытъ однимъ изъ этихъ покровителей. Не безъ основанія имя одного изъ нихъ, именно Мецената, вошло въ пословицу.

Слѣдуетъ, однако, принять во вниманіе, что для этихъ людей искусство было въ гораздо меньшей степени дѣломъ сердца, нежели разума. Меценатъ, какъ и его господинъ Августъ, былъ прежде всего дипломатомъ. Забота о литературѣ и пластическихъ искусствахъ служила для обоихъ дѣйствительнымъ средствомъ, имѣющимъ цѣлью примирить массу образованныхъ людей съ новымъ режимомъ. Подобно тому, какъ вновь построенные храмы заставили забыть о сооруженіяхъ республиканскихъ временъ, такъ же точно и поэтическія произведенія эпохи Августа должны были поставить въ тѣни всѣ предыдущія. Вмѣсто рѣчей на форумѣ, плѣнять должны были благороднѣйшія произведенія поэтовъ.

Эта намѣренность самымъ яркимъ образомъ проявляется въ частыхъ поэтическихъ намекахъ на высшее происхожденіе Юліева рода. Вергилій еще въ 30 г. до Р. Х. долженъ былъ украсить свою поэму о сельскомъ хозяйствѣ льстивымъ предисловіемъ, потребовавшимъ отъ Августа, чтобы онъ позволилъ помѣстить себя среди свѣтилъ небесныхъ. Еще раньше Вергилій прославлялъ Августа наравнѣ съ Аполлономъ (Эклога 4, 10). Энеида, по существу дѣла, была написана лишь для прославленія юліевой династіи. Шестая книга Энеиды, вслѣдствіе особаго прославленія въ ней династіи Цезарей, пользовалась особымъ расположеніемъ императора, и Августъ щедро вознаградилъ поэта, оставившаго послѣ смерти значительное состояніе—около 2 милл. марокъ. Метаморфозы Овидія заканчиваются апоѳеозомъ Цезаря, а восторженные

стихотворенія Горація въ честь Августа не уступаютъ прочимъ, хотя слѣдуетъ сказать правду, что они наиболѣе безкорыстны.

Считалось очевиднымъ, что поэты, которые были обязаны престолу своимъ богатствомъ и почестями, должны прославлять своихъ покровителей и милостивцевъ. Освѣщенные солнцемъ царскихъ почестей, поэты, образовавшіе родъ и литературнаго тріумвирата (Вергилій, Горацій, Овидій), могли оказать могущественное вліяніе на современниковъ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ Вергилій считалъ, что дѣлаетъ вполнѣ достаточно, если пишетъ идилліи во вкусѣ Ѳеокрита и сочиняетъ отшлифованные, но все же довольно скучные стихи поучительнаго содержанія о земледѣліи, воспѣвая въ гекзаметрахъ, какъ сѣять хлѣбъ, какъ смотрѣть за быками и за овцами.

Тогда Августъ самъ предложилъ ему задачу — воспѣть дѣла предковъ юліева рода и основателя Римскаго государства. Работа надъ этимъ произведеніемъ заполнила послѣднія 10 лѣтъ жизни Вергилія. (ум. въ 19 до Р. Х.). Вергилій далъ такимъ образомъ римлянамъ національный эпосъ, до извѣстной степени служившій замѣною гомерическихъ поэмъ. „Явилась поэма, превосходящая даже Иліаду“, пѣлъ Проперцій. Вергилій въ первой половинѣ Энеиды взялъ себѣ за образецъ Одиссею, во второй—Иліаду, вставивъ въ свою поэму разныя части изъ обѣихъ названныхъ поэмъ; но онъ былъ увѣренъ, что такимъ образомъ создалъ нѣчто весьма грандіозное.

Въ этомъ онъ, конечно, ошибался. Дѣла гомеровскихъ героевъ—нѣчто отличающееся отъ словъ Энея, и трудно представить себѣ большее различіе, чѣмъ то, какое существуетъ между народнымъ пѣвцомъ Гомеромъ и придворнымъ поэтомъ, расчленяющимъ въ кабинетѣ мысли Гомера. Тѣмъ не менѣе это произведеніе было любимымъ у тогдашнихъ образованныхъ людей, и многія нѣжныя размышленія, многія удачныя черты, списанныя съ природы, заслуживаютъ полнаго одобренія. Прежде всего, однако, слѣдуетъ отмѣтить чистоту сердца и изображеніе благородной женственности; эти черты заслужатъ расположеніе даже тѣхъ людей и поколѣній, которые давно перестали считать Вергилія крупнымъ эпическимъ поэтомъ.

Истиннымъ поэтическимъ талантомъ и многосторонностью превосходилъ его Горацій (65—8 до Р. Х.). Еще во время

ученья въ Аѳинахъ онъ перевелъ нѣсколько греческихъ одъ но составилъ себѣ имя своими сатирами, своеобразнѣйшимъ родомъ римскаго творчества. Энній, Луцилій и Варронъ были его образцами, и онъ не только достигъ того же совершенства, но и превзошелъ предшественниковъ. Сатиры и стихотворенія на случай, собранныя подъ именемъ эподъ, сдѣлали Горація извѣстнымъ всюду. Рекомендованный Вергиліемъ Меценату, онъ былъ введенъ въ кругъ самыхъ талантливыхъ поэтовъ и литературно-образованныхъ людей. Августъ впослѣдствіи чрезвычайно дорожилъ имъ и желалъ удержать при себѣ въ роли частнаго секретаря. Но эта благосклонность двора была для него менѣе опасна, чѣмъ для другихъ. Онъ всегда сохранялъ самостоятельность убѣжденія и свободу выраженія мнѣній.

Но какъ поэтъ, Горацій имѣлъ болѣе честолюбивые планы. Онъ не только хотѣлъ потѣшать образованныхъ людей остроумною болтовнею, но и желалъ добыть себѣ мѣсто среди величайшихъ лирическихъ поэтовъ. И ему удалось стать истолкователемъ греческихъ лириковъ и мастерски примѣнить ихъ форму къ латинской поэзіи. Съ успѣхомъ онъ стремился къ тому, чтобы создать нѣчто законченное въ отношеніи ритма и языка, и въ этой области его заслуги не подлежатъ спору. Но для того, чтобы стать великимъ лирикомъ, ему не хватало силы и теплоты чувства: онъ былъ черезчуръ резонеромъ. Превосходенъ онъ какъ пѣвецъ любви, дружбы и вина, въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ онъ тѣсно примыкаетъ къ знаменитымъ греческимъ лирикамъ — Анакреону, Сафо и Алкею. Онъ становится холоднымъ и дѣланнымъ, когда начинаетъ пѣть на банальныя религіозныя темы или когда притворяется набожнымъ. Менѣе всего удобочитаемы тѣ оды, въ которыхъ онъ воспѣваетъ своихъ покровителей, не щадя для этого красокъ. Но человѣческихъ красотъ все же весьма достаточно въ его произведеніяхъ, и онъ встрѣтитъ сочувствіе до тѣхъ поръ, пока мракъ варварства не уничтожитъ всякую культуру.

Къ нѣсколько младшему поколѣнію принадлежитъ Овидій (43—17 до Р. Х.).

Прославился онъ своими любовными пѣснями, восхитившими все тогдашнее высшее общество. Понравиться этому обществу было его главною задачей, высшей цѣлью. Прежняя простота римлянъ цѣнилась имъ мало.

Старое нравится многимъ. Счастливой судьбой я считаю
Ту, что рожденъ я теперь, къ чему я природой назначенъ.

Онъ писалъ для тогдашней золотой молодежи и его произведенія отличались сладкозвучностью и совершенствомъ формы. Его фантазія, выводившая нескромные образы подъ весьма легкимъ покрываломъ, давала сюжеты для театральныхъ представленій, съ пѣніемъ и пляскою. Въ любовныхъ элегіяхъ и въ родственныхъ имъ любовныхъ посланіяхъ знаменитыхъ женщинъ, однако, напрасно стали бы мы искать пережитаго. Его такъ часто воспѣваемая Коринна не можетъ быть найдена среди тогдашнихъ римскихъ красавицъ. Онъ умѣлъ мастерски подражать греческимъ образцамъ, какъ по языку, такъ и по отношенію къ ихъ заманчивой сладострастности. Великое и болѣе достойное совершено имъ въ его „Превращеніяхъ", представляющихъ собраніе любимѣйшихъ легендъ и сказокъ грековъ, отъ созданія міра и до апоѳеоза Цезаря. Впечатлѣніе, производимое этимъ множествомъ сказокъ и преданій, частью любовныхъ, частью фантастическихъ, частью изображающихъ невѣроятныя опасности, всюду однообразно, но утомительно. Но поэтическая сила, овладѣвшая такимъ богатствомъ матеріала, сдѣлавшая его порою удобочитаемымъ, порою даже привлекательнымъ, во всякомъ случаѣ изумительна. Изъ этого источника еще много вѣковъ черпали сюжеты для развлеченія. Аріостъ сдѣлалъ это сочиненіе своимъ образцомъ. Тяжкая судьба, постигшая поэта, его изгнаніе въ области подлѣ Чернаго моря, по повелѣнію Августа, въ 8 г. до Р. Х., исторгла изъ его души если не геніальнѣйшіе, то наиболѣе искренніе звуки.

Что касается элегическихъ произведеній, то въ этомъ родѣ поэзіи даже такого великаго мастера превзошли два тогдашнихъ поэта—Тибуллъ и Проперцій. Что касается Корнелія Галла, по свидѣтельству Квинтиліана, его элегіи были хуже, да сверхъ того этотъ жестокосердый намѣстникъ Египта (покончившій съ собою самоубійствомъ въ 25 г. до Р. Х.) конечно не отличался значительною глубиною чувства. Что касается только что названныхъ Тибулла и Проперція, они держались довольно далеко отъ оффиціальныхъ поэтовъ, пытавшихся заимствовать отъ двора больше блеска, чѣмъ сколько онъ былъ способенъ дать. Погибшій въ цвѣтѣ лѣтъ Тибуллъ прославлялся древними, какъ первый мастеръ въ области элегическаго творчества. Овидій утверждаетъ, что пѣсни нѣжнаго Тибулла будутъ читаться до тѣхъ поръ,

пока существуетъ любовь, и этимъ онъ достаточно уже охарактеризованъ. Многіе болѣе крупные поэты воспѣвали любовь и описывали ея пламень съ гораздо большей страстностью. Но искреннюю сердечную склонность никто такъ глубоко не чувствовалъ, никто не умѣлъ передать въ стихахъ такъ увлекательно, какъ Тибуллъ. Способность передавать въ сокровенныя радости и печали любви сближаетъ его съ Проперціемъ. Проперцій не такъ фриволенъ, какъ Овидій, но столько же пылокъ.

Достаточно лишь упомянуть о томъ, что въ этотъ классическій періодъ поэзія примѣнялась къ далеко не поэтическимъ сюжетамъ. Такъ Мацеръ, другъ Вергилія и Овидія, написалъ въ стихахъ дидактическое сочиненіе о птицахъ, Манилій 5 книгъ по астрологіи. Эти произведенія показываютъ, какъ значительно распространено было умѣнье излагать также абстрактные сюжеты звучными стихами и съ поэтической дикціей, но въ то же время служитъ указаніемъ на то, какъ живъ былъ въ то время интересъ къ наукѣ.

Вѣкъ Августа при развитіи научной прозы также не остался позади поэтическихъ произведеній. Въ общемъ, то былъ интересъ къ спеціальнымъ областямъ знанія. Прежде всего, опираясь на труды Варрона, процвѣтали грамматически-антикварныя произведенія, а съ ними и юридическія. Казалось, хотѣли спасти изъ-подъ развалинъ революціонной эпохи слѣды прежняго величія, и ревностно стремились собирать историческіе слѣды прежняго величія съ цѣлью ихъ разработки. Люди, подобные Валерію Флакку, воспитателю внуковъ Августа, и Хигинусу, библіотекарю Августа, были въ одно и то же время основательными знатоками латинскаго языка и римскихъ государственныхъ и частныхъ древностей и изложили свои знанія въ прекрасныхъ спеціальныхъ работахъ. Вообще дѣломъ моды было заниматься вопросами латинской грамматики или объясненіемъ римскихъ учрежденій. Относительно грамматическихъ подробностей диспутировали и Цезарь, и ученый помощникъ Цицерона, Маркъ Туллій Тиронъ. Даже Мессала писалъ о римскихъ древностяхъ. Отличные юристы, какъ, напр., Сервій Сульпицій, Квинтъ Элій Тубероnъ, Элій Галлъ, успѣшно трудились на литературномъ поприщѣ. Но прежде всего необходимо назвать основателей двухъ главныхъ юридическихъ школъ, Квинта Лаброна и Гая Капитона.

Совсѣмъ на второй планъ отступилъ въ это время интересъ къ философіи, къ естествознанію, къ медицинѣ и къ другимъ реальнымъ отраслямъ знанія. Сочиненія Витрувія объ архитектурѣ, поскольку они не являются толковымъ описаніемъ римскихъ построекъ, не представляютъ научнаго значенія. Обратно, вѣкъ Августа можетъ указать на многія превосходныя историческія сочиненія.

Съ вещественной точки зрѣнія, всего важнѣе было, конечно, произведеніе Азинія Полліона о междоусобныхъ войнахъ. Здѣсь умѣстно также назвать перваго автора римской всемірной исторіи, Трога Помпея. По совершенству формы всѣхъ историковъ Рима превосходитъ, однако, Титъ Ливій патавинскій (59 до Р. Х. — 17 послѣ Р. Х.). Какъ критикъ и знатокъ древностей, онъ, правда, стоитъ немногаго. Но онъ отличается живымъ стремленіемъ къ отысканію истины, даромъ изложенія, пониманіемъ исторически существеннаго. Главное его достоинство состоитъ въ искусной стилистической обработкѣ и риторическомъ, но все же привлекательномъ изложеніи.

Ливій былъ сыномъ риторическаго вѣка, преисполненнаго не тѣмъ краснорѣчіемъ, которое способно овладѣть толпою или управлять сенатомъ, но той вырождающейся декламаторской риторикой, которая стала модою въ спокойную эпоху Августа. Но за этой устарѣлой и отталкивающей риторикой скрывается благородное чувство. По справедливости, Сенека называетъ Ливія почитателемъ всѣхъ благородныхъ душъ. Эта нравственная подкладка и стилистическое совершенство изложенія обезпечиваютъ за Ливіемъ почетное положеніе среди людей, представляющихъ собою классическій періодъ римской литературы.

Для этой цвѣтущей эпохи литературы характерно учрежденіе въ Римѣ библіотекъ и возникновеніе обширной письменности. Азиній Полліонъ и Августъ основывали библіотеки и чрезвычайно благопріятствовали этимъ научнымъ трудамъ, дѣлая въ то же время все болѣе доступнымъ изученіе греческой литературы. Литературныя наклонности того времени особенно выразились въ дѣлѣ изданія римской хроники (Акта діурна попули романи). Это былъ родъ писанной газеты, содержавшей на-ряду со служебными сообщеніями и распоряженіями также сообщенія о семейныхъ событіяхъ.

Августъ, какъ возстановитель культа.

Въ завѣщаніи Августа, находящемся на Анцирскомъ памятникѣ, перечислены воздвигнутыя Августомъ сооруженія. Этой живой поддержкѣ архитектуры и вообще пластическихъ искусствъ Римъ обязанъ цвѣтущей эпохой своей художественной дѣятельности, принадлежащей къ самымъ прочнымъ созданіямъ Рима.

Одна сторона строительной дѣятельности Августа заслуживаетъ, однако, особаго упоминанія. Вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ Египта, въ 29 г. до Р. X., Августъ принялся за основательную реставрацію храмовъ. Болѣе 80 разрушенныхъ храмовъ были ремонтированы или выстроены вновь. Болѣе всего заботились о культѣ Аполлона, привившемся отъ грековъ, затѣмъ Венеры, которую особенно чтили, какъ мать Энея, наконецъ о культѣ Юпитера, Марса и Квирина.

Цѣлью Августа, который былъ весьма далекъ отъ наивной набожности, являлось усилить вѣру, уже весьма ослабѣвшую въ народныхъ массахъ и едва жизнеспособную, и сдѣлать попытку также въ высшихъ кругахъ, съ цѣлью привести ихъ къ почитанію національныхъ боговъ и косвеннымъ образомъ возвратить ихъ къ вѣрѣ отцовъ.

Такую цѣль имѣли и многія другія распоряженія Августа. Онъ добился того, что былъ принятъ во всѣ греческія коллегіи и добросовѣстно принималъ участіе во всѣхъ жертвоприношеніяхъ и засѣданіяхъ. Отъ знатныхъ фамилій требовали, чтобы онѣ заботились о сохраненіи семейныхъ капищъ.

Нельзя отвергать, что въ этихъ и многихъ другихъ распоряженіяхъ Августа было много разумнаго и благотворнаго, хотя самъ Августъ и былъ невѣрующимъ. Мѣры эти, очевидно, входили въ общій планъ нравственнаго и политическаго возрожденія. Въ томъ же смыслѣ были изданы законы, благопріятствовавшіе браку и скрѣплявшіе брачныя узы, дѣйствовавшіе противъ роскоши и обуздывавшіе развратъ; въ ту же сторону были направлены мѣры, имѣвшія цѣлью поднятіе значенія культа. Можно лишь сказать, что Августъ въ этомъ отношеніи черезчуръ полагался на могущество законодательства.

Но своими реформами культа Августъ преслѣдовалъ еще совсѣмъ иныя цѣли. Основываясь на примѣрѣ востока и

нѣкоторыхъ провинцій, гдѣ существовало обоготвореніе монарховъ, уже до него нѣкоторые римляне пытались распространить и укрѣпить въ массахъ вѣру въ свое божественное происхожденіе. Секстъ Помпей требовалъ для себя отъ флотскихъ солдатъ обоготворенія, выдавая себя за Нептуна. Антоній увѣрялъ, что онъ сынъ Геркулеса, и заставлялъ покланяться себѣ, какъ богу Бахусу, въ процессіяхъ. Цезарь и Августъ придавали большое значеніе родословной Юліева рода и происхожденію его отъ богини Венеры. Августъ былъ очень доволенъ, когда придворные поэты прославляли его какъ бога и называли его Аполлономъ или помѣщали его, какъ божественнаго Августа, посреди звѣздъ.

Сознательное стремленіе добыть себѣ и своему роду божескія почести побудило Августа прежде всего распространить свой культъ въ провинціяхъ. Важнѣйшіе города Египта, Сиріи и Малой Азіи соперничали въ оказаніи ему божескихъ почестей. Все болѣе и болѣе имя Августа наряду съ Ромой, т. е. съ именемъ Рима, становилось символомъ политическаго возрожденія римскаго государства, его правъ, вѣры и цивилизаціи. Но и западъ не отставалъ отъ востока. Въ Ліонѣ былъ воздвигнутъ алтарь Ромы (т. е. Рима) и Августа. Ежегодно сходились туда представители 50 галльскихъ народностей, съ цѣлью засвидѣтельствовать свою преданность императорскому культу и политическому верховенству государства. Почитаніе императора, какъ бога, должно было явиться связующимъ звеномъ, соединявшимъ между собою различнѣйшія племена; оно должно было придать свѣтской власти въ глазахъ народа ореолъ, котораго она была лишена въ обыденной жизни. Алтарь, сооруженный въ Таррако, былъ средоточіемъ почитанія императора въ Испаніи; алтарь, сооруженный въ нынѣшнемъ Кельнѣ (въ странѣ убіевъ), объединялъ культъ германскихъ племенъ. Даже въ нѣкоторыхъ городахъ Италіи, Августъ устроилъ для себя божественный культъ. При его жизни уже существовали, особенно въ основанныхъ имъ колоніяхъ, жрецы и храмы Августа.

Болѣе щепетильнымъ оказался Августъ въ самомъ Римѣ. Но и вообще онъ обнаруживалъ всюду хитрый разсчетъ, устраивая такъ, что многое ему навязывали и онъ долго отказывался какъ разъ отъ того, что было предметомъ его пламенныхъ желаній. Тѣмъ не менѣе, все его правленіе было проникнуто одной общей мыслью, и едва-ли онъ преслѣдовалъ какую-либо иную цѣль болѣе упорно, нежели эту. До-

казательство можетъ быть приведено документальное, а именно основанное на многочисленныхъ каменныхъ стѣнныхъ календаряхъ, сохранившихся отъ той эпохи. Первоначально дни побѣдъ и памятныхъ событій изъ жизни Цезаря и его собственной только отмѣчались, причемъ устраивались частныя торжества. Но когда (въ 12 г. до Р. Х.) Августъ принялъ на себя должность главнаго понтифекса, то онъ предпринялъ календарную реформу, имѣвшую весьма важныя послѣдствія.

Подобно тому, какъ седьмой мѣсяцъ получилъ имя іюля отъ Юлія,—восьмой мѣсяцъ, прославленный главными побѣдами Августа, былъ названъ его именемъ. Но прежде всего 16 памятныхъ дней императорскаго дома были сдѣланы общественными праздничными днями. Со временемъ эти новые праздники должны были одержать верхъ надъ старинными, большею частью устарѣлыми, и стали общими для всей имперіи праздничными днями. Такимъ образомъ календарь сталъ объединяющимъ элементомъ среди необычайнаго разнообразія культовъ, и праздники получили всемірное значеніе. Когда былъ возстановленъ также культъ домашнихъ божествъ (Ларъ) при жизни Августа, его геній уже сталъ почитаться какъ геній-хранитель города. По смерти Августа пали послѣднія преграды, препятствовавшія его обоготворенію. Августъ былъ торжественно объявленъ богомъ (*дивусъ*), два храма были ему сооружены въ Римѣ. Коллегія августовыхъ жрецовъ (*августалесъ*) была учреждена въ Римѣ и всюду послѣдовали примѣру столицы.

Это увѣнчаніе зданія, которому способствовали политики, прорицатели, поэты и льстецы, показываетъ правда, что великій организаторъ Римской имперіи былъ хитрымъ политикомъ, умѣвшимъ, однако, отлично пользоваться людскою подлостью, низкопоклонствомъ и глупостью, а также спекулировать на ограниченность массъ. Но въ то же время мы отсюда усматриваемъ предѣлы возможнаго для этой актерской натуры. Человѣкъ настолько мало религіозный или даже совершенно нерелигіозный, какимъ былъ Августъ, не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о силахъ, возбуждаемыхъ истинною религіозностью, и о благословеніяхъ, которыя она съ собою приноситъ. Было бы величайшимъ заблужденіемъ предположить, что помощью повелѣній, данныхъ свыше, онъ можетъ привить народу религіозность. Временно, конечно, можно внѣшнимъ образомъ утвердить авторитетъ жрецовъ, властей,

свѣтскихъ и церковныхъ распоряженій. Но, рано или поздно, всегда наступитъ реакція. И если религія великой міровой державы была построена на такомъ шаткомъ основаніи, то это, конечно, является обстоятельствомъ, крайне неблагопріятнымъ. Усовершенствованная система лести, самая недостойная обрядность, основанная на обоготвореніи человѣка, таковъ былъ результатъ! Религіозный нигилизмъ высшихъ сословій быстро проявляется во всей своей отвратительной наготѣ, въ полной моральной извращенности. Низшія сословія, которыхъ нужда заставляла искать лучшаго утѣшенія, ухватились за отвратительнѣйшія проявленія восточныхъ культовъ. Лишь послѣ продолжительныхъ блужданій къ народу возвратилось религіозное чувство. Подобно Наполеону, разсматривавшему религію, какъ товаръ, Августъ со своими религіозными нововведеніями потерпѣлъ полнѣйшее фіаско.

Римскія сословія въ императорскую эпоху.

Бросимъ еще бѣглый взглядъ на сословія, изъ которыхъ тогда состоялъ римскій народъ. Римская исторія проникнута съ начала до конца аристократическимъ вѣяніемъ. Сословіе, добытое рожденіемъ, передавалось по наслѣдству потомкамъ, и лишь рѣдко удавалось перейти изъ низшаго сословія въ высшее. Сенаторское сословіе рѣзко отдѣлялось отъ всадниковъ, всадники отъ плебеевъ, свободные отъ вольноотпущенныхъ. То же оставалось и въ императорскія времена, лишь съ тѣмъ различіемъ, что положеніе отдѣльныхъ классовъ населенія со временемъ измѣнилось.

Республиканскій сенатъ былъ въ сущности сословіемъ чиновниковъ. Къ нему принадлежали всѣ старинные патриціанскіе роды, а также потомки семействъ плебеевъ, занимавшіе съ 366 г. до Р. Х. высшія должности. Въ императорскую эпоху, названія и функціи прежнихъ республиканскихъ должностей сначала оставались безъ перемѣны. Но въ то время, какъ постепенно измѣнились порядки въ государствѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилась и физіономія сената. Прежде всего прекратился выборъ сенаторовъ народомъ. Императоръ указывалъ угодныхъ ему кандидатовъ, участіе народа при Августѣ стало лишь формальнымъ, а при Тиверіи было попросту устранено. Власть этихъ прежнихъ учрежденій и значеніе прежнихъ организацій постоянно убывали, имъ былъ

предоставленъ лишь прежній блескъ. Свое прежнее военное положеніе они совсѣмъ утратили. Консулы еще предсѣдательствовали въ сенатѣ и имѣли участіе въ юрисдикціи, въ особенности же на нихъ была возложена тяжелая обязанность устраивать дорого стоющія игры. Тѣмъ не менѣе всѣ стремились къ консулату. Чтобы удовлетворить этому честолюбію, устраивали такъ, что порою было по четыре пары консуловъ въ годъ, а иногда даже болѣе. Нѣчто подобное происходило и съ другими республиканскими должностями. Ихъ число и внѣшній почетъ, имъ оказываемый, даже увеличились, но компетенція уменьшилась.

Изъ этихъ чиновниковъ, какъ и прежде, вербовался составъ сената и засѣданіе въ куріи еще считалось весьма желательнымъ для членовъ знатнаго рода. Но императоры пополнили составъ сената еще другими элементами. Прежде всего былъ введенъ сенаторскій цензъ въ милліонъ (малыхъ) сестерцій (200.000 марокъ). Этимъ способомъ удалось частью исключить изъ куріи обѣднѣвшія республиканскія фамиліи, частью дать правоспособность людямъ состоятельнымъ, хотя и низшаго происхожденія. Впрочемъ обращали вниманіе на свободное состояніе. Элементъ вольноотпущенныхъ, уже пріобрѣвшій значительное вліяніе, еще не всюду допускался. Да и провинціалы въ началѣ христіанской эры не могли еще достичь пріема въ тѣ или иныя корпораціи. Посредствомъ цѣлаго ряда законодательныхъ опредѣленій, Августъ добился того, что сенаторское сословіе было отдѣлено отъ другихъ рѣзче прочихъ. Не только самъ сенаторъ, но и его сыновья носили туники съ узкою пурпурною полосою, и это почетное отличіе оставалось у нихъ и во время службы въ войскѣ. Строго воспрещался членамъ этого сословія бракъ съ вольноотпущенными, точно также законодательныя опредѣленія возбраняли имъ оптовую торговлю. Эта послѣдняя была монополіей всадниковъ.

Къ этому второму сословію въ римской имперіи принадлежали всѣ неопороченные граждане, обладавшіе состояніемъ по крайней мѣрѣ въ 400.000 сестерцій. Они отличались туникой съ широкой пурпурной полосою и золотымъ кольцомъ. Какъ въ республиканскій періодъ, такъ и теперь, члены сословія всадниковъ играли роль при взиманіи государственныхъ доходовъ. Порознь, или соединенные въ общества, они брали на откупъ подати и также на косвенные налоги въ провинціяхъ и уже этимъ составляли противоположность

классу чиновниковъ, т. е. знати. Среди всадниковъ выдающееся положеніе занимали тѣ, которые получали лошадь на государственный счетъ (эквитесъ экво публико). Это былъ кругъ молодыхъ людей, доставлявшій императорамъ матеріалъ, откуда вербовались особые чиновники. Для занятія должностей префекта гвардіи, полицейскаго префекта, префекта въ италійскихъ общинахъ, прокураторовъ въ малыхъ провинціяхъ, чиновниковъ императорской канцеляріи, кассы, архива—всюду вербовали кандидатовъ изъ сословія всадниковъ, послѣ того какъ они, на ряду съ сыновьями сенаторовъ, послужили въ роли военныхъ трибуновъ. Также юридическія занятія были необходимымъ предварительнымъ условіемъ занятія этихъ должностей.

Отъ этого сословія императорскихъ чиновниковъ, блескъ которыхъ въ III и IV в. превзошелъ блескъ сенаторскихъ чиновниковъ, были отдѣлены подчиненные служащіе, выходившіе изъ сословія вольноотпущенныхъ. Однако существовали и нѣкоторыя весьма важныя вліятельныя должности, въ особенности же должность тайнаго секретаря императора и нѣкоторыя другія, которыя также попали въ руки вольноотпущенныхъ.

Уже къ концу республиканскаго періода, значеніе этого четвертаго сословія выступаетъ на первый планъ, не затмеваясь ролью, которую играли сенаторы, всадники и прочіе свободнорожденные. Очень часто это были искусные восточные люди, приносившіе не малую пользу въ роли ремесленниковъ, поваровъ, учителей, ученыхъ совѣтниковъ, какимъ былъ, напр., вольноотпущенный Тиронъ у Цицерона, и такіе люди часто получали отъ своихъ господъ свободу изъ разсчета или же ради благодарности. Иногда устраивали такъ, что раба отпускали на волю съ тѣмъ, что, основывая самостоятельное дѣло, онъ долженъ былъ платить извѣстные проценты. Въ знатныхъ сферахъ придавали особое значеніе тому обстоятельству, чтобы имѣть какъ можно болѣе кліентовъ и вольноотпущенныхъ.

Уже въ послѣдніе вѣка республики вольноотпущенные не только играли роль въ обществѣ, но и стремились къ политической роли. Ихъ вліяніе еще усилилось въ императорскую эпоху. Какъ чудовищно было въ то время ихъ число въ Римѣ, видно изъ того, что еще теперь можно отыскать по Аппіевой дорогѣ огромныя кладбища *либертиновъ*, т. е. вольноотпущенныхъ. Въ 19 г. 4000 вольноотпущенныхъ

были отправлены на одну Сардинію за приверженность къ іудейскому и египетскому культу. Если принять во вниманіе, что въ Римѣ поселялись также свободные жители разныхъ восточныхъ провинцій, и что они, естественно, вступали въ близкое общеніе съ земляками вольноотпущенными, — при чемъ тѣ и другіе занимались нерѣдко крупными денежными дѣлами, — то станетъ ясно, что вліяніе вольноотпущенныхъ становилось неудобнымъ, а порою, и прямо опаснымъ. Одинъ писатель конца 2 в. говоритъ, что въ Римъ переселились населенія цѣлыхъ провинцій, какъ напр., Каппадокіи и Понта.

Сюда присоединяется то обстоятельство, что эти классы населенія, благодаря своей оборотливости и безсовѣстности, принадлежали къ самымъ состоятельнымъ. Ювеналъ говоритъ объ одномъ богатомъ вольноотпущенномъ изъ Месопотаміи, что его 5 лавокъ приносили столько-же ежегодно, сколько требовалось для ценза всадника; а нерѣдко вольноотпущенные достигали богатства гораздо худшими способами, напр., поддѣлкою духовныхъ завѣщаній. Тацитъ жалуется, что при процвѣтаніи вольноотпущенныхъ, свободные плебеи все болѣе и болѣе исчезаютъ.

Многочисленныя колоніи, основанныя Цезаремъ и Августомъ, особенно въ западныхъ провинціяхъ, правда, значительно способствовали расширенію римскаго права гражданства и, какъ показываетъ примѣръ апостола Павла, даже въ азіатскихъ провинціяхъ ко времени Рождества Христова, многіе получили право гражданства. Но на настоящихъ провинціаловъ, римлянинъ того времени все еще смотрѣлъ съ чрезвычайнымъ высокомѣріемъ. Правящіе же круги весьма неохотно расширяли право гражданства. Самъ Августъ, въ своемъ политическомъ завѣщаніи, совѣтовалъ быть не расточительными въ раздачѣ гражданскихъ правъ. Однако уже нѣкоторые изъ его преемниковъ, какъ напр., Клавдій и Веспасіанъ, предоставили право гражданства нѣкоторымъ западнымъ провинціямъ, а отдѣльныя выдающіяся лица изъ Греціи и Малой Азіи встрѣчаются уже въ эпоху Августа, какъ члены сословія всадниковъ. Около середины 2 в. мы находимъ людей также изъ восточныхъ провинцій въ роли важныхъ чиновниковъ и въ сенатѣ.

Благородные Антонины были совсѣмъ въ иномъ смыслѣ проникнуты космополитическими стремленіями, нежели специфическіе аристократическіе императоры юліево - клавдіева

рода. Когда, наконецъ, были устранены послѣднія преграды между итало-римлянами и провинціалами, то знаменитый законъ Каракаллы (212 г.) сдѣлалъ отсюда прямой выводъ, т. е. предоставилъ всѣмъ свободнымъ право гражданства. Вмѣстѣ съ этимъ, весь цивилизованный міръ сталъ отечествомъ римскихъ гражданъ, и отдаленнѣйшіе жители провинцій стали пользоваться всѣми преимуществами римскаго гражданства. Но это юридическое уравненіе правъ было лишь естественнымъ послѣдствіемъ постепеннаго этническаго слiянія римлянъ съ другими народностями обширной державы.

Рѣшеніе вопроса объ исчезновеніи спеціально римскихъ доблестей очень просто и сводится къ тому, что древнеримскій этническій элементъ былъ близокъ къ исчезновенію. Покореніе Средной и Южной Италіи, вообще, привлекло къ смѣшенію крови съ близко-родственными племенами, но уже покореніе сѣверно-италійскихъ кельтовъ ввело нѣсколько болѣе отдаленный элементъ. Близорукіе люди говорятъ обыкновенно о систематическомъ истребленіи кельтовъ на сѣверѣ Италіи, и перестаютъ затѣмъ интересоваться кельтами. Но въ исторіи Стараго Свѣта нельзя указать ни одного вполнѣ достовѣрнаго случая совершеннаго истребленія какого-либо народа. На самомъ дѣлѣ, въ худшемъ случаѣ, истреблялись, или обыкновенно, уводились въ рабство всѣ мужчины, женщинъ же присваивали побѣдители и вступали съ ними въ связи. Такимъ образомъ, кровь римлянъ смѣшалась съ этруско-кельтическою. Уже послѣ второй пунической войны этническій составъ римскаго народа сталъ значительно измѣняться—тѣмъ значительнѣе, что первичный римскій элементъ, численно, былъ весьма ничтоженъ. Онъ могъ, пожалуй, наложить печать на родственные народы: но способность къ ассимиляціи, какъ и всякая другая, имѣетъ гдѣ-либо свои предѣлы. Во всякомъ случаѣ, она проявлялась тѣмъ слабѣе, чѣмъ многочисленнѣе и чѣмъ болѣе чужды римлянамъ были другія, имѣвшія съ ними дѣло національности. Тотъ же естественный законъ, которому римскій народъ былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ, причинилъ и его погибель. У римлянъ, поселившихся въ Африкѣ послѣ паденія Карѳагена, и даже усвоившихъ тамъ пуническій языкъ, не обошлось безъ смѣшенія съ семитами и хамитами. На о-вѣ Сициліи жило смѣшанное населеніе уже въ эпоху римскаго завоеванія. На Сардиніи жили частью финикійскіе,

частью иберійскіе туземцы. Корсика была этрускою. Съ сѣверными кельтами граничили лигурійцы, въ Испаніи жили не-арійскіе иберы, на Балеарскихъ о-вахъ издавна поселились кареагеняне. Изъ всѣхъ этихъ странъ привозились въ Римъ рабы, и точно также римляне пріѣзжали туда и вывозили оттуда женщинъ. Еще значительнѣе стало смѣшеніе, когда римляне обратились на востокъ. Здѣсь они сталкивались съ эллинами, съ иллирійцами, македонянами и еракійцами; далѣе, со множествомъ малоазіатскихъ племенъ, большею частью, со времени македонскаго завоеванія, говорившихъ по гречески, но принадлежавшихъ къ самымъ различнымъ племенамъ. Отсюда прибывала въ Римъ масса рабовъ обоего пола и, конечно, слѣдовало ожидать, что римскій типъ, какъ физическій, такъ и нравственный вскорѣ исчезнетъ. Маленькая кучка людей задалась цѣлью покорить средиземно-морскія страны, и это ей удалось. Благодаря этому, римляне распространились на весьма обширной географической области, и необходимо должны были исчезнуть, раствориться въ массѣ, съ которою они смѣшались. Истинное пониманіе культурнаго развитія Рима основано на знаніи, что римляне, въ эпоху Цезаря, были этнически другимъ народомъ, нежели при введеніи республики. Это этническое различіе объясняетъ тайну прежнихъ нравственныхъ началъ, прежнихъ римскихъ доблестей. Римляне, какъ племя, были поглощены. Безъ сомнѣнія, это этническое превращеніе повлекло за собою превращеніе психическихъ особенностей, и этотъ грандіозный процессъ продолжался въ болѣе крупномъ масштабѣ въ императорскую эпоху.

Эллинско-римская философія.

(Добавленіе русскаго изданія).

Исторія философской мысли слишкомъ часто разсматривалась съ узкой идеалистической точки зрѣнія, для которой она представляется исключительно преемственностью системъ, якобы вытекающихъ одна изъ другой по неизбѣжнымъ, чисто логическимъ законамъ. При такой точкѣ зрѣнія, исторія философіи, правда, пріобрѣтала значительную стройность, но за то истинные мотивы тѣхъ или иныхъ міросозерцаній совершенно не выяснялись ею. Вмѣстѣ съ тѣмъ открывалось чрезвычайно обширное поле для какихъ угодно теоретическихъ построеній, столько же бездоказательныхъ, сколько трудно опровержимыхъ. Лишь такой способъ писанія исторіи философіи и вообще исторіи мысли могъ привести къ построеніямъ, вродѣ тѣхъ, какія мы встрѣчаемъ у нѣмецкихъ теологовъ, которые выводили христіанство изъ философіи Сенеки, вмѣсто того, чтобы понять, что философъ, подобный Сенекѣ, могъ быть лишь тѣмъ, чѣмъ онъ дѣйствительно былъ—представителемъ богатыхъ классовъ римскаго общества, тогда какъ первоначальное христіанство обращалось по преимуществу къ неимущимъ и къ рабамъ. Полнѣйшее игнорированіе жизни интересовъ различныхъ классовъ составляетъ характерную особенность большинства историковъ философіи и лишь въ послѣднее время, подъ вліяніемъ теоріи, получившей названіе историческаго матеріализма, явились попытки связать исторію философіи съ исторіей различныхъ классовъ.

Особенно поучительною является въ этомъ случаѣ исторія философской мысли въ Римѣ. Дѣйствительно, еще задолго до того, какъ явилось направленіе, клонящееся къ матеріалистическому объясненію исторіи, всѣ вообще писатели, изучавшіе исторію Рима, поняли, что въ ней огромную роль играла классовая борьба. Ни у одного народа древно-

сти эта борьба не принимала такихъ рѣзкихъ формъ и не являлась факторомъ, до такой степени стоящимъ на первомъ планѣ, какъ у римлянъ. Поэтому уже апріорно слѣдовало бы ожидать, что и въ исторіи философіи отразится противоположность римскихъ классовъ. Слѣдуетъ, однако, помнить, что у римлянъ не было самостоятельной философіи: философію, какъ и науку и искусство, они заимствовали у грековъ: поэтому неудивительно, что въ философской мысли римлянъ должны были отразиться черты не только ихъ собственной, но и греческой общественности. И тѣмъ не менѣе изъ матеріала греческой философіи Римъ выбиралъ лишь то, что было пригодно для его собственнаго общественнаго строя. Въ виду этого едва-ли умѣстно отдѣлять исторію римской философіи отъ исторіи философской мысли грековъ. Римская философія, болѣе чего либо-другого, является лишь „отраженіемъ греческой мысли въ римскомъ государствѣ".

Въ эпоху римскаго владычества эллинизмъ все болѣе и болѣе утрачивалъ значеніе греческой національной культуры и въ то же время все болѣе и болѣе пріобрѣталъ всемірное значеніе: но именно это обстоятельство, зависящее отъ разложенія греческой общественности и отъ утраты греками ихъ политической самостоятельности, чрезвычайно благопріятствовало распространенію греческой философіи среди образованныхъ римлянъ. Тому же способствовало и другое обстоятельство: перемѣщеніе въ греческой философіи центра тяжести философіи изъ теоретической области въ практическую. Справедливо утверждаютъ, что римляне, при сравнительно малой склонности къ умозрѣнію, отличались значительно развитымъ практическимъ духомъ. Но самое это развитіе было не столько плодомъ такъ наз. національныхъ особенностей, сколько результатомъ всего соціальнаго строя римлянъ. Какъ мало можно отнести греческую философію на счетъ однѣхъ *племенныхъ* особенностей, доказываетъ примѣръ Спарты, которая во всякомъ случаѣ была по крови ближе Аѳинамъ, нежели Риму, а между тѣмъ въ области философіи заимствовала у Аѳинъ менѣе, нежели римляне. Даже дорійскіе философы не были изъ Спарты и многіе изъ нихъ писали на іонійскомъ діалектѣ [1]).

[1]) Съ другой стороны, когда въ Спартѣ явился аграрный вопросъ въ острой формѣ, одинъ изъ ея царей подчинился вліянію философа Сфэра и дѣйствовалъ приблизительно въ томъ же духѣ, какъ и знакомые съ греческой философіей Гракхи.

Изъ всѣхъ философскихъ системъ Греціи ни одна въ такой степени не подошла къ римскому характеру, какъ стоицизмъ. Не мѣшаетъ поэтому напомнить о происхожденіи и основныхъ началахъ этого ученія, и это тѣмъ болѣе важно, что ученіе стоиковъ до сихъ поръ часто изображается въ прикрашенномъ видѣ.

Прежде всего важно принять во вниманіе то обстоятельство, что стоицизмъ, даже въ его первоначальной эллинской формѣ, далеко не является такимъ чисто эллинскимъ продуктомъ, какъ, напр., ученіе Платона или Аристотеля. Стоиками были по большей части мыслители не чисто-эллинскаго или даже чисто-восточнаго происхожденія, однако, достаточно вкусившіе эллинской культуры. Этотъ смѣшанный характеръ происхожденія стоицизма самъ по себѣ уже благопріятствовалъ усвоенію стоицизма представителямъ всемірной римской державы. Далѣе необходимо помнить, что стоицизмъ имѣетъ мало общаго съ тѣми бодрыми и полными жизни философскими системами, которыя являлись въ эпоху наивысшаго процвѣтанія Греціи. *Стоицизмъ есть философія эпохи упадка*, и на немъ значительно отражаются слѣды этой печальной эпохи. Но и въ Римѣ, въ эпоху, когда греческая философія впервые стала здѣсь въ значительной степени распространенною, мы присутствуемъ уже при началѣ конца, т. е. видимъ начало разложенія тѣхъ устоевъ, на которыхъ была построена вся римская республика.

Основателемъ стоицизма былъ Зенонъ изъ Китія, съ о-ва Кипра, по всей вѣроятности, семитъ или, по крайней мѣрѣ, имѣвшій значительную примѣсь семитической крови. Онъ долго слушалъ разныхъ аѳинскихъ философовъ, а именно сначала циника Кратета, затѣмъ мегарца Стильпона и, наконецъ—учениковъ Платона, Ксенократа и Полемона. Такимъ образомъ онъ имѣлъ случай тщательно взвѣсить и комбинировать различныя эллинскія ученія. Но его собственное ученіе вовсе не является прямымъ продолженіемъ или завершеніемъ предыдущихъ. Открывъ въ концѣ IV в. до Р. Х. свою собственную школу въ *Стоа пойкиле* (или по греч. произношенію Стоа пикили), т. е. въ узорномъ портикѣ, Зенонъ уже съ самаго начала выставилъ положенія, чуждыя греческой національной философіи, которая, даже въ лицѣ своихъ двухъ величайшихъ представителей, Аристотеля и Платона, никогда не смѣшивала эллина съ варваромъ и свободнаго съ рабомъ. У Зенона мы видимъ, во-первыхъ, явную космо-

политическую тенденцію, свойственную тѣмъ изъ народовъ Востока, у которыхъ рано развилась торговля (онъ и самъ былъ купцомъ), съ другой стороны, въ философіи Зенона уже замѣтны явныя религіозныя тенденціи въ такомъ видѣ, въ какомъ мы напрасно стали бы искать ихъ даже у Платона, не говоря уже объ Аристотелѣ.

Въ Римъ стоицизмъ проникъ главнымъ образомъ черезъ посредство Панеція Родосскаго. Этотъ философъ, жившій съ 180 по 110 до Р. Х., былъ другомъ и руководителемъ Лелія и Сципіона Младшаго. Послѣдняго онъ сопровождалъ въ составѣ посольства въ Александрію и впослѣдствіи достигъ главенства въ Аѳинской школѣ. По Цицерону главное его сочиненіе было „О надлежащемъ“. Панецій значительно способствовалъ возвышенію стоической школы въ общественномъ мнѣніи и ея успѣху въ Римѣ. Смягчивъ рѣзкость первоначальнаго ученія, соединивъ его отчасти съ ученіемъ Платона, частью же съ теоріями Аристотеля, Панецій, по замѣчанію Виндельбанда, сблизилъ философію Стои съ вопросами общаго образованія и приспособилъ къ требованіямъ римскаго государства.

Его современникъ Боэцій или Боэтъ Сидонскій, какъ показываетъ уже его прозвище, былъ восточнаго происхожденія. Изъ того обстоятельства, что онъ въ области психологіи и богословія старался быть свободомыслящимъ и отчасти усвоилъ мнѣнія Аристотеля—изъ этого уже ясно стремленіе примкнуть къ философской традиціи. Его преемникомъ былъ снова философъ восточнаго происхожденія, Посидоній изъ Сиріи. Этотъ философъ въ значительной мѣрѣ способствовалъ распространенію стоицизма въ Римѣ. Римская молодежь нарочно пріѣзжала въ Родосъ слушать его.

Но въ особенности распространился въ Римѣ стоицизмъ въ эпоху императоровъ. И это вполнѣ понятно по соціальнымъ условіямъ того времени. Національные римскіе идеалы перестали удовлетворять мыслящихъ людей. На мѣсто классовой розни между плебсомъ и патриціями,—розни, порою опасной для цѣлости государства, но всегда устранявшейся, когда Риму грозилъ слишкомъ опасный внѣшній врагъ,—теперь выступила на первый планъ рознь между рабовладѣльцами и рабами, и самыя основы національнаго государства были расшатаны, какъ присоединеніемъ къ Риму многочисленныхъ иноплеменныхъ провинцій, такъ и частыми возстаніями угнетенныхъ рабовъ и цѣлыхъ народовъ. При

такихъ условіяхъ, настроеніе высшихъ классовъ римскаго общества, несмотря на значительное различіе въ политическихъ условіяхъ, отлично гармонировало съ настроеніемъ грековъ въ періодъ утраты ими національной самостоятельности. Сенека, Эпиктетъ, Маркъ Аврелій являются типичными представителями этой эпохи. Изъ нихъ Эпиктетъ—не римлянинъ, а вольноотпущенникъ, бывшій раньше рабомъ другого вольноотпущенника, стало быть рабъ раба—типичный представитель класса, всего болѣе характеризующаго положеніе тогдашняго римскаго общества. Остальные, Сенека, Маркъ Аврелій—римскіе аристократы. Сенека былъ въ частной жизни человѣкомъ, заслуживающимъ самаго строгаго приговора и лишь полная неспособность нѣкоторыхъ историковъ отличать показное благочестіе и тѣ приступы раскаянія, которые свойственны даже самымъ дурнымъ и лицемѣрнымъ людямъ, отъ истиннаго энтузіазма,—лишь такая близорукость историковъ могла утвердить мнѣніе о духовномъ родствѣ Сенеки съ первыми христіанами. То же въ значительной степени слѣдуетъ сказать и о многихъ другихъ стоическихъ философахъ. Безспорно, между ними встрѣчались и болѣе чистые и даже возвышенные характеры, какимъ былъ, напр., Маркъ Аврелій. Но и его философія, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается имѣющею лишь чисто внѣшнее сходство съ первоначальнымъ христіанствомъ. Стоитъ вспомнить, что философскій трудъ Марка Аврелія носитъ заглавіе: „Къ самому себѣ“, чтобы понять радикальное отличіе этой философіи, выражающей чувства и воззрѣнія римскаго аристократа, отъ демократическаго первоначальнаго христіанства. Христіанскіе проповѣдники первыхъ вѣковъ, еще не проникшіеся духомъ анахоретства, помышляли не столько о собственномъ спасеніи, сколько о спасеніи цѣлыхъ народовъ. Ихъ дѣятельность была существенно общественною, они не замыкались въ своихъ собственныхъ, хотя бы благороднѣйшихъ чувствахъ. Если искать среди представителей стоицизма людей, могущихъ выдержать какую-либо параллель съ христіанскими проповѣдниками, то намъ придется обратиться не къ императорамъ и государственнымъ людямъ, и даже не къ вольноотпущенному Эпиктету, а къ тѣмъ своеобразнымъ представителямъ цинической философіи, которые появились въ разныхъ городахъ обширной Римской имперіи, но по преимуществу на родинѣ цинизма, въ Греціи. Таковъ, напр., современникъ Сенеки Деметрій, затѣмъ проповѣдникъ вре-

менъ Адріана, Эномай гадарскій и, наконецъ, Демонактъ. Все это были странствующіе философы или проповѣдники, до нѣкоторой степени похожіе на древнихъ циниковъ и на позднѣйшихъ нищенствующихъ монаховъ, переходившіе изъ города въ городъ, чванившіеся своими лохмотьями и проповѣдывавшіе отреченіе отъ языческой цивилизаціи, но не дававшіе взамѣнъ ея никакого положительнаго идеала, чѣмъ они радикально отличались отъ христіанскихъ проповѣдниковъ.

Въ противоположность христіанству, съ его идеей вселенской церкви, стоицизмъ итличается существенной индивидуалистической тенденціей. Эта тенденція отличаетъ стоицизмъ и отъ ученія Сократа, и хотя уже у Сократа, а въ особенности у Платона, нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ аристократическихъ тенденцій, но нигдѣ они не проявляются съ такою силою, какъ въ римскомъ стоицизмѣ.

Ученіе Сократа клонилось къ тому, чтобы научить людей, какъ жить съ людьми. Идеалъ стоиковъ состоитъ въ созданіи человѣка, совершенно свободнаго отъ всякихъ вліяній окружающаго. Задачу эту преслѣдовалъ уже древній демократическій цинизмъ, особенно рѣзко выразившійся въ жизни Діогена. Но римскій стоицизмъ былъ совершенно чуждъ этихъ демократическихъ крайностей. Онъ вовсе не требовалъ пребыванія въ бочкѣ и отлично мирился и съ императорскимъ пурпуромъ Марка Аврелія и съ откупами, которые позволили Сенекѣ составить себѣ огромное состояніе. Основной принципъ стоической этики—жить сообразно съ природой—отличался крайней растяжимостью и допускалъ какія угодно практическія примѣненія. Если рѣчь шла о природѣ, какъ объ общей закономѣрности всей вселенной, то такой принципъ, конечно, допускалъ какія угодно человѣческія дѣйствія, такъ какъ преступленія совершаются такъ же и въ такомъ же смыслѣ закономѣрно, какъ и величайшіе подвиги добродѣтели. Пришлось поэтому дополнить этотъ чисто формальный принципъ другимъ, а именно согласованіемъ разума со своими собственными принципами; но и въ этомъ видѣ принципъ стоиковъ не доставлялъ ни малѣйшей гарантіи въ пользу согласованія разумнаго съ естественнымъ. Стоицизму не хватало какъ разъ того, что составляло силу первыхъ христіанъ—любви къ людямъ, вытекающей не изъ одного разсудочнаго пониманія общности интересовъ всѣхъ людей. Самая противоположность между порокомъ и добродѣтелью

была понята стоиками чисто формально, при чемъ порокъ и добродѣтель пріобрѣли характеръ двухъ чисто отвлеченныхъ діаметрально противоположныхъ категорій, а посрединѣ между ними находилась совершенно пустая полоса безразличія. Эта теорія безразличнаго, *адіафоронъ*, привела стоиковъ къ проповѣди полнѣйшаго индифферентизма во всемъ, чего нельзя было бы непосредственно подвести подъ рамки добродѣтели или порока. Отсюда полнѣйшее равнодушіе къ самой жизни и теоретическое оправданіе самоубійства. Хотя стоики сближаются съ христіанами въ томъ отношеніи, что относятся пренебрежительно къ земной жизни, но у нихъ нѣтъ, въ видѣ корректива, той пламенной вѣры въ другую лучшую жизнь, которая внушала христіанамъ подвиги дѣятельной любви. Точно также, сближаясь съ первоначальнымъ христіанствомъ въ своей космополитической тенденціи, переходящей непосредственно отъ индивидуума, минуя всѣ промежуточныя общественныя формы, къ идеальному общенію всѣхъ людей, но и здѣсь есть глубокое различіе. Христіанство призывало къ общенію всѣхъ, способныхъ усвоить религію любви, тогда какъ стоицизмъ, на словахъ проповѣдывавшій единство всего человѣчества, на дѣлѣ подразумѣвалъ подъ людьми лишь ограниченный дружескій кружокъ философски-мыслящихъ людей. Всѣ общественныя связи были замѣнены разумнымъ общеніемъ мудрецовъ, способныхъ, если не на практикѣ, то по крайней мѣрѣ въ дружеской бесѣдѣ, освобождать себя отъ всякихъ аффектовъ и обмѣниваться по этому поводу самыми благородными мыслями.

Невозможно, конечно отрицать того, что и эти, чисто теоретическія стороны стоицизма, не смотря на ихъ подъ часъ весьма рѣзкое разногласіе съ практикой, оказали не малое вліяніе на общій ходъ развитія мысли. Такъ напр., при всемъ противорѣчіи между космополитическими принципами стоиковъ и хищническою политикою Рима, нельзя отрицать того, что космополитическія теоріи, искоренившія тотъ узкій римскій націонализмъ, который процвѣталъ еще во времена Катона Старшаго, много способствовали измѣненію правовыхъ и этическихъ воззрѣній и послужили основою для выработки первыхъ началъ естественнаго права. Но эти заслуги стоицизма также не должны быть преувеличиваемы: уже самый составъ римскаго государства и постепенное проникновеніе во всѣ слои общества разноплеменныхъ элементовъ—все это, помимо всякой философіи, приводило

къ сглаживанію національныхъ и племенныхъ различій и къ уничтоженію римской исключительности.

На ряду съ стоицизмомъ лишь одна философская школа пользовалась значительнымъ успѣхомъ въ высшихъ слояхъ римскаго общества, а именно эпикуреизмъ. И здѣсь необходимо подчеркнуть, что въ противоположность мнѣнію прежнихъ историковъ, усматривавшихъ въ эпикуреизмѣ прямую противоположность эпикуреизму, теперь все болѣе утверждается взглядъ, усматривающій въ обоихъ ученіяхъ, на ряду съ различіями и весьма существенныя сходства. Правда, стоики ставятъ во главѣ всего добродѣтель и признаютъ безразличными не только всякаго рода наслажденіе, но и самую жизнь. Эпикурейцы, наоборотъ, признаютъ безразличною самую добродѣтель, а на первый планъ ставятъ удовольствія. Но это, повидимому радикальное различіе значительно сглаживается съ одной стороны тѣмъ пониманіемъ удовольствія, которое свойственно эпикурейцамъ, съ другой стороны, тѣмъ довольно смутнымъ пониманіемъ добродѣтели, какое мы видимъ у стоиковъ.

Если принять во вниманіе, что эпикурейцы усматривали наивысшее удовольствіе не въ какихъ либо положительныхъ наслажденіяхъ, но въ отрицательныхъ, а именно въ отсутствіи страданія, то одно это уже позволитъ намъ существенно сблизить гедонистическій принципъ эпикуреизма съ идеаломъ мудреца, начертаннымъ стоиками. По Эпикуру, блаженство состоитъ не въ чувственномъ наслажденіи, но въ возможно большемъ отсутствіи потребностей. А если вспомнимъ, что сверхъ того, Эпикуръ требовалъ оцѣнки удовольствій и разсудительности, какъ основы и всего поведенія, то легко увидѣть, что эпикурейскій идеалъ въ концѣ концевъ приближается къ стоическому требованію жизни, согласной съ разумомъ. Вражда греческихъ философскихъ школъ во II в. до Р. Х. далеко не соотвѣтствуетъ поэтому истинному содержанію ихъ ученій, а когда греческая философія стала потребностью для образованныхъ римлянъ, причемъ эти послѣдніе не имѣли особаго повода предпочитать одну изъ школъ, разцвѣтшихъ въ эпоху политическаго упадка Греціи, другимъ школамъ, то естественно, что греческіе философы, убѣдившись въ трудности и неудобствахъ соперничества, предпочли сдѣлать попытки къ сближенію. При Маркѣ Авреліи въ Аѳинахъ для разныхъ школъ были учреждены разныя каѳедры. Но вражда соперниковъ мало по малу перешла во

взаимное сближеніе, и стоицизмъ, уже самъ по себѣ впитавшій разнообразныя начала греческой философіи, въ лицѣ Панеція и Посидонія сдѣлалъ шагъ къ рѣшительному сближенію съ ученіями Аристотеля и Платона.

Такимъ образомъ, когда въ Римѣ появились люди, способные къ сколько нибудь самостоятельному философскому мышленію, то сама греческая философія была далеко не тѣмъ, чѣмъ она была въ эпоху своего разцвѣта. Рѣзкая противоположность школъ, соотвѣтствовавшихъ прежнимъ общественнымъ условіямъ древней Греціи, значительно изгладилась и римляне стали черпать изъ различнѣйшихъ философскихъ источниковъ, выбирая то, что всего болѣе гармонировало съ ихъ собстенной общественностью: а такую гармонію естественно въ гораздо большей мѣрѣ можно было найти между школами временъ упадка и общественнаго разложенія и римскою мыслью, нежели между этой послѣднею и философіей лучшихъ временъ древней Греціи. Такое рѣзко-опредѣленное метафизическое ученіе, какимъ была напр. платоновская теорія идей, могло быть усвоено римлянами лишь въ передѣлкахъ, которымъ оно подверглось въ Средней Академіи, съ ея утвержденіемъ вѣроятности, а не достовѣрности знанія. Здравый смыслъ среднихъ академиковъ и стоическое „согласіе всѣхъ народовъ“ — вотъ основы познанія, которыя показались достаточнымъ римлянамъ, мало заботившимся о теоріи и спѣшившимъ найти практическія приложенія.

Въ такомъ именно духѣ философствовалъ Цицеронъ, эклектически соединившій ученіе средней академіи съ стоицизмомъ. Проблемы физики представляютъ для него лишь ничтожный интересъ, въ метафизическихъ вопросахъ онъ довольствуется простою вѣроятностью, увѣренность же требуется для него лишь по вопросамъ этики; и здѣсь-кто вмѣсто вѣроятности является общее согласіе народовъ, замѣняющее абсолютный принципъ. Само собою разумѣется, что хотя римляне, какъ представители міровой державы, могли собрать по вопросу о „согласіи народовъ“ гораздо болѣе обширный матеріалъ, нежели греки, но все же ихъ познанія на этотъ счетъ были ограничены и, при отсутствіи какого-бы то ни было самостоятельнаго научнаго метода, крайне не полны: поэтому не удивитесьно, что, въ концѣ концевъ, подъ видомъ общаго согласія мнѣній, выставляли понятія, вы-

несенныя главнымъ образомъ изъ ограниченнаго опыта римской жизни.

Религіозныя теченія въ греко-римской философіи.

(По Виндельбанду. Дополненіе русскаго изданія).

Послѣдствіемъ софистическаго просвѣщенія и вызваннаго имъ разрушенія всякой вѣры въ сверхъестественное было между прочимъ то, что въ греческихъ и римскихъ просвѣщенныхъ слояхъ общества не могъ прочно утвердиться имматеріализмъ Платона. Холодная разсудочность естественной религіи, оставшейся на долю образованныхъ людей, не давая исхода для религіознаго воодушевленія, побуждала искать этотъ исходъ въ чисто нравственной области. А между тѣмъ въ обширномъ римскомъ государствѣ, среди многочисленныхъ населявшихъ его народовъ, все болѣе росла жажда вѣры. Стремленіе отыскать начала, способныя привести къ спасенію, все болѣе и болѣе властно проникало въ философію. Народныя массы не довольствовались уже, подобно эллинамъ, вѣрою въ достаточность земной жизни: они страстно добивались высшаго, мистическаго удовлетворенія, и это обнаруживалось въ стремленіи усвоить всѣ чужіе культы, гдѣ только проявлялось что-либо фантастическое. Въ самой философіи стала исчезать даже вѣра въ совершенство мудреца, и явилась потребность искать въ таинственномъ загробномъ мірѣ удовлетворенія тѣхъ стремленій, которыхъ не могла осуществить никакая земная добродѣтель. И когда, сознавая свое полное безсиліе, древній міръ сталъ трепетно ожидать помощи свыше, тогда и философія естественно должна была разстаться съ сенсуализмомъ и раціонализмомъ послѣ-аристотелевской эпохи и подъ вліяніемъ внутренняго влеченія она ухватилась за платонизмъ, понявъ его въ смыслѣ противопоставленія сверхчувственнаго міра чувственному.

Центромъ этого мистическаго движенія была Александрія, гдѣ оживленныя сношенія западныхъ народовъ съ восточными привели къ слiянію религій въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Приблизительно въ началѣ христіанской эры здѣсь возникаютъ два направленія мистическаго платонизма, изъ которыхъ одно, а именно новопиѳагореизмъ, болѣе соотвѣтствуетъ греческимъ началамъ, тогда какъ

другое, заслуживающее названія іудейско-александрійской философіи, подходитъ къ восточному складу жизни. Оба они, однако, сводятся, насколько мы можемъ объ томъ судить, къ попыткѣ придать научную форму тѣмъ воззрѣніямъ, какія лежали уже въ основѣ пиѳагорейскихъ мистерій.

Изъ самаго содержанія новопиѳагореизма ясно, что онъ составляетъ лишь особую отрасль эклектически-религіознаго платонизма, имѣвшаго мало общаго съ первоначальною пиѳагорейскою философіей, но очень близко стоящаго къ духу пиѳагорейскихъ религіозныхъ мистерій. Въ этомъ отношеніи пиѳагореизмъ новой формаціи до такой степени сходится съ іудейскою сектою ессеевъ, что, какъ показалъ Целлеръ, происхожденіе этой послѣдней должно быть, по всей вѣроятности, приписано соприкосновенію іудейства съ орфико-пиѳагорейскими мистеріями. Такимъ образомъ практическимъ послѣдствіемъ этого сближенія было возникновеніе секты ессеевъ въ Палестинѣ, а теоретическимъ—появленіе ученія Филона въ Александріи.

Пиѳагорейскій союзъ, утратившій въ теченіе IV в. до Р. Х. характеръ философской школы, сохранилъ свои мистеріи и удержалъ скептическій образъ жизни, а въ I в. до Р. Х. вновь выступилъ на сцену съ философскими ученіями, на этотъ разъ имѣющими рѣзкую религіозную окраску. Ученія эти являются въ теченіе двухъ слѣдующихъ вѣковъ предметомъ обширной литературы, которая сплошь носитъ характеръ апокрифичности, такъ какъ приписывается Пиѳагору и древнѣйшимъ пиѳагорейцамъ, особенно Архиту. Изъ мыслителей, являющихся представителями этого новопиѳагореизма, необходимо назвать: друга Цицерона, Нигидія Фигула, Сотіона, но въ особенности Аполлонія Тіанскаго и Модерата изъ Гадеса, а къ позднѣйшимъ—Никомаха изъ Геразы и Нуменія изъ Апамеи.

Аполлоній Тіанскій самъ себя признавалъ идеаломъ мудреца въ новопиѳагорейскомъ духѣ и таковымъ считали его послѣдователи. Онъ выступилъ во времена Нерона съ шумомъ, какъ основатель новой религіи. Его жизнь была описана Филостратомъ въ чрезвычайно изукрашенномъ видѣ, съ описаніемъ многочисленныхъ, якобы совершенныхъ имъ чудесъ. Нуменій изъ Апамеи, жившій во второй половинѣ II в., находится уже подъ вліяніемъ Филона и, по всей вѣроятности, также гностиковъ. Его особенностью является ученіе о трехъ богахъ: высшій богъ имѣетъ сверхчувственный харак-

теръ, второй — деміургъ, образовалъ вселенную, третьимъ является сама вселенная. Отъ младшаго его современника до насъ дошли лишь сочиненія по ариѳметикѣ и музыкѣ.

Новопиѳагореизмъ имѣетъ черту, общую съ древнимъ пиѳагореизмомъ и съ ученіемъ Платона: онъ соединяетъ явственное единобожіе съ вѣрою въ низшихъ боговъ и демоновъ. Но эта вѣра преобразована съ помощью философіи Платона и Аристотеля въ культъ Бога, какъ чистаго духа. Здѣсь, какъ и у Платона и у стоиковъ, человѣкъ долженъ служить Богу не внѣшними жертвоприношеніями и не внѣшними дѣйствіями, но безмолвной молитвой, добродѣтелью и мудростью. Аполлоній странствовалъ по древнему міру, какъ провозвѣстникъ этого ученія. Послѣдователи почитали его и Пиѳагора, какъ совершенныхъ людей, въ которыхъ божество проявило себя. Научное значеніе этой школы выражается, однако, въ томъ, что она соединила съ культомъ также философскія воззрѣнія. Правда, начала своей философіи она всецѣло заимствовала у Платона, Аристотеля и частью у стоиковъ, но при этомъ ея выгодною особенностью является живой теоретическій интересъ, отличающійся отъ узкаго морализирующаго стремленія того времени. Даже логическіе и физическіе вопросы интересуютъ новопиѳагорейцевъ, хотя они здѣсь ограничиваются несамостоятельными и безплодными попытками.

Основной посылкой новопиѳагореизма въ теоретическихъ вопросахъ является рѣзкій дуализмъ духа и матерія, и притомъ въ этическомъ смыслѣ, такъ что духъ является благимъ и чистымъ принципомъ въ противоположность злой и нечистой матеріи. Такимъ образомъ и здѣсь, по примѣру стоиковъ, божество изображается какъ духъ (*пнейма*), оживляющій весь міръ. Но съ другой стороны, божество, по ученію новопиѳагорейцевъ, должно быть свободно отъ всякаго соприкосновенія съ матеріей, такъ какъ матерія осквернила бы его. Поэтому божество не можетъ вліять на матерію непосредственно, но, какъ посредникъ между божествомъ и матеріей, вводится деміургъ. Идеи же, по образу которыхъ деміургъ созидаетъ міръ, съ новопиѳагорейской точки зрѣнія являются лишь первообразными представленіями въ божественномъ духѣ. Эти идеи принимаютъ такой же фантастическій характеръ, какъ уже у Платона и его ближайшихъ учениковъ, а именно то отожествляются съ числами, то приводятся въ мистическую связь съ ними. Съ другой стороны, идеи являются у

новопиѳагорейцевъ въ смыслѣ аристотелевскихъ формъ, по которымъ образуется матерія. Между божествомъ и матеріей существуетъ рядъ промежуточныхъ ступеней, причемъ выше людей стоятъ демоны и боги небесныхъ свѣтилъ.

Соотвѣтственно метафизическому дуализму между духомъ и матеріей, новопиѳагореизмъ придерживается и дуализма антропологическаго, по которому духъ признается заключеннымъ въ тѣло, какъ узникъ въ темницу, и долженъ освободиться очищеніемъ, покаяніемъ, умерщвленіемъ похотей и жизнью, посвященною служенію божеству. Здѣсь платоновское ученіе о дѣленіи души на три части соединено съ аристотелевскимъ ученіемъ о *нусѣ*, духѣ или разумѣ. Безсмертіе представляется (отчасти съ цѣлью популяризаціи ученія), въ формѣ миѳа, подъ видомъ переселенія душъ. Умерщвленіе чувственности признается нравственно - религіозной задачей человѣка и выполненію ея содѣйствуетъ божественное откровеніе, провозвѣстниками котораго являются святые мужи, каковы Пиѳагоръ и Аполлоній, а также демоны-посредники.

Новопиѳагорейцы утверждали, что будто самъ Пиѳагоръ открывалъ свое ученіе въ тайномъ пиѳагорейскомъ обществѣ, облекая его въ образы, т. е. въ числа. Платонъ, по ихъ словамъ, многое заимствовалъ у Пиѳагора. Позднѣйшіе пиѳагорейцы, а именно Нуменій, относили откровеніе къ еще болѣе древнимъ временамъ и, основываясь на примѣрѣ Филона, считали основателемъ своего ученія — Моисея.

Съ точки зрѣнія преемственности идей, новопиѳагореизмъ можно разсматривать какъ продолженіе древней Академіи, основываясь при этомъ на томъ существенномъ значеніи, которое принадлежало въ этой философіи противоположенію добра и зла. Историческимъ посредствующимъ звеномъ является въ такомъ случаѣ и эклектическій платонизмъ, вѣроятно въ томъ видѣ, какъ онъ былъ воспринятъ Посидоніемъ, связавшимъ его со стоицизмомъ. Однако, существеннымъ уклоненіемъ отъ платонизма является то ученіе новопиѳагорейцевъ, по которому идеи и числа лишаются метафизической самостоятельности и дѣлаются лишь образами мышленія божественнаго духа. Это воззрѣніе впослѣдствіи повліяло и на новоплатонизмъ. Огромное значеніе этого уклоненія состоитъ въ томъ, что на этотъ разъ нематеріальная субстанція мыслится какъ духъ, т. е. какъ сознательная внутренняя сущность. Началомъ этого ученія слѣдуетъ признать аристотелевское

воспроизведеніе мысли (или мышленіе о мышленіи—поэсисъ ноэсеосъ). Дальнѣйшимъ же подготовленіемъ являются стоическія теоріи, противопоставляющія невещественно мыслимое (*лектонъ*) предметамъ или тѣламъ. Полное развитіе той-же тенденціи проявляется въ ученіи Филона о божественной личности.

Новопиѳагореизмъ важенъ въ исторіи философіи, какъ первая система, въ которой принципомъ авторитета является божественное откровеніе. Такимъ образомъ здѣсь впервые въ античной философіи ярко проявляется мистическое міросозерцаніе, взамѣнъ прежде господствовавшаго въ ней мистицизма и сенсуализма. Святые у новопиѳагорейцевъ это избранники божіи, удѣломъ которыхъ является чистое богопознаніе. Съ теоретической точки зрѣнія является попытка опредѣлить новый источникъ познанія. *нусъ*, въ смыслѣ непосредственной интуиціи умопостигаемаго, равно отличающейся и отъ разсудочнаго познанія, и отъ мнѣнія, и отъ чувственнаго воспріятія.

Демонологія новопиѳагорейцевъ содѣйсвуетъ обоснованію этого своеобразнаго слiянія единобожія съ культомъ мистерій. Она является результатомъ потребности заполнить бездну между трансцендентностью божества и чувственностью міра. Отсюда является возможность включить въ систему самые фантастичные культы и вѣрованія различнѣйшихъ народовъ. Въ связи съ этимъ является и разработка мантики, заимствованной новопиѳагорейцами у стоиковъ.

Въ близкомъ родствѣ съ новопиѳагореизмомъ находится замѣчательное сліяніе платонизма съ іудаизмомъ, послужившее началомъ александрійской религіозной философіи, представителемъ которой является Филонъ Александрійскій.

Филонъ, жившій приблизительно съ 25 г. до Р. Х. до 50 г. послѣ Р. Х., происходилъ отъ одной изъ наиболѣе уважаемыхъ еврейскихъ семей въ Александріи. Около 40 г. онъ стоялъ во главѣ посольства, отправленнаго къ Калигулѣ александрійскими евреями.

Отличительную особенность философіи, даже по сравненію съ любыми иными оттѣнками александрійской философіи, составляетъ полная трансцендентность божества. У Филона Богъ стоитъ настолько выше всего конечнаго, что можетъ быть опредѣленъ только отрицательно, посредствомъ отрицанія всѣхъ его трансцендентныхъ качествъ. Единственнымъ его положительнымъ опредѣленіемъ является абсолютное бытіе,

превосходящее всѣ доступныя человѣческому пониманію совершенства, стоящее выше всякой добродѣтели и мудрости. Но въ то же время божественная сущность есть и всеблагая, правящая всѣмъ міромъ сила. Она не входитъ, однако, въ непосредственное соприкосновеніе съ матеріей, какъ нечистой и злой сущностью, являющейся, въ противоположность божеству, пассивнымъ принципомъ. Божество является источникомъ *силъ*, образующихъ и направляющихъ міръ. Эти силы отожествляются съ платоновскими идеями и съ ангелами. Объединяющимъ ихъ началомъ является божественный Логосъ, совмѣщающій въ себѣ всѣ первообразныя идеи, т. е. всю мудрость), и цѣлесообразно созидающій силы, которыя раскрываютъ въ мірѣ божественную сущность.

Въ человѣкѣ, какъ маломъ мірѣ или микрокосмѣ, божественный умъ или духъ—нусъ—совмѣщается съ зловредной плотью и по своей винѣ онъ до того погрязъ въ ней, что можетъ освободиться отъ всеобщей грѣховности лишь при содѣйствіи божества. Задача человѣка состоитъ въ уподобленіи чисто духовной сущности божества. Но полное равнодушіе ко всѣмъ вожделѣніямъ и возвышающееся надъ этимъ стоическимъ идеаломъ очищеніе, находимое человѣкомъ въ познаніи, составляютъ лишь первыя ступени къ высшему блаженству. Оно достигается лишь, когда индивидуальность человѣка вполнѣ поглощается экстазомъ, при которомъ она сама переходитъ вполнѣ въ божественную сущность. Этотъ экстазъ, стоящій за предѣлами всякаго сознанія, даруется только самымъ совершеннымъ людямъ, какъ откровеніе и милость со стороны божества.

Неоплатонизмъ.

Неоплатонизмъ или новоплатонизмъ у грековъ, а черезъ ихъ посредство—во всей римской имперіи, всего болѣе соотвѣтствуетъ христіанской философіи, одновременно съ нимъ зародившейся въ Александріи. Но при всей общности происхожденія и даже цѣлей, нельзя не видѣть и глубокаго различія. Опорой и даже руководствомъ христіанской общины было религіозное сознаніе общины, получившей церковную организацію. Неоплатонизмъ, наоборотъ, былъ плодомъ мышленія изолированныхъ личностей, занимавшихся философіей. Поэтому онъ могъ проникнуть лишь въ отдѣльные кружки

и лишь съ ихъ помощью пытался пріобрѣсти общественное значеніе, соприкасаясь съ разными мистеріями. Христіанское богословіе есть научная формулировка вѣрованія, еще до его появленія могущественно властвовавшаго надъ умами, тогда какъ неоплатонизмъ есть религія немногихъ ученыхъ людей, пытающаяся при удобномъ случаѣ слиться съ тѣми или съ другими уже существующими культами. Этимъ, однако, обусловливается гибель новоплатонизма, хотя его научныя силы едва-ли уступали силѣ христіанской философіи.

Въ историческомъ развитіи неоплатонизма умѣстно различать три стадіи. Прежде всего онъ имѣетъ характеръ чисто научной теоріи. Затѣмъ, въ явномъ антагонизмѣ съ христіанствомъ, онъ пытается создать систематическое богословіе многобожія: но потерпѣвъ въ томъ полное крушеніе, онъ пытается объединить вновь всю греческую философію. Эти три стадіи получили названія особыхъ школъ: александрійской, сирійской и аѳинской. Имена ихъ связаны, въ свою очередь, съ именами важнѣйшихъ представителей этихъ школъ: Плотина, Ямвлиха и Прокла. Основателемъ неоплатонизма признается Плотинъ. Онъ родился въ 204 г. послѣ Р. Х. въ Египтѣ, получилъ образованіе въ Александріи у извѣстнаго Аммонія Саккаса, участвовалъ въ персидскомъ походѣ императора Гордіана съ цѣлью заняться на Востокѣ изслѣдованіями религіозно-научнаго характера. Онъ выступилъ въ Римѣ около 244 г. съ большимъ успѣхомъ со своими ученіями и умеръ въ Кампаніи, въ одномъ помѣстьи, въ 269 г. Плотинъ успѣлъ въ такой степени пріобрѣсть извѣстность и уваженіе въ высшемъ римскомъ обществѣ, что, при содѣйствіи императора Галліена, задумалъ основать городъ философовъ, который долженъ былъ получить названіе города Платона, и организацію по плану, начертанному въ платоновскомъ государствѣ, играя роль эллинскаго монастыря, являясь центромъ религіознаго сознанія. Планъ этотъ, однако, остался невыполненнымъ. Плотинъ сталъ писать, уже будучи въ зрѣломъ возрастѣ. Ученіе свое онъ излагалъ въ отдѣльныхъ разсужденіяхъ и трактатахъ. Эти трактаты были раздѣлены на шесть эннеадъ и изданы его ученикомъ Порфиріемъ.

Александрійская религіозная философія въ ея эллинской формѣ преслѣдуетъ тѣ же задачи, какъ и александрійская христіанская философія. Въ античномъ мірѣ индивидуализи-

рованіе идетъ рука объ руку съ самоуглубленіемъ и, наконецъ, приводитъ къ жгучему стремленію постичь божественную сущность непосредственной внутренней дѣятельностью души, чтобы вполнѣ слиться и объединиться съ нею. Чѣмъ болѣе при этомъ убывало довѣріе къ давно знакомымъ миѳамъ, тѣмъ болѣе далекой, недоступной и непонятной казалась божественная сущность. Христіанство нашло исходъ изъ этого противорѣчія въ своемъ принципѣ любви. Миѳъ избѣгалъ противорѣчія, вводя промежуточныя ступени между божествомъ и матеріей. Философія новоплатониковъ пыталась устранить противорѣчіе тѣмъ, что разсматривала весь рядъ существъ, какъ рядъ ступеней убывающаго совершенства, исходя отъ единой божественной силы и разсматривая всю міровую жизнь, какъ постепенное возвращеніе созданій назадъ къ Богу, по тѣмъ же ступенямъ. Предстояло стать выше новопиѳагорейскаго дуализма въ одно и то жевремя и съ метафизической и съ этической точки зрѣнія.

У Плотина такимъ образомъ мы видимъ между метафизикой и этикой родъ обратнаго параллеліозма. Путь спасенія, указываемый этикой, есть не что иное, какъ тотъ же рядъ стадій къ развитію, который въ метафизикѣ признается генетическимъ процессомъ всего существующаго лишь въ обратномъ порядкѣ.

Божество, по Плотину, есть первичная сущность, стоящая выше всѣхъ опредѣленій, неизъяснимая. Какъ абсолютно-единое, божественная сущность находится по ту сторону всѣхъ противоположностей, она выше, какъ мышленія, такъ и бытія. Лишь условно можно опредѣлить божество какъ высшее благо и первосилу, какъ чистую, лишенную субстрата творческую дѣятельность. Какъ таковая, божество по необходимости вѣчно и порождаетъ изъ себя міръ внѣ всякихъ условій времени. Оно присутствуетъ во всемъ сотворенномъ, но само отдѣлено отъ множественности тварей. Происхожденіе міра изъ божества есть родъ истеченія, эманаціи, при которой божество остается, однако, неизмѣннымъ, подобно свѣту, освѣщающему мракъ. Но какъ свѣтъ ослабѣваетъ по мѣрѣ удаленія отъ источника, такъ и созданное божествомъ, по мѣрѣ удаленія отъ него, понемногу затемняется и, наконецъ, переходитъ въ полный мракъ. Эманація изъ божественной сущности развивается по тремъ главнымъ ступенямъ: духъ, душа и матерія. Духъ, *нусъ*, являясь образомъ единаго, заключаетъ въ себѣ принципъ двойственности, противоположность мышленія и мыслимаго, какъ содержанія мы-

сли. Духъ, истекающій изъ божества, есть единая, сама къ себѣ относящаяся интуитивная функція. Но она заключаетъ все разнообразіе предметовъ, включая идеи, т. е. первообразы всѣхъ существъ. Идеи разсматриваются также какъ духи, или способности духа, образующія въ единомъ духѣ умопостигаемый міръ, но какъ дѣйствующія силы, онѣ являются сверхъ того особыми причинами генезиса. Въ этомъ смыслѣ онѣ являются также *логой*, словами, въ смыслѣ филоновскаго Логоса.

Душа, *психе*, относится къ духу, *нусъ*, какъ духъ къ божественному единому. Она принадлежитъ еще къ царству свѣта, хотя уже стоитъ на границѣ мрака. Въ ней, въ свою очередь, надо различать единичность или высшую душу и дѣлимость или низшую душу. Плотинъ допускаетъ не только человѣческія души, но и міровую, въ которой также отличаетъ высшее единое начало отъ низшаго, множественнаго. Въ мірѣ лишь низшая душа, называемая природой, *физисъ*. порождаетъ тѣлесный міръ и въ него вселяется. Въ человѣкѣ, сверхчувственная душа, которой приписывается существованіе и до и послѣ земного бытія, отличается отъ низшей души, создавшей тѣло и присутствующей въ каждой его части.

Какъ свѣтъ, постепенно ослабѣвая, наконецъ становится тьмой, такъ и лучеиспусканіе божественнаго существа переходитъ въ матерію. Плотинъ признаетъ матерію просто несуществующею, т. е. не обладающею самостоятельностью по отношенію къ божеству. Матерія есть абсолютное лишеніе, скудость, отсутствіе добра, первое зло. Что истинно существуетъ, то и есть божественное и доброе; зло принадлежитъ лишь къ несуществующему. Какъ свѣтъ роковымъ образомъ на далекихъ разстояніяхъ теряется во мглѣ, такъ и души неизбѣжно должны порождать изъ себя матерію и входить въ нее, какъ силы, ее образующія. Стало быть, чувственный міръ такъ же вѣченъ, какъ и душа. Отсюда у Плотина чисто *магическое* воззрѣніе на природу: всякій генезисъ есть душевная дѣятельность, изъ міровой души выдѣляются боги или духи свѣтилъ, изъ природы—демоны. Все міровое цѣлое соединено таинственнымъ взаимодѣйствіемъ и все единичное симпатизируетъ цѣлому; въ силу этого оно можетъ быть предугадываемо нашимъ чувствомъ. Нечего и говорить, что подобная философія устраняетъ всякое изслѣдованіе природы, но за то широко раскрываетъ дверь для всевозможныхъ суевѣрій.

Цвѣтущій періодъ Римской Имперіи.

Римская Имперія отъ Тиверія до Марка Аврелія.

Два первыхъ столѣтія Римской имперіи были несомнѣнно эпохой, отличавшейся мирнымъ развитіемъ внутри, превосходнымъ государственнымъ устройствомъ и богатымъ развитіемъ всѣхъ сторонъ культуры. Эпоха эта выгодно отличалась отъ предшествующихъ революціонныхъ бурь и отъ послѣдующихъ временъ всеобщаго упадка. Ея преимущества служатъ оправданіемъ тѣмъ авторамъ, которымъ мы слѣдуемъ, давъ ей названіе эпохи культурнаго процвѣтанія.

Конечно, это сужденіе подлежитъ нѣкоторому ограниченію. Дѣйствительно, этотъ періодъ ни въ какомъ случаѣ не представляетъ утѣшительнаго зрѣлища. Даже первые вѣка Римской имперіи полны потрясающихъ катастрофъ. Многіе

правители отличались чудовищными пороками и опозорили себя самыми преступными дѣяніями, которыя исторія пыталась оправдать, осторожно называя такихъ цезарей сумасшедшими, какъ будто уже самое пребываніе безумнаго на престолѣ не свидѣтельствуетъ о совершенной ненормальности власти цезарей. Тацитъ, знаменитѣйшій изъ историковъ Римской имперіи, обрисовываетъ ея положеніе самыми мрачными красками. Съ началомъ единодержавія, говоритъ онъ, исчезли великія души. Истина пренебрегается, интересъ къ общественнымъ дѣламъ погасъ, лишь стремленіе къ власти и ненависть къ властителямъ двигаютъ людьми. Взглядъ на политическія смуты въ государствѣ, на нападенія пограничныхъ народовъ, воспоминаніе о раззореніи многихъ италійскихъ городовъ, о пренебреженіи къ религіи, о безнравственности—все это вызываетъ у Тацита глубокій вздохъ, и онъ говоритъ, что этотъ вѣкъ бѣденъ добродѣтелью и столько же богатъ пороками.

Слѣдуетъ ли безусловно положиться на это описаніе, сдѣланное замѣчательнымъ писателемъ и большимъ знатокомъ людей? Или же скорѣе слѣдуетъ прійти къ выводу, что правы тѣ новѣйшіе историки, которые пытались спасти честь Тиверія, или даже Нерона и Калигулы, и изобразить эпоху въ возможно болѣе благопріятномъ свѣтѣ.

Пессимизмъ Тацита, этого благороднаго наблюдателя человѣческихъ судебъ, основанъ на почтенномъ чувствѣ, вызванномъ противорѣчіемъ между дѣйствительностью и идеаломъ. Это есть выраженіе глубоко чувствующей, жаждущей свободы души, возмущенной деспотизмомъ цезарей. Такой пессимизмъ вполнѣ естественъ со стороны представителя сенаторскаго сословія. На самомъ дѣлѣ, личная свобода, независимость помысловъ не могутъ процвѣтать подъ покровомъ преемниковъ Августа. Система шпіонства препятствовала всякому сколько-нибудь свободомыслящему выраженію мнѣній, и господствовавшіе тиранны постоянно слѣдили затѣмъ, чтобы уничтожить вождей опасной для нихъ сенаторской партіи, причемъ еще пользовались удобнымъ случаемъ пополнить свою, разоренную безумною расточительностью, казну конфискаціями.

Но пойдемъ далѣе. Пускай біографъ придумываетъ, какія угодно, оправданія, съ цѣлью снять отвѣтственность съ своего героя; пусть онъ докажетъ, что Тиверій отличался замѣчательными доблестями правителя, и что только суровая

судьба сдѣлала его тиранномъ, презиравшимъ людей. Пусть намъ доказали, что Калигула, какъ и Неронъ, въ послѣдніе годы жизни дѣйствовали подъ вліяніемъ очевиднаго сумасшествія—но раньше того сдѣлали много стоющаго вниманія. Для историка культуры всѣ эти подробности не существенны. Онъ по просту зарегистрируетъ тотъ фактъ, что исторія императорскаго дома въ I в. отъ начала нашей эры представляетъ рядъ ужасныхъ преступленій, и затѣмъ постарается опредѣлить степень типичности этого факта и размѣры вліянія этихъ семейныхъ событій на остальное общество.

Уже самый способъ восшествія на престолъ и низверженія императоровъ имѣлъ на общество крайне гибельное вліяніе. Даже такой превосходный военный, какимъ былъ Тиверій, могъ считать свое положеніе упроченнымъ лишь послѣ того, какъ были подавлены возстанія двухъ главныхъ гарнизоновъ. Онъ, а также Калигула и Неронъ погибли отъ руки убійцъ, Клавдій былъ отравленъ ядомъ, подсунутымъ ему его женою, Агриппиной. Это злодѣйство совершенное ею съ цѣлью доставить діадему своему сыну Нерону, не уберегло ее саму отъ подобной же участи. Она была убита собственнымъ сыномъ. Смуты послѣ смерти Нерона, во время которыхъ три императора—Гальба, Оттонъ и Вителлій погибли втеченіе одного года,—послѣдовавшее затѣмъ возстаніе Виндекса въ Галліи и Германіи и одновременная іудейская война — все это принесло Риму неисчислимыя бѣдствія. И едва успѣла династія Флавіевъ, въ лицѣ Веспасіана и Тита, внести нѣкоторое успокоеніе, какъ уже началось свирѣпое правленіе Домиціана.

Подобныя вещи не слѣдуетъ скрашивать, какъ часто дѣлаютъ историки. Ихъ надо изобразить въ настоящемъ свѣтѣ, если мы желаемъ понять положеніе тогдашняго римскаго государства. То что совершалось при дворѣ, конечно, захватывало широкій кругъ общества и дѣйствовало развращающимъ образомъ на развитіе какъ духовнаго, такъ и матеріальнаго благосостоянія.

Во всякомъ случаѣ послѣдующій періодъ сдѣлалъ кое что для упроченія императорской власти. Почти втеченіе цѣлаго столѣтія выдающіеся правители обезпечивали прочность императорской власти тѣмъ, что каждый императоръ при жизни выбиралъ себѣ достойнаго преемника, котораго дѣлалъ своимъ пріемнымъ сыномъ. Рядъ императоровъ, начиная съ Нервы, а именно Траянъ, Адріанъ, Антонинъ

Пій, Маркъ Аврелій—все это люди, возбуждавшіе удивленіе потомства. Отличаясь незапятнаннымъ характеромъ, всѣ они, сверхъ того, обладали и выдающимися государственными способностями. Каждый выполнялъ обязанности, лежащія на немъ, какъ на первомъ гражданинѣ государства.

Тѣмъ не менѣе и въ эту эпоху далеко не все обстояло благополучно.

Хорошія качества правителей не могутъ еще привести къ возрожденію общества. Превосходное правленіе императоровъ-пріемышей, лично содѣйствовавшихъ многимъ гуманнымъ нововведеніямъ, существеннымъ образомъ, основывалось на томъ, что въ ихъ рукахъ сосредоточивалась возможно-большая правительственная власть, которою они и пользовались для общаго блага. Этотъ просвѣщенный деспотизмъ привелъ однако къ системѣ опеки, которая не давала мѣста развитію здоровыхъ общественныхъ силъ. Какими мелочами наскучали намѣстники императорамъ, какъ мало они рѣшались на сколько нибудь самостоятельную дѣятельность, въ этомъ убѣждаетъ переписка Плинія Младшаго съ Траяномъ. Постоянныя инспекторскія путешествія Адріана привели къ благодѣтельному контролю надъ чиновниками; но Адріанъ, въ гораздо большей мѣрѣ, нежели кто либо изъ его предшественниковъ, относился серьезно къ принципу самодержавія. Вліяніе сената все болѣе и болѣе исчезало и, наконецъ, власть сената стала чисто формальною. Префектъ гвардіи и тайный совѣтъ, образованный этимъ императоромъ изъ превосходныхъ юристовъ, оказывали широкое вліяніе на управленіе. Число прокураторовъ и иныхъ императорскихъ чиновниковъ постоянно возрастало.

Возрастающее могущество императорскаго вліянія оказалось роковымъ, особенно по отношенію къ самоуправленію городовъ и къ свободѣ крестьянскаго сословія.

Италія до тѣхъ поръ была подраздѣлена на рядъ малыхъ, довольно независимыхъ городскихъ территорій. Самоуправленіе, конечно, во многихъ мѣстахъ было связано съ злоупотребленіями. Но со временъ Адріана ему былъ нанесенъ жестокій ударъ назначеніемъ четырехъ высшихъ инспекторовъ, такъ наз. юридиковъ (juridici). Политическимъ послѣдствіемъ этого назначенія было изъятіе городовъ изъ подъ надзора сената и болѣе строгій контроль надъ ними со стороны императора. Съ этихъ поръ исторія городскаго управленія принимаетъ пагубное направленіе. Финансовая

эксплуатація и бюрократическое руководительство вскорѣ привели къ тому, что видные граждане городовъ перестали занимать почетныя мѣста. Позднѣе приходилось привлекать къ занятію такихъ должностей силою.

Дальнѣйшею язвою тогдашняго общества было то обстоятельство, что число лицъ, принадлежавшихъ къ среднему сословію, т. е. крестьянъ и мелкихъ предпринимателей становилось все менѣе и менѣе многочисленнымъ. Сенаторы и всадники, а часто и люди весьма темнаго происхожденія, напр., вольноотпущенные, правившіе государствомъ при Клавдіи и Неронѣ, очень часто накопляли значительныя богатства. Такого рода богатства, обыкновенно, сопровождаются бѣдностью массъ. Крупный капиталъ поглощаетъ мелкій, крупный землевладѣлецъ вытѣсняетъ мелкаго. Плиній, жившій въ лучшія времена римскаго императорства, жалуется на то, что латифундіи, т. е. крупныя помѣстья или скорѣе группы имѣній, привели Италію къ погибели. Въ эпоху Нерона половиною провинціи Африки владѣли 6 собственниковъ. Имѣнія были такихъ размѣровъ, что сами по себѣ составляли цѣлыя провинціи.

Быть можетъ, ни одинъ изъ тогдашнихъ богачей не могъ бы сравниться съ нынѣшнимъ Ротшильдомъ. Но во всякомъ случаѣ, для той эпохи, когда не существовало кредитныхъ операцій, въ той формѣ, какая процвѣтаетъ въ наше время, представляется довольно прискорбнымъ, когда мы узнаемъ, напр., что вольнопущенный Клавдій Нарциссъ могъ накопить богатство почти въ 100 милліоновъ. Весьма губительно дѣйствовалъ высокій процентъ, который взимали даже почтенные люди. Философъ Сенека, у котораго на губахъ было такъ много хорошихъ словъ, отдалъ въ Британніи въ ростъ нѣсколько милліоновъ сестерцій и нисколько не стѣснялся возбуждать тамъ финансовую панику съ цѣлью содрать еще болѣе высокіе проценты.

Многія другія злоупотребленія будутъ разсмотрѣны въ другомъ мѣстѣ. Сказаннаго достаточно и для того, чтобы нѣсколько смягчить пессимизмъ Тацита и умѣрить пылъ поклонниковъ этихъ и послѣдующихъ счастливыхъ временъ.

Ничего однако нѣтъ болѣе односторонняго, нежели утвержденіе, что этотъ періодъ, каковы бы ни были его оборотныя стороны, не имѣлъ важнаго культурнаго значенія. Съ точки зрѣнія идеалистическаго міросозерцанія, такой выводъ, конечно, не утѣшителенъ. Но свобода и человѣческое до-

стоинство лишь въ рѣдкія историческія эпохи пользуются заслуженнымъ признаніемъ, и историкъ культуры не можетъ считать маловажными тѣ эпохи, которыя посвящены болѣе грубымъ и менѣе возвышающимъ душу интересамъ.

Прежде всего слѣдуетъ помнить, что, за исключеніемъ маловажныхъ нарушеній, Римская Имперія пользовалась, втеченіе двухъ первыхъ столѣтій послѣ Р. Х., всѣми благами мира, безопасностью какъ внутри, такъ извнѣ. Только смуты послѣ смерти Нерона (68—70) составляютъ нѣкоторое исключеніе. Побѣдоносные походы Германика (14—16) и покореніе Британніи при Домиціанѣ очень мало повліяли на мирное состояніе остальной Имперіи, а въ трудной борьбѣ Траяна и Марка Авреалія съ дунайскими народами, радость по поводу успѣха одержала верхъ надъ понесенными утратами.

Сказанное объ управленіи провинціями при Августѣ, справедливо и для его преемниковъ. Деспотическіе характеры часто вдвойнѣ строго наблюдали за тѣмъ, чтобы намѣстники хорошо управляли своими провинціями. Превосходство управленія провинціями при Тиверіи общепризнано. Хорошихъ намѣстниковъ оставляли по нѣскольку лѣтъ на одномъ мѣстѣ. Строгій контроль Тиверія былъ направленъ къ тому, чтобы провинціи не обременялись новыми тягостями. Какъ строго онъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы предупредить эксплуатацію провинцій, показываетъ, напр., его приказаніе, считать намѣстниковъ отвѣтственными даже за дары, полученные ихъ женами. Надъ всѣми чиновниками висѣлъ Дамокловъ мечъ строгой отчетности; многочисленные процессы о репетундахъ, (т. е. взяткахъ) свидѣтельствуютъ о томъ, что императоръ серьезно преслѣдовалъ злоупотребленія. Вообще провинціи рѣдко страдали отъ того, что совершалось въ столицѣ. Филонъ, прибывшій въ качествѣ посла въ Италію и бывшій при дворѣ, почти ничего не говоритъ о мальчишескихъ и безумныхъ выходкахъ этого государя. Клавдій, или по крайнеймѣрѣ его вольноотпущенные поддерживали образцовый порядокъ въ провинціяхъ, а правленіе Нерона было тамъ даже особенно популярно. Само собою разумѣется, что превосходные государи II вѣка не отставали въ этомъ отношеніи. Нѣкоторые, какъ напр., Траянъ, правда, предоставляли намѣстникамъ въ провинціяхъ нѣсколько болѣе свободы, такъ какъ у нихъ самихъ отнимали слишкомъ много времени военныя дѣла. Адріанъ, котораго прозвали странствующимъ императоромъ, который прошелъ пѣшкомъ большую часть своей страны и все видѣлъ самъ,—вездѣ самъ отдавалъ приказанія; быть можетъ онъ болѣе всѣхъ повліялъ благотворно на положеніе провинцій. Починъ императоровъ дѣйствовалъ и на частныхъ лицъ. Знаменитѣйшимъ примѣромъ этого рода является Иродъ (Геродесъ) Аттикъ изъ Мараѳона. Этотъ человѣкъ, обладавшій царскимъ состояніемъ, былъ въ тоже время отличнымъ знатокомъ искусства и философомъ, учителемъ и другомъ Марка Аврелія философа. Въ роли прокуратора Азіи при Адріанѣ, онъ прославился своей щедростью въ дѣлѣ общественныхъ сооруженій. Знаменитѣйшимъ его сооруженіемъ является однако Одеонъ въ Аѳинахъ, театръ, построенный съ расточительнымъ великолѣпіемъ, съ 6000 мѣстами для зрителей. Подобный же Одеонъ былъ построенъ въ Коринѳѣ: а для знаменитыхъ минеральныхъ водъ въ Ѳермопилахъ имъ были сооружены бассейны.

Строгій надзоръ за управленіемъ провинціями со стороны императоровъ и ихъ чиновниковъ принесъ отличные плоды. Малая Азія, дошедшая, по причинѣ Митридатовыхъ войнъ и республиканскихъ откуповъ, до полнаго раззоренія, и еще въ 21 г. до Р. Х. переживавшая тяжкій торговый кризисъ, снова значительно разбогатѣла и вступила на путь развитія. Въ эпоху Нерона, здѣсь было 500 цвѣтущихъ городовъ. Египетъ, постоянно подчиненный особому императорскому правленію, какъ главная житница Рима, подвергался достаточной эксплуатаціи; тѣмъ не менѣе онъ пользовался такимъ же благосостояніемъ, какъ и въ эпоху Птолемеевъ. Тоже можно сказать о Сиріи и Финикіи. Стекляное производство, тонкія работы изъ кожи и пурпурныя ткани были главнымъ источникомъ благосостоянія Тира. Искусныя ткани Палестины и Кипра по достоинству равнялись александрійскимъ, доставляя значительный заработокъ мѣстному населенію.

Романизированныя западныя провинціи имперіи также пользовались сравнительнымъ благосостояніемъ. Въ рѣдкія эпохи всемірной исторіи торговля была такъ развита, какъ въ это время. Караваны привозили изъ внутренней Азіи, изъ Китая и Индіи различнѣйшіе драгоцѣнные камни, индиго, индійскую сталь, доставляя все это въ Синопъ и въ гавани Средиземнаго Моря. Богатые корабельные грузы приходили съ береговъ Аравіи и Индіи, привозя разныя пряности, арабійскій пурпуръ, рабовъ и обезьянъ. Для этого рода товаровъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ была Александрія. Также

караваны изъ внутренней Ливіи привозили сюда, и въ цвѣтущіе порты восточной части Сѣверной Африки, продукты юга. Важнѣйшими продуктами торговли были здѣсь разныя породы дикихъ животныхъ, которыми пользовались для звѣриныхъ боевъ и травли. Почти во всякомъ, сколько-нибудь значительномъ городѣ римской имперіи былъ свой амфитеатръ. Болѣе многочислены они были въ Италіи и Галліи, однако и на Востокѣ было не мало примѣровъ звѣриной травли и гладіаторскихъ боевъ. Если принять во вниманіе, сколько животныхъ порою при этомъ погибало, то можно составить себѣ понятіе объ обширности торговли дикими звѣрями.

Также на сѣверѣ Имперіи были изысканные товары, какъ напр., янтарь, пухъ, олово, мѣдь, свинецъ. Во многихъ частяхъ имперіи процвѣтало горное дѣло. Въ рудникахъ Испаніи 40.000 рабочихъ были заняты добычею серебра. Не многимъ менѣе было число рабочихъ, занимавшихся добычею золота въ Дакіи (въ горахъ нынѣшней Седмиградіи).

Богатыя и разнообразныя торговыя сношенія указываютъ на развитіе роскоши, на внѣшній комфортъ и на извѣстное умѣніе наслаждаться жизнью, одушевлявшее тогдашнее человѣчество. Тоже заключеніе навязывается уму при первомъ взглядѣ на остатки города Помпеи, на многочисленные остатки построекъ того времени, на развитіе скульптуры и живописи.

Никогда еще, кажется, въ исторіи человѣчества не было такой строительной горячки, какъ въ то время. Съ императорами соперничали общины въ провинціяхъ. Онѣ украшали свои города храмами, базиликами, великолѣпными амфитеатрами и дорогими водопроводами.

Монументальныя сооруженія доставили случай скульпторамъ и живописцамъ примѣнять свои художественныя произведенія. Постановка статуй заслуженныхъ людей, почеть, часто оказывавшійся государственными и городскими властями, все это дало художникамъ достаточный поводъ примѣнить на дѣлѣ свое искусство. На одной рыночной площади, въ Помпеѣ, найдено 14 портретныхъ статуй, и если самъ Августъ сообщаетъ, что онъ велѣлъ расплавить 80 поставленныхъ ему въ Римѣ серебряныхъ статуй, чтобы болѣе достойнымъ образомъ украсить храмъ Аполлона, то это указываетъ на такое процвѣтаніе пластическаго искусства, о какомъ намъ трудно даже составить себѣ понятіе. Въ однѣхъ Аѳинахъ найдено нѣсколько дюжинъ статуй Адріана.

Отъ украшенія общественныхъ зданій не отставало и убранство частныхъ домовъ. Не только на показъ, но и по внутренней потребности видѣть художественныя произведенія, частныя лица украшали свои дома декоративною живописью и превосходною скульптурою или также искусно устроенными садами, колоннадами, роскошною домашнею утварью,—словомъ всѣмъ, что плѣняетъ зрѣніе. Рука объ руку съ этимъ украшеніемъ домовъ, мы видимъ и украшеніе надгробныхъ памятниковъ. Лишь сравнительно поздно явились надгробныя плиты, еще позднѣе—мраморные саркофаги, которые впрочемъ были доступны лишь высшимъ слоямъ общества, и на которыхъ изображали характерныя сцены изъ дѣйствительной жизни или же чисто поэтическія сцены, заимствованныя, большею частью, изъ греческихъ сказаній.

Утонченность культуры проявилась не только въ подъемѣ архитектуры и живописи, но и музыки. Правда, музыка изъ всѣхъ искусствъ сравнительно менѣе всего развилась въ древности, такъ что древняя музыка едва-ли допускаетъ даже отдаленное сравненіе съ новѣйшею. Сверхъ того, римская музыка была лишь отголоскомъ греческой, но во всякомъ случаѣ, въ императорскую эпоху музыка достигла небывалой еще виртуозности. Виртуозы почти постоянно странствовали. Ихъ гонорары и сборы были превосходны; даже обыкновенное преподаваніе музыки въ частныхъ домахъ стало весьма выгоднымъ, являясь предметомъ зависти и досады для людей науки и литераторовъ. Перенесенныя изъ Греціи состязанія музыкантовъ приняли вскорѣ форму концертовъ-монстръ, превосходившихъ новѣйшія затѣи въ этомъ родѣ. Но въ теченіе всей древности удовольствіе, доставляемое музыкой, имѣло совершенно чувственный характеръ, содѣйствуя лишь расслабленію и порчѣ нравовъ. Не менѣе деморализующимъ образомъ дѣйствовали перешедшія также изъ Греціи театральныя представленія. Въ Римѣ существовали греческія бродячія труппы; съ этими актерами старались знакомиться и знатные, и незнатные. А греческіе артисты были народомъ легкомысленнымъ и любившимъ пожить всласть. Въ императорскую эпоху все еще странствовали греческіе „искусники“—техниты, а уже Аристотель жаловался на ихъ безнравственность. Со временъ же Аристотеля въ области сценическаго искусства многое настолько измѣнилось къ худшему, что греческая драма не могла сохранить свое прежнее высо-

щееся положеніе въ обществѣ и не могла удержать прежній религіозный характеръ.

Характерно для тогдашняго состоянія культуры также положеніе римскаго литературнаго творчества.

Послѣ того, какъ, при первыхъ преемникахъ Августа, явилась замѣтная сухость, особенно въ области поэзіи, эпоха Нерона и Флавіевъ снова произвела кое-что въ области поэзіи, обнаруживающее въ одно и то же время и талантъ авторовъ, и ихъ неспособность понять высшія поэтическія идеи и выразить ихъ въ поэтической формѣ. Безъ сомнѣнія, философъ и трагикъ Сенека, учитель Нерона, былъ человѣкъ въ высшей степени талантливый. Его трагедіи, въ значительной мѣрѣ подражающія Эврипиду, а по своей морализующей тенденціи и по гладкости формы послужившія образцомъ французской и итальянской драмѣ, содержатъ много поэтическихъ, тонко разработанныхъ чертъ. Но лишь въ рѣдкихъ случаяхъ онѣ способны вполнѣ овладѣть всецѣло нашимъ чувствомъ. Онѣ пригодны для декламированія, но не для сцены. Характеры часто лишены настоящей живой индивидуальности; общіе моральные типы и морализирующія соображенія гораздо важнѣе для автора, нежели дѣйствія и изображенія страстей. Эти трагедіи — оранжерейныя растенія, дѣлающія честь уму и остроумію автора, но лишенныя поэтической правды и чувства. Не лучше будетъ и окончательный приговоръ надъ философскими произведеніями Сенеки! Они содержатъ много прекрасныхъ, даже глубоко-прочувствованныхъ мѣстъ и проникнуты настоящимъ религіознымъ настроеніемъ. Но дѣла Сенеки и внутреннія особенности его натуры не соотвѣтствовали идеальнымъ принципамъ. Человѣкъ, который подлѣйшимъ образомъ льстилъ Клавдію и тотчасъ же послѣ его смерти написалъ на умершаго злѣйшее стихотвореніе, не могъ относиться серьезно къ морали. Онъ былъ, по замѣчанію Тацита, очень привлекательнымъ талантомъ, умѣвшимъ приспособляться къ настроенію современниковъ; но это не былъ настоящій характеръ, не былъ поэтъ, проникнутый божественнымъ огнемъ, хотя былъ, быть можетъ, остроумнѣйшій изъ римскихъ писателей.

Далеко ниже его стоятъ прочіе поэты, воспѣвавшіе въ стихахъ, весьма совершенныхъ по формѣ, въ порою вычурныхъ выраженіяхъ, дѣла прошлаго, участвуя въ нихъ только умомъ, но не сердцемъ. Племянникъ Сенеки, Маркъ

Анней Лукцинусъ, въ своей „Фарсалика" далъ риторическое описаніе дѣлъ Помпея, въ другомъ же произведеніи прославлялъ Нерона. Силій Италикъ подобнымъ же образомъ воспѣвалъ событія второй пунической войны, а Валерій Флаккъ—даже походъ аргонавтовъ. Лирика и драма совсѣмъ пришли въ упадокъ. Лишь въ области сатиры, эпиграммы и шутливыхъ стихотвореній было сдѣлано много довольно выдающагося. Здѣсь часто, хотя и не безъ примѣси фривольности и лицемѣрія, прорывалось истинное чувство, тогда какъ вообще къ литературѣ той эпохи примѣнимы слова Шиллера: „слаба въ опозоренной груди мысль, и едва даетъ о себѣ знать истинное чувство". Римская поэзія того времени особенно подтверждаетъ пессимистическій взглядъ Тацита. Никакого слѣда идеализма въ ней найти нельзя ни въ нравственномъ, ни въ общественномъ отношеніи.

Лучше было положеніе прозы. Историческія сочиненія Кремуція Корда и Авфидія Басса замѣчательны по своему свободомыслію. Произведеніе перваго изъ нихъ было уничтожено, другое же вскорѣ подверглось преслѣдованію и было забыто. Другія сочиненія, которыми также пользовался Тацитъ, повидимому, заслуживали вниманія. Таковы сочиненія Фабія Рустика и Клузія Руфа. Какъ справочная книга, замѣчательна естественно-историческая энциклопедія Плинія Старшаго, а его исторія, повидимому, была хороша, какъ собраніе источниковъ. Но всѣхъ далеко превосходитъ Тацитъ, „историкъ умирающей свободы". Это была въ высшей степени субъективная натура, неспособная оставить въ сторонѣ личное отношеніе къ дѣлу и сохранить спокойную объективность изложенія. Если его сочиненія теряютъ значеніе какъ источникъ, то позволяютъ по крайней мѣрѣ заглянуть вглубь душевной жизни одного изъ благороднѣйшихъ и наиболѣе замѣчательныхъ римлянъ. Какими маленькими кажутся, по сравненію съ нимъ, лично безукоризненные люди, какъ, напр., Плиній Младшій — авторъ рѣчей и писемъ, и Светоній — біографъ императоровъ!

Да и въ другихъ областяхъ науки было сдѣлано много замѣчательнаго. Относительно разработки юриспруденціи будетъ сказано особо. Результаты юридическихъ работъ имѣли немалое значеніе, тогда какъ въ области другихъ, въ то время модныхъ наукъ, каковы грамматика и даже астрологія, было сдѣлано мало утѣшительнаго.

Высоко цѣнилась и не менѣе высоко оплачивалась меди-

цина. Плиній разсказываетъ о врачѣ-чудотворцѣ, Альконѣ, который былъ изгнанъ при императорѣ Клавдіи, причемъ у него конфисковали имущество. Эта конфискація доставила казнѣ „сто тысячъ сестерцій“, что составляетъ не менѣе пятнадцати милліоновъ марокъ. Позднѣе этотъ Альконъ былъ помилованъ и возвратился въ столицу. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ, по разсказу того же Плинія, нажилъ прежнее состояніе. О другомъ римскомъ врачѣ, Хармисѣ изъ Марсели, лѣчившемъ холодною водою, разсказываютъ, что за одно излѣченіе онъ взялъ сумму въ 200 сестерцій, составляющую 30.000 марокъ. Плиній приводитъ эти примѣры съ цѣлью показать, какія состоянія наживали порою служители Эскулапа. Если суммы, полученныя Алькономъ и Хармисомъ, и составляютъ исключеніе, то во всякомъ случаѣ онѣ содержатъ указаніе на общее положеніе врачебнаго дѣла и на размѣры гонорара. Врачи въ древнемъ Римѣ вообще были люди богатые. Императорскіе врачи получали содержаніе въ 250 сестерцій въ годъ, что составляетъ 37.500 марокъ. О нѣкоемъ Квинтѣ Тартинѣ Плиній разсказываетъ, что онъ вмѣнялъ себѣ въ особую заслугу то обстоятельство, что получалъ годичное содержаніе лишь въ 600 сестерцій, т. е. 75.000 марокъ, но зато годичной практикой онъ добывалъ еще 600 сестерцій, или 90.000 марокъ. Эти цифры даютъ понятіе о почетѣ и экономическомъ положеніи, которымъ пользовались римскіе врачи.

Въ то время какъ въ юриспруденціи и въ другихъ областяхъ знанія, непосредственно примыкавшихъ къ практикѣ, было сдѣлано много замѣчательнаго въ эту и даже въ позднѣйшія эпохи, во всѣхъ прочихъ областяхъ знанія научныя стремленія угасли почти окончательно, или, какъ, напр., въ грамматикѣ, ограничивались всякаго рода внѣшностями. Вторая половина II вѣка представляетъ періодъ чудовищной сухости римской литературы. Жалкіе компиляторы историческихъ книгъ изъ той эпохи не заслуживаютъ даже поименованія и странно видѣть, что такой пустоголовый человѣкъ, какъ какой-нибудь Фронтонъ, могъ быть другомъ Марка Аврелія и пользоваться большимъ почетомъ. Всюду восхищались риторикой и даже ничтожнѣйшіе люди встрѣчали одобреніе. Самыя жалкія произведенія находили почитателей. Стоитъ вспомнить хотя бы панегирикъ Плинія Младшаго, безсодержательную вычурную придворную рѣчь, которая впослѣдствіи прославлялась какъ великолѣпнѣйшее произведеніе.

Слѣдуетъ признать, что Квинтиліанъ былъ превосходный учитель риторики, что онъ благопріятно повліялъ на развитіе краснорѣчія и въ достаточной мѣрѣ подчеркнулъ значеніе своего знаменитаго образца—Цицерона. Но болѣе сильное вліяніе имѣла на тогдашнее римское краснорѣчіе греческая риторика, сильно развившаяся снова во второмъ вѣкѣ, вскорѣ получившая господство и испортившая вкусъ римлянъ. Краснорѣчіе, до сихъ поръ служившее государственному человѣку на форумѣ и въ сенатѣ, было теперь вытѣснено заимствованнымъ изъ Аѳинъ искусствомъ — говорить красно и блестяще, произносить блестящія декламаціи о всевозможныхъ философскихъ вопросахъ. Новые софисты, умѣвшіе говорить то объ историческихъ, то о литературныхъ вопросахъ, отдѣлываясь блестящими фразами, стали героями настоящей минуты. Дѣйствуя то какъ учителя краснорѣчія, въ университетахъ и школахъ, то въ большихъ городахъ, то какъ странствующіе виртуозы, они добывали себѣ лекціями богатство и почетъ. Главною цѣлью ихъ стремленій было добыть преподавательское мѣсто въ основанномъ императоромъ Адріаномъ Атенеумѣ, или же получить одно изъ мѣстъ на жалованіи, установленномъ императоромъ Маркомъ Авреліемъ. Лишь наслажденіе, которое доставляли древнимъ благозвучныя слова, объясняетъ, какимъ образомъ подобное направленіе могло такъ скоро овладѣть умами и при томъ въ такой степени, что по сравненію съ этимъ, всякій научный и литературный интересъ отступилъ на второй планъ. Правленіе Антониновъ благопріятствовало этому направленію, напр., тѣмъ, что искусные ораторы и импровизаторы, подобно врачамъ, освобождались отъ всякихъ городскихъ налоговъ. Риторы вскорѣ всюду выдвинулись, они пользовались вліяніемъ при дворѣ и въ правящихъ сферахъ, ихъ дѣятельность стала замѣтною при возрожденіи философіи въ видѣ неоплатонизма. Вліяніе ея осталось значительнымъ еще въ христіанскія времена. Догматическіе споры и церковное краснорѣчіе IV в. находятся подъ вліяніемъ этихъ риторовъ и лишь христіанская риторика съ ея болѣе глубокимъ содержаніемъ заставляетъ забыть о языческой, служа ея заменой.

Непосредственное дѣйствіе греческой риторики на римское краснорѣчіе было обильно печальными послѣдствіями. Начиная съ средины II в., Римъ пересталъ быть центромъ италійской литературы. Несмотря на покровительство литера-

турнымъ талантамъ со стороны Адріана и Антониновъ, римская литература въ Италіи стала постепенно изсякать. Лишь въ провинціяхъ находились тамъ и сямъ писавшіе по-латыни люди, какъ, напр., авторъ романовъ, Апулей, жившій въ Африкѣ. Образованные люди обратились къ греческому языку, какъ, напр., императоръ Адріанъ, котораго даже прозвали Грекулусъ, и Маркъ Аврелій, греческій философъ на римскомъ престолѣ. Римскіе писатели, какъ, напр., Светоній и Фронтонъ, издали много сочиненій на греческомъ языкѣ. Въ греческой половинѣ имперіи развилось утѣшительное стремленіе къ научнымъ работамъ и въ то же время появились школы риторовъ. Прежде всего это слѣдуетъ сказать о метрополіи Востока, Александріи. Здѣсь дѣйствовалъ въ то время знаменитый астрономъ и географъ, Клавдій Птолемей, здѣсь процвѣтали естественно-историческія и медицинскія работы; здѣсь развились христіански-философскія изслѣдованія въ школѣ катехизистовъ (катехитовъ) подъ руководствомъ знаменитаго отца церкви Оригена.

Развитіе умственной культуры въ теченіе II в. лишь изрѣдка возбуждаетъ чувство удовлетворенія. Нѣтъ недостатка въ доброй волѣ къ улучшеніямъ, въ стремленіи создать что-либо значительное въ умственной области. Но эпоха была бѣдна оригинальными натурами, геніальными личностями, а тѣмъ, которыя были призваны сдѣлать что-либо, не хватало масштаба для оцѣнки своего умѣнья. Сюда добавлялась религіозная неудовлетворенность массъ, крайнее развитіе лицемѣрія и суевѣрія, значительное распространеніе культа египетской Изиды и персидскаго Миѳры, поиски чудесъ, заклинанія и оракулы—все это производитъ отвратительное впечатлѣніе, особенно въ связи съ все разростающеюся всеобщею безправственностью.

Уже наступаютъ предвѣстники матеріальнаго упадка, не смотря на внѣшній блескъ, который умѣли распространять вокругъ себя Антонины. Расходы государства возрастаютъ, частью вслѣдствіе оживленной строительной дѣятельности, частью же по причинѣ высоты военнаго бюджета. Подати растутъ. Государство забираетъ въ свои руки многіе общинные доходы и налагаетъ на общины новыя тягости. Нельзя счесть признакомъ нормальныхъ экономическихъ отношеній то обстоятельство, что бережливый Антонинъ Пій оставилъ фондъ въ 100 милл. марокъ. Торговый балансъ былъ постоянно неблагопріятенъ, многостороннему ввозу противостоялъ

весьма однообразный вывозъ, монета постоянно отливала за границу, безъ того, чтобы этотъ отливъ можно было замѣстить добываніемъ благородныхъ металловъ. Поэтому даже временныя бѣдствія отзывались крайне тяжело. Въ продолженіе своихъ многолѣтнихъ войнъ Траянъ прибѣгалъ къ выпуску низкопробной монеты, а Марку Аврелію пришлось бороться съ серьезнымъ финансовымъ кризисомъ. Такимъ образомъ становится понятнымъ, какъ могло случиться, что когда послѣ краткаго золотого вѣка Антониновъ коронованные бездѣльники стали швырять деньгами, и въ постоянныхъ ссорахъ изъ - за короны задержали мирное развитіе имперіи,—паденіе вскорѣ стало неминуемымъ.

Но несмотря на всѣ эти и другія тѣневыя стороны, постоянно необходимо подчеркивать то обстоятельство, что существованіе имперіи все же принесло значительную пользу, хотя бы потому, что имперія связывала воедино народы, живущіе по Средиземному морю. Завоеванія императоровъ познакомили Римъ съ греко-александрійской наукой, но затѣмъ занесли ее на край цивилизованнаго міра. Чего никогда не могли сдѣлать греки, то сдѣлали римляне: примыкая къ грекамъ и александрійцамъ въ искусствѣ и наукѣ, Римъ утвердилъ свое господство по всему земному шару, тогда ему извѣстному, на пространствѣ области, уступавшей лишь современной ему китайской державѣ подъ господствомъ династіи Тзинь и Ханъ (30 до Р. Х. — 116 послѣ Р. Х.), а также міровой державѣ монголовъ въ царствованіе Чингисъ-хана и, наконецъ, нынѣшней Россійской Имперіи. Такимъ образомъ даже бури въ эпоху переселенія народовъ не могли окончательно смести съ лица земли огромную римскую державу. Если такъ наз. греческая цивилизація сохранилась и дошла до насъ, то этимъ настоящее обязано завоевательнымъ подвигамъ римскаго государства, т. е. республики, а особенно имперіи. Эти завоеванія достаточно скрѣпили народы для того, чтобы дать культурѣ возможность глубже пустить свои корни. Далѣе—и это въ концѣ концовъ было выгодно для всѣхъ—между всѣми частями имперіи начались неограниченныя торговыя сношенія, явилось прямое сообщеніе. Средиземноморскіе народы были приведены въ болѣе тѣсное соприкосновеніе между собою и стали общими наслѣдниками тогдашнихъ знаній и науки. Искусства, науки, земледѣльческія улучшенія распространялись, отдаленнѣйшія страны имѣли прекрасныя дороги, водопроводы, мосты, круп-

ныя сооруженія инженернаго искусства. Въ варварскихъ странахъ гарнизонныя войска служили очагами цивилизаціи. Подлѣ лагеря возникали селенія, рынки, города, устраивались браки съ туземными женщинами, мало-по-малу проникали столичныя искусства, науки, нравы, — такъ какъ матеріальный обмѣнъ всегда влечетъ за собою и умственный. Это распространеніе римскаго вліянія вокругъ Средиземнаго моря постепенно вызываетъ склонность къ однородности мысли, и вотъ въ чемъ слѣдуетъ видѣть величайшее культурное пріобрѣтеніе императорской эпохи. Такимъ образомъ вскорѣ обнаружилось, что политическое единство такой обширной территоріи является провозвѣстникомъ единства умственнаго и нравственнаго.

Таково было состояніе римской имперіи до конца II в. послѣ Р. Х. и осмотрительное обсужденіе едва-ли позволитъ намъ утверждать, что упадокъ болѣе значителенъ, чѣмъ въ послѣдніе годы существованія республики.

Въ дѣйствительности, консервативная сила цезаризма соединяла народы и до извѣстной степени предотвращала упадокъ, дозволяя порою даже неожиданный расцвѣтъ умственной культуры.

Жизнь и нравы въ городѣ Римѣ въ началѣ имперіи.

Когда теперь говорятъ о культурной жизни Рима и о его прочномъ вліяніи на міръ, особенно на средневѣковую эпоху и частью даже на новое время, — невольно представляется картина Рима, какимъ онъ былъ въ первую половину императорскаго періода, являясь центромъ хорошо организованной, всюду благопріятно развивавшейся имперіи, мѣстопребываніемъ искусствъ и оживленной ремесленной дѣятельности.

Желательно здѣсь поэтому на время прервать изображеніе историческаго развитія и дать краткую картину тогдашняго положенія столицы римскаго государства, а также будничной жизни и нравовъ Рима. На-ряду съ свѣтлыми точками, мы найдемъ здѣсь, конечно, много тѣневыхъ сторонъ. Вообще, всюду блескъ соединяется съ пятнами, и показная сторона культуры съ многими язвами. Богатство и бѣдность, художественное чутье и варварская грубость, религіозность и матеріализмъ, существовали въ жизни всегда рука объ

руку, какъ существуютъ и теперь, и исторія можетъ подчеркнуть лишь преобладаніе той или другой стороны.

Нѣтъ ничего болѣе величественнаго, поетъ одинъ позднѣйшій римскій поэтъ, нежели городъ Римъ. Ни одинъ глазъ не способенъ охватить его обширности, ни одинъ умъ не способенъ вмѣстить всей его красоты, ни одни уста не могутъ достаточно похвалить его. Лишь кто знаетъ Римъ, тотъ можетъ сказать, что прожилъ достаточно. Подобныя утвержденія римскихъ поэтовъ и ораторовъ встрѣчаются очень часто. И это не простыя фразы. Ни въ одномъ городѣ во всемъ мірѣ не было столькихъ величественныхъ построекъ и такого количества произведеній пластическаго искусства. Въ одномъ древнемъ описаніи указано для Рима около 50.000 наемныхъ жилищъ — порою настоящихъ казармъ, прозванныхъ, по ихъ замкнутости, островами. Сверхъ того было 1790 дворцовъ. Считалось до 4000 выставленныхъ въ общественныхъ мѣстахъ бронзовыхъ статуй полководцевъ и императоровъ. Во многихъ мѣстахъ массы зданій были окружены великолѣпными садами и парками. Сверхъ того, въ сѣверной части города, именно на правомъ берегу Тибра были раскинуты обширные сады, частью принадлежавшіе императорамъ. Многочисленные фонтаны, колодцы, водоемы, бани были главнымъ украшеніемъ города. Римъ былъ сверхъ того главнымъ складочнымъ мѣстомъ всемірной торговли.

Въ Римѣ, говоритъ Плиній Старшій, можно видѣть вблизи продукты всего міра. Множество базаровъ и лавокъ доставляли достаточно любопытнаго. Тѣмъ не менѣе, внутри города Римъ далеко не представлялъ такого прекраснаго зрѣлища, какъ, напр., Александрія. Республиканскій Римъ, который не могъ скрыть своего происхожденія и отсутствія всякаго плана въ постройкахъ даже и послѣ разрушенія галлами и новой отстройки, былъ въ значительной мѣрѣ украшенъ во времена Августа. Значительные пожары при Тиверіи, въ 27 и 37 гг., но главнымъ образомъ пожаръ, бывшій при Неронѣ и уничтожившій много наемныхъ казармъ и старинныхъ патриціанскихъ домовъ,—все это сдѣлало необходимою перестройку города, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его украшеніе. Тѣмъ не менѣе узость улицъ была препятствіемъ для движенія народной толпы. Разныя пристройки еще болѣе затрудняли сообщеніе на улицахъ и дошло до того, что Домиціанъ долженъ былъ издать распоряженіе противъ сооруженія тавернъ, а позднѣйшіе императоры запретили сооружать какія бы то

ни было деревянныя пристройки къ верхнимъ этажамъ. Даже при обыкновенномъ сообщеніи на улицахъ было далеко не совсѣмъ удобно тѣсниться посреди разныхъ цируленъ, мясныхъ лавокъ и т. д. Но это становилось попросту опаснымъ, когда рѣчь шла о большихъ скопленіяхъ толпы во время праздноствъ, публичныхъ зрѣлищъ и т. п. Когда Калигула велѣлъ швырять деньги въ народъ съ Юліевой базилики, то при этомъ погибло почти 300 человѣкъ, въ томъ числѣ однѣхъ женщинъ 250. О подобныхъ катастрофахъ упоминаютъ и въ другихъ случаяхъ. Въ особенности опасны были при такихъ узкихъ улицахъ пожары.

Относительно тогдашняго способа постройки домовъ можно заключить по раскопкамъ въ Помпеѣ. Первобытный римскій домъ изъ длинной галлереи съ нѣсколькими примыкающими комнатами былъ въ то время уже анахронизмомъ.

Внутри города преобладали теперь большіе наемные дома въ 4 и болѣе этажей съ лавками въ партерѣ и съ выступами (пергулэ). Далеко разнообразнѣе и роскошнѣе были дома римскихъ вельможъ. Главнымъ жилымъ помѣщеніемъ была часть дома, находившаяся на заднемъ планѣ. Въ атріумѣ хозяинъ дома принималъ кліентовъ и гостей. Сзади находился украшенный колоннами перистиль, къ которому примыкали многія изящныя комнаты и столовая. Къ господскимъ комнатамъ примыкали террасы, колоннады, сады. Переднія комнаты были предназначены для прислуги. Онѣ обыкновенно отдѣлялись отъ перистиля семейнымъ архивомъ. Уже къ концу республики роскошь въ домахъ стала необыкновенной. Дома стали быстро возрастать въ цѣнѣ. Даже Цицеронъ, не имѣвшій по римскимъ понятіямъ большого состоянія, купилъ себѣ домъ въ Палатинѣ за 600.000 марокъ, а его противникъ, расточительный Клодій, заплатилъ почти 3 милліона марокъ за свой столичный домъ. Въ императорскія времена тратили огромныя деньги на дорогіе сорта строительныхъ матеріаловъ. Такъ, напр., на Авентинѣ въ одномъ мѣстѣ найдено 40 сортовъ пестраго мрамора. Стѣны украшались живописью фреско, полы — мозаикой. Не менѣе высокія суммы тратились на дорогую обстановку этихъ столичныхъ домовъ, а также дачъ. Но при этомъ рѣчь идетъ не о большихъ шкапахъ или массивной мебели. Главная роль въ обстановкѣ придавалась драгоцѣннымъ столамъ, которые вырѣзывались изъ дорогихъ сортовъ дерева художественнымъ образомъ и обкладывались слоновою костью. Богатѣйшимъ образомъ украшались также

кресла вельможъ и ложа богатыхъ и знатныхъ женщинъ. Противъ дорогой серебряной посуды и преувеличенной роскоши ораторствовали уже древніе цензора.

Жизнь и движеніе въ этой столицѣ, имѣвшей въ эпоху Плинія около 24 кил. въ окружности и около 2 милл. жителей, была, безъ сомнѣнія, весьма разнообразна. Здѣсь встрѣчались представители разнообразнѣйшихъ странъ, народовъ и культовъ. Уже во времена Катона въ Римѣ было немало бродягъ и дневныхъ воровъ. Въ императорскую эпоху въ Римѣ, съ его сотнями тысячъ пролетаріевъ, привыкшихъ къ даровой раздачѣ хлѣба и къ милостынѣ, возникли элементы, крайне опасные въ общественномъ отношеніи, и государство принимало всевозможныя мѣры, чтобы какъ-нибудь развлечь толпу. Всякое желаніе, и всякое даже самое утонченное чувственное наслажденіе находило въ то время въ Римѣ удовлетвореніе, а кому не хватало денегъ, тотъ присасывался, какъ паразитъ, къ богатымъ. Упомянутые раньше сады и 856 общественныхъ бань, бывшихъ въ древности увеселительными мѣстами, цирки, звѣриныя травли, игры гладіаторовъ, пѣніе, роскошные балеты и пантомимы,—все это доставляло достаточное число развлеченій и могло, если не доставлять наслажденіе, то по крайней мѣрѣ убить скуку даже у наиболѣе пожившихъ людей. Кому нравились болѣе серьезныя занятія, тотъ могъ работать въ библіотекахъ и мастерскихъ художниковъ, или же присутствовать при многочисленныхъ декламаціяхъ, когда читались, напр., литературныя новости.

Болѣе благородные умы, стремившіеся къ серьезнымъ умственнымъ занятіямъ и преданные тихой семейной жизни, конечно, могли чувствовать себя утомленными среди этой городской сутолоки. „Никогда мы не можемъ располагать временемъ,—жалуется Марціалъ,—жизнь проходитъ среди сумятицы“. Но какъ уже Горацій напрасно убѣждалъ своего Мецената отказаться отъ шума и наслажденій городской жизни, такъ моралисты, вродѣ Сенеки и Ювенала, хотя бранили грѣшный римскій Вавилонъ, но все же не могли жить безъ вѣчнаго города. Когда Овидій былъ изгнанъ изъ Рима, жизнь показалась ему пустою и скучною, это была для него жизнь въ царствѣ тѣней, болѣе не освѣщенномъ солнцемъ радостей. Жизнь вѣчно занятыхъ праздношатаевъ, полагающихъ, что они не могутъ жить иначе, чѣмъ въ столицѣ, была, по позднѣйшему описанію Галла, слѣдующаго рода: рано утромъ дѣлали визиты, а именно къ чиновникамъ и милостивцамъ.

Затѣмъ отправлялись на форумъ слушать шумныя судебныя дѣла, гдѣ встрѣчали всякаго рода знакомыхъ, или же отправлялись смотрѣть пантомимы или бѣга колесницъ. Многіе проводили время, занимаясь любовными приключеніями и игрою въ кости, или же сидѣли въ баняхъ и въ тавернахъ, пока не наступалъ обѣденный часъ. Обѣдъ, сопровождаемый разными развлеченіями, порою длился до утра.

Къ этимъ общественнымъ или товарищескимъ удовольствіямъ и развлеченіямъ, съ ихъ роскошью и излишествами, стремилась знатная чернь столицы. Быть приглашеннымъ на пиръ вельможи и по возможности собрать, честными или нечестными средствами, столько денегъ, чтобы самому занять привилегированное положеніе въ обществѣ, — такова была цѣль многихъ тысячъ людей. Общія желанія, жалуется Плиній, направлены всегда къ одной и той же цѣли, а именно къ богатству, и даже превосходные люди часто отдаютъ гораздо болѣе чести чужимъ порокамъ, нежели собственной добродѣтели.

При угощеніяхъ, конечно, тратили большія суммы на множество яствъ и питій. Самыя рѣдкія блюда, наиболѣе лакомые куски, предлагались гостямъ, готовились и гарнировались самымъ искуснымъ образомъ. Но это былъ лишь второстепенный вопросъ. Прежде всего рѣчь шла о томъ, чтобы приглашенные гости получали хорошее угощеніе, а для этого было столько же достойныхъ, сколько и недостойныхъ средствъ или, собственно говоря, послѣднія преобладали. Въ императорскія времена хорошій обычай, который рекомендуется еще Варрономъ, а именно, чтобы число приглашенныхъ не превосходило числа музъ, т. е. 9,—этотъ обычай былъ совершенно оставленъ. Сотни гостей часто приглашались на пиры. Здѣсь уже невозможенъ былъ общій разговоръ, но требовались какія-либо особыя развлеченія. Всего обыкновеннѣе устраивались музыкальныя представленія и мы находимъ немало жалобъ на вѣчную игру на флейтѣ и на лирѣ, на пѣніе и декламацію. Безъ какой бы то ни было музыки почти не обходился ни одинъ большой обѣдъ. Въ лучшихъ домахъ гостямъ предлагали развлеченіе въ видѣ театральныхъ представленій: давали, напр., комедіи Менандра, драматическія представленія гомеровскихъ сценъ или даже вульгарные фарсы. Плутархъ (около 100 г. послѣ Р. Х.) говоритъ даже о драматическомъ воспроизведеніи Платоновскихъ діалоговъ, очевидно пригодномъ лишь для болѣе образованныхъ и свободомысля-

щихъ зрителей. Часто читали или пѣли новыя лирическія произведенія. Многіе писатели стремились къ тому, чтобы ихъ произведенія встрѣтили аплодисменты или же подверглись обсужденію въ подобномъ обществѣ.

Очень часто, впрочемъ, хозяева придумывали болѣе простыя средства для увеселенія гостей. Шуты должны были возбуждать веселость грубыми выходками, танцовщицы и куплетныя пѣвицы возбуждали полупьяныхъ развратниковъ неприличными выходками и словами. Уже въ то время прекрасныя андалузскія танцовщицы стали спеціальнымъ средствомъ развлекать гостей во время послѣобѣденнаго отдыха.

Было бы, конечно, несправедливо, если бы мы не указали, что нѣкоторыя изъ такихъ обѣденныхъ развлеченій оставались не совсѣмъ безплодными для ума и вкуса. Нѣкоторые обѣды затѣвались спеціально для обмѣна мыслей и порою даже имѣли характеръ ученыхъ засѣданій. Если выдающіеся писатели, какъ, напр., Плутархъ, считали вполнѣ достойнымъ себя писать о томъ, какъ слѣдуетъ устраивать обѣдъ для возможно болѣе оживленнаго обмѣна мыслей, то это является рѣшительнымъ аргументомъ въ пользу нѣкоторыхъ подобныхъ обѣдовъ. Такія пирушки являлись средоточіемъ для обмѣна мыслей въ эпоху, когда не существовало ни газетъ, ни журналовъ, за единственнымъ исключеніемъ оффиціальныхъ Акта Діурна (родъ писанной газеты), и когда свобода мысли стѣснялась широко развитою системою шпіонства. Здѣсь, въ тѣсномъ кружкѣ, часто высказывались весьма рѣзко, сообщали другъ другу государственныя дѣла и тайны, получали съ разныхъ концовъ имперіи разнообразныя свѣдѣнія о литературныхъ и политическихъ событіяхъ.

Впрочемъ, эта общественная жизнь на большую ногу ни въ какомъ случаѣ не ограничивалась столицей. Наоборотъ, римскіе вельможи отъ богатѣйшихъ до самыхъ захудалыхъ стремились по возможности доставить себѣ роскошь дачной или сельской жизни и пребывали въ деревнѣ большую часть года въ покоѣ и удобствѣ. Пониманіе красотъ природы было въ то время значительно развито у образованныхъ людей, хотя и совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, чѣмъ въ настоящее время. Горныя мѣстности, а тѣмъ болѣе величественные альпійскіе ландшафты были не во вкусѣ римлянъ. Они любили зато море и верхнеиталійскія озера, свѣтлые прозрачные ручьи и тѣнистыя дубравы. Природу они любили не грозную, но свѣтлую и привлекательную, и если подумать о развратныхъ

удовольствіяхъ той эпохи, то эта задушевная сторона тогдашняго общества заслуживаетъ вниманія.

Рѣзкій контрастъ съ этими невинными и полезными занятіями составляли наслажденія, доставлявшіяся не только низшимъ слоямъ городской черни, но и высшимъ классамъ и казавшіяся необходимостью. Нигдѣ развращенность и испорченность не сказывается съ такою силою, какъ въ этихъ общественныхъ представленіяхъ, происходившихъ и въ малыхъ городахъ въ провинціи, что доказывается многочисленными остатками амфитеатровъ, находимыхъ въ городахъ, значительно отдаленныхъ отъ Рима. Ядъ успѣлъ распространиться.....

Настоящій театръ въ императорскія времена ставилъ своей задачей совсѣмъ не то, что въ тѣ времена, когда онъ былъ разсадникомъ нравственности и культуры. Представленіе трагедій, впрочемъ, никогда особенно не прививалось въ Римѣ и могло удержаться лишь благодаря разнообразнымъ декоративнымъ аксессуарамъ вродѣ большихъ процессій, роскошныхъ костюмовъ, музыкальныхъ украшеній. Вскорѣ интересъ къ этимъ второстепеннымъ подробностямъ сталъ настолько главнымъ, что трагедіи были оставлены въ сторонѣ, и стали давать вмѣсто этого балеты, обставленные внѣшнимъ великолѣпіемъ, нравящимся жадной до подобнаго рода зрѣлищъ толпѣ. Прежде всего выступили на сцену пантомимы, совершенно вытѣснившія трагедіи и доставлявшія народу совершенно иного рода удовольствіе. Игра на флейтѣ, хоры, мины и жесты замѣнили слова. Если, напримѣръ, выступалъ прекрасный юноша въ роли Париса съ яблокомъ и три богини кокетничали передъ нимъ съ выразительной пантомимой, не скупясь на показываніе своихъ прелестей, то подобное представленіе вызывало всеобщій восторгъ, и всѣ понимали, въ чемъ дѣло,—безъ всякихъ словъ. Восхищеніе подобными вещами указываетъ на значительный упадокъ вкуса и на пониженіе уровня тогдашняго искусства и морали.

Немногимъ лучше были фарсы и мимы на комическіе сюжеты. Куплеты, вставленные въ простонародныя ателланы, часто служили къ тому, чтобы сдѣлать намеки на современныя событія. Въ такихъ куплетахъ осмѣивали порою самихъ императоровъ, и въ этомъ смыслѣ подобные фарсы имѣли извѣстное значеніе въ эпоху, когда свобода слова была подавлена. Такія шутки заставляли порою даже тирановъ дѣлать уступки общественному мнѣнію. Впрочемъ, предметы, большею частью грубо комическіе и плоскіе, еще болѣе портили вкусъ толпы. Часто такія представленія служили исключительно для того, чтобы щекотать вкусы толпы. Чѣмъ болѣе разнузданы были мимы съ женскими ролями, тѣмъ болѣе имъ апплодировали, и христіанскіе писатели правы, утверждая, что подобная сцена является школою разврата и прелюбодѣянія.

И все же слѣдуетъ сказать, что этого рода представленія еще не самыя худшія изъ тѣхъ, которыми наслаждались римляне. Подобнаго рода безнравственныя представленія и соотвѣтственные вкусы толпы и теперь не рѣдкость въ большихъ городахъ.

Но настоящую мѣру развращенности всѣхъ сословій въ Римѣ мы получимъ, когда присмотримся къ представленіямъ въ циркахъ, къ травлямъ звѣрей и къ гладіаторскимъ играмъ въ амфитеатрѣ.

Ничто не свидѣтельствуетъ въ такой степени о постоянномъ развитіи страсти къ представленіямъ въ циркахъ, какъ постепенное увеличеніе огромнаго Большого цирка (Циркусъ Максимусъ, собственно наибольшій), находившагося между Палатиномъ и Авентиномъ. Уже при Августѣ тамъ помѣщалось 150.000 зрителей, а при Неронѣ циркъ этотъ былъ увеличенъ до такой степени, что вмѣщалъ 250.000 человѣкъ, позднѣе же 400.000 человѣкъ. Въ циркѣ и вокругъ него кипѣла жизнь, но далеко не такая, которая могла бы возбуждать сочувствіе. Аркады, окружавшія весь циркъ, были переполнены лавками, тавернами, харчевнями, публичными домами. Распущенность, господствовавшая здѣсь при стеченіи многихъ сотенъ тысячъ людей, едва поддается описанію. Музыканты, пѣвцы всякаго рода, пѣвицы и танцовщицы привлекали толпу, стараясь всячески очаровать ее. Здѣсь существовали разнаго рода прохладительные напитки, базары со всевозможными товарами, продавцы фруктовъ, прорицатели—словомъ все, что могло интересовать чернь, а порою привлекать и знатныхъ развратниковъ.

Игры въ циркѣ были самаго разнообразнаго рода. Часто устраивались великолѣпныя представленія. Бѣга колесницъ были въ большомъ почетѣ, гораздо болѣе, чѣмъ лошадиныя скачки. Ничто до такой степени не интересовало народъ—отъ послѣдняго нищаго до императора, какъ вопросъ о томъ, чья колесница одержала побѣду въ бѣгахъ. Еще папа Левъ Великій (442—460) жаловался, что позорныя игры въ циркѣ болѣе привлекаютъ народъ, нежели мѣста успо-

коенія христіанскихъ мучениковъ. Христiане, смотрѣвшіе на подобныя представленія, оправдывали себя тѣмъ, что самъ пророкъ Илія поѣхалъ на колесницѣ на небо. За хорошихъ кучеровъ платили баснословныя деньги и награждали ихъ по царски. Всего замѣчательнѣе, однако, та страстность, съ которою зрители образовывали враждебныя партіи, стоявшія за ту или другую колесницу. Еще въ VIII—IX вѣкѣ въ Константинополѣ существовало 4 партіи колесницъ—зеленая, бѣлая, голубая и красная. Бились объ закладъ, агитировали то за ту, то за другую партію. Правящимъ сферамъ было, очевидно, совершенно по нутру, что народныя страсти отвлекались отъ серьезныхъ политическихъ вопросовъ и занимались подобными пустяками. Вскорѣ, однако, оказалось, что и здѣсь происходятъ весьма серьезныя столкновенія, и при томъ сами императоры скоро вмѣшались въ эти театральныя партіи. Калигула, принадлежавшій къ зеленымъ, приказывалъ отравливать лошадей и кучеровъ противныхъ партій. Вителлій, одинъ изъ голубыхъ, велѣлъ убивать людей изъ народа, осмѣявшихъ эту партію. Порою въ циркѣ доходило до формальныхъ сраженій. Страсть эта очень долго не могла улечься. Даже долгое время спустя послѣ того, какъ германцы заняли Италію, эти безобразія продолжались. Ѳеодорихъ Великій добылъ себѣ расположеніе римлянъ, допустивъ игры въ циркѣ, но не могъ помѣшать настоящему сраженію, происшедшему въ 509 году на аренѣ. Возстаніе, прозванное Ника, при Юстиніанѣ въ Константинополѣ было серьезною опасностью для государства.

Быть можетъ, еще болѣе деморализующимъ образомъ дѣйствовали гладіаторскія игры и звѣриныя травли, о которыхъ только что шла рѣчь. Въ амфитеатрахъ происходили цѣлыя сраженія. Послѣ побѣдъ Траяна выступило 5.000 паръ бойцевъ-гладіаторовъ, а будущій царь Гордіанъ еще въ бытность свою эдиломъ вывелъ 4.000 гладіаторовъ на потѣху народу. Чтобы постоянно удовлетворять жаждѣ народа къ зрѣлищамъ, провинціальные намѣстники получили приказъ привозить въ Римъ какъ можно болѣе преступниковъ. Вассальные цари слѣдовали примѣру Рима. Военноплѣнные и купленные рабы, а также добровольные бойцы заполняли ряды. Спортъ увлекалъ до такой степени, что порою на арену выходили даже отпѣтые молодцы изъ высшихъ сословій.

Здѣсь не мѣсто приводить факты, показывающіе, какъ постепенно предлагались народу все новыя игры и зрѣлища.

Достаточно сказать слѣдующее: самыя рѣдкія животныя, бойцы всѣхъ національностей, сраженія на морѣ и на сушѣ, ночныя сраженія, битвы между всадниками, состязанія и бои съ колесницъ,—всѣ эти удовольствія смѣняли другъ друга, придуманныя съ цѣлью позабавить развратное и скучающее высшее общество и не менѣе распущенную, испорченную чернь. Ничто не можетъ примирить въ такой степени съ фактомъ упадка античной культуры и съ ея окончательной погибелью, какъ мысль, что вмѣстѣ съ нею погибъ и наихудшій видъ варварства.

Пластическое искусство въ Римѣ.

Уже въ предыдущихъ отдѣлахъ было въ достаточной степени показано, что талантъ, обнаруженный римлянами въ искусствахъ, первоначально былъ очень ничтоженъ. Въ большей части родовъ поэтическаго творчества они были учениками грековъ, которымъ съумѣли стать равными лишь по внѣшней формѣ. Но и въ пластическомъ искусствѣ римляне были лишены оригинальности и сами знали это. Вергилій заставляетъ Анхиза пророчествовать слѣдующее о римлянахъ:

„Другіе пусть вливаютъ жизнь въ бронзу и въ мраморъ или же изслѣдуютъ тайны неба. Ты, о римлянинъ, учись повелѣвать народами“.

У римлянъ искусство не было дѣломъ народнаго чувства, потребностью вѣры и изліяніемъ фантазіи, возбужденной божественными идеалами; это былъ просто предметъ роскоши для богатыхъ и знатныхъ. „Искусство являлось служителемъ правительства, всегда готовымъ украшать жизнь, возвеличивать власть, одурманивать народъ“. Такое замѣчаніе дѣлаетъ Любке въ своей „Исторіи искусства“.

Тѣмъ не менѣе произведенія Рима въ области пластическаго искусства значительны и составляютъ эпоху. Пластическія произведенія у римлянъ несомнѣнно выше ихъ поэзіи. Отчасти это зависитъ отъ того, что для пластическихъ искусствъ важную роль уже играетъ значительное развитіе техники, счастливое подражаніе хорошимъ образцамъ и цѣлесообразное соединеніе разнородныхъ элементовъ. У выдающихся учителей, особенно въ области строительнаго искусства, даже попросту „хорошо обученные“ ученики могутъ

создать много заслуживающаго вниманія; а въ превосходныхъ образцахъ римляне не имѣли недостатка.

Сами римляне знали это и признавали, что въ области пластическихъ искусствъ сначала все было у нихъ этрускимъ, а потомъ греческимъ.

Путемъ подражанія и дальнѣйшаго развитія элементовъ обоихъ искусствъ, и сверхъ того путемъ выраженія, при посредствѣ искусства, своихъ собственныхъ идей, римское искусство достигло своеобразнаго значенія въ исторіи культуры. Когда греческая нація, а вмѣстѣ съ нею и искусство, достигли эпохи упадка, римское искусство на самомъ дѣлѣ пріобрѣло крупное значеніе въ исторіи культуры. Когда идеальные порывы художниковъ уменьшились, практическій смыслъ римлянъ привелъ къ дальнѣйшему развитію искусства. Величайшее значеніе римскаго искусства обусловливается именно его міровымъ господствомъ. Наложивъ на всѣ народы одно общее ярмо, римляне принесли имъ также свое искусство, т. е. принятое ими и подготовленное для міровог гражданства греческое искусство, исторгнутое изъ чисто національныхъ рамокъ.

Бросимъ, съ этой точки зрѣнія, взглядъ на исторію римскаго искусства, т. е. будемъ постоянно имѣть въ виду его конечные успѣхи и результаты.

Лишь вмѣстѣ съ распространеніемъ греческой образованности среди римлянъ, у нихъ пробудился интересъ къ греческому искусству. Интересъ этотъ поддерживался тѣмъ, что послѣ побѣдъ надъ эллинистическими государствами, въ Италію и въ столицу были привезены богатыя сокровища и искусства. Марцеллъ привезъ художественныя сокровища Сиракузъ, а Сципіоны—богатую добычу изъ Азіи послѣ побѣдъ надъ Антіохомъ. Извѣстенъ анекдотъ о невѣжествѣ, обнаруженномъ Мумміемъ при разграбленіи предметовъ искусства въ Коринѳѣ. Примѣръ Верреса, который предпринялъ въ управляемой имъ провинціи Сициліи формальную охоту за произведеніями искусства, показываетъ, что у римлянъ значительно развился вкусъ къ художественнымъ произведеніямъ, но въ то же время свидѣтельствуетъ и о томъ, что это пониманіе искусства было чисто внѣшнимъ. Считалось признакомъ хорошаго тона украшать дома и сады произведеніями греческаго искусства, но люди, грабившіе города и музеи, не могли возвыситься до пониманія истинной художественности. У римлянъ пониманіе искусства было просто

оцѣнкой богача, сознающаго себя собственникомъ и воображающаго, что именно поэтому онъ и призванъ судить. Люди съ болѣе утонченнымъ образованіемъ сознавались въ своей некомпетентности. Такъ, Цицеронъ, который чрезвычайно любилъ греческое искусство, а также понималъ его гораздо лучше, нежели многіе другіе, рѣшительно отказывался отъ чести считаться цѣнителемъ искусства. Лишь въ императорскую эпоху не только подражаніе греческимъ произведеніямъ искусства, но и созданіе оригинальныхъ произведеній достигло замѣчательныхъ результатовъ. Сооруженія вродѣ римскаго Форума, Форума Траяна и т. п., вмѣщавшія главныя площади Рима, зданія вродѣ Пантеона и Колизея (Колонеума) не были созданы греческимъ искусствомъ.

Религія въ Римѣ, какъ и всюду, впервые приняла подъ свое попеченіе пластическія искусства, включая архитектуру. Храмы были первыми замѣчательными архитектурными сооруженіями.

Болѣе древніе храмы, судя по отзывамъ древнихъ писателей, были всецѣло подражаніемъ этрускимъ образцамъ. Планъ храма сохраняетъ тускій типъ, даже послѣ того, какъ въ подробностяхъ замѣчается вліяніе греческаго искусства. Въ то время, какъ развитая храмовая архитектура грековъ обыкновенно окружала продолговатую *целлу* вѣнкомъ изъ колоннъ, этруско-римскіе, или, какъ обыкновенно говорятъ, древне-италійскіе храмы представляютъ такъ называемые *антовые* храмы (антами называютъ четыреугольные стѣнные переплеты, которые выдаются какъ выступы боковыхъ стѣнъ надъ входными стѣнами). Колоннада еще отсутствовала. Храмъ поднимался на спускающемся на три стороны основаніи, къ которому вела спереди шикокая свободная лѣстница. Боковыя стѣны выдавались за переднюю стѣну, передъ которыми затѣмъ ставили два ряда колоннъ. Сверхъ того, любили также строить маленькіе круглые храмы съ коринѳскими колоннами. Подобный храмъ находится въ Тиволи.

Переходъ отъ древнеримскаго къ греческому храму образуетъ, напр., храмъ Мужественной Фортуны (Фортуны Вирилисъ), такъ какъ и здѣсь украшеніемъ боковыхъ стѣнъ являются колонны.

Въ болѣе позднюю эпоху стали подражать всякаго рода греческимъ храмовымъ постройкамъ въ Римѣ. Такъ, напр., въ храмѣ Сатурна былъ примѣненъ іоническій стиль. Чаще

всего встрѣчаются, однако, коринѳскія колонны, вродѣ тѣхъ, какія существовали въ александрійско-греческую эпоху. Позднѣе стали искать другихъ болѣе богатыхъ комбинацій. Такъ, наприм., часто соединяли формы іонійскихъ колоннъ съ коринѳскими, или же надъ акантовыми листьями коринѳскихъ колоннъ ставили орловъ или фигуры боговъ. Да и вообще въ римскихъ храмахъ мы находимъ много вольностей и уклоненій отъ греческаго стиля. Столбы греческихъ колоннъ всегда имѣютъ борозды (каннеллюры). Римляне не дѣлали ихъ—особенно, если колонна была изъ твердаго камня или изъ драгоцѣннаго матеріала, или же удерживали ихъ лишь отчасти.

Болѣе древніе римскіе храмы часто обладали, по примѣру этрускихъ храмовъ, трехраздѣльной нишей (cella), при чемъ каждая часть была посвящена другому божеству. Такъ, Капитолій храмъ содержитъ одну нишей, въ которой были поставлены изображенія Юпитера, Юноны и Минервы. Храмъ Цереры былъ посвященъ почитанію не только этой богини, но и Либера и Либеры. Когда римскій культъ болѣе эманципировался отъ этрускаго вліянія, то каждый храмъ стали посвящать лишь *одному* божеству. Даже построенный при Адріанѣ храмъ Добродѣтели (Виртусъ) и Рима (Рома) не составлялъ въ сущности исключенія. Это два совершенно отдѣльные храма съ двумя разными входами, лишь окруженные однимъ вѣнкомъ изъ колоннъ.

Очень рано, въ связи съ хозяйственными и общеполезными сооруженіями и съ этрускимъ вліяніемъ, въ Римѣ развилось сооруженіе сводовъ. Онъ не совсѣмъ было чуждо и грекамъ, но въ Римѣ достигло совершенства. При сооруженіи подземныхъ клоакъ (такъ называемой Клоака Максима) мостовъ, водопроводовъ, сводъ примѣнялся еще съ древнѣйшихъ временъ съ удивительнымъ искусствомъ. Эти сводчатыя сооруженія, чрезвычайно важныя для римскаго, а позднѣе для романскаго искусства, были бы вообще невозможны, если бы римляне, какъ и греки, при своихъ монументальныхъ постройкахъ, пользовались лишь тесанымъ камнямъ. Они примѣняли для такихъ сооруженій картонъ и вскорѣ достигли въ приготовленіи какъ кирпича, такъ и цемента, значительнаго совершенства. Потребности практической жизни часто заставляли римлянъ примѣнять арки и своды, но эти формы вскорѣ стали примѣняться и къ произведеніямъ искусства, преслѣдовавшимъ болѣе идеальныя

цѣли. Форма арки, помимо болѣе рѣдкихъ круглыхъ храмовъ, наблюдалась въ нишахъ, куда ставили изображенія боговъ, и въ куполахъ храмовъ и базиликъ. Дугообразная форма составляла красоту тріумфальныхъ арокъ, бань и дворцовъ, а также основу многоэтажныхъ амфитеатровъ, вродѣ Колизея. Всюду римская арка сочетается съ греческими колоннами. Это можетъ порою вызвать порицаніе слишкомъ умнаго эстетика: фактъ тотъ, что посредствомъ этого соединенія арки съ колонной достигнуты то разнообразіе и привлекательность, которая по справедливости возбуждаетъ восхищеніе въ римскихъ и романскихъ постройкахъ. Греческое строительное искусство создало болѣе глубокія, болѣе потрясающія произведенія въ области религіозной архитектуры, но для разнообразныхъ цѣлей общественной жизни, по солидному великолѣпію и привлекательной многосторонности, римское искусство не уступитъ своимъ греческимъ учителямъ.

Въ особенности въ началѣ императорской эпохи развилась оживленная художественная дѣятельность. „Туземное италійское искусство соперничало съ греческимъ, стремясь украсить жизнь своими произведеніями, и всѣ слои народа были вовлечены въ это стремленіе". Произведенія искусства въ то время украшали не только дворцы богачей. Утварь бѣдняковъ, кладбища рабовъ свидѣтельствуютъ о широкомъ распространеніи пониманія художественныхъ красотъ.

Болѣе чѣмъ какое-либо искусство, архитектура зависитъ отъ внѣшняго благопріятнаго положенія политическихъ отношеній и вообще отъ положенія высшихъ классовъ общества. Богатыя сокровища, привлекавшія въ мирныя времена въ Италію съ начала единодержавія Августа, роскошь, обнаруживавшаяся въ архитектурѣ между прочимъ въ употребленіи матеріала, какъ, напр., разныхъ сортовъ мрамора, привезенныхъ изъ Греціи, Азіи и Африки, стремленіе императоровъ и вельможъ превзойти предшественниковъ и возвысить этимъ собственную популярность,—все это вмѣстѣ содѣйствовало тому, что въ области архитектуры было достигнуто много крупнаго. Но это не могло бы привести къ процвѣтанію пластическаго искусства, если бы среди греческихъ художниковъ не сохранилось превосходной традиціи и если бы практичные римляне не умѣли постичь и развить далѣе красоты греческаго искусства. Многочисленны были

задачи, которыя предстояло рѣшить римскимъ архитекторамъ въ началѣ императорской эпохи.

Существеннымъ звеномъ въ цѣпи мѣропріятій Августа, имѣвшихъ цѣлью утвердить его власть, были, какъ мы показали выше, стремленія обновить религію и культъ. Такъ, Августу обязанъ своимъ происхожденіемъ великолѣпный храмъ Аполлона на Палатинскомъ холмѣ, далѣе храмъ бога войны Квирина на Квириналѣ, храмъ бога грозы Гремящаго Юпитера (Юпитеръ Тонансъ) на Капитоліи,—въ особенности же величественный Пантеонъ. Августъ поставилъ во главѣ строительнаго дѣла Агриппу, человѣка, отличавшагося крупными военными талантами и которому Августъ былъ обязанъ своими главными побѣдами. Какъ администраторъ, Агриппа также оказался первоклассным дѣятелемъ. Ему и привлеченнымъ имъ къ дѣлу художникамъ Римъ обязанъ сооруженіемъ только что названнаго Пантеона, этого еще теперь сохранившагося великолѣпнаго сооруженія въ сводчатомъ стилѣ. Оно представляетъ, впрочемъ, лишь часть величественно-заложеннаго зданія. Къ начатой Юліемъ Цезаремъ „Септа Юлія“ на Марсовомъ полѣ примыкала колоннада Нептуна, украшенная картинами, изображавшими походъ аргонавтовъ. Рядомъ Агриппа построилъ Пантеонъ, посвятивъ его возведенному въ рангъ божествъ Цезарю, а съ нимъ вмѣстѣ—Марсу и Венерѣ. Далѣе были устроены великолѣпные сады и термы (бани): эти послѣднія получали воду посредствомъ величественнаго водопровода, длиною въ три географическія мили, который снабжалъ также всѣ городскіе колодцы здоровою горною водою. Грандіозное сводчатое зданіе Пантеона, поднимающееся надъ совершенно круглой толстой стѣной, имѣетъ высоту, равную ширинѣ, внутри же украшено двумя этажами изъ колоннъ драгоцѣннаго мрамора. Правильность зданія еще болѣе увеличиваетъ впечатлѣніе грандіозности.

Во многихъ другихъ родахъ сооруженій Августъ и Агриппа только послѣдовали превосходному примѣру, данному Юліемъ Цезаремъ. Въ особенности это относится къ театральнымъ зданіямъ. Въ 55 г. до Р. Х. Помпей построилъ первый каменный театръ, вмѣщавшій 40.000 чел. Но уже нѣсколько лѣтъ спустя, Цезарь предпринялъ болѣе величественное сооруженіе; оно было окончено Августомъ и, по имени его рано умершаго зятя, получило названіе „театра Марцелла“. Остатки этого зданія включены въ новѣйшее время въ

палаццо Орсини. Съ этимъ театромъ были соединены великолѣпныя колоннады Октавіи, гдѣ народъ могъ гулять, укрываясь отъ солнечнаго зноя. Цезарь устроилъ уже большой амфитеатръ для звѣриныхъ травлей и гладіаторскихъ боевъ, но этотъ амфитеатръ былъ деревянный. При Августѣ устроенъ первый каменный, въ формѣ исполинскаго цирка, законченнаго Статиліемъ Тавромъ.

Съ основаніемъ, поэтому, утверждали, что съ введеніемъ въ Римѣ и въ Италіи имперіи, начался новый расцвѣтъ греческаго искусства, представляющій значеніе для всѣхъ позднѣйшихъ временъ и обезпечившій нынѣшней Италіи ея значеніе въ этой области. Правленіе Августа прославляется, какъ „золотой вѣкъ литературы“. Съ большимъ правомъ его можно назвать золотымъ вѣкомъ строительнаго искусства, и Августъ нашелъ превосходныхъ продолжателей въ этой области среди многихъ императоровъ обоихъ послѣдующихъ вѣковъ.

Въ древнемъ городѣ той эпохи рыночныя площади доставляли богатое поле дѣятельности для строительнаго искусства. Старинныя лавки частью были замѣнены великолѣпными колоннадами и базиликами, частью—храмами, архивами, банями и др. общественными зданіями. Это ясно изъ развалинъ маленькой Помпеи, изъ древнихъ остатковъ римскаго форума и ближайшихъ императорскихъ площадей. Онѣ находились къ с.-з. отъ старинной главной площади и затмили ее своими великолѣпными постройками. Здѣсь также начало положилъ Юлій Цезарь. Начатый имъ форумъ Юліумъ съ храмомъ Венеры-Родительницы (Генитриксъ), яко бы прародительницы Юліева рода, былъ законченъ Августомъ, который къ с.-з. отсюда заложилъ болѣе обширный форумъ Августа съ храмомъ Марса (Марсъ Ульторъ). Въ видѣ полукруга примыкали къ этому храму портики (Säulenhallen), украшенные статуями знаменитыхъ полководцевъ. Сюда примыкалъ начатый Домиціаномъ освященный его преемникомъ форумъ Нервы, украшенный храмомъ Минервы и Януса. Къ ю.-в. отсюда незадолго передъ тѣмъ Веспасіанъ, по окончаніи іудейской войны, заложилъ рыночную площадь, украшенную величественнымъ храмомъ богини мира. Но самое величественное сооруженіе этого рода, конечно,—форумъ Траяна. Чрезъ тріумфальную арку достигали отъ форума Августа до главной площади, гдѣ стояла конная статуя Траяна. Отсюда вели мраморныя ступени къ Ульпіевой базиликѣ. Тѣсно къ ней примыкала знаменитая Траянова

колонна, памятникъ побѣдъ Траяна надъ дакійцами; достойное завершеніе образуетъ храмъ Адріана, построенный въ честь его преемника.

Эти краткія указанія достаточны для того, чтобы убѣдить въ разнообразіи задачъ, предстоявшихъ художникамъ при одномъ только украшеніи рыночныхъ площадей. Во многихъ мѣстахъ были далѣе поставлены тріумфальныя арки и колонны въ честь побѣдъ, галлереи украшались картинами, статуями, рельефами, базилики и галлереи—сводами, лѣстницами, колоннами. Изъ воздвигнутыхъ позднѣйшими императорами сооруженій достаточно упомянуть тріумфальныя арки Тита, Севера, Константина, далѣе—знаменитую конную статую Марка Аврелія и тріумфальную колонну, поставленную въ честь его успѣховъ въ борьбѣ съ придунайскими народами.

Украшеніемъ болѣе отдаленныхъ частей города и въ то же время благодѣяніемъ для болѣе бѣдныхъ классовъ населенія были огромныя бани, устроенныя со всевозможною роскошью и служившія мѣстами отдыха и удовольствія для богатыхъ и для бѣдныхъ. Здѣсь искали самыхъ утонченныхъ наслажденій. Подобныя бани (термы) соорудили Титъ и Траянъ на Эсквилинскомъ холмѣ, Домиціанъ—на Марсовомъ полѣ. Къ болѣе позднему времени относятся термы Діоклеціана на Квириналѣ и Константина близъ форума Траяна. Величественнѣйшимъ сооруженіемъ этого рода были термы Каракаллы (216 г.) въ ю.-в. части города, у Аппіевой дороги. Болѣе 3.000 чел. могли купаться тамъ за одинъ разъ. Великолѣпіе отдѣлки восхвалялось современниками. Еще теперь остатки, какъ, напр., колонны изъ дорогихъ сортовъ камня, разные сорта мрамора на стѣнахъ, разноцвѣтныя пластинки, мозаики показываютъ, до чего расточительно было убранство. Еще болѣе достоинъ удивленія былъ геніальный способъ сооруженія сводовъ, который уже спустя нѣсколько поколѣній прославлялся, какъ неподражаемый.

Если сюда добавить, что во времена имперіи многіе вельможи украшали столицу своими дворцами и что также въ этой области императоры часто подавали примѣръ частнымъ лицамъ, то поневолѣ пришлось бы изумляться строительной дѣятельности и художественному рвенію тѣхъ временъ, даже если бы остатки этихъ сооруженій не были такъ многочислены, или если бы случайно они болѣе пострадали отъ разрушенія.

Два величественныхъ сооруженія императорскихъ временъ

заслуживаютъ еще особаго упоминовенія: „золотой домъ“ Нерона и „тибуртинская вилла“ Адріана. Послѣ семидневнаго пожара Рима (64 г.) Неронъ, съ помощью прекрасныхъ архитекторовъ, какъ, напр., Севера и Целера, велѣлъ вновь отстроить Римъ, держась строго опредѣленнаго плана. При этомъ пространство отъ Палатина до Эсквилина и Целія было занято подъ великолѣпныя постройки. Главный дворецъ Нерона былъ окруженъ портикомъ въ $1^1/_2$ килом. длины. Употребленный на это матеріалъ превосходилъ по цѣнности все, до тѣхъ поръ извѣстное въ избалованномъ Римѣ.

Еще болѣе своеобразны были сооруженія, которыя велѣлъ воздвигнуть въ Тибурѣ императоръ Адріанъ. Этотъ монархъ имѣлъ похвальное стремленіе лично инспектировать всѣ области имперіи и часто путешествовалъ пѣшкомъ, разсматривая съ глубокимъ интересомъ между прочимъ произведенія строительнаго искусства. Онъ не только всюду въ провинціяхъ поддерживалъ строительное дѣло,—какъ, напр., закончилъ въ Аѳинахъ Олимпіонъ,—но сверхъ того принялъ рѣшеніе подражать у себя дома знаменитѣйшимъ архитектурнымъ произведеніямъ. Такъ возникли его тибуртинскія постройки. Онѣ должны были быть для него воспоминаніемъ о видѣнныхъ имъ прекраснѣйшихъ произведеніяхъ искусства. Здѣсь были подражанія греческимъ и египетскимъ сооруженіямъ.

Насколько распространилась строительная дѣятельность въ провинціяхъ, это трудно сказать въ нѣсколькихъ словахъ. Римскія колоніи стремились стать копіями столицы. Упоминаютъ о „Капитоліяхъ“ разныхъ городовъ. Подобно Риму, колоніальные города также имѣли свои храмы, портики, термы, амфитеатры. Въ маленькой Помпеѣ было нѣсколько форумовъ съ общественными зданіями и рынками, двѣ термы и амфитеатръ. Однихъ императорскихъ тріумфальныхъ воротъ въ разныхъ городахъ сохранилось 72. Съ ораторскими преувеличеніями, но въ общемъ основываясь на фактическихъ данныхъ, обрисовываетъ въ 161 г. риторъ Аристидъ успѣхи римлянъ въ строительномъ дѣлѣ. „Всѣ города соперничаютъ между собою по красотѣ и привлекательности. Вездѣ множество площадей, водопроводовъ, пропилеевъ, храмовъ, ремесленныхъ мастерскихъ и школъ. Города сіяютъ блескомъ и привѣтливостью, вся земля украшена, какъ садъ“.

Если бы даже исчезли всякія другія свѣдѣнія о римской эпохѣ, то во всемъ античномъ мірѣ можно было бы встрѣ-

тить достаточное число краснорѣчивыхъ свидѣтелей высокой и богатой культуры Рима: достаточно было бы взглянуть на мощныя развалины и на слѣды, оставленные вообще пластическими искусствами.

Упомянемъ здѣсь еще вкратцѣ о томъ, что сдѣлано римлянами въ области скульптуры и живописи.

Само собою разумѣется, что оба эти искусства, какъ слуги архитектуры, для декоративныхъ цѣлей, въ римскую императорскую эпоху достигли значительнаго совершенства. Но въ обоихъ искусствахъ римляне, поскольку рѣчь идетъ объ ихъ самостоятельномъ творчествѣ, за однимъ лишь исключеніемъ, не произвели ничего оригинальнаго. Тѣмъ не менѣе совершенство техники, счастливое подражаніе и разумное развитіе того, что унаслѣдовано отъ другихъ народовъ,—все это заслуживаетъ удивленія. Въ обоихъ искусствахъ учителями римлянъ были первоначально этруски, потомъ греки.

Если сначала оставимъ въ сторонѣ портретныя статуи, то относительно прочихъ скульптурныхъ произведеній лишь въ рѣдкихъ случаяхъ удается установить, произошли-ли они въ римскую эпоху. Изъ знаменитыхъ колоссальныхъ статуй Нила и Тибра послѣдняя, очевидно, есть римская работа. Но если первая, что весьма вѣроятно, александрійскаго происхожденія, то, при сходствѣ обѣихъ, вторая оказывается далеко не оригинальною. Туземные и греческіе скульпторы, дѣйствовавшіе въ Римѣ и въ Италіи, должны были обладать весьма искусною техникою и способностью схватить и усвоить тончайшія стороны греческихъ образцовъ; но новыхъ оригинальныхъ идей въ ихъ трудахъ мы не находимъ.

Исключеніе представляютъ портретныя статуи и родственные съ ними рельефы на колоннахъ и тріумфальныхъ аркахъ, при чемъ личный, индивидуальный элементъ особенно выступаетъ впередъ.

Очень рано выдающіеся римляне, подъ вліяніемъ этрускихъ нравовъ, обратили вниманіе на приготовленіе и сохраненіе восковыхъ масокъ умершихъ. При торжественномъ погребеніи эти маски носили съ похоронной процессіей. Обычай этотъ послужилъ переходомъ къ сооруженію статуй знаменитыхъ людей; статуи выдѣлывали изъ бронзы или изъ камня. Уже въ эпоху децемвирата, такія статуи ставились на форумѣ и сначала выдѣлывались этрускими художниками, затѣмъ — греческими. При этомъ сходство было главнымъ вопросомъ. Идеализація, какую представляли гре-

ческія статуи, въ древнѣйшія времена избѣгалась, а позднѣе встрѣчалась рѣдко, какъ, напр., въ статуѣ Антиноя, изображеннаго въ видѣ Вакха, и Коммода, котораго представили въ видѣ Геркулеса. Историкъ найдетъ цѣнный матеріалъ въ изображеніяхъ императоровъ, проливающій свѣтъ на разныя подробности и на личныя отношенія, но художественное наслажденіе, испытываемое зрителемъ; большею частью не велико. „Поэтическій элементъ въ этихъ статуяхъ отсутствуетъ“ и вѣрное подражаніе природѣ часто представляетъ нѣчто жесткое, въ другихъ случаяхъ—условное и изысканное, какъ, напр., когда мы видимъ завитые по модѣ волосы или же складки одежды оффиціальнаго вида.

Тѣмъ не менѣе, въ этой разработкѣ портретныхъ статуй нашло выраженіе истинно римское искусство, съ его пониманіемъ реальнаго и характернаго, и поразительна способность художниковъ къ характерной передачѣ всѣхъ индивидуальныхъ особенностей.

Менѣе значительно, но во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія то, что сдѣлано римлянами при рельефныхъ изображеніяхъ. Здѣсь, какъ и при изображеніяхъ на тріумфальныхъ колоннахъ и аркахъ, рѣчь шла о возможно точной передачѣ дѣлъ выдающихся людей и ихъ войска.

Историческій и политическій интересъ превышалъ художественный. Главное значеніе этого матеріала культурноисторическое, тогда какъ для исторіи искусства онъ имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку римскіе рельефы болѣе другихъ пластическихъ произведеній уклоняются отъ греческаго вліянія и очевидно принадлежатъ національнымъ римскимъ художникамъ. Это слѣдуетъ сказать объ одномъ изъ лучшихъ рельефныхъ изображеній изъ лучшей эпохи, а именно на тріумфальной аркѣ Тита. Фигуры часто, безъ всякаго основанія, поворочены кпереди, безпокойная сутолока массъ изображена натуралистическимъ образомъ. „Живо и понятно“, „характерно и ясно“—таковы особенности этихъ рельефовъ, но „всякій слѣдъ греческой идеальности здѣсь исчезаетъ“.

Римскіе живописцы также достигли выдающихся результатовъ главнымъ образомъ въ портретной живописи [1]). Пред-

[1]) Превосходныя стѣнныя картины въ Помпеѣ почти исключительно—подражанія греческимъ образцамъ. Онѣ даютъ высокое понятіе о техническомъ искусствѣ живописи, такъ какъ были, вѣроятно, большею частью выполнены чисто ремесленнымъ способомъ и весьма быстро. Но и наилучшія представляютъ лишь копіи замѣчательныхъ произведеній греческихъ мастеровъ.

логомъ для этого служили уже изображенія предковъ и дѣлъ, совершенныхъ членами знатнаго рода.

Во всякомъ случаѣ, именно эти стремленія привели къ тому, что искусство живописи служило лишь для минутныхъ цѣлей и приняло ремесленный характеръ.

При тріумфахъ и торжественныхъ процессіяхъ римляне любили выставлять колоссальныя картины, изображавшія яркими красками событія. Гальба пытался побудить своихъ солдатъ къ возстанію, показавъ имъ изображенія людей, убитыхъ Нерономъ. Преслѣдованіе такихъ побочныхъ цѣлей было невыгодно для живописи, какъ искусства. Сверхъ того древніе не понимали значенія перспективныхъ соотношеній. Тѣмъ не менѣе то, что сдѣлано было искусствомъ въ области стѣнной и декоративной живописи той эпохи, остается свидѣтельствомъ всеобщей распространенности художественнаго пониманія и соотвѣтственной дѣятельности.

Два первыхъ столѣтія императорской эпохи ускорили расцвѣтъ пластическаго искусства, и проникновеніе художественныхъ стремленій во всѣ классы населенія является одною изъ самыхъ свѣтлыхъ сторонъ древней культуры. Сильныя потрясенія III вѣка уничтожили и здѣсь много зародышей прекраснаго и благороднаго. Поразительна за то строительная дѣятельность возстановителей имперіи: Діоклеціанъ (284—305) и Константинъ (307—330) оставили не мало слѣдовъ интереса, обнаруженнаго ими по отношенію къ пластическимъ искусствамъ. Но тотъ фактъ, что въ то время уже не считали возможнымъ подражать сводамъ Каракалловыхъ термъ и что рѣшились ограбить монументы Траяна, чтобы украсить арку Константина — все это обнаруживаетъ упадокъ какъ технической сноровки, такъ и художественнаго чувства.

О своеобразномъ развитіи христіанскаго искусства необходимо будетъ поговорить особо.

Римская юриспруденція.

Быть можетъ, самое прочное вліяніе на развитіе человѣчества, на организацію общественной и частной жизни, оказала римская культура чрезъ посредство своего *права* и особенно *науки римскаго права*.

Откуда происходитъ значеніе этого права, покорившаго

себѣ чуть не весь земной шаръ? Какимъ образомъ право одного города стало имперскимъ и позднѣе міровымъ и побѣдоносно если не устранило, то во всякомъ случаѣ подчинило себѣ всѣ прочія правовыя нормы?

Спустя цѣлое тысячелѣтіе послѣ прекращенія существованія западноримскаго государства и послѣ утраты значенія римскаго государственнаго права, по крайней мѣрѣ для странъ, входившихъ въ составъ западной имперіи, въ XV и XVI в., гуманизмъ, воодушевлявшійся античной литературой и наукой, возвелъ источники римскаго частнаго права въ норму и основу тогдашнихъ правовыхъ отношеній, и послѣ упорной борьбы съ существующими правовыми нормами, дѣйствительно поставилъ на ихъ мѣсто римскія начала.

Какъ извѣстно, въ эпоху гуманизма понятіе римскаго частнаго права исчерпывалось законодательнымъ сборникомъ Corpus juris civilis (Сводъ гражданскаго права), составленнымъ и изданнымъ около 533 года по повелѣнію императора Юстиніана и позднѣе дополненнымъ новеллами.

Собраніе это содержитъ на-ряду съ учебникомъ, составляющимъ изложеніе основныхъ началъ права (Institutiones, т. е. наставленія), сводъ императорскихъ повелѣній, еще сохранившихъ силу со временъ Адріана (кодексъ Юстиніана), и наконецъ главную часть, такъ называемые Пандекты въ 50 книгахъ, т. е. кодификацію „права юристовъ“.

Дѣйствительно, весьма замѣчательно то обстоятельство, что подобный сборникъ, составленный при Юстиніанѣ для практическихъ цѣлей, сталъ прочною основою права послѣдующихъ вѣковъ!

Самое право какъ бы стало связано нѣкоторой таинственной цѣпью съ этими, съ матеріальной стороны давно устарѣлыми, опредѣленіями, и съ основаніемъ можно задать вопросъ, какимъ образомъ согласовать такое отношеніе съ понятіемъ права?

Основываясь на чувствѣ справедливости, право стремится къ ограниченію соотношеній отдѣльныхъ лицъ и классовъ общества. Это происходитъ частью путемъ осуществленія нормъ, безсознательно возникающихъ въ убѣжденіяхъ народовъ, частью же такимъ образомъ, что государственная власть дѣлаетъ опредѣленія нормъ, дѣйствуя при этомъ съ *формальной* стороны произвольно, но по содержанію незначительно удаляясь отъ правового сознанія даннаго народа.

Но именно при такомъ опредѣленіи понятія права, пред-

ставляется вдвойнѣ несообразнымъ, что право, устарѣвшее на цѣлое тысячелѣтіе, могло быть вновь навязано германскимъ народамъ [1]).

Прежде всего здѣсь слѣдуетъ принять во вниманіе, что законникъ Юстиніана *не* представляетъ уже права республиканскаго Рима, т. е. не относится къ тѣмъ временамъ, когда Римъ, какъ столица Лаціума или Италійскаго союза, совершилъ путь односторонняго правового развитія; но даже въ ту эпоху, когда римскій городской преторъ долженъ былъ строго блюсти своеобразность древняго римскаго квиритскаго права, т. е. начала, изложенныя въ XII таблицахъ, тогда уже Римъ имѣлъ свою „претуру для чужеземцевъ", которой подлежало рѣшеніе спорныхъ вопросовъ между гражданами и не-гражданами въ области частнаго права; и это учрежденіе усвоило много чужеземныхъ положеній и правовыхъ опредѣленій. Тѣмъ не менѣе римское право оставалось односторонне-національнымъ.

Въ эпоху республики, преторы, соблюдавшіе въ своихъ, очевидно вновь формулированныхъ, эдиктахъ непрерывность правовыхъ установленій и въ то же время дѣлавшіе возможнымъ дальнѣйшее развитіе права на новыхъ, болѣе свободныхъ основаніяхъ, — эти чиновники и были главными представителями юридическаго образованія; съ началомъ императорскихъ временъ, прежнее столичное правосудіе и установленіе правовыхъ нормъ частью дополнилось, частью вытѣснилось юрисдикціей императора и его вновь назначенныхъ чиновниковъ; и понятно, что подобная юрисдикція приняла во вниманіе нужды уже не одной столицы, а всей имперіи, что привело къ расширенію кругозора.

Значеніе этого нововведенія состоитъ, однако, не только въ томъ обстоятельствѣ, что императоръ и его органы обладали своимъ особымъ способомъ юрисдикціи, но и въ томъ, что было предоставлено весьма широкое поле для примѣненія юридической науки и практики.

Уже въ древнѣйшую эпоху юридической жизни римлянъ, на ряду съ строгимъ значеніемъ права, *юсъ*, подъ которымъ подразумѣвалось по преимуществу то, которое изложено въ

[1]) Формально наиболѣе значительнымъ актомъ принятія римскаго права въ Германіи было законодательство императора Максимиліана на Вормскомъ имперскомъ сеймѣ (рейхстагѣ) 1495 года.

XII таблицахъ, стало пріобрѣтать значеніе и право ученыхъ юристовъ, которое истолковывало, а порою и смягчало суровый законъ. Прежде всего дѣятельность эта сосредоточилась въ понтификальной коллегіи. Цицеронъ называетъ главнаго понтифекса верховнымъ блюстителемъ надъ человѣческимъ и божественнымъ правомъ. Эта жреческая коллегія въ одинаковой степени слѣдила за вѣрнымъ соблюденіемъ и строгимъ формулированіемъ, а также за дальнѣйшимъ развитіемъ права. Отъ нея исходятъ самыя старинныя постановленія, опубликованныя во всеобщее свѣдѣніе, какъ напр. Флавіево право, изданное около 287 г. до Р. Х. по почину знаменитаго цензора Аппія Клавдія. Таково еще право Папирія и Эліанія. Коллегія понтифексовъ явилась тою школою права, въ которой впослѣдствіи получили воспитаніе многіе знаменитые юристы.

Но при дальнѣйшемъ развитіи городского права въ государственное, дѣятельность правовѣдовъ уже не была связана съ одной этой коллегіей. Почтенныя частныя лица въ позднѣйшія республиканскія времена также рѣшали вопросы права передъ тяжущимися сторонами. Такимъ образомъ спеціальность правовѣдѣнія все болѣе и болѣе выходила изъ сферы коллегіи понтифексовъ и становилась составною частью общаго образованія.

По мѣрѣ распространенія общественнаго юридическаго образованія, явились также и начала той юридической литературы, которая въ началѣ I в. до Р. Х., могла уже указать на обширное сочиненіе Муція Сцеволы въ 18 книгахъ. Фактическое вліяніе правовыхъ опредѣленій практиковъ и научная обработка римскаго права, таковы были двѣ задачи, предстоявшія римскому праву, постоянно находившіяся въ связи между собою и доставившія римскому праву его міровое значеніе. Римское правовѣдѣніе основывалось совсѣмъ не на абстракціяхъ и теоріяхъ, и это до такой степени справедливо, что Цицеронъ могъ еще жаловаться, что въ его время у римлянъ, собственно говоря, не было никакой науки права.

Юриспруденція тѣсно примыкала къ рѣшенію особыхъ случаевъ, т. е. дѣлъ, юристами. Такимъ образомъ она никогда не утрачивала связи съ практикою, а съ другой стороны выдающіеся юристы влагали въ свои мнѣнія (или

отвѣты, респонза) результаты теоретическихъ изслѣдованій и такимъ образомъ примѣняли теорію на практикѣ. Для усиленія авторитета подобныхъ отвѣтовъ Августъ повелѣлъ, чтобы они впредь давались отъ имени императора. Отсюда въ свою очередь вышло, что эти мнѣнія юристовъ стали обязательны для судей. Если мнѣніе юриста было дано въ предписанной формѣ, на письмѣ съ печатью, то судья долженъ былъ съ нимъ сообразоваться, исключая того случая, когда онъ имѣлъ въ распоряженіи иное, не менѣе авторитетное мнѣніе. Подобныя рѣшенія, само собою разумѣется, стали важными источниками римскаго права. Они представляютъ огромное значеніе и для всей юридической литературы.

Но конечно литература римскаго права не получила бы такой глубины и теоретическаго совершенства, если бы необходимыя данныя не были доставлены греческой философіей и діалектикой.

Такъ, прежде всего, замѣчательные юристы въ началѣ императорской эпохи, какъ напр. Маркъ Лабеонъ, Гай Капитонъ, Мазурій Сабинъ, Прокулъ, оказали огромное вліяніе; вскорѣ по ихъ почину и примѣру образовались школы, напоминающія философскія школы грековъ. Это были корпораціи, имѣвшія цѣлью изученіе права и находившіяся подъ руководствомъ какого нибудь знаменитаго юриста. Еще и теперь мы можемъ различить нѣсколько школъ, нѣсколько системъ, и какъ всегда при подобномъ столкновеніи мнѣній, стремленіе углубить научное познаніе получило мощный толчокъ.

Второе столѣтіе до Р. Х. есть эпоха классической юриспруденціи. Рукою мастеровъ были составлены сочиненія, охватывавшія всю совокупность юридической науки. Какъ разъ въ то время, когда, казалось, начала изсякать латинская литература, включая даже исторіографію, въ области юриспруденціи было создано много выдающагося. Тотъ самый Сальвій Юліанъ, который, по повелѣнію императора Адріана, собралъ и привелъ въ порядокъ прежнія постановленія, (эдиктомъ перпетуумъ, вѣчный эдиктъ) этотъ Юліанъ, въ большой компиляціи въ 90 книгахъ, далъ матеріалъ для обсужденія всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ права. Аналогичное сочиненіе написалъ Публій Ювентій Цельзъ. Лишь нѣ-

сколько младшаго поколѣнія былъ Гай, знаменитый своимъ классическимъ, найденнымъ вновь въ нашемъ столѣтіи, сочиненіемъ, институціями.

Постепенное сближеніе отдѣльныхъ частей имперіи характеризуется тѣмъ, что къ концу II в. также греческіе ученые принимаютъ участіе въ развитіи римской юриспруденціи. Умственныя силы Востока присоединились къ труду римскихъ юристовъ и окончательно способствовали тому, что римское право пріобрѣтало всемірное значеніе. Величайшій римскій юристъ Папиніянъ, умершій въ 212 г. былъ родомъ съ Востока, точно такъ же, какъ и отличные юристы Септимій Северъ, бывшій съ 183 по 211 г. императоромъ, и Ульпіанъ.

Какъ разъ здѣсь обнаруживается, до чего нелѣпо толковать о дряхлости или старости народовъ и, основываясь, напр., на оскудѣніи поэзіи и пластическихъ искусствъ, произносить приговоръ надъ всею цивилизаціей. Исторія римскаго права показываетъ всю ложность подобныхъ теорій, продиктованныхъ школьною мудростью. Ни въ чемъ не сказывается юношеская бодрость римскаго духа въ такой степени, какъ въ выработкѣ римскаго права.

Романизированныя провинціи.

Уже со времени третьей пунической войны побѣдоносныхъ походовъ римлянъ въ Африку, Грецію и Испанію, исторія римской культуры должна считаться не только съ состояніемъ Италіи, но и всѣхъ трехъ южноевропейскихъ полуострововъ, а затѣмъ и съ развитіемъ всѣхъ вообще средиземноморскихъ странъ. Римскіе чиновники и откупщики податей, торговцы и подрядчики сдѣлали свое дѣло, сначала въ томъ смыслѣ, что подчинили провинціи римскому вліянію, а затѣмъ и въ томъ, что распространили тамъ римскую культуру.

Различныя обстоятельства способствовали тому, что въ началѣ императорской эпохи этотъ процессъ романизированія ускорился.

Прежде всего лишь съ этихъ поръ по отношенію къ провинціямъ начинается періодъ послѣдовательно проводимой политики. По отношенію къ восточной половинѣ имперіи были вполнѣ цѣлесообразно оставлены всякіе планы романи-

заціи и лишь стремились къ эллинизированію языка и управленія; но въ то же время была предпринята по строгому плану романизація западныхъ провинцій. При этомъ были допущены разныя ступени, что доказываетъ ясное пониманіе характера разныхъ народностей. Лишь тамъ, гдѣ долговременныя сношенія съ Римомъ привели къ тому, что корни латинской культуры были пущены глубоко, какъ, напр., въ Испаніи и на крайнемъ югѣ Галліи, область надѣлялась латинскимъ правомъ и ее старались тѣсно сблизить съ римскою національностью. Иначе дѣйствовали въ остальной Галліи и въ Сѣверной Африкѣ.

Въ послѣдней изъ этихъ двухъ областей, еще въ I в. до Р. Х. мѣстнымъ языкомъ былъ финикійскій. На ряду съ нимъ существовали еще развѣ только берберскіе діалекты. Но не греческій языкъ, распространенный по крайней мѣрѣ на морскомъ берегу, а латинскій сталъ здѣсь позднѣе господствующимъ. Это обусловлено сознательнымъ стремленіемъ императоровъ, которые, слѣдуя примѣру Цезаря, послали многочисленныхъ колонистовъ, а именно ветерановъ, частью въ провинцію Африку (Тунисъ) и въ Нумидію (Восточный Алжиръ), частью же въ города Мавританіи. Однако правительство никакъ не могло разсчитывать на превращеніе національности африканцевъ въ теченіе какихъ-нибудь нѣсколькихъ поколѣній. Поэтому въ африканскихъ городахъ оставили ихъ старинное пуническое городское управленіе. Возстановленный Цезаремъ Карѳагенъ удержалъ своихъ прежнихъ суффетовъ и туземное населеніе, а также свой культъ Астарты.

Эта разумная политика, состоявшая въ томъ, что вездѣ, гдѣ ассимиляція была недостижима, щадились національныя особенности, въ значительной мѣрѣ облегчила переходъ къ римскому господству въ Сѣверной Африкѣ. Не въ меньшей степени это примѣнимо и къ Галліи; однако здѣсь сдѣлали еще шагъ впередъ и отказались отъ всякихъ искусственныхъ способовъ преобразовать національность. Во всей Галліи, за исключеніемъ главнаго мѣста римскаго владычества, Лугдуніума (Ліона), не было ни одной римской колоніи. Противоположность съ Нарбоннской колоніей, находившейся вдоль берега Средиземнаго моря и основанной раньше, бросается въ глаза. Эта послѣдняя въ эпоху Цезаря и Августа была обильно снабжена римскими и латинскими колонистами. Уже въ концѣ августова вѣка мѣстность по Нижней Ронѣ была

вполнѣ романизирована, и старинная организація общинъ была совсѣмъ вытѣснена римскою. Но въ остальной Галліи, распадавшейся на Аквитанію, Лугдунскую Галлію и Бельгику, римляне сохранили старинную общинную организацію. Каждая община обладала самостоятельной юрисдикціей, податнымъ обложеніемъ и сборами. Но прежде всего для всѣхъ этихъ галльскихъ провинцій былъ устроенъ общій сеймъ, обладавшій болѣе широкими полномочіями, нежели другіе провинціальные сеймы. Мѣстное представительство собиралось три раза въ годъ, съ цѣлью избранія жреца трехъ Галлій. Оно обладало не только независимымъ управленіемъ своими имуществами, но и извѣстнымъ вліяніемъ на общія дѣла страны.

Самый поверхностный характеръ имѣла власть Рима тамъ, гдѣ, какъ, напр., въ Британніи, она основывалась исключительно на военныхъ поселеніяхъ и на пребываніи нѣсколькихъ римскихъ купцовъ и чиновниковъ. Немного значитъ тотъ фактъ, что тамъ были основаны кое-какія колоніи ветерановъ. Гораздо большее значеніе въ дѣлѣ приспособленія къ римскому господству имѣли оживленныя сношенія съ Галліей и Германіей. Послѣдняя снабжалась хлѣбомъ. Но хотя римское господство заставило пожалѣть о себѣ при нападеніяхъ англосаксовъ на Британнію, и многіе британскіе солдаты храбро сражались за римское господство, о настоящей римской культурѣ все же тамъ не можетъ быть и рѣчи. Никакіе остатки римскихъ портиковъ и водопроводовъ не украшаютъ Британніи, ни одинъ писатель британскаго происхожденія не принадлежитъ къ числу римскихъ замѣчательныхъ поэтовъ или же ораторовъ. Число надписей чрезвычайно мало и даже римская колонія Глевумъ (Глусестеръ) не можетъ похвалиться ни одною надписью. Въ самомъ рѣзкомъ контрастѣ съ положеніемъ Британніи находятся успѣхи романизаціи въ двухъ раньше поименованныхъ провинціяхъ и въ особенности въ Испаніи. Уже при Августѣ въ Испаніи числилось 50 римскихъ колоній и почти столько же колоній латинскаго права. Въ остальныхъ общинахъ Веспасіанъ ввелъ въ 74 г. такое же право. Латинскій языкъ и римскій костюмъ были очень распространены среди туземцевъ.

Вскорѣ послѣ эпохи Августа, испанцы приняли активное участіе въ римской литературѣ. Маркъ Порцій Латронъ изъ Кордубы былъ учителемъ Овидія. Его другомъ юности былъ

риторъ Сенека, отецъ извѣстнаго философа и трагика. Внукомъ ритора былъ поэтъ Луканъ, родившійся въ Кордовѣ (Кордубѣ), но впрочемъ получившій все свое воспитаніе въ Римѣ. Извѣстный эпиграмматическій поэтъ Марціалъ (40—102) родился подлѣ Сарагоссы. Но знаменитѣйшій изъ испанцевъ конечно Квинтиліанъ; его риторика должна считаться однимъ изъ лучшихъ произведеній римской прозы. Всѣ эти писатели по своему образованію были такіе же хорошіе римляне, какъ и писатели золотого вѣка римской литературы. Ни въ одномъ изъ нихъ нельзя подозрѣвать не римлянина. Первые императоры, которые родились въ провинціи, именно Траянъ и Адріанъ, были испанскими уроженцами, и конечно они не нанесли ущерба интересамъ Рима.

Упомянута уже выше значительная трудность романизированія говорившей по-финикійски Сѣверной Африки. Само собою разумѣется, что сѣверо-африканскія провинціи лишь позднѣе вступили въ сферу римской культурной жизни. Богатствомъ своего развитія, превосходствомъ своихъ плантацій, роскошью городовъ, особенно Кароагена, эти провинціи, правда, скоро привлекли римскіе элементы. Недостатка въ колоніяхъ здѣсь дѣйствительно не было. Но съ этимъ было связано лишь гораздо позднѣйшее присоединеніе къ римскому искусству и литературѣ. Если греческіе и римскіе художники воздвигли роскошныя зданія въ большихъ приморскихъ городахъ, и если нѣкоторые учителя и писатели или скорѣе писаки, вродѣ жившаго въ эпоху Марка Аврелія Фронтона, были родомъ изъ Африки, то это, конечно, служитъ еще плохимъ доказательствомъ романизированія Сѣверной Африки. Но въ концѣ концовъ и здѣсь результатъ былъ такой же, какъ и всюду. Съ начала III в. побѣда римскихъ началъ несомнѣнна. Уроженецъ Кароагена, Тертулліанъ, написавшій свои первыя сочиненія по-гречески, послѣ долгаго пребыванія въ Римѣ, съ 200 г. издавалъ уже свои главнѣйшія произведенія по-латыни и былъ настоящимъ основателемъ латинскаго церковнаго языка. Изъ того же Кароагена былъ родомъ Кипріанъ, умершій въ 258 г.; изъ Цирты Минуцій, Феликсъ и Арнобій. У послѣдняго въ Африкѣ учился, названный за свою изящную латынь христіанскимъ Цицерономъ, Лактанцій. Въ развитіи христіанства, говоритъ Моммсенъ, Африка играетъ первую роль. Христіанство возникло въ Сиріи, но лишь въ Африкѣ стало

міровою религіей. Переводъ священныхъ книгъ на греческій языкъ, которымъ говорили и главнѣйшія іудейскія общины внѣ Іудеи, придалъ іудейству міровое значеніе; но точно также и латинскіе переводы священныхъ книгъ имѣли рѣшающее значеніе для христіанства. Но во всѣхъ этихъ переводахъ участвовали африканцы. Вся христіанская письменность первыхъ трехъ вѣковъ отъ начала нашей эры, поскольку она была латинскою, принадлежитъ африканцамъ.

Въ другихъ областяхъ римской культуры уроженцы этихъ провинцій также совершили много замѣчательнаго. Императоръ Септимій Северъ (193—211) былъ родомъ изъ Африки и своимъ возвышеніемъ онъ обязанъ въ одинаковой мѣрѣ и своему юридическому образованію, и военнымъ способностямъ. Еще позднѣе собственная Галлія стала важнымъ факторомъ римскаго культурнаго развитія и примѣрно со временъ Константина она имѣла эпоху культурнаго расцвѣта, не прекратившуюся даже послѣ германскихъ нашествій. Правда, уже въ эпоху Августа въ Галліи дѣйствовалъ римскій школьный учитель, а галльскіе риторы и адвокаты славились при Адріанѣ. Но въ общемъ, національный элементъ здѣсь проявлялся сильнѣе, какъ въ своеобразномъ развитіи архитектуры, такъ и въ научномъ отношеніи.

Необходимо поэтому нѣсколько подробнѣе остановиться на ранней исторіи этого племени, занимавшаго нѣкогда обширное пространство, отъ Бордо до Вѣны, отъ Пиринеевъ до Шотландскихъ горъ.

Когда Цезарь подчинилъ Галлію своему военному управленію, онъ пощадилъ древнія воспоминанія подчиненныхъ имъ народностей. Поэтому, особенно на сѣверѣ, еще долго могло удерживаться на-ряду съ римскими законами, туземное право. Но въ покоренной странѣ, естественно, въ концѣ концовъ одерживаетъ верхъ право побѣдителя. Поэтому галльскій элементъ долженъ былъ вездѣ мало-по-малу преобразоваться. Такимъ образомъ въ числѣ различныхъ національныхъ обычныхъ правъ, оставшихся въ силѣ для туземцевъ, право побѣдителя, съ которымъ пришлось имѣть дѣло главнымъ образомъ черезъ посредство провинціальныхъ намѣстниковъ, все болѣе и болѣе пріобрѣтало почву подъ ногами.

Немалое преобразованіе произошло и на почвѣ культа. Римскій политеизмъ, вообще, за исключеніемъ развѣ самыхъ древнѣйшихъ временъ, относившійся почти съ полною терпимостью къ чужеземцамъ, и сверхъ того имѣвшій много

точекъ соприкосновенія съ галльскимъ политеизмомъ, правда не могъ вступить въ какое бы то ни было враждебное столкновеніе съ первобытною религіей галловъ. Иное дѣло его отношеніе къ друидизму. Простой фактъ существованія самостоятельнаго, независимаго отъ свѣтской власти жречества, іерархіи друидовъ, оказывавшей хотя и незначительное внѣшнее, но глубокое внутреннее вліяніе на умы, этотъ фактъ могъ уже возбудить неудовольствіе римскихъ императоровъ, обусловленное чисто политическими причинами. Дѣйствительно, когда давно уже ослабѣвшая власть друидовъ утратила послѣ римскаго завоеванія всякое значеніе, тогда все же осталось еще не малозначительное соціальное вліяніе, такъ какъ друиды сохранили свою организацію. Они по прежнему выполняли и свои научныя или точнѣе знахарскія функціи. Они играли роль врачей и учителей философіи, подъ которою подразумѣвалась ихъ физика, этика и теологія. Они часто находились на службѣ, общественной и частной. Посредствомъ магіи и ея главнѣйшей вѣтви, теологіи, они получили доступъ въ Римъ. Даже нѣкоторыя ихъ вѣрованія могли распространиться среди римскихъ побѣдителей. Въ эпоху Веспасіана они дѣйствуютъ въ самомъ Римѣ, и еще въ позднѣйшія времена мы находимъ слѣды ихъ вліянія. Кажется даже, что ихъ значеніе росло особенно при послѣднихъ императорахъ, такъ какъ даже нѣкоторые императоры спрашивали ихъ о своей судьбѣ. Они долгое время открыто преподавали свои знахарскія науки.

Какимъ образомъ исчезъ друидизмъ? Такъ, что исторія даже не могла отмѣтить эпихи его исчезновенія. Вслѣдствіе римскаго завоеванія, безъ сомнѣнія, друиды лишились своего политическаго значенія и своихъ сокровищъ; они болѣе не могли пользоваться свободою отъ общественныхъ должностей и повинностей, они перестали фукціонировать въ роли судей. Точно также естественно и то обстоятельство, что друиды (какъ и всякая вообще жреческая каста, утратившая свои привилегіи и богатства и чувствовавшая скорую утрату своего вліянія) сожалѣли о старыхъ порядкахъ и не оставляли надежды на ихъ возвращеніе. Поэтому мы видимъ, что во время галльскихъ мятежей друиды играютъ роль подстрекателей, дѣйствующихъ путемъ происковъ и прорицаній. Это должно было побудить римлянъ стараться еще болѣе умалить вліяніе друидизма. Однако, какъ замѣчаетъ Фюстель-де-Куланжъ, не существуетъ никакого доказательства, чтобы друидизмъ былъ когда-либо формально отмѣненъ. Весьма вѣроятно, что лишенный своихъ политическихъ и судебныхъ функцій, утратившій значеніе вслѣдствіе запрещенія церемоній его культа, потерявшій блескъ вслѣдствіе ренегатства высшихъ классовъ, онъ въ концѣ концовъ сталъ влачить жалкое существованіе, въ роли религіи низшихъ классовъ, и, остался, лишь въ формѣ устарѣлыхъ суевѣрій.

Въ альпійской области среди кельтовъ точно также распространился римскій духъ. Гельветическіе кельты возстановили тамъ свои сожженныя села, построили города; римское вліяніе и римскіе нравы всюду одержали верхъ. Въ альпійскихъ проходахъ и въ Юрѣ римляне устроили дороги и воспользовались мирнымъ временемъ, длившимся два столѣтія; Гельвеція, благопріятствуемая природными условіями, воздѣлываемая крѣпкими и трудолюбивыми племенами, достигла немалаго развитія и благосостоянія. Большая часть городовъ, основанныхъ, по всей вѣроятности, еще въ до-римскую эпоху, какъ, напр., Лаузоніумъ, Солодурумъ, Виндониса и др. были перестроены въ стилѣ римской архитектуры и украшены храмами, термами, аренами и театрами. Цвѣтущій главный городъ Авентикъ (Ихтенъ, Uechten), по величинѣ превосходящій нынѣшніе швейцарскіе города, обладалъ высшей школой и медицинской коллегіей. Привычка къ купанью побудила римлянъ устраивать купальни или же бани вездѣ, гдѣ только они находили теплые ключи, какъ, напр., въ нынѣшнихъ Э (Aix) въ Савойѣ и въ Провансѣ, въ Даксѣ, въ Баньерѣ де-Бигоррѣ и въ Баньерѣ де-Люшонъ (въ Пиринеяхъ), въ Альгамѣ и въ Кальдасѣ въ Испаніи, въ нынѣшнемъ Висбаденѣ и въ нынѣшнемъ Батѣ (или Аквэ Салисъ), въ Баденѣ подлѣ Вѣны, въ Баденѣ швейцарскомъ подлѣ Ольтена и т. д. Многія изъ перечисленныхъ мѣстностей съ давнихъ поръ посѣщались туземцами и пришлыми.

Восточными сосѣдями швейцарскихъ кельтовъ были ретійцы.

Несмотря на безконечные споры, происхожденіе этого племени все еще не выяснено. Ретія романизировалась скорѣе и полнѣе, нежели другія кельтическія страны, частью потому, что самое племя ближе къ римлянамъ, нежели кельты, частью же потому, что туземцы по Эйзаку и Виспу, своими взаимными истребительными войнами, пролагали путь къ римскому завоеванію. Ретійскія

горы лишились большей части юношества, способнаго носить оружіе, и уже первый римскій императоръ проложилъ путь черезъ Бреннерскій проходъ, а затѣмъ возникли римскія колоніи, принесшія съ собою римскую роскошь и комфортъ. Въ нынѣшнихъ лѣтнихъ мостопребываніяхъ, вродѣ Боцена и Мерана, столѣтія не могли изгладить названій римскихъ виллъ. Къ провинціи Ретіи позднѣе была причислена находившаяся далѣе къ сѣверу Винделиція, т. е. часть южной Германіи. На востокѣ находились провинціи Норикумъ и Паннонія, снова почти исключительно населенная кельтами.

Эти восточные кельты по обработкѣ почвы, садоводству, винодѣлію, ушли довольно далеко отъ первобытнаго состоянія, хотя предпочитали всему охоту и скотоводство. И они въ свою очередь спустились ближе къ землѣ, ознакомились со всякаго рода ремеслами, а въ обмѣнъ за свои товары, за продукты скотоводства, за рѣдкія альпійскія травы, деревья, вырубленныя въ дремучихъ лѣсахъ, минеральныя богатства и за сильныхъ рабовъ, получали кое-какіе продукты южной роскоши. О древней торговлѣ этихъ народовъ свидѣтельствуютъ прежде всего, ранній расцвѣтъ Аквилеи и находки, вродѣ греко-египетскихъ царскихъ монетъ въ южномъ Штейермаркѣ. Лишь черезъ 50 лѣтъ послѣ покоренія римляне стали подвигаться впередъ со своей системой укрѣпленія границъ, со своими лагерями, крѣпостцами, военными дорогами и подвигались такимъ образомъ къ среднему теченію Дуная. Тѣмъ не менѣе, романизація едва коснулась высшихъ классовъ населенія. Низшіе классы остались по преимуществу кельтическими, хотя значительно измѣнили характеръ и стали сдерживать свою необузданность. Вліяніе постояннаго оживленія сношеній прежде всего сказалось, конечно, на матеріальной культурѣ. Столѣтіе спустя, благодаря улучшенію путей сообщенія, поселеніе римскихъ воиновъ, постепенное распространеніе права римскаго гражданства на провинціаловъ, введеніе римскихъ законовъ и нравовъ, включая даже заимствованные римлянами культы (какъ, напр., культъ Миѳры, оставившій слѣды въ Норикумѣ), наконецъ, вліяніе умственной жизни Рима—все это способствовало, наконецъ, уничтоженію всяческихъ преградъ между римскими и кельтическими элементами, и въ получившемся сочетаніи римскихъ элементовъ съ кельтскими первые получили перевѣсъ.

Относительно произведеній искусства и ремесла, смѣсь кельтскихъ элементовъ съ римскими обнаруживалась нерѣдко

въ томъ, что туземцы усваивали римскіе пріемы работы и римскій стиль, тогда какъ, обратно, чисто римскія произведенія получали провинціальный отпечатокъ. Относительно распространенія римской культуры въ Норикумѣ и въ Панноніи, свидѣтельствуютъ многочисленные остатки великолѣпныхъ построекъ, мозаичные полы, приспособленія для топки, водопроводы, военныя дороги, рельефныя изображенія, камни съ надписями, монеты, выкапываемыя цѣлыми массами, художественная стеклянная утварь, фабрикація которой въ императорскую эпоху достигла у римлянъ значительной степени совершенства, глиняныя лампы, бронзовыя канделябры, зеркала, кружки изъ содержащаго серебро сплава, костяныя гребенки, бронзовые и желѣзные замки.

Развитіе римскаго государства и христіанство.

Постепенное распространеніе христіанства въ Римской имперіи представляетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ историческихъ фактовъ. Къ сожалѣнію, скудость данныхъ позволяетъ прослѣдить исторію христіанства лишь въ немногихъ общихъ чертахъ. Общины, обязанныя своимъ возникновеніемъ апостолу Павлу, какъ, напр., въ Сиріи, Македоніи, Греціи, продолжали существовать и процвѣтать. Лишь основанныя имъ же малоазіатскія общины, частью по причинѣ внутреннихъ раздоровъ, частью же вслѣдствіе невыгодныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, снова пришли въ упадокъ, исключая общины галатеянъ. Но какъ разъ изъ Малой Азіи явился новый импульсъ, благодаря апостольской дѣятельности Іоанна. Изъ Эфеса христіанство распространилось по всѣмъ важнѣйшимъ городамъ Малой Азіи. Въ Италіи въ апостольскія времена мы знаемъ двѣ общины—въ Римѣ и въ Путеоли. Но на-ряду съ этимъ, христіанство проникло также въ Александрію. Навѣрное оно не разъ переходило изъ крупныхъ центровъ въ менѣе значительныя мѣстности. Такъ, Плиній Младшій разсказываетъ около 112 г., что въ нѣкоторыхъ малыхъ виѳинскихъ городахъ туземные храмы были оставлены, жертвоприношенія въ честь прежнихъ боговъ совершенно прекратились.

Главнымъ образомъ христіанство распространилось въ населеніи, говорившемъ по-гречески или же по-сирійски. На это указываетъ христіанская литература на греческомъ языкѣ.

Но и римская община была не малочислена. Въ началѣ III в. ее можно опредѣлить въ 50.000 ч.—примѣрно двадцатая часть населенія. Слои населенія, въ которыхъ всего болѣе распространялось христіанство, это были по большей части ремесленники, рабы и тому подобные элементы. Но уже примѣры Помпоніи Грецины при Клавдіи и Флавіи Домитиллы, племянницы Веспасіана, показываютъ, что въ I в. среди христіанъ были и высокопоставленныя личности.

Во II в. и затѣмъ въ теченіе долгаго времени христіанство дѣлало успѣхи главнымъ образомъ черезъ посредство восточныхъ и эллинскихъ народовъ. Изъ Антіохіи оно проникло въ Эдессу и въ страны по теченію Тигра, даже въ Мидію и Бактрію. Съ другой стороны еще и теперь мы находимъ въ Малой Азіи многочисленныя христіанскія общины. Около 170 г. упоминаются епископы во Ѳракіи по Черному морю, въ Македоніи, Аѳинахъ, въ Спартѣ и на о-вѣ Критѣ. Въ Египтѣ въ то время христіанство проникло до самыхъ Ѳивъ. Менѣе значительны были его успѣхи на западѣ. Далеко важнѣйшею изъ всѣхъ общинъ оставалась римская. Оттуда христіанство въ первой половинѣ II в. проникло въ Африку и вскорѣ было здѣсь принято также меньшими общинами. Въ то же время возникли христіанскія общины также въ южной Галліи, прежде всего въ ея главныхъ городахъ, Віеннѣ и Лугдунумѣ, нынѣшнемъ Ліонѣ (Ср. Карлъ Мюллеръ, Исторія церкви, на нѣм. I, 56 и слѣд.).

Для опредѣленія національности членовъ этихъ христіанскихъ общинъ имѣетъ значеніе то обстоятельство, что все богослуженіе, вся переписка, даже полемика съ язычниками происходила на греческомъ языкѣ. Лишь около конца этого вѣка говорящее по-латыни населеніе западной половины имперіи въ большомъ количествѣ перешло въ христіанство.

Въ началѣ III в. подготовка къ принятію христіанства была обезпечена уже въ отдаленнѣйшихъ областяхъ имперіи. Кипріанъ, епископъ Карѳагенскій, умершій въ 258 г., говоритъ уже объ испанскихъ епископахъ. Большая часть пуническихъ городовъ Сѣверной Африки имѣла въ III в. епископовъ. Но также на Востокѣ имперіи, которая и начала именно на Востокѣ свою христіанскую жизнь,—христіанство быстро укрѣплялось и распространилось съ одной стороны по направленію къ Персіи, съ другой къ Аравіи и южному Египту.

Не только въ пространственномъ отношеніи, но и въ

качественномъ ростъ христіанства въ ту эпоху сталъ значительнымъ. Всюду мы встрѣчаемъ прочныя организаціи. Центромъ богослуженія стала тайная вечеря. Приносимыя каждымъ кушанья раздѣлялись съ молитвою и благодареніемъ, чаша обносилась кругомъ. При этомъ, на подобіе служенія въ синагогахъ, читался отрывокъ изъ священнаго писанія; слѣдовали благодарственныя молитвы и славословія. Величественная простота и серьезность этого богослуженія обнаруживается въ такъ наз. ученіи 12 апостоловъ (около 135 г.), въ которомъ содержится цѣлая разработанная литургія.

Изъ среды пресвитеровъ (т. е. старѣйшихъ) и діаконовъ возникаютъ надзиратели общинъ—епископы. Они пріобрѣтаютъ право церковной дисциплины, которая въ древнія времена выражалась въ безпощадномъ исключеніи изъ общины за всякія тяжкія нравственныя прегрѣшенія. Во всякомъ случаѣ, установившееся вслѣдствіе этой практики разграниченіе проступковъ отъ тяжкихъ грѣховъ несогласно со строгимъ смысломъ ученія Христа и апостола Павла. Но эта строгая цензура нравовъ была едва-ли не необходима для молодой церковной общины. Какъ разъ самые ревностные отцы церкви, какъ, напр., Тертулліанъ, упорно боролись противъ слишкомъ снисходительнаго отношенія.

Сознаніе общности всѣхъ вѣрующихъ, всѣхъ общинъ и необходимости ихъ взаимной поддержки вездѣ уже пустило корни. Это вытекаетъ изъ вошедшаго въ употребленіе выраженія „вселенская церковь“ и хотя эта общность частью ослаблялась зависимостью малыхъ общинъ отъ разныхъ крупныхъ центровъ, но все же она оказалась достаточною для предупрежденія внутреннихъ кризисовъ въ церкви.

Послѣ того, какъ существовавшія въ апостольскія времена противорѣчія между іудейски-христіанскими и обращенными изъ язычества общинами были рѣшены существеннымъ образомъ въ пользу послѣднихъ, явились новыя внутреннія распри, главнымъ образомъ касавшіяся соотношенія между христіанствомъ и греческою философіею. Простая христіанская вѣра не могла примириться съ тою мыслью, что Христосъ есть исходящее отъ Бога Слово, что онъ есть посредствующій Логосъ между творцомъ и твореніемъ. Не легко усваивали также модалистическое ученіе, по которому Христосъ есть лишь одна изъ формъ проявленія Отца. Простодушное вѣрованіе возстало также противъ поползновеній гностицизма и противъ далеко заходившихъ стремленій къ слiянію греческихъ

философскихъ ученій съ христіанскими. Дѣйствительно, все это привело къ неизвѣстному древнѣйшимъ христіанамъ различенію между религіей образованныхъ людей и религіей толпы.

Еще болѣе тревожныя опасенія могли внушать раздоры, проистекавшіе отъ древнихъ суевѣрій, народнаго мистицизма и связанныхъ съ ними упованій. Таковы различныя направленія, ожидавшія близкаго пришествія Христа,—таково ученіе Маркіона, пытавшагося, по своему, объяснить ученіе Павла, въ особенности же (около 150 г.) ученіе Монтана, который увѣрялъ, что на него снизошелъ Св. Духъ и сообщилъ ему завершеніе Откровенія, обѣщая близкое пришествіе Христа. Такъ какъ монтанизмъ своимъ суровымъ аскетизмомъ, экстазами и прорицаніями вліялъ не только на толпу, но и на глубокомысленныя натуры, вродѣ Тертулліана, то опасность, угрожавшая единству церкви, была очень велика, тѣмъ болѣе, что это движеніе быстро распространилось изъ Фригіи на западъ, даже до Рима и Сѣверной Африки.

Здѣсь-то доказала церковь свою жизненность и прочность своей организаціи. Совмѣстная дѣятельность епископовъ, многочисленныхъ синодовъ и соборовъ, личные переговоры между римскими и восточными епископами—все это, взятое вмѣстѣ, оказалось достаточно сильнымъ для предотвращенія внутренняго распаденія. Еще болѣе мощную жизненную силу обнаружила церковь въ борьбѣ съ государственной властью, начиная съ эпохи преслѣдованія христіанъ. Здѣсь мы встрѣчаемся, впрочемъ, съ различными перипетіями и прослѣдить ихъ чрезвычайно важно и любопытно.

Въ теченіе долгаго времени христіанскія общины признавались лишь уклонившимися въ сторону іудейскими общинами. Они пользовались поэтому тою мѣрою покровительства или терпимости, которая была отведена евреямъ. Споры Павла съ евреями представлялись римскимъ прокураторамъ не болѣе, какъ ссорами изъ-за іудейскаго закона (Дѣянія, 23, 29; 18, 12). Христіане, какъ и іудеи, чтили Моисея и пророковъ. Свои вѣрованія и упованія они признавали осуществленіемъ еврейскихъ пророчествъ. Вскорѣ, однако, положеніе христіанъ должно было ухудшиться. Ненависть, воодушевлявшая обширныя народныя массы противъ евреевъ, направилась и противъ христіанъ, и главнымъ образомъ на

этой народной ненависти къ израильтянамъ было основано гоненіе, предпринятое противъ христіанъ Нерономъ. Народъ легко повѣрилъ, когда Неронъ провозгласилъ христіанъ поджигателями. Еще болѣе усилилась ненависть противъ христіанъ, когда евреи сдѣлали попытку къ возстанію, окончившуюся взятіемъ Іерусалима въ 70 г., и, наконецъ, когда вспыхнулъ мятежъ евреевъ въ 133 г. Разумѣется, противорѣчія между іудействомъ и христіанствомъ не могли остаться неизвѣстными, особенно по мѣрѣ того, какъ христіане пріобрѣтали все болѣе и болѣе прозелитовъ среди язычниковъ, при чемъ стали все менѣе и менѣе придерживаться обрядностей еврейскаго закона. Съ другой стороны христіане утратили и тѣ, предоставленныя уже Юліемъ Цезаремъ евреямъ права, которыми вначалѣ пользовались даже іудейскіе прозелиты. Теперь противъ нихъ могли быть уже прямо направлены общіе законы, касавшіеся чужихъ культовъ. Ихъ можно было теперь обвинить, какъ нарушителей государственныхъ законовъ, за тайныя сборища и возмутительныя, въ государственномъ смыслѣ, рѣчи. Все это и происходило на самомъ дѣлѣ, особенно подъ давленіемъ народнаго фанатизма на чиновниковъ. Здѣсь игралъ, впрочемъ, главную роль никакъ не законъ, направленный противъ чужихъ культовъ и упоминаемый уже Ливіемъ. Этотъ законъ, которымъ часто пользовались, напр., противъ культовъ Вакха, Изиды и Сераписа, но который также часто оставался въ пренебреженіи, былъ примѣненъ Тиверіемъ противъ христіанства, но вскорѣ опять пересталъ примѣняться. Самые развратные восточные культы были порою терпимы даже до безобразія и принимались подъ защиту свыше. Поэтому совершенно ошибочно утвержденіе, будто христіанство пострадало именно отъ этого закона. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ примѣнялись къ христіанству также законы о колдовствѣ—преступленіе, за которое, по закону XII табл., полагалась смертная казнь. На первомъ планѣ стояли, наоборотъ, законы объ оскорбленіи величества, которые своими многочисленными параграфами доставляли властямъ въ руки сомнительное средство, позволявшее дѣйствовать противъ христіанскихъ сборищъ и противъ отдѣльныхъ христіанъ. Подъ понятіе оскорбленія величества подводили возстаніе, возбужденіе ненависти, устройство тайныхъ сборищъ и сообществъ и разсматриваемый какъ кощунство отказъ оказывать божеское почтеніе Цезарю и приносить ему жертву.

Ясно, что при такой растяжимости понятій о государственныхъ преступленіяхъ, весьма многое зависѣло отъ административнаго произвола и усмотрѣнія. Христіане при своей сдержанности и набожности большею частью могли вести себя такимъ образомъ, что, пока на нихъ не было сдѣлано злостнаго доноса, они ускользали отъ опредѣленій закона, если только имъ не пользовались самъ императоръ или же вліятельные люди для устраненія своихъ политическихъ противниковъ. Лишь исполненіе требованія приносить императору жертвы и молиться языческимъ богамъ представляло большія затрудненія и нарушеніе этого предписанія привело при Домиціанѣ къ первымъ смертнымъ приговорамъ противъ христіанъ въ провинціи. Наоборотъ, казни, предпринятыя Домиціаномъ въ Римѣ противъ нѣкоторыхъ выдающихся личностей, въ томъ числѣ противъ нѣкоторыхъ изъ его собственныхъ родственниковъ, пользовались христіанствомъ просто какъ предлогомъ. Консулъ Флавій Клеменсъ, племянникъ Домиціана, и Домитилла, племянница императора, были осуждены за ихъ мнимый атеизмъ и за „іудейскіе" обычаи, но вѣрнѣе всего—по чисто политическимъ мотивамъ.

Знаменитый рескриптъ, посланный императоромъ Траяномъ Плинію Младшему, въ бытность того намѣстникомъ Виѳиніи, далъ, наконецъ, болѣе прочное основаніе для гоненій, направленныхъ противъ христіанъ, но естественно,—какъ всегда бываетъ при подобныхъ законодательныхъ опредѣленіяхъ,—имѣлъ послѣдствіемъ болѣе крутыя мѣры, чѣмъ тѣ, которыя предполагались. Самъ по себѣ этотъ рескриптъ довольно кротокъ, хотя гуманныя намѣренія его часто не были понимаемы должнымъ образомъ. „Не слѣдуетъ выслѣживать христіанъ", писалъ императоръ. „Лишь въ томъ случаѣ, если они обвинены и упорствуютъ и все еще отказываются принести жертвы богамъ, они заслуживаютъ наказанія". Вслѣдъ затѣмъ Адріанъ, изъ всѣхъ императоровъ Рима болѣе всего приблизившійся къ новѣйшему міросозерцанію, въ письмѣ къ азіатскому проконсулу подтвердилъ, чтобы христіанъ преслѣдовали только за не-религіозныя преступленія, и сверхъ того велѣлъ даже наказывать доносчиковъ; положеніе христіанъ стало поэтому довольно сноснымъ. Нельзя, конечно, сказать, чтобы и въ позднѣйшія времена христіане не испытывали никакихъ преслѣдованій и не подвергались мученичеству. Озлобленіе языческаго населенія, часто направлявшееся противъ выдающихся людей, враждебное отношеніе нѣкоторыхъ намѣстниковъ, возвращеніе къ болѣе суровымъ мѣрамъ Траяна даже со стороны такихъ императоровъ, каковы Антонинъ Пій и Антонинъ Философъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Марка Аврелія,—все это привело къ частымъ случаямъ мученичества. Престарѣлый Поликарпъ, епископъ Смирнскій, пострадалъ при Антонинѣ Піи, а Юстинъ при Маркѣ Авреліи. Въ особенности въ концѣ царствованія Марка Аврелія, со времени изданія указа о введеніи новыхъ религій, могущихъ служить къ возбужденію народа (177), число жертвъ стало возрастать. Однако, и тогда не было предпринято какихъ-либо общихъ мѣръ, вродѣ общаго изгнанія. Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напр., въ особенности въ Лугдунумѣ (Ліонѣ), примѣнили чрезвычайно строгія мѣры. Въ другихъ мѣстахъ примѣняли болѣе кроткій эдиктъ Траяна. Обнаруживавшіе раскаяніе, т. е. приносившіе жертву языческимъ богамъ или же приносившіе хотя бы благовонныя куренія, или по-просту покупавшіе себѣ освобожденіе отъ жертвоприношеній (такихъ называли либеллатици и число ихъ было весьма значительно)—освобождались отъ наказанія. Вскорѣ для христіанъ наступили лучшіе дни. Марція, любовница Коммода, сама была христіанка и добилась помилованія многихъ изъ своихъ единовѣрцевъ. Худшія гоненія испытали, однако, христіане при Септиміи Северѣ, сначала благоволившемъ христіанамъ, но при быстромъ распространеніи христіанства усилившемъ преслѣдованія. Во многихъ мѣстахъ имперіи, но въ особенности во всей Сѣверной Африкѣ, въ Александріи и въ Карѳагенѣ, число жертвъ было довольно значительно. По счастью, въ эпоху, послѣдовавшую за Септиміемъ Северомъ, явились совсѣмъ другія отношенія. Въ образованныхъ кругахъ язычества все болѣе стали стремиться къ синкретизму, т. е. къ сліянію двухъ враждебныхъ культовъ. Императоръ Александръ Северъ поставилъ статую Христа въ числѣ своихъ пенатовъ, а женщины императорскаго двора находились въ тѣсныхъ соотношеніяхъ къ выдающимся христіанскимъ писателямъ. Мать императора, Юлія Маммея, предоставила отцу церкви, Оригену, читать ей проповѣди, и христіане спокойно могли отправлять богослуженіе.

Подобные промежутки между эпохами гоненій были чрезвычайно благопріятны для развитія и распространенія хри-

стіанства. Благодаря имъ, церковь настолько окрѣпла, что даже во времена самыхъ жестокихъ гоненій, какъ, напр., при Деціи и Діоклеціанѣ, въ эпоху послѣдней рѣшительной борьбы между христіанствомъ и язычествомъ, никакія силы не могли уже сокрушить христіанства.

Слѣдуетъ еще сказать нѣсколько словъ по поводу такъ сильно возмущающихъ наше нынѣшнее нравственное чувство наказаній, постигавшихъ христіанъ. Нѣтъ ни малѣйшей возможности провѣрить, на основаніи точныхъ историческихъ свидѣтельствъ, въ какой мѣрѣ справедливы нѣкоторые разсказы объ отдачѣ христіанъ на растерзаніе звѣрямъ въ Колизеѣ. Но сомнѣваться въ томъ, что дѣйствительно многіе христіане потерпѣли жестокія муки и между прочимъ многіе были растерзаны звѣрями, нельзя уже по прямому смыслу законовъ, воспрещавшихъ христіанскій культъ. Законъ о государственныхъ преступленіяхъ былъ таковъ, что требовалъ смертной казни, и знатные люди подлежали обезглавленію, а болѣе простые—сожженію или же отдачѣ на растерзаніе звѣрямъ. Сверхъ того обвиненіе въ кощунствѣ и въ мятежѣ устраняло привилегіи свободнаго состоянія. Пытка и распятіе на крестѣ, обыкновенно примѣнявшіяся только къ рабамъ, были распространены на всѣхъ вообще христіанъ. По сравненію съ подобными пытками, радость, съ которою тысячи христіанъ не только встрѣчали смерть, но и сами добивались ея, просто поразительна, какъ свидѣтельство необычайнаго религіознаго экстаза; нигдѣ истина того положенія, что мученичество доставляетъ побѣду, не обнаруживается съ такою силою, какъ въ исторіи христіанства. „Цари и властители, — говоритъ Климентъ Александрійскій, — съ самаго начала провозглашенія нашего ученія стали ему препятствовать. Со всѣми своими наемниками и многочисленными толпами они ведутъ съ нами борьбу, стараясь истребить какъ можно больше нашихъ, и тѣмъ не менѣе мы процвѣтаемъ все болѣе и болѣе. Наше ученіе не можетъ погибнуть, подобно человѣческому, оно не изсякнетъ, какъ слабый даръ“.

На-ряду съ картинами тяжелаго положенія христіанства въ ту эпоху, мы видимъ и болѣе отрадныя картины жизни древнихъ христіанскихъ общинъ. Всего лучше рисуютъ ихъ бытъ катакомбы, въ особенности подземные склепы передъ самыми воротами Рима. Эти катакомбы были раскрыты и

изслѣдованы несравненными трудами двухъ знаменитыхъ археологовъ—Джіованни и Микаэле де Росси.

Эти памятники служатъ краснорѣчивѣйшими свидѣтельствами сравнительной терпимости. Они представляютъ собою многоэтажныя кладбища, съ безчисленными ходами, занимающія пространство около тысячи квадратныхъ километровъ: это величавые памятники древняго искусства и культуры.

Римляне, какъ извѣстно, обыкновенно сожигали мертвыхъ. Но этотъ способъ погребенія былъ доступенъ лишь болѣе богатымъ. Нищихъ и бѣдныхъ опускали въ общія могилы (путикули), какія недавно были найдены въ одномъ древнемъ кладбищѣ въ Римѣ, на Эсквилинскомъ холмѣ. Болѣе богатые, какъ, напр., Сципіоны, предоставляли хоронить себя порою въ саркофагахъ и обычай этотъ все болѣе и болѣе распространялся въ императорскую эпоху. Со времени Антониновъ сожженіе труповъ, не бывшее къ тому же древне-италійскимъ обрядомъ, совершенно вышло изъ употребленія. Этруски хоронили своихъ мертвыхъ въ особыхъ склепахъ, а евреи, съ 63 г. до Р. Х. распространившіеся по всему римскому государству, подобно большинству восточныхъ народовъ не сожигали тѣлъ. Они имѣли въ окрестностяхъ Рима свои кладбища, изъ которыхъ многія были открыты. Такъ какъ, по всей вѣроятности, христіанство стало распространяться въ Римѣ прежде всего среди евреевъ, то и неудивительно, что первая христіанская община въ Римѣ удержала еврейскій обычай погребенія тѣлъ.

Но для первыхъ христіанъ изъ евреевъ погребеніе имѣло значеніе религіознаго акта и съ раннихъ поръ они хоронили мертвыхъ въ общемъ мѣстѣ, но каждаго въ особой могилѣ. Мертвыхъ хоронили тамъ по восточному обычаю, какъ доказываетъ христіанское кладбище, открытое въ 1873 г. въ Порто-Груаро (римской Юлія Конкордія), лицомъ на востокъ. Христіане не допускали простой свалки въ кучу тѣлъ, какая была въ римскихъ „путикулахъ“. Такимъ образомъ возникло кладбище, койметеріонъ (или, по греческому произношенію, кимитиріонъ) „мѣсто сна“—названіе, выражающее, подобно всѣмъ выраженіямъ христіанской эпиграфики, вѣру въ воскресеніе мертвыхъ.

Широко распространенное мнѣніе, будто катакомбы возникли изъ каменоломенъ, откуда язычники брали камень для сооруженій въ вѣчномъ городѣ, окончательно устранено раскопками и изслѣдованіями Росси. Мы знаемъ теперь, что

христіанскіе писатели имѣли полное право утверждать, что катакомбы, т. е. подземныя кладбища, представляютъ чисто христіанскія сооруженія, заранѣе предназначенныя для погребенія христіанскихъ тѣлъ и не для чего иного. Такихъ христіанскихъ кладбищъ было множество, и несомнѣнно, что они составляютъ работу исключительно христіанскихъ рукъ. Тщательное изслѣдованіе катакомбъ привело къ открытію довольно изумительнаго факта, а именно, что въ Римѣ христіанскія кладбища вполнѣ законно могли быть устраиваемы вокругъ могилъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ. Эти первыя христіанскія кладбища возникли открыто подъ покровительствомъ римскихъ законовъ, на площадяхъ богатыхъ и знатныхъ землевладѣльцевъ, какъ, напр., Пуденса, Цецилія, Флавіи Домитиллы, Коммодиллы, Протекстата. Эти катакомбы еще не имѣютъ потайнаго хода. Лѣстницы, ведущія въ глубину, широки, просторны и видны всѣмъ. Ни одинъ языческій памятникъ не выставленъ болѣе публично: все, повидимому, свидѣтельствуетъ о полной безопасности и покровительствѣ закона. Этимъ, однако, опровергается весьма широко распространенное мнѣніе, будто христіанство выступило сначала тайно. Очевидно, что оно, наоборотъ, сразу выступило открыто, что оно давно нашло мощныхъ и вліятельныхъ покровителей въ столицѣ. Раскопки 1874—5 г. показали вѣдь, при открытіи базилики дѣвицы Авреліи Петрониллы въ катакомбахъ св. Домитиллы, что здѣсь погребена христіанская отрасль Флавіевъ, т. е. дома, давшаго Риму лучшаго изъ его императоровъ.

Находятъ надписи даже I в., указывающія съ несомнѣнностью на могилы христіанъ. Если такимъ образомъ падаетъ мнѣніе, будто христіане не были вначалѣ въ Римѣ тайною, скрывавшеюся отъ свѣта сектой, то это предположеніе становится для насъ еще менѣе вѣроятнымъ, когда мы знакомимся съ положеніемъ частныхъ могилъ и мавзолеевъ у римлянъ. Священною признавалась могила почти у всѣхъ народовъ. Но въ Римѣ земля, предназначенная для могилъ, пользовалась, сверхъ того, еще и особой охраной. Какъ священныя мѣста, могилы были изъяты изъ общаго права владѣнія и продажи. Онѣ оставались исключительнымъ и неизмѣннымъ, неотчуждаемымъ правомъ собственности семьи. Итакъ, простой этотъ фактъ обезпечивалъ христіанамъ охрану могилы римскимъ закономъ, и хотя послѣдователи Іисуса подвергались гоненіямъ, но могилы ихъ оставались нетро-

нутыми и даже находились подъ попеченіемъ римскихъ понтифексовъ. Весьма либерально было правительство также по отношенію къ погребенію преступниковъ. Требовавшій ихъ тѣло могъ получить его и безпрепятственно похоронить. Древнѣйшія катакомбы какъ разъ обязаны своимъ происхожденіемъ тому, что нѣкоторые богачи-христіане желали имѣть у себя кости мучениковъ. Охраною закона пользовались не однѣ могилы, но и относящіяся къ нимъ постройки и сооруженія. Такъ, напр., очень древній склепъ св. Луцины сооруженъ на участкѣ земли, занимавшемъ площадь въ 100 м. ширины и 180 длины.

Но римское законодательство предоставляло христіанамъ кое-что побольше простыхъ мѣстъ для могилъ. Считалось священнымъ долгомъ провожать тѣло друзей и родственниковъ, присутствовать при погребеніи и при затѣмъ приносимыхъ жертвахъ, въ особенности же участвовать въ поминкахъ въ годовщину смерти. Наслѣдниковъ даже связывали обязательствомъ устраивать такія торжества, обезпечивавшія умершимъ долгую память и поддерживавшія связь умершаго съ родомъ.

Такимъ образомъ христіанамъ была дана возможность какъ угодно часто собираться въ мѣстахъ, гдѣ находились мощи ихъ мучениковъ, патроновъ и родственниковъ и устраивать тамъ церковныя торжества. Но для того, чтобы обезпечить присутствіе возможно большаго числа вѣрующихъ, нѣсколько могилъ нарочно устраивались въ одномъ мѣстѣ. Многіе склепы соединялись и получали общій доступъ воздуха и свѣта черезъ посредство „люминаръ“ или шахтъ, имѣвшихъ отверстія на поверхности земли. Еще другія законодательныя опредѣленія допускаютъ то заключеніе, что положеніе христіанскихъ общинъ вообще было вовсе не такимъ дурнымъ и безправнымъ, какъ принято думать.

Древнее римское право допускало свободу сборищъ и союзовъ. Императорское законодательство, начиная съ Юліева закона, ввело ограниченія, признавая лишь опредѣленныя собранія за дозволенныя (коллегія лицита). Къ этимъ послѣднимъ принадлежали прежде всего погребальные союзы, и о существованіи многихъ такихъ союзовъ свидѣтельствуютъ многочисленныя надписи. Союзы такого рода существовали во всѣхъ сословіяхъ и ремеслахъ, даже между рабами: многіе изъ нихъ имѣли вполнѣ опредѣленную религіозную цѣль. Даже Траянъ, вмѣшавшійся въ этого рода дѣла со своимъ закономъ противъ недозволенныхъ сообществъ (гетерій) и

запретившій обычныя собранія христіанъ, долженъ былъ сдѣлать исключеніе въ пользу коллегій „тенуиорумъ“, т. е. сообществъ неимущихъ. Права этихъ сообществъ были признаны Септиміемъ Северомъ (193—211) и распространены на всю имперію: но судя по одной надписи въ Ланувіумѣ, право это существовало еще ранѣе внѣ предѣловъ Рима. И если тамъ и сямъ законодательство позднѣйшихъ императоровъ, особенно въ эпохи религіознаго возбужденія и преслѣдованій, пыталось ограничить права христіанъ, то совершенно уничтожить ихъ оно не имѣло силы.

Такимъ образомъ бѣднымъ было предоставлено самимъ закономъ собираться однажды въ мѣсяцъ и собирать денежныя суммы, посредствомъ которыхъ они обезпечивали себѣ, въ случаѣ смерти, приличное погребеніе. Подобныя похоронныя кассы, организованныя на подобіе существующихъ до нашего времени, могли придать законную форму христіанскому сообществу и оно пользовалось своими правами для того, чтобы собираться и пріобрѣтать общія мѣста для погребенія. Такимъ образомъ кладбища могли превращаться изъ частной собственности въ общественную, оффиціально признанную закономъ. Общества взаимопомощи и похоронныя кассы, значительно размножившіяся во второй половинѣ II в., имѣли, какъ доказалъ Росси, законодательные статуты и по этимъ уставамъ христіанскія общества владѣли своими кладбищами. Предписанія языческаго закона могли быть ими вполнѣ приняты. Такимъ образомъ произошло постепенно превращеніе правъ христіанскаго частнаго собственника въ коллективныя права христіанскихъ общинъ.

Въ концѣ III и въ началѣ IV в. было уже не мало кладбищъ, такъ что Фабіанъ долженъ былъ распредѣлить ихъ управленіе между 7 діаконами. Лишь катакомбы Калликста остались непосредственномъ вѣдѣніи римскаго епископа (папы). Здѣсь же было выкопано 9 новыхъ склеповъ, архитектура которыхъ доказываетъ, что они первоначально имѣли назначеніе не могилъ, а мѣстъ для сборищъ, дозволенныхъ христіанамъ Александромъ Северомъ. Эти камеры были, стало быть, настоящими церквами, и подраздѣленіе залъ соотвѣтствовало подраздѣленіямъ базиликъ. Но императоры Валеріанъ и Галліенъ (въ 257 — 258 г.) опять запретили, противъ всякаго права и прежняго закона, собираться въ катакомбахъ. Христіанамъ пришлось поэтому подумать о томъ, какъ бы поставить между собою и своими мучителями непреодолимыя преграды. Они сняли широкія лѣстницы, ведущія въ катакомбы, стали придѣлывать потайные ходы и расширили подземныя галлереи, устроивъ родъ настоящихъ лабиринтовъ, выходившихъ за предѣлы дозволенной площади. Въ калликстовыхъ катакомбахъ еще и теперь можно видѣть очень узкій спускъ, внезапно прерывающійся посрединѣ, такъ что отсюда должны были спускаться помощью подвижныхъ лѣстницъ, ведшихъ въ галлереи.

Если здѣсь идетъ рѣчь исключительно о римскихъ катакомбахъ, то, конечно, потому, что онѣ, по своему значенію, далеко превосходятъ всѣ остальныя, и сверхъ того онѣ, какъ лучше всѣхъ прочихъ изслѣдованныя, даютъ намъ картину величественной дѣятельности древнѣйшихъ христіанъ какъ разъ въ столицѣ.

Но значеніе подобныхъ кладбищъ въ исторіи христіанской церкви по всей римской имперіи можетъ цѣнить лишь тотъ, кто знаетъ, что подобнаго же рода сооруженія были повсюду—на Западѣ и на Востокѣ,—какъ, напр., въ Неаполѣ, въ Палермо, въ Нолѣ, Сиракузахъ, Трирѣ и Александріи,

Существованіе катакомбъ и связанныхъ съ ними правовыхъ предопредѣленій вынуждаетъ насъ допустить значительныя ограниченія въ разсказахъ о преслѣдованіяхъ, которымъ подвегались христіане. Нѣкоторое противорѣчіе между правомъ и выполненіемъ не можетъ быть, конечно, отвергаемо. Еще менѣе можно отвергать существованіе противорѣчій между законами, съ одной стороны клеймившими христіанъ, съ другой—уважавшими ихъ кладбища и похоронныя кассы, преслѣдовавшими христіанъ надъ землею, и въ то же время дозволявшими имъ собираться подъ землею. Но исторія катакомбъ доказываетъ, съ другой стороны, какимъ образомъ неподвижное законодательство и уваженіе къ мертвецамъ оказало великую услугу дѣлу распространенія и укрѣпленія христіанства. Это уваженіе болѣе помогло дѣлу гуманности, нежели какія-либо добрыя чувства къ живымъ. Въ новой исторіи, въ эпоху преслѣдованія гугенотовъ, уже не бросали живыхъ на съѣденіе звѣрямъ, но умѣли съ утонченною жестокостью выискивать виновныхъ и уничтожать ихъ. Христіанскій король Людовикъ XIV распорядился съ гугенотами нѣсколько хуже, чѣмъ римскіе цесари съ христіанами.

Римскія катакомбы являются не только трогательнымъ свидѣтельствомъ стойкости христіанъ въ дѣлахъ вѣры, но,

что бы тамъ ни говорили, онѣ являются свидѣтельствомъ въ пользу извѣстной гуманности и терпимости античнаго міра.

Картина дополняется обсужденіемъ того, что пишутъ по этому вопросу древнѣйшіе отцы церкви и апологеты.

Ученіе Христа распространялось первоначально безъ особыхъ помѣхъ апостолами и евангелистами, т. е. знатоками евангельской литературы, странствующими учителями и повѣдниками евангелія, а также обширной литературой писемъ (посланій). Со времени Траяна усилилось преслѣдованіе христіанъ массою языческаго населенія и правительствомъ, а съ другой стороны выдающіеся вожди христіанства смѣло исповѣдывали свою вѣру и защищали христіанство противъ нападокъ языческихъ писателей. Такъ, Юстинъ-мученикъ обратился со своей знаменитой апологіей къ императору Антонину Пію. Онъ безстрашно потребовалъ отъ императора, послѣ того какъ изложилъ ему основы ученія, чтобы тотъ отнесся къ христіанству, не стѣсняясь никакими предвзятыми предразсудками и не принимая во вниманіе суевѣрій и страстей. „Вы можете, конечно, отнять у насъ жизнь, пишетъ онъ императору, но повредить намъ вы не можете. Вѣдь мы убѣждены, что намъ никто не можетъ принести вредъ". Еще раньше Юстина, двое апологетовъ, оба аѳиняне, Квадратъ и Аристидъ, обратились непосредственно къ императору Адріану. Христіанскій философъ Аѳинагоръ (177) пытался убѣдительнымъ образомъ опровергнуть возраженія, направленныя противъ христіанъ обвиненія, какъ, напр., обвиненія въ безбожіи, въ тайномъ распутствѣ, даже людоѣдствѣ: эту апологію онъ посвятилъ императору Марку Аврелію.

Около того же времени впервые возникаетъ настоящая научная литература отцовъ церкви. Вскорѣ оказалось необходимымъ не столько защищать христіанство отъ нелѣпыхъ обвиненій, сколько доказывать и развивать христіанскія истины и нападать на самое язычество во всеоружіи науки. При этомъ нападали какъ на такія произведенія, которыя, какъ, напр., сочиненія философа Цельза и императора Марка Аврелія, выступали на защиту умиравшаго язычества, такъ и на еретическія произведенія, выходившія изъ среды христіанъ, но угрожавшія чистотѣ христіанскаго ученія.

Такова была задача отцовъ церкви, отъ Иринея, бывшаго епископомъ въ Ліонѣ (съ 178 г.), до побѣды христіанства при Константинѣ. Изученіе произведеній отцовъ

церкви показываетъ намъ, какъ христіанство пріобрѣло право гражданства въ научно-мыслящихъ сферахъ. И если, какъ часто бываетъ въ исторіи, мы видимъ, что оружіемъ противъ христіанства часто была грубая сила, то все же чрезвычайное распространеніе христіанской литературы и интересъ, который она возбуждала, показываетъ, какъ значительно было вліяніе, которое эта литература оказывала на умы противниковъ.

Одновременно съ возникновеніемъ научной литературы въ христіанскомъ мірѣ возникали также часто мелочныя и ожесточенныя распри, относившіяся къ формулированію различныхъ догматовъ и къ объявленію всѣхъ иновѣрныхъ еретиками. Возникъ въ высшей степени неутѣшительный духъ сектантсва. Насколько согласуются между собою понятія Сына Божія и Логоса, каково отношеніе естества Сына къ естеству Отца, вопросы вродѣ того, можетъ-ли „сынъ считаться своимъ собственнымъ сыномъ", — о чемъ разсуждали ноэціанцы,—обо всемъ этомъ спорили, на это тратили много времени и силъ, объ этомъ составляли обширныя полемическія сочиненія. Возникла также и литература апокрифовъ, т. е. не признанныхъ церковью, часто написанныхъ въ сектаторскомъ духѣ евангелій, апостольскихъ дѣяній и сказаній о мученикахъ, которыя часто являются въ гораздо большей степени отраженіемъ наивнаго легендарнаго творчества низшихъ классовъ, чѣмъ христіанской философіи. Нѣкоторые изъ такихъ апокрифовъ являются просто дерзкими поддѣлками и могутъ служить лишь показателями распространенности христіанства и разнообразія принятыхъ имъ направленій, въ числѣ которыхъ было не мало и крайне превратныхъ.

Древне-христіанское искусство.

У многихъ историковъ искусства и даже у многихъ богослововъ укоренилось мнѣніе, будто христіанство въ древнѣйшія времена было враждебно искусству. Мнѣніе это держится уже три столѣтія и тѣмъ не менѣе оно совершенно ложно. Сообщенія старинныхъ писателей не подтверждаютъ его, и оно исчезаетъ какъ туманъ передъ свѣтомъ, распространеннымъ раскопками и находками новѣйшаго времени.

Точное изслѣдованіе собраннаго въ катакомбахъ эпиграфическаго и художественнаго матеріала позволяетъ намъ сказать, что произведенія христіанъ въ области искусства того времени нисколько не уступали произведеніямъ язычниковъ. Въ надписяхъ у тѣхъ и другихъ мы замѣчаемъ сначала одинаковый лаконизмъ, частое примѣненіе греческаго языка, который, однако, мало-по-малу устраняется, употребленіе многочисленныхъ сокращеній, испорченныхъ и простонародныхъ выраженій; мало-по-малу содержаніе становится все болѣе и болѣе многостороннимъ. Наконецъ, стиль надписей становится выспреннимъ и появляются метрическія эпитафіи. Христіанскія эпитафіи слѣдуютъ во всемъ примѣру языческихъ. Совершенно такой же параллелизмъ мы видимъ и въ развитіи искусства, особенно живописи. Изъ произведеній живописи, древнѣйшія, какъ, напр., въ катакомбахъ Домитиллы, еще классическаго стиля и не уступаютъ ни помпейскимъ фрескамъ, ни самымъ изящнымъ колумбаріямъ эпохи Августа. Позднѣе живопись, до тѣхъ поръ чисто аллегорическая, становится ближе къ дѣйствительности, но стиль ея уже менѣе классическій и мы очевидно приближаемся къ эпохѣ упадка. Въ концѣ періода чистота стиля еще болѣе убываетъ, словомъ—христіанское искусство цѣликомъ движется въ колеѣ языческой школы, процвѣтая и приходя въ упадокъ вмѣстѣ съ языческимъ искусствомъ.

Это весьма естественно, такъ какъ художники, безразлично, язычники и христіане, всѣ принадлежали къ одному народу и выходили изъ одинаковыхъ слоевъ общества. Указаніе, получаемое нами при изученіи исторіи катакомбъ, въ высшей степени важно: оно убѣждаетъ насъ въ томъ, что христіанство далеко не имѣло значенія общаго и крутого переворота и оставило многое по старому. Новая религія постепенно овладѣвала умами, но не произвела значительнаго и быстраго потрясенія. Языческіе памятники по прежнему стояли, ни одинъ не пострадалъ, и еще между 382 и 391 г. въ Римѣ можно было видѣть храмъ Миѳры, построенный на счетъ частныхъ лицъ. Доказано, что при папѣ Дамазѣ (366 — 384) христіане почитали языческіе храмы, какъ общественныя сооруженія, и что разрушеніе памятниковъ античнаго искусства относится лишь къ болѣе позднему варварскому времени.

Итакъ, уже тѣхъ произведеній искусства, которыя находятся въ катакомбахъ, достаточно для того, чтобы разру-

шить распространенное заблужденіе, будто первые христіане были преисполнены ненависти къ пластическому искусству и будто живопись проникла въ среду христіанъ лишь украдкою и противъ ихъ воли. Евреи, принесшіе христіанство въ Римъ, чуждались только изображеній, связанныхъ съ языческимъ культомъ, и въ настоящее время доказано, что въ первые вѣка христіанства уже существовали христіанскіе живописцы. Какъ разъ древнѣйшіе памятники этого рода, а именно I и II в., обнаруживаютъ высочайшее стилистическое совершенство; это не можетъ удивить насъ, такъ какъ именно около этого времени художественная жизнь римлянъ достигла наивысшаго расцвѣта. Дѣйствительно, нельзя достаточно сильно подчеркнуть то обстоятельство, что первые христіане, сначала образовавшіе малую еврейскую общину, вскорѣ стали гораздо болѣе многочисленны и въ силу этого были по большей части римскими гражданами. Изъ древнехристіанскихъ изображеній надо различать двѣ главныя категоріи—символическія и историческія. Изъ послѣднихъ тѣ, которыя относятся къ Новому Завѣту, также имѣютъ по большей части символическій характеръ и вообще встрѣчаются рѣдко. Такъ, отъ древнѣйшихъ временъ не сохранилось ни одного изображенія троичности, и даже ни одного, имѣющаго значенія портрета, изображенія Іисуса или изображенія крестной смерти. Древнѣйшія поясныя изображенія Христа относятся къ V и VI в. и, по Росси, самое древнее изъ нихъ это изображеніе изъ слоновой кости, находящееся въ Ватиканскомъ музеѣ. Раньше изображеній Христа мы встрѣчаемъ изображенія Богоматери Маріи, каковыя встрѣчались уже задолго до Эфесскаго собора (431 г.). Изъ этихъ изображеній Маріи, древнѣйшее, сколько извѣстно, то, которое найдено въ 1851 г. въ катакомбѣ С. Присциллы. По Росси, оно относится ко второму или даже къ первому вѣку.

Большею частью гіератическіе типы нехристіанской символической живописи относятся къ концу II и началу III в. и находятся въ такъ наз. сакраментныхъ камерахъ каликстовыхъ катакомбъ, неподалеку отъ гроба Св. Цециліи и папъ.

Часовня папъ ясно обнаруживаетъ устройство первоначальной церкви съ ея изолированнымъ алтаремъ, у котораго священникъ, обративъ лицо къ вѣрующимъ, выполнялъ св. таинства. Сзади алтаря было мѣсто для кресла, на ко-

торомъ возсѣдалъ епископъ. Въ живописи изображенія евангельскихъ и библейскихъ сюжетовъ болѣе аллегоричны, чѣмъ реальны; скульптура на саркофагахъ исключительно декоративна.

Скульптура примѣняется главнымъ образомъ къ украшенію саркофаговъ, по примѣру восточнаго искусства. Она господствуетъ въ этомъ видѣ при Антонинахъ, позднѣе же замѣняется болѣе дешевымъ способомъ сооруженія памятниковъ — *сепулькрумъ а менза*, т. е. родомъ саркофага, высѣченнаго въ скалѣ. Позднѣе такъ часто употреблявшійся *аркосоліумъ* есть также не что иное, какъ высѣченный въ скалѣ, и снабженный куполомъ саркофагъ. По всей вѣроятности, первые христіане часто обращались относительно саркофаговъ къ языческимъ каменьщикамъ и монументнымъ мастерамъ и выбирали украшенія, имѣвшія нейтральный характеръ и не оскорблявшія христіанскаго чувства. Гдѣ выборъ былъ невозможенъ или же гдѣ приходилось поневолѣ брать саркофаги съ изображеніями языческихъ сценъ, тамъ помогали себѣ тѣмъ, что несоотвѣтственную сцену саркофага помѣщали внутрь могилы. Понятно, что для развитія христіанскаго искусства слѣдовало подождать эпохи церковнаго мира. Въ эпоху преслѣдованій работа христіанскаго скульптора, которую приходилось выполнятьпри дневномъ свѣтѣ, могла быть небезопасною, тогда какъ работа живописца, въ случаѣ крайности, могла быть выполнена и при искусственномъ освѣщеніи внутри катакомбъ.

Мозаики рѣдки въ эпоху до Константина. Лишь въ IV в. онѣ вошли въ употребленіе въ базиликахъ. Порою онѣ сопровождаются надписями, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ помѣщаемыми на оборотной сторонѣ языческихъ снабженныхъ уже надписями камней. Хронологическія данныя, вообще встрѣчающіяся рѣдко, особенно въ первыя три столѣтія, становятся болѣе частыми въ IV в. Точками опоры для хронологіи являются консулаты; извѣстны лишь немногія надписи, въ которыхъ лѣтосчисленіе ведется по понтификатамъ, т. е. по годамъ служенія папъ, и не найдено ни одной надписи, въ которой счетъ велся бы отъ Рождества Христова.

Мельхіадъ былъ послѣдній папа, погребенный въ катакомбѣ, такъ какъ въ то время уже вступилъ на престолъ Константинъ. Преемники этого папы похоронены въ базиликахъ, которыя сооружались подъ открытымъ небомъ надъ

могилами мучениковъ. Такъ возникли базилики св. Петра, Лаврентія, Агнесы и др. Также въ самомъ городѣ Римѣ, на мѣстахъ домовъ, гдѣ собирались первые христіане, сооружались подобныя базилики. Христіанскіе памятники, до Константина очень рѣдкіе въ Римѣ, значительно умножились. Около того же времени катакомбы перестали находиться подъ надзоромъ священниковъ и стали дѣломъ предпріимчивости гробокопателей (фоссоресъ), которые ради денежныхъ выгодъ раскапывали новыя мѣста. Но и объ этихъ „фоссорахъ" въ послѣдній разъ упоминается 426 г. и положительно ошибочно утвержденіе, что до начала VII в. будто бы все еще хоронили въ катакомбахъ, такъ какъ съ 400 г. и до 409 погребенія въ катакомбахъ становятся весьма рѣдкими, а съ 410 г. ни одна надпись болѣе не упоминаетъ о такомъ погребеніи. Позднѣйшія опустошенія Кампаніи готами и лангобардами побудили папу Павла замуровать многія изъ знаменитѣйшихъ могилъ, а изъ другихъ перенести тѣла въ римскія церкви. Этимъ грандіознымъ перенесеніемъ мощей, продолжавшимся еще при папахъ Сергіи II и Львѣ IV, заканчивается настоящая исторія катакомбъ.

Постепенное распаденіе римской имперіи. Солдатскіе императоры.

Въ концѣ II в., послѣ побѣдъ императора Марка Аврелія, дѣла приняли такой оборотъ, какъ будто римское государственное бытіе идетъ на встрѣчу счастливой эпохѣ, какъ будто государство внутри прекрасно организовано, а извнѣ непобѣдимо. Превосходное управленіе провинціями въ теченіе трехъ поколѣній, казалось, надолго упрочило ихъ положеніе; дисциплина и духъ легіоновъ, находившихся въ провинціяхъ, не оставляли желать ничего лучшаго.

И тѣмъ не менѣе, уже въ то время существовали признаки несомнѣннаго упадка и разложенія и было ясно, что даже безъ какого-либо нашествія извнѣ римская культура близка къ концу.

Каковы причины этого упадка? Въ прежнюю эпоху мы могли уже констатировать извѣстный шагъ назадъ въ финансовомъ, экономическомъ, торговомъ, моральномъ, художественномъ отношеніи. Въ мирныя времена налоги не были особенно тяжелы, но во время частыхъ войнъ становились

невыносимыми. А какъ расточала римская имперія сокровища своей хорошо дисциплинированной арміи, это показала исторія слѣдующихъ десятилѣтій.

Прежде всего вина быстраго упадка государства падаетъ на многихъ жалкихъ деспотовъ, возсѣдавшихъ на тронѣ со временъ Марка Аврелія. Большею частью они завладѣвали престоломъ послѣ междоусобныхъ войнъ. Уже недостойный сынъ Марка Аврелія, Коммодъ, до необычайной степени дискредитировалъ власть цезарей. Еще не то важно, что онъ заключилъ позорный миръ съ маркоманнами. Но не простительно было, когда этотъ капризный деспотъ погубилъ дисциплину, выдавъ мятежнымъ войскамъ своихъ лучшихъ друзей, какъ, напр., префекта своей гвардіи Перенниса, пока наконецъ люди, которымъ онъ готовилъ смерть, не предупредили и не убили его (193 г.). Этотъ глупый расточитель оставилъ своему преемнику разстроенные финансы, и при этомъ онъ въ послѣднія 9 лѣтъ своего правленія не выдавалъ болѣе денегъ, предназначенныхъ на воспитаніе мальчиковъ—бѣдныхъ и сиротъ. Послѣ его паденія, повторилось зрѣлище, уже виданное послѣ смерти Нерона. Въ одинъ годъ появилось три императора. Два первыхъ были избраны преторіанцами, т. е. гвардіей. Затѣмъ началась, длившаяся цѣлые годы, борьба между различными претендентами, избранными разными провинціальными гарнизонами. Деморализованная гвардія, выбиравшая и низвергавшая императоровъ, была, правда, преобразована энергичнымъ Септиміемъ Северомъ, однако и послѣ его смерти происки претендентовъ и военные мятежи не прекращались. Почти каждый императоръ въ послѣдующія 50 л. умиралъ насильственною смертью, большею частью во время мятежа недовольныхъ солдатъ, порою просто по рѣшенію нѣсколькихъ низшихъ начальниковъ.

Сюда присоединяется то обстоятельство, что уже со временъ Александра Севера, предѣламъ государства угрожали разные воинственные народы и что государство постоянно должно было помышлять о защитѣ. Въ 228 г. было основано Сассанидами новоперсидское царство и такимъ образомъ явился для римскаго государства врагъ, гораздо болѣе опасный, нежели пароляне. Новые персидскіе цари возобновили притязанія на прежнія владѣнія Ахеменидовъ и религіозный фанатизмъ народа, стремившійся истребить всѣ другія религіи, служилъ опорою завоевательной политики Сас-

санидовъ. Александръ Северъ энергично выступилъ противъ персовъ и могъ по крайней мѣрѣ воспрепятствовать ихъ дальнѣйшему движенію. Но это было возможно лишь при посредствѣ многочисленныхъ легіоновъ, взятыхъ съ Рейна и съ Дуная. Это, въ свою очередь, было сигналомъ для движенія впередъ германцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ было и началомъ конца.

Объ опасности, угрожавшей римской имперіи отъ германцевъ, достаточно здѣсь сказать лишь слѣдующее. Со временъ императора Валеріана (251—260) войны съ ними приняли такіе размѣры, что безопасность и цѣлость имперіи была подъ вѣчной угрозой. Это была эпоха такъ наз. тридцати римскихъ тиранновъ, когда отдѣльныя части государства образовали самостоятельныя сатрапіи съ провинціальными императорами и, покинутыя центральною властью, за свой собственный страхъ и рискъ, отбивались отъ враговъ. На западѣ возникло галльское государство подъ начальствомъ Постума и Тетрика, оттѣснившее прирейнскихъ германцевъ, на востокѣ—царство Пальмира, пріобрѣвшее вліяніе даже на Египетъ и успѣшно боровшееся съ персами. Но что значатъ нѣсколько побѣдъ по сравненію съ полнымъ разложеніемъ всего государства! Ко всему этому добавилось бѣдствіе—чума, свирѣпствовавшая въ римской имперіи почти тридцать лѣтъ сряду. Жестокія внутреннія неурядицы довершили зло. Такимъ образомъ, напр., около 262 г. въ Египтѣ вспыхнуло возстаніе легко увлекающихся египтянъ и александрійскихъ грековъ противъ римскихъ воиновъ и около того же года лишь съ трудомъ удалось подавить въ Византіи солдатское возстаніе.

Если къ этому добавить, что суевѣрная боязнь гнѣва боговъ, которымъ приписывались всѣ эти бѣдствія, привела къ травлѣ противъ христіанъ и къ самой худшей эпохѣ гоненій, наступившей при Деціи и при Валеріанѣ, когда у христіанъ отнимали даже кладбища, то можно будетъ составить себѣ нѣкоторое представленіе о томъ, до чего вообще разстроилось положеніе.

Безпрестанныя войны требовали, конечно, огромныхъ расходовъ и истощенія силъ. Податное обложеніе, еще въ предыдущемъ столѣтіи весьма тяжкое, стало теперь невыносимымъ. И безъ того съ давнихъ поръ, при обложеніи, одержала верхъ фискальная точка зрѣнія, въ чемъ убѣждаютъ чудовищныя недоимки, которыя приходилось время отъ вре-

мени слагать даже въ лучшую эпоху Антониновъ. Адріанъ повелѣлъ сжечь долговыя обязательства казнѣ на сумму около 200 милл. марокъ, наилучшее доказательство того, до чего уже были напряжены платежныя способности страны.

Великолѣпныя сооруженія Северовъ, въ особенности же термы Каракаллы поглотили огромныя суммы. Даже въ эпоху самой тяжкой нужды предпринимались подобнаго рода сооруженія, какъ напр. при Галліенѣ, когда германцы уже наводнили пограничныя области.

Не слѣдуетъ считать признакомъ особаго либерализма то обстоятельство, что Каракалла предоставилъ всѣмъ свободнымъ право полнаго гражданства. Мысль соединить весь тогдашній цивилизованный міръ въ одно цѣлое была вполнѣ чужда этому императору. Онъ ввелъ это нововведеніе, главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы наполнить свои опустѣвшія кассы, разстроенныя дорогими сооруженіями, подарками солдатамъ и мотовствомъ всякаго рода.

Новые граждане должны были покупать свое право гражданства дорогою цѣною, такъ какъ кромѣ провинціальныхъ налоговъ имъ приходилось платить еще и имперскіе и притомъ вслѣдствіе плохаго управленія, порою, въ двойномъ размѣрѣ.

И безъ того высокій при Септиміи Северѣ военный бюджетъ, при сынѣ его возросъ еще на 60 милл. марокъ.

Такимъ образомъ уже при Каракаллѣ Римъ приближался къ банкротству. Нѣсколько разъ прибѣгали императоры къ чеканкѣ низкопробной или неполновѣсной монеты. Траянъ уже чеканилъ монету на 20% ниже нормы, хотя при немъ многія подати были отмѣнены или уменьшены, единственно съ цѣлью сдѣлать дѣло, выгодное для казны.

Болѣе заслуживаетъ оправданія Маркъ Авреліи, который прибѣгъ къ подобной мѣрѣ лишь въ виду тяжкой финансовой необходимости. Значительные подарки гвардейцамъ — каждый преторьянецъ получилъ при его восшествіи на престолъ 4000 марокъ — организація новыхъ легіоновъ и приготовленія къ непрерывнымъ войнамъ съ пареянами и съ германцами—все это дѣлаетъ понятнымъ, почему въ концѣ его правленія явилась нужда въ звонкой монетѣ. Золото перестали чеканить, а серебро выпустили неполноцѣнное. Ухудшеніе монеты, продолжавшееся при Септиміи Северѣ довело его сына Каракаллу до того, что онъ не только сталъ чеканить серебро съ 50—60% мѣди, но также и золото да-

леко не полновѣсное—въ 1/50 марки. По тому же скользкому пути шелъ вслѣдъ за нимъ Элагабалъ (иначе Геліогабалъ): сверхъ того онъ требовалъ уплатъ хорошею монетою, тогда какъ казна платила низкопробною. Плохія деньги получили принудительный курсъ, но ничто не могло помѣшать купцу взвѣшивать императорскую монету и повышать цѣны сообразно съ содержаніемъ въ ней серебра. При этомъ чеканка фальшивой монеты стала выгоднымъ промысломъ частныхъ лицъ. Сообразно съ извѣстнымъ закономъ денежнаго обращенія, по которому худшая монета вытѣсняетъ лучшую, случилось такъ, что болѣе цѣнныя золотыя и серебрянныя монеты ушли заграницу.

Оставалось еще ждать общаго бѣдствія и государственное банкротство было неминуемо. Оно и послѣдовало еще въ ближайшемъ поколѣніи. При Гордіанѣ III, какъ замѣчаетъ Герцбергъ въ своей Исторіи римской имперіи, серебрянная монета содержала едва 33 1/3% чистаго серебра, но при Галліенѣ (260—268) постепенно достигла 5%, т. е. стала почти неотличима отъ мѣдной монетъ. Результатъ былъ тотъ, что вскорѣ сами чиновники монетнаго двора стали обманывать правительство, да сверхъ того, всѣ чиновники, да и всѣ вообще получавшіе деньги отъ казны, были почти вынуждены прибѣгнуть къ надувательству такъ какъ сами получали не по дѣйствительной стоимости. Каковы чиновники, таковы военные. Распущенность и хищничество солдатъ превосходятъ всякое описаніе. При подобной системѣ денежнаго обращенія, были неизбѣжны самыя худшія колебанія цѣнъ, всякая безопасность оборота исчезла, здоровое развитіе торговли было задержано. То, что было сдѣлано Авреліаномъ для улучшенія этого положенія, не имѣло прочнаго значенія. Его эдикты, долженствовавшіе опредѣлить цѣнность обращающейся монеты, между прочимъ причинили въ Римѣ опасное возстаніе. Лишь при Діоклеціанѣ наступило дѣйствительное улучшеніе.

Тамъ, гдѣ торговля, какъ, напр., съ тогдашней Индіей, опиралась на платежи золотой монетой, она должна была совершенно исчезнуть, по причинѣ денежныхъ кризисовъ. Нѣчто подобное мы видимъ и въ пограничныхъ областяхъ, которымъ приходилось не мало терпѣть отъ нападеній пареянъ и германцевъ. Хуже было то, что и главная артерія древняго міра, Средиземное море, не представляло болѣе условій для безопаснаго плаванія. Востокъ былъ съ середины III

вѣка не безопасенъ отъ готовъ. Часто они нападали здѣсь на цвѣтущіе города и также на западѣ безопасность мореплаванія и морскихъ сообщеній не была обезпечена. Въ этомъ убѣждаетъ замѣчательный походъ жившихъ по Босфору франковъ въ эпоху Проба, когда они двинулись вдоль Средиземнаго моря и потомъ къ устьямъ Рейна. По дорогѣ этотъ флотъ пиратовъ не только разграбилъ тамъ и сямъ разныя мѣстности, но нападалъ и на большіе города, покоривъ, напр., Карѳагенъ и Сиракузы. Это было возможно лишь при полной негодности римскаго флота.

Наконецъ при подобной неурядицѣ и частныя права не могли быть ограждены. Каракалла былъ склоненъ къ централизаціи юрисдикціи и—дѣйствуя очевидно подъ вліяніемъ знаменитыхъ тогдашнихъ юристовъ, Папиньяна, Ульпіана и др. — пытался придать отправленію правосудія болѣе однообразный характеръ и устранить самостоятельность общинныхъ властей. Но когда въ непрерывной революціонной борьбѣ была ослаблена центральная власть, то часто стали являться жалобы на безсовѣстныхъ намѣстниковъ, дѣйствовавшихъ въ провинціяхъ по своему полному усмотрѣнію.

Ясно, что при подобныхъ обстоятельствахъ, умственная культура также не могла оказать никакихъ успѣховъ. Лишь практическія отрасли знанія, юриспруденція и краснорѣчіе, необходимыя для созданія ревностныхъ чиновниковъ, пользовались значительнымъ успѣхомъ. Въ особенности во внутреннихъ провинціяхъ запада, въ Галліи, Испаніи и Африкѣ, процвѣтало изученіе грамматики и риторики и высшія сословія обнаруживали живое стремленіе къ усовершенствованію въ этихъ наукахъ. Въ Галліи, Бордо и Аахенѣ были мѣста, гдѣ процвѣтала этого рода наука.

Художественныя стремленія также испытали меньше ущерба въ провинціи. Весьма жалкое фіаско потерпѣли усилія обветшалаго сената выдвинуть свою власть на мѣсто императорской. Выставленные сенатомъ кандидаты, какъ, напр., Пертинаксъ 193, Пупіенъ, Бальбинъ, Гордіаны въ 283 г. (въ которомъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ погибло 6 императоровъ) затѣмъ Тацитъ (275) — почти всѣ были низвергнуты въ самый день восшествія на престолъ, а иные изъ нихъ и убиты.

Еще болѣе странно было владычество нѣкоторыхъ женщинъ. Менѣе всего можетъ еще удивить появленіе особаго царства—Пальмиры, отдѣлившагося отъ римской имперіи въ

эпоху господства въ ней 30 тиранновъ, и имѣвшаго царицей очаровательную Зиновію. Болѣе своеобразно владычество женщинъ въ самомъ Римѣ въ эпоху царствованія императоровъ изъ дома Северовъ, а именно Юліи Маммеи и Юліи Соэміасъ съ ея распутными дочерьми. Эти женщины правили имперіей почти 20 л. при Элагабалѣ и Александрѣ Северѣ. (217—235). Сынъ Маммеи, полупомѣшанный Элагабалъ (Геліогабалъ) не только назначилъ свою мать и бабку членами Тайнаго совѣта, но хотѣлъ учредить женскій сенатъ, чему воспрепятствовала гвардія.

О гвардіи и ея вліяніи на дѣла слѣдуетъ сказать особо.

По изслѣдованіямъ Оскара Бона, изъ 260 именъ преторіанцевъ, поступившихъ въ гвардію съ 143—144 г., лишь 12 именъ оказываются не италійскими. Старинная, состоявшая почти изъ однихъ италійцевъ, гвардія была распущена въ 193 г. Септиміемъ Северомъ, послѣ того какъ, впрочемъ, она перешла всякія границы, убивъ своихъ префектовъ, императоровъ Коммода и Пертинакса, а также опозоривъ себя тѣмъ, что торговала имперіей при Дидіи Юліанѣ. Распущеніе старой гвардіи было, такимъ образомъ, политическою необходимостью, и большею частью на это событіе смотрятъ, какъ на благодѣтельное для Рима. Однако многіе писатели III в. судили иначе. Въ то время, какъ легіоны уже во II в. были вполнѣ варваризованы, гвардія тогда представляла еще романизирующій элементъ. Иллюзія, состоявшая въ томъ, что военныя силы Италіи еще не сломлены, исчезла послѣ повелѣнія Севера. Теперь гвардію пополняли изъ состава легіоновъ, но, какъ показываютъ надписи, нѣкоторымъ провинціямъ при этомъ было оказано преимущество. Весьма малочисленны элементы, происходящіе изъ западныхъ провинцій; вскорѣ исчезаютъ и азіатскіе и африканскіе. Господствовать начинаютъ иллирійцы и ѳракійцы. Въ дунайскихъ областяхъ стояло со временъ Марка Аврелія 12 легіоновъ, а при Адріанѣ войска стали пополняться изъ гарнизонныхъ округовъ. Поэтому вскорѣ одержалъ верхъ элементъ, господствовавшій въ этихъ провинціяхъ. Отсюда родомъ и многіе императоры. Иллирійско-ѳракійскіе военачальники стали вліятельнымъ элементомъ. Они теперь выбирали и низвергали императоровъ, пока наконецъ одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ ихъ представителей не далъ имъ совершенно новой организаціи. Новая гвардія, учрежденная Северомъ, оказалась еще хуже прежней. Поползновеніямъ

провинціальныхъ войскъ теперь не было предѣловъ. Ихъ подчиненіе національному военному элементу исчезло. Ужасныя событія II в., тотъ фактъ, что, втеченіе 83 лѣтъ со смерти Септимія, средній періодъ правленія общепризнанныхъ императоровъ не превышалъ 4 лѣтъ и что почти всѣхъ убивали затѣмъ войска — все это, въ концѣ концевъ, сводится къ уничтоженію авторитета Италіи при Септиміи Северѣ.

Вмѣстѣ съ этой новой организаціей, въ Римъ проникли варварскіе элементы. Грубость и некультурность увеличились, и въ то время, какъ варварскіе элементы проникли въ высшіе классы, они повліяли и на народъ. Такимъ образомъ упадокъ культуры въ Италіи долженъ быть прежде всего отнесенъ на счетъ проникновенія варварскихъ элементовъ черезъ посредство арміи и гвардіи.

Германцы.

Уже въ самомъ началѣ императорской эпохи на первый планъ выступаетъ народъ, которому предстояло впослѣдствіи уничтожить римское государство и принять его наслѣдство. Мы говоримъ о германцахъ. Эта національность, въ тѣ времена раздѣленная на множество племенъ, жила въ Германіи между Вислой и Рейномъ, къ югу лишь до Майна. На сѣверѣ германскія племена жили въ Даніи и на Скандинавскомъ полуостровѣ. Эти послѣдніе, со включеніемъ готовъ, образовали въ лингвистическомъ отношеніи особую группу, тогда какъ прочія народности, т. е. всѣ вообще западные германцы, въ свою очередь, ближе между собою, чѣмъ къ восточно-германцамъ. Изъ западныхъ германцевъ, впрочемъ, въ свою очередь, приходится образовать двѣ группы, верхне- и нижне-нѣмецкую. Всѣ эти племена, во всякомъ случаѣ, очень близки между собою по языку и по народнымъ сказаніямъ. Тѣмъ не менѣе, они, повидимому, не испытывали ни малѣйшей потребности обладать однимъ общимъ именемъ: германцами ихъ называли сосѣди.

Главнѣйшими народностями Германіи были слѣдующія: у сѣвернаго или Нѣмецкаго моря жили батавы,—подлѣ устья Рейна. Къ востоку отъ нихъ фризы и хауки, къ которымъ примыкали по Нижней Эльбѣ лангобарды. Вверхъ по Рейну мы видимъ узипетовъ, тинктеровъ, сигамбровъ, маттіаковъ въ Нассау, а къ востоку отъ послѣднихъ—хаттовъ въ Гессенѣ.

Въ Вестфаліи и по Везеру жили бруктеры и ампсиваріи, затѣмъ къ востоку отъ нихъ херуски. Въ Тюрингіи были гермундуры, а къ югу и къ востоку отъ нихъ маркоманны и квады, до самой Моравіи. Между Эльбою и Одеромъ жили предки позднѣйшихъ германскихъ народностей — семноны, въ Силезіи вандалы, наконецъ въ Пруссіи—готы и бургунды.

Лишь на время батавское возстаніе, въ которомъ, правда, приняли участіе многіе народы по обѣ стороны Рейна, нарушило ходъ спокойнаго развитія обѣихъ лѣворейнскихъ провинцій—нижней и верхней (около 70 г.).

Теперь Римъ сталъ мирнымъ путемъ расширять свои границы на востокъ. Во время одной непродолжительной войны, затѣянной имъ единственно ради пріобрѣтенія славы, императоръ Домиціанъ старался обезпечить за собою предварительно занятую область къ востоку отъ средняго теченія Рейна и оградилъ ее пограничною стѣною. Это имъ начатое, но законченное Траяномъ величественное сооруженіе—укрѣпленіе границъ—почти до эпохи переселенія народовъ образовало преграду между римскимъ господствомъ и свободною Германіей, и до середины III в. служило достаточною защитою римскихъ границъ. Но ближайшимъ назначеніемъ этихъ укрѣпленій было другое. Собственно какъ крѣпости, они были ничтожны. Они главнымъ образомъ препятствовали лишь безконтрольному нарушенію границъ, служа для подачи сигналовъ тревоги и существенно облегчая задачи войскъ, находившихся въ лагеряхъ.

Въ ближайшія затѣмъ полтораста лѣтъ Римъ нѣсколько разъ велъ серьезную борьбу съ народами, напиравшими все ближе къ Дунаю. Побѣды Траяна надъ дакійцами въ Валахіи и походы Марка Аврелія противъ маркоманновъ показываютъ, какая опасность угрожала имперіи съ этой стороны, и объясняютъ, почему въ III в. были такъ усилены гарнизоны по Дунаю. Но на Рейнѣ въ то время господствовала сравнительная тишина. Гарнизоны были сравнительно уменьшены и обѣ германскія провинціи постепенно романизированы. Около середины III в. обстоятельства измѣнились. Почти по всей пограничной стѣнѣ, отъ Кобленца до Регенсбурга, германскія племена проникли въ имперію. Новыя племена выступаютъ на сцену—прежде неизвѣстныя даже по имени: алеманны (аламанны), франки, бургунды, готы.

Во всякомъ случаѣ это первое переселеніе народовъ еще вполнѣ отличается отъ общаго переселенія, начало ко-

тораго относится къ 375 г. До тѣхъ поръ римская имперія, правда, испытала не одинъ смѣлый хищническій или разбойническій набѣгъ варваровъ. Но лишь съ 375 г. цѣлыя германскія племена пытались прочно осѣсться въ Римской имперіи и имъ дѣйствительно съ тѣхъ поръ удавалось постепенно захватывать одну за другою западноримскія области. Впрочемъ, уже при первомъ натискѣ германскихъ племенъ, римская имперія была на краю гибели. Въ 253 г. ее наводнили готы и маркоманны, занявъ Балканскій полуостровъ и угрожая границамъ Италіи. Вскорѣ они же появились уже въ роли смѣлыхъ мореплавателей на берегахъ Чернаго моря. Трапезунтъ палъ. Въ 256 г. праворейнскія племена выслали толпы франковъ черезъ Рейнъ. Многія мѣстности лѣваго берега были ими заняты. Значительное войско ихъ перешло Пиринеи, часть ихъ проникла даже въ Сѣверную Африку. Одновременно двинулись на югъ аламанны или алеманны [1]). Въ 259 г. они перешли черезъ Альпы въ Сѣверную Италію. Вторично повторилось нашествіе въ 270 г. Тѣмъ временемъ они стали тѣснить и Галлію.

Римская имперія уже въ то время грозила распаденіемъ. Съ 258 по 268 г. мы видимъ рядъ пронунціаменто. Почти въ каждой провинціи, гдѣ существовали оккупаціонныя войска, намѣстникъ надѣвалъ на себя пурпуръ. Эта эпоха, прозванная временемъ тридцати тиранновъ, должна была какъ разъ для германцевъ явиться призывомъ къ нападенію на римское государство, а съ германцами соперничали въ этомъ отношеніи персы. Правда, не персы, а тѣ же германцы, пользуясь свирѣпствовавшею въ теченіе 15 лѣтъ сряду чумою и распрями добивавшихся короны намѣстниковъ, нанесли послѣдній ударъ имперіи.

Дѣйствительно, если бы въ 268 г. не удалось вновь возстановить единства имперіи и если бы три такихъ выдающихся полководца, каковы Клавдій, Авреліанъ и Пробъ не нанесли пораженій германскимъ племенамъ, то уже въ то время римская имперія должна была бы распасться. Всѣ трое названныхъ полководцевъ были иллирійцами. Они принадлежали къ составу того превосходнаго генеральнаго штаба, который со временъ Деція сдѣлалъ иллирійскія войска отборными въ римской арміи.

[1]) Правописаніе алеманны болѣе новаго происхожденія.

Мощный Авреліанъ, возвысившійся отъ положенія крѣпостного колониста до сана императора, вскорѣ повелъ борьбу на нижнемъ Дунаѣ противъ готовъ и ютунговъ, а также противъ алеманновъ, перешедшихъ Альпы и опустошавшихъ верхнюю Италію. Затѣмъ пришлось вести борьбу еще съ новымъ возникшимъ на Востокѣ государствомъ, Пальмирою, достигшимъ уже Александріи, и эти области были возвращены имперіи. Римъ былъ въ то время огражденъ Авреліановой стѣной въ 18 кил. длины и болѣе 15 вышины. Вслѣдствіе подчиненія Тетрика, основавшаго было въ Галліи и въ Испаніи свое собственное государство, единство имперіи было возстановлено.

Первыя соприкосновенія римлянъ съ германцами относятся къ эпохѣ нашествія тевтоновъ и родственныхъ имъ кимвровъ (113 до Р. Х.). Это былъ мощный потокъ, двинувшійся съ береговъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей. Ихъ воинственный пылъ долженъ былъ, подъ конецъ, уступить военному искусству римлянъ, однако ихъ нашествіе надолго осталось въ воспоминаніяхъ. Послѣ временныхъ столкновеній Цезаря съ Аріовистомъ и съ германцами по Нижнему Рейну, первое серьезное столкновеніе между германскимъ міромъ и римской имперіей произошло во второй половинѣ царствованія Августа.

Когда вспыхнула борьба на Рейнѣ вслѣдствіе движенія впередъ сигамбровъ, Августъ велѣлъ прежде всего занять дунайскія области и такимъ образомъ предохранилъ сѣверную границу Италіи. Тогда Друзъ предпринялъ свои въ высшей степени успѣшные походы на Фризскіе острова, къ Эмсу и Везеру, и въ 9 г. до Р. Х., гоня передъ собою хаттовъ и херусковъ, проникъ до самой Эльбы. Послѣ его смерти дѣло пріостановилось. Внѣшняя политика Августа стремилась къ охранѣ границъ и къ усиленію престижа римскаго имени ничтожными наступательными движеніями, въ общемъ же имѣла строго оборонительный характеръ. Лишь въ 4 г. послѣ Р. Х. Тиверій, повидимому, рѣшилъ предпринять рядъ крупныхъ военныхъ операцій. Онъ проникъ до области лангобардовъ по Эльбѣ. Затѣмъ онъ задался цѣлью покорить крупнѣйшее изъ тогдашнихъ германскихъ государствъ, а именно королевство маркоманновъ, подчиненное королю Марободу. Но когда Тиверій проникъ въ Моравію изъ Пресбурга, противъ него возстали воинственныя племена, жившія въ Венгріи и Хорватіи. Едва онъ одолѣлъ

ихъ, какъ прибыло ужасное извѣстіе о гибели Вара съ его легіонами. Римъ былъ повергнутъ въ смятеніе передъ „кимврами“. Теперь шла рѣчь объ охранѣ рейнской границы и о соблюденіи чисто оборонительнаго положенія. Даже походы Германика, предпринятые собственно съ цѣлью реванша, не составляютъ исключенія. Когда Германикъ нанесъ херускамъ пораженіе въ томъ самомъ Тевтобургскомъ лѣсу, гдѣ раньше погибъ Варъ, онъ былъ отозванъ, а императоръ Клавдій, послѣ временныхъ войнъ съ фризами и хауками, перевелъ гарнизоны по Нижнему Рейну за эту рѣку.

Въ томъ же духѣ дѣйствовалъ доблестный Пробъ. Поразительную энергію обнаружилъ онъ въ войнѣ съ алеманнами. 70 городовъ, покоренныхъ ими въ Галліи, были отняты имъ обратно. Пробъ хвасталъ тѣмъ, что истребилъ 400.000 алеманновъ. Во всякомъ случаѣ онъ прогналъ ихъ по ту сторону римской пограничной стѣны. Но не всюду можно было дѣйствовать силою. Пробъ долженъ былъ помириться съ фактомъ переселенія 100.000 сарматовъ въ Болгарію. Онъ не могъ воспрепятствовать тому, чтобы въ 280 г. франки не предприняли извѣстный уже намъ хищническій походъ черезъ Средиземное море.

Все это происходило во времена Проба, который, вообще говоря, защищалъ границы твердою рукою. Отъ этихъ дней паники, внутренняго разложенія и внѣшняго безсилія, римское государство никогда уже болѣе не могло оправиться. Но и германцы въ свою очередь понесли тяжелыя потери. Это заставило ихъ, до поры до времени, оставить мысль объ общемъ завоевательномъ походѣ противъ Рима...

Послѣднія попытки реакціи.

Проклятіемъ, тяготѣющимъ надъ всякой революціей, является то обстоятельство, что она влечетъ за собою эпоху реакціи. Вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ и борьбы, вскорѣ исчезаетъ способность понимать прежніе идеалы и реформаторскіе планы. На мѣсто реформъ выступаютъ на первый планъ, опираясь на консервативныя силы государства, прежнія стремленія къ возстановленію старыхъ и еще худшихъ порядковъ. Въ этомъ правилѣ, допускающемъ лишь немногія исключенія, убѣждаетъ взглядъ на попытки реакціоннаго

движенія, предпринятыя римскими цезарями послѣ тяжелыхъ внутреннихъ раздоровъ (235—268 гг.) и послѣ упорной борьбы съ германцами (въ 251—284 г.). Попытки эти оказались, однако, совершенно безплодными.

Когда Діоклеціанъ былъ выбранъ волею военачальниковъ императоромъ, то вскорѣ оказалось, что трудно было сдѣлать лучшій выборъ. Съ яснымъ пониманіемъ положенія дѣлъ, Діоклеціанъ усмотрѣлъ, что при непрерывномъ пребываніи императоровъ въ военномъ лагерѣ можно было защищать границы, но не удержать въ своихъ рукахъ центральную власть. Онъ предпринялъ поэтому раздѣлъ государства, однако такой, который не долженъ былъ угрожать государственной цѣлости. Все государство было раздѣлено на 4 части и поставлено подъ начальство двухъ августовъ и двухъ цезарей. На будущее время въ государствѣ должно было существовать два главныхъ царя и два второстепенныхъ.

Онъ самъ назначилъ своихъ соправителей и преемниковъ, и такимъ образомъ надѣялся положить конецъ узурпаціи и выбору императоровъ гвардіей, а также думалъ прекратить безпрестанные солдатскіе мятежи.

Это ему и удавалось, пока онъ правилъ, хотя онъ былъ часто въ весьма затруднительныхъ обстоятельствахъ. Діоклеціанъ жилъ въ своей столицѣ Никомидіи, откуда могъ съ удобствомъ нападать на персовъ и на готовъ, или помогать имъ другъ противъ друга. Но едва онъ выпустилъ изъ рукъ поводья, какъ и его сотрудники-цезари пошли войною другъ на друга и причинили серьезный политическій кризисъ. Болѣе прочно было новое управленіе, организованное Діоклеціаномъ.

Еще во второмъ вѣкѣ имперія значительно уклонилась отъ первоначальной умѣренной формы, какую она имѣла при Августѣ, когда сохранились по крайней мѣрѣ нѣкоторыя республиканскія формы, и стала все болѣе и болѣе приближаться къ формѣ и къ сущности неограниченной монархіи. При Антонинахъ, отличавшихся превосходными личными качествами, самоуправленіе городовъ и провинцій все же было ограничено, а центральная власть усилилась. Этимъ способомъ реформа Діоклеціана сдѣлала важный шагъ впередъ. Прежде всего значительно увеличилось число провинцій и инстанцій. Число провинцій достигло 110, многіе территоріально-соединенные округа были отдѣлены другъ отъ друга, провинціи были распредѣлены между 12 діоцезами, а

надъ этими послѣдними главенствовали упомянутыя 4 сатрапіи или, какъ онѣ назывались,—префектуры. До тѣхъ поръ единицей управленія была провинція. Теперь такою административной единицей стала діоцеза. Низшею инстанціею въ провинціальномъ управленіи стали провинціальные намѣстники. Въ ихъ компетенціи произошло двоякаго рода измѣненіе: до сихъ поръ господствовала теорія, по которой при гражданскомъ процессѣ чиновнику принадлежало руководство, а присяжному или, какъ онъ назывался, *частному судьѣ* (юдексъ приватусъ)—рѣшеніе дѣла. Съ этихъ поръ вся юрисдикція была исключительно въ рукахъ императорскаго чиновника. Еще болѣе важно было другого рода измѣненіе.

До IV столѣтія имѣло значеніе то положеніе, что государственный или императорскій чиновникъ, находящійся во главѣ провинціи, долженъ обладать полною властью и распологать всѣми государственными и правительственными силами: а онъ былъ въ одно и то же время и гражданскимъ и военнымъ губернаторомъ. Лишь въ эпоху Діоклеціана и Константина положеніе дѣлъ измѣнилось. Гражданская власть была отдѣлена отъ военной. Причина была очень простая: такое отдѣленіе было дѣломъ необходимости. Совмѣстное обладаніе гражданскою и военною властью, дѣйствительно, дѣлало весьма удобною организацію возстаній и провозглашеніе себя съ помощью мѣстныхъ войскъ императоромъ. Теперь власть была по крайней мѣрѣ распредѣлена между двумя сановниками. Ихъ взаимное соперничество, стремленіе наперерывъ другъ передъ другомъ добиться милости императора, и козни, которыя они строили другъ другу, все это до нѣкоторой степени гарантировало императора отъ ихъ поползновеній. Такимъ образомъ необходимость и практическая сметка выработали классъ чиновниковъ, который имѣлъ свои преимущества, но, разумѣется, имѣлъ и свою тѣневую сторону, свойственную всякой бюрократіи.

Цезаризмъ, имѣвшій раньше демократическій характеръ, поднялся теперь на болѣе недоступныя высоты, неприкосновенныя для народной массы и для солдатъ, и сталъ чѣмъ - то божественнымъ. Діоклеціанъ и Константинъ окружили себя восточнымъ великолѣпіемъ и жили по восточному, обособляясь отъ подданныхъ. Все относящееся къ императору пріобрѣло высшее освященіе. Дворецъ императора былъ священнымъ дворцомъ, его повелѣнія—священными; еще и теперь употребляемые титулы: величество, высочество, свѣт-

лость и т. д., относятся ко временамъ Константина. Новѣйшій придворный штатъ сложился также въ тѣ времена: тогда уже существовали оберцеремоніймейстеры, гофмаршалы, камергеры и т. д., лишь подъ другими именами. Существовали и должности, вродѣ нынѣшнихъ министровъ: министръ финансовъ, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. Это были въ полномъ смыслѣ этого слова довѣренные люди императора, и какъ его чиновники тѣмъ самымъ были и государственными чиновниками. Конечно, и раньше существовали придворныя должности, но здѣсь важна форма, характеризующая эпоху.

Лишь теперь началась эпоха настоящаго самодержавія, существенно отличающагося отъ прежняго цезаризма,—даже во время своихъ крайнихъ насилій и распутствъ не упускавшаго изъ виду своего демократическаго происхожденія. Имперія Константина устранила и послѣдніе слѣды республиканскихъ учрежденій, создавъ абсолютную власть—императорскій абсолютизмъ, правленіе Божіею милостью. Такое правленіе, разумѣется, должно было искать прежде всего религіозной опоры. Константинъ былъ въ этомъ отношеніи гораздо дальновиднѣе Діоклеціана: онъ тотчасъ усмотрѣлъ, что христіанская религія при извѣстныхъ условіяхъ доставить ему опору, какой онъ не могъ найти ни въ одной языческой религіи.

Особенный отпечатокъ пріобрѣла эпоха Діоклеціана, благодаря упроченному положенію и организаціи весьма многочисленныхъ низшихъ чиновниковъ.

Тогда какъ раньше помощниками высшихъ чиновниковъ часто бывали рабы и вольноотпущенные, теперь низшія должности были придуманы съ цѣлью занять ихъ гражданами, нуждавшимися въ заработкѣ. Этотъ классъ чиновниковъ пользовался и положеніемъ, гораздо лучшимъ прежняго. Введенное всюду письменное дѣлопроизводство привело къ тому, что свѣдущіе писцы часто пользовались гораздо большимъ вліяніемъ на дѣла, чѣмъ чаще ихъ мѣнявшіеся высшіе сановники. Угрозы наказаніями за нарушеніе закона часто были нарочно приспособлены къ низшимъ чиновникамъ, что указываетъ на стремленіе высшей власти къ контролю. Но съ другой стороны она уничтожила послѣднюю тѣнь самоуправленія. Печально было и то обстоятельство, что обязанности чиновниковъ влекли за собою пропорціональное увеличеніе тягостей для массы населенія. Мы знаемъ уже,

что равноправность, предоставленная Каракаллою, имѣла въ виду просто интересы казны. Въ государственномъ строѣ, созданномъ Діоклеціаномъ и Константиномъ, фискальные интересы естественнымъ образомъ выступили на первый планъ. Высшіе государственные чиновники, консулы, преторы, квесторы, по утратѣ почти всѣхъ своихъ прежнихъ функцій, должны были теперь завѣдывать общественными играми, стоившими весьма дорого. Лица съ званіемъ сенатора должны были платить императору чрезвычайную поземельную подать и еще порою дѣлать особыя денежныя приношенія— *аурумъ облатиціумъ*.

Еще болѣе тягостны были обязанности разныхъ городскихъ чиновниковъ, магистратовъ и низшихъ должностныхъ лицъ. Городское управленіе, перешедшее отъ начальныхъ временъ имперіи въ эпоху Константина, продолжало существовать; но подъ давленіемъ деспотизма, погибло коммунальное устройство. Общины стали простымъ орудіемъ въ рукахъ абсолютизма; Константинъ и его сыновья своими декретами значительно урѣзали городское имущество и часть его между прочимъ была отнята въ пользу христіанскихъ церквей.

Но еще раньше того, бремя налоговъ, возложенное на общины, стало непомѣрнымъ. Съ другой стороны, когда представители городского самоуправленія слились съ чиновниками, то и контроль за сборами сталъ болѣе строгимъ. Взиманіе податей, пріемъ посольствъ, надзоръ за общественными сооруженіями, топка общественныхъ бань, да и многія другія обязанности были возложены на представителей городского управленія—декуріоновъ. Но эти обязанности уже въ началѣ III в. стали до того обременительными, что пришлось ихъ подтвердить законодательнымъ порядкомъ. Всякій, кто хотѣлъ достичь болѣе высокаго положенія въ городѣ или въ государствѣ, долженъ былъ пройти черезъ должность декуріона. Позднѣе должность эта была признана наслѣдственною. Принадлежавшій по рожденію къ той или иной куріи долженъ былъ, какъ только ему исполнится 18 лѣтъ, получить назначеніе и нести на себѣ бремя декуріонскихъ обязанностей. Но и это оказалось недостаточнымъ: пришлось въ концѣ концовъ привлечь къ этой повинности ветерановъ, которые угрозами вымогали подать.

На ту же фискальную цѣль указываетъ вся организація гражданъ. Они были соединены въ разные цехи, союзы и

иныя группы, обязанныя выполнять разнаго рода повинности. При подобной организаціи казалось не труднымъ привлечь всѣ вообще классы общества къ государственнымъ повинностямъ и къ службѣ. И тѣмъ не менѣе эта сложная машина отказывалась дѣйствовать. Несмотря на суровыя наказанія, на конфискацію имуществъ и на другія кары, постигавшія тѣхъ городскихъ декуріоновъ, которые пытались, продавъ имущество и выселившись въ другую мѣстность, уклониться отъ своихъ обязанностей, такія уклоненія были очень обычнымъ дѣломъ. Декуріоны бѣднѣли и становились неспособными выполнить то, что отъ нихъ требовалось, тѣмъ болѣе, что существовалъ рядъ безсмысленныхъ постановленій, вродѣ того, что декуріоны отвѣчали не только за городскія подати и налоги, но и за прилежащіе округа,—даже за дворы, покинутые хозяевами.

Еще не мѣшаетъ освѣтить болѣе подробно то обстоятельство, что только что разсмотрѣнная организація всѣхъ занятій и промысловъ приводила къ кастовому разграниченію. Организація податей и повинностей при Діоклеціанѣ основывалась на томъ принципѣ, что повинности, которыя прежде выполнялись добровольно или по договору, должны выполняться обязательно и безъ всякаго вознагражденія. Это должно было привести къ тому, что какъ лица, такъ и имущества получили корпоративную организацію и были связаны, главнымъ образомъ, общими повинностями по отношенію къ государству. Такъ, напр., судовладѣльцы данной мѣстности составляли гильдію, отвѣтственную личностью и имуществомъ членовъ за выполненіе какой-либо государственной повинности, напр., доставки зернового хлѣба.

Дѣти принадлежали къ союзу, въ которомъ числился отецъ. Даже наслѣдникъ, принадлежавшій къ другой корпораціи, долженъ былъ принять на себя обязанности, соединенныя съ имуществомъ для наслѣдодателя, или же отказаться отъ наслѣдства. Кастовое разграниченіе почти всюду было строго проведено; всякія попытки выйти изъ своего состоянія были напрасны.

Но въ то же время была прекращена и всякая возможность свободнаго развитія: все стало чахнуть подъ вліяніемъ деспотизма. Таково было положеніе нѣкогда цвѣтущихъ римскихъ городовъ. Не лучше было и положеніе сельскаго населенія.

Число свободныхъ крестьянъ чрезвычайно уменьшилось.

Правда, еще существовали села съ свободными собственниками, но они держались лишь съ большимъ трудомъ. Очень часто они отдавались подъ покровительство и въ зависимость крупному землевладѣльцу или же покидали свои земли и оставляли ихъ въ собственность землевладѣльцу.

Съ другой стороны многое повліяло въ томъ смыслѣ, что положеніе рабовъ смягчилось и число ихъ уменьшилось. Въ этомъ направленіи дѣйствовало христіанство заодно съ расширеніемъ горизонта римской юриспруденціи. Сверхъ того мало-по-малу изсякли тѣ источники, которые служили въ теченіе долгаго времени для поставки рабовъ на римскій рынокъ. Наоборотъ, пограничныя племена стали уводить въ рабство множество римскихъ гражданъ. Такъ, напр., Ульфила, знаменитый апостолъ готовъ, происходилъ изъ семьи, похищенной въ Каппадокіи.

Всѣ указанныя обстоятельства привели къ основанію колоната, т. е. крестьянскаго населенія, юридически свободнаго, но фактически прикрѣпленнаго къ землѣ. На самомъ дѣлѣ колонисты (колоны) были не что иное, какъ крѣпостные, которымъ былъ данъ въ пользованіе кусокъ земли, при чемъ какъ они сами, такъ и ихъ потомки были прикрѣплены къ этой землѣ. Никакая привилегія не могла оторвать колона отъ его участка.

Происхожденіе этого замѣчательнаго учрежденія, вѣроятно, находится въ связи съ раздачей поземельной собственности побѣжденнымъ иностранцамъ. Но въ томъ же направленіи дѣйствовали и многія другія причины. Дѣйствительно, это правовое положеніе крестьянства, раньше бывшаго свободнымъ, находится въ связи и съ указанной раньше насильственной организаціей ремеслъ, городского управленія и низшихъ чиновничьихъ должностей. Крестьянство, какъ и все прочее, должно было подвергнуться государственной регламентаціи. На императорскихъ, т. е. лично императору принадлежащихъ земляхъ, и въ латифундіяхъ, т. е. крупныхъ помѣстьяхъ, новые порядки должны были привиться раньше всего.

Реакція временъ Діоклеціана, тѣневыя стороны которой были только что отмѣчены, впрочемъ не ограничилась административною областью. Императоръ ревностно стремился къ поднятію уровня нравственности. Онъ старался достичь того, чтобы въ семейной жизни воскресла старая римская традиція. Были изданы болѣе строгіе законы относительно рас-

торженія браковъ, были ограничены тяжбы между родственниками, напр. запрещены процессы между братьями. Разныя распоряженія были направлены противъ фальшиваго или пристрастнаго судоговоренія; явились попытки оградить и обезпечить собственность и въ то же время по возможности пощадить интересы должниковъ.

Въ особенности благословеннымъ для имперіи было то обстоятельство, что Діоклеціанъ успѣшно провелъ денежную реформу и по малой мѣрѣ поставилъ преграду гораздо худшимъ бѣдствіямъ въ этой области. Въ эпоху Авреліана серебро исчезло совсѣмъ изъ обращенія, а золото почти совсѣмъ. Вмѣсто серебра обращались не имѣющія никакой цѣнности свинцовыя пластинки, только мѣдь находилась еще въ довольно большомъ количествѣ. Безъ вѣсовъ нельзя было сдѣлать ни одного крупнаго платежа. Вѣсы требовались, правда, и при Діоклеціанѣ и Константинѣ, вслѣдствіе частыхъ перемѣнъ въ чеканкѣ монеты, но по крайней мѣрѣ золото снова появилось въ обращеніи въ большомъ количествѣ. Серебро, однако, и въ эту эпоху чеканилось въ очень малыхъ количествахъ. Отношеніе цѣнностей золота и серебра при Діоклеціанѣ равнялось 1 : 13,88. Однако, законнаго биметаллизма не существовало. Продолженіе экономическаго кризиса ясно изъ того, что при Діоклеціанѣ взиманіе податей происходило не деньгами, а натурою. Денежные налоги конечно, не исчезли совершенно, а поземельная подать по прежнему взималась деньгами, но римская монета была и оставалась при Діоклеціанѣ еще въ такомъ положеніи, что на ней нельзя было основать податного обложенія. За эквивалентъ принято было извѣстное количество *аннонъ*, т. е. порцій зернового хлѣба, и *капитъ* (capita, головъ), т. е. порцій пищи. Жалованіе чиновникамъ и солдатамъ разсчитывалось по такимъ аннонамъ и капитамъ. Лишь Константинъ Великій постепенно возвратился къ денежному обложенію.

Въ то же время, при осмотрительномъ и въ то же время энергичномъ управленіи Діоклеціана, имперія сдѣлала шагъ впередъ и въ экономическомъ отношеніи. Въ этомъ убѣждаетъ между прочимъ оживленіе строительнаго дѣла, которое развилось въ его царствованіе въ провинціяхъ; о томъ же свидѣтельствуетъ развитіе сѣти дорогъ. Прежде всего слѣдуетъ подчеркнуть то обстоятельство, что общее улучшеніе положенія находится въ связи съ обезпеченіемъ безопасности границъ. Съ мощной энергіей и изумительнымъ успѣ-

хомъ удалось Діоклеціану вытѣснить за предѣлы имперіи всѣхъ вторгнувшихся въ нее варваровъ. Діоклеціанъ по справедливости имѣлъ право чваниться тѣмъ, что онъ одинъ одержалъ 6 побѣдъ надъ германцами, а его соправители всѣ въ совокупности нанесли имъ семь пораженій. Сюда еще надо прибавить многочисленныя побѣды надъ сарматами, персами, бритами, армянами и др. пограничными народами.

Въ двоякомъ отношеніи, однако, стремленіе Діоклеціана реформировать порядки и во всемъ быть опекуномъ надъ всѣми подданными потерпѣло полное фіаско.

Попытка опредѣлить приказами цѣны во всей имперіи посредствомъ назначенія максимальныхъ цѣнъ и помощью угрозы суровыми карами, даже смертною казнь—эта нелѣпая попытка совершенно не имѣла желаннаго дѣйствія. Самые дешевые товары вздорожали, а болѣе дорогіе перестали продаваться, и вскорѣ эдиктъ, установившій цѣны, пришелъ въ забвеніе.

Еще менѣе удачною оказалась попытка реакціи на религіозной почвѣ. Ударъ, который хотѣли нанести христіанамъ, обратился, наоборотъ, противъ самой имперіи. При всемъ признаніи энергіи и послѣдовательности законодателя, которому принадлежитъ эта послѣдняя попытка реакціи, судъ исторіи окажется не въ его пользу. Въ болѣе спокойныя времена сложная государственная машина могла еще дѣйствовать исправно, но выгоды, достигаемыя ею, покупались на счетъ порабощенія личности гражданъ и на счетъ финансовой эксплуатаціи населенія. А когда пробилъ часъ переселенія народовъ, гордое зданіе рухнуло и тамъ, гдѣ народъ разбилъ свои цѣпи, обнаружились всеобщее одичаніе и растерянность.

Внѣшняя побѣда христіанства.

Болѣе спокойныя времена, которыми пользовалось христіанство въ теченіе цѣлаго поколѣнія по смерти Септимія Севера, какъ уже было замѣчено, значительно способствовали упроченію христіанской церкви, и процессъ этотъ не былъ остановленъ гоненіями, возобновившимися при Деціи и Валеріанѣ. Число общинъ и членовъ въ нихъ все возросло. Вліяніе ихъ на высшіе классы, даже въ средѣ арміи и чиновничества, было значительно: такимъ образомъ стано-

вилось все болѣе и болѣе очевиднымъ, что христіанская религія заявитъ притязаніе рано или поздно занять господствующее мѣсто въ римскомъ государствѣ.

Чрезвычайно благопріятно для этого развитія было то обстоятельство, что престолъ часто находился въ рукахъ уроженцевъ Востока,—людей, которые подобно Александру Северу и Филиппу Арабсу, были чрезвычайно благосклонны къ христіанству или по крайней мѣрѣ не были односторонними почитателями римскихъ божествъ и скорѣе склонялись къ извѣстному синкретизму, т. е. къ суевѣрной боязни боговъ различныхъ исповѣданій. Такое настроеніе поддерживалось и философіей II в. Она вѣрила въ великое попеченіе боговъ о благѣ людей, въ сверхъестественное вмѣшательство высшихъ силъ въ человѣческую жизнь, и при этомъ неудивительно, что вѣра въ прорицанія и въ чудеса развилась до небывалыхъ размѣровъ. Страхъ передъ будущимъ, передъ отвѣтственностью послѣ смерти усилился, а во всѣ времена угрызенія совѣсти значительно способствовали распространенію суевѣрій.

Даже философски образованный Юліанъ, стремившійся къ возстановленію языческихъ культовъ, изслѣдовалъ внутренности жертвенныхъ животныхъ и птицъ, надѣясь такимъ образомъ узнать волю боговъ.

Во время ужасныхъ катастрофъ, происходившихъ чуть не ежегодно въ III в., всѣ слои общества испытывали потребность въ духовномъ спасеніи или избавленіи. Всѣ стремились къ искупленію собственныхъ грѣховъ и пороковъ своей эпохи. Отсюда происходитъ обычай крещенія не только кровью, но въ крови жертвенныхъ животныхъ, что мы видимъ въ римскомъ культѣ Миѳры. Отсюда искупительные обряды этого культа, Эта жажда искупленія усилила и вѣру въ будущую жизнь, которая существовала въ культѣ Миѳры, какъ и у христіанъ. Обѣ религіи стремились къ мученичеству. По причинѣ многихъ точекъ соприкосновенія между обѣими религіями, персъ Мани сдѣлалъ попытку соединить персидскія вѣрованія съ христіанскими. Притягательная сила манихеизма, какъ и христіанства, состояла въ ученіи объ откровеніи и спасеніи, въ общей обоимъ культамъ вѣрѣ въ будущую жизнь.

Невозможно отрицать, что это приспособленіе другихъ культовъ къ христіанству въ значительной мѣрѣ способствовало тому, что его изолированное положеніе, враждебное

оффиціальному римскому культу, стало представляться совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ.

Но болѣе существенно то обстоятельство, что въ томъ же столѣтіи христіанскія общины все болѣе и болѣе выходили изъ мрака катакомбъ и выступали на поприщѣ политики и литературы.

Уже борьба съ монтанизмомъ, послѣ 150 г., увлекшая многихъ въ Малой Азіи проповѣдью близкаго пришествія Христа и требованіемъ строгаго аскетизма, привлекла вниманіе многихъ. Прибытіе старца Поликарпа, епископа Смирнскаго, въ Римъ, чтобы добиться вмѣшательства римскаго епископа противъ монтанизма, а съ другой стороны — прибытіе христіанъ изъ Ліона (въ 177 г.) къ тому же римскому епископу съ цѣлью добиться для монтанистовъ по крайней мѣрѣ терпимости,—все это показываетъ, что вопросы христіанскаго исповѣданія волновали общество и что соединеніе между собою христіанскихъ общинъ, ихъ связь и общность сдѣлала ихъ уже немаловажною силою въ римскомъ государствѣ. Ничто въ большей степени не характеризуетъ измѣнившагося положенія, нежели свободное и въ крупныхъ размѣрахъ происходившее развитіе христіанской науки въ началѣ III в. Еще знаменитый Ириней опровергалъ гностическую ересь въ сочиненіяхъ, написанныхъ по-гречески. Тертулліанъ, умершій въ 220 г., начинаетъ собою рядъ христіанскихъ апологетовъ, писавшихъ по-латыни и объявившихъ настоящую страстную войну язычеству. Онъ въ одно и то же время основатель церковной латыни, отличный юристъ и прошедшій хорошую школу философъ, обладающій образованіемъ ученаго римлянина, но со всѣмъ пыломъ своей африканской натуры выступившій за нравственность и за удаленіе отъ міра, проповѣдуемое христіанствомъ. Въ пользу организаціи церкви, связи между различными общинами и укрѣпленія епископской власти дѣйствовалъ Кипріанъ, епископъ Карѳагенскій. Его теоріи о монархической власти епископовъ, объ абсолютной зависимости спасенія отъ принадлежности къ церкви и о значеніи добрыхъ дѣлъ, правда, привели къ обмірщенію римской церкви, но въ то же время онѣ показываютъ, какъ глубоко уже проникло христіанство и какъ сильно было сознаніе общности церкви.

Еще большее вліяніе на образованные круги Рима оказало христіанство, благодаря значительнымъ попыткамъ школы катехитовъ привести христіанскую религію къ согласованію съ греческой философіей, т. е. не только доказать христіанскія истины при посредствѣ греческой философіи, но и выставить христіанское ученіе, какъ единственный законный плодъ философіи. Наиболѣе значительнымъ писателемъ этого направленія является Оригенъ. Онъ представлялся своимъ современникамъ чудомъ учености, и если принять во вниманіе даже возможность значительнаго преувеличенія въ виду того, что ему приписываютъ 6.000 сочиненій, то все же придется признать, что онъ былъ плодовитѣйшимъ изъ церковныхъ писателей. То, что сдѣлано имъ для разъясненія текстовъ и для ихъ критики, можетъ быть здѣсь опущено. Но его экзегетическіе принципы все же должны быть здѣсь отмѣчены. Они поневолѣ должны были привесть къ сочетанію христіанскаго ученія съ греческой философіей. Во всякомъ мѣстѣ Библіи, включая Евангеліе, Оригенъ различалъ двоякій высшій смыслъ—моральный и мистическій. Въ особенности старался онъ о разысканіи мистическаго смысла. Вся исторія, повѣствуемая въ Библіи, для него является лишь отраженіемъ событій въ иномъ высшемъ мірѣ. На этихъ принципахъ изложенія текста построено его догматическое ученіе. Тѣ тайны, которыя внушались народной массѣ путемъ авторитета, онъ пытается внушить образованнымъ классамъ общества посредствомъ аллегорическаго толкованія.

Слѣдуетъ сознаться, что та форма, которая проповѣдывалась Оригеномъ, была значительнымъ уклоненіемъ отъ первобытнаго христіанства. Но за то христіанство сдѣлало значительный шагъ въ другомъ направленія, а именно къ слінію съ александрійской философіей. На встрѣчу этимъ стремленіямъ христіанскихъ катехитовъ шла, съ другой стороны, и сама языческая философія въ лицѣ неоплатониковъ. Такимъ образомъ христіанство было введено въ руководящія сферы и стало пользоваться значеніемъ среди интеллигенціи. Легко понять, что такое измѣнившееся положеніе христіанства должно было привести къ тому, что эта, прежде гонимая церковь стала пользоваться терпимостью, а въ концѣ концовъ получила и преобладающее значеніе. Карательныя мѣры противъ христіанства сначала попросту не примѣнялись, хотя и не были еще отмѣнены, и почти слѣдуетъ изумиться тому, что въ 250 году гоненія вдругъ усилились. Можно даже сказать, что именно теперь началось первое систематическое гоненіе противъ христіанства, какъ таковаго. Императоръ Декій, человѣкъ знатнаго римскаго рода, горя-

чій приверженецъ древнеримской добродѣтели и религіозности, преисполненный сознаніемъ долга и благороднымъ стремленіемъ возстановить прежнюю дисциплину и прежнюю религіозность, ясно увидѣлъ, что при этомъ онъ не можетъ разсчитывать на содѣйствіе христіанъ и что это „государство въ государствѣ“ все болѣе и болѣе становится опаснымъ для единства имперіи и для дисциплины арміи и чиновничества. Едва онъ побѣдилъ своего противника подъ Вероной, какъ были приняты мѣры для нанесенія рѣшительнаго удара, способнаго уничтожить христіанство. Хитро разсчитаннымъ образомъ онъ далъ приказаніе сначала дѣйствовать противъ епископовъ и выдающихся лицъ изъ духовнаго званія, надѣясь, что христіанство, оставшееся безъ руководителей, станетъ безсильнымъ, и что послѣ ряда мучительствъ, изгнаній и преслѣдованій, удастся достигнуть по крайней мѣрѣ внѣшняго признанія язычества, почитанія изображеній боговъ и императоровъ. Естественно, что тамъ, гдѣ подстрекаемый властями народъ принялъ участіе въ преслѣдованіяхъ, число жертвъ было очень велико. Это мы видимъ въ Александріи и въ Малой Азіи. Въ самомъ Римѣ Децій руководилъ лично гоненіями, и римскій папа мученически погибъ. Въ другихъ мѣстахъ, какъ, напр., въ сѣверной Африкѣ, какъ показываетъ примѣръ Кипріана, уцѣлѣвшаго въ эпоху гоненій, были примѣнены болѣе кроткія мѣры. Не слѣдуетъ забывать, что по мѣрѣ увеличенія числа приверженцевъ христіанства, стойкость и мужество въ отстаиваніи убѣжденій едва-ли увеличились и компромиссы стали дѣломъ гораздо болѣе обычнымъ. Количество людей, приносившихъ языческія жертвы и для виду отрекавшихся отъ Христа, стало значительнымъ. По счастію, и самое гоненіе существовало во многихъ мѣстахъ самое короткое время. Уже въ слѣдующемъ году Децій умеръ, и лишь на короткое время нѣкоторые изъ его преемниковъ, какъ, напр., Валеріанъ, преслѣдовали христіанъ, причемъ погибли, напр., римскій епископъ — Сикстъ II и кароагенскій—Кипріанъ. Императоръ Галліенъ отмѣнилъ строгіе эдикты своего отца и съ того времени христіанство снова въ теченіе 40 л. пользовалось миромъ. Эдикты Галліена допустили даже по отношенію къ христіанству довольно широкую терпимость и христіане этимъ воспользовались.

Весьма многочисленны были приверженцы христіанскаго ученія среди высшихъ чиновниковъ и въ арміи. При дворѣ

Діоклеціана жили христіане: они могли спокойно отправлять богослуженіе. Лишь въ концѣ его правленія обстоятельства измѣнились. Люди, знавшіе Діоклеціана близко, какъ, напр., его соправитель Максиміанъ, конечно знали, что онъ самъ былъ ревностнымъ язычникомъ, почитателемъ національныхъ боговъ, суевѣрно прислушивавшимся къ оракуламъ. Но Діоклеціанъ скрывалъ свои истинные помыслы, пока не укрѣпилъ достаточно свою власть. Лишь послѣ этого онъ, въ особенности подъ вліяніемъ подстрекательствъ философовъ-неоплатониковъ, рѣшилъ энергично выступить противъ христіанства. Быть можетъ первымъ поводомъ къ этому были военные мятежи. Уже въ 297 г. христіанскіе воины были изгнаны изъ арміи. Но настоящее преслѣдованіе началось въ 303 г. Удары были нанесены христіанству по строго обдуманному и, можно сказать, утонченному плану. 24 февраля 303 г. Діоклеціанъ издалъ эдиктъ, повелѣвшій разрушеніе всѣхъ молитвенныхъ домовъ христіанъ, сожженіе всѣхъ ихъ священныхъ книгъ, запрещеніе всякихъ собраній. Затѣмъ послѣдовали новые эдикты, потребовавшіе болѣе строгаго соблюденія правилъ относительно жертвоприношеній передъ изображеніями языческихъ боговъ. Подобно тому, какъ это было временно при Валеріанѣ, у христіанъ были отняты мѣста для погребенія. Осторожно избѣгали смертныхъ казней, чтобы не предоставить христіанамъ славы мученичества. Очень часто довольствовались чисто внѣшнимъ подчиненіемъ. Но христіанство выступило теперь на сцену съ совсѣмъ другими силами. Фанатизмъ одушевлялъ тысячи христіанъ,—и не только низшіе классы. Одинъ уважаемый всѣми христіанинъ собственноручно сорвалъ со стѣны императорскій эдиктъ. Онъ былъ приговоренъ къ смерти за оскорбленіе величества. Когда въ императорскомъ дворцѣ нѣсколько разъ вспыхнулъ огонь, многіе христіане претерпѣли мученическую смерть по подозрѣнію въ поджогѣ.

Но государственное устройство, организованное Діоклеціаномъ, было само по себѣ величайшею помѣхою для гоненій. Вся имперія была раздѣлена между соправителями, а изъ нихъ Констанцій, правившій въ Галліи, былъ прямо расположенъ въ пользу христіанъ. Христіане оставались въ его войскѣ и въ придворныхъ сферахъ. Также и другой августъ—Максиміанъ, въ подчиненныхъ ему провинціяхъ—Испаніи, Африкѣ, Сициліи, далеко не преслѣдовалъ христіанъ съ такимъ рвеніемъ, съ какимъ слѣдовало бы по пла-

ну Діоклеціана. Когда Діоклеціанъ въ 305 г. отказался отъ правленія, то ему пришлось сознаться въ томъ, что задача уничтоженія и искорененія христіанства ему совершенно не удалась. Да и придуманное имъ государственное устройство желаемыхъ плодовъ не дало. Оно оказалось даже гибельнымъ. Послѣ его отреченія началась борьба между четырьмя правителями, угрожавшая опасностью государству и въ то же время дѣлавшая напрасными всякія попытки искоренить христіанство. Самые видные представители власти, какъ, напр., Констанцій и въ особенности его сынъ Константинъ, опирались на угнетенныхъ христіанъ. Наоборотъ, въ лицѣ императора Галерія, правившаго въ Греціи, и Максимина Дайя, правителя Азіи, язычество нашло ревностныхъ поборниковъ.

Также Лициній, единственный, оспаривавшій еще послѣ смерти другихъ цезарей власть Константина, въ рѣшительной борьбѣ долго опирался на язычниковъ, но наконецъ, изъ политическихъ видовъ счелъ себя вынужденнымъ высказаться въ пользу терпимости, и въ началѣ 313 г., когда Константинъ издалъ свой миланскій декретъ, противникъ послѣдовалъ его примѣру. Въ 314 г. Константинъ рѣшительно держалъ верхъ и вытѣснилъ своего противника почти всюду въ Европѣ.

Такимъ образомъ окончательная побѣда христіанства надъ язычествомъ была рѣшена политическими соображеніями и силою оружія.

Когда Константинополь сталъ столицей, тамъ былъ основанъ храмъ Фортуны (Тихе). Самъ Константинъ старался въ дѣлахъ вѣры стоять выше партій. Если онъ съ одной стороны признавалъ за христіанскою церковью полную равноправность, то такую же терпимость высказывалъ и по отношенію къ язычеству.

Нельзя, однако, отвергать, что Константинъ, особенно въ послѣдніе годы жизни, рѣшительнѣе склонился въ пользу христіанства и увѣровалъ въ его высшее происхожденіе. Въ пользу этого говоритъ то обстоятельство, что онъ воспиталъ своихъ сыновей въ христіанской вѣрѣ и что къ концу его жизни были приняты мѣры къ тому, что-бы христіанство одержало верхъ въ чиновничествѣ и въ войскѣ.

Однако, выше всѣхъ исповѣданій стояло единство и всемогущество имперіи, желавшей подчинить всѣ исповѣданія своимъ цѣлямъ. Это обнаружилось между прочимъ въ отношеніяхъ Константина къ церковнымъ партіямъ и къ синодамъ. Изъ-за личной распри при выборѣ кареагенскаго епископа въ африканской церкви возникъ расколъ. Партія донатистовъ не хотѣла отказаться отъ избранныхъ ею епископовъ. Здѣсь именно пытался императоръ обнаружить своими рѣшеніями значеніе государственной власти. Однако онъ дожилъ до того, что церковный фанатизмъ оказался сильнѣе, нежели всѣ императорскіе декреты. Въ 321 г. онъ долженъ былъ взять назадъ всѣ изданныя противъ донатистовъ повелѣнія и возвратить всѣхъ изгнанныхъ. Немногимъ лучше повезло ему съ аріанами. Какъ только Константинъ сталъ владыкою восточной имперіи, онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ помирить свирѣпствовавшія другъ противъ друга христіанскія партіи. Прежде всего надо было уладить споръ о личности Христа. На первомъ вселенскомъ соборѣ въ Никеѣ большинство епископовъ оказалось въ пользу Арія, но они должны были склониться передъ императорской волей. Однако, Константинъ вскорѣ убѣдился, что не такъ легко покончить подобный вопросъ. Еще въ 328 г. онъ былъ вынужденъ вновь призвать Арія, а еще позднѣе изгналъ его противника Аеанасія, правда возвратившагося въ царствованіе его сына, Константина II, при ликованіяхъ паствы.

Ничто не свидѣтельствуетъ въ такой степени объ обмірщеніи и порчѣ, какъ жестокія распри между христіанами изъ-за вопроса о личности Христа. Искали абсолютныхъ формулъ, которыя должны были декретировать рѣшеніе слож-

нѣйшихъ вопросовъ вѣры и разрѣшить всѣ загадки о предсуществованіи и о сочетаніи божественныхъ свойствъ съ человѣческими. Споръ этотъ велся съ ожесточеніемъ, показывающимъ, что времена христіанской кротости и смиренія миновали. Но хуже всего было вмѣшательство въ подобные споры свѣтской власти и устраненіе какъ разъ самыхъ энергичныхъ епископовъ, если только они противорѣчили господствовавшему при дворѣ настроенію. Императоръ Констанцій, лично заслуживавшій уваженія и совѣстливый, становился деспотомъ, какъ только рѣчь заходила о томъ, чтобы устранить лицъ, противорѣчащихъ его религіознымъ убѣжденіямъ—а онъ, по крайней мѣрѣ, дѣйствительно, имѣлъ убѣжденія. Подъ его давленіемъ одинъ синодъ высказывался противъ Арія, другой противъ Аѳанасія. Еще на послѣднемъ миланскомъ соборѣ 355 г. онъ пытался привлечь даже епископовъ къ подписанію документа, направленнаго противъ Аѳанасія. Вслѣдствіе отказа многихъ епископовъ, многіе изъ нихъ были низложены.

Это была вообще эпоха риторовъ, какъ церковныхъ, такъ и внѣцерковныхъ. Съ поразительнымъ остроуміемъ опредѣлялось все, что должно было признаваться и опредѣляли даже то, чему не слѣдуетъ вѣрить. Одинъ только анцирскій (или анкирскій) синодъ проклялъ въ 358 г. 18 различныхъ видовъ воззрѣній на отношеніе Бога Отца къ Сыну. И какого рода была полемика! Нельзя назвать той грязи, какою бы ни бросали въ противника. Даже самые выдающіеся епископы принимали участіе въ подобной борьбѣ. Дѣйствовали не только словами, но и выставляя лжесвидѣтелей. Такъ, напр., враги Аѳанасія, съ цѣлью очернить его, обвиняли его въ убійствѣ, такъ что онъ долго былъ вынужденъ скрываться. Дѣло оказалось клеветническимъ, но два года спустя вновь было затѣяно: тирскимъ синодомъ была послана коммиссія въ Египетъ съ цѣлью выслушать лжесвидѣтелей. Къ набожному Евфратасу, посланцу сардикскаго синода, епископъ Антіохіи подослалъ женщину, чтобы распустить слухи о его распутствѣ. Правда, и въ этомъ случаѣ истина всплыла наружу и епископъ былъ низложенъ. Но какъ часто случалось, что клевета торжествовала побѣду!

Такимъ образомъ цѣлое столѣтіе прошло въ партійной борьбѣ. До 361 г. аріанизмъ по большей части пользовался благоволеніемъ оффиціальныхъ сферъ. Въ спорѣ о личности Христа пришлось вскорѣ коснуться и другихъ вопросовъ,

напр., о природѣ Св. Духа, о Маріи, какъ Богородицѣ и Христородицѣ. И въ этомъ случаѣ на первый разъ одержали верхъ мнѣнія, позднѣе признанныя еретическими. Лишь со временъ константинопольскаго синода (381 г.) партіи, признанной позднѣе православною правовѣрующею, удалось одержать верхъ.

Еще въ 380 г. на Востокѣ, а также въ Галліи и въ Испаніи, большая часть епископскихъ мѣстъ была занята аріанами. Но императоръ Ѳеодосій и Граціанъ, основываясь на авторитетѣ Амвросія медіоланскаго (миланскаго), высказались въ пользу противной партіи. Всѣ должны были повиноваться Амвросію, всѣ уклоняющіяся ученія были признаны еретическими. Когда императоръ Ѳеодосій затѣмъ вступилъ въ Константинополь, низложилъ аріанскаго епископа и посадилъ на его мѣсто Григорія Назіанзена — все населеніе было аріанскимъ. Военныя силы заняли церковь и охраняли Григорія отъ разсвирѣпѣвшей толпы, и лишь страхъ предъ безпощаднымъ Ѳеодосіемъ предотварилъ уличную борьбу. Но какъ только, нѣсколько лѣтъ спустя, разнесся слухъ о томъ, что Ѳеодосій убитъ, тотчасъ вспыхнуло возстаніе аріанъ.

Исторія этой религіозной борьбы, къ сожалѣнію, неопровержимо доказываетъ, что цѣлыя поколѣнія могутъ находиться въ состояніи самообмана и полагать, что совѣсть требуетъ отъ нихъ преслѣдованія людей, иначе вѣрующихъ. Во имя совѣсти сожигали сотни еретиковъ, во имя Христа совершали ужаснѣйшія злодѣянія.

При подобной нетерпимости невозможно, впрочемъ, изумляться тому, что во времена Ѳеодосія истребленіе язычниковъ также приняло широкіе размѣры. Послѣ того, какъ были запрещены жертвоприношенія передъ изображеніями боговъ, въ 382 г. имущества языческихъ храмовъ были отобраны въ пользу государства. Храмы язычниковъ были закрыты и всякія государственныя пособія языческимъ культамъ отмѣнены. Послѣ того, какъ языческія жертвоприношенія были объявлены оскорбленіемъ величества, преслѣдованіе язычниковъ значительно усилилось. Государство, епископы, монахи подали сигналъ, а толпа, какъ всегда, слѣдовала указаніямъ. Роскошнѣйшіе храмы, превосходнѣйшія сокровища были такимъ образомъ уничтожены и разрушены. Въ Константинополѣ, Антіохіи, Александріи вскорѣ не осталось ни одного языческаго храма. Въ 386 г. даже римская знать

отказалась отъ язычества, которое превратилось въ паганизмъ, т. е. вѣру, приличную лишь для мужиковъ, или родъ суевѣрія. Съ какою грубостью стали теперь преслѣдовать язычниковъ, доказываетъ примѣръ благородной Ипатіи. Знатные люди Александріи стекались слушать ея лекціи по философіи, въ которыхъ истолковывалось ученіе Платона и Аристотеля. Епископъ Кириллъ, пользовавшійся большимъ значеніемъ, вскорѣ усмотрѣлъ, что въ этихъ лекціяхъ скрывается значительная опасность для христіанства. Онъ подослалъ къ Ипатіи толпу монаховъ, которые напали на дѣвушку, сорвали съ нея одежду, потащили Ипатію въ церковь и здѣсь убили ее самымъ варварскимъ образомъ, а именно засѣкли до смерти.

Христіанство одержало внѣшнюю побѣду и стало государственной религіей.

Однако утѣшительнымъ здѣсь является, во всякомъ случаѣ, одно обстоятельство. Исторія показываетъ, что даже въ тѣ эпохи, когда высшіе классы обнаруживали полнѣйшій упадокъ, среди простыхъ людей все еще находилось достаточное количество благородныхъ натуръ, порою даже особенно рѣзко проявляющихся въ эпоху всеобщей подавленности. Среди фанатической борьбы можно усмотрѣть не мало подвиговъ христіанской любви и милосердія.

Уже изъ Дѣяній апостоловъ мы знаемъ, что въ древнѣйшей христіанской общинѣ господствовало живое чувство

общенія, что богатые тамъ дѣлились съ бѣдными и участвовали въ общей трапезѣ, первоначально устраивавшейся ежедневно, но позднѣе, напр., въ эпоху Юстина (около 150 г.) лишь по воскреснымъ днямъ. О коммунистическомъ раздѣлѣ имуществъ здѣсь, собственно говоря, не было и рѣчи. Но первыя христіанскія общины несомнѣнно были проникнуты духомъ любви и братства, чуждымъ языческому міру. Обязанность подачи милостыни признавалась въ широкомъ смыслѣ слова и всюду. Правда, порою это стремленіе принимало болѣе рѣзкія формы. „Вы, христіане, живете въ чужомъ городѣ“, говоритъ Гермасъ, „а развѣ кто-либо живущій въ чужомъ городѣ станетъ покупать себѣ поля и дорогую утварь?“ Но вообще говоря, право собственности вовсе не отрицалось. Духъ братской помощи вскорѣ привелъ къ регулярной организаціи благотворительности. Уже въ Новомъ Завѣтѣ идетъ рѣчь о діаконахъ и епископахъ. Послѣдніе завѣдуютъ церковнымъ имуществомъ. Платежи регулируются, подобно тому, какъ это было уже въ древнеримскихъ обществахъ взаимопомощи (коллегія тенуіорумъ). Сюда присоединились и разныя добровольныя приношенія и въ особенности жертвенные и денежные дары, относившіеся къ тайной вечерѣ, т. е. къ таинству причащенія. Соединеніе тайной вечери съ приношеніями даровъ и привело къ установленію литургіи. Относительно готовности къ пожертвованіямъ пусть говорятъ цифры: Кипріанъ въ одномъ Карѳагенѣ собралъ для нуждающихся жителей Нумидіи сумму равную 17.000 марокъ. Въ Римѣ въ эпоху Евсевія содержали на общественный счетъ 1.500 вдовъ. Діакониссы и состоятельныя вдовы щедро помогали, содѣйствуя діаконамъ и попечителямъ. Особенно важна была помощь во время крупныхъ бѣдствій, напр., во время гоненій, которымъ подвергались христіане. Надо было заботиться объ оставшихся въ живыхъ, о страдавшихъ въ изгнаніи или въ рудникахъ. Всего прекраснѣе высказалась христіанская любовь въ эпоху, когда въ римской имперіи свирѣпствовала въ теченіе многихъ лѣтъ чума—главнымъ образомъ съ 250 по 268 г.—и въ то же время германскія орды угрожали цѣлости имперіи. „Большая часть нашихъ братьевъ, писалъ папа Діонисій отъ ужасахъ чумы въ царствованіе императора Галліена, не щадили самихъ себя ради любви къ ближнему. Многіе умерли, заботясь о больныхъ. Наилучшіе изъ нашихъ братьевъ, епископы, діаконы и міряне, оканчивали жизнь такимъ образомъ, что смерть ихъ, бывшая пло-

домъ великой набожности и сильной вѣры, не уступала мученичеству"... У язычниковъ было иное. Больныхъ выталкивали вонъ, отъ самыхъ близкихъ и дорогихъ убѣгали. „Больнымъ у васъ,—говоритъ Кипріанъ—обращаясь къ язычникамъ, не оказываютъ никакого милосердія; если кто-либо умретъ, этимъ открывается поприще лишь для корыстолюбія и мстительности. Иное дѣло христiане: они скорѣе сами сокрушатъ бурю, чѣмъ позволятъ бурѣ сломить себя".

Ясно, что при подобномъ настроеніи, должны были послѣдовать и другіе акты милосердія и должны были развиться гуманныя идеи. Это обнаруживается, напр., при выкупѣ заключенныхъ должниковъ и военноплѣнныхъ, но прежде всего въ дѣлѣ болѣе человѣчнаго обращенія съ рабами. Христіанство также мало было склонно уничтожить сословныя различія, какъ и упразднить имущественныя различія, но духъ христіанской любви пытался смягчить и тѣ, и другія. Въ концѣ концевъ можно здѣсь еще упомянуть о томъ, что духъ христіанскаго аскетизма былъ уже широко распространенъ въ III и VI в. Жизнь, отвращенная отъ міра сего, частое постничество, безбрачіе, долгое молитвенное бдѣніе, набожныя размышленія, все это въ то время признавалось высокою святостью. Эти воззрѣнія расчистили путь для монашества. Уже къ концу VI в. мы находимъ не только на Востокѣ, но и на Западѣ многочисленные монастыри.

Древняя христіанская литература.

Первыя два столѣтія христіанства, когда вѣра была всего болѣе жива, оставили лишь на ничтожные слѣды поэтической литературы. Болѣе замѣтною становится христіанская литература со временъ Константина, когда въ средѣ торжествующаго христіанства замѣчается уже упадокъ нравственности. Литература эта разростается среди бѣдствій умирающаго императорства и наконецъ даетъ прекраснѣйшіе цвѣты въ эпоху Евфрема, Григорія и Пруденція, когда сѣверные варвары уже перешли границу имперіи и когда государство находилось, такъ сказать, на краю гибели. Но если начальныя эпохи христіанства не оставили многихъ извѣстныхъ именъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы всякое поэтическое чувство тогда вымерло. Можно упомянуть, напр., о стихотвореніяхъ Бардезанеса, сирійскаго философа

и поэта конца II в. Да и вообще можно сказать, что, наоборотъ, никогда поэтическое чувство христіанъ не было такъ живо, какъ въ началѣ. Это была эпоха творчества, но въ особомъ родѣ: создавались типы, преданія, легенды. Лишь немногія изъ этихъ произведеній, дошли до насъ большею частью въ весьма искаженной формѣ, и ни одно не носитъ имени настоящаго автора. Легенды эти приписываютъ обыкновенно какой-либо знаменитости. На первомъ мѣстѣ стоятъ апокрифическія евангелія, въ которыхъ личность Христа порою изображена въ совершенно превратномъ видѣ.

На ряду съ этимъ мы встрѣчаемъ и множество высокопоэтическихъ легендъ, въ достаточной мѣрѣ оправдывающихъ популярность апокрифовъ. Онѣ являются источниками тѣхъ увлекательныхъ сагъ, которыя повторялись въ средніе вѣка. Святому Іосифу также посвящено цѣлое евангеліе, которое дошло до насъ лишь на арабскомъ языкѣ, но переводъ очевидно сдѣланъ съ коптскаго.

Въ апокрифахъ мы находимъ источникъ многихъ трогательныхъ легендъ о Рождествѣ Христовомъ, впослѣдствіи появившихся въ наивномъ воспроизведеніи въ литургическихъ драмахъ среднихъ вѣковъ и содѣйствовавшихъ возрожденію драматическаго искусства на Западѣ, утвердившихся также въ эпосѣ и въ теченіе многихъ вѣковъ воодушевлявшихъ живописцевъ, скульпторовъ и поэтовъ.

Изъ апокрифовъ особенно прекрасно Евангеліе отъ Никодима: во второй части изображено сошествіе Христа во адъ, почему это Евангеліе въ средніе вѣка пользовалось огромной популярностью.

Всѣ перечисленныя выше произведенія написаны въ прозаической формѣ. Есть, однако, и поэтическія сказанія, правда еще очень грубыя, а именно сивиллины пѣсни. И въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, христіане послѣдовали примѣру іудеевъ. Какъ извѣстно, эллинизмъ проникъ въ самую Іудею и евреи стали читать Гомера и Платона. Но эллинизмъ евреевъ былъ большею частью весьма поверхностнымъ. Евреи оставались въ сущности іудеями, съ отвращеніемъ относились къ идолослуженію и, несмотря на насмѣшки со стороны грековъ и римлянъ, продолжали считать себя избраннымъ народомъ. Зная о популярности сивиллиныхъ пророчествъ въ Элладѣ и въ Италіи, іудеи вложили въ уста Сивиллы придуманныя ими самими пророчества, предсказывавшія языческому міру наступленіе страш-

наго суда и новой эры. Древнѣйшій изъ подобныхъ оракуловъ относится къ эпохѣ Маккавеевъ и показываетъ, о чемъ мечтали іудеи за 2 столѣтія до Р. Х. Форма подобныхъ пророчествъ была такимъ образомъ изобрѣтена, и въ теченіи цѣлыхъ пяти вѣковъ отъ Птолемея Филометора до Константина она служила для одинаковыхъ цѣлей. Сивиллины стихи содержатъ, однако, не только моральныя и религіозныя предсказанія, но и рѣзкіе протесты противъ римскаго владычества. Они являются единственнымъ воспоминаніемъ о ненависти, которую возбуждало римское міровое господство въ разныхъ мѣстахъ. Ненависть поэтовъ, сочинявшихъ сивиллины изреченія, имѣла главною причиною религію. Евреи могли еще простить Риму утрату своей независимости, но не могли простить покушенія на Іегову. Іудаизмъ и христіанство были двумя культами, противъ которыхъ Римъ, вообще отличавшійся терпимостію, выступалъ часто весьма рѣзко. Именно поэтому пѣвцы сивиллиныхъ стиховъ продолжали смѣло пророчествовать при Траянѣ, при Маркѣ Авреліи и Антонинѣ, т. е. въ эпоху, представляющуюся намъ такою прекрасною и счастливою, а также при Коммодѣ и Северѣ. Они пророчествовали о великомъ событіи, наступленія котораго жаждали всѣми силами своей души. Встрѣтить среди враговъ Рима также христіанъ на первый взглядъ кажется удивительнымъ, такъ какъ мы знаемъ, что цезари, несмотря на всѣ гоненія, не имѣли болѣе преданныхъ подданныхъ, и епископы неутомимо проповѣдывали повиновеніе свѣтской власти. Будучи христіанами, римскіе адепты новой вѣры все же крѣпко держались за римскія начала, и всѣ недовольные, выражавшіе свою ненависть къ Риму въ сивиллиныхъ изреченіяхъ, принадлежали къ тѣмъ азіатскимъ провинціямъ, гдѣ римская культура вовсе не пустила корней. Мы встрѣчаемъ у этихъ авторовъ демократическія стремленія и мрачныя воззрѣнія на жизнь. Это всегда либо евреи, либо христіане изъ евреевъ. У нихъ все еще чувствуется присутствіе суроваго Іеговы, угрожающаго среди грома и молніи. Ученія этихъ еврейскихъ христіанъ устранены церковью, но мрачное настроеніе ихъ фантазіи оставило слѣды. Изображеніе ада, страшнаго суда и возмездія въ будущей жизни вскорѣ заняло высокое положеніе въ христіанской поэзіи, особенно въ стихотвореніяхъ одного изъ даровитѣйшихъ сирійскихъ поэтовъ, Ефрема Сирина.

Древнѣйшимъ христіанскимъ поэтомъ признается епископъ Коммодіанъ, родомъ изъ Газы въ Палестинѣ. Хотя самъ по себѣ онъ и незначителенъ, но случайно сохранились какъ разъ произведенія этого поэта. Стихотворенія его, хотя полны ошибокъ и нехудожественны, важны какъ признаки возникновенія новой стихотворной формы. Какъ извѣстно, въ античной поэзіи центръ тяжести находится въ метрическомъ размѣрѣ, когда какъ въ новой—въ удареніи. Преобразованіе, достигнутое такимъ образомъ поэзіей, завершилось лишь въ началѣ среднихъ вѣковъ, но еще и раньше оба принципа состязались между собою. Въ то время, какъ латинскіе классики составляли правильные, безукоризненно метрическіе стихи, народъ сочинялъ прихрамывающія вирши, въ которыхъ удареніе одержало верхъ надъ метрическимъ размѣромъ, основаннымъ на долготѣ и краткости слоговъ. Чѣмъ значительнѣе удалялись отъ Рима въ провинціи, тѣмъ болѣе одерживалъ верхъ этотъ болѣе свободный размѣръ. Коммодіанъ является представителемъ версификаціи, содержащей уже нѣкоторыя особенности, позднѣе достигшія всеобщаго примѣненія; порою являются даже риѳмы. Коммодіанъ долженъ поэтому считаться предшественникомъ средневѣковыхъ поэтовъ; но его современники, жившіе въ III в., были еще горячими почитателями благороднаго искусства и литературы, а поэтому его произведенія едва ли могли разсчитывать на сочувствіе.

Вкусъ къ умственнымъ занятіямъ, какія въ то время господствовали въ обществѣ, распространился изъ греческаго отечества по всей области римской имперіи и это привело къ извѣстному однообразію въ литературѣ, тщательно избиравшей своимъ образцомъ классическіе типы. Это теченіе не могло быть устранено христіанствомъ, даже если бы христіанство хотѣло достичь того. Сочиненія христіанъ по формѣ приспособлялись къ общимъ требованіямъ эпохи, и уже въ первомъ письмѣ св. Климента замѣтно вліяніе греческой риторики. Еще и теперь мы пользуемся двумя наслѣдіями прошлаго: христіанствомъ и классической литературою. Въ теченіе исторіи поочередно одерживало верхъ то одно, то другое направленіе, и борьба обѣихъ формъ замѣтна даже у двухъ древнѣйшихъ христіанскихъ писателей Запада,—Минуція Феликса и Тертулліана. Въ то время какъ первый, будучи пламеннымъ христіаниномъ, пытался, однако, разобраться съ языческимъ искусствомъ въ своемъ Октавіи,—

Тертулліанъ отвергалъ всякіе компромиссы и обнаружилъ рѣшительно антихудожественныя стремленія.

Изъ обоихъ этихъ борющихся направленій первое было болѣе сильнымъ. Правда, первоначально христіанство распространялось главнымъ образомъ среди бѣдныхъ и неученыхъ; но уже во II вѣкѣ оно проникло въ высшіе и болѣе просвѣщенные классы. А для того, чтобы пріобрѣсть ихъ сочувствіе, нельзя было относиться враждебно къ искусству и литературѣ. Христіанство стремилось поэтому, напр., въ лицѣ представителей александрійской школы катехитовъ (катехизистовъ) отыскать родственныя идеи, указывая на связь ихъ съ христіанской философіей и на преемственность идей. Сивиллины стихи никогда не пользовались одобреніемъ епископовъ, которые по большей части являлись опорой государственной власти, предоставляя даже языческимъ императорамъ прямое вліяніе на церковныя дѣла. Изъ этого доброжелательнаго настроенія вытекалъ союзъ новаго ученія съ античнымъ искусствомъ. Подчиненіе христіанской литературы вліянію античнаго искусства обнаруживается, напр., въ произведеніяхъ св. Кипріана. Еще далѣе идутъ его преемники Арнобій и Лактанцій, у которыхъ уже видно вліяніе риторики; посланіе же римскихъ клириковъ къ Кипріану блещетъ высокимъ совершенствомъ формы. „Фениксъ“ Лактанція написанъ такимъ стилемъ, что лишь немногія мѣста позволяютъ узнать въ авторѣ христіанина. На долю эпохи Ѳеодосія досталось увидѣть въ великомъ Пруденціи соединеніе величайшихъ красотъ христіанскаго и классическаго стиля.

Вообще, значеніе развитія христіанства не можетъ быть измѣряемо лишь степенью классической образованности его представителей. Но если бы подобное мѣрило было принято, то пришлось бы сказать, что IV и V в. были эпохою высочайшаго расцвѣта христіанской церкви. Но въ то же время это была эпоха риторики и догматическихъ споровъ, побуждавшихъ къ признанію еретиками и къ преданію анаѳемѣ всѣхъ иначе мыслящихъ. Мы уже не говоримъ о взаимныхъ отношеніяхъ христіанъ и язычниковъ, какъ, напр., Григорія Назіанзена къ языческому императору Юліану.

Глубочайшимъ и въ то же время самымъ многостороннимъ изъ отцовъ церкви былъ Августинъ (354—430). Въ юности онъ велъ бурную мірскую жизнь, затѣмъ въ теченіе десяти лѣтъ былъ манихеемъ, остался неудовлетвореннымъ и обратился къ занятіямъ философіей и риторикой. Наконецъ,

проповѣди св. Амвросія обратили его въ пламеннаго защитника христіанства.

Въ своей „Исповѣди“ онъ самъ описалъ эти превратности судьбы, и по справедливости о немъ сказано, что во всей древности нѣтъ другой книги, болѣе пламенной, болѣе преисполненной одушевленія. Его многочисленныя сочиненія посвящены то апологетикѣ, то нравственности, то истолкованію Писанія. Своимъ строгимъ отношеніемъ къ вопросу о грѣховности человѣческаго рода, къ предопредѣленію и т. п., онъ подалъ поводъ къ пелагіанскому спору. Его вліяніе на развитіе западнаго христіанства, несмотря на все враждебное отношеніе къ нему многочисленныхъ противниковъ, было огромно.

Произведенія его, по сравненію со многими другими, являются свѣтлымъ лучемъ въ эпоху упадка. Они показываютъ, какимъ образомъ церковь приняла на себя руководство при рѣшеніи культурныхъ задачъ, взявъ на себя роль, которой не могло уже выполнить распадавшееся языческое государство.

Гибель Западной Римской Имперіи.

Часто можно встрѣтить утвержденіе, что гибель римской имперіи послѣдовала съ необходимостью, сходной съ фатумомъ, или, по крайней мѣрѣ, что она имѣетъ характеръ естественнаго процесса въ біологическомъ смыслѣ этого слова, т. е. что смерть здѣсь была такъ же неизбѣжна, какъ въ случаѣ смерти организма. Такое утвержденіе ошибочно. Вообще, аналогія упадка общества и государства съ смертью одряхлѣвшаго человѣка принадлежитъ къ числу неудачныхъ. Силы римской націи, подкрѣпленной многочисленными чуждыми элементами, далеко не были настолько истощены, чтобы разложеніе или разрушеніе должно было наступить съ необходимостью естественной смерти. Въ этомъ всего лучше можно убѣдиться изъ того обстоятельства, что восточная половина римской имперіи имѣла еще въ теченіе тысячелѣтія упорядоченное государственное бытіе и безъ вмѣшательства магометанства выполнила бы совсѣмъ иную культурную задачу, нежели послѣ отторженія азіатскихъ и африканскихъ областей. Западная римская имперія также не исчезла съ исторической арены такъ внезапно, какъ иногда

воображаютъ. Въ юридическомъ отношеніи, а частью и по воззрѣніямъ тогдашнихъ руководящихъ круговъ общества, римская имперія продолжала существовать и послѣ того, какъ одна область за другою была захвачена германцами. Не страсть къ разрушенію двинула германскія полчища въ предѣлы римской имперіи. Тамъ, гдѣ они заняли римскія провинціи и гдѣ осѣлись вполнѣ прочно, германцы по большей части старались щадить и сохранить существующій строй, относились съ уваженіемъ къ законному порядку и учрежденіямъ и господствовали какъ представители императора. Пожалованные императоромъ титулы оставались величайшею почестью и въ то же время единственнымъ способомъ добиться законнымъ путемъ повиновенія подданныхъ и превратить патріархальную власть вождя въ наслѣдственную власть монарха. Такимъ образомъ отторженіе отдѣльныхъ областей съ формальной точки зрѣнія часто было направлено не противъ имперіи, а въ ея пользу. Аларихъ былъ полководцемъ въ иллирійскомъ войскѣ, Хлодвигъ пользовался консульской властью; его преемникъ получилъ Провансъ, добытый его собственнымъ оружіемъ, въ видѣ дара отъ Юстиніона. Даже Одовакеръ (Одоакръ) побоялся взять въ свою варварскую руку скипетръ цезарей. Послѣ отреченія Ромула Августула, послѣдняго римскаго цезаря, депутація римскаго сената отправилась къ восточно-римскому императору и сложила знаки императорскаго достоинства къ ногамъ императора Зенона. Западъ, сказали депутаты, болѣе не нуждается въ своемъ собственномъ императорѣ. Достаточно одного императора на весь міръ. Одовакеръ, получившій отъ императора титулъ патриція, оставался консуломъ, долженъ былъ блюсти гражданскія и церковныя учрежденія своихъ подданныхъ и процарствовалъ четырнадцать лѣтъ, какъ номинальный замѣститель восточно-римскаго императора. Такимъ образомъ, съ юридической точки зрѣнія, не было *никакого паденія* западной римской имперіи, но было лишь *возсоединеніе* имперій—восточной и западной. Центръ тяжести римскаго господства былъ перенесенъ въ Константинополь, тогда какъ Италія и древній Римъ попали въ руки германцевъ, къ которымъ перешли прежнія традиціи и должности и которые упорно держались здѣсь.

Итакъ, если паденіе западной римской имперіи не было „естественнымъ процессомъ“ и если вообще не можетъ быть рѣчи о внезапной радикальной перемѣнѣ въ юридическомъ положеніи, то можно вообще задаться вопросомъ: почему, несмотря на это, 476-й годъ принято считать заключительнымъ въ исторіи древняго міра и, главнымъ образомъ, въ культурной исторіи? На это можно дать слѣдующій отвѣтъ. Если не въ теченіе одного 476 года, то, во всякомъ случаѣ, въ теченіе пятаго столѣтія (или собственно съ 395 по 493 годъ) западная римская имперія совершенно преобразовалась. Всѣ ея провинціи были заняты германскими полчищами. Такимъ образомъ начинается эпоха романизма. Римскія и германскія начала вступили въ тѣснѣйшее соединеніе и породили ту культуру, которую принято называть средневѣковою.

Этотъ процессъ превращенія, во всякомъ случаѣ, не былъ внезапнымъ и окончился не сразу. Онъ продолжался цѣлые вѣка и лишь въ V столѣтіи, вслѣдъ за занятіемъ *всѣхъ* провинцій западной римской имперіи, былъ законченъ въ своей *предварительной* стадіи.

Первыя начала этого процесса коренятся весьма глубоко. Уже въ эпоху Цезаря и Августа вошло въ обычай принимать германцевъ на римскую службу. „Германскіе всадники“ образовали съ того времени отборное войско, знатныхъ германцевъ привлекали въ Римъ и осыпали почестями. Батавскія когорты помогли римлянамъ одержать многія побѣды, и уже въ эпоху Веспасіана массы германцевъ вели борьбу даже противъ свободныхъ германцевъ.

Менѣе свободенъ сталъ доступъ германцевъ въ слѣдующіе вѣка. Законченная при Траянѣ искусственная граница (Limes), простиравшаяся отъ Андернаха по Неккару и оттуда до Регенсбурга, образовала болѣе рѣзкую границу между римлянами и германцами, чѣмъ прежде Рейнъ. Съ 250 года, однако, напоръ германцевъ болѣе не могъ быть удержанъ.

Но римляне тотчасъ стали въ болѣе широкихъ размѣрахъ пользоваться германцами противъ германцевъ. Императоръ Пробъ поселилъ 100.000 германцевъ во Ѳракіи и пріобрѣлъ въ нихъ надежныхъ крестьянъ и солдатъ. Діоклеціанъ образовалъ для себя изъ германцевъ, которыхъ тѣснили и вытѣснили за Дунай готы, лейбъ-гвардію. При Константинѣ сотни тысячъ чужеземцевъ, особенно сарматовъ, были поселены на римской территоріи, правда малыми группами, а толпы вандаловъ были поселены въ Венгріи. Уже Діоклеціанъ незадолго до того времени заключилъ съ

германцами много договоровъ. За „ежегодные подарки" онъ потребовалъ отъ готовъ, чтобы они выставляли вспомогательныя войска, которыя могли помочь ему одержать блистательныя побѣды надъ персами. Готы поддерживали Константина противъ Лицинія и помогли ему въ послѣдней рѣшительной борьбѣ за міровое господство одержать побѣду. На Рейнѣ римляне болѣе чѣмъ однажды пытались направить франковъ и бургундовъ противъ независимыхъ германцевъ. Такимъ образомъ, многочисленные германцы достигли въ римской имперіи почета и вліянія. Германцы не имѣли опаснѣйшаго врага въ началѣ великаго переселенія народовъ, нежели *вандала* Стилихона.

Такимъ образомъ, нельзя видѣть ничего необычайнаго и новаго въ томъ, что въ 375 году вестготы стали добиваться поселенія въ Мезіи (Болгаріи) и достигли желаемаго. И здѣсь вскорѣ удалось привлечь часть готовъ въ составъ римской дружины и направить ихъ противъ другихъ, и двое храбрыхъ франкскихъ вождей, Бауто и Арбогастъ, помогли Ѳеодосію (278—395) одолѣть готовъ. Франкъ Арбогастъ побѣдилъ узурпатора Максима и даже прогналъ обратно за Рейнъ своихъ собственныхъ одноплеменниковъ. Такимъ образомъ Ѳеодосій еще разъ съ помощью германцевъ возстановилъ границы имперіи. Уже при его сыновьяхъ это было бы невозможно.

Раздѣлъ имперіи въ 395 г. между сыновьями Ѳеодосія, даже если не смотрѣть на него какъ на окончательный дѣлежъ имперіи, въ концѣ концовъ былъ гибелью для государства. Временный раздѣлъ во многихъ случаяхъ былъ цѣлесообразенъ. Властители, располагавшіе ограниченной областью, повидимому, могли лучше охранять границы. Но на этотъ разъ раздѣлъ сталъ гибельнымъ, такъ какъ вскорѣ самая жестокая распря вспыхнула между обѣими половинами имперіи. Руфинъ, намѣстникъ Восточной Имперіи, въ безпримѣрномъ ослѣпленіи сталъ подстрекать молодого храбраго короля вестготовъ, Алариха, и побудилъ его стать во главѣ свободнаго вестготскаго народа; такимъ образомъ была навлечена катастрофа, а именно Грецiя попала въ руки варваровъ.

Вскорѣ тотъ же Аларихъ побѣдоносно выступилъ противъ Западной Имперіи. Тогда Стилихонъ долженъ былъ прибѣгнуть къ отчаянному средству, а именно удалить съ Рейна и изъ Британіи всѣ войска. Даже Галлія осталась недостаточно занятой гарнизонами и вскорѣ стала жертвою крестьянскихъ возстаній багаудовъ. Въ Британіи и въ Галліи явились узурпаторы Константинъ, Констанцій, Максимъ, Іовинъ, призывавшіе на помощь германцевъ. Ихъ можно было одолѣть лишь съ помощью другихъ германцевъ. Но это въ свою очередь привело къ уступкѣ большей части Галліи франкамъ, бургундцамъ и вестготамъ. Въ 405 г. храброму Стилихону еще разъ удалось въ битвѣ при Фезулахъ спасти Италію отъ нападенія Радагайса. Но ни онъ, ни привлеченныя имъ толпы франковъ не могли уже сдержать напора стремившихся на этотъ разъ на сѣверо-западъ вандаловъ, свевовъ, аланъ, которые (въ 406 г.) двинулись въ Южную Галлію и въ Испанію и надолго отторгли эти области отъ Имперіи. Немного лѣтъ спустя, Аларихъ трижды подступалъ къ Риму. Его преемники повели вестготовъ въ Галлію и Испанію.

Слишкомъ скоро вслѣдъ за этимъ наступили новыя потери. Король вандаловъ, Гейзерихъ, призванный римскимъ намѣстникомъ Бонифаціемъ, подчинилъ весь сѣверный берегъ Африки и достигъ воротъ Карѳагена (429—434). Самый Карѳагенъ палъ въ 439 г., а съ нимъ погибло и господство римлянъ въ Африкѣ. „Роскошная житница Рима, область, гдѣ римская знать владѣла громаднѣйшими имѣніями", была большою частью утрачена. Затѣмъ, флотъ вандаловъ ограбилъ берега Сициліи и Нижней Италіи, а въ 442 году постыдный договоръ узаконилъ дерзкія завоеванія Гейзериха.

Вскорѣ послѣ этого потокъ гунновъ хлынулъ на западъ. Еще разъ обнаружилось, къ чему способенъ блескъ римскаго имени и что можетъ сдѣлать превосходство римской политики, пока во главѣ стоитъ одинъ настоящій римлянинъ. Аэцій неутомимо дѣйствовалъ въ пользу заключенія договора между всѣми западными германцами, съ которыми римляне имѣли до тѣхъ поръ какія-либо сношенія. Галлы, бургунцы, франки, вестготы и аланы собрались вокругъ Аэція, чтобы отразить гунновъ и зависѣвшихъ отъ нихъ восточныхъ германцевъ, главнымъ образомъ остготовъ и гепидовъ. Великая битва народовъ на Каталаунскихъ поляхъ въ 451 году увѣнчала усилія Аэція заслуженнымъ успѣхомъ. Не менѣе великимъ оказался Аэцій въ слѣдующемъ году, когда принудилъ Аттилу къ отступленію изъ Италіи, правда съ помощью доблестнаго восточно-римскаго импера-

тора Маркіана. Напрасно поэтому легенда и искусство (стоитъ вспомнить картину Рафаэля) приписываютъ честь отступленія Аттилы вмѣшательству папы Льва Великаго.

Въ 453 году умеръ Аттила, и тотчасъ же его царство распалось на части. Но и спаситель имперіи вскорѣ покончилъ жизнь. Валентиніанъ III ребячески слушалъ завистниковъ и льстецовъ, а убійцъ было найти не трудно.

Это позорное убійство вскорѣ было постигнуто заслуженною карою. Италія, утратившая своего спасителя и руководителя, уже въ слѣдующемъ 455 году была наводнена вандалами, послѣ того, какъ Валентиніанъ III самъ былъ устраненъ рукою убійцы. На первый разъ королю вандаловъ показалось достаточнымъ ограбить Римъ. Удержать Римъ надолго въ своихъ рукахъ король этотъ не имѣлъ въ виду. Тѣмъ болѣе казалось удобнымъ устранить послѣдніе слѣды римскаго господства въ Африкѣ, Сициліи и Сардиніи. Напрасно доблестный императоръ Маіоріанъ, ставъ во главѣ большого флота, пытался нанести жестокій ударъ имперіи Гейзериха. Предательство воспрепятствовало его побѣдѣ и „дѣлатель королей" Рицимеръ, изображавшій въ имперіи германскій элементъ и пытавшійся занять такое-же положеніе, какимъ пользовался Стилихонъ, устранилъ превосходнаго императора (461), который умѣлъ обуздать также Галлію съ помощью графа Эгидія, отца Сіагрія, опиравшагося на франковъ.

Еще рядъ императоровъ былъ смѣщенъ Рицимеромъ, а передъ своей смертью (472) Рицимеръ даже ограбилъ самый Римъ, низвергнувъ императора Антемія. Ко всѣмъ несчастіямъ прибавился еще тѣсный союзъ между вестготами и вандалами. Послѣдній остатокъ римскаго владычества въ южной Галліи былъ теперь уничтоженъ, и даже Восточная Имперія испытывала сильный натискъ вандаловъ. Когда, наконецъ, возмутились большею частью состоявшія изъ германцевъ, войска италійскаго полководца Ореста (отца послѣдняго императора, Ромула Августула), то смѣлый Одовакеръ (Одоакръ) сталъ въ ихъ главѣ, побѣдилъ и убилъ Ореста и низвергъ съ престола послѣдняго римскаго императора. Какъ король Италіи, Одовакеръ правилъ во главѣ все болѣе напиравшихъ германцевъ—геруловъ, рузовъ, сцировъ, и онъ добился даже внѣшняго признанія со стороны византійскаго императора Зенона.

Лишь немногимъ болѣе десятилѣтія длилось его господство, не возбуждая спора, какъ вдругъ знаменитѣйшій изъ германскихъ князей, прославленный исторіей и сказаніями, Ѳеодорихъ Великій со своими остготами вступилъ въ Италію съ цѣлью основать могущественное германское государство (493). По прошествіи двухъ поколѣній погибло и это государство въ борьбѣ съ вновь усилившейся имперіей Юстиніана. Это наслѣдіе досталось наконецъ лонгобардамъ (568).

Въ теченіе V вѣка всѣ провинціи Западно-Римской Имперіи попали въ руки германцевъ. Даже Британнія въ 449 году была колонизирована многочисленными англосаксами. На мѣсто Римской Имперіи явилось теперь шесть германскихъ державъ: вандальская, вестготская, суевская, франкская, герульская (Одовакръ) и остготская. Непрерывныя завоеванія германцевъ привели къ преобразованію всего:— населенія, національности, общественныхъ формъ и культуры.

Многое еще содѣйствовало ускоренію процесса разложенія Западно-Римской имперіи.

Непрерывныя войны за императорское достоинство, быстро другъ за другомъ слѣдовавшіе мятежи, отчасти поддержанные германскими нашествіями, содѣйствовали потрясенію гнилого зданія имперіи до самыхъ основъ. Не всюду, но все же очень часто, дикія народныя возстанія уступали мѣсто отчаянному настроенію подавленнаго народа. Въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій галльскія области страдали отъ крестьянскихъ и невольничьихъ войнъ. Со временъ Константина, Африка была потрясена войнами съ донатистами, противопоставившими епископамъ, признаннымъ государствомъ, своихъ собственныхъ. Толпы аскетовъ и всѣ недовольные элементы общества примкнули къ донатистамъ, когда Констанцій (337—350) вновь отказался отъ принципа терпимости по отношенію къ донатистамъ. Въ Африкѣ вспыхнули мятежи. Толпы бѣглыхъ рабовъ и обѣднѣвшихъ крестьянъ и всѣ національные элементы, угнетенные Римомъ, были готовы содѣйствовать возстанію. Расовая бороба и соціальная революція вспыхнули въ Африкѣ, и когда наконецъ борьба была прекращена, донатизмъ, опиравшійся на туземные элементы, оказался столько-же сильнымъ, какъ когда-либо.

Испанія пострадала отъ возстаній Геронція и отъ послѣдовавшихъ затѣмъ хищническихъ набѣговъ суевовъ, вандаловъ, алановъ, хозяйничавшихъ въ этой до тѣхъ поръ по-

щаженной области втеченіе нѣсколькихъ десятилѣтій. Британнія стала добычею дикихъ народовъ сѣвера.

Послѣдствія подобныхъ катастрофъ неминуемо должны были рано или поздно поглотить силы Имперіи и ослабить силу сопротивленія при новыхъ нашествіяхъ варваровъ.

Сюда добавились безконечныя распри между аѳанасіевцами и аріанами, борьба противъ несторіанъ, признававшихъ два *раздѣльныхъ* естества Христа, борьба съ монофизитами и монофелитами. Эти непрерывныя распри навлекли на христіанство тотъ укоръ, что оно будто-бы причинило слабость и самое паденіе Римской Имперіи. Противъ этого написалъ Августинъ свое главное сочиненіе De civitate Dei (О царствѣ Божіемъ). На самомъ дѣлѣ, истина заключается какъ разъ въ обратномъ. Католическая церковь, съ ея центромъ—римскимъ епископствомъ—была силою, сдерживавшею общими узами разныя провинціи Римской Имперіи и предохранявшая отъ окончательнаго паденія, пока еще не было слишкомъ поздно.

Когда аріанизмъ, распространившійся среди германцевъ, разстроилъ эту связь, тогда пала послѣдняя опора единства Имперіи. *Римская культура*, до тѣхъ поръ объединявшая большую часть средиземноморскихъ областей, и безъ того уже не была въ состояніи предотвратить этотъ достопамятный процессъ разложенія Римской Имперіи на отдѣльныя составныя части и національности. Римъ и Италія уже фактически съ извѣстнаго времени перестали быть средоточіемъ культуры провинцій. Начинается новая своеобразная эпоха: эпоха *романской* культуры. Народные элементы, долгое время подавленные высшей римской культурой, вступили въ союзъ съ надвигавшейся германской національностью. Огрубѣніе, частью даже возвращеніе къ варварству, было неминуемо. Но свѣжія силы юныхъ народовъ были доступны также многочисленнымъ вліяніемъ высшей культуры.

Элементы римскаго просвѣщенія еще долго дѣйствовали оживляющимъ и плодотворнымъ образомъ на романскій міръ, пока наконецъ культура Рима въ эпоху гуманизма не стала вновь почитаемою всѣми владычицею міра.

Римская культура и наше время.

Для опредѣленія значенія какого-либо предмета, мѣриломъ является не только продолжительность времени. Но

во всякомъ случаѣ то, что переживаетъ въ исторіи народовъ цѣлыя тысячелѣтія и оказывается пригоднымъ, должно считаться заслуживающимъ вниманія и оцѣнки со стороны историка культуры. Такова была римская культура. Какъ могущественно и живо было ея вліяніе еще втеченіе долгаго времени послѣ того, какъ распалось римское государство!

Римскій или латинскій языкъ, смѣшавшійся съ чуждыми элементами, былъ втеченіе всей средневѣковой эпохи языкомъ образованныхъ классовъ. Даже для простыхъ писемъ онъ остался господствующимъ до XIV вѣка. Но именно въ то время, когда вездѣ стало подниматься значеніе народнаго образованія, когда начали возвышать туземные діалекты въ рангъ литературныхъ языковъ,—тогда пробудилось увлеченіе классической литературой въ размѣрахъ, еще небывалыхъ. Вскорѣ стало признакомъ высшаго образованія—писать цицероновскою латынью, соперничать съ Овидіемъ въ стихосложеніи. Втеченіе трехъ вѣковъ послѣ реформаціи латинскій языкъ и римская литература оставались основою высшаго образованія.

Эпоха гуманизма преобразовала и *римское право*. Почти во всѣхъ государствахъ оно образовало главную норму всѣхъ правовыхъ отношеній. Всѣ новѣйшія юридическія книги все еще обнаруживаютъ слѣды римской школы.

Отъ элементовъ *римскаго искусства* всюду зависитъ искусство среднихъ вѣковъ. Эпоха Возрожденія (Ренессанса) возвратилась къ образцамъ античнаго міра, да и нынѣшнее искусство ими пользуется и видитъ въ нихъ недосягаемую красоту.

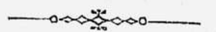
Во всѣхъ областяхъ обыденной жизни мы наталкиваемся на слѣды римской культуры. Нашъ календарь—это римскій календарь; въ дѣлѣ сооруженія путей и мостовъ—римскіе архитекторы наши учителя. Наши письменные знаки—римскаго происхожденія, нашъ способъ выраженія, въ гораздо большей степени, нежели о томъ мечтаютъ наши пуристы, основанъ на римскихъ оборотахъ рѣчи; наши поэты пользуются образами и „тропами“ античныхъ поэтовъ. Наши мѣры и вѣса, до введенія французской системы, въ значительной степени опирались на римскія.

Городъ Римъ и теперь еще въ двоякомъ отношеніи заявляетъ притязанія оставаться „средоточіемъ міра“. Во-первыхъ, какъ мѣстопребываніе папства, онъ служитъ сре-

доточіемъ для ста милліоновъ католиковъ. Во-вторыхъ, онъ все еще служитъ центромъ искусства, куда стремятся художники, желающіе постичь красу и смыслъ античнаго искусства и видѣть развалины древняго величія.

Римская культура, давно погибшая и все же вѣчно юная и жизнерадостная! Пока она способна воодушевлять сердца и будить умы, до тѣхъ поръ варварство, однажды чуть ее не погубившее, навѣрное не овладѣетъ міромъ!

КОНЕЦЪ.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

КОНЕЦЪ.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 5.

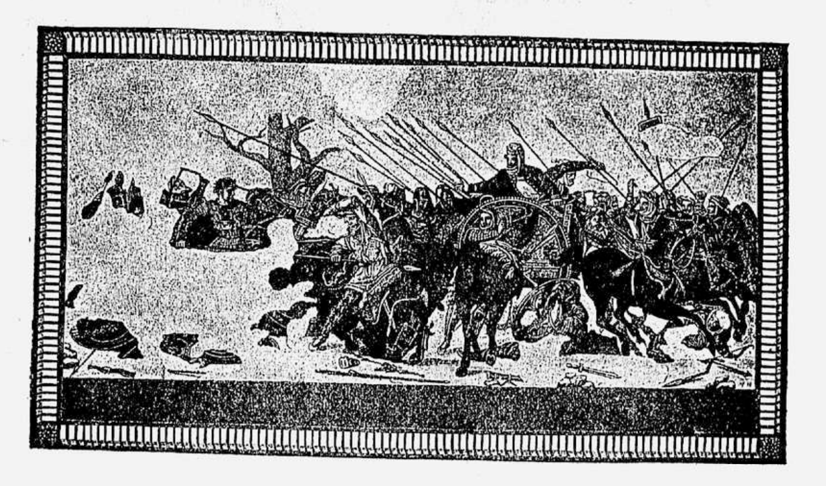


Рис. 7.

Рис. 6.

Рис. 8.

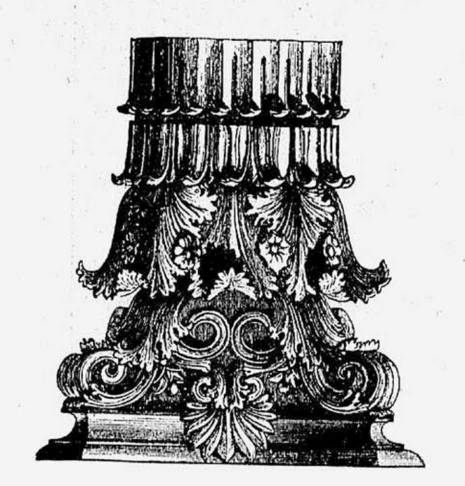


Рис. 9.

Рис. 10.

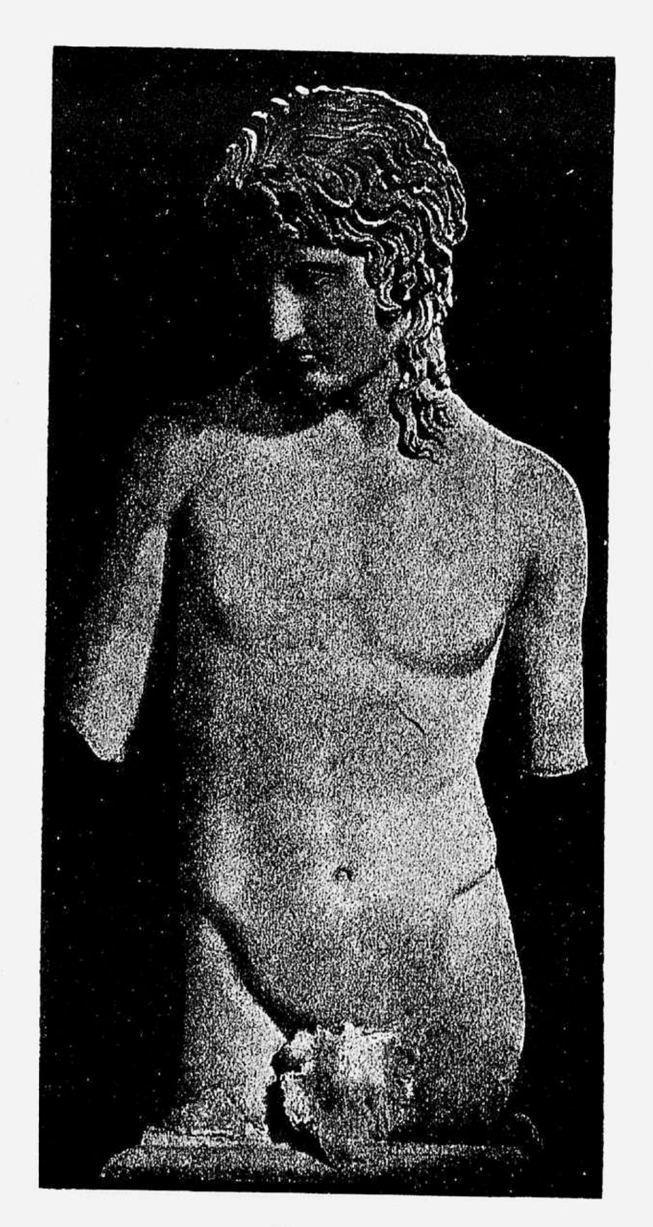


Рис. 11.

Рис. 12.

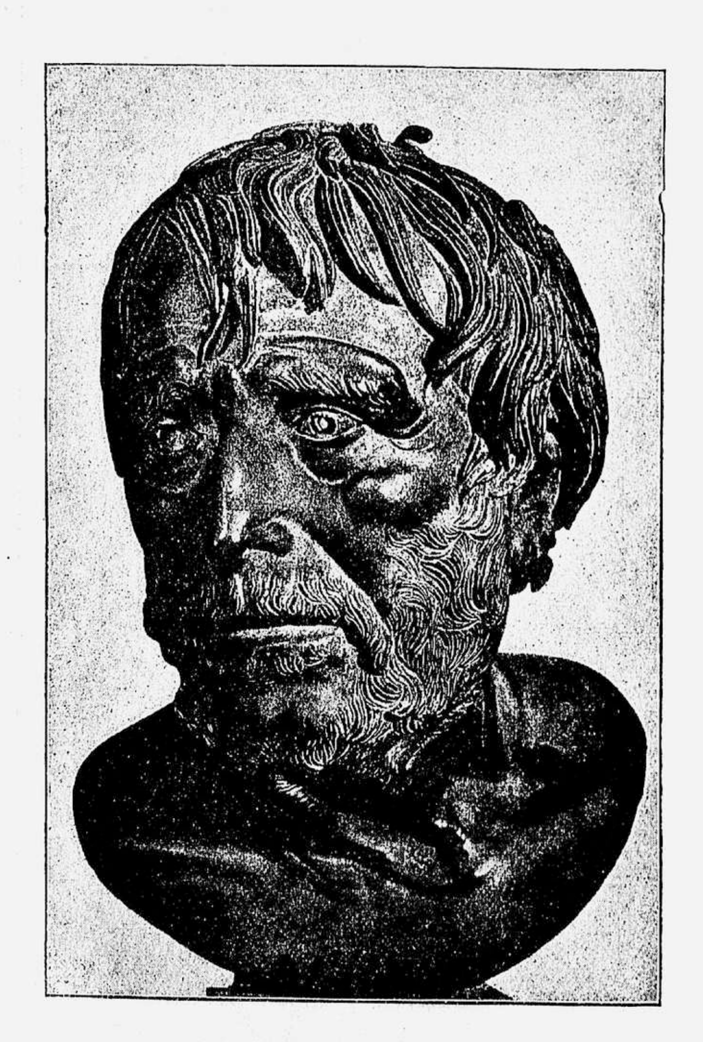


Рис. 14.

Рис. 15.

Рис. 16

Рис. 17.

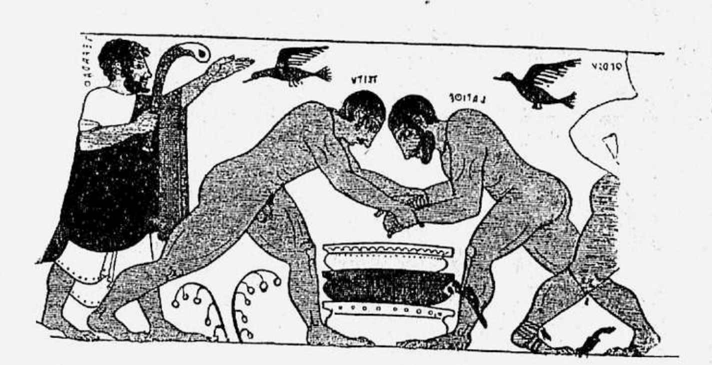


Рис. 18.

Рис. 19.

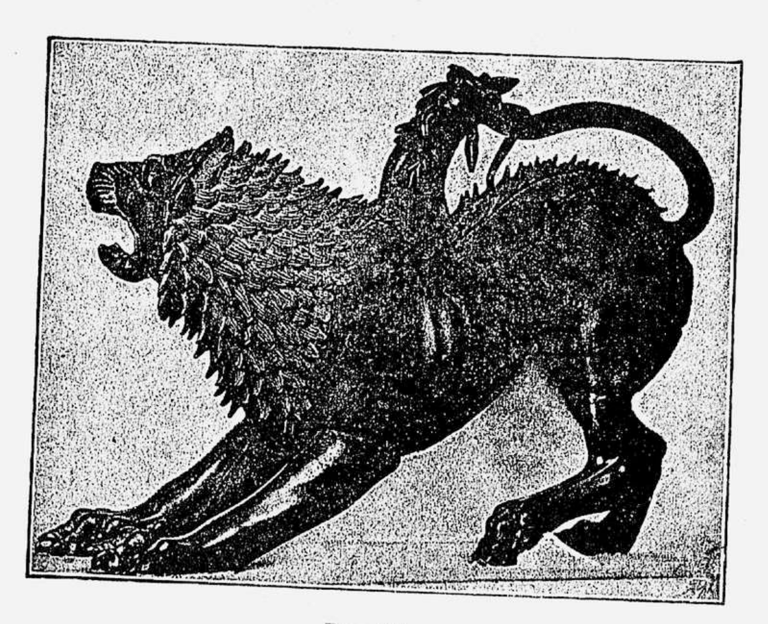


Рис. 20.

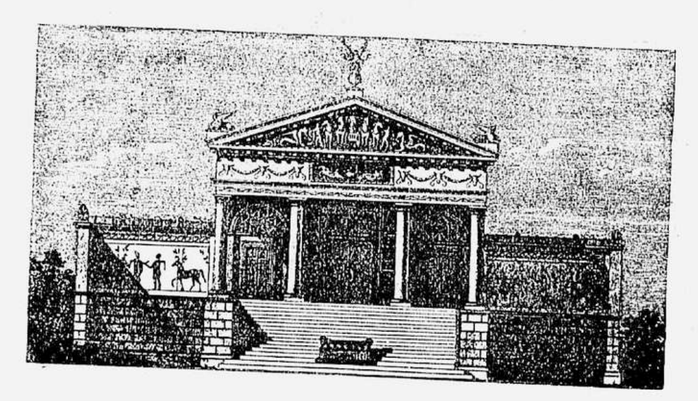


Рис. 21.

Рис. 22.

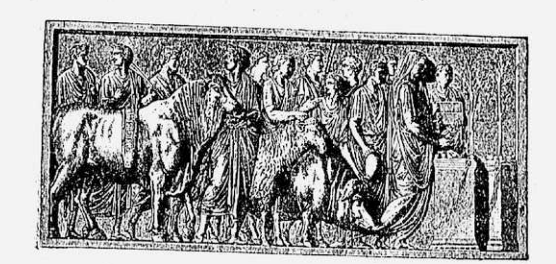


Рис. 23.

Рис, 24.

Рис. 26.

Рис. 25.

Рис. 27.

Рис. 28.

Рис. 29.

Рис. 30.

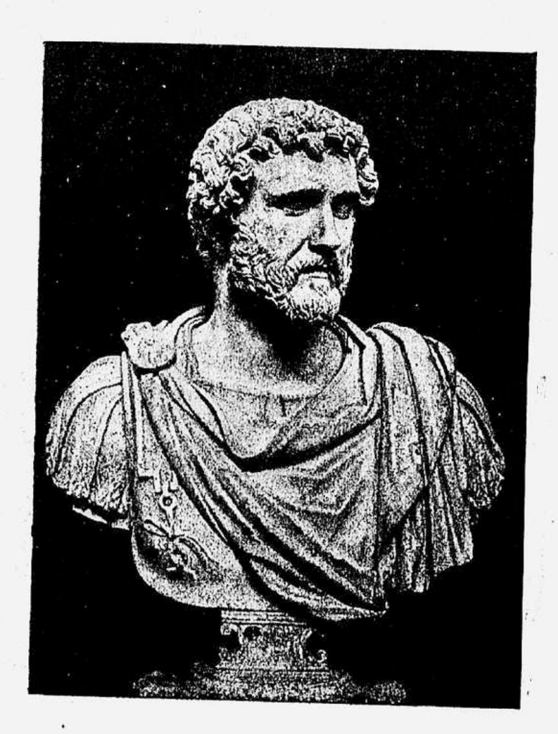


Рис. 31.

Рис. 32.

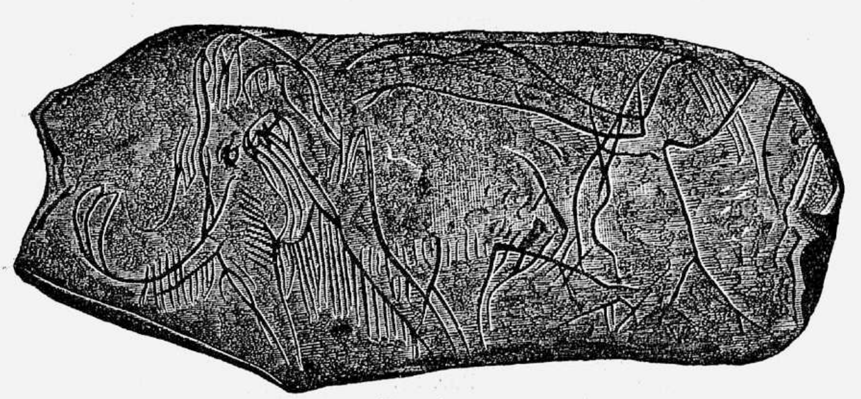


Рис. 34.

Рис. 33.

Рис. 35.

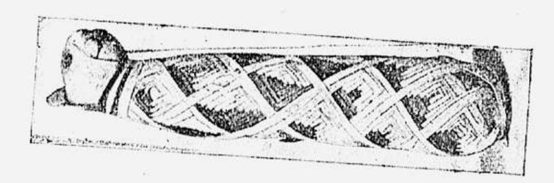


Рис. 36.

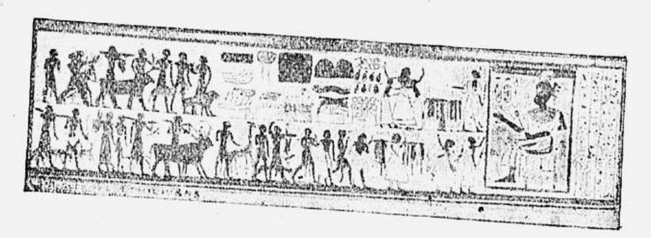


Рис. 37.

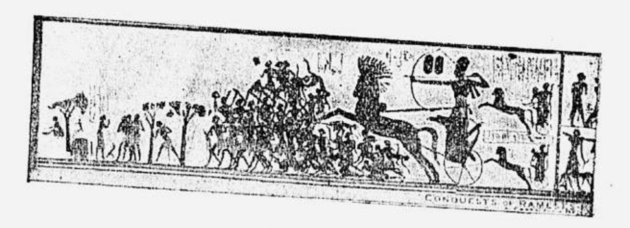


Рис. 38.

Рис. 39.

Описаніе рисунковъ.

Рис. 1. **Фигура юноши изъ Тенеи.** Мюнхенъ. Глиптотека. По оригинальной фотографіи Издательскаго Общества (Verlagsanst. f. Kunst und Wissenschaft) въ Мюнхенѣ. Архаическій греческій стиль.

Изъ Малой Азіи перешелъ на греческіе острова и на континентъ въ Элладу типъ нагого юноши. Подобныя фигуры прежде называли именемъ Аполлона, но архаическое искусство знало лишь одинъ общій типъ, примѣнявшійся къ разнымъ богамъ, къ статуямъ атлетовъ и къ надгробнымъ фигурамъ. Тенейская фигура юноши одна изъ извѣстнѣйшихъ въ этомъ родѣ.

Рис. 2. **Борьба Пелея съ Аталантой** (аркадской). Примѣръ черныхъ фигуръ на сосудахъ. Архаическая греческая керамика. Старикъ Пелей (бѣлый цвѣтъ его головы обозначаетъ не головной уборъ, а сѣдины) борется съ Аталантой, которая изображена, какъ всѣ женщины этого стиля, съ бѣлымъ цвѣтомъ тѣла. Борьба происходитъ на погребальныхъ играхъ. Борющіеся прижались другъ къ другу лбами; Аталанта нажимаетъ голову Пелея внизъ, чему онъ напрасно пытается противодѣйствовать, держа ея правую руку. Побѣда остается за Аталантой. На землѣ лежитъ Мелеагръ, незадолго передъ тѣмъ повергнутый Пелеемъ. Теперь съ изумленіемъ онъ видитъ, что Аталанта (его возлюбленная) побѣждаетъ его побѣдителя. Налѣво блюститель борьбы съ двумя жезлами, направо слуга.

Рис. 3. **Наѣздникъ, показывающій разныя штуки.**

Рис. 4. **Женская фигура архаическаго стиля изъ аѳинскаго Акрополя. Аѳины. Акропольскій музей. Съ оригинальной фотографіи.** Фигура эта принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ находокъ, составляющихъ плодъ раскопокъ, произведенныхъ въ февралѣ 1884 года. Всѣ найденныя при этомъ архаическія фигуры изображены одѣтыми. Костюмъ замѣчателенъ: нижнюю часть образуетъ длинный іонійскій полотняный хитонъ, далѣе опускающійся ниже пояса хитонискъ, на плечахъ гиматіонъ. Головной уборъ весьма вычурный.

Рис. 5. **Мальчикъ, вынимающій занозу.** Бронзовая фигура. Римъ, Капитолій, съ оригинальной фотографіи. Статуя переходной эпохи (временъ Кимона) не представляетъ еще чистаго жанра. Это—тріумфальная статуя мальчику, одержавшему побѣду на состязаніи въ бѣгѣ и при этомъ занозившему ногу. Послѣдній остатокъ архаизма виденъ въ томъ, что длинные

локоны не падаютъ внизъ на лицо, какъ должно было бы быть при данномъ положеніи фигуры, и движеніе фигуры нѣсколько угловато.

Рис. 5. **Статуя Аѳины,** снимокъ съ Аѳины Парѳеносъ (Дѣвственницы) Фидія. Эпоха Перикла.

Рис. 6. **Раненая амазонка.** Античная мраморная копія бронзовой статуи Поликлета. Берлинъ, Королевскій Музей. Съ оригинальной фотографіи. Эпоха Перикла. По разсказу Плинія, Поликлетъ, Фидій, Крезилай и Фрадмонъ состязались между собою, причемъ всѣ изваяли по статуѣ амазонки для храма Артемиды въ Эфесѣ. Послѣ выставки статуй, сами художники должны были рѣшить, кто изваялъ лучшую. Каждый изъ четырехъ присудилъ себѣ первую премію, но только одному Поликлету всѣ его соперники присудили вторую премію, откуда ясно, что статуя Поликлета была лучше прочихъ. Новѣйшимъ ученымъ не удалось установить тожества трехъ другихъ амазонокъ, но относительно статуи Поликлета не можетъ быть сомнѣнія. Амазонка Поликлета ранена въ правую грудь, а не въ голову, какъ можно было бы думать при поверхностномъ разсмотрѣніи. Эта амазонка далеко красивѣе другой, находящейся въ лучшей копіи въ Капитолійскомъ Музеѣ (къ тому же плохо реставрированной), принадлежащей, быть можетъ, Крезилаю. Амазонка изъ Геркуланума едва-ли принадлежитъ Фидію, какъ иногда это утверждаютъ.

Рис. 7. **Александровская битва.** (Сраженіе Александра съ Даріемъ). Мозаичная картина въ Помпеѣ.

Рис. 8. **Ваза съ красными фигурами.** Бой Аполлона съ великаномъ Титіосомъ. Изъ книги Коллиньона «Греческая археологія».

Рис. 9. **Коринѳскій капитель.** Въ памятникѣ Лизикрата въ Аѳинахъ. Съ оригинальнаго рисунка.

Рис. 10. **Афродита книдская** (Венера). Ватиканъ. Копія съ книдской статуи Праксителя.

Рис. 11. **Торсъ Эроса** Праксителя. Ватиканъ.

Рис. 12. **Медицейская Венера.** Флоренція.

Рис. 14. **Каллимахъ.** (Александрійскій поэтъ). Бронзовая фигура.

Рис. 15. **Такъ называемая Фарнезская Флора.** Неаполь.

Рис. 16. **Женская одежда въ древней Греціи.**

Рис. 17. **Этрусская постель съ супружеской четой.** Глиняный саркофагъ изъ Цэре. Парижъ. Лувръ.

Рис. 18. **Борцы.** Стѣнная картина въ Tomba degli Auguri подлѣ Корнето. Этрусская живопись.

Рис. 19. **Этрусская танцовщица.** Стѣнная картина изъ Корнето.

Рис. 20. **Химера.** Знаменитая этрусская бронза изъ Ареццо.

Рис. 21. **Этрусскій храмъ.** Реконструкція Земпера.

Рис. 22. **Римская супружеская чета.**

Рис. 23. **Жертвоприношеніе.** (Суоветаврилія). Рельефъ. Лувръ.

Рис. 24. **Лавка булочника.** Стѣнная картина въ Помпеѣ.

Рис. 25. **Геній императора Августа.** Статуя въ Ватиканѣ.

Рис. 26. **Мадонна.** Стѣнная живопись въ катакомбахъ Присциллы.

Рис. 27. **Добрый пастырь.** Стѣнная живопись въ катакомбахъ Св. Агнесы.

Рис. 28. **Императоръ Тиберій** (Тиверій).

Рис. 29. **Философъ Сенека.** Мраморный бюстъ. Берлинъ.

Рис. 30. **Греческій трагическій актеръ.** (Фигурка слоновой кости).

Рис. 31. **Антонинъ Пій.** Мраморный бюстъ. Неаполь.

Рис. 32. **Ночные гости у Геркулеса.** Сатирическая театральная сцена. Ваза изъ Адерно.

Рис. 33. Попытка реставраціи неандертальскаго типа.

Рис. 34. Первобытная живопись: рисунокъ мамонта на клыкѣ.

Рис. 35. Первобытная живопись: рисунокъ сѣв. оленя.

Рис. 36. Египетская мумія: кошка.

Рис. 37. Египетская живопись: Военная добыча.

Рис. 38. Египетская живопись: побѣда Рамзеса.

Рис. 39 Египетскій богъ Весъ или Беса (керамическое изображеніе).

ЖУЧКА. Разсказъ для дѣтей изъ деревенской жизни. Находка.—Назаръ и раненый солдатъ.—
Друзья дѣтей.—Хижины.—Встрѣча образа.—Пастухъ.—Жучка пропала.—Богомолье.—
Возвращеніе въ Лебяжье.—3-е изданіе. Милордъ и Горгона. Разсказъ. Съ раскрашенными рисун. въ
папкѣ. 215 стр. Ц. 1 руб.

ЗВѢЗДОЧКИ. Повѣсти и разсказы для дѣтей. Матрена Карповна съ семействомъ.—Слово и
дѣло.—Контрабасъ.—Изъ моихъ юношескихъ воспоминаній.—Пара голубей.—
Три сестры.—Почтовыя марки (фантастическій разсказъ). Съ раскрашенными картинами, въ папкѣ,
3-е изданіе. Спб. Ц. 1 р.

СЕЛЬЦО ЛЕБЯЖЬЕ. Повѣсть для дѣтей изъ деревенской жизни. 1. Сельце Лебяжье.—
2. Пріѣздъ помѣщика.—3. Савельевна и Яша.—4. Деревня.—5. Моли-
тва и крестный ходъ.—6. Птичій дворъ, парники и озеро.—7. Необыкновенное происшествіе.—8. Болѣзнь
Яши.—9. Испытаніе, конопли и сѣнокосъ.—10. Буря. Татаринъ съ лошадью.—11. Звѣздочка и зайчики.—
12. Гости.—13. Пожаръ и подвигъ Яши.—14. Бухало.—15. Пчелы.—16. Спасъ.—17. Поводильщики съ
медвѣдемъ.—18. Помочь.—19. Деревенскій праздникъ.—20. Отъѣздъ изъ Лебяжьяго. Съ раскрашенными
и черными картинами, въ папкѣ. 284 стр. 3-ье изданіе. Ц. 1 р.

ПОНИ. Приключеніе Эмскаго осла. Повѣсть для дѣтей. Съ разсказами: Голенькій охъ, за голенькимъ
Богъ.—Дѣти натуралисты.—Смѣтливый мальчикъ.—Георгіевскій крестъ.—У страха глаза
велики. Съ рисунк., въ папкѣ, 223 стр. Ц. 1 р. 3-ье изданіе.

СКАЗКИ ДЛЯ ДѢТЕЙ. А. Г. Сахаровой, съ рисунками художника Овсянникова, въ
красивой папкѣ, Спб. Ц. 1 р. 25 к. Крошка Май. Волшебное
зернышко. Волшебный молотъ. Царевна Неулыба. Царевна Жемчужинка. Неожиданный гость. Сердце
поэта. Живая вода. Пѣсня падающихъ листьевъ. Фея Слезинка. Царевна Невидимка. Фонарь дѣдушки
Никса. Какъ родится ландышъ. Въ царствѣ Феи гармоніи.

ОХОТНИЧЬИ РАЗСКАЗЫ. Собранныя Полемъ Беромъ для дѣтей средняго возраста
переводы О. М. Мижуевой, съ рисунками Т. Никитина, въ
красивой папкѣ. Спб. Ц. 1 р. 20 к. **Сѣверный полюсъ.** Бѣлый медвѣдь. Во льдахъ. Въ погоню за бѣлымъ
медвѣдемъ. Какъ ловятъ китовъ. Охота на моржей. **Африка.** На волосокъ отъ смерти. Печальное
окончаніе охоты. Охота на гориллу. Неукротимая маленькая обезьяна. Забавная обезьянка. Среди
нѣсколькихъ сотъ слоновъ. Охота на слона. Опять слоны. Необыкновенный способъ охоты на слона.
Охота на носорога. Охота на гиппопотама. Охота на льва. Еще охота не льва. Царь звѣрей. Охота
на пантеру. **Азія.** Необыкновенная встрѣча. Какъ лаосы охотятся на носорога. Охота на тигра. Тра-
гическое происшествіе. Какъ ловятъ тигра живьемъ. Укротители змѣй. Соколиная охота. Дикій якъ.
Америка. Неустрашимая амазонка. Сѣрый медвѣдь. Лѣнивецъ. Кондоръ. Какъ ловятъ кондоровъ.
Кайманъ. Какъ охотятся за кайманами. Встрѣча съ удавомъ. Ягуаръ и боа. Охота за черепахами.
Австралія. Охота на кенгуру.

„МЕРТВЫЯ ДУШИ“. 104 рисунка въ поэмѣ Гоголя. Рисовалъ художникъ Агинъ, гра-
вировалъ Бернадскій. Спб., 1894 г. 4-ое изд. (большой альбомъ),
напечатанный на толстой бумагѣ. Ц. 1 р. 75 к. Альбомъ этотъ нуженъ всѣмъ лицамъ, когда либо про-
читавшимъ сочиненіе Гоголя „Мертвыя души“. Рисунки есть иллюстрація этого великаго произведенія.
Изданіе книгопродавца В. И. Губинскаго 1894 г.

ЮНОСТЬ ЗНАМЕНИТЫХЪ ЛЮДЕЙ. Соч. Е. Мюллеръ. Переводъ съ французскаго
В. Владимірова. Спб., 1897 г. Съ портретами
и рисунками. Ц. 1 р. Бесѣды талантливаго дѣтскаго писателя Евг. Мюллера о юности великихъ людей
даютъ интересную и полезную книжку. ее будутъ читать съ удовольствіемъ, въ этомъ порукою
можетъ быть то, что книжка замѣчательна и по богатству содержанія вообще, и по трогательности
изложенія, чуждой, однако, всякой слащавости и сентиментальности, которая никогда не пользовалась
и не пользуется симпатіями юныхъ читателей. Правда, устарѣла нѣсколько самая форма повѣствова-
нія,—въ видѣ разсказа или, точнѣе говоря, бесѣды дядюшки „по вечерамъ съ небольшимъ кружкомъ
дѣтей“ (какъ выражается въ своемъ предисловіи г. редакторъ перевода): такая форма и въ основѣ
своей, конечно, тривіальна, да и порядочно-таки заѣзжена въ наши дни, но это не особенно важно
и къ тому же вполнѣ искупается недюжинною талантливостью автора. Въ новомъ изданіи добавлены
портреты героевъ повѣствованія, что, разумѣется, не только вполнѣ умѣстно, но и во многомъ спо-
собствуетъ къ оживленію и къ уясненію текста. „Міровые Отголоски“. 293 стр.

ДѢВОЧКА-РОБИНЗОНЪ. Исторія маленькой сиротки. Соч. Евгеній Мюллеръ. Съ 25 рис.
Перевелъ съ французск. В. Д. Владиміровъ. 1897 г. Ц. 1 р.
Содержаніе: Ч. I. Чужая.—За ягодами.—Око за око.—Гостья.—Исповѣдь.—Киданіе жребія.—Тщетная
надежда. Ч. II. Свободная.—У госпожи Бюрель.—У господина Гюро.—Спустя четыре мѣсяца.—Ночной
разговоръ.—Куда они пошли?—Маленькая защитница.—Неудачная месть. Ч. III. Странный ребенокъ.—
У маленькой Мари.—Зимою.—Весна.—Сплетни.—Владѣлецъ.—Робинзонетта. Ч. IV. За кѣмъ побѣда?—
Два празднества.—Бѣдняга и бѣдняжка. Аукціонъ.—Да здравствуетъ Робинзонетта!—Заключеніе. 266 стр.

КНИГА ЧУДЕСЪ. Разсказы для дѣтей изъ миѳологіи. Сост. Н. Готорнъ, перев. М. Лазаревой.
съ рисунками, отпечатанными въ два тона, Спб., 2-е изданіе. 1897 г.
346 стр. Ц. 1 р. 25 к. Книга первая: 1. Голова Горгоны.—2. Золотое Прикосновеніе.—3. Дѣтскій Рай.—
4. Три Золотыхъ Яблока.—5. Чудесная кружка.—6. Химера. Книга вторая: 1. Минотавръ.—2. Пигмеи.—
3. Драконовы Зубы.—4. Дворецъ Цирцеи.—5. Похожденіе Прозерпины.—6. Золотое Руно.

ЛАЗУТЧИКЪ. Сочиненіе Франца Гофмана. На дальномъ сѣверѣ.—На возвышенности корро.
Три разсказа Франца Гофмана. Спб., 1897 г., 375 стр. въ красивой папкѣ и съ
картинами. Ц. 1 р. 25 к. Оглавленіе: I. Лазутчикъ.—Каторжникъ.—Благородное сердце.—Во время
войны.—Повѣсть его.—Возвращеніе домой. II. На дальнемъ сѣверѣ.—Бригъ Элегенъ.—Ожиданіе.—
Дальше къ сѣверу.—Слѣды.—Зимняя стоянка.—Поѣздка на саняхъ.—Пріятныя и непріятныя стороны
зимы и пр. III. На возвышенности корро.—Испытаніе.—Родникъ.—Гіены и шакалы.—Слоны.—Какъ
стелютъ постель слону.—Дикіе ослы и собаки.—Доброе дѣло не пропадаетъ.—Возвращеніе на родину.

Дозволено цензурою. Спб., 5 Октября 1898 г. Типографія И. Н. Сойкина, Стремянная, 12.